

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

А. В. СУХАРЕВ

**ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА
В ПСИХОЛОГИИ**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2008

УДК 159.9

ББК 88

С 91

Рецензенты:

доктор психологических наук, член-корреспондент РАО,

профессор *В. И. Слободчиков*

доктор психологических наук,

профессор *В. К. Шабельников*

Научный редактор:

кандидат философских наук *И. А. Джидарьян*

Сухарев А. В.

С 91 Этнофункциональная парадигма в психологии.

– М.: Изд-во «Институт

психологии РАН», 2008. – 576 с.

ISBN 978-5-9270-0135-4

В настоящей работе рассматриваются возможности применения авторской этнофункциональной методологии в области воспитания, психотерапии, информационной безопасности и др., на основе которой строятся соответствующие методы работы, позволяющие системно учитывать этническую, культурную и экологическую неоднородность общества и личности. Новизна и широта возможных применений этнофункциональных гуманитарных технологий обеспечиваются опорой на базовый принцип этнофункциональности и смежные с ним принципы этнофункционального развития, детерминизма и этнофункционального единства микро- и макрокосма, существенные для понимания проблем личности в условиях современного «этнокультурно мозаичного» мира. В работе изложены основные теоретические положения данного подхода и результаты конкретных прикладных исследований. Книга может быть полезна студентам, аспирантам и научным сотрудникам: психологам, педагогам, медикам, а также историкам, этнологам, культурологам и представителям других наук о человеке.

© Институт психологии Российской академии наук, 2008

ISBN 978-5-9270-0135-4

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	13
Раздел I	
Этнофункциональный подход: теоретические основания	
Глава 1	
Этническая и этнофункциональная парадигмы в психологии	
I.1 Понятие этничности в современной науке	27
I.2 Этническая парадигма. Различия в понимании этнометодологии	32
I.3 Этнофункциональная парадигма. Этносреда и система этносред (этносфера)	34
I.4 Этническая функция элементов ментальности личности и этносреды	45
I.5 Этническая функция ведущего эмоционального состояния	48
I.6 Отношение к образам природы и его роль в адаптации личности	50
I.7 Понятия этноида, этнической идентичности и процесса этнической идентификации	51
I.8 Этнофункциональный подход к эндо – и экзопсихике. Проблема психического вырождения с позиций этнофункционального подхода	54

ГЛАВА 2

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В ИЗУЧЕНИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

2.1	Некоторые историко-психологические предпосылки этнофункционального подхода к развитию личности	63
2.2	Философские основания этнофункциональной парадигмы в изучении развития личности	65
2.3	Методологические основы этнофункционального подхода к изучению человека и личности	71
2.4	Этнофункциональная архегения личности и этносреды	83
2.5	Человек, личность, психическая адаптация и энергетический потенциал	93
2.6	Этнофункциональная теория развития личности и его нарушений	97
2.7	Этнофункциональный подход к взаимосвязи творчества, воспитания и психотерапии	117

Раздел II

Эмпирические основания этнофункционального подхода в психологии

ГЛАВА 3

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНСТАТИРУЮЩИХ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1	Методология и методы этнофункционального исследования	123
3.2	Полевое этнофункциональное исследование «пространственных» характеристик этноида	137
3.3	Исследование «пространственных» характеристик этноида в клинике	146
3.4	Связь нарушений этнофункционального развития личности у рожениц с пренатальной («доисторической») стадией развития младенца	159
3.5	Исследование оптимальных возрастных границ некоторых стадий этнофункционального развития личности («временных» характеристик этноида)	163
3.6	Связь «временных» и «пространственных» характеристик этноида	175
3.7	Эмпирическое исследование связи нарушений этнофункционального развития личности и типа ведущего аффекта в клинике депрессивных расстройств	177

3.8	Связь нарушений этнофункционального развития личности с химической зависимостью от некоторых наркотических средств и психоактивных веществ	193
3.9	Особенности деформации этноида у лиц, употребляющих марихуану	203
3.10	Связь нарушений этнофункционального развития личности с дезадаптированностью в позднем возрасте	207

Глава 4

Этнофункциональная психотерапия. Результаты формирующих экспериментальных исследований

4.1	Общие принципы этнофункциональной психотерапии	209
4.2	Эффективность этнофункциональных коррекционных занятий с младшими дошкольниками	238
4.3	Эффективность этнофункциональных коррекционных занятий в младшем школьном возрасте	243
4.4	Исследование роли содержания этнофункциональных воспитательных и коррекционных воздействий на детей и подростков	249
4.5	Этнофункциональная психопрофилактика наркоманий и алкоголизма среди молодежи	259
4.6	Эффективность этнофункциональной психотерапии в детской и подростковой онкологии	269
4.7	Этнофункциональная психопрофилактика легкой умственной отсталости у дошкольников	282
4.8	Сравнительное исследование эффективности этнофункциональной психотерапии и фармакотерапии депрессивных расстройств у взрослых	303

Глава 5

Клинико-психологические исследования эффективности этнофункциональной психотерапии. Этнофункциональная психотерапия и реабилитация в наркологии

5.1	Этнофункциональная психотерапия эмоционально-поведенческих расстройств и задержки психического развития у детей	310
5.2	Этнофункциональная психотерапия депрессивных расстройств у взрослых	318
5.3	Общие принципы этнофункциональной психотерапии в наркологии	329
5.4	Некоторые практические рекомендации по этнофункциональной психотерапии наркотических зависимостей	350

Раздел III

Этнофункциональный анализ психологических кросскультурных феноменов в современном мире

Глава 6

Этнофункциональный анализ современного кризиса культуры

6.1	Кризис современной культуры
и его переживание человеком	363
6.2	Информационный аспект кризиса
современной культуры	376
6.3	Этническая функция информационных фильтров	379
6.4	Этнофункциональный подход к анализу
кризиса идентичности	381
6.5	Роль этнической функции личностной идентичности
в условиях культурно-исторических кризисов	384

Глава 7

Этнофункциональный анализ результатов кросскультурных исследований в психологии, психиатрии и психотерапии

7.1	Этнофункциональный анализ кросскультурных
исследований в психологии	386
7.2	Исследования в области психологической
и культурной антропологии	389
7.3	Кросскультурные исследования в психиатрии	392
7.4	Кросскультурные аспекты психотерапии	395
7.5	Этнофункциональный анализ исследований
кросскультурных аспектов депрессий	403
7.6	Депрессивные расстройства как проявление
переживания человеком изменений
его отношений к этническим признакам	407

Раздел IV

Этнофункциональный анализ проблем образования и информационной безопасности

Глава 8

Этнофункциональный подход к информационной безопасности в образовании

8.1	Этнофункциональный смысл геополитики
в образовании | 417 |
|-----|---|-----|

8.2	Информационная безопасность и этнофункциональный подход в исторической психологии	420
8.3	Этнофункциональное исследование возникновения эмиграционных намерений	428
8.4	Связь криминального поведения у молодежи с нарушениями этнофункционального развития личности	431
Глава 9		
Этнофункциональный подход к психологии образования		
9.1	Основные положения этнофункциональной концепции воспитания и обучения человека	437
9.2	Этнофункциональная специфика современной культурно-исторической ситуации в России. Проблема языка и культуры в образовании	442
9.3	О согласовании русской и других национальных культур в системе образования	447
9.4	Экспериментальное исследование некоторых особенностей формирования этнической идентичности в национально ориентированных учебных заведениях	456
9.5	Связь этнофункционально согласованного содержания гуманитарного компонента образования с психической адаптированностью школьников	458
9.6	Влияние этнофункционально согласованного содержания гуманитарного компонента образования на психическую адаптированность студентов	462
9.7	Общие рекомендации по этнофункциональному структурированию содержания образования в России	467
Заключение		472
Словарь основных понятий, используемых в работе		475
Литература		486
Приложение 1		519
Приложение 2		532
Приложение 3		534
Приложение 4		573

«И рассеял их Господь оттуда по всей земле:
И они перестали строить город и башню.
По сему дано ему имя: Вавилон, ибо там
смешал Господь языки всей земли
и оттуда рассеял их Господь по всей земле».

Быт. XI: 8–9

«И другой Ангел следовал за ним, говоря:
пал, пал Вавилон, город великий,
потому что яростным вином
блуда своего напоил все народы».

Откр. XIV: 8

«Человечество – это народы».

Ю. В. Бромлей

ВВЕДЕНИЕ

С древнейших времен проблема смешения и расселения народов в кризисные периоды истории обладает непреходящей актуальностью. Один из первых исторических примеров здесь – образ Вавилонской башни, которая, будучи символическим «центром всех племен и в то же время знаком их равенства», одновременно являлась символом человеческой гордыни (Библейская энциклопедия, 1990, с. 103). Заметим, что в метафоре «Вавилонской башни» достаточно отчетливо просматриваются контуры ряда современных проектов глобализации, развязка же ситуации «вавилонского столпотворения», описанная в Библии, может служить одним из начальных пунктов анализа в русле этнофункционального подхода.

В настоящей работе проблема смешения народов, религий, культур рассматривается в психологическом аспекте и предполагает ответы на вопрос о том, как «этнокультурная мозаичность» (В. А. Тишков) современного человечества «преломляется» в личности и в умонастроении общества с учетом имеющихся результатов научных исследований в области антропологии, этнологии, психологии и других наук о человеке – при сохранении, по возможности, того нравственного смысла, который заложен в Библии, главным образом в Новом Завете.

Современный этап исторического развития, по мнению многих философов, ученых, а также деятелей литературы и искусства, характеризуется нарастанием страха перед надвигающейся экологической катастрофой, перенаселенностью планеты, эпидемиями неизлечимых болезней и пр. В силу этих и ряда других причин усиливаются чувства необъяснимой тревоги, неуверенности в завтрашнем дне,

переживания бессмысленности существования. Нередко важные жизненные решения многими людьми принимаются под влиянием апокалиптических настроений, ожидания конца света или грядущих невзгод. Эти переживания связаны у большинства людей с осознанием общего падения нравов, которое наблюдается не только в сфере высших ценностей, но и в конфликтных взаимодействиях и раздорах между традиционными типами верований и внутри них, в активизации различных сект. И не только обычными людьми, но и философами, учеными, писателями эти процессы часто воспринимаются как всеобщий кризис, переломный момент истории.

Во всем разнообразии проявлений кризиса современной цивилизации необходимо выявить наиболее важные или смыслообразующие факторы, определяющие направление культурно-исторического развития в настоящий исторический момент, а также содержание и динамику его переживания человеком.

Обращает на себя внимание тот факт, что с конца 70-х годов XX в. в отечественных и зарубежных исследованиях отмечается возрастание роли этнических факторов в жизни как общества в целом, так и отдельного человека. Роль модели, объясняющей поведение личности и общества в различные исторические моменты, была показана Э. Эриксеном (1975). Для современной эпохи «болевым точкой» и, по нашему убеждению, одним из смыслообразующих факторов в поведении современного человека выступает этничность. Это понятие, на наш взгляд, является центральным концептом «теорий среднего уровня» Р. Мертона (Merton, 1968), к которым можно отнести все теории, построенные на этнофункциональной методологии. Такие теории позволяют связать частные и эмпирические факты и закономерности с философскими, богословскими, социологическими, психологическими концепциями высокого уровня абстрагирования. В связи со сказанным базовой наукой в нашей парадигме (см. Шихирев, 1998) является этнология. В современной науке этничность человека может характеризоваться тремя группами не абсолютных, но соотносительных (Бромлей, 1983) признаков: климато-географическими, расово-биологическими и культурно-психологическими. В аспекте развития (в этногенезе) Л. Н. Гумилев (1990) рассматривал этнические признаки как параметры; аналогично могут рассматриваться параметры онтогенеза человека и личности. В соответствии с этнической парадигмой, понимаемой как представление о приоритете этнических форм общности в жизни людей (Козлов, 1995, с. 95), эти признаки мы рассматриваем как *элементы* внутренней (психика, антропо-биологические

характеристики человека), внешней (социокультурное и природное окружение) и «трансцендентной» (образы Бога и мира духов в целом) сферы человека, которую мы называем *этносредой* (понятие, по определению, более широкое, чем «этнос» или «культура»).

Не только культура, как это представлялось ранее (Бромлей, 1983), но все элементы этносреды в нашем подходе наделяются *этнодифференцирующей и (или) этноинтегрирующей функцией*. Любой элемент этносреды в связи с этим либо интегрирует, либо дифференцирует человека с тем или иным этносом или этнической системой. Применение понятия этнической функции к развитию и функционированию личности осуществляется в ходе реализации нового методологического подхода в психологии, который мы называем *этнофункциональным*. Важно подчеркнуть, что то или иное отношение к этносреде (или ее элементам), прежде всего *образное* содержание этих отношений (образная сфера личности – понятие А. А. Гостева, 2007) может играть существенную роль в психической адаптации человека.

Интегрирующее или дифференцирующее значение при этом может иметь, например, отношение к определенному типу питания, расово-антропологическим особенностям (предпочтение человеком тех или иных внешних антропотипических признаков при выборе брачной пары и пр.). Важнейшую системообразующую функцию в психической адаптации и развитии личности выполняет образное содержание ее отношений к ландшафтно-климатическим элементам этносреды и их трансцендентным прообразами (духам природных явлений и стихий). Если человек предпочитает для постоянного места жительства тропики, где нет зимы, то это отношение объединяет его с народами, проживающими в тропиках, и дифференцирует с народами, живущими, например, в Северной Европе. Если же, в частности, человек родился и проживает в Рязанской области, но не переносит зиму и хочет, «чтобы ее не было», то это отношение требует от него гораздо больших адаптационных усилий для ассимиляции его в систему отношений личности, чем отношение «я люблю зиму». Такие усилия могут чрезмерно астенизировать психику человека, что в определенных случаях создает условия для возникновения психических расстройств или отклонений в поведении (в широком смысле).

Основным предметом нашего внимания являются те психологические трудности, которые возникают у людей в атмосфере всеобщего смешения и рассеяния народов и, как следствие, смешение нравственных норм, культур, ценностей в современном информационном обществе, а также поиск выхода и способов преодоления

все нарастающих трудностей. Огромную роль здесь играет развитие различного рода информационных средств: Интернета, телевидения, печати, – а также легкость использования современных транспортных коммуникаций. В целом рассеяние и смешение народов обусловлено нарастанием глобализационных процессов: экономических, культурных, языковых объединений людей, а также повсеместных военных угроз и конфликтов.

В дополнение к этнической (типологической) парадигме (в соответствии с принципом дополнительности Н. Бора) мы вводим *этнофункциональную парадигму*, учитывающую «этнокультурно-мозаичную» специфику современной культурно-исторической ситуации. Чем менее однородна этносреда (т. е. чем больше в ней этнодифференцирующих элементов), тем более правомерна для изучения человека и общества этнофункциональная парадигма и тем менее – этническая. Строго говоря, этническая (типологическая) парадигма является частным случаем парадигмы этнофункциональной, при количестве этнодифференцирующих элементов системы стремящемся к нулю. В условиях современного «поликультурного» общества, этнофункциональная парадигма более адекватна для изучения проблем «цивилизованного» человека. Этническая парадигма в науке, в свою очередь, более приемлема при изучении относительно однородных этносред (например, исследования этнических изолятов в Южной Америке, Новой Гвинее и др.).

Этнофункциональный подход в психологии мы рассматриваем как реализацию в данной области этнофункциональной парадигмы, опирающейся на следующие методологические принципы:

– *Принцип этнофункциональности.* Это базовый принцип этнофункциональной парадигмы, на основе которого все составные элементы этносреды рассматриваются с точки зрения их этнической функции. В психологии с позиций данного принципа рассматриваются элементы образной сферы личности, ее отношения, социальные представления, содержание стадий и этапов развития личности и общества.

– *Принцип этнофункциональной системности.* Согласно этому принципу, природно-биологические, культурно-психологические и трансцендентные (духовные) элементы этносреды (и человека) находятся в неразрывной взаимосвязи, а ее нарушение обуславливает разрушительные для данного человека, его личности и этнической системы в целом процессы.

– *Принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма* отражает аналогию в структуре и общего плана развития личности

и этносреды. Данный принцип введен нами как методологическая основа для изучения взаимосвязи развития человека, личности и этносреды.

– *Принцип этнофункционального развития.* В соответствии с данным принципом, содержание и последовательность стадий развития здорового человека и его личности в природно-биологическом и психическом и духовном аспектах в идеале соответствует содержанию и последовательности этапов исторического развития этносреды его рождения и проживания.

– *Принцип этнофункциональной субъектности* означает, что как личность, так и этносреда обладают своей духовной сущностью и, соответственно, иницирующей активностью деятеля (личность является подсистемой этносреды). Не каждая личность обладает субъектной активностью, как и не каждая общественная система или этносреда является субъектом исторического развития; принцип субъектности в качестве методологического в психологии разрабатывается К. А. Абульхановой-Славской.

– *Принцип этнофункционального детерминизма* означает, что те или иные конструктивные или деструктивные процессы в структуре и развитии человека и личности в системе этносреды в определенной мере обусловлены нарушением или восстановлением целостности культурно-психологических и трансцендентных элементов этносреды, а также процесса ее развития, например, в форме кризисов. Правомерным является также и обратное утверждение.

Здесь следует уточнить смысл понятий «связь», «условие» и «причина» используемых в работе. Мы придерживаемся положения о том, что все явления психики (а также психосоматические) являются полидетерминированными. Когда мы говорим о связи явлений, то имеется в виду возможность построения гипотезы об их взаимной обусловленности, т. е., например, о наличии достоверной вероятностной связи между изменением первого (предполагаемым аргументом) явления с закономерным изменением второго (предполагаемой функцией). Доказательство наличия такой связи в констатирующих экспериментах мы рассматриваем в строгом смысле как «прямую теорему» о необходимости данной связи. Для доказательства обусловленности одного явления другим мы дополнительно используем формирующий (коррекционный, психотерапевтический и т. п.) эксперимент, где, по сути, меняются местами аргумент и функция. Если при наличии необходимой связи между первым и вторым явлениями изменения, к примеру, второго явления достоверно связаны с изменениями первого, то мы считаем в данном

случае доказанной «обратную теорему» о достаточности и говорим об обусловленности первого явления вторым (т. е. первое явление в определенных рамках является функцией второго). Говорить о причинах (как условиях, на 100 % приводящих к определенному результату) в области психологии, на наш взгляд, в подавляющем большинстве случаев представляется неправомерным по сравнению, например, с преобладающим количеством экспериментов в физике или, например, биологии. Наши исследования выявляют только одну группу условий тех или иных явлений – их детерминацию этнофункциональными факторами и параметрами, являющимися лишь методологически наиболее актуальными на современном этапе культурно-исторического развития.

Одно из основных положений этнофункционального подхода – представление об *этнофункциональных рассогласованиях* (осознанных или неосознанных) элементов этносреды, т. е. элементов, которые имеют взаимно этнодифференцирующую функцию.

Этнофункциональная методология в психологии в настоящее время реализуется в форме определенных принципов, теорий, концепций и эмпирических исследований (Сухарев и др., 1993–2008). Основой этнофункционального подхода является концепция психического и духовно-нравственного развития как *этнофункциональной архегении личности и этносреды*, опирающейся на введенное нами философское положение об *архегении* как идеальном прообразе развития (по аналогии с «эйдосами» Платона) который мы понимаем как *естественное* развитие. Эта концепция позволяет содержательно определить понятие психического, социального или нравственного (духовного) здоровья (нормы) не как «отсутствие патологии или отклонений», а именно как позитивное содержание психического здоровья и правильного воспитания в определенной этносреде. При этом степень отклонения от этнофункциональной архегении личности (например, как показатель психического нездоровья) может обуславливаться расхождением, с одной стороны, между идеальным прообразом содержания и последовательности этапов исторического развития определенной этносреды, определяемым в соответствии с оценками компетентных специалистов гуманитарной сферы и смежных наук о человеке (этнографы, филологи, биологи, географы, деятели литературы, искусства и т. п.) и, с другой стороны, с последовательностью и содержанием стадий реального развития личности, отчасти игнорирующего идеальный прообраз развития данной этносреды.

Преимущество предлагаемого подхода к развитию личности состоит в том, что этнофункциональные определения содержания «психического здоровья» и «правильного воспитания» не являются этноцентричными, и в них может системно учитываться специфика различных культур и этносред в целом. Большинство результатов наших экспериментально-психологических и клинико-психологических исследований, выполненных на основе этого подхода, свидетельствует о том, что особенности нарушений этнофункционального развития личности должны учитываться при осуществлении воспитательных и/или психокоррекционных воздействий.

В частности, учет этнофункционального аспекта указанных воздействий продуктивно влияет на центральный фактор развития сознания – взаимодействие «аффекта и интеллекта», являющийся «ключом» к полноценному развитию личности (Божович, 2001, с. 292, 300; Выготский, 1960, с. 60), а также на общий адаптационный потенциал личности.

Этнофункциональный подход позволяет также дать соответствующее определение понятиям «сущность» и «личность» человека, по-новому осветить связь процессов творчества, усвоения знаний в ходе образования, а также определить стратегию психотерапии через представление об *энергии личности* как способности совершения ею «работы переживания» (Ф. Е. Василюк) не только в психическом, но и в духовно-нравственном аспекте (в отличие от понятия психической адаптации).

В нашем подходе важнейшим принципом психотерапии, воспитания и психопрофилактики является выявление полноты наследования личностью в процессе развития этносреды ареала ее рождения и проживания. Условием полноты наследования этносреды является *направленность личности на идеальный прообраз развития (архегению) этносреды (архегеничная личность)*. Определение, в частности, понятия воспитания как восстановления системы отношений личности к этнофункциональной архегении ее этносреды позволяет конкретизировать для практики положение Л. С. Выготского о том, что «воспитание есть искусственное овладение *естественными* процессами развития» (Выготский, 1982, т. 1, с. 107).

Практические методы этнофункционального подхода направлены, прежде всего, на повышение степени «общей адаптированности» личности – в психологическом (психосоматическом) и нравственном (духовном) аспектах, на повышение ее энергетического потенциала, которое обеспечивается *духовным (трансцендентным) содержанием личности*, опосредствованным направленностью

личности на идеальный прообраз развития этносреды рождения и проживания. В каждой области применения этнофункционального подхода (те или иные психические или психосоматические расстройства, социальные и психолого-педагогические отклонения и т. д.) выделяются специфические этнофункциональные показатели адаптированности/деадаптированности и учитывается необходимая специфика психотерапевтических (психокоррекционных) и воспитательных воздействий.

В этнофункциональной парадигме *ведущим методом* (Шихирев, 1998) психодиагностики личности является исследование этнической функции элементов структуры и последовательности стадий развития ее образной сферы, в частности, клиническим методом *структурированного этнофункционального интервью*. Ведущим методом формирования и коррекции является, в свою очередь, *этнофункциональная психотерапия, психопрофилактика и воспитание*. Ведущим методом исследования (диагностики) ментальности (см. Гуревич, 1991, 2005), понимаемой нами как образная сфера этносреды на различных этапах ее исторического развития, является метод реконструкции (о методе см.: Кольцова, 2004а). Ментальность различных этапов этносреды, согласно принципу этнофункционального единства микро- и макрокосма, является в наших исследованиях ориентиром для формирования образной сферы личности (Гостев, 2007), в частности, в процессе воспитания на соответствующих стадиях ее развития.

Традиционно трактуемые как различные феномены *психотерапии, психопрофилактики, психологической реабилитации, воспитания и обучения* в этнофункциональной методологии теоретически (и частично эмпирически обоснованно) понимаются как различные стороны единого процесса восстановления системы отношений личности к этнофункциональной архегении ее этносреды.

В работе представлены результаты клинических, экспериментально-психологических и психотерапевтических исследований, выявляющих специфику применения этнофункционального подхода в различных областях науки и практики: в образовании (от детского сада до высшей школы), клинической психологии и психиатрии (аффективной патологии, стратегии психолого-психотерапевтического взаимодействия с психофармакологическими методами; наркологии, детской психиатрии и др.), в изучении криминального и социально отклоняющегося поведения. Рассматриваются также результаты полевых исследований, касающиеся этнофункциональных психологических аспектов снижения/повышения рождаемости. Данные

результаты подтверждают релевантность исходных положений разрабатываемой концепции.

В настоящей работе с единых теоретико-методологических позиций этнофункционального подхода рассматриваются различные практические аспекты воспитания, психотерапии, психопрофилактики, обсуждаются вопросы психологического обоснования, структуры и содержания образовательного процесса, анализируется проблема межэтнических взаимодействий и др. Рассмотрены также проблемы мультикультурного образования в России, сочетания русской и других национальных этносред в системе образования и проблема формирования национальной элиты.

Исследуются некоторые вопросы психологической *информационной безопасности* человека и общества в аспекте глобализации и геополитики (так называемый *этнофункциональный глобализм*), в частности, проблемы возникновения эмиграционных намерений в процессе этнофункционального развития личности (как основы нарастающей «утечки мозгов» из России) и криминального поведения.

Этнофункциональная парадигма является современной операционализацией «гуманитарного подхода». Этот подход в последнее время именовался в психологии «культурным» и «кросскультурным», по выражению Виттковера и Варнса, с конца XX в. они являются для психотерапии тем, чем являлась для медицины «биологическая модель». Это знаменует переход от «психофизиологического» мышления в рамках «нейромедиаторов, генов, РНК, гормонального уровня и пр.» к культурному и кросскультурному объяснительному принципу явлений человеческой психики (Wittkower, Warns, 1980, S. 312–319).

Особенностью применения этнофункциональной парадигмы в психологии является то, что она, прежде всего, направлена на разработку и обоснование «гуманитарных», т. е. не только сугубо научных, но всесторонне охватывающих человека и личность технологий, учитывающих «формы вненаучного психологического познания» (Кольцова, 2008, с. 3), в частности, духовную сферу личности. Они, как мы полагаем, позволяют достаточно эффективно вмешиваться не только в развитие отдельной личности, но в определенной перспективе и в ход исторических процессов (*этнофункциональная историческая психология*).

Теоретическая обобщенность этнофункциональной парадигмы дает принципиальную возможность тонко дифференцированного оперирования не только «культурно-психологическими»

и духовными, но и природно-биологическими составляющими человека в целом. В философско-методологической перспективе изучения проблемы человека с позиций этнофункционального подхода исходным является, в частности, не соотношение материальных, психических и духовных элементов, но их этническая функция. Это позволило бы осуществлять в историческом плане тонко дифференцированный анализ проблем развития и взаимодействия этносред и этносредовых систем, а в индивидуальном – проблемы развития личности и человека в целом. Таким образом, этнофункциональная парадигма дает возможность глубоко операционализированно изучать человека как этнофункциональную целостность телесного, психического и духовного содержания, в неразрывном единстве с явлениями макроуровня. Понятие этносреды как таксон среднего уровня объединяет все элементы этого содержания на различных уровнях деятельности человека в систему. Данный подход открывает перспективу для изучения системного функционирования личности, человека, этносреды и этносферы.

Существенно, что разрабатываемый нами подход является перспективным с точки зрения вторжения в область, давно ожидающую своей методологии – область конструирования человеческих ценностей, в частности, духовного содержания личности. Учет феноменов духовной сферы (конфессиональных, религиозно-этических, идеологических) в системной взаимосвязи с другими элементами этносреды (природа, культура) является приоритетом в анализе проблемы устойчивого развития современной цивилизации (Лось, Урсул, 2000, с. 4–8).

Общая теоретико-методологическая и эмпирическая база этнофункциональной парадигмы представлена в данной монографии в контексте широкого круга философских, культурологических, исторических, этнологических, филологических, кросскультурных, психолого-педагогических, психиатрических и других исследований (С. А. Аругюнов, Т. А. Алексеева, Г. Гарфинкель, Л. Н. Гумилев, Н. Я. Данилевский, Ж. Деверо, Ю. В. Бромлей, Х. Варнс, Ю. Виттковер, К. Бэр, А. Ф. Лосев, Б. Морель, В. П. Осипов, Р. Парк, Платон, Э. Стоунквист, А. А. Сусоколов, В. А. Тишков, А. Тойнби, О. Тоффлер, П. А. Флоренский, П. Н. Шихирев, К. Г. Юнг, З. Фрейд и др.).

В настоящей работе с позиций этнофункциональной парадигмы приведены результаты исследований, либо опирающиеся, либо соотнесенные с такими достижениями отечественной психологии, как теория отношений А. Ф. Лазурского и В. Н. Мясищева, системный подход к изучению человека Б. Г. Ананьева и Б. Ф. Ломова, культурно-

исторический подход Л. С. Выготского и А. Р. Лурии, теория развития Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина, психология субъектности Л. И. Анциферовой, К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинского, теория вторичных образов (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, А. А. Гостев и др.). Этнофункциональный подход в психологии также рассматривался нами в связи с концепциями и результатами психологических исследований В. Вундта, З. Фрейда, К. Г. Юнга, Ст. Холла, В. Штерна, Э. Эриксона, Р. Мэя.

В проведении эмпирических исследований, описанных в ряде разделов монографии, под руководством автора участвовали следующие наши сотрудники: Л. Б. Мокина (в разделе 3.4); В. В. Тимохин (3.5 и 3.6); Е. В. Иванова, А. С. Латышева, Т. Г. Рошупкина, В. В. Тимохин, О. Ф. Щербакова (3.8); А. С. Попов. (3.9); Е. В. Овчинников, В. В. Тимохин, А. А. Шапорева, С. Ю. Щербак, О. Ф. Кравченко (4.3); А. А. Шапорева (4.4); В. О. Шустова (4.5); Е. А. Выдрина (4.6); М. В. Трофимова (6.5); В. С. Грачев, Ю. В. Каширская, К. В. Титок (9.6); О. В. Митченко (8.4); С. Л. Бухарева (9.4); М. В. Трофимова (9.5); а также использовались результаты исследований С. В. Фроловой (8.3). Клиническая оценка психиатрических диагнозов осуществлялась доктором медицинских наук И. Л. Степановым (3.7, 4.7, 5.2).

Автор выражает искреннюю благодарность И. А. Джидарьян и И. Е. Задрожнюку за помощь в редактировании книги.

РАЗДЕЛ I

**ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ**

ГЛАВА 1

ЭТНИЧЕСКАЯ И ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИИ

1.1 Понятие этничности в современной науке

Недооценка этнического фактора долгое время была характерной чертой человекознания и обществоведения; лишь во второй половине XX в. проявился огромный интерес к проблемам этничности (как характеристики этносов или их представителей) и, соответственно, возросло количество научных публикаций по этой теме. «Этничность» является относительно новым понятием в науке, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что впервые научная трактовка этого термина была приведена в Оксфордском словаре только в 1972 г. С этого времени в работах многих исследователей отмечается возрастание роли этнических факторов в индивидуальной и общественной жизни человека (Сусоколов, 1990; Hannan, 1979; Nielsen, 1985 и др.). В частности, А. А. Сусоколовым (1990) дан анализ основных концепций, объясняющих рост роли этнических факторов в современном мире.

В отечественной литературе сущность, формы проявления и функции феномена этничности наиболее полно были проанализированы в работе Н. Г. Скворцова (1996). Он рассматривает три аспекта этничности: интеракционный, атрибутивный и субъективно-символический.

Согласно первому, термин «этническая группа» может употребляться только при наличии соответствующих контактов и определять этническую группу, находящуюся в полной изоляции, неправомерно («соотносительность» этнического, по Ю. В. Бромлею).

В соответствии со вторым этничность – это качество группы, этническая группа осознает себя как придерживающаяся общих

традиций, не разделяемых другими группами. К этим традициям относятся религиозные верования, обряды, язык, представления об общих предках и месте происхождения.

Третий – субъективно-символический аспект проявляется как этническая идентичность, заключающаяся в соотношении человеком некоторых составляющих своей Я-концепции с рядом характеристик группы, к которой он себя причисляет. Этническая идентичность, как отмечает Г. Девос, состоит в «субъективном, символическом или эмблематическом употреблении какого-либо аспекта культуры, чтобы отличить себя от других групп» (Vos, 1982, p. 9).

Н. Г. Скворцов считает, что «этничность как способ идентификации базируется, прежде всего, на осознании общности происхождения, традиций, ценностей, верований, ощущений межпоколенной и исторической преемственности и в этом смысле является направленной в прошлое формой идентичности, что отличает ее от классовой, профессиональной, религиозной или политической» (с. 60). Он отмечает значимость для процесса этнической идентификации расовых, биологических признаков (цвет кожи, форма черепа, морфофункциональные особенности), которые не всегда считаются этническими признаками (Тишков, 1993).

В то же время роль расово-биологических признаков как этнических отмечалась многими исследователями (Чебоксаров, Чебоксарова, 1985; Daniel, 1968; Jenkins, 1994; Roosens, 1989; Worsley, 1984). Большинство народов мира имеют относительно однородный расовый состав (Козлов, 1967; Токарев, 1964). Наиболее строгое разграничение понятий расы и этнические общности имеет место, когда речь идет о самой малой единице классификации – об антропологическом типе (Рогинский, Левин, 1963, с. 321). Ю. В. Бромлей отмечал необходимость строгого разграничения понятий расы и этнической общности, некоторая путаница в этом вопросе связана с тем, что в его разрешении за основу берутся антропологические единицы разных таксономических уровней (1983, с. 51). По его мнению, расовые признаки могут в принципе употребляться в качестве отличающих различные этносы (1983).

К расово-биологическим или биолого-морфотипическим признакам, которые могут служить для фиксации различий между определенными этносами, помимо чисто расовой, категориальной дифференциации, относятся такие признаки, как группы крови, пальцевые узоры, цветовая слепота, цвет кожи, форма черепа, физиологические особенности (например, уровень содержания в крови алкогольдегидрогеназы) и мн. др. (Бунак, 1956; Дебец, 1956;

Зубов, 1973; Хить, 1983; Чебоксаров, 1976). Роль биологических факторов в этнической дифференцировке показана, в частности, в медико-антропологических исследованиях.

Т. И. Алексеева (1989) отмечает, в этой связи, такие показатели, как весоростовой показатель Рорера, площадь поверхности и пропорции тела, уровень поглощения кислорода (показатель основного обмена), содержание холестерина и белков в сыворотке крови, минеральный состав скелета. Автор рассматривает некоторые морфофункциональные характеристики, влияющие на адаптацию человека, которые, по ее словам, позволяют предполагать наследственную природу последних. Для тропических популяций характерны: увеличение концентрации медленно мигрирующих трансфериннов (белков, связанных с понижением основного обмена), сокращение синтеза эндогенного холестерина, интенсивное потоотделение, специфика регуляции водно-солевого обмена, понижение уровня метаболизма (достигаемое уменьшением мышечной массы тела и концентрации АТФ). Для аборигенов Арктики типичны повышенная способность к окислению жиров, специфика сосудистой терморегуляции.

Избирательный характер многих заболеваний в зависимости от группы крови свидетельствует также о том, что морфофункциональные характеристики в принципе не обязательно обусловлены чисто климато-географическими различиями (Эфроимсон, 1971). В частности, имеются данные о связи группы крови и заболеваемости вирусными гепатитами (Саяпина, Толстороженко, 1989). Наименее устойчивыми к вирусу гепатита В (хронизация) являются лица с 3 и 4 группами крови, распространенность которых, в свою очередь, достигает максимума у народов Северо-Западной, Средней, Центральной, Южной и Восточной Азии (Чебоксаров, Чебоксарова, 1985, с. 129–137). Отмечаются также гормональные, иммунные и другие факторы, дифференцирующие этнические группы (Бальчунене, 1989; Битадзе, Руднева, 1989 и др.).

На наш взгляд, распространение внутренних и инфекционных заболеваний в зависимости от морфофункциональных и климато-географических признаков (условий) свидетельствует о соответствующих вариациях психобиологических адаптационных возможностей людей, которые связаны с отнесенностью к той или иной этнической группе. Существует также большое количество зарубежных исследований о различиях интеллектуальных и социально-психологических этнических признаков в зависимости от межрасовых особенностей (см.: Streck, 1987, S. 172–173).

Рассматривая проблему этничности, необходимо коснуться наиболее важного теоретического аспекта в ее анализе – проблемы «примордиальности» (от английского слова «primordial» – изначальный, исходный), с одной стороны, и «инструментальности» конструкта «этническая идентичность», с другой.

В инструменталистском подходе этничность и этническая солидарность рассматривается как результат внешних социальных обстоятельств (Coner, 1978; Vanton, 1983; Horowitz, 1985). Этничность понимается здесь как «средство в коллективном стремлении к материальному преимуществу на политической арене, а наблюдаемая в различных формах этническая мобилизация диктуется требованиями тех или иных материальных факторов, которые определяют социальное поведение» (Тишков, 1993, с. 4). М. Бэнкс рассматривает такую этничность как «этничность в голове». Она понимается как репертуарная роль, сознательно и заинтересованно рассчитанная и избранная индивидом или группой (Скворцов, 1996, с. 114; Banks, 1996). Такое понимание этничности, естественно, неприемлемо с позиций различных психодинамических теорий, использующих понятие «бессознательного», феномен которого признается в настоящее время подавляющим большинством исследователей.

«Примордиалистский» подход характерен для работ Ю. В. Бромлея (1983), К. Гирца (Geertz, 1973), К. Коннора (Connor, 1978), А. Грили (Greely, 1974), П. Берге (Berghe, 1978, 1981). Данная теоретическая концепция истолковывает «этнические привязанности», исходя из их эмоциональной значимости для индивида. Эта точка зрения, согласно М. Бэнксу, «помещает этничность в сердце человека» (Скворцов, 1996, с. 114; Banks, 1996). Она представляет особый интерес для нашего исследования, поскольку «ищет» психологическое объяснение феномена «этничность».

Известная формулировка примордиалистского подхода в анализе этничности принадлежит основателю «интерпретативной антропологии», американскому ученому Карлу Гирцу: «Под примордиальной привязанностью понимается то, что вытекает из „данностей“, или, более точно, – поскольку культура неизбежно включена в такие процессы, – принимаемых „данностей“ социальной жизни: в первую очередь из непосредственного соприкосновения и родственной связи, но сверх того – и из данности, которая порождена бытием определенного религиозного сообщества, говорящего на определенном языке или даже диалекте языка и следующего определенному типу социальной практики. *Совпадения крови, языка, привычек и т. д. выглядят необъяснимыми...* (курсив наш. – А. С.). Каждый родственник связан

с другим, сосед – с соседом, верующий – с единоверцем, не просто по причинам родства, общих интересов или взаимных моральных обязательств, но в большой степени благодаря некоему абсолютному значению, которое эта связь приписывает сама себе» (цит. по: Скворцов, 1996, с. 115; Geertz, 1973). В приведенной цитате надо отметить мысль о неслучайной внутренней связи весьма разнородных признаков. Такое «сродство» разнородных этнических признаков свидетельствует о внутренней целостности этноса, этнического, другими словами – системности этносов.

С нашей точки зрения, в реальных условиях современной цивилизации под влиянием нарастания взаимообмена потоков культурной информации этническая целостность в определенной мере нарушается, а примордиалистский подход адекватен лишь для изучения относительно однородных и небольших этнических общностей. В дальнейшем мы вернемся к этому вопросу в разделе описания экспериментальных данных, подтверждающих, с одной стороны, целостность этноса, а с другой – раскрывающих следствия нарушения этнической целостности.

На наш взгляд, примордиалистский подход является наиболее адекватным для психологического изучения отношения человека к этничности, поскольку в нем этнические признаки, в том числе и психологические, рассматриваются как неотъемлемо ему присущие.

В общем, в основе представлений об этносе и этничности в современной науке предполагается определенная целостность, единство условий возникновения конкретного этноса и, соответственно, совокупность признаков, по которым один этнос может отличаться от другого. Являясь «соотносительным» понятием (согласно представлению Ю. В. Бромлея, не существует абсолютных этнических признаков), этнос характеризуется единством территории, социокультурных и расовых особенностей, а этничность (и этническая идентичность), соответственно, – системой климато-географических, социокультурных и расово-биологических признаков (Козлов, 1995).

На основании проведенного анализа отечественных и зарубежных исследований можно сделать заключение, что этничность является существенной характеристикой человека в современном мире. Этничность человека в процессе своего становления формируется не только под воздействием культурных и антропогенных факторов. Она является результирующей процесса этногенеза и обуславливается в своем развитии, помимо социокультурных параметров, еще и параметрами климато-географическими и морфофункциональными (расово-биологическими) и в итоге описывается как система

соответствующих признаков (в аспекте развития этнические признаки рассматриваются как параметры или условия этногенеза).

На наш взгляд, на современном этапе культурно-исторического развития понятия этноса и этничности должны быть дополнены представлением о неоднородности, «этнокультурной мозаичности» (В. А. Тишков) этнических признаков как отдельного человека, так и общества в целом, которая возникает вследствие нарастания взаимообмена потоков культурной и пр. информации в современном «информационном обществе» (Тоффлер, 1973).

1.2 Этническая парадигма.

Различия в понимании этнометодологии

Представление о «первостепенной важности этнических форм общности в жизни людей» как идеальной модели общественных отношений отражено в понятии «этническая парадигма» («парадигма» по-древнегречески – пример, образец) (Козлов, 1995, с. 95). Наше представление о парадигме как концептуальном модуле науки близко к его трактовке Т. Куном – как совокупности теорий, составляющих некоторое метатеоретическое единство, которое базируется на особых онтологических и гносеологических идеализациях и установках, распространенных в определенном научном сообществе (2003, с. 5). В нашем подходе, как будет показано далее, используется представление о парадигме как о «метатеоретическом единстве» ввиду высокой степени обобщенности и широты применимости нашего подхода. Отличие от определения Куна состоит, в частности, в том, что «этнофункциональная парадигма» лишь начинает приобретать известность в отечественной науке. Кроме того, вслед за П. Н. Шихиревым термин «парадигма» мы понимаем как образец, стандарт, т. е. имеющий содержание более широкое, нежели то, которое вкладывал в него Т. Кун (Шихирев, 1998). В наших исследованиях оно служит определением системы *специально для психологии* выделенных элементов, прежде всего этнологических (этнофункциональных характеристик, показателей, критериев), которые отличают этнофункциональную парадигму от других.

Понимание человека с позиций этнической парадигмы в нашем исследовании означает, что человек в целом, его внутренняя и внешняя среда – социокультурная, психическая, биологическая, природно-географическая – рассматриваются как система этнических признаков. Психологический аспект этнической парадигмы, в свою очередь, означает приоритет этнопсихологических характеристик человека

как представителя определенного этноса и носителя соответствующих психологических особенностей, в основном детерминирующих поведение данного *этнофора* (носителя этнических признаков, по Ю. В. Бромлею). В этом смысле понятие этнической парадигмы могло бы означать «этнометодологию», если бы, как это случается, данное понятие уже не было менее адекватно применено.

Само понятие «этнометодология» употребляется в литературе в двух значениях. Первое относится к характеристике методов изучения различных культур, этносов, концепций этничности (Этнометодология, 1994; Streck, 1987). В целом это направление исследований, так или иначе, опирается на типологический принцип, идущий в современной науке от Г. Штейнталя и М. Лазаруса (1865), В. Вундта (1912), Г. Шпета (1927). Этот принцип исходит из существования «души народа», или, в современных понятиях, определенных типов культур, этносов и т. п. Позднее он был операционализирован в таких концепциях, как «модели культуры», «основной структуры личности», «модальной личности» и др. (Мид, 1988; Duijker, Frejda, 1960; Inkeles, Levinson, 1954 и др.).

Второе значение понятия «этнометодология» связано с концепцией Г. Гарфинкеля (Garfinkel, 1967). В основе социально-психологического взаимодействия, по мнению автора, лежат так называемые «этнометоды» как способы интерпретации объектов и явлений окружающего мира, которые участники этого взаимодействия осознанно или неосознанно применяют для согласования своего поведения с нормативной моделью. Этнометодология превращает методы этнографии и социальной антропологии в общую методологию социальных наук и видит смысл социальной науки в целом в переводе на теоретический язык представлений здравого смысла «народной мудрости», проявляющихся в повседневном опыте.

Гарфинкель предполагает два типа познания социального взаимодействия – повседневный опыт и социологическая теория. Это различие выражается в двух типах признаков – индексных и объективных. Индексные признаки характеризуют уникальные, специфические связи с объектом в том контексте, в котором они возникают и используются. Объективные признаки описывают общие свойства объектов независимо от контекста употребления.

Определяя область взаимоотношений этнометодологии и других наук о человеке, Гарфинкель вместе с тем не выделяет специфического содержания основного методологического принципа, на котором строятся эти взаимоотношения. На наш взгляд (и не только), данная концепция является скорее «стратометодологией», чем

«этнометодологией», так как собственно этническое в ней не рассматривается как приоритет, но лишь как возможный частный случай.

Этническая парадигма в психологии по сравнению с этнометодологией в смысле Г. Гарфинкеля учитывает специфику и роль этничности как актуальной в психологическом и социально-прикладном плане характеристики настоящего этапа культурно-исторического развития человека.

1.3 Этнофункциональная парадигма.

Этносреда и система этносред (этносфера)

*«Биологическая», «гуманитарная»
и этнофункциональная парадигмы*

Этнофункциональная парадигма может выступать в качестве методологической основы описания поведения человека в целом. С этих позиций, например, главным в процессе психической адаптации человека является не биологическое или психологическое объяснение тех или иных аспектов поведения, а роль в этом процессе этнической функции телесных, психических и духовных элементов человека. Таким образом, этнофункциональная парадигма «снимает» противоречие между гуманитарной и биологической моделью поведения человека.

В противоположность «биологической парадигме» в качестве объяснительного, прогностического и практически прикладного принципа в психологии, психиатрии, психотерапии и образовании наш подход ограничивается «гуманитарной парадигмой» как моделью, описывающей и позволяющей прогнозировать поведение (в широком смысле) личности, а также дающей основу для вмешательства в это поведение с целью оптимизации процесса образования, восстановления психического здоровья и пр.

В свое время в качестве такой гуманитарной парадигмы рассматривались культурно-ориентированные модели З. Фрейда (в работе «Тотем и табу», 1991), К. Юнга и др. Затем психологии и психиатрии был придан определенный импульс развития со стороны молекулярной генетики и нейробиологии, в которых виделась «новая концептуальная база для психиатрии», в частности, в подходе Э. Кэндела (Kandel, 1998). Недостатком данного подхода при формальном декларировании Кэнделом его системности является отсутствие единой системообразующей основы, учитывающей не только биологические, но и социокультурные аспекты поведения человека. «Биологический» подход, лежащий в основе

современных нейромедиаторных, гормональных и пр. теорий объяснения причин поведения человека, является отражением научной методологии, распространившейся в Европе (и в России) в XIX–XX вв. и активно развиваемой некоторыми современными учеными (Чуприкова, 2007; Kandel, 1998 и др.).

Для описания поведения личности и социальных групп мы опираемся на этнофункциональную парадигму в психологии. Данную парадигму мы рассматриваем как объединение и операционализацию на единой методологической основе так называемого «культурного» и «кросскультурного» подходов, противопоставляемых некоторыми исследователями во второй половине XX в. подходу «биологическому» (Wittkower, Warns, 1980, S. 312–319 и др.).

Одним из эмпирических оснований для введения понятия «этнофункциональная парадигма» послужили социологические исследования, касающиеся проблемы так называемого «маргинального человека» и проведенные в первой половине XX в. Р. Парком и Е. Стонквистом, (Park, 1932; Stonequist, 1961). Проблема «маргинального человека», согласно этим авторам, в целом связана с нарастающей в современном мире культурной, расовой и др. «множественностью» человека, разнородностью содержания его психики. Такое положение делает методологически неадекватным использование типологических, в частности, этнопсихологических исследований в современном индустриальном обществе вследствие того, что, например, этническая функция элементов «мозаичной» культуры (об этнической функции культуры см.: Бромлей, 1983) может играть различную роль для того или иного человека. Для обоснования необходимости понятия «этнофункциональная парадигма» в психологии мы ввели вспомогательное представление об «этнической маргинальности личности». Рассмотрим важное для его определения соотношение понятий этничности и культуры.

Этничность и культура

Культуру (от лат. *cultura* – «возделывание, воспитание, образование») можно понимать как определенный тип организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе общественных норм и учреждений, в ценностях, в совокупности отношений людей к природе, себе, другим людям, религиозные представления и т. д. В культуре фиксируется качественное своеобразие исторически конкретных форм этой жизнедеятельности – этнических общностей, эпох, этапов развития.

Культура может одновременно выступать как средством объединения, так и разобщения людей. Это свойство культуры лежит в основе ее **этнической функции** – этноинтегрирующей или этнодифференцирующей (Бромлей, 1983). Этими функциями могут обладать такие феномены культуры, как язык, элементы быта, обряды, традиции и т. п. Исходя из приведенного понимания культуры, можно рассматривать этническую функцию любого элемента содержания внутренней и внешней среды (природно-биологической, культурно-исторической, психологической, социальной и др.) человека.

Исследователи различных школ в этнографии и этнологии рассматривают самые разнообразные этнические признаки. Однако все признаки, дифференцирующие или интегрирующие людей и человеческие общности, можно разделить на три большие группы: социокультурные, расово-биологические и климато-географические (Бромлей, 1981; Гумилев, 1993 и др.).

Рассматривая понятия «культура» и «этничность», легко заметить, что «этничность» описывает человека более полно, чем «культура». Признаки, по которым отдельные люди или человеческие общности отличаются друг от друга, вовсе не обязательно относятся к культуре. К таким «внекультурным» отличительным признакам относятся расово-биологические особенности человека и особенности природной и климато-географической среды его проживания. В современном мире эти признаки имеют тенденцию ко все большему «смещению» (неоднородность этнических признаков человека и общества), прежде всего, в связи с миграциями и нарастающим взаимообменом потоков информации.

Как уже отмечалось, вследствие развития средств массовых коммуникаций, торговли, усиления миграций человеку приходится перерабатывать все возрастающие потоки информации, элементы которой обладают той или иной этнической функцией. Восприятие мира и культуры, в частности, предстает для человека как бы «мозаичным», состоящим из весьма разнородных частей. Некоторые исследователи на этом основании делают вывод, что этносы не существуют как нечто реальное, но имеет место «некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры» (Тишков, 1992, с. 8).

Важно то, что для огромного большинства современных людей представления об этнической принадлежности и о своем народе являются не иллюзиями, а действительностью, и этнические факторы оказывают реальное влияние на поведение людей в самом широком

смысле этого слова. Такое понимание ближе к «примордиалистскому» мировоззрению, отводящему этничности место «в сердце», а не «в голове», как при инструменталистском подходе.

Проблема этнической маргинальности личности

Рассмотрим одно из исходных понятий, описывающих последствия индустриального и постиндустриального развития человечества, связанные со «смешением культур», мозаичностью ценностей, миграцией населения, урбанизацией и т. д. Таким понятием является «маргинальность» («marginal man» – маргинальный человек). Это понятие происходит от латинского «margo» – край, граница, окраина. Впервые его ввел Р. Парк (Park, 1932), возможно, в связи с концепциями Г. Зиммеля (Simmel, 1983) и В. Зомбарта (Sombart, 1938), предложивших понятие «чужака» (см.: Арутюнов, Богина, 1995; Goldberg, 1995). Широкую известность в научных кругах эти понятия получили в связи с развитием концепции «маргинального человека» Э. Стоунквистом (Stonequist, 1961) в 1920-е годы.

Методологическая ценность работы Э. Стоунквиста признается в западной научной литературе и рассматривается как одна из основополагающих в социологии (Веселкин, 1979). Стоунквист пишет, что еще до первых проявлений самосознания человек уже испытывает влияние культуры, являясь объектом различных социальных влияний со дня своего рождения. Посредством как осознанных, так и бессознательных механизмов взаимодействия с другими людьми человек постепенно в процессе своего развития занимает определенное положение в обществе в соответствии с нормами, стандартами или ожиданиями его культурной среды. В случае успешной адаптации к своему социальному миру он становится зрелой и гармоничной личностью. Гармония и целостность социальной среды отражаются в целостности и гармонии личности.

Стоунквист отмечает, что стабильные общества в нашу эпоху встречаются только среди сравнительно изолированных культур. Современный мир создает такую ситуацию, в которой изменения и неопределенность являются основными чертами. Человеку приходится постоянно адаптироваться к меняющимся условиям. Характерной чертой современного человека становится его относительная социальная и психологическая дезадаптированность. Это явление наблюдается не только тогда, когда человек находится под влиянием больших расовых или культурных групп (под словом «культурный» Э. Стоунквист понимает «социокультурные» характеристики), но и при взаимодействии более мелких групп, таких, как социальные

классы, религиозные секты, общины и др., т. е. всего того, что в современном понимании может называться «субкультурами».

Человек, покидающий в результате миграций, брака или получения образования свою социальную группу или культуру, не находит, по мысли автора, достаточно успешного варианта адаптации к другой и оказываясь на их периферии, не являясь в полной мере членом ни одной из данных «субкультур», становится «маргинальным человеком».

Если же стандарты, нормативы поведения и ценностные ориентации двух или более групп приходят в противоречие, то человек, идентифицирующий себя с разными группами, переживает психический конфликт, проявляющийся в состояниях беспокойства, напряженности и т. п., другими словами, в признаках психической дезадаптированности. Стоунквист рассматривает некоторые типы маргинальной личности: *parvenu* («выскачка»), *deraciné* («потерявший почву»), *declassé* (деклассированная личность). Он приходит к выводу, что с изменением социальной роли личности, ее субкультуры у человека теряется часть его прежнего Я, что наиболее глубокие противоречия возникают в связи с «расовыми» и «национальными» конфликтами, так как соответствующие признаки сравнительно фиксированы, постоянны.

Как наиболее очевидный тип маргинального человека Э. Стоунквист рассматривает «расовый гибрид», уже само биологическое происхождение ставит человека между двумя расами, физические черты которых отделяют его от обоих родителей. Часто такие люди воспринимают характерные манеры, мышление и речь своих предков по обеим линиям. В силу этого для них особенно остро стоит проблема психологической и социальной адаптации, вопрос о месте и роли в конкретном обществе. Вследствие особой позиции в обществе у людей смешанной крови развивается повышенная чувствительность к вопросу о своем происхождении, что может рассматриваться и как их преимущество, и как проблема – в зависимости от того, каково отношение к расовым проблемам в конкретном обществе.

Вторым типом маргинального человека, по Стоунквисту, является «культурный гибрид» (т. е. «социокультурный»). Возникновение смешанных по крови материнских групп подразумевает не только контакты рас, но и затрагивает важную проблему контактов культур: «смешанная кровь», как правило, предполагает и смешение культур; метисы, согласно автору, являются в той же мере культурными гибридами, как и расовыми. Однако может возникать и «гибрид

культур», не являющийся в то же время расовым гибридом вследствие миграций и «культурной диффузии» в целом.

Ученый рассматривает культурную диффузию и миграции как следствие внезапно усилившейся экспансии Запада в другие регионы и культуры мира. Это проникновение было столь ошеломляющим, что постепенная ассимиляция культур и достаточно успешная их взаимная адаптация оказались невозможны. Возник конфликт культур, требующий специального рассмотрения. Такие контакты культур являются следствием «европеизации» мира, что подразумевает изменения не только в мышлении, но и в образе жизни и связано с этноцентризмом, который Стоунквист определяет как такой взгляд на мир, когда все иные культуры расцениваются только по отношению к собственной, рассматриваемой как центр вселенной.

Под влиянием европейского этноцентризма нарушение культурной целостности в отдельных регионах даже относительно, например, таких традиций, как людоедство или охота за головами, воздействует и на весь социальный организм, и на психику конкретного человека. У людей возникают чувства неопределенности, беспокойства, смятения, исчезает интерес к жизни, формируется комплекс неполноценности, ощущается потеря энергии и апатия. Это приводит к дезорганизации социального поведения, потере сопротивляемости к болезням, сокращению рождаемости и вымиранию (Stonequist, 1961), что является признаками дезадаптированности, в том числе и психической.

Э. Стоунквист выделяет три фазы развития психического маргинального конфликта:

- 1 фаза развития, на которой человек еще не осознает, что культурный или расовый конфликт затрагивает его жизнь;
- 2 фаза, когда он сознательно воспринимает этот конфликт;
- 3 период более или менее устойчивой психической адаптации (или дезадаптации).

Эти три фазы автор связывает с процессом психического созревания человека, соответствующего трансформации психики от «защищенного детства» к периоду «расширения кругозора и социальных контактов и формированию проявлений психической душевной зрелости» (там же, р. 117). На первой стадии человек не осознает (или не испытывает) никаких внутренних конфликтов, он не чувствителен к вопросам расы, национальности, культурных различий. Во второй фазе происходит мучительный процесс трансформации Я-концепции. Третья фаза может проявляться в различных вариантах психической

адаптированности (деадаптированности): человек может полностью изжить маргинальный конфликт или сохранить осознание своей маргинальной ситуации и остаться «частично маргинальной личностью». Возможен вариант, когда трудности ситуации столь значительны, что их преодоление требует затрат энергии, превышающей адаптационный потенциал психики конкретного человека. В последнем случае возникает дезорганизация поведения – имеют место социальные отклонения или психические расстройства.

Суть психических конфликтов маргинального человека обусловлена разнородностью и множественностью его установок. Это объясняет неустойчивость и противоречивость его мнений и действий (деадаптированность в сфере мышления и поведения) и психическую неуравновешенность (эмоциональную дезадаптированность). Распространенный «комплекс неполноценности» (чувство вины) может компенсироваться «комплексом превосходства» (вытесненное чувство вины), в последнем случае имеет место агрессивность как сопутствующее проявление.

Определенные условия, отмечает Э. Стоунквист, благоприятствуют маргинальному человеку в исполнении посреднических ролей в межкультурном взаимодействии, особенно на ранних стадиях «вестернизации». «Маргинальность» человека может способствовать формированию «интернационального склада мышления». Это означает, по мысли автора, что «истинный интернационалист» не отрекается от своей культуры и не становится «космополитом и гражданином мира» – самопонимание способствует пониманию других. Подчеркнем еще раз, что основным водоразделом, по которому проходят маргинальные конфликты, он считает различия между культурами Востока и Запада.

В целом Э. Стоунквист анализирует отношение человека к множественности представлений о себе как биологическом индивиде и субъекте определенной социокультурной общности. Такого рода биологическая и социокультурная множественность в той или иной мере свойственна, на наш взгляд, каждому современному человеку.

Отметим, что заслуга Стоунквиста состоит также в том, что он связал уровень разрешения внутренних «маргинальных конфликтов» «расовыми» и «культурными гибридами» («маргинальными людьми») с процессом их психического созревания и с их психической, соматической и популяционной адаптированностью.

Важным проявлением кризиса современной цивилизации являются последствия миграций населения из ареалов с различными климато-географическими условиями и воздействием на отдельные

группы населения природно-географического фактора как такового. Роль и влияние природно-географических факторов на человека отмечалось еще древними авторами (Гиппократ, 1936; Страбон, 1994). Конечно, трудно отделить это влияние от влияния традиций, конфессий и индивидуально-психологических особенностей самих носителей определенной культуры. Выделение этих факторов в отдельную группу в связи со значимостью их влияния на психику человека было осуществлено французской «географической школой» социологов, психологов и психиатров (Еремин, 1979; Claval, 1966; Le Bra, 1966; Pelicier, 1968).

В целом все вышеуказанные группы факторов (параметров), влияющие на развитие человека, описывают различия между людьми более емко, чем культура. По мнению многих исследователей, развитие этноса или системы этносов обуславливается влиянием трех групп параметров: социокультурных, расово-биологических и климато-географических (Бромлей, 1981, 1983; Гумилев, 1990; Чаклин, 1986; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985 и др.). Социокультурные параметры включают язык, укладность, традиции, верования, социальные установки, нормы, ценности и др. Расово-биологические параметры связаны с морфофункциональными особенностями, типом питания. И наконец, природные, климато-географические параметры в наименьшей степени могут быть отнесены к культуре, за исключением так называемых «культурных» или антропогенных ландшафтов (Голд, 1990).

Учитывая, что этничность характеризуется всеми тремя группами факторов (климато-географические, культурно-психологические, расово-биологические), мы вводим понятие **«этническая маргинальность личности»**. Данное понятие отражает нарастающую этнофункциональную множественность (этнофункциональную психическую неоднородность) личности в современном мире, прежде всего, неоднородность содержания системы ее отношений не только к культурно-психологическим феноменам, но к этносреде в целом. Можно говорить о повышении или снижении **степени этнической маргинальности личности** в соответствии с повышением или уменьшением у нее количества этнодифференцирующих элементов.

Подчеркнем, что понятие «этнической маргинальности личности» (1996) существенно отличается от понятия «маргинального человека» («культурного» и/или «расового гибрида») (Stonequist, 1960), поскольку в нем учитывается *климато-географический* фактор. Введенное нами понятие предполагает *множественность* этнодифференцирующих включений, и этим оно отличается также от представления об «этнопсихологической двойственности»

личности («двойственной» этнической идентичности) (Мулдашева, 1991) и от представления об индивидах с «маргинальной этнической идентичностью, которые балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них» (Стефаненко, 1999, с. 233) или *несколькими культурами* человека-посредника между культурами (Bennett, 1986). В связи со сказанным понятие этнической маргинальности личности является методологически наиболее широким, так как ориентировано не только на множественность культурную, но охватывает все разнообразие этнических факторов и параметров, включая, как показано в настоящем параграфе далее, трансцендентные (Бог и другие феномены духовной сферы).

Этносреда и система этносред

К внутренней среде человека мы относим его психику и антропологические характеристики, а к внешней – природно-климатические и социокультурные (ландшафт, *животный и растительный мир*, социокультурное окружение), т. е. мир, данный нам в чувственном восприятии. Кроме того, мы выделяем *трансцендентную* сферу человека – Бог, различные духовные феномены. Исходя из *этнической парадигмы* для обозначения внутренней, внешней и трансцендентной сферы человека мы вводим таксономическую единицу – **«ЭТНОСРЕДА»**. Она состоит из материальных, психологических (душевных) и духовных элементов, которые могут быть адекватно описаны только на языке данного этноса. Понятие этносреды более емко и методологически более точно, чем понятие этноса, описывает этничность человека. Отметим, что личность также является подсистемой этносреды, поэтому, строго говоря, можно говорить о субъектности этносреды (принцип субъектности).

Этносреду мы понимаем как систему этнических признаков или систему элементов этносреды (в аспекте развития они же – параметры этногенеза, по Л. Н. Гумилеву), которая может обладать той или иной степенью целостности. Сама этносреда является условием и в то же время результатом этногенеза.

В соответствии с *этнофункциональной парадигмой* (на основе принципа *этнофункциональности*) каждый элемент этносреды – материальный, культурно-психологический или трансцендентный рассматривается с точки зрения его этнической функции – **ЭТНОИНТЕГРИРУЮЩЕЙ** или **ЭТНОДИФФЕРЕНЦИРУЮЩЕЙ**.

К разрушению этносреды, снижению степени ее целостности (в конечном счете – к распаду) в общем случае ведут такие

процессы, как индустриализация, войны, миграции, международная торговля, развитие средств массовой коммуникации и т. п., с обуславливающие нарастание количества этнодифференцирующих элементов.

Любая реальная этносреда, так же как и этнос, вследствие «этнокультурной мозаичности» современного мира (и этнической маргинальности человека) содержит как этноинтегрирующие, так и этнодифференцирующие элементы. Если этносреда состоит только из этноинтегрирующих элементов, то речь идет о ее *идеальном прообразе*. Фактически методология современных исследований по этнологии и этнопсихологии основана именно на идеальной типологии этносов. Возможно, что именно отсутствие в истории идеальных, «ненарушенных» этносред привело В. А. Тишкова к парадоксальному выводу, что «в позитивистском смысле этносов не существует» (1992, с. 5–20). Данное противоречие снимается методологически дополнительным (см. выше) использованием этнической и этнофункциональной парадигмы в описании человека.

Содержание понятия этносреды при сравнении с системой понятий концепции Л. Н. Гумилева по смыслу шире понятия «этнос». Этнос, по Гумилеву, – это «устойчивый, *естественно* (курсив мой. – А. С.) сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением комплементарности, и отличающийся своеобразием стереотипа поведения, который закономерно меняется в историческом времени» (Гумилев, 1993, с. 540). Очевидно, что это определение описывает антропо-биологические («коллектив людей»), социокультурные и психологические («коллектив», «ощущение», «стереотип поведения») признаки этноса.

Понятно, что «естественное развитие этноса» можно рассматривать лишь в идеале, на практике оно всегда подвержено различным внешним влияниям. С позиций этнической парадигмы этнос, как и этносреду, мы рассматриваем в качестве *естественно* сложившейся системы, представляющей собой *идеальный прообраз*. Этнофункциональная парадигма позволяет более тонко и дифференцированно описывать реальную этносреду, которая в пределе, при уменьшении количества этнодифференцирующих элементов, «стремится» к своему идеальному прообразу.

Л. Н. Гумилев в некотором отношении противопоставляет окружающую природу антропо-биологическим, культурным и психологическим признакам. Для описания ландшафтно-климатических и природных признаков в целом он вводит понятие «этноценоза»,

которое определяет как «геобиоценоз... в пределах которого адаптировалась этническая система» (там же, с. 542). Геобиоценоз (данного природного ареала) понимается Гумилевым как «законченный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанный в одно целое общностью условий существования» (там же, с. 498).

Для описания сочетания «всех существующих этноландшафтных целостностей – этносов и их этноценозов» (там же, курсив мой. – А. С.) Л. Н. Гумилев вводит понятие *этносферы*. Очевидно, что оно шире, чем не только «этнос», но и «этноценоз». Понятие *этносреды*, включает все элементы (параметры) и этноса и его этноценоза. Определенная степень целостности этносреды может иметь место, например, и при отсутствии в данном геобиоценозе представителей каких-либо этносов. Степень этой целостности может продолжаться снижаться и без влияния человека – вследствие достаточно резких изменений климата, нашествия экзотических для данной этносреды животных и микроорганизмов, землетрясений и прочих факторов, нарушающих геобиоценоз данного ареала.

Аналогично мы рассматриваем систему этносред всей планеты, степень целостности которой также может снижаться вследствие антропогенных воздействий. Данное понятие фактически совпадает с понятием «этносферы». Представление о каждой отдельной этносреде в системе понятий Л. Н. Гумилева можно было бы определить как «этносфера каждого отдельного этноса».

В эмпирических исследованиях, представленных в настоящей книге, смысл понятий «этнические признаки» и «элементы этносреды» совпадает.

Межэтническое взаимодействие как системное взаимодействие этносред

На наш взгляд, так называемое «межэтническое взаимодействие» в современном мире более правильно рассматривать не только как взаимодействие отдельных личностей или групп, но как системное этнофункциональное взаимодействие этносред. Это помогает с большой степенью полноты описать данное взаимодействие. В отличие от «узкого» типологического понимания межэтнического взаимодействия как контакта этнофоров или этносов этнофункциональное взаимодействие этносред – это учет не только расово-биологических, культурно-психологических, конфессиональных различий конкретных этнофоров или этносов, но и системного взаимодействия между всеми элементами взаимодействующих этносред (климато-географическими, социокультурными, расово-биологическими,

природно-биологическими – животного и растительного мира, а также трансцендентными).

Например, если происходит миграция жителей Африки в Северную Европу, то возможно не только взаимодействие «социокультурно-биологических организмов». С одной стороны, мигранты подвергаются воздействию более холодного климата, а европейцы имеют возможность «из первых рук» получить информацию и эмоциональные впечатления о «внекультурной» стороне этносреды (природа, растительность, животные, болезни) новоприбывших. С другой стороны, климатические изменения или появление в более северных ареалах тропических животных и растений (скорость таких изменений в последнее время нарастает) требует от человека дополнительных психобиологических усилий для адаптации к новым условиям. Важно то, что взаимодействие элементов, имеющих ту или иную этническую функцию, осуществляется по-разному и оказывает различное влияние на психику (в частности, на психическую адаптированность) и поведение человека в целом (Сухарев, 1999 и др.; см. также раздел II данного издания).

В следующем параграфе мы изложим базовые понятия этнофункциональной парадигмы в психологии.

1.4 Этническая функция элементов ментальности личности и этносреды

Психическая жизнь человека представляет собой целое, в котором научный анализ выделяет такие отдельные ее проявления, как психические процессы, состояния, отношения и свойства личности, где личность характеризуется, прежде всего, в системе отношений человека к внешнему миру и к самому себе (Мясищев, 1995). А. А. Гостевым была выделена также образная сфера личности как система вторичных образов – образов памяти, представлений, воображения, сновидений и др., включая систему социальных представлений, «переживаемых в отсутствии непосредственно воздействующего стимула» (Гостев, 2007, с. 7), которая может рассматриваться как образное содержание системы отношений данной личности. Во вторичных образах как «единицах психического» автор рассматривает гносеологический и праксеологический аспекты, воплощающие идею многоуровневого психического отражения-регулирования, морфологический аспект организации образной сферы, важнейший для исследования личности, аксиологический аспект и некоторые другие. В частности, об аксиологическом аспекте онтологического

статуса образов как социальных представлений писал П. Н. Шихирев (1998). Переживание ценностных отношений в образе связано с психическими состояниями личности, ее эмоциональными отношениями – чувствами, настроениями. В структуре образа рассматриваются различные его модальности – эмоциональная, моторная, нравственная и др. (Гостев, 2007, 2008). В целом, как сами образы, так и их модальности соответствует понятию «элементы психики» А. Ф. Лазурского (1997) или, в нашем понимании, «элементы образной сферы личности».

В образном содержании отношений одновременно представлены основные перцептивные категории: цвет, форма, движение и т. д. Образ определяет когнитивную, нравственную, эмоционально-чувственную, моторную и др. стороны отношений. В соответствии с представлениями В. Н. Мясищева, отношения характеризуются также активностью, избирательностью и осознанностью. Важно, что нарушение целостного взаимодействия сторон отношений и их характеристик, ослабление или чрезмерное усиление одного из них может обуславливать расстройство психики как целого (Мясищев, 1995). В концепции Мясищева акцент ставится на динамические характеристики отношений, тогда как понятия образа и образной сферы в основе имеют соответствующее содержание, являясь при этом базовыми интегральными «единицами» психического.

Система отношений личности «включает» ее в этносреду. Как показывают результаты этнопсихологических исследований, более или менее быстрая адаптация системы отношений к изменению тех или иных этнических факторов в большинстве случаев связана с депрессивными проявлениями, характеризующими определенную степень дезадаптированности личности.

С позиций этнофункционального подхода рассматривается этническая функция, прежде всего, *образного содержания* отношений личности, а также когнитивной, эмоциональной, духовно-нравственной и моторной их сторон. Можно предположить, что достаточно быстрые изменения в образной сфере личности также могут быть связаны с проявлениями психической дезадаптированности.

Образная сфера как ментальность

Образная сфера личности имеет регулятивную функцию по отношению к поведению человека в целом и по отношению к когнитивному, нравственному, моторному и др. аспектам (Гостев, 2007, 2008).

В свою очередь, анализ использования понятия ментальности (менталитета) (*outilage mental, mentalité*) представителями

французской школы исторической психологии (Блок, 1986; Бродель, 1986; Февр. 1991 и др.), в которой оно и было введено, показывает, что данное понятие связывается с категориями «эмоционального отношения», «образа», «картин мира» (Гуревич, 2005). Понимая ментальность как «умственную вооруженность» (*outilage mental*), Люсьен Февр подчеркивал в содержании ментальности аффективную жизнь людей (любовь, страх, смех) и вместе с тем отмечал, что речь идет о «том круге понятий и категорий, навыков и автоматизмов сознания, за пределы которого мысль человека данной эпохи не в состоянии выйти» (цит. по: Гуревич, 2005, с. 8). С учетом современных историко-психологических воззрений А. Я. Гуревич не вычленяет отдельных эмоций и описывает ментальность как совокупность «картин мира» и «психологический каркас культуры»: «...время, пространство отношение людей к природе, трактовка потустороннего мира и его связей с миром животных, понимание возможного и невозможного, естественного и сверхъестественного, связь технологических и магических методов воздействия на мир, трактовка идеального и материального, труд и праздник, оценка детства и старости, семья, отношение к женщине и сексу, страхи и фобии, наконец, психологический статус личности – таковы некоторые аспекты картины мира» (Гуревич, 2005, с. 9). В конечном счете ментальность можно соотнести с понятием совокупности устойчивых образов и их эмоциональной и другими модальностями. Образная сфера личности или общества (этносреды) может включать не только образы, имеющие социокультурное или природно-биологическое происхождение, но и религиозно-мистические. В нашем походе рассматривается этническая функция элементов образной сферы личности или общества (этносреды) как, например, система социальных представлений (Абульханова-Славская, 1996; Шихирев, 1998 и др.). В целом рассматриваются как этнические функции отдельных элементов образной сферы (ментальности) личности и этносреды (собственно образов), так и модальностей данных образов – эмоциональных, нравственных, когнитивных, моторных и др.

Понятие этнофункционального рассогласования

Одним из основных в этом подходе является понятие **этнофункционального рассогласования** образного содержания отношений личности или модальностей этих образов. Содержание отношений как элементов этносреды рассогласовано в том случае, если они выполняют этнодифференцирующие функции по отношению друг к другу. Примером таких рассогласований могут служить случаи,

когда личность в той или иной мере этнически маргинализована. В частности, человек может не иметь определенного религиозного мировоззрения, но придерживаться разнородных норм и правил, например, буддизма и христианства (рассогласование социокультурного и духовно-нравственного содержания), предпочитать в питании такие разнородные продукты, как ржаной хлеб и бананы (рассогласованность отношения к биологическому взаимодействию с внешней средой), мечтать о том, чтобы постоянно жить в тропическом климате, несмотря на то, что он родился и вырос в северных широтах (рассогласование отношений к климато-географическим этническим признакам) и т. д.

Отношения к элементам этносреды могут осознаваться личностью («Я знаю, что у меня белая кожа»), а могут быть неосознанными. Например, житель Вологодской области может не знать, что в лесах под Вологдой исчезли последние медведи, однако его этносреда с этого момента изменилась.

Этническая функция элементов ментальности этносреды, в том числе и образного содержания отношений личности, не всегда очевидна и в ряде случаев может быть определена только экспертами-специалистами в области этнологии, антропологии, культурологии и других наук о человеке, а также деятелями литературы, искусств и пр.

1.5 Этническая функция ведущего эмоционального состояния

В регуляции целостного и важнейшего аксиологического аспекта поведения человека большую роль играет такая модальность образной сферы личности, как аффективность, в особенности относительно устойчивые ее формы, обозначаемые в отечественной психиатрии как «тип ведущего аффекта» (Вертоградова, 1980). Клинико-психопатологические исследования дают основания полагать, что качественные изменения «типа ведущего аффекта» (в «норме» мы рассматриваем типы ведущих эмоциональных состояний) от мании до депрессии осуществляются в рамках континуума: мания → гипертимия → нормотимия → гнев → тревога → тоска → апатия. Причем, изменения от одного типа аффекта к другому могут происходить непрерывно (последовательно, без скачков) и с последовательным снижением энергетического потенциала личности (максимальным при мании и минимальным – при апатии) (Степанов, 2004).

Например, такие «непоследовательные» («дискардантные») сочетания, как «апато-тревожный» ведущий аффект, как правило,

встречаются лишь при выраженной органической патологии и шизотипических расстройствах (Вертоградова и др., 1980). По нашим наблюдениям, каждая личность характеризуется определенными доминирующими эмоциональными состояниями (соответствующим типам ведущего аффекта в патологии), а их тип является характеристикой эмоциональной сферы личности не только в патологии, но и в «норме». Эти эмоциональные состояния, в частности, определяют преобладающий тип реагирования в системе отношений личности – не только собственно эмоциональный, но и когнитивный, моторный и поведение в целом. Мы считаем, что эмоциональная сфера – ведущая в системе отношений личности, и в то же время язык описания данной сферы по типу основного эмоционального состояния является континуальным и инвариантным как для нормы, так и для патологии.

Этнофункциональный смысл (этническая функция) типа ведущего аффекта во многом определяет его «нормальность» или «патологичность». Например, для христианских этносред нормой является тревожный аффект без излишней тоски (уныния) или гнева (то и другое считается грехом); он связан с не гипертрофированным чувством вины (депрессивный бред и пр.), без которого невозможно принятие положения о первородном грехе, таинства исповеди и пр.

Понятие «мания» происходит от древнегреческого имени богини Мании, насылающей безумие на людей, преступивших нравственные законы. Мании иногда отождествляются с эвменидами («благожелательными богинями»), являющимися другим обозначением эриний (богинь мщения). Эвмениды перестали считаться богинями мщения и стали божествами благодати, предотвращающими несчастье и дарующими плодородие. Связь опьянения и одержимости с плодородием прослеживается в культе Диониса и в античности, несомненно, имеет позитивный сакральный смысл. В то же время очевидно негативное отношение к опьянению и одержимости в христианстве.

Смысл состояния безразличия и уныния (или «генерализации чувства безнадежности») не одинаков в различных этносредах: в буддистских (позитивное отношение, один из показателей духовного прозрения), протестантских (прагматически негативное неприятие как «мешающего» фактора для позитивных ценностей капитализма – социальной активности, продуктивности и эффективности) и православных этносредах («уныние» в духовном смысле – грех, однако оно также мешает нравственной общественной жизни человека).

Смысл типа ведущего аффекта (или эмоционального состояния) заключается в том, что его этническая функция может обуславливать представление о данном состоянии либо как о нормальном, либо как о патологическом в различных этносредах.

1.6 Отношение к образам природы и его роль в адаптации личности

Исследования разных авторов дают основание предполагать, что важнейшим фактором в онтогенезе человека является его отношение к природной среде (Юнг, 1993; Voas, 1922 и др.). Наши эмпирические разработки также демонстрируют системообразующую роль в процессе адаптации личности играет эмоционально положительное отношение к образам природы ареала ее собственного рождения и проживания (Сухарев, 2006 и др.). В частности, «точкой отсчета» в диагностике этнофункционального развития личности является нарушение отношения к группе климато-географических элементов этносреды, что определяет основу для структурирования системы ее отношений в практической работе (в психотерапии, воспитании и др.).

В работах по психотерапевтическому методу «глубинной экологии» подчеркивается, что нарушение отношения человека к окружающей природной среде практически всегда связана с такими депрессивными симптомами, как отчаяние, печаль, страх, чувство безысходности (Сид и др., 1992, с. 11–12). Психотерапевтическая проработка отношения человека к ландшафтам, климату, животному и растительному миру позволяет преодолевать депрессию. В исследованиях Х. Лейнера (1996) показано, что спонтанное представление пациентом в процессе образно-чувственной психотерапии экзотических ландшафтов, не связанных с местом его рождения и проживания, как минимум, свидетельствует о психопатологических проблемах. И, напротив, в норме пациенты, проживающие в средней полосе, представляют, как правило, образы средневропейских ландшафтов (Обухов, 1997, с. 35).

Данные результаты согласуются с нашими эмпирическими исследованиями, в которых было выявлено, например, что предпочтение образов экзотических ландшафтов является маркером углубления нозологической отнесенности депрессивных расстройств у взрослых, показателем синдромальной выраженности аффективных расстройств у детей и признаком, дифференцирующим опийную наркоманию от алкоголизма. Кроме того, согласно полученным

нами результатам, психическая дезадаптированность человека в пожилом возрасте (нарушения памяти, старческие депрессии и пр.) достоверно связана с отсутствием положительных эмоционально окрашенных образных воспоминаний о родной природе в возрасте до 7 лет. Сходные результаты, выявляющие приоритетную роль этнофункционального рассогласования отношения личности к группе ландшафтно-климатических признаков для возникновения психической дезадаптированности, получены нами практически на всех возрастных группах и контингентах исследуемых (Сухарев, 1996, 2006 и др.). Имеющиеся эмпирические результаты согласуются с выдвинутым нами положением о системообразующей роли климато-географических факторов в формировании системы отношений личности к этносреде. Наши эмпирические исследования, дают также основания предполагать системообразующую роль образов природы в образной сфере личности (Сухарев, 1996–2007).

1.7 Понятия этноида, этнической идентичности и процесса этнической идентификации

Количество этнофункциональных рассогласований может определять степень нарушения (деформации) *этноида* как системы образов реальной этносреды или системы реальных отношений личности ко всем возможным этническим признакам, включая отношение к трансцендентной сфере, а также обобщенный этнический признак (собственную этничность по самоопределению). Этноид имеет как пространственную составляющую – отношения к элементам этносреды, так и историческую, временную составляющую – развитие отношений к содержанию исторических этапов развития этносреды отраженных в онтогенезе личности (см. главу 2).

Введение более широкого и операционализованного по сравнению с «этнической идентичностью» понятия этноида и представления о степени его деформированности позволяет преодолеть недостатки дефиниции классической этнопсихологии: «этническая идентичность» – «осознание своей принадлежности к определенному этносу» (Стефаненко, 1999, с. 20), т. е. простого самоопределения типа «я – русский», «я – немец» и пр., довольно произвольного «навешивания ярлыков» (Пезешкиан, 1993, с. 28). Понятие этноида открывает также возможность определять степень риска возникновения психической дезадаптированности личности и соотнести с процессом этнической идентификации все имеющиеся прикладные разработки в области этнофункциональной психологии.

Этноид вовсе не обязательно в точности соответствует (на практике – никогда не соответствует) какой-либо реально существующей или когда-либо существовавшей в истории человечества этносреде. Например, мы часто сталкивались со случаями, когда человек, считая себя русским, предпочитал для постоянного места жительства среднерусский ландшафт при условии, чтобы «зимы не было» и т. д. Часто встречаются случаи, когда человек, любящий родную, например, среднерусскую природу, предпочитает в питании такие экзотические продукты, как киви, бананы и т. п. (по мысли В. И. Вернадского, питание – важнейший способ биологического взаимодействия со средой). При этом тот же человек может считать себя, например, буддистом и т. п.

В классической этнопсихологии, исходящей из типологического подхода к этничности, присущего этнической парадигме, рассматриваются компоненты этнической идентичности – когнитивный и аффективный, а также этнодифференцирующие признаки, характеризующие эту идентичность как представление о родной земле, языке, религии и др. (Стефаненко, 1999; Лебедева, 1999 и др.). Получается, например, что человек, считая себя русским, в то же время может не любить русскую природу, быть буддистом и т. д. Теоретическая полнота описания этничности требует использования не этнической, а этнофункциональной парадигмы, так как «осознание своей принадлежности к определенному этносу» не позволяет достаточно дифференцированно в рамках единой методологии определять, например, степень сформированности этой идентичности.

Наличие множества признаков, характеризующих этническую идентичность, вступает в логическое противоречие с ее определением как «отнесение себя к тому или иному этносу». На этом основании С. Л. Бухарева (2005) рассматривала понятие этнической идентичности как систему отношений человека ко всем группам этнических признаков (т. е. этносреде), а также к содержанию и последовательности стадий этногенеза собственного народа. Бухарева определяет этническую идентичность как систему отношений личности ко всем группам этнических признаков, а собственно «этничность по самоопределению» – лишь как «обобщенный этнический признак». Действительно, приоритетной в этнофункциональном подходе является именно целостность, системность всех отношений личности, а не то, какой именно этнический «ярлык» (Н. Пезешкиан) присваивает себе тот или иной человек.

С. Л. Бухарева ввела определенные показатели степени сформированности-несформированности этнической идентичности.

Например, принятие себя как еврея может этнофункционально рассогласовываться с негативным отношением данного человека к иудейской религии. Показателем степени сформированности этнической идентичности С. Л. Бухарева считала «количество отношений» личности к этническим признакам, традиционным для населения страны рождения и проживания конкретного человека, а также отношений к этническим признакам, этнофункционально согласованным и с его этничностью по самоопределению. Такой подход, на наш взгляд, позволяет не только более тонко дифференцировать степень сформированности этнической идентичности, но одновременно и определять степень этнофункциональной рассогласованности системы отношений личности как фактора риска возникновения психической дезадаптированности личности.

Мы не придерживаемся определения этнической идентичности по С. Л. Бухаревой, поскольку все противоречия, связанные с использованием классического представления об «этнической идентичности», устраняются введением понятия этноида. В понятии «этнической идентичности» мы оставляем лишь то, что содержится в ее традиционном определении – отнесение себя к определенному этносу или группе этносов, вернее, в нашем подходе – к этносреде.

Этничность человека (целостности телесного, психического и духовного содержания) мы определяем как идеальный прообраз и итог естественного развития этносреды природного ареала его рождения (в определение включается не только пространственный, но также исторический аспект). По существу, конструктивный (*естественный*) процесс этнической идентификации личности представляет собой уподобление ее этноида идеальному прообразу естественного развития этносреды природного ареала рождения данной личности.

Возможен также деструктивный («противоестественный») процесс идентификации, например, при уподоблении личности прообразу естественного развития этносреды чуждого ареала, например, известны случаи идентификации жителей России с североамериканскими индейцами и пр. Возможна также идентификация с исторически не существующей, вымышленной «этносредой» – «**виртуальная этничность**»; такая идентификация встречается в некоторых субкультурах – «инопланетяне» и некоторые другие типы идентичности. Психическая дезадаптированность личности (вплоть до психических расстройств) гораздо чаще возникает при деструктивном процессе идентификации, хотя и конструктивный

процесс в случае его чрезмерной искусственной интенсификации также может играть дезадаптирующую роль.

Привнесение в психику человека этнофункционально согласованных элементов требует от него меньше энергетических (адаптационных) затрат на их ассимиляцию, чем для рассогласованных. Соответственно психика, состоящая из относительно большего числа этнофункционально согласованных элементов, имеет больший адаптационный (энергетический) потенциал.

Эту мысль можно проиллюстрировать высказыванием Н. С. Трубецкого о том, что «сильные различия элементов культур» при контактировании могут зачастую «привести к катастрофе» и «правильный выбор» культурного партнера есть «вопрос личной гигиены» (Трубецкой, 1995, с. 327–338).

Таким образом, этноид характеризуется большей или меньшей степенью целостности, снижение степени которой («деформация этноида») может обуславливать психическую дезадаптированность личности.

Естественный процесс этнической идентификации личности обуславливает относительно согласованный этноид по сравнению, например, с более деформированным этноидом психически больного человека или этнически маргинальной личности, не разрешившей свои психические конфликты.

1.8 Этнофункциональный подход к эндо- и экзопсихике.

Проблема психического вырождения с позиций этнофункционального подхода

Теоретически этнофункциональные рассогласования можно рассматривать как рассогласования различных элементов «экзопсихики» и «эндопсихики» (Лазурский, 1997). Эти понятия, по-видимому, были введены Лазурским не без влияния европейской школы психиатров, придерживавшихся «учения о вырождении» человека («Degenerationslehre») (Осипов, 1923).

К эндопсихике А. Ф. Лазурский относил «прирожденную основу» личности, включающую темперамент, характер, умственную одаренность и ряд психофизиологических особенностей; она вполне отождествляется с «нервно-психической организацией».

Под экзопсихикой А. Ф. Лазурский понимал систему психических отношений к внешнему миру, относительно более подверженных внешним воздействиям. Экзопроявления всецело сводятся к отпечатку, накладываемому на человека воспитанием и внешней

средой, который может отличаться такой же прочностью, как и эндопсихика.

Эндо- и экзопсихика в понимании Лазурского в принципе применимы к общей психологии и к психопатологии, в которой рассматриваются, соответственно, феномены эндо- и экзогенных (в современном понимании – психогенных) расстройств. Данное разделение характеризует этиологию психических расстройств. На наш взгляд, понятия эндо- и экзопсихического в общей психологии и, соответственно, эндо- и экзогенного (включая психогенного) в психиатрии не утратили своего значения до настоящего времени. При объяснении причин поведения личности в рамках общей психологии представления Лазурского, по-видимому, незаслуженно забыты.

Развивая концепцию А. Ф. Лазурского, В. Н. Мясищев рассматривал психические расстройства (неврозы) как «болезненно нарушенные отношения», т. е. понимал их этиологию как психогенную, или, по А. Ф. Лазурскому, как имеющих причину в экзопсихике. Данные нарушения касаются таких свойств отношений, как активность, избирательность и осознанность. Одним из достоинств теории В. Н. Мясищева является то, что в ней «общая психология личности связана с психопатологией личности; последняя долгое время рассматривалась как изолированная часть практики» (для психогенных расстройств. – А. С.) (Абульханова-Славская, 1997, с. 319–320).

В. Н. Мясищев (1995) связывал врожденные аномалии развития, прежде всего, с поражением органического субстрата. Эндогенные расстройства (шизофрению, маниакально-депрессивный психоз), а также эпилепсию он считал органически обусловленными. В современной психиатрии термин «эндогенный» связывается с происхождением психозов (не как реакций на сильный стресс, а как длительных, присущих данному человеку психических расстройств, не обязательно связанных с внутренним биологическим субстратом) и противопоставляется расстройствам «психогенным» (т. е. обусловленным социально-психологическими факторами) и «экзогенным» – возникшим вследствие таких органических причин, как черепно-мозговые травмы, воздействие алкоголя, наркотиков и др.

Понятие «эндогенный» было введено в 1892 г. немецким ученым Мебиусом в русле учения о вырождении. Сам Мебиус в это понятие вкладывал смысл характеристики «вырождения» (дегенерации) человека. С середины XIX до первой трети XX в. концепции вырождения придерживались многие известные европейские психиатры, в том числе и в России (Б. Морель, Дж. Модсли, П. Мебиус, М. Нордау, С. С. Корсаков, В. А. Мошков, В. П. Осипов, И. А. Сикорский и др.).

Понятия эндогенного (эндопсихического), экзогенного (экзопсихического) и связанного с ними представления о «вырождении» в историческом плане существенны для нашего исследования. В учении о «вырождении» в европейской науке впервые была предпринята попытка целостного понимания человека как неразрывного единства его биологического, психического и нравственного содержания.

*Краткий исторический анализ понятий «эндогенный»
и «психогенный» в связи с учением о вырождении*

Концепция «вырождения» в условиях все нарастающей специализации современной науки ценна, прежде всего, тем, что она отражает внутренне взаимосвязанный, целостный процесс нарастания различных патологических изменений в человеке – биологических, психических, социально-нравственных и др. Был накоплен достаточно убедительный эмпирический материал, свидетельствующий в пользу ее релевантности (см.: Осипов, 1923).

Учение о вырождении основывалось на анамнестических и генеалогических данных о нарастании интенсивности и количества признаков психической и биологической патологии, а также социально-нравственных отклонений из поколения в поколение при наличии у членов семей определенных психобиологических расстройств или средовых (как социальных, так и природно-биологических) патогенных условий жизни (Morel, 1857, 1860; Осипов, 1923).

Нельзя сказать, что в науке предпринимались сколько-нибудь серьезные попытки опровержения этой концепции. В связи с бурным развитием как классической, так и молекулярной генетики она была постепенно и незаметно «вытеснена» на периферию науки сторонниками рассмотрения генетических проблем на более специализированном, геном и даже молекулярном уровне. С одной стороны, сейчас уже достаточно очевидно, что не существует, например, шизофрении, единственной причиной которой является та или иная органическая патология. С другой стороны, в своем стремлении к специализации наука ушла и от определенной возможности целостного рассмотрения бытия человека как физического, психического и вместе с тем нравственного существа.

Данные современных генеалогических исследований о повторяемости, но не нарастании определенных как патологических, так и иных признаков (например, одаренности) в последующих поколениях признаются некоторыми исследователями (Эфроимсон, 1998 и др.). Однако учение о вырождении как о целостном психобиологическом и социально-психологическом процессе оказалось

основательно забытым. В частности, развитие генетики как биологической науки методологически переориентировало рассмотрение процесса биологического вырождения с целостного уровня на специфический, рассматривающий генеалогическое нарастание «частной» биологической патологии вне связи с целостными изменениями во всем организме человека. Современным напоминанием о концепции вырождения является представление о наследственно (биологически) обусловленных врожденных психоневрологических расстройствах (таких, как синдромы Марфана, Шерешевского и др.), а также представление об эндогенных психозах (шизофреническом, маниакально-депрессивном и психотических эпизодах генуинной эпилепсии).

По определению выдающегося отечественного психиатра В. П. Осипова, «психическими признаками вырождения называются такие отклонения от нормальной душевной деятельности, которые присущи данному лицу с раннего возраста, входят в состав его личности, являясь выражением патологической организации его нервной системы» (1923, с. 543). В этом определении существенно представление о целостности процесса дегенерации всей психики, когда анализ отдельного признака вырождения показывает, «что он проистекает из болезненного состояния не только лишь интеллектуальных, эмоциональных или волевых процессов, но из поражения их в совокупности, с преобладанием одних над другими» (там же). Учение о вырождении в XIX и начале XX в. развивалось как противопоставление учению о мономаниях или частичном помешательстве. Под мономаниями подразумевались главным образом болезненные состояния, сосредоточившиеся в одном психопатологическом симптоме, а именно в стойких болезненных идеях и влечениях, овладевших больным. В то время психиатрия допускала возможность развития такого моносимптома при сохранении человеком душевного здоровья в остальных аспектах.

Общим положением, выгодно отличающим сторонников концепции вырождения от сторонников учения о моносимптоме, является приверженность первых целостному пониманию психики человека. Анализ психопатологических проявлений показывает, что моносимптом является лишь одним из наиболее ярких проявлений нарушения душевного здоровья. Этот симптом «выражается наряду с целым рядом других, менее бросающихся в глаза симптомов, как существующих одновременно, так и присоединяющихся по мере дальнейшего течения и развития болезненного состояния» (Осипов, 1923, с. 544).

Б. Морель и его последователи отождествляли вырождение с «болезненными изменениями нормального человека» как нравственными («moral insanity» – моральное безумие), психическими, так и анатомо-физиологическими (Morel, 1857 и др.). В. П. Осипов в отличие от Мореля придерживался материалистической научной методологии и связывал процесс вырождения с биологической наследственностью. В то же время Осипов отмечал роль экзогенных причин (например, употребление алкоголя, морфия, кокаина; различные токсические воздействия) в возникновении признаков вырождения, а также указывал на определенную предрасполагающую роль воспитания (Осипов, 1923, с. 490, 494, 495). Л. С. Выготский подвергал справедливой критике понимание английскими сторонниками концепции вырождения «моральной дефективности» («moral insanity») как органического заболевания (Выготский, 1984, с. 150–152). Однако, на наш взгляд, в связи с указанными исследованиями В. П. Осипова правомерно предположить, что определенное воспитание может обуславливать достаточно устойчивое аморальное поведение и без «органической привязки», тем более, если оно осуществляется с раннего детства.

В целом можно сделать вывод, что результаты Мореля и других сторонников концепции психического вырождения о существенной роли наследственных факторов в этиологии психических расстройств либо совпадают, либо не противоречат соответствующим исследованиям классической генетики и самым современным достижениям молекулярной генетики. Еще пока неподтвержденным современной генетикой остается описанное сторонниками концепции вырождения явление качественного и количественного нарастания патологических признаков в последующих поколениях.

Под психическим вырождением (на уровне генеалогии конкретного человека), по В. П. Осипову, следует понимать процесс приобретения или усиления в последующих поколениях тех или иных психопатологических признаков при невозможности выявления наследственного биологического обуславливания этих признаков.

Несомненно, что для возникновения у человека полной картины клинических психопатологических проявлений, в общем случае, необходимо наличие как психических, так и наследственных биологических условий. Поэтому механизм возникновения психических расстройств должен учитывать также влияние внутренних, эндопсихических (эндогенных) и средовых (экзогенных) психобиологических факторов.

Известный отечественный генетик В. П. Эфроимсон считает, что «этические нормы и альтруизм имеют также и прочные

биологические основы, созданные долгим и упорным, направленным индивидуальным и групповым отбором» (Эфроимсон, 1998, с. 465). Это свидетельствует в пользу гипотезы об определенной наследственной обусловленности содержания отношений человека (в том числе – «моральной дефективности»).

С другой стороны, в настоящее время получили развитие идеи М. Е. Лобашева о том, что мутагенная активность повреждающего агента определяется адаптационными механизмами организма как целого. Результаты современных исследований в области молекулярной генетики в значительной степени подтверждают роль психических воздействий (эмоциональных стрессоров) как мутагенных факторов у человека (Лобашев, 1947; Ингель, Ревазова, 1999 и др.).

В недавних исследованиях по молекулярной генетике, осуществившихся в рамках программы изучения генома человека, получены результаты, подтверждающие, что на молекулярном уровне наряду с прочими факторами имеет место генетическая обусловленность различных психических особенностей, черт личности и некоторых психических расстройств. Сюда относятся личностная тревожность, депрессии, наркомании, алкоголизм и др.

Одна из работ, посвященная анализу данных по связи генов с различными поведенческими характеристиками, опубликована в журнале «Science», где впервые была представлена информация о прочтении генома человека (McGuffin, Riley, Plomin, 2001). На основании анализа большого количества исследований по молекулярной генетике в статье указывается неизбежность в начале XXI в. революционных изменений в науке – в плане учета генетических факторов в психологических исследованиях и, соответственно, в методах терапии психических расстройств.

Исходя из приведенных выше теоретических и экспериментальных данных можно предположить, что у человека могут иметь место в значительной мере наследственно обусловленные устойчивые психические состояния, особенности темперамента и характера (в частности, содержание системы его отношений).

Понятие этнофункционального вырождения личности

В соответствии со сказанным в рамках представления о вырождении как системном отклонении от «нормы» правомерно ввести понятие **этнофункционального вырождения личности**. Данное понятие характеризует личность, у которой имеются эндопсихические признаки, дифференцирующие ее с этносредой ареала рождения. В этой связи интересно отметить, что, например, некоторые признаки

биологического вырождения для представителей «одной расы» рассматриваются как патологические, а для «другой расы» – как нормальные (Осипов, 1923). Этнофункциональное вырождение – это процесс, при котором количество этнодифференцирующих элементов личности нарастает и в итоге эти элементы «эндогенизируются», становятся присущими данной личности. Напомним, что В. П. Осипов (1923) отмечал, в частности, роль в данном процессе неправильного воспитания и вредных привычек (к алкоголю, наркотикам).

Есть основания говорить о системном этнофункциональном вырождении личности при эндогенизации этнодифференцирующего содержания всей системы ее отношений. На практике чаще встречается частичное вырождение, т. е. эндогенизируется этнодифференцирующее содержание одного или нескольких ее отношений – мировоззренческих, к природному окружению и др. Теоретически это можно рассматривать как **этнофункциональный дефект** что, отчасти, подтверждается нашими клиническими наблюдениями не только в духовной или психической сферах, но и в отношениях к природе (Сухарев, Степанов, 1997).

Диагностика признаков этнофункционального вырождения личности может осуществляться, в частности, по «энергетическому» показателю. Предполагается, что содержания отношений, декларируемые испытуемым в обычном, «бодрствующем» состоянии, могут относиться как к эндо-, так и к экзопсихике (по А. Ф. Лазурскому). В то же время испытуемый, находящийся в состоянии гипноидного погружения, в большей степени сосредотачивается на своем внутреннем (эндопсихическом) мире, чем на экзопсихических отношениях как более обусловленных внешними воздействиями. В состоянии погружения ему предлагается представить себе тот или иной образ культуры, природы и пр., относящийся к этносреде ареала его рождения и проживания. Если испытуемый при этом переживает «прилив сил», «душевный подъем» и пр., то данный элемент полагается эндопсихическим и, как правило, этнофункционально согласованным. Если же испытуемый переживает «упадок сил», негативные эмоции, то этот эндопсихический элемент полагается этнофункционально рассогласованным и является признаком этнофункционального вырождения личности (по нашим данным, это относится не более, чем к 3–5% случаев обследованных (не менее 400 чел.), как больных (5%), так и здоровых – 3%), что, в свою очередь, обуславливает возникновение внутриличностного конфликта. Исходя из принципа этнофункциональной системности этносреды, «прилив сил» и позитивные эмоции мы трактуем как показатель восстановления

степени целостности личности и этносреды, а «упадок сил» и пр., напротив, как показатель снижения степени этой целостности. Выражаясь метафорически, если личность испытывает «упадок сил» от своего родного ландшафта, то она как бы «вырождена» из родной этносреды и ей «следовало бы родиться в иных природных условиях».

Следует заметить, что понятие этнофункционального «вырождения» относится не только к природно-биологическому, социокультурному, но и трансцендентному содержанию отношений личности. Признаки этнофункционального вырождения обуславливают возникновение **этнофункциональных личностных конфликтов**, т. е. противоречий, которые, с одной стороны, являются фактором риска возникновения той или иной степени психической дезадаптированности или социально-нравственных отклонений, а с другой – условием развития личности.

*Роль этнофункциональных рассогласований
содержания отношений личности в возникновении
эндо- и психогенных расстройств*

В условиях системного кризиса современного «цивилизованного мира» информационно-психологические воздействия на психику человека лавинообразно нарастают, что, несомненно, является постоянным источником психического стресса. К особому типу таких воздействий можно отнести возникновение стрессогенных этнофункциональных рассогласований отношений человека к этническим признакам: климато-географическим, расово-биологическим и культурно-психологическим. Такого рода стрессовые воздействия могут способствовать возникновению и/или увеличению интенсивности проявления у человека определенных психопатологических проявлений.

Это происходит, во-первых, в результате стрессового воздействия на психику этнофункциональных рассогласований; их возможный мутагенный эффект может приводить к возникновению в геноме человека определенных изменений, связанных с теми или иными психическими расстройствами. Во-вторых, вследствие имеющих в психике этнофункциональных рассогласований, которые обнаруживают достоверную связь с депрессивными эндогенными расстройствами, а также с заболеваемостью наркоманией, алкоголизмом и некоторыми другими расстройствами. В принципе этнофункциональные рассогласования отношений человека могут служить пусковыми механизмами или «триггерами» возникновения выраженных клинических проявлений определенных

психопатологических признаков, уже имеющих конкретную генетическую обусловленность.

Теоретически к эндогенным следует отнести врожденные психические расстройства, наследуемые и обусловленные различными психогенными воздействиями уже после момента зачатия. Отметим, что в современном определении понятия «эндогенного» предполагается наличие «биологических причин» (*körperliche Ursache*) данных расстройств, хотя и с оговоркой, что эти «причины» далеко не всегда представляется возможным выявить экспериментально (Peters, 1977, S. 148).

На практике клинический диагноз эндогенных психических расстройств ставится на основе ряда признаков, таких, как: а) наличие болезненных проявлений в течение всей жизни пациента (с раннего возраста); б) отсутствие внешних травмирующих психобиологических факторов или несоответствие силы психотравмирующего фактора и реакции на него со стороны больного и др. При этом экспериментальные поиски биологической основы такого рода расстройств в настоящее время пока не привели к однозначным выводам.

Содержание и динамические характеристики этих отношений могут быть либо биологически унаследованными, либо врожденными, либо обусловленными внешней средой человека. Если роль экзопсихических факторов вряд ли вызывает сомнение, то роль эндопсихически обусловленного содержания отношений личности требует обоснования. В принципиальной позиции по этому вопросу обязательно должна быть предусмотрена, по крайней мере, теоретическая возможность для учета влияния эндопсихики.

В психопатологическом аспекте с позиций этнофункционального подхода возможно определенное развитие взглядов А. Ф. Лазурского и В. Н. Мясищева, этот подход позволяет связать с общей психологией не только психогенные (см.: Абульханова-Славская, 1997), но и эндогенные расстройства. Этнофункциональный подход позволяет с единых теоретических позиций описать различные уровни психической адаптированности личности в норме и патологии, в частности, не только психогенные, но и эндогенные расстройства (см. результаты эмпирических исследований в последующих разделах).

ГЛАВА 2

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В ИЗУЧЕНИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

2.1 Некоторые историко-психологические предпосылки этнофункционального подхода к развитию личности

С конца XIX в. в психологической науке возрастает интерес к поиску общих закономерностей психического развития человека по аналогии с этапами развития животного мира и человеческой культуры (Выготский, Лурия, 1993; Леви-Брюль, 1994; Лурия, 1974; Обухова, 2000; Холл, 1914 и др.). В отечественной психологии роль филогенетического аспекта культурного развития психики человека выделялась в подходе Л. С. Выготского и А. Р. Лурии.

Идея аналогии развития личности и человечества как вида развивалась в работах В. Вундта, П. Жане, З. Фрейда, В. Штерна, Ст. Холла и других психологов. З. Фрейд, в частности, полагал, что смысл мифологических представлений древних народов может быть выявлен по «инфантильным следам... в каких он снова проявляется в процессе развития наших детей» и, соглашался с К. Г. Юнгом в том, что эти древние представления можно обнаружить в «фантазиях некоторых душевнобольных» (Фрейд, 1991, с. 194, 196). В связи с этим Фрейд отмечал, что эти факты указывают не только на «новый источник самых странных психических продуктов болезни», но и подчеркивают «самым решительным образом значение параллелизма онтогенетического и филогенетического развития и в душевной жизни». То общее, что имеется у душевнобольного и невротика с «человеком далекого доисторического времени», согласно З. Фрейду, может быть сведено к «типу инфантильной душевной жизни» (там же, с. 196). Идея о повторении в онтогенезе психики человека этапов

общественно-исторического развития была высказана Стэнли Холлом (под непосредственным влиянием биогенетического закона Э.Геккеля). Согласно Ст.Холлу, онтогенез психики ребенка воспроизводит историческое развитие человеческого рода, точнее, «собственной расы». Он отмечал, что «для полноты развития ребенка» необходимо, «чтобы он переживал древние чувства с точки зрения своей расы». Холл основывался на эволюционно-биологической концепции происхождения человека и полагал, что в воспитании и развитии ребенка необходимо выделять стадии «собираательства», «охоты» и пр. (Холл, 1914, с. 30). В отечественной науке «раса» – это большая группа людей, имеющих общее биологическое происхождение. Понятие расы в англоязычных странах в начале XX в. имело более широкий смысл и нередко применялось и применяется до сих пор для обозначения этносов, особенно при наличии существенных языково-культурных различий (Козлов, 1995, с. 105). Однако сегодня в отечественной науке это понятие имеет антропо-биологический смысл. Исходя из современных ему представлений о расе, Стенли Холл, по существу, разрабатывал концепцию этнопсихологического (типологического) подхода к психическому развитию человека, однако не сформулировал эту идею как таковую.

В свою очередь, В.Штерн дополняет классификацию Ст.Холла «животных» ступенях развития (млекопитающего, высшего млекопитающего – обезьяны) более поздними ступенями. По аналогии с этапами исторического развития человека европейской культуры Штерн выделяет: первые пять лет игры и сказок – ступень первобытного человека; первые школьные годы соответствуют античному и ветхозаветному периоду; средний школьный возраст соответствует фанатизму раннего христианства; пубертатный возраст – эпохе просвещения (Обухова, 2000). В.Штерн отмечает, в частности, что «между обоими рядами психического развития, индивидуальным и родовым, найдены замечательные параллели» (Стерн, 1915, с. 19).

Как мы уже отмечали, в современном «информационном» мире (Тоффлер, 1973) при нарастающей культурной и пр. неоднородности человеческих сообществ в рамках этнопсихологии, исходящей из типологических представлений об этносах и этнических системах описание этнических особенностей и развития личности представляется затруднительным. В отличие от этнопсихологического подхода, направленного на изучение особенностей процесса психического развития у различных народов (см. работы И.Кона, М.Мид и др.), этнофункциональный подход позволяет дифференцированно учитывать культурно-историческую специфику этого процесса в условиях

«кризисного сознания» современного человека (Давыдов, 1990, с. 143). При этом мы придерживаемся не представления о бесконечном культурном «прогессе» всего человечества, а положений об этнической относительности культур и последовательной смене стадий развития и упадка исторически различных этнических и культурных форм. Это соответствует взглядам таких отечественных историков и философов, как Н. Я. Данилевский (1991), Л. Н. Гумилев (1990), и зарубежных – О. Шпенглер (1993), А. Тойнби (1991), Й. Хейзинга (1992) и др., которые наряду с общностью законов и представления о цикличности культурного развития подчеркивали определенную содержательную этническую и культурную независимость человеческих сообществ.

Сравнивая культурно-исторический подход в современной отечественной и зарубежной науке с этнофункциональным, отметим их сходство в том, что в первом также выделяется роль исторического развития культуры в онтогенезе психики человека (Выготский, Лурия, 1993; Коул, 1997; Лурия, 1974). Важным для настоящего исследования является положение культурно-исторической психологии о том, что психическое развитие человека – это явление социокультурное и историческое по своей природе.

В отличие от культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и А. Р. Лурии этнофункциональный подход учитывает наличие существенного многообразия в развитии содержания отношений человека в различных культурах. При этом культурное содержание отношений личности мы рассматриваем как ее экзо- или эндопсихическое свойство.

В заключение отметим, что в рассмотренных выше подходах осуществлялись попытки сопоставления исторического развития культуры, биологического развития человека (и млекопитающих) как в «общечеловеческом», так и в этноцентристском (см.: Белик, 1991) аспектах с онтогенезом человека и личности. Общим недостатком данных подходов является, на наш взгляд, отсутствие единых методологических позиций, учитывающих специфику современной культурно-исторической ситуации в мире, в частности, поликультурность, «этнокультурную мозаичность» современного мира.

2.2 Философские основания этнофункциональной парадигмы в изучении развития личности

Разрабатываемый нами подход основывается не только на закономерностях, выявленных отечественными и зарубежными исследователями в русле этнопсихологических, кросскультурных,

культурно-исторических и других теорий и подходов. Для обоснования и объяснения закономерностей развития личности в нашем подходе используются некоторые фундаментальные представления античной философии.

Взгляды Платона справедливо считают одной из важнейших основ европейской и русской философии (Флоренский, 1994 и др.). А. Ф. Лосев, соглашаясь по этому поводу с известными авторитетами западной философии, пишет: «А. Уайтхед прямо считал всю западную философию примечанием к Платону, а Эгил Виллер, еще более того, понимает новую западную философию как примечание к «Пармениду» Платона» (1974, с. 251). Многие российские философы пытались сблизить учение Платона с христианской религией (Абрамов, 1979). Эта общая тенденция русской философии нашла выражение в следующем высказывании П. А. Флоренского: «Будучи исходным пунктом стольких направлений мысли... не должен ли платонизм быть таким глубоким движением духа, которому уже нет иного наименования, кроме как символическое, уясняемое *per se* (само по себе. – А. С.), а не *per aliud* (посредством другого. – А. С.)? И в таком случае не правильнее ли разуместь платонизм не как определенную, всегда себе равную систему понятий и суждений, но как некоторое духовное устремление, как указующий перст от земли к небу, от долу – горе?» (1914, с. 5, 6).

В частности, идеальный прообраз человека, по Платону, понимается как «эйдос», т. е. идея, в которой от рождения заложено знание человека о мире. Эйдос понимался Платоном как «предел становления вещи» (Платон, 1970, с. 505–506); в дальнейшем мы употребляем понятие «эйдос» именно в этом смысле.

Процесс обучения и воспитания Платон описывает как «припоминание» уже заложенного в эйдосе человека с рождения, но проявляющееся и осознаваемое в результате того, что учитель «напоминает» о «заложенном» ученику (Платон, 1968, с. 367–413). «Заложенное в эйдосе» мы понимаем как специфическое для человека неосознаваемое (латентное) содержание и последовательность стадий развития его личности, которое при благоприятных условиях воспитания и обучения наследуется (усваивается) ею в процессе индивидуального развития и проявляется в поведении культурного человека (при неблагоприятных условиях могут возникнуть различные отклонения и дефекты развития). Различием эйдосов человека и обезьяны можно объяснить, например, невозможность воспитать человека из детеныша шимпанзе.

В соответствии со сказанным представление об идеальном прообразе этносреды и есть ее эйдос. Напомним, что с позиций

этнофункциональной парадигмы в эйдосе этносреды присутствуют лишь этноинтегрирующие элементы, но отсутствуют этнодифференцирующие. В реальной этносреде в отличие от ее идеального прообраза имеются и те, и другие.

Если говорить о *развитии*, то Платон упоминал о совершенствовании человека в стремлении к красоте, понимаемом как *становление*, приближение к его эйдосу (Платон, 1970, с. 95–157), что предполагает переход возможности в действительность в процессе развития. Развитие, как принято считать, есть необратимое, направленное и закономерное изменение. Причем лишь одновременное наличие всех трех указанных свойств выделяет процессы развития среди других изменений. В своей работе «Античная философия истории», характеризуя феноменологию становления, А. Ф. Лосев отмечает, что «становление есть такая смена одного момента другим, когда каждый отдельный момент при своем возникновении тут же и уничтожается, снимается» (Лосев, 1977, с. 3). Лосев определяет развитие в соответствии с тем, как оно могло бы трактоваться в античной философии, не как «простое становление и движение», а как «определенную направленностью, а именно направленность постепенно развертывать то, что в самом начале дано в неразвернутом виде»; именно в этом А. Ф. Лосев видит и причину (источник) развития (Лосев, 1977, с. 5). Нетрудно видеть, что в «неразвернутом виде» в философии, например, Платона эта «причина» могла бы рассматриваться именно как «предел становления вещи», т. е. как эйдос. В связи со сказанным в нашей работе вводится представление об эйдосе развития **этносреды**. С позиций этнофункциональной парадигмы можно также рассматривать этносредовую специфику **эйдоса** развития личности человека, родившегося в этносреде конкретного природного ареала. *Идеальным прообразом развития конкретной личности является идеальный прообраз исторического развития этносреды ее рождения*. Конечно, на практике человек может родиться в одних культурных и природных условиях, а затем, переместиться в другие и т. п.; возможные последствия этих изменений в нашем подходе являются предметом эмпирических исследований. Имеют также место относительно редкие случаи **этнофункционального вырождения**. При этом, учитывается, что содержание системы отношений личности и других элементов психики (Лазурский, 1997; Мясищев, 1995) имеет определенную этническую функцию. Это содержание, как мы полагаем, *латентно*, в неразвернутом виде (А. Ф. Лосев) «заложено» в идеальном прообразе развития личности и начинает явно разворачиваться во времени (развиваться)

с момента зачатия (т. е. воплощения эйдоса человека из «мира идей», по Платону, в реальный мир), а на реальное развитие личности оказывает влияние этническая функция элементов ее социокультурного и природного окружения (см. раздел II).

Мы полагаем, что латентная личность возникает в момент зачатия и является воплощением эйдоса развития этносреды ее рождения в конкретных социокультурных, психобиологических и природных условиях. В каждый момент времени *личность* можно определить как образ и результат развития, развертывания во времени системы ее отношений к идеальному прообразу исторического развития определенной этносреды (эйдосу). Развитие личности осуществляется в процессе образования (обучения и воспитания) как наследование, в частности, основ определенной культуры и «воссоединение» с эйдосом развития этносреды природного ареала своего рождения и проживания.

Данное положение, на наш взгляд, теоретически объясняет принцип «непротиворечивости соотношения индивидуального и общественного, гармонического «вращения» индивида в культуру...», присущего французской социологической школе и в психологии использовавшемуся Ж. Пиаже и Л. С. Выготским (Абульханова-Славская, 1997, с. 293).

Необходимые условия (параметры) развития определяются в нашем подходе *идеальной целью воспитания и обучения* – идеальным прообразом исторического развития этносреды, обеспечивающим ее наследование личностью; при отсутствии необходимых условий возможны варианты типа «Маугли».

В связи с приведенными выше положениями может возникнуть впечатление, что цель воспитания и обучения в нашем подходе предполагает унификацию личности в ущерб ее своеобразию. *Неповторимое своеобразие личности*, ее индивидуальность определяется уникальностью результата разрешения противоречий между идеальным (номотетически определяемым, но окончательно неопределимым) ее прообразом (эйдосом) и бесконечным разнообразием реальных условий воспитания, обучения и существования личности в целом (идиографический подход). неповторимость развития конкретной личности является следствием того, что реальные психологические, биологические, социальные и пр. условия, в которых осуществляется зачатие, развитие и образование, на практике всегда представляют собой лишь недостаточно точное следование идеальному прообразу развития этносреды.

Идеальный прообраз развития этносреды синкретичен и в абсолютно нерасчлененном, латентном виде содержит все психические

процессы, состояния, отношения личности. В этом смысле можно рассмотреть проблему соотношения и влияния на развитие личности, с одной стороны, идеального прообраза развития этносреды, а с другой – реальными условиями отношений к образам природы, стереотипам культурного поведения и т. д.

Традиционно само развитие личности последовательно осуществляется от самого общего, синкретического образа к частному, более дифференцированному (см.: Чуприкова, 2007). Эта последовательность может быть представлена определенными стадиями развития и возрастными периодами, оптимальными для проявления тех или иных психологических новообразований: динамических и содержательных образов этносреды. В самом общем виде можно сформулировать теоретическую закономерность: чем больше реальных ограничений для воплощения идеального прообраза развития родной этносреды (т. е. ее образа), тем больше возникает у личности патологических проявлений.

Рассматривая проблему активности личности, Л. И. Анциферова выделяет понятие субъекта, который «инициирует, творит... создает условия для развития личности и т. д.» (см.: Анциферова, 2000, с. 27–42). Л. И. Божович полагает, что субъект является «инициатором собственной активности, корни которой погружены в его мотивационно-потребностную сферу. Активность эта – основа развития личности в качестве субъекта». Первичные формы субъектного (активного) отношения к миру Божович обнаруживает уже у младенцев с первых недель жизни (Божович, 1968, с. 200). В соответствии с положением о начале развития личности в момент «воплощения» идеального прообраза развития этносреды можно предположить, что определенные формы активного отношения зародыша к миру могут проявляться с момента оплодотворения яйцеклетки, что, естественно, требует эмпирической проверки.

Л. И. Анциферова отмечает также, что «в теориях личности субъект характеризуется через различные формы внешней и внутренней активности», однако «за пределами исследований остается такое *содержательное*, ценностно-смысловое измерение, которое и характеризует человека как личность. В число особенностей субъекта не входят те, которые заключены в понятиях *духовности* (курсив мой. – А. С.), гуманности, нравственности, совести, добродетельности и т. п.» (2000, с. 41). В нашем исследовании понятие субъекта как таковое не рассматривается, но мы используем представление о *субъектном, активном (деятельном) отношении личности к действительности и трансцендентному миру.*

Духовное содержание личности мы рассматриваем как трансцендентный источник и цель активности личности в том случае, когда оно определяет ее направленность на архегению этносреды, т. е. как трансцендентное содержание личности. На каждой стадии развития личности ее целенаправленная активность может иметь определенное трансцендентное содержание, этноинтегрирующее личность с идеальным прообразом развития этносреды ареала ее рождения (за исключением достаточно редких случаев этнофункционального вырождения или миграций личности). В частности, в русской этносреде раннее, дохристианское понимание содержания целенаправленной активности личности может рассматриваться как овладение (одержимость) силой одного из духов – природной стихии, животного, дерева и пр. Позднее дохристианское понимание субъектной активности может быть представлено как приобщение к «жизнетворящей силе Рода» (Рыбаков, 1994). Согласно христианскому представлению, источник активности находится в Святом Духе. Познавательная активность человека является для него следствием грехопадения, ее содержание – в очищении от греха, обретении Святого Духа и преобразении. Источник активности в эпоху Просвещения понимался, например, сначала как теория «самозарождения жизни», а позже как «космическая энергия» и другие научные и «постнаучные» теории.

Этнофункциональный подход и святоотеческое учение

Методологически этнофункциональный подход не противоречит святоотеческим православным представлениям «о причинах болезней» и даже позволяет их конкретизировать. Как известно, в святоотеческой традиции рассматриваются два рода причин болезней человека, в частности, психических – духовные и естественные: первые связаны с представлением о грехе и нравственных изъянах и отклонениях, вторые – с естественной природой человека, а именно с нарушением законов его естественной жизнедеятельности.

Согласно научным представлениям, *естественные законы* относятся не только к телу человека (т. е. его антропо-биологическим характеристикам), но и к его душевной жизни (не духовной), т. е. характеристикам психическим.

Совесть и нравственность человека имеют истоки в *духовном содержании личности*. Тем самым в общем виде в соответствии с святоотеческим учением могут быть описаны причины болезней человека «по областям локализации»: *телесные, психические и духовные*.

С другой стороны, в наставление людям за гордыню при строительстве Вавилонской башни, являвшейся символическим центром всех племен и в то же время знаком их равенства «смешал Господь языки всей земли и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Быт. xi: 8–9). Напомним, что слово «язык» на древнерусском имеет значение «народ», таким образом, речь идет о «смешении народов» в телесном, психическом и духовном отношении. В этом смысле можно сказать, что этнофункциональный подход изучает роль элементов этого «смешения» («этнокультурной мозаичности») в развитии, адаптации человека и личности.

2.3 Методологические основы этнофункционального подхода к изучению человека и личности

Принцип этнофункциональности

Основной принцип этнофункциональной парадигмы – принцип этнофункциональности – основан на использовании положения науки этнологии об этнической функции культуры, интегрирующей или дифференцирующей человека с тем или иным этносом (Бромлей, 1983). Новизна использования данного положения в нашем подходе состоит в том, что оно применяется уже в качестве методологического принципа, с позиций которого могут рассматриваться не только психологические элементы образной сферы личности, ее отношения, социальные представления, содержание стадий и этапов развития личности и общества, но и все составные элементы человека и антропосферы в целом. Методологическая эффективность данного принципа обусловлена тем, что этничность является категорией, описывающей естественные формы существования людей, обеспечивающие связь между микро- и макроявлениями человека, антропосферы и этносреды в целом. В эпоху современного «кризиса культуры» этничность и ее функции являются особо актуальными для человека и общества, с одной стороны, в качестве естественных защитных «информационных фильтров», а с другой, как инструмент преодоления процессов индивидуализации современного человечества и организации глобального взаимодействия народов мира.

Принцип этнофункциональной системности (целостности) этносреды, личности и человека

Принцип этнофункциональной системности в психологии предполагает, что личность (как и человек) рассматривается неотрывно от этносреды, т. е. как система субъект-в-этносреде, личность-

в-этносреде (человек-в-этносреде). Эти системы связываются в единое целое взаимодействием этноинтегрирующих и этнодифференцирующих функций, обуславливающих консолидацию или, напротив, разрушение системы, снижение степени ее организации. В целом это означает, что этноинтегрирующие или этнодифференцирующие изменения в отдельных отношениях могут обуславливать соответствующие изменения *во всей системе*. Отсюда, в частности, можно сделать следующий теоретический вывод. Ущерб природной среде – этнодифференцирующее исчезновение того или иного вида животных, растений, животных или появление новых, экзотических для данной этносреды, антропогенные или резкие естественные изменения климато-географических условий др. – могут обуславливать психологическую или нравственную дезадаптированность личности даже в том случае, если этот ущерб не осознается. Этот вывод, на наш взгляд, вполне соответствует здравому смыслу и отчасти результатам отдельных научных исследований (см.: Экологическая антология, 1992). Психологическая дезадаптированность личности, связанная с миграциями и соответствующими изменениями природных и культурных (т. е. этносредовых) условий жизни, хорошо изучена как явление «культурного шока» (Furnham, Bochner, 1986 и др.). В наших исследованиях, результаты которых представлены в настоящей книге, показана обусловленность психологической дезадаптированности этнодифференцирующими влияниями в условиях этносреды рождения и проживания.

Человек – это лишь элемент определенного геобиоценоза (В. И. Вернадский, Л. Н. Гумилев), включающего также конкретную культуру, конфессию и пр. (этносреду). Естественное (идеальное) единство этносред нашей планеты (этносфера) нарушается антропогенными воздействиями. Наука ведет к восстановлению нарушенной целостности этносреды, а в масштабе планеты Земля – восстановлению целостности этносферы.

*Принцип этнофункционального единства
микро- и макрокосма*

Учение о параллелизме «микрокосмоса» и «макркосмоса» (от греч. – «малый мир» и «большой мир») рассматривается философами с древнейших времен и является одной из наиболее обобщенных натурфилософских концепций целостного человека, в том или ином виде представленной в мифологии древней Индии, Китая, Скандинавии и др. В колыбели европейской философии – античности, аналогия между микро- и макрокосмосом рассматривается

у досократиков (Анаксимен, Гераклит, Диоген Аполлонийский), а представление о человеке как о «малом мире» впервые встречается у Демокрита, затем у Платона в «Тимее», у стоиков, далее – в греческой патристике (Немесий Эмесский, Григорий Нисский, Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Дамаскин и др.). В более позднее время эта идея всплывает, в частности, у Боэция, Иоанна Скотта Эуригены, в XII в. – у Бернарда Сильвестра. Идея единства микрокосмоса и макрокосмоса в эпоху Возрождения переживает свой новый расцвет – она пронизывает всю традицию немецкой мистики от Майстера Экхарта и Николая Кузанского до Якоба Беме, служит обоснованием новой антропологии у Пико делла Мирандолы и натурфилософии Джордано Бруно, отражается во взглядах Леонардо да Винчи. Несмотря на то, что эта идея в XVII–XVIII вв. выводится за пределы научного знания, Лейбниц, вслед за Николаем Кузанским, Платином и принципом Анаксагора «все во всем» придал онтологический статус понятию микрокосма в своей монадологии – каждая монада есть отражение универсума (Лебедев, 1989). В XVIII–XIX вв. идея единства микрокосма и макрокосма получила определенное выражение в воззрениях И. Гёте, И. Гердера, А. Шопенгауэра, а в XX в. она отразилась в ряде биологических и психологических концепций.

В отечественной философской мысли XIX–XX вв. развитие идеи единства микрокосмоса и макрокосмоса продолжает античную и святоотеческую традицию в русле концепции «русского космизма» начиная, как минимум, с работ А. С. Хомякова, В. С. Соловьева, Н. Ф. Фёдорова и других. В начале XX в. мысль об идеальном сродстве «микро- и макрокосма» (здесь и далее мы придерживаемся именно такого написания термина), «мира и человека» в аспекте гносеологии, биологии, экономики, религии и психологии как важнейшую и актуальную для современной цивилизации отметил П. А. Флоренский (1994). В продолжение данной философской традиции идея сродства микро- и макрокосма в целостном осмыслении человека получила свое всестороннее освещение развитие с позиций гуманитарных и естественных наук на Всесоюзной конференции «Русский космизм и ноосфера» в 1989 г., проведенной под эгидой кафедры философии АН СССР, Философского общества СССР, Московского физико-технического института и Государственного комитета по народному образованию СССР, в частности, в докладах Г. С. Батищева, Л. И. Василенко, В. Я. Прохоренко, А. И. Субетто (Русский космизм..., 1989).

В области естественных наук мысль о внутреннем единстве микро- и макропроцессов находит свое преломление у А. Гумбольдта,

К. Э. Циолковского, А. И. Вернадского, Тейяра де Шардена и др. В частности, уже в начале XIX в. Карл Бэр отмечал, что в науке его времени господствовало представление о том, что «зародыш высших животных проходит стадии, отвечающие постоянным формам низших» (цит. по: Воронцов, с. 162–163), фактически, введя в современную науку представление о «законе рекапитуляции». Далее в биологической науке вопросы соотношения онто- и филогенеза разрабатывались Ч. Дарвиным, Э. Геккелем, Н. А. Северцовым и др. Наиболее известным приложением представления о параллелизме микро- и макрокосма в биологической науке XIX и начала XX в. было учение Э. Геккеля, согласно которому общий план филогенеза отражает онтогенез; в частности, стадии развития эмбриона человека сопоставляются со стадиями филогенеза человека как вида (Геккель, 1909). В Советском Союзе теории рекапитуляции в исследовании морфофункциональной эволюции мозга придерживались такие ученые как Л. А. Орбели (1949) и А. И. Карамян (1979).

Аналогию между развитием общества и онтогенезом человека в конце XIX в. проводил еще Г. Спенсер (Спенсер, 1997; Spenser, 1896). С другой стороны, в эволюционном аспекте уже в трудах Г. Маудсли в 1871 г. и Ч. Дарвина в 1873 г. (Маудсли, 1871; Дарвин, 1953) ставился вопрос: «...не могут ли психические заболевания быть реликтом далекого прошлого, указывающего на родство, от которого человек почти удалился» (цит. по: Корнетов, 1994, с. 143). В психологической науке эта идея развивалась в работах В. Вундта, П. Жане, З. Фрейда, В. Штерна, Ст. Холла, К. Бюлера, К. Юнга и др.

Наиболее известными концепциями психического развития, основывающимися на принципе аналогии микро- и макрокосма, являются теории Ст. Холла (1914) и В. Штерна (1915). В подходах Холла и Штерна осуществлялись попытки сопоставления исторического развития культуры, биологического филогенеза человека (и млекопитающих) как в «общечеловеческом», так и в этническом аспектах с онтогенезом человека и личности. Общим недостатком данных подходов, так же как и культурно-исторического подхода Выготского и Лурии, является, на наш взгляд, отсутствие единых методологических позиций, учитывающих специфику современной культурно-исторической ситуации в мире, в частности, поликультурность, «этнокультурную мозаичность» современного мира, а также отсутствие системного учета роли природных, антропологических и трансцендентных образов на развитие и адаптацию личности. Этнофункциональная методология является инструментом преодоления

указанных недостатков и разрешения актуальных противоречий гуманитарного знания на современном этапе.

В связи с изложенным выше и с учетом необходимости целостного осмысления человека в эпоху нарастающей специализации знания в современном «этнокультурно мозаичном» мире представляется необходимым введение в психологическую науку методологического принципа **этнофункционального единства микро- и макрокосма**. Данный принцип отражает единство (параллелизм) общего плана структуры и развития этносреды как системы «человек – природа – трансцендентный мир» и дает реальное методологическое основание для системного изучения, прогноза и формирования поведения человека на современном этапе развития. Особое значение введение этого принципа имеет для разработки концепции этнофункционального развития ментальности личности и общества в конкретных этносредах.

Принцип этнофункционального развития в психологии

Исходя из информационной сути процессов, происходящих в современном обществе, все элементы нашего информационного пространства наделяются этнической функцией. Каждый элемент информации при данном подходе является таковым, лишь постольку, поскольку он несет новую информацию конкретной этносреде – этноинтегрирующую или этнодифференцирующую.

Человек и его личность являются подсистемами этносреды или этносферы. Процесс развития личности и этносреды обуславливается получением информации, в результате чего повышается степень их организации. Переход к каждому новому этапу развития этносреды или стадии развития личности связан с определенными кризисными периодами. В частности, условия развития общества (и этносреды в целом) можно интерпретировать как следствие этнодифференцирующих культурных или природных «вызовов» (термин А. Дж. Тойнби), повышающих степень организации данной этносреды, ее информационную (когнитивную) сложность или, напротив, разрушающих ее. Нарастание когнитивной сложности (количества информации в системе) происходит в соответствии с «принципом дифференциации» (Н. И. Чуприкова) в развитии систем. При этом уменьшается мера неопределенности конкретной системы (энтропия) и, согласно теории информации, количество информации в ней растет.

Увеличение количества информации, характеризующее определенную систему, связано с повышением степени ее организации.

Организация системы определяется как: 1) внутренняя упорядоченность (структура), согласованность взаимодействия ее элементов; 2) совокупность процессов, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей элементов системы, другими словами, к увеличению количества информации, содержащейся в данной системе (Пирс, 1967; Сетров, 1968 и др.). Развитие – это повышение степени организации системы («дифференцировка»), которое отличается от «роста» тем, что «при росте увеличивается число элементов одного сорта, а при развитии происходит увеличение числа сортов» (Бойко, с. 231).

А. Д. Урсул (1971) видел суть процесса развития в изменении *содержания* системы. Этот подход реализован в психологии в понятии «психологических новообразований» стадий развития, которые традиционно относятся к различным психологическим характеристикам личности, не связанным с определенной этносредой. К ним относятся, например, возникновение произвольного поведения, определенных этических инстанций, соподчинение мотивов и пр. Наряду с изменениями в содержании в процессе развития возникают также *«спонтанные изменения сложности, упорядоченности»*, степени «организации каких-либо систем», т. е. происходит «процесс самовозрастания информации» в системах, а количество информации «необходимо возрастает всюду, где имеет место прогрессивная форма развития» (Бойко, 1976, с. 219–220, 230). Соответственно, в отношении человека Е. И. Бойко полагает, что «обучение и есть развитие» (т. е. «получение знаний из знаний») (1976, с. 224, 228). Продуктивное мышление (творчество) автор трактует как «самопорождение информации», «самовозрастание знания» и т. п. (там же, с. 219–226).

На наш взгляд, здесь правомерно поставить вопрос об источнике знания в случае творчества; если не исходить из философского представления о «самодвижении» (которое далеко не всегда является творчеством), то вполне адекватным является принятое нами положение Платона об идеальных прообразах вещей, «эйдосах». В этнофункциональной парадигме, в частности, в качестве одного из базовых понятий мы рассматривали идеальный прообраз этносреды человека и личности, являющийся источником идеальных прообразов или «априорных форм» (И. Кант) в познании. Из этого источника формируется, например, и образная сфера личности (Гостев, 2007).

Из приведенных положений следует, в частности, что в содержании этапов развития определенной этносреды их информационная

или структурная сложность возрастает. В этой связи в качестве естественнонаучной аналогии напомним, что в теории информации и физике количество информации системы обратно пропорционально ее энтропии и пропорционально ее энергии (Пирс, 1967, с. 96–100, 239, 241). Опираясь на данную аналогию по отношению к этносреде или личности, можно говорить о возрастании в процессе развития их энергии (как «адаптационного потенциала»).

В соответствии с принятым нами принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма и приведенными выше положениями информационного подхода, можно сделать некоторые выводы и в отношении развития личности. Например, если на начальных стадиях развития личности предлагается для усвоения содержание онтогенетически более поздних стадий, это потребует от нее относительно больших адаптационных затрат, что может привести к ее психической астенизации и т. п.

Важно также, что больших энергетических затрат требует от личности усвоение этнодифференцирующего содержания (т. е. «чуждого» и информационно более сложного) по сравнению с этноинтегрирующим. Это объясняется тем, что содержание чуждой этносреды является новым (*informatio – lat.* «ознакомление») для личности (или бессознательным более глубокого уровня) по сравнению с образным содержанием личности, отражающим родную этносреду. *Идеальной моделью* было бы первоначальное развитие личности внутри родной этносреды для обретения данной личностью достаточного адаптационного потенциала, а лишь на более поздних стадиях – взаимодействие личности с иными этносредами.

Наши исследования показывают, что включение в развитие личности этнодифференцирующих элементов по сравнению с влиянием этноинтегрирующих, практически всегда связано с появлением признаков психической и нравственной дезадаптированности. Проблема воспитания и обучения личности в современном обществе, на наш взгляд, особенно на первоначальных стадиях развития, состоит именно в создании максимально однородных этносредовых и в том числе психолого-педагогических условий.

В целом принцип этнофункционального развития (с учетом принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма) означает:

- 1 общий план развития этносреды – содержание (ментальность) и последовательность этапов развития – повторяется в развитии личности. Содержание (ментальность) последовательных стадий развития может раскрываться в процессе

- обучения и воспитания; ментальность личности есть относительно осознанные идеальные прообразы этносреды, или этносферы (прообразы бессознательного);
- 2 изменение личности в процессе развития затрагивает не только психологические особенности эмоциональной и когнитивной сфер, возникновение межфункциональных взаимодействий и пр., но и стадияльное изменение образного содержания системы отношений личности (т. е. образов природы, сказок, конфессионального содержания, способов мышления и пр.), соответствующих определенным этапам развития этносреды и играющих ведущую роль для развития личности на каждой стадии;
 - 3 на каждом этапе исторического развития этносреды происходит усложнение степени ее организации, увеличение количества информации, содержащейся в системе данной этносреды (увеличение ее когнитивной сложности); аналогично на каждой стадии развития личности увеличивается когнитивная сложность информационного содержания стадий этого развития;
 - 4 историческое развитие этносреды осуществляется поэтапно, в соответствии с результатами разрешения кризисов этого развития. В свою очередь, развитие личности не предопределено однозначно и зависит от уровня разрешения этнофункциональных личностных конфликтов, обусловленных включением в систему ее отношений этнодифференцирующих элементов.

Естественнонаучный подход к пониманию этничности и этнических процессов отличается от гуманитарного (исторического) их понимания. При описании динамики процесса развития мы используем естественнонаучные представления информационного подхода. При описании содержания этапов исторического развития **этносреды** (а также реальной этносреды или различий идеальных прообразов естественного развития этносред) и, соответственно, стадий развития личности применяются **этнофункциональные критерии** для определения этноинтегрирующей или этнодифференцирующей функции элементов образной сферы личности (Гостев, 2007). Естественнонаучный и гуманитарный подходы являются двумя равноценными и взаимно дополнительными сторонами познания реальности.

Из принципа этнофункционального развития следует, что любые нарушения или расстройства в психике, нравственности и организме

человека обусловлены отклонениями от идеального прообраза развития ментальности его родной этносреды.

Принцип этнофункционального детерминизма

В отечественной науке подчеркивалась «принципиальная важность исследования *механизмов психической деятельности*, без которых, *реализация принципа детерминизма* (курсив мой. – А. С.) ... была бы совершенно невозможной» (Бойко, 1976, с. 13–14; см. также: Ломов, 1984 и др.).

С одной стороны, Е. И. Бойко отмечает, что, «разумеется, все психологические механизмы суть в то же время механизмы *физиологические* (курсив мой. – А. С.), мозговые, хотя не все физиологические процессы являются психическими» (там же, с. 17). С этим трудно спорить, однако такая трактовка не исключает поиска механизмов психической деятельности в других областях.

С другой стороны, рассматривалась возможность поиска *чисто психологических механизмов* (курсив мой. – А. С.), например, мышления. П. Я. Гальперин пытался «выделить собственно психологические процессы из всех других процессов мышления – логических, физиологических, эстетических, педагогических и т. д.» (Гальперин, 1966, с. 242; см. также: Пушкин, Завалишина, 1964 и др.).

Социокультурно ориентированную позицию по данному вопросу сформулировал, в частности, А. В. Брушлинский: «Основная проблема психологии мышления – проблема психических «механизмов» мыслительной деятельности – должна быть решена (но не снята!) именно в ходе исследования социальной сущности мышления» (Брушлинский, 1968, с. 93).

Если поиск собственно психологических механизмов (и причин) деятельности, на наш взгляд, метафорически напоминает попытку барона Мюнхгаузена «вытащить себя самого из болота за косу», то физиологическая и социокультурная детерминация могут представлять собой реальные объяснительные модели поведения человека (в духе той же метафоры как попытки опереться на физиологические и культурно-психологические «кочки», на твердую почву берега болота). Здесь физиологические и социокультурные механизмы можно рассматривать как этнофункциональные подсистемы **этносреды** в целом.

Если одно из первых требований к научному толкованию термина «психологический механизм», например, с «физиологических» позиций «состоит в соотнесении их с психическими процессами и в признании их в соотнесении с материальным (нервным)

субстратом, поскольку никаких бессубстратных психических процессов наука не знает» (Бойко, 1976, с. 13), то этнофункциональная парадигма опирается на «субстрат» содержания (образов, представлений и пр.) отношений личности к этносреде. Данное содержание может быть физиологическим, психологическим, культурным и др., однако в нашем подходе приоритетным является не «материальный» или «культурный» смысл содержания каждого отношения, а его этническая функция, определяющая взаимодействие всех элементов отношений личности. *Этнофункциональный механизм* поведения личности основан на развитии взаимодействия этнодифференцирующих и этноинтегрирующих элементов образного содержания системы ее отношений к этносреде – культурно-исторических, физиологических, природно-географических, трансцендентных и пр. В основе принципа *этнофункционального детерминизма* в психологии лежит, в соответствии со сказанным, *развитие этнофункционального системного механизма*, объясняющего поведение личности в целом.

Методологическая дополнительность этнопсихологического и этнофункционального подходов в психологии

Применение методологических принципов, возникших в естественнонаучной области (например, физике), уже достаточно давно осуществляется и в гуманитарных науках (Devereux, 1978; Hark, 1988, S. 25–29, 48–49 и др.). В частности, *принцип дополнительности* впервые был введен в естествознание Н. Бором с целью методологического объединения корпускулярного и волнового подходов в физике. Для нас в данном случае он означает: чем более однородна некая этническая общность, тем в большей степени к ней применим типологический подход (т. е. использование для анализа поведения человека таких понятий, как модальная личность, базовая личность, этнический стереотип, душа народа и т. п.) и наоборот.

В этом плане этнофункциональное изучение не так давно открытого в Южной Америке племени янаама (практически не имевшего контактов с окружающим миром) для анализа и прогноза поведения отдельных его представителей может занять минимальное время: его представители слишком «похожи» друг на друга, т. е. это племя этнически однородно. Напротив, практически любой представитель современной Европы и тем более США с трудом может быть включен в какую-либо типологию: личность его, как правило, этнически маргинальна, однако его поведение может быть адекватно проанализировано с позиций этнофункционального подхода.

Применимость этнопсихологического (типологического) и этнофункционального подходов в психотерапевтической, консультационной и воспитательной практике, в свою очередь, регулируется принципом неопределенности (В. Гейзенберг). В физике этот принцип означает, например, что невозможно точно определить импульс частицы, если точно известна ее координата. Типологический этнологический подход в психотерапии и воспитании (т. е. этнопсихологический подход) в меньшей степени дает представление о конкретной ситуации взаимодействия, например, терапевта и пациента, чем больше «этнокультурная мозаичность» данного общества; с нарастанием «этнокультурной мозаичности» общества более эффективным становится *этнофункциональный психологический подход*.

Таким образом, этнофункциональный подход не отрицает выделения этнопсихологических типов. В нем используется типология этносов и этнических систем, но как приближение к идеальным прообразам («пределам»), которое определяется **этнофункциональными критериями** (т. е. компетентными оценками и данными, полученными от представителей гуманитарных сфер деятельности – литературы, музыки и пр., от представителей гуманитарных и естественных наук). Если в этнопсихологии прогноз поведения не только этносов, этнических систем и самих этнофоров осуществляется на основе выделения культурных типов («базовая личность», «модальная личность» и т. д.), то этнофункциональный подход опирается на принцип этнофункционального детерминизма в психологии. Методологически исходным здесь является не тип личности или человеческого сообщества, а этническая функция элементов этносреды, обуславливающая их поведение (в широком смысле). В целом, как мы уже отмечали, этнопсихологический (типологический) подход является частным случаем подхода этнофункционального при количестве этнодифференцирующих элементов ментальности исследуемой личности или этносреды стремящемся к нулю.

Приведем примеры, иллюстрирующие приоритет не отдельно биологических, психологических или нравственных причин дезадаптации человека, а именно системного сопоставления этнодифференцирующей функции содержания разнородных влияний на его состояние и развитие. Например, хлеб и вино (биологические факторы), плоть и кровь Христа в таинстве евхаристии, выступают у арктических монголоидов (чукчей, юкагиров и др.) потенциальными факторами риска для их биологического и психического здоровья.

У арктических монголоидов, как мы уже отмечали, снижен процент содержания в крови фермента, разлагающего алкоголь (по сравнению с европейцами), у них легче возникает зависимость от алкоголя и тяжелее протекает сам алкоголизм. Для чукчей алкоголь является таким же наркотиком, как для русских – опиаты. Исследования показывают также, что употребление арктическими монголоидами хлеба и сахара (это углеводы, как и алкоголь) усугубляет течение алкогольной зависимости и облегчает ее возникновение (возможно, активизируя у последних цикл Кребса – биохимический цикл переработки углеводов) (Миневич, Баранчик 1994). В данном случае вино и хлеб (биологические элементы этносреды) в таинстве евхаристии являются этнофункционально рассогласованными с христианским вероисповеданием, т. е. культурно-психологическими и духовными элементами этносреды арктических монголоидов.

Заключение

Этнофункциональная парадигма в изучении человека опирается на следующие методологические принципы: этнофункциональной системности, этнофункционального единства микро- и макрокосма, этнофункционального развития и этнофункционального детерминизма. Кроме того, мы используем *принцип этнофункциональной субъектности*, который означает, что личность и этносреда могут обладать духовной «образностью», т. е. «воплощенным» трансцендентным содержанием, обуславливающим их активность, т. е. субъектность.

При изучении личности в психологии указанные выше принципы применяются собственно к психическому и духовному (трансцендентному) содержанию личности; а) культурно-психологические и трансцендентные элементы этносреды находятся в неразрывной взаимосвязи, и нарушение этой взаимосвязи обуславливает разрушительные для данной личности и ее этносреды процессы; б) те или иные конструктивные или деструктивные процессы в личности (и, соответственно, в этносреде) в определенной мере обусловлены нарушением или восстановлением целостности культурно-психологических и трансцендентных элементов этносреды; в) личность и этносреда рассматриваются как результат общности законов развития, аналогии общего плана развития микрокосма (личность) и макрокосма (этносреда) в психическом и духовном аспектах; г) как личность, так и ее этносреда обладают «воплощенным» трансцендентным содержанием и, соответственно, иницилирующей активностью деятеля. «Воплощенный» образ трансцендентного содержания личности

и этносреды опосредствует их направленность на архегению («эйдос развития») данной этносреды. Духовное, трансцендентное содержание личности и этносреды мы рассматриваем как источник и цель их активности.

2.4 Этнофункциональная архегения личности и этносреды

Подводя итог нашим предшествующим теоретическим и эмпирическим исследованиям (Сухарев и др., 1993–2007), мы приходим к необходимости введения нового интегрального понятия. Оно связывает многие направления мысли прошлого и современности, наполняя их не только научно-психологическим, но и философским содержанием. Мы вводим на высоком уровне обобщения понятие **архегении** как идеального прообраза (эйдоса) развития. Данный прообраз мы полагаем *естественным* развитием. В соответствии с ним, конкретный образ развития может приближаться к своему идеальному прообразу, последовательности и скорости изменения содержания стадий. Например, есть идеальный прообраз развития березы, а есть искаженный – из-за погодных условий, влияния человека, и пр. Данное понятие – своеобразная модификация «идеи» Платона, эйдоса, вернее, дополнение к античным «идеям», так как идея развития как таковая в древнегреческой античности не рассматривалась. Античность статична, самодостаточна, так как в ней было лишь представление о совершенствовании человека в смысле очищения эйдоса от искажающих его изначальную чистоту элементов. Обобщенная идея развития стала рассматриваться значительно позже в связи с христианской эсхатологией и устремленностью к идеалу. Вместе с тем в целях преемственности развития научного знания мы определяем архегению в системе платоновских представлений как новый «эйдос», т. е. «предел становления вещи» (Платон, 1970, с. 505–506). Здесь «вещь» понимается как все возможные проявления развития (ступени развития, их содержание) в природе, обществе и пр. В применении к личности человека архегения обозначает ее психически здоровое и нравственное развитие.

Следует отметить, что представление о естественном развитии, например, ребенка использовалось Я. А. Каменским, Ж. Ж. Руссо и др. В частности, Л. С. Выготский понимал воспитание как «овладение естественными процессами развития» (1982, с. 107). Однако, *не только в психолого-педагогическом, но и в философском смысле представление об архегении как идеальном прообразе развития понимаемого как естественное ранее никем не формулировалось.*

Соответственно, анархегения – это реальный образ развития в восприятии наших органов чувств, в определенной мере отклоняющийся от идеального прообраза.

В рамках этнофункционального подхода **этнофункциональная архегения личности** – это идеальный прообраз развития личности в конкретной этносреде. Другими словами, это развитие личности в соответствии с идеальным прообразом процесса ее этнической идентификации. **Этнофункциональная архегения этносреды** понимается как идеальный прообраз исторического развития данной **этносреды** и предел, к которому стремится развитие личности.

Этнофункциональная архегения личности тождественна архегении этносреды ее рождения – имеет место **тождественность эйдосов развития личности и ее родной этносреды**. В основе данного положения лежит принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма, т. е. личности и этносреды. Этнофункциональная архегия этносреды является идеальным прообразом как *духовного, так и психического здоровья личности* и человека в целом, т. е. представляет собой «идеальный прообраз здоровья». На практике исключения составляют достаточно редкие случаи наличия у личности признаков этнофункционального **вырождения**. **Этнофункциональные критерии** соответствия элементов образной сферы личности идеальному прообразу конкретной этносреды, как мы уже упоминали, опираются на результаты исследований компетентных специалистов – этнологов, культурологов, историков, филологов, литературоведов, искусствоведов, биологов, медиков и др. С помощью данных критериев выявляется этноинтегрирующая или этнодифференцирующая функция того или иного элемента образной сферы личности или ее перцептивных представлений, определяющих содержание и последовательность стадий **этнофункционального развития личности**.

Развитие личности определяется содержанием и последовательностью стадий, соответствующих этапам идеального прообраза исторического развития этносреды.

Этнофункциональная анархегия личности отражает большую или меньшую степень ее несоответствия идеальному прообразу развития родной этносреды и характеризуется **нарушениями этнофункционального развития личности**. В принципе можно определить как психическую, так и духовную этнофункциональную анархегию личности. В отношении человека, соответственно, имеет место также соматическая анархегия.

Степень выраженности этнофункциональной анархегии личности определяется, прежде всего, количеством этнофункциона-

нальных рассогласований образного содержания и последовательности стадий развития личности. Возрастание этой степени может обуславливать углубление психической дезадаптированности человека, его психического нездоровья, нравственно или общественно отклоняющегося поведения и внутренней несогласованности различных сторон (когнитивной, эмоциональной, моторной) системы отношений личности. *Психологическими показателями* восстановления целостности отношений личности к архегении этносреды могут являться показатели повышения ее адаптационных возможностей.

Экспериментальной основой для введения понятий этнофункциональной архегении/анархегении личности являются исследования, проведенные в различных возрастных группах, как в норме, так и в патологии. Результаты экспериментально-психологических, клинко-психотерапевтических исследований и формирующих психолого-педагогических экспериментов показали, что степень социально-нравственной, психической и психосоматической дезадаптированности достоверно возрастает с нарастанием у личности в процессе ее реального развития количества этнодифференцирующих элементов, т. е. несоответствий с архегенией этносреды рождения и проживания данной личности, т. е. с усилением степени выраженности ее этнофункциональной анархегении. В свою очередь, психотерапевтическое восстановление системы отношений личности с архегенией этносреды достоверно повышает степень социально-нравственной, психической (и психосоматической) адаптированности личности (Сухарев и др., 1993–2007).

Необходимость введения понятий этнофункциональной архегении и анархегении личности вместо, казалось бы, аналогичных, ранее использовавшихся нами понятий этнофункционального психического онтогенеза и дизонтогенеза, обусловлено следующими причинами:

- 1 Понятие психического дизонтогенеза традиционно базируется в науке на «биологической парадигме», т. е. связывается с нарушением развития мозга как условия определенной психической дезадаптированности без учета ландшафтно-климатических, культурно-психологических и тем более нравственно-конфессиональных факторов. Некоторые исследователи, например, В. В. Ковалев (1995) и др. обращали внимание на не менее существенную по сравнению с биологическими факторами роль социальных условий даже для возникновения психического дефекта. В целом в современной науке существуют достаточно разноречивые представления о причинах психического дизонтогенеза.

- 2 Понятие «психического онтогенеза» не позволяет положительно обозначить показатели «психической нормы» или «психического здоровья», определяя его лишь негативно, как отсутствие «психического дизонтогенеза». Понятие «этнофункциональной архегении личности», напротив, предполагает теоретически обоснованное определение системы позитивных показателей психического здоровья, как по образному содержанию отношений, так и по динамике развития здоровой личности – в этом состоит главное различие. Представление об этнофункциональной архегении личности включает в систему показателей здоровья образное содержание системы ее отношений к этносреде. Аналогично в концепции «этнофункциональной архегении» определяются и «образные» показатели «здоровья человека» в целом.

Представление об этнофункциональной архегении и анархегении личности открывает возможность рассмотрения взаимодействия ее реального развития и архегении соответствующей этносреды на современном научном уровне. Это, в частности, позволяет на практике решить проблему правильного развития (и воспитания) личности (по замечанию Н. Пезешкиана, сегодня «почти не сохранилось четкой системы оценок применительно к такой области, как „правильное воспитание“» (1993, с. 28). Этнофункциональные критерии соответствия архегении этносреды здесь выступают как критерии правильного воспитания.

Важнейшим понятием этнофункционального подхода, характеризующим степень выраженности этнофункциональной анархегении личности, является этноид как реальная система отношений личности к элементам этносреды или система образов этносреды. Степень деформации этноида определяется степенью выраженности этнофункциональной анархегении конкретной личности.

В соответствии с понятиями архегении и анархегении личность может иметь две обобщенных направленности: 1. **Архегеничная личность** имеет направленность на архегению родной этносреды (за исключением различных вариантов **этнофункционального вырождения** и миграций, которые требуют отдельного рассмотрения), на восстановление пространственной и исторической целостности личности, повышение степени организации психики, ее адаптационного потенциала. 2. **Анархегеничная личность** имеет направленность на архегению чуждой этносреды (или на исторически не существующую **«виртуальную этничность»**); она снижает степень организации психики и уменьшает адаптационные возможности личности.

В целом личность характеризуется а) большей или меньшей степенью соответствия собственной ментальности (этноида) архегении этносреды; б) степенью организации системы ее отношений – показателями здесь могут служить признаки психобиологической и социально-нравственной адаптированности или дезадаптированности и пр.; в) *ключевой* для развития личности является ее направленность – архегеничная или анархегеничная.

Анархегеничная личность характеризуется направленностью на **этнофункциональное вырождение** (дегенерацию), что обуславливает снижение уровня психического здоровья и нравственности и ведет к психогенным, а затем к эндогенным расстройствам и безнравственности (вплоть до «*нравственного дефекта*»). Позитивный или негативный смысл духовного содержания определяется, соответственно, архегеничной или анархегеничной направленностью личности. В общем случае степень организации системы отношений личности повышается при снижении количества нарушений ее этнофункционального развития (минимизации деформаций этноида). К снижению количества этих нарушений ведет архегеничная направленность личности – на идеальные прообразы родной этносреды.

Духовное содержание личности – в идеале это трансцендентная составляющая этносреды. Это могут быть прообразы явлений природы, духи природных явлений и стихий, Христос, Будда, «вещи-в-себе» как безусловные и запредельные для опыта предметы разума в научном познании (Кант, 1964) и другие идеальные прообразы (эйдосы). Духовной является истинная вера в Христа и следование его учению. С другой стороны, имеют место примеры следования дьяволу, т. е. духовное содержание может иметь нравственно положительную и нравственно отрицательную направленность.

Диагностика личности с позиций этнофункционального подхода есть срез в определенный момент времени а) ее направленности – архегеничной или анархегеничной; б) этнической функции образной сферы личности; в) характеристик когнитивных, эмоциональных, моторных и др. сторон отношений (модальностей образов), межфункциональных взаимодействий, процессов, состояний.

Наибольшая степень выраженности этнофункциональной анархегении определяется отсутствием направленности личностью на архегению ее этносреды с момента рождения (фактически отсутствием какого-либо воспитания – случай «Маугли»).

Приведем пример, иллюстрирующий отсутствие диагностируемой степени выраженности этнофункциональной анархегении личности

по этнофункциональным критериям отношения к культурным (религиозным и сказочно-мифологическим) и ландшафтно-климатическим элементам русской этносреды (из практики Е. И. Беляковой).

Пациентка К., 19 лет, студентка. Родилась в деревне в Чувашии, в 19 лет с родителями переехала в Москву. Любит морозную зиму, лес, хочет жить в деревне. По национальности считает себя русской. Помнит себя с 3 лет, в детстве очень любила природу, русские народные сказки, в возрасте до 5 лет познакомили с ними бабушка и мама. Крещеная, считает себя православной, ежедневно творит молитвы, регулярно посещает храм. Измены в браке полагает недопустимыми. Это соответствует архегеничной направленности личности студентки.

Страдает тяжелым заболеванием позвоночника травматического генеза, но при этом стойко относится к болезни. Учится в институте на «хорошо» и «отлично» с большим интересом. По окончании вуза хочет работать детским психологом-педагогом, помогать людям (эта специальность соответствует профилю ее обучения). С однокурсниками общительна и отзывчива. По результатам теста Роршаха патологии не выявлено – установлена выраженная потребность в общении (М-ответы) (Bohm, 1972), эмпатия и хороший эмоционально-когнитивный контакт со средой (ответы типа FFb+), высокий интеллект (В-ответы). Выявлена невротическая реакция на собственное заболевание («анатомический ответ» и наличие «темного шока»). Другими словами, клинико-психологические, а также показатели Роршах-теста свидетельствуют о хорошем психическом здоровье девушки.

Еще один пример, иллюстрирующий, напротив, высокую степень выраженности этнофункциональной анархегении личности по таким же этнофункциональным критериям (из практики А. В. Бардина).

Пациентка Т., 41 год, государственная служащая, в процессе работы ей приходится много и интенсивно общаться. Родилась в Воронежской области, в 17 лет самостоятельно переехала в Москву к родственникам, так как «хотела жить в городе». Хотела бы жить в Швейцарии, зиму «терпеть не может», предпочла бы, чтобы «зимы вообще не было». Помнит себя с 5 лет, сказок в детстве вообще не помнит, к природе в детстве относилась «нормально». Считает себя православной, но молитв не знает и в храм ходит очень редко, о Боге «никогда не думала». Измены в браке считает возможными. На вопрос о собственной национальности ответила: «Я дура, набитая причем» (нарушение этнической идентичности. – А. С.).

Указанные выше показатели свидетельствуют об анархегеничной направленности личности пациентки. Страдает онкологическим заболеванием (с 39 лет), старается об этом не думать, но после выявления заболевания, по ее словам, «впервые задумалась о Боге». Т. постоянно испытывает пониженное настроение, тревогу. Своей работой не удовлетворена, сильно устает, курит. По результатам теста Роршаха выявлено полное отсутствие признаков непосредственного проявления эмоциональности (отсутствие любых вариантов Fb-ответов), имеется ответ с «девитализацией» (депрессивный признак), выявлены признаки общей невротизации и эмоционального торможения мышления (3 цветовых шока, 1 темный шок, отсутствие первичного ответа по латеральным фигурам на VIII карте), признаки повышенной тревоги. Отсутствуют также признаки гармоничного эмоционально-когнитивного контакта с реальностью (нет ответов типа FFb+). В целом представленные психологические и психобиологические показатели свидетельствуют о весьма низкой степени психической адаптированности Т.

В связи с представлением об этнофункциональной архегении представляет интерес рассмотрение понятия *сущности* человека и личности, в последнее время ставшее предметом нарастающего интереса в философско-психологических исследованиях, имеющих практическую (психотерапевтическую направленность). В отечественной науке понятие сущности личности наиболее развернуто трактуется А. Б. Орловым (1995 и др.). При определении понятий «сущности» и «личности» человека А. Б. Орлов во многом опирается на работы о «четвертом пути» суфийского философа Г. И. Гурджиева и его ученика П. Д. Успенского, использует психологическую проблематику буддизма (в частности, в изложении Н. В. Абаева, С. П. Нестеркина, Е. А. Торчинова и др.), индуизма (Шри Рамана Махарши и др.) и христианства (Орлов, 1995). Сущность человека и личности мы определяем как архегению этносреды ареала рождения данного человека.

Диапазон изменения степени выраженности этнофункциональной анархегении личности в религиозном отношении можно проиллюстрировать на следующем примере родственных понятий. Выстроим следующую иерархию: *личина* (ей соответствует множественная, распавшаяся личность – наибольшая степень выраженности анархегении) → *лицо* (развивающаяся личность) → *лик* (сущность, отсутствие признаков анархегении). Личина статична, множественна и лжива; лицо – «живая индивидуальность» и может меняться, хотя так или иначе отражает сущность человека; лик и есть его сущность, идеальный естественный прообраз личности (и человека). Лик

противопоставляется индивидуальности отдельной личности (лик есть эйдос, в нем, как на иконе, «проявляется изображение неизображаемого»), он может быть только у святого, в нем виден образ Божий. Религиозно-нравственный смысл архегеничной личности в русской этносреде есть обращение к Богу (к сущности), а анархегеничной – отвращение от Бога. Возрастание степени выраженности этнофункциональной анархегении личности определяет направленность от ее живой естественной сущности на множественность статичных «личин», не укорененных в сущности.

Сущность отношения личности к природе можно выразить эстетикой ее образов и стихий: плачущие березы, грозно нависшие тучи и т. п. Природа радуется, страдает, как писал Ф. И. Тютчев, «в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык». В начальной стадии развития личности, соответствующей «языческому» этапу развития русской этносреды, ее сущностью могут быть духи природных явлений, стихий – водяные, лешие, упыри, берегини и пр., в конце данной стадии – это «животворящая сила Рода» (см.: Рыбаков, 1994). Эмоционально-чувственное и сказочно-образное восприятие природных стихий на «христианском» этапе развития русской этносреды наполняется религиозно-нравственным смыслом – вода имеет уже освящающую функцию, земля (в русской этносреде) символизируется образом Богородицы и т. д.; на этапе «просвещения» в качестве научного представления, возможно, – это самоорганизующаяся биопсихическая система и пр.

Механизм развития личности заключается в разрешении субъектом противоречий между архегенией этносреды и определенными этнофункциональными нарушениями развития (реальными деформациями этноида) личности, что порождает **этнофункциональные личностные конфликты**. Другими словами, развитие личности – это процесс разрешения противоречий между идеальным прообразом развития данной этносреды и реальными элементами содержания (психологическими и духовными) развивающегося этноида конкретной личности. *Движущей силой* развития личности, в нашем понимании, является ее духовное содержание – трансцендентные прообразы этносреды. Сами противоречия мы рассматриваем не в качестве движущей силы развития, как принято считать, но лишь как определяющие его направление.

Разрешение этих противоречий, обусловленных наличием этнофункциональных рассогласований (этнофункциональных личностных конфликтов), между образным содержанием отношений личности, с одной стороны, и архегенией ее этносреды – с другой

осуществляется в процессе «работы переживания» (Василюк, 1985). Мы выделяем следующую иерархию уровней этого разрешения (возможно одновременное разрешение по различным уровням в различных отношениях личности к этносреде – к природе, людям, профессии, мировоззрению и пр.):

- 1 *Распад* – регрессивное разрешение конфликта. Данный уровень характеризуется нарастанием количества этнофункциональных рассогласований и разрушением уже наследованного личностью образного содержания этносреды ее рождения и проживания. Независимо от архегеничной или анархегеничной направленности личности, ее адаптационного потенциала не хватает на поддержку имеющейся степени организации этноида, его структуры и содержания. Личность не выдерживает перегрузок и переходит на онтогенетически предшествующий уровень развития системы отношений – происходит то, что называется распадом личности, возникновением психического дефекта (интеллектуального, эмоционального, нравственного).
- 2 *Задержка* – «клапанное» разрешение конфликта. Конфликт «консервируется», происходит торможение развития личности – психическое напряжение вызванное конфликтом, время от времени неконструктивно «сбрасывается» (с помощью алкоголя, наркотиков, асоциального поведения и пр.). Адаптационного потенциала личности хватает только на поддержание имеющейся структуры и содержания этноида. При архегеничной направленности личности психика совершает «сизифов труд», попеременно восстанавливая имеющуюся структуру и содержание этноида, а затем «срываясь» нравственно, психически или психосоматически; процесс наследования этносреды затормаживается. В случае анархегеничной направленности личности вследствие нарастания в психике количества этнофункционально рассогласованных элементов наступает распад личности. При «задержке» постепенно нарастает расхождение между возрастным периодом, *оптимальным* для наследования определенного этапа идеального прообраза развития этносреды ареала рождения личности и реальным содержанием и степенью организации ее этноида, что все более снижает адаптационный потенциал личности, ограничивает ее социальные возможности и пр.
- 3 *Наследование* (ранее этот уровень не вполне адекватно обозначался нами как «личностный»). В отношении архегеничной направленности личности возникает более или менее осознанное усложнение структуры этноида за счет увеличения степени

целостности и полноты наследования уже осознанных обществом («воплощенных») прообразов этносреды ареала собственного рождения. В частности, открывая для себя богатство имеющегося в общественном самосознании культурного наследия собственной этносреды, личность осуществляет творческую деятельность, переживая «творчество для себя» или «открытие для себя» (Кудрявцев Т. В., 1985, с. 80). Этому переживанию сопутствует постепенное обретение более зрелой системы отношений личности к архегении этносреды, внутреннего равновесия и готовности к «творчеству для других».

При анархегеничной направленности личности степень организации этноида как «анклава», этнофункционально рассогласованного с архегенией этносреды рождения и проживания личности, может повышаться, но при этом сам этноид все более рассогласуется с архегенией данной этносреды и степень организации личности в целом снижается. Происходит перенапряжение адаптационных возможностей личности вследствие попыток ассимилировать в систему отношений непрерывно нарастающее количество этнофункционально рассогласованных элементов и личность регрессирует к стадиям «задержки» и «распада».

- 4 *Творческое разрешение* конфликта. Данный уровень является высшим в развитии личности, характеризуется обретением ею относительно целостного этноида и, соответственно, достаточно мощного адаптационного потенциала как условия творчества. Он имеет значение не только личностное («творчество для себя»), но и общественное («творчество для других») (Кудрявцев Т. В., 1985, с. 80). Творческое разрешение может иметь двоякую направленность: а) *нравственно отрицательную*: у анархегеничной личности – к увеличению степени выраженности этнофункциональной анархегении личности, к ее разрушению, внутренней диссоциации. В этом случае, степень организации личности снижается, т. к. устремляясь к экзотическим для нее этносредам, личность образует в себе, как минимум, один этнофункционально рассогласованный анклав, антагонистически направленный на чуждую или **виртуальную этносреду**; и б) *нравственно положительную*: на архегению этносреды ареала своего рождения; в этом случае личность обретает дополнительный адаптационный потенциал, степень ее организации возрастает. Второй тип разрешения конфликта можно назвать «*сущностным*», т. к. для его разрешения личность наследует не только уже осознанные обществом «воплощения» прообразов этносреды («творчество для себя», восстановление «хорошо забытого старого» на уровне

наследования), но и синтезирует имеющиеся «воплощения» в единое целое с полученным ею в процессе творческого разрешения этнофункционального личностного конфликта содержанием (знанием), «заложенным» в архегении этносреды («творчество для других», познание «нового, ранее не бывшего») (Платон, 1968, соч., т. 1, с. 367–413; Кудрявцев Т. В., 1985, с. 80; Ярошевский, 1989, с. 642).

Нравственно положительное разрешение конфликта (*естественное* развитие личности) на этом уровне осуществляется через восстановление целостной системы отношений к архегении данной этносреды. Теоретически только после завершения цикла своего развития для личности становится доступным понимание архегении других этносред планеты (этносферы в целом). В этом случае (в идеале), в частности, исчезает эмоциональное торможение и искажение когнитивных процессов («кататимность» мышления), личность обретает способность во всей полноте воспринимать «мир эйдосов», «мир вещей-в-себе» (Кант), «психодное» (К. Юнг) или «голос разума» в смысле Фрейда. Однако это не означает «отсутствия эмоций и чувств» как, например, при болезненной психической анестезии Де Ла Роза – «анестезии скорбной психической» (Блейхер, Крук, 1995, с. 35). Напротив, эмоции и чувства на данном уровне предельно гармонизированы с познавательной способностью и наиболее адекватно взаимодействуют с действительностью.

Представленная выше иерархия уровней разрешения этнофункциональных личностных конфликтов (от «распада» до «творческого, нравственно положительного») в определенной мере соответствует возрастанию «личностного уровня человека», в терминологии В. Н. Мясищева – возрастание культурно-исторического значения личности (1995, с. 50).

2.5 Человек, личность, психическая адаптация и энергетический потенциал

«Воплощение» эйдоса человека в реальном мире, по существу, определяет не только первичный (латентный) синкретический образ личности, но более широко исходный образ человека в его телесном, психическом и духовном содержании. По мысли Платона, эйдос человека и есть его душа, а тело находится в эйдосе «как текучее в нетекучем» (Петров, 2005, с. 595). В целом античная философия, святоотеческое учение и современное богословие рассматривают

в человеке тело и душу, так или иначе разделяя последнюю на «животное» и духовно-нравственное содержание (см. Петров, 2005; Зорин, 2001 и др.). Согласно учению св. Григория Нисского о посмертном эйдосе, в земной жизни души различаются «чувствами и внутренними склонностями», а в посмертной – только «особенностями добродетели и порока» (Петров, 2005, с. 599), что также дает основания для разделения психического и духовного.

С позиций этнофункциональной парадигмы, **человек** рассматривается как этнофункциональная целостность телесного, психического и духовного (трансцендентного) содержания в неразрывном единстве с его этносредой. **Личность** в этом случае представляет собой этнофункциональную целостность психического и духовного (трансцендентного) содержания системы ее отношений к этносреде. Иначе в качестве основы личности мы рассматриваем **систему** устойчивых вторичных образов (образную сферу) и их трансцендентных прообразов – трансцендентную сферу личности (последнее составляет ее духовное содержание). Если степень организации телесных элементов снижается до слишком низкого уровня, это означает физическую гибель человека и, соответственно, его реальной этносреды. Снижение степени организации психических элементов обуславливает психические расстройства вплоть до распада личности и культурной деградацией ее этносреды. И, в свою очередь, ослабление связей человека с трансцендентной сферой определяет его нравственную деградацию (то, что раньше называлось «moral insanity» – см.: В. П. Осипов, Л. С. Выготский и др.), что определяет в конечном итоге моральную деградацию общества.

С позиций этнофункциональной парадигмы не только психическое, но и *духовное (трансцендентное) содержание личности имеет этническую функцию*, интегрирующую или дифференцирующую данную личность с архегенией той или иной этносреды.

Трансцендентное содержание личности является целью и источником ее развития, оптимизирует процесс ее адаптации к этносреде и опосредствует повышение или снижение запаса *энергии личности*, т. е. ее *энергетического потенциала*. Направленность личности на архегению этносреды ареала ее рождения повышает *энергетический потенциал* данной личности.

Понятие энергетического потенциала личности

Понятие психической энергии является общепринятым в западных исследованиях (Юнг, 1993; Фрейд, 1923, 1990; Изард, 1980; Dorsch, 1976; Nark, 1988 и др.). Под ней современные отечественные и зарубежные

психологи понимают способность к работе, достижениям; запас сил, возможность совершения «работы переживания»; эта энергия связывается с процессом переживания психических состояний как следствий психологических конфликтов и кризисов в процессе психической адаптации человека (Березин, 1978; Василюк, 1985; Курек, 1996; Dorsch, 1976). В общепринятом смысле психологическая адаптация (с нашей точки зрения, правильнее говорить о «психической адаптации») определяется «активностью личности или группы и выступает как единство процессов аккомодации и ассимиляции» (Ольшанский, 1989, с. 13).

Развивая представление о психической адаптации, мы вводим понятие *энергетического потенциала личности*, характеризующего величину «работы переживания» (см.: Василюк, 1984), которую данная личность может совершить. *Энергия личности* при этом определяется как *способность совершения ею работы переживания*. Энергетический потенциал личности зависит от психического и духовного (трансцендентного) содержания системы ее отношений. Возрастание этого потенциала возможно лишь при условии архегеничной направленности личности. Условием повышения энергетического потенциала личности является ее **этноинтегрирующее духовное содержание** (прообразы). Этнодифференцирующее духовное содержание обуславливает снижение энергетического потенциала и способствует разрушению личности и этносреды в целом.

В связи со сказанным необходимость введения понятий «энергия личности» и «энергетический потенциал личности» мы видим в том, что они шире представления о психической (психологической) адаптации человека. Этот потенциал состоит в принципиальной способности разрешать, т. е. успешно переживать внутриличностные, межличностные и идентификационные конфликты и сохранять внутреннюю целостность. В частности, показателями снижения энергетического потенциала личности в таком случае могут выступать различные признаки психической дезадаптированности – не только психического и психосоматического нездоровья и широкий спектр показателей нарушения целостности личности «в норме» – дисгармоничности когнитивной, аффективной и моторной сторон отношений, но и социально-нравственные отклонения. Кроме психической дезадаптированности, понятие энергии личности в отличие от представления о «психической энергии» включает также своего рода **«духовную (трансцендентную) дезадаптированность»**, проявляющуюся, прежде всего, в нравственных отклонениях вовлеченности в так называемые «тоталитарные секты», сатанизм,

в группы криминального поведения и т. п. Соответственно, энергию человека можно рассматривать систему взаимодействия его соматической (биологической) энергии, а также психической и духовной энергии его личности.

Понятие энергии личности в отличие от «адаптированности» (т. е. «приспособленности») рассматривалось в науке также и в связи с ее творческими проявлениями, например, в представлении о «сублимации энергии либидо» как условия творчества у З. Фрейда. Еще в начале XX в. А. Ф. Лазурский писал об общем потенциальном запасе нервно-психической энергии, необходимой для достижения личностью определенного «психического уровня», причем высший уровень связывался с творчеством (Лазурский, 1997, с. 12).

Имеются экспериментальные данные, подтверждающие, что уровень адаптационного (энергетического) потенциала личности, определяемого по показателям ее психического и психосоматического здоровья, а также ее творческого потенциала тем выше, чем ближе онтогенез данной личности к архегении этносреды ее рождения и проживания (Доржиева, 2000; Сухарев и др., 1993–2007).

Энергетический потенциал личности мы рассматриваем в связи с процессом ее развития. С позиций учения Платона об эйдосах развитие человека мы определяем с момента зачатия. В этот момент образ или архегения определенной этносреды воплощается в «личность» и обретает *«первичный синкретический образ»*, в котором латентно содержатся все внутренние условия и начальная потенциальная энергия развития конкретной личности. Соответственно, сама архегения этносреды рассматривается как неиссякаемый *источник энергии личности [духовное (трансцендентное) содержание отношений личности]*.

Результаты эмпирических исследований, представленные в последующих разделах настоящей книги, позволяют предположить, что энергетический потенциал личности определяется степенью соответствия реального развития личности архегении этносреды ее рождения и проживания. В зависимости от наличия и качества духовной связи личности с архегенией этносреды этот потенциал в течение жизни может либо более или менее интенсивно расходоваться, либо поддерживаться, либо увеличиваться; *в принципе он связан с психобиологическим состоянием человека и, естественно, с длительностью его жизни.*

Энергетический потенциал личности определяется *уровнем разрешения ее этнофункциональных личностных конфликтов* (от «распада» до «творческого» уровня). При этом увеличение энергетического потенциала личности происходит лишь на творческом, нравственно положительном уровне разрешения конфликтов (у архегеничной

личности), что способствует росту созидательных сил, творческих возможностей, укреплению психического здоровья.

Творческий, но нравственно отрицательный уровень разрешения конфликтов у анархегеничной личности, напротив, способствует ее астенизации, ослаблению психического здоровья, задержке созревания, а творчество личности в данном случае приобретает разрушительный характер как для нее самой, так и для этносреды.

Таким образом, энергетический потенциал личности определяется двумя взаимосвязанными факторами: 1. Архегеничной или анархегеничной направленностью личности. 2. Количеством имеющихся у личности нарушений ее этнофункционального развития, обусловленными этнодифференцирующими «фоновыми влияниями»: психолого-педагогической средой, средствами массовой информации и пр.

В отдельных случаях (как показано в главах 4 и 5), если личность характеризуется признаками «этнофункционального вырождения», то для временной поддержки определенного уровня ее адаптационного потенциала и сохранения здоровья бывает необходимо более или менее длительное изменение направленности личности на элементы «чуждой» этносреды – природно-биологические, культурные, конфессиональные и пр. (как вариант – реальное «погружение» в эту этносреду).

Аналогично в соответствии с принципом субъектности можно определить понятие **энергии этносреды** как ее способность сохранять целостность в условиях кризисов, возникающих вследствие войн, информационных воздействий, различного рода культурных или природных «вызовов» (Тойнби, 1991). Энергия этносреды пропорциональна степени ее организации. А условием повышения энергетического потенциала этносреды является наличие системной взаимосвязи ее ментальности (Гуревич, 2005; Дашковский, 2007 и др.) с архегенией этносреды, т. е. с трансцендентным содержанием, специфическим для каждого этапа исторического развития данной этносреды.

2.6 Этнофункциональная теория развития личности и его нарушений

Связь показателей психической дезадаптированности личности с признаками нарушения ее развития

Применение этнофункционального подхода к проблеме психического развития ориентировано, прежде всего, на установление взаимосвязи представлений о «психическом созревании» и «задержке

психического развития» с понятиями «**этнофункциональное развитие личности**» и «**нарушения этнофункционального развития личности**».

Специфика показателей задержки психического развития, психической зрелости и психического инфантилизма человека (кроме упоминавшихся выше случаев наличия признаков **этнофункционального вырождения**) обусловлена особенностями этносреды, в которой он родился и воспитывался. Так, повышенные возбудимость, заторможенность, импульсивность, а также безынициативность, безответственность, внушаемость и даже задержка интеллектуального развития нередко имеют различный смысл у разных народов и в различных этносредах. По существу, все перечисленные признаки могут характеризовать симптоматику широкого спектра психических расстройств – от более или менее длительных состояний психической дезадаптированности и неврозов до органически обусловленных психозов, шизофрении и пр. Этот факт отмечался во многих сравнительных исследованиях симптоматики конкретных психических расстройств (Ковалев, 1995; Семке, 1988 и др.). В свою очередь, такие показатели психической зрелости, как чувство ответственности, забота о других людях, участие в жизни общества и пр., как и многие признаки психических расстройств также являются весьма относительными в различных культурах.

Достаточно пестрые результаты экспериментов по сравнительному изучению умственных способностей у различных народов заставляют многих исследователей отказаться от попыток сопоставления этих способностей по «абсолютной шкале». Сопоставления тестовых измерений интеллекта представляют большие, подчас непреодолимые затруднения из-за невозможности установления связи между культурным опытом человека и выполнением им этих тестов (Коул, 1997; Serpell, 1993). При этом большинство современных западных ученых придерживаются гипотезы «когнитивного единства человечества», в соответствии с которой мыслительные процессы, в том числе и логические, не различаются в разных культурах. В то же время отмечается, что уровень умственного развития человека может быть теснейшим образом связан не только с содержанием мышления, но и с преобладающими культурными ценностями, исходными посылами мышления, культурными мифами, например, анимистически-магическим типом мышления и др., а также с другими условиями среды (Триандис, 2007; Лебедева, 1999, с. 122–123). В соответствии с этим гипотеза «когнитивного единства»

человечества, на наш взгляд, должна быть дополнена принципом «этнофункционального своеобразия когнитивных процессов».

Этнофункциональную рассогласованность отношений личности к различным элементам этносреды мы рассматриваем как несоответствие образного содержания этих отношений специфическим этапам ее развития, т. е. как нарушение этого развития. Различные показатели нарушений развития личности в детском возрасте или отсутствие признаков личностной зрелости у взрослого человека на практике являются одновременно и признаками психической дезадаптированности.

Известно, что более или менее длительное патологическое (на биологическом уровне) воздействие на недостаточно зрелый мозг является одним из условий возникновения «дизонтогенеза психического развития» (Лебединский, 1985). В последнее время появились исследования, в которых подвергалась сомнению ведущая роль органических поражений головного мозга или его недостаточной зрелости в этиологии психического дизонтогенеза (Ковалев, 1995; Коробейников, 1997 и др.). В. В. Ковалев и другие исследователи отмечали, что и психогенные факторы подчас служат причиной возникновения тяжелых психических расстройств, нередко с неблагоприятным исходом в своеобразный дефект личности, близкий к органическому. Убедительно доказана и причинная роль социокультурной депривации в этиологии «не только легкой задержки психического развития, но и тяжелых, необратимых состояний недоразвития психики и личности у детей» (Ковалев, 1995, с. 22).

В ряде случаев психическая дезадаптированность является также следствием нарушения развития личности. Например, известное сходство клинической картины истерии и шизофрении определяется отчасти тем базисом, на котором они возникают – психическим инфантилизмом (Семке, 1988).

Исходя из принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма и развивая взгляды Ч. Дарвина, Ст. Холла, В. Штерна, Х. Вернера, З. Фрейда, Л. Леви-Брюля, Б. Г. Ананьева и др., мы предполагаем, что последовательность стадий и образное содержание системы отношений при развитии личности отражает общий план этапов развития определенной этносреды (но не эволюции человечества в целом!), а нарушения этого развития обуславливают дезадаптированность личности. Напомним, что следствием данного принципа является выдвинутое нами выше положение о тождестве архегении личности и этносреды.

В исторической и этнологической науке, как и в культурологии большинство исследователей признают наличие стадильности в развитии этнических и культурных систем. Например, развитие общества может рассматриваться как процесс изменения ментальности от синкретического анимистически-природного мировоззрения и мироощущения к преобладанию монотеистического компонента, далее, к определенной религиозно-этической концепции в обществе и, наконец, до просвещенного научного мировоззрения (Попов, 1995 и др.).

*Стадии этнофункционального развития личности
и его нарушения*

На основе методологических положений о развитии личности мы предполагаем существование определенных стадий развития системы ее отношений к этносреде, включая развитие не только ее образной, но и трансцендентной сферы. На наш взгляд, эти стадии как повторение общего плана развития конкретной этносреды имеют место в большинстве христианских и мусульманских этносред. Моделью, определяющей содержание и последовательность стадий развития личности, является образное и трансцендентное содержание, а также последовательность этапов развития той или иной этносреды. Выделение этапов развития этносреды, например, в странах Азии, представляет предмет отдельного исследования (как доказательство «конкурирующей гипотезы» – Триандис, 2007). В частности, в истории Камбоджи правомерно выделить следующие этапы: доисторический, природно-анимистический и культ предков, брахманизм, эпоху Нагов (люди-змеи), буддизм махаяны, буддизм хинаяны и современный этап модернизации, связанный с проникновением европейской культуры (Миго, 1973 и др.).

Каждая стадия этнофункционального развития личности характеризуется, во-первых, **ведущим образным содержанием** системы ее отношений, опосредствующим связь с архегенией этносреды рождения личности. Это содержание мы определяем как играющее ведущую роль в историческом развитии этносреды на каждом конкретном этапе. Определение ведущей роли того или иного образного содержания ментальности на том или ином этапе развития этносреды может осуществляться методом историко-психологической реконструкции (см.: Кольцова, 2004а). Источником образов ментальности является трансцендентный мир «эйдосов», идеальных прообразов. Наши исследования показывают, что на ранних стадиях развития соответствующее образное содержание играет относительно более существенную роль в формировании эмоционально-потребностного

потенциала и в психической адаптации личности в целом, чем на более поздних (Сухарев, Степанов, 2006). В связи с этим можно предположить следующее: либо на более ранних стадиях развития личность способна обретать относительно больший энергетический потенциал, либо на различных стадиях она обретает специфические виды энергии, исходящие от трансцендентных прообразов каждой стадии развития. Причем, виды энергии, приобретаемые на ранних стадиях, являются более значимыми для физического «выживания» личности, чем виды, приобретаемые на относительно поздних стадиях.

Ведущее образное содержание системы отношений личности имеет регулирующую функцию, определяющую *специфический для каждой стадии характер взаимодействия когнитивной, эмоциональной и моторной и др. сторон отношений* или модальности ведущего образа – т. е. поведение личности в целом.

В принципе, не только «вторичный», но и любой перцептивный образ имеет свой идеальный прообраз (эйдос). С. Д. Смирнов отмечал, что «образ мира предшествует деятельности, является ее *активным* (курсив наш. – А. С.) началом... Первичное становление мотива в целях и цели в средствах деятельности невозможно без ориентировки в плане образа» (Смирнов, 1985, с. 146).

Связь образной сферы с ее трансцендентными прообразами, опосредствует повышение энергетического потенциала личности. Однако в процессе «воплощения» архегении этносреды изменяется не только образное содержание, но и оптимальная способность личности повышать свой потенциал. Оптимум повышения энергетического потенциала возможен посредством ведущих образов, специфических для каждой стадии развития личности и для каждой этносреды в определенные оптимальные возрастные периоды.

Характер взаимодействия различных сторон отношений определяет качество – степень целостности и индивидуальное своеобразие личности. Идеальный прообраз личности (ее эйдос), воплощаясь в реальных условиях (биологических, психологических и духовных свойствах матери, отца и этносреды их существования), образует реальную личность (ее синкретический образ) с пока еще латентными свойствами. Мы полагаем, что латентная система отношений личности возникает в момент зачатия как связь их идеального прообраза с реальной этносредой. Эмоциональную, когнитивную и моторную и др. стороны отношений личности в момент зачатия мы рассматриваем как латентные синкретические характеристики воплощения ее идеального прообраза. Суждение о том, что «то, что в восприятии

целое предшествует части, давно стало аксиомой» (Смирнов, 1985, с. 150), применимо и к развитию восприятия мира в онтогенезе. При этом формируется определенная структура взаимодействия когнитивной, эмоциональной и моторной сторон воплощенного образа личности в качестве программ («новообразований») (Гостев, 2007) на каждой стадии ее развития. Отметим, что для дальнейшего развития личности чрезвычайно важным является сохранение связи ее образной сферы с ее источником – трансцендентными прообразами (т. е. с архегенией этносреды).

Исходя из представлений о содержании важнейших этапов исторического развития России (а также из представления о желательном будущем этого развития), этнофункциональное развитие личности в русской этносреде мы предлагаем описывать в виде семи последовательных стадий. Каждая них имеет свои более дробные фазы развития, мы выделяем лишь наиболее обобщенные стадии, ориентировочно соответствующие значимым этапам развития русской этносреды, традиционно рассматриваемые в исторической науке как кризисные. В целом, на наш взгляд, исторические кризисы, так или иначе связаны с этнодифференцирующими внешними влияниями (см.: Гумилев, 1990; Данилевский, 1991; Ключевский, 1937, 1992; Платонов, 1998; Попов, 1995; Соловьев, 1960; Генон, 1991; Тойнби, 1991; Хейзинга, 1992; Шпенглер, 1993 и др.).

Анализ первых этапов исторического развития русской этносреды мы проводим по аналогии с историческим анализом древнегреческой античности А. Ф. Лосева (1957). Автор вычленяет следующие этапы исторического развития античной мифологии: хтонический период как «биосоциальная нерасчлененность», преанимизм (фетишизм), анимизм как появление мифа о демоне, героический (социально-антропологический) (Лосев, 1957, с. 34–89). Аналогичные этапы можно выделить в развитии русской этносреды, однако, в русской этносреде наступает также христианский этап, затем этап просвещения и современный этап постиндустриального общества (Фомина, 1990, с. 270–271).

В соответствии со сказанным в развитии русской этносреды можно выделить следующие этапы.

- I «Доисторический» этап, когда с позиций гуманитарных наук непосредственно нельзя еще говорить о ментальности (см.: Гуревич, 2005; Дашковский, 2007) русской этносреды. Этнофункциональные критерии для характеристики содержания этого этапа развития этносреды относятся к палеонтологии и палеоантропологии, а также к косвенным источникам, напри-

мер, сведениям о скифах, населявших природных ареал будущей Руси в произведениях Геродота, Страбона и др.

- 2 «Природный» (хтонический «преанимистический» – «биосоциальная нерасчлененность»), фетишизм (поклонение природным явлениям и стихиям). Относительно данного этапа правомерно говорить лишь о том, что в будущем должно составить основу представления о «русской природе» в ментальности русской этносреды; этнофункциональные критерии для характеристики «природного» этапа развития этносреды здесь также преимущественно не являются гуманитарными и лежат в области географии, климатологии, ботаники, зоологии и др.
- 3 «Сказочно-мифологический» (в начальной, хтонической фазе – анимизм, затем, переход от анимизма к демонизму; в завершающей фазе – «героизм»). На данном этапе образы природных стихий и явлений «одухотворяются» и персонифицируются (анимизм), а затем начинают более сложно взаимодействовать между собой и человеком, при этом расширяется пантеон богов и пр. – приблизительно с IV по X в. (Рыбаков, 1988, 1994); этнофункциональные критерии для выделения этносреды лежат в области мифологии, фольклористики.
- 4 «Религиозно-этический» этап начинается с момента крещения Руси (с X в.); этнофункциональные критерии для характеристики содержания данного этапа развития лежат в области истории, мифологии, богословия.
- 5 Этап «просвещения» с XVIII в. характеризуется формированием научных представлений в структуре ментальности России; этнофункциональные критерии для оценки развития этносреды на данном этапе лежат в области истории, философии, естественных наук.
- 6 Этап «синтеза» с начала XIX в. до настоящего времени (постиндустриальное общество). Характеризуется началом ускорения «смешения» народов, культур, идеологий, мировоззрений и нарастающим расслоением общества; его название связано с задачей «восстановления целостности», которая является насущно-проблемной для современной России. Этнофункциональные критерии для оценки степени целостности русской этносреды лежат в области культурологии, истории, психологии, философии, социологии, биологии и других наук.
- 7 Этап «мудрости» – «желательный» этап, некий оптимум, которого русская этносреда может достичь при условии разрешения противоречий этапа «синтеза»; этнофункциональные критерии

для оценки развития русской этносреды на этапе «мудрости» могут быть разработаны на основе *этнофункциональной парадигмы в антропологии*, которая предположительно позволит синтезировать системное взаимодействие «зрелых» (т. е. полноценно прошедших все этапы своего внутреннего развития) этносред планеты в развитии этносферы (термин Л. Н. Гумилева).

Исходя из введенного нами принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма, в соответствии содержанием и последовательностью этапов исторического развития ментальности и трансцендентного содержания русской этносреды, мы выделяем соответствующие указанным этапам стадии развития ментальности и трансцендентного содержания личности в данной этносреде. На настоящий момент в той или иной степени эмпирически подтвержденным является вычленение первых шести стадий. По первым пяти стадиям были выявлены ориентировочные оптимальные возрастные периоды для определенного ведущего образного содержания системы отношений личности. Стадии 6-я и 7-я до некоторой степени отражают, соответственно, современный (насуточно-проблемный) и будущий (желательный) этапы развития русской этносреды. Данные этапы развития русской этносреды соответствуют представлениям о настоящем и будущем России как страны «не только в полной мере воспринявшей свои духовные традиции, но и включившейся мировой цивилизационный процесс» (Лось, Урсул, 2000, с. 17).

Содержание выделенных стадий развития личности в русской этносреде:

- 1 *Доисторическая (пренатальная) стадия* – соответствует «доисторическому» этапу развития этносреды. Понимание процесса развития личности на данной стадии возможно лишь умозрительно, опосредствованно через личность матери. Здесь задается первичный *синкретический образ* личности и ее начальный энергетический потенциал. Система отношений с этносредой, как и сама личность, латентна, «потенциальна». Формирование величины начального энергетического потенциала личности определяется всей совокупностью этнофункциональных условий развития латентной личности в пренатальный период – наследственных и социально-психологических характеристик родителей, биопсихологических условий протекания беременности и родов, природно-климатических особенностей ареала зачатия и рождения и пр. «Ведущий» синкретический образ этносреды латентной личности определяется образной сферой личности матери. Регулирующую функцию на данной стадии осуществ-

вляют нейрпсихологические и психофизиологические модальности данной сферы. «Доисторическая» стадия оптимальна для формирования начального энергетического (потребностного) потенциала личности.

- 2 *Природная* стадия (с момента рождения) – соответствует теоретически обозначенному «хтоническому преданимистическому» этапу развития русской этносреды и началу «дословесного» (Стерн, 1915), а в конце стадии – «словесного» взаимодействия личности с этносредой. Ведущим образным содержанием на данной стадии являются образы природных явлений и стихий ареала рождения личности.

На данной стадии происходит активация заданного на «доисторической» стадии начального энергетического потенциала личности, проявляющегося в интенсивности протекания эмоциональных процессов (пока еще неконтролируемых) и силе потребностей. Регулирующим «ключом» к активации начального энергетического потенциала являются первичные, вербально малодифференцированные и аффективно заряженные образы природы этносреды ареала рождения личности. Дифференциация синкретического образа этносреды сопровождается переходом от непосредственного «дословесного» восприятия целостного образа мира к словесному выделению зрительных, слуховых и др. ощущений и образов природных стихий, явлений и т. д. (см.: Смирнов, 1985, с. 150). Начинается дифференциация энергетического потенциала личности по направлениям – от потребностей к субъективно обусловленным мотивам.

Оптимальный период для начала формирования задатков способностей – развитие зрительного, слухового и др. анализаторов, а также формирование направленности личности на трансцендентные прообразы природных явлений и стихий родной этносреды и ознакомление с конкретными образами природы.

- 3 *Сказочно-мифологическая* стадия – усложнение структуры «словесно-образного» содержания системы отношений личности соответствует «языческому» этапу развития русской этносреды. В русском «язычестве» вначале имело место множество природных духов (берегини, упыри и пр.), а затем появились образы богов и стихий – животворящего Рода, Велеса, Мокоши и др. (Рыбаков, 1994).

Ведущее образное содержание – образы олицетворенных духов природных стихий и их взаимодействие. Регулирующая функция на данной стадии осуществляется в форме более или менее удачных попыток контроля эмоций и потребностей, начинается

формирование когнитивной саморегуляции эмоционально-мотивационной сферы.

Оптимальный период для развития эмоциональности и воображения, гармонизации эмоционально-образного отношения к миру, формирования направленности личности на трансцендентные прообразы сказочно-мифологического содержания русской этносреды и ознакомления с народными сказками, отражающими взаимодействие образов природы, олицетворений духов природы и человека.

- 4 *Религиозно-этическая* стадия соответствует началу христианского этапа развития русской этносреды. Ведущее образное содержание – православно-нравственные образы системы отношений, регулирующие поведение личности в целом (образы Христа, Богородицы, святых).

Регулирующую функцию осуществляет гармоничное взаимодействие эмоционально-потребностной, когнитивной и др. сторон системы отношений (образование межфункциональных связей «аффекта и интеллекта» по Л. С. Выготскому и т. п.). Гармонизация энергии личности и ее поведенческих (этических) характеристик.

Оптимальный период для формирования саморегуляции эмоционально-потребностной сферы, религиозного, этического воспитания – направленности личности на религиозные и этические трансцендентные прообразы содержания русской этносреды.

- 5 Стадия *просвещения* (научно-познавательная) соответствует началу эпохи просвещения и развитию научного мировоззрения в России – «модернизации». Ведущее образное содержание – научные представления о мире, ознакомление с другими этносредами (языки, географические познания и пр.).

Регулирующая функция осуществляется научными интересами и способами мышления, операциональной стороной отношений – знаниями, умениями, навыками, а также познавательными интересами к другим этносредам.

Оптимальный период для формирования общих и специальных способностей и научного мышления и операциональной стороны отношений личности, ознакомления с научными представлениями о мире и формирования направленности личности на трансцендентные прообразы научных представлений о мире.

- 6 Стадия *синтеза* целостной этносреды соответствует современному «этнокультурно-мозаичному» этапу постиндустриального

общества и необходимости наследования личностью целостной русской этносреды и, тем самым, обретения собственной целостности. Здесь начинает формироваться система отношений к русской этносреде как целому, целостный образ русской этносреды. На данной стадии завершается наследование целостной этносреды.

Ведущее образное содержание системы отношений личности на данной стадии – целостный образ русской этносреды, этнофункциональная консолидация гео-, антропо- и биосферы. У современной этнофункционально еще незрелой личности, полноценно не прошедшей всех предыдущих стадий, эта направленность имеет эклектическое содержание, а ее мировоззрение может выражаться, например, в таких формулировках, как: «Я православный, но у меня карма плохая» и пр. Христос, Будда, шаманистские религиозные представления, «инопланетный разум», «астральные сущности» и т. д. мозаично и бессистемно переплетаются в сознании такой личности.

Регулирующая функция целостного образа русской этносреды на данной стадии, в достаточной мере, пока не исследовалась. По-видимому, такая функция может быть отведена образу учителя – не только преподавателя-профессионала, но и воспитателя, который способствует этнофункциональной консолидации личности и этносреды в современных условиях разнородного «поликультурного» образовательного пространства.

Эмпирически проверенной характеристикой личности на стадии синтеза можно считать рост уровня личностной тревоги вследствие возрастания «этнокультурной мозаичности» этносреды (Мэй, 2001, Сухарев, 1998, 2006 и др.). Поскольку, по нашему предположению, мы находимся в начале этапа «синтеза», тревога является, с одной стороны, позитивным мотивирующим фактором развития, а с другой, связана с нарастанием количества так называемых «тревожных депрессий», рост числа которых, в настоящее время является уже общемедицинской проблемой (Вертоградова, 1997, с. 2–9). Теоретически правомерно допустить, что в процессе развития личности на стадии синтеза может сформироваться гармоничное взаимодействие когнитивной, эмоциональной и этической сторон системы отношений личности в целостной русской этносреде. Можно также прогнозировать снижение тревоги и выраженности психических, психосоматических и вегетативных расстройств, возрастание творческого потенциала, психической и телесной гармонизации личности.

Главная особенность этапа синтеза в развитии русской этносреды заключается в том, что мы являемся его современниками. Название данного этапа и, соответственно, стадии «синтеза» в развитии личности определяется задачей, стоящей перед ней, – обретение целостности в ситуации «этнокультурной мозаичности». Недаром В. В. Розанов отмечал в конце XIX в., что в России нет культуры (как части русской этносреды. – А. С.), но есть культ античности, культ христианства и культ естествознания, которые никак не связаны с «семьей и народной жизнью» (Розанов, 1990). В начале данной стадии для личности назревает необходимость окончательной интеграции системы отношений к архегении этносреды ареала собственного рождения. Эта интеграция происходит в процессе оптимального, предполагающего «творческий, нравственно-положительный уровень» разрешения **этнофункциональных личностных конфликтов**, образующихся вследствие разнородности образного и трансцендентного содержания исторических этапов развития русской этносреды (например, как противоречие между христианским отношением к миру и народной сказочно-мифологической культурой, олицетворяющей духов природы).

Стадия синтеза характеризуется тем, что она является оптимальной для формирования всех творческих способностей личности, здесь начинается формирование ее направленности на архегению этносреды в целом в отличие от направленности на те или иные ее составляющие (природную, сказочно-мифологическую и пр.) на предшествующих стадиях развития.

- 7 Стадия *мудрости* соответствует предполагаемому развитию конкретной личности в будущем и формированию полноценной системы ее отношений к природе, культурам и трансцендентному миру этносферы в целом. Соответствующий этап исторического развития не начался еще ни для одной из этносред нашей планеты.

Ведущее образное содержание стадии мудрости – целостный образ этносферы планеты и относительное снижение влияния на развитие личности этнофункциональных факторов. Здесь система отношений личности дополняется системой целостных отношений к трансцендентному миру, выходящему за пределы архегении этносреды ее рождения. Этим возвращением к «миру эйдосов» этносферы – миру идеальных образов как бесконечному источнику энергии – завершается полный цикл развития личности. В отличие от современных попыток использования «опыта других культур и народов»

только на этой стадии повышение энергетического потенциала личности, помимо собственной этносреды, может адекватно и безболезненно осуществляться в любой этносреде планеты, в этносфере в целом.

Можно предположить, что регулирующую функцию на данной стадии может осуществлять «трансцендентная ответственность» личности перед человечеством, нашей планетой и космическим пространством. Это оптимальный период для формирования направленности личности на архегению этносферы в целом.

Географический ареал системы отношений личности, представленный в ее образной сфере является относительно узким на ранних стадиях ее этнофункционального развития. На последующих стадиях этот ареал расширяется. Например, христианская стадия соответствует ментальности всего христианского мира, а стадия просвещения соответствует ментальности «цивилизованного мира», к которому в настоящее время относятся и многие отнюдь нехристианские страны (Иран, Индия, Израиль, Китай и пр.). На стадии синтеза перед личностью стоит задача осознания системы своих отношений к этносфере в целом, а ее образная сфера представляет собой «планетарную ментальность», где географический ареал отношений – вся планета. На стадии мудрости личность уже направлена на архегению этносферы, этнофункциональные различия для нее уже не имеют приоритета и можно говорить о ее «космической ментальности».

В связи со сказанным можно сформулировать **закон этносредовой непрерывности развития ментальности личности** в соответствии с последовательностью стадий ее этнофункционального развития. В процессе развития у личности расширяются возможности культурно-психологического, природно-биологического и «трансцендентного» взаимодействия с различными этносредами и этносами. В частности, на стадии просвещения в отношениях личности начинает преобладать основанное на научных представлениях «когнитивное единство человечества», что отличает эту стадию от природной и сказочно-мифологической, для которых характерна «этнофункциональная специфика» когнитивных процессов.

Другими словами, в аспекте развития личность, как микроскоп, должна последовательно пройти все стадии, соответствующие этапам развития этносреды ее рождения и проживания. Отсюда следует, в частности, что часто декларируемая «общечеловеческая

идентичность» в большинстве случаев характеризует ментальность незрелой личности, полноценно не прошедшей все предыдущие стадии этнофункционального развития. Как отмечал Э. Эриксон, «слишком широкая идентичность «человека вообще» вне расовых, религиозных и других типов идентичностей» порождает опасность того, что человек может присвоить себе право «причислять или нечислять остальных к человечеству» (Эриксон, с. 329).

Для развития личности в русской этносреде нами были выявлены ориентировочные, **оптимальные возрастные периоды** (см. главы 3 и 4). В этом смысле можно говорить об *этнофункциональном личностном возрасте*, характеризующемся определенным психологическим и духовным содержанием. Например, мы столкнулись со случаем, когда у человека, страдающего алкоголизмом, в возрасте пятидесяти лет отсутствовали психологические новообразования сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий развития. Начало стадий в оптимальные периоды повышает качество функций, регулирующих поведение личности. Например, запаздывание начала стадий по отношению к оптимальным периодам является фактором риска снижения энергетического потенциала личности, а слишком раннее начало способствует повышению личностной тревоги. *Формирование регулирующих функций ведущего образного содержания системы отношений, однажды начавшись, при условии расширения и углубления этого содержания может осуществляться в течение всей жизни личности.*

В принципе личность в своем этнофункциональном развитии может и опередить современный этап исторического развития этносреды. Например, в русской этносреде, по-видимому, можно выделить ряд личностей, прошедших не только стадию синтеза, но и достигших стадии мудрости. В новое время, особенно в современном мире, по известным причинам мудрость личности распознать трудно. Однако, на наш взгляд, к таким личностям можно отнести Д. И. Менделеева, П. А. Флоренского и некоторых других. Признак этапа мудрости в развитии русской этносреды можно усматривать в формировании такого мировоззрения, как «русский космизм» (см., например: Русский космизм..., 1989; Флоренский, 1991, с. 166–176 и др.).

Медиаторы, опосредствующие взаимодействие личности и этносреды на различных стадиях этнофункционального развития, являются специфическими для каждой этносреды. На первых стадиях опосредствование взаимодействия личности и русской

этносреды осуществляется преимущественно семьей, затем учителями, сверстниками и пр., общественными и государственными институтами и т. д.

На первой стадии это взаимодействие осуществляется только матерью, на второй стадии мать ребенка является одним из ведущих медиаторов. На третьей – бабушка и мать, на четвертой более активно включаются дедушки, отец, затем братья и сестры, сверстники и старшие, а также имеет место взаимодействие с религиозными и общественными институтами – церковью, школой и т. п. На пятой стадии осуществляется преимущественное взаимодействие со школой, на шестой – с общественными и государственными институтами; ведущим медиатором на этой стадии в русской этносреде является духовный наставник (духовник). На седьмой стадии ведущим в опосредствовании взаимодействия личности и мира является целостное трансцендентное понимание сущности мира самой личностью. Достигается понимание трансцендентной сущности – архегении этносферы в целом.

Как образное содержание, так и последовательность этапов или стадий развития могут иметь этноинтегрирующую и/или этнодифференцирующую функцию. Этнодифференцирующие влияния как условия нарушений этнофункционального развития личности могут, например, проявляться в том, что ребенок, родившийся в Подмосковье, в процессе воспитания был лишен сказочно-таинственных отношений с миром, родители с раннего возраста предоставили ему компьютер и «цивилизованные» технотронные игрушки. Это нарушение можно интерпретировать в общем случае и как «замещение» относительно ранней стадии более поздней. Наличие этнодифференцирующего содержания в отношениях личности в целом соответствует идее Л. Леви-Брюля о сосуществовании различных исторических «ментальностей» в сознании современного человека (1994). Этнической функцией наделены, с позиций нашего подхода, все элементы психолого-педагогической среды ребенка: содержание игр, образы окружающей природы, животный и растительный мир, особенности питания, быта, традиций, обрядов, возраст инициации молодежи во взрослое состояние у различных народов и т. п.

Этнофункциональный смысл наличия у личности, например, анахронизмов – веяний моды разных эпох в одежде, взглядах, привычках – обнаруживается в рассогласованности этих проявлений с этносредой ареала его рождения и проживания. Это также имеет определенную связь с психическими расстройствами (Нордау,

1995 и др.). В эволюционном масштабе, как отмечает Н. А. Корнетов, уже в трудах Ч. Дарвина (Darwin, 1873) и Г. Модсли (Mausley, 1887) ставился вопрос: «Не могут ли психические заболевания быть реликтом далекого прошлого, указывающего на родство, от которого человек почти удалился» (цит. по: Корнетов, 1994, с. 143). Понимание патологических процессов до известной степени как отражения пути, который организм прошел в процессе развития, является достаточно утвердившейся точкой зрения в науке (Карамян, 1979 и др.).

В «пространственном» кросскультурном аспекте можно наблюдать следующее: вместо того, чтобы ребенку, родившемуся и живущему в Витебской области, читать белорусские сказки, родители воспитывают его исключительно на сказках и легендах североамериканских индейцев или фантазиях Дж. Толкиена (1989). Это обуславливает нарушение этнофункционального развития личности ребенка и приводит к этнофункциональному рассогласованию образного содержания сказочно-мифологической стадии.

Интересно отметить, что шаманизм (и культура в целом) североамериканских индейцев, а также романы и фантазии Дж. Толкиена породили в современной России (и в странах Европы и в США) молодежные субкультуры, фактически оторванные от русской этносреды и полностью погруженные в «иной мир» соответствующих мировоззренческих и поведенческих стереотипов. В этих субкультурах, по нашим наблюдениям, индивиды подчас полностью перенимают образ мышления, быт, одежду, язык, верования, тип питания и другие признаки, соответствующие усвоенным ими взглядам. Такое широкое и углубленное усвоение иноэтнических субкультур стало возможно лишь в наше время, благодаря развитию массовой информации и коммуникации. Данные субкультуры зачастую являются как раз тем, что Л. Н. Гумилев (1990) называл «антисистемами» по отношению к конкретной культурной и природной среде, которые могут оказывать разрушающее воздействие как на психику и организм отдельного человека, так и на общество и даже ландшафт и климат в целом.

В этой связи уместно отметить факты и результаты исследований, связанные с актуальной проблемой влияния так называемых «деструктивных культов» на психическое здоровье человека (Волков, 1997; Дмитриева, Положий, 1995; Полищук, 1997 и др.). Содержание таких культов как систем мировоззрения и мироощущения этнофункционально рассогласовано с этносредой рождения и проживания человека и представляет собой этнодифференцирующий анклав в системе отношений личности.

*Закон дифференциации
и этнофункциональное развитие личности*

В соответствии с общим принципом развития – законом дифференциации (Чуприкова, 2007) – на каждой стадии этнофункционального развития личности возрастает когнитивная сложность и количество информации в содержании системы отношений личности. Отмечается, что «...при наличии процессов развития информация (количество информации. – А. С.) должна возрастать...» (Бойко, 1976, с. 230). Ссылаясь на Х. Д. Шмидта, Е. И. Бойко отмечает, что изменения, связанные с развитием, «состоят в возрастающем усложнении и упорядочивании компонентов как внешней стороны поведения, так и внутреннего богатства образов окружающей действительности (понятие «образ» трактуется широко как совокупность восприятий, представлений, мыслей)» (1976, с. 222).

Сформулированный нами закон этносредовой непрерывности развития ментальности личности отражает также нарастание информационной емкости (когнитивной сложности) содержания отношений. Закон дифференциации и нарастания когнитивной сложности справедлив и в отношении развития любой этносреды. В кризисные этапы развития этносреды вследствие культурных или природных «вызовов» (Тойнби, 1991), этнофункционально «чуждых» ей, происходит резкое возрастание когнитивной сложности содержания системы отношений личности в данной этносреде и, соответственно, возрастает когнитивная сложность содержания стадий этнофункционального развития личности. Например, однажды ассимилированные и выверенные временем этносредовые «вызовы» в русской истории (крещение Руси, церковный раскол, модернизация в процессе петровских реформ и др.) мы считаем уже присущими современной русской этносреде.

В русской этносреде на первых пяти стадиях развития, по закону дифференциации, происходит более или менее полное распределение эмоциональной, когнитивной, моторной и трансцендентной сторон системы отношений изначально синкретического образа личности. На последних двух стадиях осуществляется синтез разрозненных «осколков» и «возврат» к трансцендентному «миру эйдосов», мудрости, прошедшей полный круг познания и вернувшейся к изначально целостному пониманию мира. При этом когнитивная сложность содержания каждой стадии этнофункционального развития тем выше, чем выше степень организации системы отношений личности к трансцендентному содержанию этносреды на каждой стадии, что увеличивает энергетический потенциал данной личности.

С позиций теории информации и термодинамики, увеличение количества информации обратно пропорционально энтропии системы, а максимум энтропии есть показатель минимальной способности совершения системой работы, т. е. в этом случае система имеет минимум энергии.

В связи со сказанным предполагается, что попытки восприятия информационно более сложного содержания относительно поздних стадий на более ранних, предыдущих стадиях будет обуславливать психическую и нравственную дезадаптированность личности, ввиду неготовности последней к относительно более высокоорганизованному взаимодействию.

Например, авторские сказки как литературный жанр в развитии русской этносреды появились позже, чем народные, – на рубеже XVIII–XIX вв. В этнофункциональном развитии личности авторские сказки соответствуют стадии просвещения, и в них заключено больше информации, чем в народных сказках, появление которых соответствует дохристианской, сказочно-мифологической стадии. Поэтому предъявление детям в процессе воспитания на сказочно-мифологической стадии авторских сказок вместо народных является фактором риска возникновения психической дезадаптированности и задержки развития. То же самое можно сказать о стихотворной форме сказок. Например, рассматривая сказки А. С. Пушкина, заметим, что наиболее ранними формами литературного стихотворного изложения, появившимися в России, являются силлабическая («Сказка о рыбаке и рыбке») и раек («Спящая Царевна»), чуть утвердилась силлабо-тоническая система. Еще более ранней и, соответственно, когнитивно наименее сложной формой общения ребенка со взрослыми является свободный пересказ сказки матерью, бабушкой и т. п. Сходный дезадаптирующий эффект – чрезмерный рост тревоги – возникает также при использовании сказочного материала, опосредованного современными технологиями (видеоформа), при слишком раннем приобщении детей к религиозно-этическим образам и нормам, обучении иностранным языкам, наукам, ознакомлении с экзотическими этносредами и пр. (Сухарев и др., 1997–2007).

Нарушения этнофункционального развития личности

Образное содержание и последовательность обозначенных выше стадий отражает и соответствующий характер нарушений этнофункционального развития личности, обуславливающих ее психическую дезадаптированность. Эти нарушения, согласно нашим

эмпирическим исследованиям, могут обуславливать формирование ведущих типов аффекта: апатии, тоски, тревоги, гнева, мании (как склонности к определенному эмоциональному состоянию) в норме и патологии (Сухарев, Степанов, 2006). Вместе с тем имеет место определенная иерархия во влиянии различных типов ведущего аффекта на нравственную и психическую адаптацию личности, ее «социально-психологическое функционирование» – СПФ (термин И. Л. Степанова). В частности, патологический тревожный аффект легче поддается терапии и при оптимальном уровне выраженности оказывает мотивирующее влияние на личность и в целом в наименьшей степени нарушает СПФ. Склонность к тоскливому и, тем более, апатическому аффекту существенно нарушает социально-психологическую адаптацию личности (Степанов, 2004). В свою очередь, склонность к тому или иному аффекту может быть связана, например, с формированием различных типов зависимостей от психоактивных веществ и наркотиков (Сухарев и др., 2007; Шустова, 2007).

Типы нарушений этнофункционального развития личности определяются по **этнофункциональным критериям**, характеризующим приближение/удаление образной сферы личности к архегении этносреды ее рождения и проживания. Эти типы могут быть расположены в соответствии с нарастанием степени их дезадаптирующего влияния на личность следующим образом:

- 1 *Этнофункциональное рассогласование* образного и др. содержания стадий этнофункционального развития личности с архегенией этносреды ее рождения. Например, когда в образном содержании системы отношений ребенка, родившегося и проживающего в Подмосковье, преобладают сказки и мифологические представления народов Южной Америки. Или же сам ребенок не выносит зиму, хочет жить в теплых краях, там, где зимы нет. Эмпирические исследования показывают, что данное нарушение связано с формированием личностной тревоги или ведущего тревожного патологического аффекта, легче всего купируемого и в наименьшей степени снижающего СПФ (Сухарев, Степанов, 2006).
- 2 *Нарушение последовательности* стадий этнофункционального развития личности, например: образы сказочно-мифологической стадии «замещается» образами религиозно-этической (слишком раннее начало последней стадии), вместо нравственного воспитания на религиозно-этической стадии психического развития ребенку предлагаются «технологические» компьютерные игры

и т. п., связанные с представлениями стадии просвещения. Если какая-либо стадия начинается раньше оптимального возрастного периода, это также приводит к росту тревоги.

- 3 **Задержка** стадии развития, т. е. задержка начала природной (после 5 лет), сказочно-мифологической (после 5 лет) и/или религиозно-этической стадий (с 9 лет), после **оптимального возрастного периода**. Если какая-либо стадия начинается позже оптимального для ее начала периода, то это обуславливает формирование ведущего тоскливого аффекта.
- 4 «**Выпадение**» той или иной стадии развития личности. Например, в развитии ребенка вследствие особенностей его воспитания «выпадает» сказочно-мифологическая стадия развития и, минуя «эстетический период», это развитие несвоевременно переходит к императиву «ты должен», т. е. к периоду «этическому» (Зеньковский, 1995, с. 65–70). В таком случае чувственная основа отношений ребенка не успевает созреть, а нравственное воспитание превращается в морализирование. Данный тип нарушения мы определяем как «перегрузку» религиозно-этической стадии. *Одновременное «выпадение»* (природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий) является наиболее патогенным, по показателю СПФ, нарушением этнофункционального развития личности и связано с формированием ведущего апатического аффекта.

Результаты констатирующих и формирующих эмпирических исследований, представленные в последующих главах, показывают, что нарушения этнофункционального развития личности могут обуславливать возникновение психической, психосоматической и социально-нравственной дезадаптированности личности.

Качественный уровень этнофункционального развития личности (ср. «психический уровень человека» – Мясищев, 1995, с. 50) характеризуется: а) архегеничной или анархегеничной направленностью; б) уровнем разрешения этнофункциональных личностных конфликтов; в) количеством и степенью нарушений этнофункционального развития личности. Например, *высший уровень* характеризуется архегеничной направленностью, нравственно положительным творческим типом разрешения конфликтов и отсутствием нарушений этнофункционального развития личности. *Низший уровень*, в свою очередь, характеризуется анархегеничной направленностью, разрешением конфликтов в форме «распада» и «выпадением» содержания стадий этнофункционального развития личности. Главной конструктивной дискрими-

нантой в процессе созревания личности является ее архегеничная направленность.

2.7 Этнофункциональный подход к взаимосвязи творчества, воспитания и психотерапии

Нравственно положительное творчество определяется как *высший результат развития архегеничной личности*. Такой вид творчества понимается не просто как «создание нового, ранее не бывшего», но с обязательным учетом восстановления «хорошо забытого старого».

Мы полагаем, что необходимым условием наличия способности личности к работе переживания на творческом уровне разрешения этнофункциональных личностных конфликтов является ее энергетический потенциал.

В целом можно выделить два типа нравственно положительного творчества (см. Кудрявцев Т. В., 1985):

- 1 «Творчество для себя». При данном типе творчества личность следует, открывает для себя уже воспринятый и более или менее осознанный общественный опыт; в этом случае разрешается этнофункциональный личностный конфликт между содержанием собственного сознания и содержанием общественного сознания. Такой тип творчества не имеет явной общественной пользы, но способствует психической адаптированности личности, укреплению ее нравственного здоровья (Сухарев, 1987) и, соответственно, повышению целостности системы отношений личности, в определенной мере повышая ее энергетический потенциал (и адаптационные возможности). При архегеничной направленности личности данный тип творчества представляет собой разрешение личностного этнофункционального конфликта на уровне *наследования*, но сжатого во времени как определенное «прозрение» (инсайт).
- 2 «Творчество для других». При таком типе творчества личность открывает для себя и для общества еще неизвестное содержание архегении этносреды; в этом случае разрешается этнофункциональный личностный конфликт, отражающий противоречие между содержанием общественного сознания, усвоенного личностью и содержанием архегении этносреды. При архегеничной направленности данный тип творчества увеличивает энергетический потенциал личности в большей мере, чем «творчество для себя», за счет расширения системных связей личности с разным и трансцендентным содержанием родной этносреды, что способствует повышению энергии этносреды.

При анархегеничной направленности личности оба типа творчества снижают ее энергетический потенциал.

Энергетический потенциал личности тем выше, чем ниже степень деформации ее этноида и чем в большей степени она «уподобляется» архегении этносреды своего рождения (в соответствии с **этнофункциональными критериями**). Условием творческого процесса мы полагаем появление в этноиде этнофункционально рассогласованного элемента, обуславливающего необходимый для творчества этнофункциональный личностный конфликт. Архегеничная личность в процессе творчества ассимилирует этнофункционально рассогласованный элемент за счет образования новых структурных связей с архегенией собственной этносреды, тем самым, повышая степень своей организации, целостности и энергетический потенциал.

Творчество архегеничной личности способствует укреплению психического и духовного (нравственного) здоровья личности. В творческой активности актуализируется энергетический потенциал личности. Причем данный потенциал возрастает по мере восстановления системных связей личности с собственной этносредой. Имеются, в частности, экспериментально-психологические результаты, подтверждающие, что «укорененность» в собственной этносреде и восстановление системы отношений личности к архегении родной этносреды обуславливает формирование более высокого уровня творческого интеллекта, по Торренсу (Доржиева, 2000; Сухарев и др., 2003 и др.).

Если этнофункционально рассогласованный элемент ассимилируется анархегеничной личностью (нравственно отрицательное творчество), это обуславливает снижение энергетического потенциала личности, психическую астенизацию. «Экзотический» элемент включается в этом случае не в целостность психики, но образует этнодифференцирующий анклав внутри нее, тем самым, нарушая эту целостность. Теоретически психические расстройства и творчество рассматриваются как показатели различных уровней разрешения личностных конфликтов, обусловленных нарушением этнофункционального развития личности (соответственно низшего и высшего уровней).

Следует отметить, что наша концепция творчества имеет области наиболее и наименее адекватного применения. Это связано с тем, что определение этнодифференцирующей функции элемента в системе отношений личности, необходимого в качестве условия (исходного противоречия) для «запуска» творческого процесса, достаточно легко

осуществимо для гуманитарных наук и сфер деятельности личности. Однако, в соответствии с **законом этносредовой непрерывности развития ментальности личности**, в естественных науках эта функция не столь очевидна. Особенно трудно определить эту функцию в математических науках, проще – в медицине, биологии.

Проблема связи творческих проявлений, психических расстройств и нравственных нарушений у одаренных людей интересовала многих исследователей (Сегалин, 1926; Эфроимсон, 1998 и др.). Теоретически мы могли бы объяснить наличие в ряде случаев данной связи тем, что творчество осуществлялось в одних случаях анархегеничными личностями, в других – личностями архегеничными. Это открывает определенные перспективы, например, в решении известной проблемы соотношения одаренности («гениальности») и наличия у человека психических расстройств. Наличие у личности этнофункциональных личностных конфликтов, с одной стороны, является противоречиями, обуславливающими ее развитие, с другой – энергетические затраты могут оказаться непосильными, что ведет к астенизации личности, ее психической и социально-нравственной дезадаптированности.

Например, в психотерапевтическом процессе может иметь место определенный вид психического «вампиризма», противоречащего ценностям христианской культуры, когда психотерапевт без меры отдает свои силы больному. К. Г. Юнг считал (используя древний образ «раненого зверя» – психотерапевта, помогающего другому «зверю» – пациенту), что гармонизация отношений пациента и психотерапевта – процесс обоюдный (Бурлачук, Грабская, Кочарян, 1999). Этнофункциональный подход позволяет трактовать эту проблему следующим образом: созидательная, оптимальная психотерапия возможна только при направленности личности пациента и психотерапевта на архегению одной этносреды (а не *различных* этносред). В оптимальном случае будет иметь место не «перекачка» энергии, а совместное развитие – психическое и нравственное.

Снижение степени выраженности этнофункциональной анархегении личности как цель воспитания, предполагает выработку ясных и адекватных психолого-педагогических задач, методов воспитания (и психотерапии). Это способствует разрешению противоречия, возникающего из отмеченного Н. Пезешкианом отсутствия в современной цивилизации представления о «правильном воспитании» (1993, с. 28) и вместе с тем необходимостью воспитывать детей. В связи со сказанным выше особенно патогенным представляется реализация распространенного ныне «поликультурного воспитания»

в относительно раннем детском возрасте (в целом до 9 лет, в особенности до 5 лет), когда у детей только начинают формироваться эмоционально-мотивационная сфера и основные ценности – именно на ранних стадиях развития личности особенно необходимо «единство культурного поля» воспитательных воздействий (см. наши исследования 1998–2007 гг.).

Воспитание обычно определяется как деятельность по передаче новым поколениям общественно-исторического опыта. Обретение опыта, особенно на первых пяти стадиях этнофункционального развития личности, понимается как осознание содержания архегении родной этносреды. Нравственно-конфессиональная сторона системы отношений, образующих этноид конкретной личности, определяет в процессе воспитания ответы вопрос: что такое хорошо и что такое плохо, что вредно, а что полезно. Мы полагаем, что при правильном **воспитании** *формируется архегеничная направленность личности.*

Связь процессов воспитания и психотерапии кратко можно сформулировать следующим образом. Если восстановление системы отношений личности к архегении этносреды осуществляется в оптимальные для определенных психологических новообразований возрастные периоды, то процесс является воспитывающим (что очень эффективно и для психопрофилактики). Если же оно имеет место вне данных периодов, например, с *запаздыванием*, то процесс, по сути, является уже психотерапевтическим (что существенно менее эффективно для повышения энергетического потенциала личности, степени ее психической адаптированности). Если процесс воспитания на какой-либо стадии развития личности осуществляется *ранее* оптимального периода, то он уже является условием нарушения ее этнофункционального развития. Как общий, желательный результат процессов воспитания и психотерапии мы рассматриваем повышение *качественного уровня личности* (см. предыдущий параграф).

РАЗДЕЛ II

**ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИИ**

ГЛАВА 3

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНСТАТИРУЮЩИХ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1 Методология и методы этнофункционального исследования

Методология этнофункционального исследования личности основана на сочетании номотетических (выявляющих объективные закономерности) и идиографических подходов (учитывающих внутреннюю, субъективную составляющую в процессе исследования). К первым относятся теоретические разработки, анализ результатов теоретических и эмпирических исследований, экспериментально-психологические констатирующие и формирующие исследования. Ко вторым – клинико-психологические исследования эффективности психотерапии, а также результаты применения клинического метода. Специфика этнофункционального исследования заключается в том, что эмпирические данные, полученные тем или иным методом, анализируются с позиций этнофункциональной методологии – этнической функции образного содержания отношений, выявленного в интервью, при прохождении теста Роршаха, из клинических данных и пр. Отметим, что результаты применения клинического метода в большинстве случаев обрабатывались математически (т. е. сочетались с номотетическим подходом).

Основным эмпирическим методом исследования в нашей работе являются различные варианты **структурированного этнофункционального интервью**.

Метод структурированного этнофункционального интервью

Метод структурированного этнофункционального интервью дает в основном представление о *внутренней (субъективной) картине развития личности* (ср.: «внутренняя картина болезни» в психиатрии)

во временном и пространственном аспектах и соответствует тому, что называется сочетанием «субъективного анамнеза» с «объективным» в клиническом методе исследования. Данная картина (образная сфера личности) представляет собой, в частности, систему отношений личности к собственному психическому и духовному развитию и характеризуется когнитивной, эмоциональной, духовно-нравственной, моторной модальностями (Гостев, 2007).

В процессе исследования в первую очередь клиническим методом выяснялось субъективное впечатление испытуемого о том, какие наиболее яркие образы и в каком возрасте (по его мнению) ему запомнились. Затем у испытуемого целенаправленно выяснялось, какие именно образы, относящиеся к различным стадиям этнофункционального развития личности он помнит, а также выявлялись различные модальности данных образов и субъективное впечатление испытуемого о том, когда эти образы у него возникли впервые.

Клинический метод не получил широкого распространения в практике психологов в нашей стране, поэтому обращение к нему требует некоторых пояснений.

Прежде всего, необходимо отметить, что для нас в целом важнее утверждение человека, например, о том, что русские сказки ему читали в возрасте 2–5 лет и что это были его любимые сказки, чем мнения по этому вопросу его родителей и воспитателей. Внутренняя картина развития в определенной мере субъективно отражает то, что Л. С. Выготский в свое время обозначил как уровень «психического» или «культурного» развития ребенка, противопоставляя его «паспортному возрасту» (Выготский, 1984, с. 260).

О том, какой из рассматриваемых подходов (субъективный или объективный анамнез) более адекватен для психолого-педагогических или психотерапевтических целей, можно судить по следующему случаю из нашей практики.

Когда родителей 12-летней девочки (Маши) спросили, со скольких лет ее начали знакомить с церковью и православной культурой, мать ответила: «Лет, наверное, с четырех. Маше очень нравилось посещать с нами храм». Сама девочка по этому поводу сказала следующее: «Я тогда еще в садик не ходила. Когда я была в церкви с бабушкой, мне было страшно, я очень уставала и плакала». Возникает вопрос: какие сведения более достоверны? С позиций нашего подхода, для работы с девочкой более существенным является тот когнитивно-аффективный след («было страшно»), который остался у нее после ранних посещений храма. Также более важным представляется

именно ее субъективное представление о времени этого посещения («Я тогда еще в садик не ходила»).

В исследованиях Л. С. Выготского, Ж. Пиаже, Д. Б. Эльконина и др. отмечалась возможность несовпадения психологического и биологического возрастов, тем не менее основным было выделение именно общих закономерностей психического развития, связанных с биологическим возрастом. В этнофункциональной методологии исходной признается внутренняя картина развития личности.

При исследовании психики с относительно сохранным мышлением, ведущим при использовании метода структурированного этнофункционального интервью, является клинический метод сбора субъективного анамнеза, принятый в психологии и психиатрии (дополняемый объективным анамнезом). Описывая достоинства субъективного анамнеза, В. Н. Мясищев отмечал, что показания самого обследуемого, во-первых, в отдельных частях полнее всех других материалов, во-вторых, дают больше всего данных для суждения о том, какова была мотивация действий, как объективные факты перерабатывались в индивидуальном опыте, и какие обстоятельства какой оставили след. Наиболее существенное, отмечал Мясищев, запечатлевается и воспроизводится отчетливо, а кажущаяся неполнота полученных данных является как бы средством необходимой реализации принципа избирательности (Мясищев, 1995, с. 251, 268–269).

«Внутренняя этнофункциональная картина развития личности» (субъективная картина развития образной сферы личности) по сравнению с естественнонаучно определяемыми закономерностями развития на основе биологического возраста имеет также экспериментальную основу. Например, увеличение количества субъективно определяемых этнофункциональных нарушений развития личности обуславливает возникновение у нее показателей психобиологической дезадаптированности. В различных этносредах, в общем случае, образное содержание стадий развития и оптимальные возрастные периоды их начала различны, однако, психическая адаптированность личности будет в значительной мере определяться целостностью внутренней этнофункциональной картины развития личности. В процессе структурированного этнофункционального интервью выявляется *когнитивно-эмоциональный след* (т. е. определенное сочетание в той или иной степени осознанного эмоционального и образного содержания психики на момент обследования) в психике испытуемого от собственного личностного развития – как он субъективно определяет это содержание.

Следует особо отметить, что субъективный анамнез при необходимости может быть дополнен объективными данными: фактами, результатами сопоставления этих фактов исследователем. Так как метод «объективного анамнеза», часто опирающийся на сведения, полученные от родственников, преподавателей, знакомых обследуемого, далеко не всегда «объективен», то для объективизации выводов важен анализ полученных фактов, осуществляемый опытным специалистом с определенных теоретико-методологических позиций.

Причины возникновения когнитивно-эмоционального следа от конкретного образного содержания могут быть разнообразны (чтение сказки любимой бабушкой, активные игры со сверстниками и т. д.). Во всяком случае, наличие такого следа свидетельствует о том, что данное содержание включено в систему отношений личности.

Из всего содержательного многообразия образов культуры, используемых в воспитании детей, наиболее изученными являются сказочные (А. В. Запорожец, Б. Беттельгейм и др.). Одно дело, когда сказки читает «по старинке» взрослый, другое – когда материал подается в технологической «видеоформе» стадии «просвещения» этнофункционального развития личности. То же касается и русских авторских сказок, в качестве литературного жанра возникших в истории русской этносреды уже в новое время; большинство из них имеют иностранное происхождение. Нами были выделены следующие группы сказок:

- а) *Народные сказки*: этнофункционально согласованные с этносредой ареала рождения и проживания детей (в данном случае – русские народные сказки) в устной передаче.
- б) *Экзотические народные сказки* (т. е. относящиеся к другим этносредам).

К этой группе относятся зарубежные народные сказки. *Данные сказки, как и зарубежные авторские, не являются неосознаваемым содержанием эйдоса развития этносреды рождения и проживания исследуемой личности (этнофункциональной архегенис личности), поэтому для их усвоения требуется относительно больше затрат энергии личности.*

- в) *Авторские сказки* – авторские и этнофункционально рассогласованные народные сказки, которые приравниваются нами к авторским в силу того, что являются переводными и отчасти переработанными переводчиками. Это группа сказок сказочно-мифологической стадии рассматривается нами как этнофункциональное нарушение развития личности: в содержательном аспекте (зарубежные народные сказки), временном (авторские

сказки), содержательном и временном (зарубежные авторские сказки и этнофункционально рассогласованные сказки отечественных писателей).

Авторские сказки, как правило, обладают более высокой структурной сложностью (структура текста, стихотворный размер, наличие символических представлений, лирических отступлений и т. д.) и информационной насыщенностью («информационная сложность», см.: Бойко, 1976) и связываются с более поздней стадией развития этносреды. Как литературный жанр авторские сказки появились не ранее этапа просвещения, что соответствует стадии просвещения этнофункционального развития личности. В зарубежных сказках (и рассогласованных отечественных), как правило, элементы их содержания (образы природы, животных, быта, лингвистические особенности, семантика символов и т. д.) рассогласованы с этносредой ареала рождения и проживания детей.

Кроме указанных, можно выделить еще две группы сказок по форме предъявления материала:

- г) *ТВ народные*: мультфильмы по мотивам русских народных сказок.
- д) *ТВ авторские*: мультфильмы и фильмы с этнофункционально рассогласованным содержанием.

Видеопредъявление сказок с позиций этнофункционального подхода является высокотехнологичным способом подачи материала и относится к более поздней по сравнению со сказочно-мифологической – научно-познавательной стадии развития и вследствие этого является когнитивно более сложным, чем традиционное устное предъявление как авторских, так и народных сказок.

- е) *Смешанные сказки* – все предыдущие группы.

Рассматривался также случай «*выпадения*» сказок: отсутствие когнитивно-эмоционального следа от образного содержания этой стадии (ответы типа: «Не знаю», «Забыл», «Не помню»).

В соответствии с этнофункциональным подходом заключение о содержании сказочно-мифологической стадии делалось на основании результатов интервью с учетом поведенческих, эмоциональных реакций испытуемых и опыта работы исследователя. При проведении интервью необходимо стремиться избегать прямых и закрытых вопросов. Для повышения достоверности получаемых сведений испытуемому можно предложить рассказать любимую сказку (сказки).

Исследование когнитивно-эмоционального следа от какого-то содержания можно соотносить со степенью соответствия «субъективной реальности» личности с тем, «как оно было на самом деле» (т. е. валидность сведений, полученных от испытуемого).

В процессе интервью изучалось образное содержание природной, религиозно-этической стадии и стадии просвещения (научно-познавательной). На природной и религиозно-этической стадиях выявлялась этническая функция соответствующих образов, оставивших в психике испытуемого когнитивно-аффективный след. Возраст начала стадии просвещения фиксировался по наличию у испытуемого когнитивно-аффективного следа от первых запомнившихся образов собственной познавательной деятельности – увлечения играми с определенным содержанием (игры в «доктора», в «школу» и пр.), спортом, конструированием, «тематическим» собирательством и т. д. В целом определялось наличие когнитивно-аффективного следа от образного содержания стадий, этническая функция этого содержания, последовательность развертывания стадий, соответствие начала стадий оптимальным возрастным периодам и, соответственно, наличие нарушений этнофункционального развития личности.

В частности, представленность на сказочно-мифологической стадии авторских сказок, как мы уже упоминали выше, рассматривалось как нарушение развития. Кроме того, большинство авторских сказок – зарубежного происхождения, они содержат этнофункционально рассогласованные культурные (в том числе имена, названия) и природные образы.

Объективность выяснения возраста возникновения в жизни испытуемых определенного содержания достигается определенным способом: психолог выстраивает интервью наиболее подходящим для данного контингента испытуемых способом. Подобное исследование представляет собой «... не «опрос» по пунктам, а живую «беседу», и как таковая она должна быть всегда готова раздвинуть рамки абстрактного вопроса и, насыщая его конкретным и жизненным содержанием, вскрыть его реальное характеризующее значение в перечислении с другими влияниями» (Мясищев, 1995, с. 270). Так, при опросе не используются закрытые вопросы, поэтому, например, в выяснении возраста начала определенной стадии развития используются не только «прямые» вопросы, но осуществляется привязка этого возраста к другим значимым событиям (когда умерла бабушка, когда пошел в детский сад, когда крестили и т. д.).

Определенную специфику структурированное этнофункциональное интервью имеет, в частности, при работе с психически больными

людьми, находящимися в тяжелом состоянии, с умственно отсталыми детьми и т. п., когда испытуемый значительно искажает факты, не ориентируется во времени, фантазирует и пр. В этих случаях необходим анализ экспериментатором полученной информации и сопоставление ее с данными, полученными из других источников. По существу, психолог проводит *следственную работу*, в процессе которой он может подвергаться сомнению не только сообщаемые испытуемым факты, но и их последовательность и хронологию. Решающую роль в работе с указанными группами испытуемых играет наличие у психолога соответствующего клинического и педагогического опыта работы.

Структурированное этнофункциональное интервью, как и любой другой метод психологического исследования, характеризуется не меньшей валидностью, чем другие «объективные» методы исследования. Преимущество этого метода по сравнению с «объективными» состоит в том, что он дает информацию, которая необходима в качестве *исходного образного содержания системы отношений личности для психотерапевтической работы*.

Любой образ «как элемент образа мира ... в функциональном плане предшествует актуальной стимуляции и вызываемым ею чувственным впечатлениям» (Смирнов, с. 145). Образы памяти, воображения и перцептивные образы личности, по нашему представлению, являются «воплощениями» архегении этносреды. При этом этноинтегрирующее ведущее образное содержание, специфическое для каждой стадии развития личности, наиболее оптимизирующую и активирующую роль играет в определенные возрастные периоды. Существенно, что менее дифференцированные образы, соответствующие более ранним стадиям, относительно позитивную роль играют и на позднейших стадиях. В свою очередь, попытки усвоения личностью на ранних стадиях развития более дифференцированных образов, соответствующих поздним стадиям, приводит к адаптационным затруднениям и росту тревоги (Сухарев, Степанов, 2006; и др.).

Мы полагаем, что структурированное этнофункциональное интервью как разновидность клинического метода при использовании опытным клиницистом-психологом, обладает *очевидной* валидностью. Кроме того, *валидность* метода структурированного этнофункционального интервью подтверждается следующими позициями:

– при идиографическом исследовании отдельного индивидуума сообщаемая им в процессе интервью информация в общем случае может оказаться искаженной в силу его индивидуальных особенностей, однако статистика на большой выборке выявляет достоверные

совпадения результатов интервью с результатами, полученными другими способами и методиками;

– результаты, полученные в результате применения данного метода, частично получают подтверждение в работах других авторов, пользовавшихся другими методиками (например, эмоциональные нарушения в периоды, принятые нами как оптимальные, отмечены в работах Д. Б. Эльконина, Б. Беттельгейма, Л. С. Выготского и др.);

– результаты исследований и соответствующие выводы, полученные в результате применения данного метода, основаны не на корреляциях «всего со всем», а на соответствии эмпирически выявленных закономерностей с теорией этнофункционального развития личности. Эти соответствия вряд ли случайны, за все время проведения этнофункциональных исследований (более 3000 обследованных за 14 лет), противоречащих теории результатов, большей частью опубликованных в центральной научной печати, получено не было; значительная часть эмпирических результатов представлена в соответствующих разделах настоящей книги. Как отмечала Б. В. Зейгарник, «критерием научной достоверности является не повторяемость единичных фактов, а, наоборот, единичные факты обретают научную достоверность лишь в контексте теории» (1981, с. 16–17).

Установленные оптимальные возрастные периоды для начала сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий, как показывают исследования, были идентичны в следующих группах (возраст от 3 до 60 лет): здоровые дети (3–10 лет), дети с легкой умственной отсталостью (4–7 лет); здоровые школьники (11–17 лет); взрослые, здоровые студенты и молодежь с криминальным поведением (20–25 лет); взрослые, страдающие наркотическими зависимостями, алкоголизмом и аффективными расстройствами; дети и подростки с онкологическими и психосоматическими заболеваниями. На контингенте взрослых испытуемых, страдающих аффективными расстройствами и наркоманиями, а также дошкольников – как здоровых, так и страдающих легкой умственной отсталостью – были установлены оптимальные периоды для начала стадии просвещения (научно-познавательной) и природной стадии. Возрастные границы оптимальных периодов определялись клинически и экспериментально-психологически по показателям социальной, психологической и психосоматической адаптированности/дезадаптированности испытуемых.

Сходные результаты получены и в отношении *надежности* структурированного этнофункционального интервью, в том числе на группе детей с умственной отсталостью в возрасте 4–7 лет. Особо

следует отметить удовлетворительную надежность метода структурированного этнофункционального интервью при работе с контингентом детей с легкой умственной отсталостью. На выборке более чем 120 детей было установлено, что надежность методики, определяемая как повторяемость содержания ответов детей в последовательных срезах с интервалом 1 год (возраст детей – от 4 до 6 лет), достигала коэффициента 0,81. Естественно, что валидность определения возрастного периода, к которому относится когнитивно-аффективный след от образного содержания феноменов культуры и природы в психике детей, в значительной мере определялась экспериментатором. Это осуществлялось на основе объективных данных, выявляемых из различных источников – содержания программы обучения в детском саду и др., а также на основании дополнительных фактов, сообщаемых самими детьми, так как данный контингент обследуемых при наличии определенных нарушений мышления имеет вполне удовлетворительную механическую память (Исаев, 2003, с. 135).

В общем случае этнофункциональная психодиагностика имеет своей целью выявление степени выраженности анархегении, т. е. нарушений этнофункционального развития личности, что определяло направление и содержание **этнофункциональной психотерапии**. Тем самым диагностируется **этноид**, его *временная* и *пространственная* составляющие и архегеничная/анархегеничная направленность личности.

Ниже приведен *сокращенный вариант* структурированного этнофункционального интервью.

Сначала, с целью субъективной привязки испытуемого во времени, у него выясняется, с какого возраста он себя помнит хотя бы фрагментарно. Затем, «проективно» выясняется, какие наиболее яркие образные воспоминания о различных (оптимальных) возрастных периодах у него сохранились.

Затем, с помощью «прямых» вопросов выявляется возраст начала *природной* и *сказочно-мифологической* стадий, и их образное содержание. Это осуществлялось в процессе анализа ответов испытуемых на вопросы о том: а) к какому возрасту относятся его первые воспоминания о природе и какие именно образы природы ему запомнились; б) в каком возрасте он впервые познакомился со сказками, с какими именно и какие сказочные образы ему запомнились. Для данной стадии необходимо выяснить также наличие и содержание первых воспоминаний о природе, какой именно образ запомнился испытуемому, его эмоциональное отношение к первым воспоминаниям о природе.

Возраст начала *религиозно-этической* стадии выявлялся, в частности, в процессе анализа ответов испытуемого на вопрос о том, в каком возрасте в его жизни впервые появились переживания, связанные с представлениями о «справедливости», «Боге», «грехе» (т. е. религиозно-этическое либо этическое образное содержание).

Начало стадии *просвещения* определялось по ответам испытуемого о возрасте появления у него каких-либо увлечений, так или иначе связанных с формированием современных научных представлений, а также практических умений, навыков в искусстве, спорте и т. п.

Начало стадии *синтеза* определяется осознанием культурной, конфессиональной, этнической и т. п. «множественности» современного мира и, соответственно, образного содержания системы отношений к действительности и трансцендентному миру. Это осознание необходимо, в свою очередь, для начала *учительства* не только как преподавания человеком другим людям определенных знаний, мастерства, но, прежде всего, духовно-воспитательной деятельности.

По-видимому, основным показателем начала стадии *мудрости* может являться полнота развития личности на предыдущих стадиях, что создает основу для восприятия данного человека другими людьми как учителя жизни во всех ее проявлениях.

Отношения к «пространственным» характеристикам этноида выявлялись в процессе ответов на вопросы, характеризующие ландшафтно-климатические, территориально-географические, культурно-психологические, мировоззренческие предпочтения испытуемых, а также их предпочтения в сфере питания и антропозстетических (термин Н. И. Халдеевой) характеристик партнеров при перекрестно-половом выборе, прежде всего приоритетного этнического признака цвета глаз (Халдеева, 1995). В процессе интервью выявлялось *образное* содержание предпочтений испытуемых.

Расширенный вариант этнофункционального структурированного интервью представлен в Приложении 1.

Диагностика нарушений этнофункционального развития личности в принципе может осуществляться различными методами. В нашем исследовании это были, например, этнофункциональный анализ содержания ответов испытуемых на стимульный материал Роршах-теста, образное содержание их ответов «открытые» вопросы модифицированной методики неоконченных предложений (приложение 2) и др.

Для **образного содержания** отношений личности как во временной ретроспективе, так и на момент обследования определялась его этническая функция – *этноинтегрирующая* при соответствии этих

образов этносреде рождения и (или) проживания испытуемого или *этнодифференцирующая* – при несоответствии образного содержания данной этносреде. В последнем случае образное содержание отношений обозначалось как *этнофункционально рассогласованное*.

Таким образом, методика структурированного этнофункционального интервью является инструментом для диагностики наличия этнофункциональных рассогласований и нарушений этнофункционального развития личности.

Дополнительным методом преимущественно был тест Роршаха, активно используемый нами в течение 25 лет. Шифровка и интерпретация его данных осуществлялась в соответствии с руководством Э. Бома (Bohm, 1972) и др. Образное содержание ответов испытуемых анализировалось также с позиций определения их этнической функции. Наши сотрудники, которые проводили исследования по данной методике, проходили практический курс обучения не менее 140 часов в течение года. Далее мы не будем касаться процедуры диагностики, но осветим отдельные диагностические показатели теста Роршаха, необходимые для понимания экспериментальной части исследования.

Важнейшими показателями, специфическими для теста Роршаха, являются существенные для изучения закономерностей психического развития и психической адаптированности личности качественные и количественные показатели характера взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон системы отношений личности. Это различные варианты и сочетания ответов, шифруемых как Fb (неконтролируемая эмоциональность), FbF (неудачные попытки контроля эмоций), FFb+ (гармоничное взаимодействие эмоциональной и когнитивной сторон отношений – «аффекта и интеллекта»), VFb+ (гармоничное взаимодействие высокого интеллекта и эмоциональной сферы), Hd (неконтролируемая тревожность), HdF (неудачные попытки контроля тревожности), FHd+ (способность адекватного контроля тревожности), «шоки и отказы» (эмоциональное торможение когнитивных процессов).

Существенным для настоящего исследования является то, что большинство экспериментально-психологических и клинико-психологических результатов свидетельствует о связи гармонизации когнитивной и эмоциональной сторон системы отношений личности с психической адаптированностью и восстановлением нарушений этнофункционального развития. Признаки наличия такой гармонизации шифруются по методу Роршаха как FFb+, VFb+, а в ряде случаев как FHd+.

Другими словами, характер нарушений этнофункционального развития личности регулирует центральный фактор сознания – гармоничное взаимодействие «аффекта и интеллекта», являющийся «ключом» к полноценному развитию личности (Божович, 2001, с. 292, 300; Выготский, 1960, с. 60). Л. С. Выготский отмечал, что важнейшим фактором развития является именно межфункциональное взаимодействие аффективной и интеллектуальной сфер личности, а показатель (FFb+) как раз отражает целостность аффективно-когнитивного взаимодействия. Исследования показывают, что у детей в возрасте от 3 до 7 лет наблюдается равномерное повышение количества ответов типа FFb+ (происходит последовательная смена типов ответов от Fb к FbF и к FFb+); у взрослых эти ответы чаще всего встречаются у здоровых испытуемых (Беспалько, Раева, 1978; Рауш де Траубенберг, 2005; Weizmann, 1961). С. Бейзман выявила, что «формоцветовой» ответ (FFb+) указывает на способность к адаптации, которая достигается в процессе *психологического и психодинамического развития* (курсив мой. – А. С.) ребенка» (Рауш де Траубенберг, 2005, с. 114). Этот показатель отражает более высокую степень организации психики (степень ее когнитивной сложности) и характерен для религиозно-этической стадии этнофункционального развития личности (Тимохин, 2005).

Методика Роршаха позволяет диагностировать и уровень репродуктивного интеллекта (ответы типа F+ – показатели высокого уровня, ответы типа F± и F – более низкого уровня), уровень продуктивного интеллекта (Orig.+), потребность в общении (M-ответы), уровень инфантилизма (ответы типа bkl, соотношение ответов типа M < T, содержательно инфантильные ответы), в ряде случаев невротическую озабоченность собственным здоровьем (Apat – ответы с плохой формой). Проявления психической адаптированности/дезадаптированности выявлялись по следующим показателям метода Роршаха:

- 1 Общеадаптационный уровень: *низкая степень эмоциональной адаптированности*; эмоциональное торможение когнитивных процессов (фиксировалось по количеству «шоковых реакций» и «отказов»); *высокая степень адаптированности*: наличие гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений, оптимального эмоционально-мотивационного контроля (FFb+).
- 2 Эмоциональная дезадаптированность: *неразвитость эмоционально-мотивационной сферы* (отсутствие ответов по цвету Fb, FbF, FFb); *отсутствие и ослабление эмоционально-мотиваци-*

онного контроля, «эгоцентрическая аффективность», незрелость и лабильность эмоциональности (ответы типа Fb, FbF); тревожность или патологическая тревога (Hd); инфантильность (преобладание количества зооморфных фигур (Т) над антропоморфными (М)).

- 3 Сфера общения: уровень потребности в общении (количество ответов типа (М) – антропоморфные фигуры).
- 4 Когнитивная сфера: низкая степень качества мышления (ответы с «плохой» и неопределенной формой: F-, F±); повторяющиеся ответы – ригидность мышления/показатель внутренней (интровертированной) интеллектуальной активности (ответы по движению антропоморфных фигур – FB; для детей это также ответы по движению животных – bkl; у взрослых это в то же время признак инфантилизма) можно рассматривать как признак хорошего интеллекта при наличии ответов типа FFb+ (Рауш де Траубенберг, 2005).

В научной литературе представлены многочисленные результаты использования теста Роршаха не только для качественной, но для количественной оценки (сравнение групп) личностных особенностей в различных возрастных группах с 2,5 лет, в том числе детей с различной степенью выраженности умственной отсталости (Bohm, 1972, S. 339, 341, 345; Gebhart, 1952, S. 91–125 и др.).

Следует отметить, что, согласно нашим эмпирическим исследованиям, как будет показано ниже, восприятие детьми авторских и этнодифференцированных по содержанию сказок связано с появлением у них ответов по тесту Роршаха типа F, Fb и FbF (т.е. раздельно характеризующих когнитивную и эмоциональную сферы), а восприятие этноинтегрированных русских народных сказок (т.е. в русской этносреде) связано с появлением ответов FFb+ (гармоничное межфункциональное взаимодействие эмоциональной и когнитивной сторон отношений личности).

Как показывают наши исследования, гармонизация аффективной и когнитивной сторон отношений личности обусловлена, прежде всего, наличием этноинтегрирующих образов природы и восстановлением этнофункциональной целостности личности, всей системы ее отношений к архегении родной этносреды (Сухарев 2006). *Этнофункциональный механизм образования таких межфункциональных связей* состоит в том, что в соответствии с *принципами этнофункциональной системности и развития этноинтегрирующие изменения в системе отношений личности* приводят к ее общей интеграции, в том числе ее функциональных систем.

Ассимиляция же этнодифференцированного содержания требует от личности дополнительного расходования энергетического потенциала (и, соответственно, времени); поэтому личность «не успевает» реагировать гармонично (ответы FFb+), а реагирует онтогенетически предшествующим способом (Weizmann, 1961; Беспалько, Раева, 1978): либо преимущественно эмоционально (ответы Fb, FbF), либо только когнитивно-интеллектуально (ответы типа F).

Дополнительно для диагностики уровня «плавающей» тревоги использовался метод Люшера (см.: Собчик, 1990). Тревогу мы понимаем независимо от ее возможной адаптирующей или дезадаптирующей роли («нормальной» или «патологической») (May, 1979). В целом мы рассматриваем тревогу как характеристику начальной фазы общего адаптационного синдрома (Selye, 1956) и как признак начала адаптационного процесса. Для диагностики уровня интеллекта (IQ) использовался метод Векслера, а для измерения уровня творческого интеллекта метод Е. Торренса (см.: Туник, 2006).

Кроме того, в исследованиях применялись: метод срезов, метод экспертных оценок, метод наблюдения, анализ историй болезни. В полевых условиях использовалась методика выявления ландшафтных предпочтений Н. М. Лебедевой (1993), а также модифицированный нами вариант методики неоконченных предложений Сакса-Сиднея (см.: Полищук, Видренко, 1980, с. 14–15) «Методика выявления выраженности эмоционального отношения к группам этнических признаков» (выявление «предметной» тревоги по отношению к группам этнических признаков) (см. приложение 2).

В ряде исследований в качестве показателей определенной степени психической дезадаптированности использовались медицинские диагнозы, так как мы исходили из того, что психическая дезадаптированность всегда играет большую или меньшую роль в возникновении соматических заболеваний (Uexküll, 1981 и др.).

В исследованиях, проводившихся в детских садах и школах, использовались также различные психолого-педагогические показатели (активность общения, успеваемость и т. п.). В качестве показателя социальной дезадаптированности рассматривалось, в частности, криминальное поведение и др.

В экспериментально-психологических исследованиях использовались методы математической обработки результатов: критерий χ^2 Пирсона, а в п. п. 8.3. применялись t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна–Уитни и φ^* – критерий углового преобразования Фишера. Вероятность ошибки достоверных различий допускалась в интервале $0,001 < p < 0,05$.

Достоверность экспериментально-психологических исследований в целом обеспечивалась следующими условиями: строгостью отбора испытуемых, использованием методов математической обработки и теоретической согласованностью полученных результатов. Некоторым недостатком в отдельных случаях может показаться относительно небольшая выборка обследуемых (при отдельных выборках от $n = 7$ человек). В практике зарубежных исследований, однако, принято делать выводы даже на основании средних данных небольших выборок без какой-либо обработки методами математической статистики (например, при $n = 13$ человек) (см. Cattell et al., 1970). На наш взгляд, подобные процедуры вполне приемлемы при общей теоретической согласованности результатов и тем более с применением процедур статистической обработки, чем мы и руководствовались во всех эмпирических исследованиях.

3.2 Полевое этнофункциональное исследование «пространственных» характеристик этноида

Объектом полевого исследования были этнофункциональные рассогласования в психике коренных жителей «этноконтактной зоны» (термин Ю. Б. Симченко) Нижнеколымского района Якутии (с. Походск и с. Колымское). В этом исследовании использовались материалы, собранные в 1993–1994 гг. Северо-Восточным отрядом Северной экспедиции Института этнографии и антропологии РАН в составе Г. М. Григорьевой, И. А. Ерунова и А. В. Сухарева. Обработка и психологический анализ результатов исследования осуществлялись А. В. Сухаревым, демографических данных – И. А. Еруновым и С. С. Луговским.

Выбор в качестве объекта исследования этнофункциональных рассогласований в психике коренных жителей данной этноконтактной зоны связан с тем, что у коренных жителей с. Походск и с. Колымское по сравнению, например, с населением крупных индустриальных городов, во-первых, достаточно явно выражены этнические характеристики коренных народов. Во-вторых, представители коренных этносов (этнофоры) в данном природном ареале гораздо сильнее связаны с собственными традиционными культурами. Поэтому мы предполагали, что возможные этнофункциональные рассогласования, как на индивидуальном, так и на групповом уровне могут быть более очевидны, чем, например, у представителей «этнокультурно мозаичного» населения больших городов.

По этническому составу (по самоопределению) обследованная группа (всего 86 чел., 50% мужчин) представляла собой по большей части в той или иной степени метисированных чукчей (32 чел.), эвенков (9 чел.), юкагиров (6 чел.), якутов (14 чел.) и «походских казаков» (25 чел.) – потомков русских землепроходцев XVII в. Около 20% были метисированы с приезжими из России представителями мордвы, татар, украинцами, белорусами и русскими. Изучение родословных в обследованной группе показало, что относительно «чистых» представителей того или иного этноса (во втором и третьем поколении) имеется не более 25% (большинство из которых – чукчи, проживающие в с. Колымском).

С учетом специфики исследования применялись следующие *методы*: 1) модификация методики неоконченных предложений – «Методика выявления выраженности эмоционального отношения к группам этнических признаков» («предметная» тревога); общая эмоциональная реакция в каждом предложении оценивалась экспертной группой психологов из трех человек в баллах от 0 до 2 (см. приложение 2); 2) отношение к группе географических признаков (как предпочтение конкретных типов ландшафтов) дополнительно исследовалось по методике Н. М. Лебедевой (1993); 3) «плавающая» тревога (Т), исследовалась по методике цветочных выборов М. Люшера (Собчик, 1994) и измерялась в баллах от 0 до 12; 4) анкетирование и сбор анамнестических данных; 5) методика структурированного этнофункционального интервью.

Рассогласование отношения к группе климато-географических признаков регистрировалось, например, в том случае, если человек, родившийся и живущий в тундре, предпочитал для постоянного местожительства субтропический климат и т. п. Этнофункциональное рассогласование содержания отношения к биологическим признакам (из общей группы «расово-биологических» признаков) как типу питания, в том случае, если в качестве любимых продуктов питания он предпочитал, например, томаты или свинину. Возможность употребления этих продуктов связана с поставками с «большой земли». Рассогласование в группе социокультурных признаков фиксировалось при наличии хотя бы одного из следующих условий: а) испытуемый отвергал «национальную веру» (местное название традиционных верований для чукчей, якутов, эвенков, юкагиров); б) отвергал православие (для русских «походских казаков»); в) не знал своего родного (национального) языка.

Степень психической дезадаптированности личности определялась по показателям психической дезадаптированности – отсут-

ствию/наличию психосоматических заболеваний и степени выраженности плавающей тревоги в баллах от 0 до 12.

Использовался также косвенный показатель степени *социально-психологической дезадаптированности* на уровне популяции (т. е. отношение к деторождению, к семье и пр.) как *снижение уровня биологического воспроизводства* данной группы населения. Эта степень определялась пропорционально снижению количества детей, родившихся в данной группе испытуемых в течение всего репродуктивного периода (т. е. в условно принятых границах от 19 до 39 лет).

Из всей группы обследованных (возраст 20–60 лет) было отобрано 23 человека пострепродуктивного возраста (старше 39 лет). У каждого из них регистрировалось количество родившихся детей. Этот контингент был разбит на две группы: 1) количество детей ≤ 2 чел. и 2) количество детей > 2 чел. Группы испытуемых сравнивались по степени выраженности «плавающей» тревоги и эмоциональных отношений личности к различным этническим признакам.

Математическая обработка результатов осуществлялась по χ^2 -критерию Пирсона. Достоверность результатов обеспечивалась на уровне $p < 0,05$, $p < 0,01$ и $p < 0,001$.

Результаты эмпирического полевого исследования

Достоверных различий степени психической дезадаптированности по выделенным нами показателям между этническими группами (по самоопределению) обнаружено не было.

По признаку наличия или отсутствия психосоматических расстройств, понимаемых как соматизация «плавающей» тревоги (Uexküll, 1981), обследуемые лица были разделены на следующие группы:

1) «Абсолютно здоровыми» (нет клинических диагнозов и субъективных жалоб на здоровье) в физическом отношении было определено 12 человек. 2) «Легкими заболеваниями» страдали 15 человек (хронические заболевания в прошлом, хронические отиты и аллергии на жизненно незначимые в данном регионе вещества и продукты – например, на малину и цитрусовые). 3) «Больными» мы считали 43 человека с диагнозами: хронические гастриты, язвы желудка и двенадцатиперстной кишки, сердечно-сосудистые заболевания, радикулиты, жизненно значимые аллергии (например – на рыбу). По остальным обследованным достоверных медицинских данных получить не удалось. Из всех обследованных было выделено две группы: «психосоматики» («больные» и «больные легкими заболеваниями») и «здоровые» («абсолютно здоровые»).

Результаты исследования представлены в двух разделах:

Раздел 1: результаты исследования связи этнофункциональной согласованности/рассогласованности отношений испытуемых и их «предметной» тревоги по отношению к различным группам этнических признаков, а также с психической адаптированностью/дезадаптированностью на индивидуальном уровне (по показателям наличия психосоматических расстройств и уровня «плавающей» тревоги).

Раздел 2: результаты исследования этнофункциональной согласованности/рассогласованности отношений испытуемых с их психической адаптированностью/дезадаптированностью на популяционном уровне (по показателю количества детей в семье).

Результаты раздела 1 эмпирического полевого исследования

Все обследованные, которые отвергали свой родной ландшафт ($n = 16$ чел.), по методике Н. М. Лебедевой (т. е. карточку с изображением тундры помещали на последние 7-е и 8-е места), достоверно входили в группу «психосоматиков», тогда как ставившие родную тундру на 1-е и 2-е места ($n = 22$ чел.) относились к группе «здоровых» ($p < 0,05$). Также было установлено, что «чукчи-метисы» обладают более выраженной предметной тревогой по отношению к типу питания по сравнению с «чистыми» чукчами ($p < 0,05$).

В полученных результатах обращает на себя внимание тот факт, что с психической дезадаптированностью по показателю повышения плавающей тревоги в сочетании с наличием психосоматических расстройств, связано этнофункциональное рассогласование образного содержания отношений испытуемых только к группе климато-географических признаков – «отвержение» родного ландшафта ($p < 0,05$). В группе испытуемых, у которых имелись выраженные психосоматические расстройства, была существенно повышена плавающая тревога ($T > 7$) по сравнению с группой «здоровых» ($T < 5$) ($p < 0,05$). Приверженность к «национальной вере» в сочетании с знанием родного языка (для чукчей, эвенов, юкагиров и якутов), а также предпочтение всеми испытуемыми в питании продуктов с «большой земли» было связано с повышением плавающей тревоги ($p < 0,05$). Предпочтение национальной веры и знание родного языка связано с предметной тревогой по отношению к продуктам питания и группе социокультурных признаков ($p < 0,05$). С повышением плавающей тревоги и предметной тревоги по отношению к социокультурным этническим признакам связано негативное отношение испытуемых к «цивилизации

и прогрессу» ($p < 0,05$). У испытуемых, имеющих представление о том, что «человек без национальности – не человек», по сравнению с теми, кто полагал, что «человек без национальности – нормальный человек» было выявлено повышение плавающей тревоги на уровне тенденции ($p < 0,1$).

Обсуждение результатов раздела 1 полевого экспериментально-психологического исследования

Данные о существенной роли изменений климато-географических условий для психической адаптированности/деадаптированности человека приведены в исследовании И. Бэбикера и др. (Babiker et al., 1980). Авторами было показано, что не только изменения в социокультурном окружении, но и изменения климато-географических условий проживания студентов-иностранцев в США связано с ростом у них плавающей тревоги. Данный факт согласуется с нашими исследованиями, которые показали, что рост тревоги связан с изменениями религиозных, ландшафтно-климатических и предпочтений типа питания. Следует заметить, что в американском исследовании изучались отношения студентов к реальным изменениям, произошедшим в их жизни вследствие миграции. Наши исследования в большей мере акцентируются на отношениях испытуемых к возможным изменениям. Можно предполагать наличие определенной роли этнофункциональной рассогласованности отношений личности в этиологии тревоги.

Особую роль, которую оказывают климато-географические факторы на поведение, психику и даже физический облик человека, отмечали многие исследователи (Голд, 1990 и др.). В частности, К. Г. Юнг пишет: «Если мысленно переместить значительную часть европейской расы на чужую землю и в другой климат, то можно ожидать, что эта группа людей, даже если не произойдет смешения с другой кровью, через несколько поколений испытает определенные изменения психического, а возможно, и физического характера» (1993, с. 134). Интересно отметить в данной связи, что Ф. Боас считал доказанным, хотя и не мог дать объяснение данному явлению, что у переселенцев из Европы в США уже во втором поколении имеют место определенные анатомические изменения, главным образом, в размерах черепа (Boas, 1992, S. 63).

Можно продолжить анализ исследований существенной. Результаты исследований роли климато-географических условий для адаптации человека (Голд, 1990 и др.) согласуются с нашими данными о том, что неизменным признаком, связанным с наличием

психосоматических расстройств и повышением плавающей тревоги, является этнофункциональное рассогласование отношений к ландшафту и климату.

Если обследуемые придерживаются «национальной веры» и знают родной язык, это связано у них с повышением плавающей тревоги и (или) с повышением предметной тревоги по отношению к различным группам этнических признаков. Объяснение этому, по-видимому, состоит в том, что «национальная вера» и родной язык именно в момент обследования (лето 1994 г.) начали претерпевать возрождение и стали предметом особого беспокойства у коренных жителей этноконтактной зоны. С одной стороны, образовался вакуум после устранения советской идеологии, а с другой, возникло весьма ощутимое социально-политическое давление якутской администрации (обязательное преподавание якутского языка в школах и т. д.). Все другие коренные жители (неякуты), особенно чукчи, подверглись такого рода двойному воздействию. Сами якуты – коренные жители (19 % из всех обследованных), до указанных изменений жили «одной семьей» с представителями других этносов и называли себя «тундровиками» и «колымчанами», т. е. естественным образом объединялись с другими этносами по «климато-географическому» признаку. После политической трансформации в «титульный» этнос Нижнеколымского района Республики Саха якуты, в свою очередь, также вынуждены были перестраиваться в плане этнической идентичности и в известном смысле испытывали определенный психологический «комплекс различия», обуславливающий рост тревоги (Обуховский, 1971).

На вопрос о национальной принадлежности коренные жители «этноконтактной зоны», являясь по записи в «похозяйственных книгах» чукчами, эвенами, юкагирами, русскими, якутами, отвечали: «мы тундровики» или «мы колымчане», отмечая при этом, что такое самоопределение важнее для них, чем «национальная принадлежность». На наш взгляд, этот факт свидетельствует о приоритетной роли в самосознании коренных жителей данного ареала отношений к природным, «климато-географическим» условиям их родины по сравнению с другими элементами этносреды.

По-видимому, мощными факторами, деформирующим этническую целостность, в данном регионе являются последствия «цивилизации» и технического прогресса, с нарастающей скоростью изменяющие традиционное взаимодействие человека и природы, особенно ранимой в условиях Арктики. Разрушаются традиции национальных промыслов, быт, вера, язык народов Севера. Повышение

плавающей тревоги можно интерпретировать как неспецифическую реакцию личности на неосознаваемое дезинтегрирующее влияние этнодифференцирующих факторов. Повышение предметной тревоги по отношению к социокультурным этническим признакам в группе испытуемых негативно оценивающих «цивилизацию и технический прогресс» может свидетельствовать о субъективно воспринимаемом источнике угрозы этническому самосознанию.

Данные исследования показали, что необходимость (в ситуации обследования, например) интегрировать в самосознание непривычное в целом для коренных народов Севера понятие «человек без национальности» связано с тенденцией к повышению плавающей тревоги. При этом достоверное повышение предметной тревоги по отношению к группе социокультурных этнических признаков также указывает на информационно-идеологические воздействия как источник угрозы дезинтеграции этнического самосознания. В группе, которая считала, что «человек без национальности – не человек», по сравнению с группой испытуемых считавших, что «человек без национальности – нормальный человек», плавающая и предметная тревога более выражены. Эти данные свидетельствуют о том, что с повышением тревоги может быть связана сама угроза отсутствия у человека «этнической идентичности».

Системность взаимосвязи этнических признаков («этнофункциональная системность») подтверждается тем, что этнофункциональные рассогласования отношений человека к различным группам этнических признаков (климато-географическим, расово-биологическим и социокультурным) связаны с повышением тревоги как признаком начальной фазы адаптационного синдрома (Selye, 1956).

Выводы

Полученные результаты в целом свидетельствуют о связи степени психической и психосоматической дезадаптированности личности с этнофункциональными рассогласованиями ее отношений к этническим признакам.

Можно предположить, что *системообразующую* роль в психической адаптированности личности играет ее отношение к *климато-географическим* этническим признакам, к природе. Отвержение родного ландшафта и климата связано как с повышением плавающей тревоги, так и с наличием психосоматических расстройств.

Критерием углубления степени психической дезадаптированности на донозологическом уровне по показателям повышения плавающей тревоги и наличия психосоматических расстройств

являются одновременные этнофункциональные рассогласования отношений человека ко всем трем группам этнических признаков.

Результаты раздела 2 эмпирических полевых исследований

Достоверной связи между количеством детей, рожденных у испытуемых (коренных жителей) в течение всего репродуктивного периода с выраженностью предметной тревоги по отношению к группам климато-географических и расово-биологических признаков, а также с уровнем плавающей тревоги обнаружено не было. Было установлено, что у испытуемых, имеющих не более двух детей, по сравнению с теми, у кого имелось более двух детей, популяционная адаптация (рост воспроизводства) связана с тревогой индивидов только по отношению к социокультурным традициям своего этноса ($p < 0,05$).

Кроме того, выявленные в структурированном этнофункциональном интервью связи рассогласований отношений испытуемых к климато-географическим признакам, типу питания и мировоззрению показали, что только отвержение коренным населением климато-географических условий ареала собственного рождения и проживания связано со снижением у них рождаемости в репродуктивном периоде жизни, т. е. с нарастанием дезадаптированности по показателю биологического воспроизводства ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов полевому экспериментально-психологическому исследованию в целом (по разделам 1 и 2)

Результаты полевых экспериментально-психологических исследований свидетельствуют о том, что более высокую степень популяционной адаптированности – в данном случае уровень биологического воспроизводства этой популяции – чаще встречается у лиц с высокой выраженностью позитивного эмоционального отношения к группе социокультурных признаков (национальная вера, язык и пр.). Другими словами, повышение уровня позитивно окрашенной предметной тревоги связано с увеличением степени социально-психологической адаптированности как выражением отношения к семье, деторождению и пр. Эта связь может объясняться мотивирующей ролью данной тревоги для этноинтеграции самосознания и увеличения энергетического потенциала личности и этносреды в целом.

Этнофункциональное рассогласование отношения к родному ландшафту (в данном случае – тундре), напротив, связано с популяционной дезадаптированностью, т. е. падением уровня биологического воспроизводства населения, что косвенным образом отражает снижение степени социально-психологической адаптированности.

Падение биологического воспроизводства в связи с этнофункциональным рассогласованием отношений к родной природе и менее выраженным эмоциональным отношением к родной культуре объясняется, на наш взгляд, *принципом этнофункциональной системности этносреды*.

В индивидуальном аспекте рабочими показателями «нормальной» адаптированности могут являться относительно низкий (нормальный) уровень тревоги и психосоматическое здоровье. В популяционном аспекте в качестве такого показателя можно рассматривать биологическое воспроизводство определенной этнической группы, т. е. наличие более 2 детей в семье, что определяет саму биологическую жизнеспособность и выживаемость этноса.

Степень психической дезадаптированности человека по показателям его психического (рост тревоги) и психосоматического нездоровья на донозологическом уровне связана в целом с нарастанием количества этнофункциональных рассогласований отношений к группам этнических признаков: климато-географическим, расово-биологическим и социокультурным (включая профессиональные).

Выводы

Одновременное этнофункциональное рассогласование отношений личности к трем группам этнических признаков (ландшафтно-климатическим, расово-биологическим и социокультурным) связано с ее психической дезадаптированностью по показателям роста плавающей тревоги и наличия психосоматических расстройств, а также снижения популяционной адаптированности.

Популяционный аспект дезадаптированности личности по показателю биологического воспроизводства (количество детей в семье) связан с наличием у нее этнофункционально рассогласованного отношения к родному ландшафту и климату (их «отвержение»). Снижение биологического воспроизводства связано также со снижением предметной тревоги (или «выраженностью эмоционального отношения») к группе социокультурных этнических признаков («национальной вере»).

Психический и психосоматический аспект дезадаптированности личности на донозологическом уровне связан с нарастанием у нее количества этнофункционально рассогласованных отношений к группе климато-географических признаков, которые являются наиболее дискриминантным показателем психической дезадаптированности.

Исследование, проведенное в полевых условиях на донозологическом уровне, позволило сделать предположение о связи степени психической дезадаптированности личности с нарастанием у нее количества этнофункционально рассогласованных отношений к этническим признакам на нозологическом уровне (в клинике).

3.3 Исследование «пространственных» характеристик этноида в клинике

Цель исследования заключалась в установлении связи нарастания у пациентов количества этнофункционально рассогласованных отношений к различным группам этнических признаков у взрослых: а) с нозологической отнесенностью психических расстройств депрессивного спектра; б) с типом зависимости от психоактивных веществ (опиаты, алкоголь); а также в) со степенью выраженности эмоционально-поведенческих расстройств и задержек психического и (или) интеллектуального развития у детей.

Исследование взрослых пациентов, страдающих депрессивными расстройствами, а также детей проводилось на клинической базе НИИ психиатрии МЗ РФ.

Было обследовано 120 взрослых пациентов в возрасте 23–39 лет, страдающих аффективными расстройствами депрессивного спектра (по 50 % мужчин и женщин в группах неврозов, маниакально-депрессивного психоза – МДП и шизофрении, по современной классификации, соответственно, – рекуррентных монополярных депрессивных расстройств и шизотипических расстройств депрессивного спектра). Типы ведущих аффектов были следующими: тоскливо-апатический, тревожно-тоскливый и тоскливо-тревожный. Этническая принадлежность пациентов (по самоопределению) в данной выборке – русские 102 чел., украинцы 9 чел., евреи 6 чел., белорусы 2 чел., татары 1 чел.

В детском отделении было обследовано 44 ребенка (возраст 7–11 лет) с церебрastenическим, гипердинамическим, неврозоподобными, психопатоподобными и субдепрессивными синдромами с ведущим тревожным типом аффекта, а также с задержками психического и (или) интеллектуального развития. Различия у детей изучались на синдромальном уровне в связи со сложностью выделения нозологических единиц в этом возрасте. Этническая принадлежность детей: русские – 41 чел., украинцы – 1 чел., евреи – 1 чел., татары – 1 чел.

Исследование больных, страдающих наркоманией и алкоголизмом, проводилось на клинической базе АО НИИ адаптации человека. Было обследовано 28 больных опийной наркоманией и 22 больных алкоголизмом в возрасте от 21 до 47 лет. В обеих группах было по 50 % мужчин и женщин. В группе наркоманов русских было 26 чел., евреев 2 чел. Группу больных алкоголизмом составили только русские (22 чел.).

В качестве показателя психической дезадаптированности у взрослых депрессивных больных рассматривалась глубина нозологической отнесенности психического расстройства – от невротозов до эндогенных расстройств (Березин, 1988).

У детей в качестве показателя психической дезадаптированности рассматривалась, во-первых, *выраженность у них аффективных расстройств*. В связи с этим они были разделены на две группы: с относительно менее выраженными аффективными расстройствами (гипердинамический и церебрастенический синдромы) и с более выраженными аффективными расстройствами (неврозоподобные, психопатоподобные и субдепрессивный синдромы). Обе эти группы относятся к особому случаю нормы с определенными затруднениями в адаптации к учебной и другим видам деятельности (Коробейников, 1997, с. 87). Во-вторых, в качестве показателя психической дезадаптированности мы рассматривали *снижение уровня интеллекта*, измеренного по методике Векслера. Среди детей с задержкой психического и (или) интеллектуального развития были выделены две группы по уровню общего интеллектуального показателя (ОИП): 1) ОИП > 95; 2) ОИП < 75. В каждой из сравниваемых групп имелось по 50 % мальчиков и девочек.

Показатель ОИП = 75 характеризует пограничную с умственной отсталостью зону ($70 < \text{ОИП} < 80$). Показатель ОИП = 95 характеризует среднюю норму.

В исследовании взрослых пациентов с депрессивными расстройствами использовались тесты Роршаха и Люшера. Клинические диагнозы всех обследованных пациентов уточнялись по выписке с лечащими врачами.

С помощью методики структурированного этнофункционального интервью выявлялись этнофункциональные рассогласования содержания «пространственных» характеристик этноида личности к различным группам этнических признаков.

Например, больной, родившийся и проживающий в Москве и страдающий шубообразной прогрессивной шизофренией, на вопрос о наиболее предпочитаемом месте жительства ответил

следующим образом: «Я хотел бы, чтобы у меня был домик в Африке, где можно жить и охотиться, дача в Подмосковье и квартира в Москве, и я все время переезжал бы с места на место, нигде подолгу не задерживаясь». На вопрос о мировоззрении тот же больной ответил следующим образом: «Я не придерживаюсь определенной веры или мировоззрения всегда и во всех случаях. На какие-то вещи удобнее смотреть с буддистских позиций, в других случаях – с христианской точки зрения и т. п.». Здесь фиксировались этнофункциональные расогласования по климато-географическим признакам (Л-К) и в мировоззренческой сфере (В).

Другой пациент, родившийся в средней полосе России, на вопрос о наиболее предпочитаемом месте жительства ответил, что хотел бы жить в условиях среднерусского ландшафта, но «чтобы зимы никогда не было» (диагноз – эндогенная депрессия) – зафиксирована расогласованность отношения к группе климато-географических признаков.

Пациент, родившийся и проживающий в Якутии, *самым* любимым продуктом питания называет бананы (невротическое расстройство) – этнофункционально расогласованное отношение к типу питания (П).

Пример относительно низкой выраженности расогласованности в мировоззрении: пациент (с невротическим расстройством), родившийся и проживающий в Брянской области, считая себя православным, все же утверждает: «Думаю, что в буддистской вере я, возможно, тоже смог бы найти себя, правда, при определенных обстоятельствах; мне вполне понятно буддистское мировоззрение» (расогласование в мировоззренческой сфере).

В группе расово-биологических этнических признаков, помимо отношения к типу питания, исследовалось отношение к антропоморфотипическим особенностям человека.

Исследование предпочтений антропо-морфотипических особенностей больными с аффективными расстройствами дополнительно проводилось по специальным шкалам, где испытуемым предлагалось ранжировать следующий набор антропологических признаков: цвет волос и глаз (по В. В. Бунаку). Форма носа и губ определялась по моделям, разработанным российскими антропологами, овал лица – по Пеху, по специальной шкале определялась степень развития эпикантуса. Исследователем-антропологом заносились в анкету черты внешности лиц своего или противоположного пола, предпочитаемые пациентами, и одновременно определялись их собственные антропологические характеристики («антропоэстетика») (Халдеева, 1995).

**Результаты исследования аффективных расстройств
у взрослых в клинике**

Данные, представленные в таблице 1 и таблице 2, получены разными исследователями в разное время и на различных группах больных депрессивными расстройствами с тоскливо-апатическим и тоскливо-тревожным типом ведущего аффекта.

Таблица 1

Сравнение групп больных депрессивными расстройствами с тоскливо-апатическим типом ведущего аффекта по частоте (в %) этнофункциональных рассогласований отношений к этническим признакам

Группы больных	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Неврозы (n = 20)	40	20	26
МДП (n = 20)	37	37	58
Шизофрения (n = 20)	74	63	53

Примечание. Здесь и далее: (П) – означает этнофункциональное рассогласование отношения к типу питания; (Л-К) – к ландшафту и климату; (В) – к вопросам веры и мировоззрения.

Таблица 2

Сравнение групп больных депрессивными расстройствами с тревожно-тоскливым и тоскливо-тревожным типом ведущего аффекта по частоте (в %) этнофункциональных рассогласований отношений к этническим признакам

Группы больных	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Неврозы (n = 20)	29	12	41
МДП (n = 20)	7	64	80
Шизофрения (n = 20)	75	75	55

Результаты исследования взрослых пациентов (таблицы 1 и 2), страдающих депрессивными расстройствами различной нозологической отнесенности, показали, что при эндогенных расстройствах (МДП и шизофрения) по сравнению с психогенными (неврозы) имеет место одновременное рассогласование отношений личности ко всем трем группам этнических признаков ($0,01 < p < 0,05$). При шизотипических расстройствах по сравнению с МДП достоверно преобладает рассогласование отношений к группе климато-географических этнических

признаков и типу питания (см. таблицу 1). Уменьшение частоты встречаемости этнофункциональных рассогласований отношений к типу питания (П) в группе больных МДП (7%), по сравнению с группой больных неврозами (29%) (см. таблицу 2) может объясняться преобладанием в первой группе пациентов с симптомами физической ангедонии (65%) (см.: Степанов, 1991), проявлявшихся в полном отсутствии интереса к пище в момент обследования, что оценивалось как отсутствие рассогласований.

Сравнение групп больных шизофренией и больных неврозами, обследованных по методике Роршаха, выявило также, что у больных шизофренией достоверно реже встречаются ответы типа FFb+ (гармоничность взаимодействия аффективной и когнитивной сторон отношений). Сопоставление этого результата с данными таблицы 2 свидетельствует о том, что одновременные этнофункциональные рассогласования отношений человека ко всем группам этнических признаков связано со снижением количества ответов типа FFb+ ($p < 0,01$).

Следует отметить, что нарастание количества аффективных компонентов, измеренное по методике Роршаха (реакции типа FFb+, F (Fb)+, FbF и Fb), достоверно реже включались в структуру ответов в группе больных неврозами с отсутствием этнофункциональных рассогласований по сравнению с группой, где имели место рассогласования ко всем трем группам этнических признаков ($p < 0,01$).

Достоверных различий по показателю плавающей тревоги, измеренной по методике Люшера, ни в одной из сравниваемых групп обнаружено не было.

При исследовании отношений испытуемых к антропо-морфотипическим признакам достоверные различия были получены только по *приоритетному* этническому признаку «цвет глаз». При перекрестно-половых выборах больные шизофренией предпочитали цвет глаз, более «далекий» от цвета их собственных глаз по сравнению с больными неврозами ($p < 0,05$) (в нашем случае – более светлые глаза). На уровне тенденции ($p < 0,1$) больные МДП также предпочитали отличный от собственного цвет глаз по сравнению с больными неврозами.

При изучении таких антропоэстетических предпочтений цвета глаз у представителей собственного пола достоверных различий обнаружено не было. Не было обнаружено и достоверных различий и по другим антропо-морфотипическим признакам между исследуемыми нозологическими группами. Не получено достоверных различий между этими группами также и по уровню плавающей тревоги. Данное исследование отношений испытуемых к антропо-

морфотипическим особенностям выявило, что пациенты с эндогенными расстройствами предпочитают более светлый цвет глаз при перекрестно-половом выборе.

Обсуждение результатов и выводы по этнофункциональному психологическому исследованию взрослых больных депрессивными расстройствами

Было установлено, что показателем разделения эндогенных и психогенных расстройств является наличие рассогласования отношений хотя бы к одной группе этнических признаков.

Рассогласование отношения к антропо-морфотипическим признакам (предпочтение более светлого цвета глаз при перекрестно-половом выборе) является маркером при разграничении шизофрении и неврозов.

Рассогласование отношения к типу питания также является маркером для разграничения шизофрении и неврозов.

Сопоставление полученных данных показывает, что наличие у пациента сразу двух маркеров – рассогласования отношений к ландшафту и климату (Л-К), а также к социокультурным этническим признакам (В) в любом случае связано с наличием эндогенного депрессивного расстройства ($p < 0,01$).

Если к этим маркерам добавляется маркер (П) и предпочтение более светлого цвета глаз у партнера противоположного пола, то возрастает вероятность диагностики шизофрении ($p < 0,01$).

Надежность (повторяемость) и релевантность полученных результатов позволяет предположить, что совпадение всех трех маркеров может являться дополнительным вероятностным критерием диагностики эндогенных психических расстройств депрессивного спектра ($p < 0,05$).

Этот результат косвенно подтверждает *правомерность психиатрической гипотезы о разделении психических расстройств на психогенные и эндогенные и, соответственно, разделение психики на экзо- и эндопсихику.*

Этнофункциональная рассогласованность отношений личности к этническим признакам является дезадаптирующим фактором (фактором риска возникновения психической дезадаптированности) как на донозологическом уровне, так и на нозологическом.

В клинических исследованиях достоверных различий уровня плавающей тревоги в связи с нозологической отнесенностью депрессивных расстройств не обнаружено. *Нарастание степени психической дезадаптированности (Березин, 1988) на нозологическом уровне*

происходит уже не «плавно», в связи с ростом тревоги, а в известной мере «скачками» от одного нозологического уровня к следующему (невроты → МДП → шизофрения).

В то же время особенностью проявлений психической дезадаптированности на донозологическом уровне (полевое исследование) является связь нарастания количества этнофункционально несогласованных отношений с ростом у обследуемых выраженности плавающей тревоги и психосоматических расстройств.

Сравнительное этнофункциональное исследование лиц, страдающих опийной наркоманией, алкоголизмом и некоторыми психическими расстройствами различной нозологии

Группа больных, страдающих опийной наркоманией, исследовалась в период после купирования у них абстинентного синдрома в клинических условиях (не ранее, чем через 10 дней после последнего употребления наркотика). Группа больных алкоголизмом исследовалась после купирования у них абстинентного синдрома не ранее, чем через 6 дней после последнего употребления алкоголя.

Сравнительное исследование групп больных героиновой наркоманией и алкоголизмом в зависимости от выраженности у них этнофункциональных несогласований показало, что героиновые наркоманы имеют достоверно более выраженные различия в отношениях к климато-географическим этническим признакам и к типу питания ($0,001 < p < 0,01$) (таблица 3).

Таблица 3

Сравнение групп больных опийной наркоманией и алкоголизмом по частоте (в %) этнофункциональных несогласований отношений к этническим признакам

Группы больных	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Больные алкоголизмом (n = 22)	0	20	20
Больные опийной наркоманией (n = 28)	33	75	36

Сравним полученные результаты исследования групп больных алкоголизмом и опийной наркоманией с каждой из нозологических групп больных депрессивными расстройствами по степени нарастания количества этнофункциональных несогласований. Для этого мы объединили группы с а) преобладанием тоскливо-апатического

и б) тревожно-тоскливого и тоскливо-тревожного типов ведущего аффекта в одну группу путем сложения выборок и пересчета данных. Результаты анализа выявляют особую роль маркеров дифференциально-диагностических различий между психогенными и эндогенными психическими расстройствами как этнофункционально рассогласованных отношений к ландшафту и климату (Л-К). Наиболее дискриминантным критерием отделения психогенных (неврозы) и эндогенных (МДП и шизофрения) расстройств является этнофункционально рассогласованные отношения к группе ландшафтно-климатических этнических признаков ($p < 0,05$) (таблица 4). Это еще раз подтверждает роль данного критерия как *системообразующего*.

Таблица 4

Сравнение различных нозологических групп больных депрессивными расстройствами по частоте (в %) этнофункциональных рассогласований отношений к этническим признакам

Группы больных	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Неврозы (n = 40)	35	15	43
МДП (n = 40)	21	51	69
Шизофрения (n = 40)	74	68	53

Таблица 5 (а, б, в)

Сравнение групп больных опийной наркоманией и различных нозологических групп депрессивных больных по частоте (в %) этнофункциональной рассогласованности отношений к этническим признакам

а)

Группы больных	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Наркомания (n = 28)	33	75	36
Неврозы (n = 40)	35	15	43

б)

Группы больных	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Наркомания (n = 28)	33	75	36
МДП (n = 40)	21	51	69

в)

Группы больных	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Наркомания (n = 28)	33	75	36
Шизофрения (n = 40)	74	68	53

Было проведено раздельное сравнение количества этнофункциональных рассогласований у больных алкоголизмом с количеством рассогласований у депрессивных больных.

Таблица 6 (а, б, в)

Сравнение групп больных алкоголизмом и различных нозологических групп депрессивных больных по частоте (в %) этнофункциональных рассогласований отношений к этническим признакам

а)

Группы больных	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Алкоголизм (n = 22)	0	20	20
Неврозы (n = 40)	35	15	43

б)

Группы больных	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Алкоголизм (n = 22)	0	20	20
МДП (n = 40)	21	51	69

в)

Группы больных	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Алкоголизм (n = 22)	0	20	20
Шизофрения (n = 40)	74	68	53

Исследование показало, что при сравнении групп больных шизофренией и больных опийной наркоманией выявлено только одно достоверное различие по отношению к типу питания ($p < 0,001$). При сравнении групп больных шизофренией и алкоголизмом были выявлены достоверные различия рассогласований *ко всем трем группам этнических признаков* ($0,01 < p < 0,05$). При сравнении групп больных наркоманией и больных неврозами у первых обнаружилось преобладание количества этнофункционально рассогласованных отношений

к системообразующей группе ландшафтно-климатических признаков. У больных алкоголизмом по сравнению с больными неврозами было выявлено меньшее количество этнофункционально рассогласованных отношений только к типу питания (таблица 5 а, б, в, таблица 6 а, б, в).

Обсуждение результатов сравнительного этнофункционального психологического исследования больных опийной наркоманией и алкоголизмом

Сравнение выраженности этнофункциональной рассогласованности отношений к этническим признакам у больных опийной наркоманией и алкоголизмом выявило достоверное преобладание у первых количества рассогласований к ландшафтно-климатическим признакам и типу питания (мировоззренческие рассогласования – на уровне тенденции, $p < 0,1$). Все различия свидетельствуют о большей выраженности этнофункциональных рассогласований в группе больных наркоманией по сравнению с больными алкоголизмом. Сходные соотношения наблюдались нами ранее в исследованиях нозологической отнесенности уровня депрессивных расстройств. Как и в настоящем исследовании, эта отнесенность связана с большим количеством этнофункциональных рассогласований.

Достоверные различия между группами больных опийной наркоманией и больных шизофренией по главным этнофункциональным маркерам – системообразующему (Л-К) и обобщенному (П, Л-К, В) отсутствуют (таблица 5в).

Сравнение полученных данных показывает, что по количеству этнофункционально рассогласованных отношений (в том числе рассогласованных по отношению к системообразующей группе – ландшафтно-климатической) можно предполагать бóльшую выраженность аффективных расстройств у больных наркоманией и у больных шизофренией по сравнению с больными неврозами и МДП (таблицы 5 а, б, в). При этом отсутствуют различия по количеству этнофункциональных рассогласований между группами больных алкоголизмом и больных неврозами по системообразующему признаку (Л-К) и признаку (В) (таблица 6а).

Сопоставление всех полученных результатов показало, что этнофункционально рассогласованные отношения пациентов ко всем трем группам этнических признаков являются критериями отделения 1) эндогенных расстройств от психогенных, 2) опийной наркомании от алкоголизма.

Психические аномалии в целом могут быть обусловлены как биологическими причинами (перинатальные факторы, минимальная

мозговая дисфункция, медиаторные или ферментативные сдвиги и др.), так и нарушениями психологических контактов в семье, в детских учреждениях, с разрушением традиционных форм воспитания и передачи культурных норм и ценностей (Ковалев, 1995; Сухарев, 1997). В этой ситуации смысловое наполнение психического пространства, этническая идентичность и этноид пациента деформируются, поведение личности становится неадаптивным, саморазрушающим. В таких случаях гораздо легче формируется синдром зависимости: социальной, алкогольной, наркотической и т. д. (Брюн, 1993).

Эмпирические исследования не только показали возможную продуктивность этнофункционального подхода при изучении опийной наркомании и алкоголизма, но и помогли выявить дополнительные нозодифференцирующие и прогностические маркеры данного класса заболеваний. Этнофункциональный подход открывает дополнительные перспективы решения проблемы определения факторов риска возникновения преморбидных аффективных расстройств (эндогенных и психогенных), часто способствующих возникновению наркотических и др. зависимостей. В частности, определения количества этнофункционально рассогласованных отношений пациентов к группам этнических признаков как отражения степени деформированности «пространственных» характеристик этноида болезненной личности.

Отличие страдающих опийной наркоманией от больных алкоголизмом проявляется в одновременном этнофункциональном рассогласовании их отношений ко всем трем группам этнических признаков. Клинические наблюдения и экспериментальные исследования показали, что лица, употребляющие опиаты, предпочитают для жизни относительно более «экзотические» (тропические и субтропические) ландшафты и продукты питания, имеют более «экзотическое» мировоззрение, чем злоупотребляющие алкоголем.

В целом деформация пространственных характеристик этноида личности значительно более выражена при опийной наркомании и эндогенных аффективных расстройствах по сравнению с испытуемыми, страдающими алкоголизмом и невротическими расстройствами. Это подтверждает положение о связи психической дезадаптированности со степенью деформированности этноида.

Этнофункциональное исследование эмоционально-поведенческих расстройств и задержки психического развития у детей

Обследованный контингент детей относился к особому случаю нормы с затруднениями в психической адаптации (Коробейников,

1997, с. 87). Результаты исследования показали, что в группе детей с неврозоподобным, психопатоподобным и субдепрессивным синдромами по сравнению с детьми, имеющими гипердинамический и церебрастенический синдромы, достоверно чаще встречается этнофункциональное рассогласование их отношений к группе климато-географических признаков (таблица 7). Важно отметить, что, как правило, выраженность аффективных расстройств у детей является относительно большей при неврозоподобных, психопатоподобных и субдепрессивных синдромах, чем при гипердинамическом и церебрастеническом.

Таблица 7

Сравнение групп детей с различными синдромальными проявлениями по частоте (в %) этнофункциональных рассогласований отношений к этническим признакам

Группы детей	Этнические признаки		
	П	Л-К	В
Гипердинамический, церебрастенический синдромы (n = 18)	36	50	56
Неврозоподобные, психопатоподобные, субдепрессивные синдромы (n = 12)	33	92	47

Примечание. Мировоззрение (В) считалось относительно сформированным, если ребенок утверждал, что а) придерживается тех или иных положений религиозного (здесь – всегда христианского) мировоззрения и б) ребенок утверждал, что знает это сам, а не слышал где-то от кого-то или читал в книжке.

Таблица 8

Сравнение групп детей с различным уровнем общего интеллектуального уровня (ОИП) по частоте (в %) этнофункциональных рассогласований отношений к этническим признакам

Группы детей с различным ОИП	Этнические признаки	
	П	Л-К
ОИП > 95 (n = 21)	48	34
ОИП < 75 (n = 8)	13	50

Примечание. Характер мировоззрения (В) из-за специфики контингента в отношении способности к вербализации не у всех детей удалось выявить достаточно определено.

Результаты исследования связи количества этнофункционально-рассогласованных отношений к этническим признакам у детей с уровнем их умственного развития, измеренного по методике Векслера (как показателя интеллектуальной адаптированности/дезадаптированности), свидетельствуют о том, что рассогласованность отношения к типу питания достоверно связана с более высоким уровнем интеллекта ($p < 0,05$).

*Обсуждение результатов и выводы
по результатам исследований
в детской клинике*

Как показали исследования, выраженность аффективных расстройств у детей также связана с этнофункциональной рассогласованностью их отношений к ландшафтно-климатическим условиям (таблица 7). Это заключение в целом не противоречит результатам, полученным на взрослых испытуемых.

Результаты исследования свидетельствуют также о том, что более высокий уровень интеллекта у детей связан с этнофункциональной рассогласованностью содержания их отношений к типу питания (таблица 8). На первый взгляд, результат парадоксален: более высокая адаптированность (относительно более высокий уровень интеллекта) связана с выявленным этнофункциональной рассогласованностью, которая, согласно настоящему исследованию, является маркером выраженности аффективных расстройств.

Более высокий уровень репродуктивного интеллекта, по Векслеру, связан с большей информированностью индивида, его кругозором, большей способностью к переработке информации. По мнению О. Тоффлера, предпринявшего попытку всестороннего анализа современной информационной ситуации (1973), вовлечение в новую информационную ситуацию приводит к дифференциации людей: люди с более высокой способностью к усвоению информации легче адаптируются к усложняющимся информационным потокам. Но такие люди, по его мнению, составляют в индустриально развитых обществах 10–15%. Для большинства адаптация к новой информации представляет существенные сложности в силу недостаточной подготовленности, психофизиологической ограниченности и т. п. Наша эпоха характеризуется возрастающим перемещением потоков информации и, как следствие, элементы различных этносред, будучи интериоризированными, порождают **этнофункциональный личностный конфликт**, который личность

не всегда успевают разрешить на достаточно высоком уровне. Сначала новая этносредовая информация воспринимается личностью на когнитивном уровне, затем включается эмоциональная сфера и т. д. Вследствие переизбытка воспринимаемой информации (что, по Тоффлеру, является характерной особенностью нашей эпохи) может возникнуть «разрывность» (А. В. Брушлинский) когнитивной и эмоциональной сторон процесса психической адаптации, т. е. разрыв «встречи аффекта и интеллекта», являющейся ключевым фактором развития личности в целом (Божович, 1968, с. 200). Психологическое восприятие экзотических продуктов питания сопровождается процессом усвоения личностью этнодифференцирующей информации, что также обуславливает снижение степени гармоничности взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений личности (см. результаты эмпирических исследований, приведенные ниже). Нарушение этого взаимодействия может негативно сказываться и на уровне умственного развития детей.

Можно сказать, что здесь имеет место своеобразное «горе от интеллекта», когда существенное преобладание интеллектуальной стороны процесса психической адаптации, по сравнению с эмоциональной (или их негармоничное взаимодействие) обуславливает аффективные расстройства.

3.4 Связь нарушений этнофункционального развития личности у рожениц с пренатальной («доисторической») стадией развития младенца

В современной науке существует большое количество исследований, посвященных психологическим аспектам материнства, изучению связей между особенностями протекания беременности и влиянием психосоциальных, культурно-психологических этносредовых факторов развития личности матери на возникновение акушерских осложнений. В рамках этнофункционального подхода влияние этносреды на развитие личности с момента зачатия до рождения ребенка опосредствуется матерью, ее психобиологическими особенностями (на так называемой «доисторической» стадии этнофункционального развития личности). Мы предполагали, что этнофункциональное развитие личности матери может быть связано не только с ее собственным психофизиологическим состоянием во время беременности и родов, но и с психической адаптированностью младенца в раннем послеродовом периоде.

При проведении Л. Б. Мокиной экспериментально-психологического исследования предполагалось, что определенные признаки физиологической дезадаптированности организма матери психосоматически связаны с ее психической (эмоциональной) дезадаптированностью (обусловлены, в свою очередь, нарушениями этнофункционального развития ее личности), что эти нарушения могут быть связаны и с некоторыми постнатальными характеристиками адаптированности младенца, так как, по сути, непосредственно после рождения психофизиологическое состояние младенца теснейшим образом связано с состоянием матери.

Исследование проводилось на базе женской консультации и родильного отделения Центральной районной больницы г. Химки Московской области. Всего было обследовано 75 беременных женщин в возрасте от 18 до 39 лет. Обследованные женщины родились в России и считали себя русскими.

Нарушения этнофункционального развития личности матери определялись при помощи метода структурированного психологического этнофункционального интервью. Были выделены следующие типы нарушений: выпадение сказочно-мифологической стадии (до 5 лет), этнофункциональное рассогласование содержания сказочно-мифологической стадии (отсутствие в воспоминаниях русских народных сказок в возрасте до 5 лет), задержка начала религиозно-этической стадии (т. е. после 9 лет) (см.: Тимохин, 2005).

Показатели психофизиологической дезадаптированности матери и младенца определялись клинически. В качестве таких показателей во время беременности были выделены: угроза прерывания беременности, маловодие, плацентарная недостаточность, гестоз). Показателями осложнений при родах признаны: слабость родовой деятельности, необходимость экстренного кесарева сечения, разрыв шейки матки, влагалища, эпизиотомия, перинеотомия, раннее послеродовое кровотечение и др. К показателям нарушения психофизиологической адаптированности у младенцев в первые дни жизни были отнесены: гипотрофия, оценка по шкале Апгар меньше 7 (частота сердечных сокращений (ЧСС), дыхательные движения, мышечный тонус, реакция на носовой катетер, рефлекс на раздражение подошв, цвет кожи – в первую и пятую минуты жизни младенца).

Результаты исследования

Таблица 9

Сравнение групп беременных женщин по частоте (в %) нарушений этнофункционального развития личности

Группы беременных	Тип нарушения этнофункционального развития личности у рожениц		
	Начало религиозно-этической стадии после 9 лет	«Выпадение» сказочно-мифологической стадии	Отсутствие воспоминаний о русских народных сказках до 5 лет
Беременность без осложнений (n = 29)	32	7	21
Осложненная беременность (n = 46)	72	26	50
Уровень значимости	p < 0,001	p < 0,05	p < 0,05

Таблица 10

Сравнение групп беременных женщин по частоте (в %) воспоминаний о русских народных сказках в возрасте до 5 лет

Группы беременных	Отсутствие воспоминаний о русских народных сказках до 5 лет
Беременность без осложнений (n = 29)	50
Осложненная беременность (n = 46)	83
Уровень значимости	p < 0,01

Таблица 11

Сравнение групп рожениц по частоте (в %) некоторых нарушений этнофункционального развития личности

Группы рожениц	Тип нарушений этнофункционального развития личности у рожениц	
	Выпадение сказочно-мифологической стадии	Отсутствие воспоминаний о русских народных сказках до 5 лет
Роды без осложнений (n = 19)	5	31
Осложненные роды (n = 50)	26	54
Уровень значимости	p < 0,05	p < 0,05

Таблица 12

Сравнение групп новорожденных по частоте (в %) выпадения сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности у рожениц

Группы новорожденных	Выпадение сказочно-мифологической стадии у рожениц
Новорожденные без невропатологических нарушений (n = 40)	15
Наличие серьезных невропатологических нарушений (n = 7)	71
Уровень значимости	p < 0,001

Новорожденных без нарушений было выявлено 58 %, с нарушениями средней степени тяжести (пренатальная энцефалопатия) – 42 % и 10 % новорожденных имели тяжелые нарушения (порок сердца, пороки развития мозга, преждевременные роды – до 30 недель).

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что наличие этнофункциональных нарушений развития личности у рожениц на религиозно-этической и сказочно-мифологической стадиях может быть связано с осложнениями беременности и родов, а также с наличием морфофункциональных осложнений у новорожденных в первые недели после рождения.

Обсуждение результатов и выводы

Исследование показало, что особенности этнофункционального развития личности у рожениц связаны, в частности, с различными морфофункциональными нарушениями у новорожденного. Патология протекания беременности и родов часто может являться причиной общего недоразвития новорожденного, в том числе и морфофункциональных нарушений («порок сердца», «порок мозга»); при этом врожденные нарушения развития мозга («пороки») непосредственно связаны с психическим дизонтогенезом ребенка (Лебединский, 1985; Сухарева, 1984). Это позволяет предположить, что основную регулирующую функцию на «доисторической» стадии этнофункционального развития личности ребенка выполняет психофизиологическая (психосоматическая) модальность образной сферы его матери. Напомним, кстати, что роль вторичных образов как психофизиологических регуляторов отмечалась в исследованиях как чрезвычайно важная, но пока еще недостаточно исследованная (Гостев, 2007, с. 58). Оптимальный возраст развития ребенка на данной стадии очевиден, это пренатальный период – 9 месяцев, а его сокращение или увеличение приводит к патологии и, соответственно, к нарушениям развития.

Экспериментально-психологическое исследование подтвердило правомерность выделения пренатальной («доисторической») стадии этнофункционального развития личности.

3.5 Исследование оптимальных возрастных границ некоторых стадий этнофункционального развития личности («временных» характеристик этноида)

В основе исследования лежало предположение о наличии связи этнической функции образного содержания и возраста начала сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий этнофункционального развития личности с различными проявлениями психической адаптированности/деадаптированности в относительно более позднем возрасте. Предполагалось также, что нарушения этнофункционального развития личности связаны, в первую очередь, с дисгармоничным взаимодействием когнитивной и аффективной сторон отношений, «аффекта и интеллекта» как ключевого фактора развития личности (Выготский, 1960).

Методика исследования. Этнофункциональные особенности развития личности определялись при помощи модификации

метода структурированного этнофункционального интервью. Ввиду общего положения о системности процесса адаптации человека, а также на основе наших исследований такие расстройства, как онкологические заболевания, опийная наркомания и наличие этнофункциональных рассогласований отношений к типу питания, мы считали показателями наличия психической дезадаптированности. Проявления психической дезадаптированности и, в том числе наличие/отсутствие гармоничного взаимодействия аффективной и когнитивной сторон отношений выявлялись при помощи Роршах-психодиагностики, метода Люшера (уровень тревоги) и анализа медицинской (наличие медицинского диагноза) документации.

В эксперименте приняли участие следующие группы испытуемых: условная норма (не имеющие медицинских диагнозов учащиеся старших классов школ № 408 г. Москвы и № 1 г. Химки, студенты 1-го курса Государственной академии славянской культуры); онкологические больные (НИИ ДОГ РОНЦ им. Н. Н. Блохина РАМН и детского отделения МООД МЗ РФ); страдающие опийной наркоманией (наркологическая больница № 17 г. Москвы). Всего экспериментом было охвачено 436 человек в возрасте от 12 до 17 лет (50 % юношей и девушек в каждой группе).

Результаты экспериментально-психологического исследования

Таблица 13

Сравнение групп испытуемых с различными признаками психической дезадаптированности по показателю (в %) возрастного интервала начала сказочно-мифологической стадии

Группы испытуемых с различными признаками психической дезадаптированности	Возраст начала сказочно-мифологической стадии		
	До 2 лет (n = 47)	В 2–4 года (n = 182)	В 5–8 лет (n = 51)
Условная норма	19	27	18
Онкология	23	13	16
Опийная наркомания	4	3	6
Рассогласования отношений к типу питания	92	67	84

Начало сказочно-мифологической стадии до 2-ет у испытуемых, имеющих онкологические заболевания, встречаются чаще, чем в 2–4 года ($p < 0,05$). Этнофункциональные рассогласования отношения к типу питания также чаще встречаются при начале данной стадии до 2-х лет ($p < 0,001$) или в 5–8 лет ($p < 0,05$) (см. таблицу 13).

Таблица 14

Сравнение групп испытуемых с различным содержанием сказочно-мифологической стадии в возрастном интервале 2–4 года по частоте (в %) показателей психической дезадаптированности

Группы испытуемых с различным содержанием сказочно-мифологической стадии в 2–4 года	Показатели психической дезадаптированности				
	Рассогласование отношений к типу питания	Рассогласование отношения к цвету глаз	Условная норма	Онкология	Опийная наркомания
Только народные сказки (n = 84)	58	34	36	12	2
Только авторские сказки (n = 51)	77	55	14	18	6

Наличие только этнофункционально согласованных народных сказок при начале сказочно-мифологической стадии в возрастном интервале 2–4 года (до 5 лет) также связано с ростом количества испытуемых в выборке, относящихся к условной норме ($p < 0,01$), и уменьшением количества этнофункциональных рассогласований отношения к продуктам питания и антропологическим признакам (перекрестно-половое предпочтение цвета глаз, сильно отличающегося от собственного) ($p < 0,05$) (см. таблицу 14). Причем значимое влияние содержания сказок здесь отмечается только в возрастном интервале от 2 до 5 лет.

Таблица 15

Сравнение групп испытуемых с различными возрастными интервалами начала религиозно-этической стадии по частоте (в %) признаков психической и психосоматической дезадаптированности

Группы с различным возрастным интервалом начала религиозно-этической стадии	Признаки психической дезадаптированности			
	Условная норма	Онкология	Опийная наркомания	Отсутствие этнофункциональных рассогласований
До 4 лет (n = 82)	11	34	1,2	1
В 5–8 лет (n = 157)	24	12	0,6	9
В 9–18 лет (n = 77)	18	10	9	8

Начало религиозно-этической стадии в условной норме чаще встречается в возрастном интервале 5–8 лет, чем в интервале до 4 лет ($p < 0,05$). У страдающих опийной наркоманией эта стадия в интервале 5–8 лет встречается реже, чем в 9–18 лет ($p < 0,001$). У онкологических больных начало религиозно-этической стадии в 5–8 лет встречается реже, чем до 4 лет ($p < 0,001$). Отсутствие этнофункциональных рассогласований чаще имеет место при начале данной стадии в 5–8 лет, чем до 4 лет ($p < 0,05$).

Начало религиозно-этической стадии до 4 лет чаще отмечается у онкологических больных ($p < 0,001$), реже фиксируется в «условной норме» ($p < 0,05$) и у страдающих опийной наркоманией ($p < 0,05$), а также реже встречается у тех, у кого отсутствуют основные типы этнофункциональных рассогласований ($p < 0,05$).

Начало религиозно-этической стадии после 8 лет связано с увеличением количества страдающих опийной наркоманией ($p < 0,001$) и с уменьшением количества онкологических больных ($p < 0,001$) (см. таблицу 15).

Эмпирически выявленные нами возрастные интервалы, наиболее благоприятные для начала стадий развития (2–4 года для сказочно-мифологической и 5–8 лет для религиозно-этической), в целом согласуются с выводами других исследователей, например, Ж. Пиже о том, что к этому возрасту (18–24 месяца) ребенок уже овладевает мышлением в представлениях, т. е. становится способен отождествлять предметы с теми знаками, которые существуют для их определения в языке. В 2 года у ребенка появляются

зачатки самосознания. В этом же возрасте начинает развиваться воображение, в частности, аффективное, которое необходимо для изживания негативных переживаний и снятия фрустрации (Дьяченко, 1988).

Пятилетний возраст также выделяется в работах известных психологов. Так В. В. Зеньковский писал, что после 4–4,5 лет начинается процесс интеллектуализации религиозных чувств, ребенок сам начинает создавать религиозные образы, а с 5 лет оформляются идеи «нормы», «долга», «правил» и «законов», объективно подлежащие исполнению (1995). Еще Д. Б. Эльконин (1989) указывал, что у детей 4–5 лет начинают формироваться моральные понятия «хорошо» и «плохо», а Л. И. Эльконинова (1993) отмечает в этот период появление развернутых проб инициативности в играх детей. З. Фрейд считал, что с 5 лет ребенок начинает осваивать общечеловеческий опыт, закрепленный в науке и культуре, устанавливать социальные связи.

К 8–9 годам ребенок овладевает нормами поведения и мышления, приобретает способность объективно воспринимать мир, начинает оперировать общими и абстрактными категориями, что не противоречит полученным данным (Пиаже, 1994).

Интересным результатом является обнаружение своеобразной «точки бифуркации» сказочно-мифологической стадии в возрастном интервале 2–4 года, в частности, этнически дифференцированное содержание этой стадии, выявленное в оптимальном интервале, связано с большей степенью психической дезадаптированности по сравнению с выявленным в более позднем возрасте. Это дополняет мнение Г. Е. Сухаревой о том, что речь идет о периоде повышенной восприимчивости к различным органическим патогенным воздействиям (1974).

Несоответствие авторских сказок задачам развития в данном возрасте отмечали Б. Беттельгейм, Д. Б. Эльконин, И. В. Вачков и другие авторы. К. Д. Ушинский писал: «Я решительно ставлю народную сказку недосягаемо выше всех рассказов, написанных нарочно для детей образованной литературой... Как бы ни был хорошо подделан такой детский рассказ, это все-таки подделка: детская гримаса на старческом лице» (2000, с. 63).

Л. И. Эльконинова и А. В. Запорожец использовали в своих исследованиях только русские народные сказки. Согласно В. В. Зеньковскому, восприятие ребенком сказки тесно связано с усвоением языка, а гипотеза этнолингвистической относительности Сепира-Уорфа (многократно подтвержденная впоследствии) свидетельствует

о том, что у людей, говорящих на разных языках, мыслительные процессы, ассоциации, способы интерпретации мира, даже восприятие ими одинаковых событий, могут различаться, так как язык способствует формированию структуры мышления (Мацумото, 2002 и др.). Подобные идеи высказывал и Л. С. Выготский (1960).

Содержание религиозно-этической стадии не было исследовано в силу расплывчатости и «мозаичности» религиозных и этических представлений в сознании современного человека, что не позволило нам выделить «чистые» типы такого содержания.

На данном этапе экспериментально-психологического исследования был выделен дополнительный этнофункциональный критерий нарушения развития личности: слишком раннее или позднее начало стадии, что (в отношении религиозно-этической стадии) подтверждает выводы В. В. Зеньковского (1995).

Неразвитость эмоционально-мотивационной сферы (отсутствие ответов типа Fb, FbF и FFb по Г. Роршаху) связана с одновременным «выпадением» сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий ($p < 0,01$), а также «замещением» или одновременным их началом ($p < 0,05$) (см. таблицу 16).

Таблица 16

Сравнение групп испытуемых с некоторыми типами нарушений этнофункционального развития личности по частоте (в %) цветовых ответов по тесту Роршаха

Группы испытуемых с различными типами нарушений этнофункционального развития личности	Наличие/отсутствие цветовых ответов (Fb) по тесту Роршаха	
	Нет Fb, FbF и FFb (n = 62)	Есть Fb, FbF и FFb (n = 243)
«Забегание» и одновременное начало стадий	27	15
«Выпадение» сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий	5	0

Наличие развитой эмоционально-мотивационной сферы при отсутствии или ослаблении контроля над ней (ответы типа Fb и FbF) связано с началом сказочно-мифологической стадии в 2–4 года на материале этнофункционально согласованных народных сказок

при «выпадении» религиозно-этической стадии ($p < 0,01$). При начале сказочно-мифологической стадии в 2–4 года на материале авторских или этнофункционально рассогласованных народных сказок, при одновременном выпадении религиозно-этической стадии показателей гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений (ответов типа FFb+) не наблюдается. Наличие гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений связано с последовательным прохождением сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий ($p < 0,05$) (таблица 17).

Таблица 17

Сравнение групп испытуемых с различными особенностями этнофункционального развития личности по частоте (в %) показателей высокого и низкого эмоционального контроля по тесту Роршаха

Группы испытуемых с различными особенностями этнофункционального развития личности		Показатели высокого и низкого эмоционального контроля по тесту Роршаха	
		Только Fb и FbF (n = 33) (низкий контроль)	Только FFb+ (n = 134) (высокий контроль)
«Выпадение» рел.-этич. стадии	Народные сказки в 2–4 года	13	1
	Авторские сказки в 2–4 года	1	0
Наличие сказ.-миф. и рел.-этич. стадий в 2–4 года		76	89

Результаты эксперимента позволяют предположить, что гармоничное взаимодействие когнитивной и эмоциональной сторон отношений формируется в результате последовательного прохождения сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий развития. Этот результат согласуется с выводами И. Г. Беспалько и М. Н. Раевой о том, что у маленьких детей при Роршах-диагностике преобладают ответы типа Fb и FbF и лишь с возрастом начинают превалировать ответы типа FFb+ (1978). С. Бейцман отмечает, что

нарастание количества ответов типа FFb+ у детей до 7 лет указывает на их способность к адаптации и достигается в процессе психического развития ребенка (Рауш де Траубенберг, 2005). З. Пиотровски определял цветовые ответы при Роршах-диагностике как «индикатор желаний». Согласно его исследованиям, ответы Fb есть индикатор мотивов, целиком сконцентрированных на себе (Bohm, 1972), FFb + ответы отражают мотивы, при которых учитываются права и нужды других, а ответы FbF занимают промежуточную позицию (Белый, 1992).

По мнению О. М. Дьяченко, именно с 2,5 до 4 лет в развитии воображения (в том числе при помощи сказок) доминирует аффективная сторона (1978). Л. И. Эльконинова отмечает, что под воздействием именно народных сказок у детей развивается такое качество, как инициативность, а разыгрывание сказочного сюжета детьми после 5 лет становится хотя и более развернутым и структурированным, но менее эмоциональным («теряет живость») (2004). В. В. Зеньковский полагал, что в возрасте до 5 лет происходит «эстетическое» (эмоциональное) развитие ребенка, а затем начинается «этический период», в процессе которого формируются так называемые «моральные чувства» (чувство вины, сострадания и т. д., т. е. чувства, связанные с этическими нормами) (см. также работы А. В. Запорожца, Д. Б. Элькониной, Л. И. Элькониновой и др.). В. В. Ковалев (1971) делает вывод о том, что невротические расстройства, в частности, в виде аффективной возбудимости (снижение эмоционального контроля), уходов из дома и бродяжничества (снижение контроля поведения) могут быть связаны с нарушением условий развития (воспитанием) в возрасте 5–8 лет.

Приведенные результаты позволяют предположить, что именно развитая эмоционально-мотивационная сфера, проявляющаяся в динамичности эмоций и инициативности, является новообразованием сказочно-мифологической стадии. При этом для ее формирования необходимо, чтобы начало данной стадии приходилось на возраст 2–4 лет на материале этнофункционально согласованных народных сказок. После 5 лет на религиозно-этической стадии формируется оптимальный эмоционально-мотивационный контроль и гармоничное взаимодействие когнитивной и эмоциональной сторон отношений, что предположительно является новообразованиями этой стадии.

С ростом «плавающей» тревоги связано «выпадение» сказочно-мифологической стадии при наличии в развитии личности религиозно-этической стадии, а также «замещение» религиозно-

этической стадией сказочно-мифологической или одновременное начало этих стадий ($p < 0,05$) (см. таблицу 18).

Таблица 18

Сравнение групп испытуемых с некоторыми типами нарушений этнофункционального развития личности по частоте (в %) различного уровня тревоги по тесту Люшера

Группы испытуемых с различными типами нарушения этнофункционального развития личности	Уровни тревоги		
	T = 0–3 (n = 134)	T = 4–8 (n = 121)	T = 9–12 (n = 13)
Выпадение сказочно-мифологической при наличии религиозно-этической стадии	4,3	10,6	22,2
«Замещение» и одновременное начало стадий	13,5	25	20

Для группы испытуемых, относящихся к «условной норме», характерно начало сказочно-мифологической стадии в 2–4 года на материале этнофункционально согласованных народных сказок и начало религиозно-этической стадии в 5–8 лет, что отличает их от онкологических больных ($p < 0,001$) и от испытуемых, страдающих опийной наркоманией ($p < 0,05$).

У лиц, страдающих опийной наркоманией, отмечено этнофункциональное рассогласование содержания сказочно-мифологической стадии, начавшейся в 2–4 года и начало религиозно-этической стадии после 8 лет в отличие от «условной нормы» ($p < 0,001$) и от онкологических больных ($p < 0,01$).

У онкологических больных выявлено: а) «выпадение» сказочно-мифологической стадии при наличии религиозно-этической ($p < 0,01$), б) «замещение» стадий (т. е. начало религиозно-этической стадии в возрасте до 4 лет при «выпадении» сказочно-мифологической) ($p < 0,05$), в) опережение религиозно-этической стадией сказочно-мифологической или их одновременное начало ($p < 0,001$) (см. таблицу 19).

Таблица 19

Сравнение групп испытуемых с онкологическими заболеваниями, опийной наркоманией и условной нормой по частоте (в %) различных особенностей этнофункционального развития личности

Группы испытуемых	Различные особенности этнофункционального развития личности				
	Народные сказки в 2–4 года	Авторские сказки в 2–4 года	«Выпадение» сказочно-мифологической стадии		Опережение и одновременное начало Р.-Э. и сказ.-миф. стадий
	Р.-Э. в 5–8 лет	Р.-Э. после 9 лет	Наличие Р.-Э.	Р.-Э. до 5 лет	
Условная норма (n = 82)	23	0	1	0	3
Онкология (n = 89)	2	4	13	8	24
Наркомания (n = 18)	0	30	0	0	10

Примечание. Здесь и далее Р.-Э. – религиозно-этическая стадия.

Полученные данные позволяют предположить, что отсутствие нарушений этнофункционального развития личности может являться критерием психического и соматического здоровья.

Своевременное начало сказочно-мифологической стадии на материале только авторских и этнофункционально рассогласованных народных сказок при позднем (после 8 лет) начале религиозно-этической стадии связано с тем, что содержание эмоционально-мотивационной сферы развивается на «экзотическом» материале, одновременно со сниженным контролем эмоционально-мотивационной сферы и недостаточной развитостью моральных чувств. Вследствие этого, выбирая себе партнеров для общения на основе общих с ними нравственных ценностей, ребенок может попасть под влияние «экзотических» субкультур, связанных с употреблением наркотиков и имеющих экзотическую систему мировоззрения. Так, например, мировоззрение страдающих опийной наркоманией связано с «буддистской субкультурой» (Щербак, 2003). Реалистическое мировоззрение, по мнению А. В. Запорожца, воспитывается при помощи именно *народной сказки* (1948).

Связь наличия онкологических заболеваний с опережением, замещением или одновременным началом стадий развития объясняется тем, что нарушается ход эмоционального развития ребенка,

а ведь именно эмоциональные нарушения в психосоматической медицине считаются предпосылкой заболевания (см. Исаев, 2000 и др.). Поскольку возраст 2–4 года совпадает и с периодом интенсивного усвоения речи (Выготский, 1956), то нарушения в этот период могут служить предпосылками к развитию алекситимии, играющей важную роль в этиологии психосоматических заболеваний (Ересько, Исурина, 1994). Кроме того, раннее начало (до 5 лет) религиозного или этического воспитания может приводить к перегрузке психики ребенка в силу его интеллектуальной и эмоциональной неготовности к усвоению подобного содержания (В. В. Зеньковский, Ж. Пиаже и др.).

Существенным представляется и совпадение этнофункциональных особенностей развития личности, связанных с повышенным уровнем «плавающей» тревоги и наличием онкологических заболеваний. Именно тревога, согласно Г. Селье, является первым сигналом начала адаптационного процесса (активизирует адаптивные механизмы) (1956). По Б. Ф. Березину, чрезмерное напряжение адаптационных механизмов приводит к нарушению нормального функционирования организма, к нарушению физического (или психического) здоровья (1988).

Интересным представляется тот результат, что этнофункциональные особенности развития личности, характерные для испытуемых, страдающих опийной наркоманией, связаны с наличием этнофункциональных расхождений в области мировоззрения. Это согласуется с приведенными выше результатами исследования С. Ю. Щербак (2003), показавшей, что мировоззрение таких больных во многом ориентировано на ценности, принятые в буддистских культурах.

В целом результаты нашего исследования согласуются с выводами А. В. Запорожца, М. Монтессори и др.: отсутствие своевременного развития тех или иных качеств личности в периоды, благоприятные для этого, отрицательно сказываются на всем дальнейшем психическом развитии.

Выводы

На основе проведенного исследования можно предположить, что различные этнофункциональные нарушения развития личности («временные» деформации этноида) могут являться одним из условий возникновения психической дезадаптированности. И напротив, отсутствие этих нарушений, возможно, обуславливает оптимальную психическую адаптированность. Полученные результаты

подтверждают гипотезу о существовании этнофункциональной архегении личности – идеального прообраза ее развития в определенных этносредовых условиях, – как идеальный показатель психического здоровья («нормы»).

Этнофункциональные нарушения развития личности связаны с наличием у нее различных проявлений психической дезадаптированности в более позднем возрасте (12–18 лет). Отсутствие этих нарушений – с оптимальной психической адаптированностью.

С оптимальной психической адаптированностью личности в подростковом и юношеском возрастах связано начало стадий этнофункционального развития личности в оптимальные периоды: сказочно-мифологической стадии – в 2–4 года, а религиозно-этической – в 5–8 лет.

«Выпадение» сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий приводит к неразвитости эмоционально-мотивационной сферы. Наличие только сказочно-мифологической стадии (образного содержания этнофункционально согласованных народных сказок в 2–4 года) коррелирует с показателями развитой эмоционально-мотивационной сферой, при ее недостаточном контроле. Последовательное прохождение сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий связано с оптимальным контролем эмоционально-мотивационной сферы.

Повышенная «плавающая» тревога и наличие онкологических заболеваний в подростковом и юношеском возрастах коррелирует с наличием религиозно-этической стадии при «выпадении» сказочно-мифологической, а также началом религиозно-этической стадии прежде или одновременно со сказочно-мифологической.

Наличие у испытуемых в подростковом возрасте опийной наркомании связано с нарушением этнофункционального развития личности на сказочно-мифологической стадии (наличие авторских и/или этнофункционально рассогласованных образов народных сказок в возрасте 2–4 года).

Исследование подтвердило обоснованность выделения сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий этнофункционального развития личности. Содержательно-образным новообразованием данных стадий являются, соответственно, сказочно-мифологические представления о природных стихиях и нравственных нормах, специфические для конкретной этносреды.

Психодинамическим новообразованием на сказочно-мифологической стадии развития в возрасте от 2 до 5 лет является возникновение более или менее удачных попыток контролирования эмоций.

Психодинамическим новообразованием на религиозно-этической стадии является возникновение важнейшего фактора развития – гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон системы отношений личности (при благоприятных предшествующих условиях развития в возрасте от 5 до 8 лет).

3.6 Связь «временных» и «пространственных» характеристик этноида

Содержание данного параграфа является продолжением исследования, описанного в предыдущем. Полученные результаты выделены в отдельный параграф ввиду их важности для этнической психологии и психолого-педагогических работ. В данном исследовании сформированность этнической идентичности по самоопределению обозначалась +ЭИ, если эта идентичность была этнофункционально согласована с ее отношениями к различным группам этнических признаков. Обозначение –ЭИ использовалось при наличии таких рассогласований. Р.-Э. – религиозно-этическая стадия.

Результаты исследования особенностей этнофункционального развития личности с этнофункциональными рассогласованиями ее отношений в более позднем возрасте отображены в таблице 20.

Результаты свидетельствуют о том, что начало сказочно-мифологической стадии в 2–4 года на материале этнофункционально согласованных народных сказок при начале религиозно-этической стадии в 5–8 лет связано с уменьшением количества испытуемых, имеющих этнофункциональные рассогласования по всем этническим признакам одновременно, а также имеющих несформированную этническую идентичность ($p < 0,05$).

Начало сказочно-мифологической стадии в 2–4 года на материале авторских либо этнофункционально рассогласованных народных сказок связано: а) при начале религиозно-этической стадии в 5–8 лет с ростом количества испытуемых, имеющих этнофункциональные рассогласования отношений к группе климато-географических этнических признаков; б) при начале религиозно-этической стадии до 4 лет, с ростом количества испытуемых, имеющих этнофункциональные рассогласования отношений к антропологическому типу; в) при начале религиозно-этической стадии после 8 лет – с ростом количества испытуемых, имеющих этнофункциональные рассогласования отношений по климато-географическому признаку ($p < 0,05$).

Этнофункциональные нарушения развития личности («временные» нарушения) связаны с наличием у нее этнофункциональных

рассогласованных отношений по различным группам этнических признаков («пространственные нарушения») в более позднем возрасте. Это свидетельствует о том, что наличие этнофункциональных рассогласований в системе «пространственных» отношений личности к этническим признакам связано с нарушениями ее этнофункционального развития.

Таблица 20

Сравнение групп испытуемых с различными особенностями этнофункционального развития личности по частоте (в %) этнофункциональных рассогласований отношений к различным этническим признакам

Группы испытуемых с различными особенностями этнофункционального развития личности		Наличие (-) или отсутствие (+) этнофункционального рассогласования отношений к различным этническим признакам											
		1		2		3		4		5		6	
		+П (n = 130)	-П (n = 293)	+А (n = 258)	-А (n = 132)	+(К, Л) (n = 316)	-(К, Л) (n = 106)	+В (n = 182)	-В (n = 232)	+П, +А, +(К, Л), +В (n = 27)	-П, -А, -(К, Л), -В (n = 32)	+ЭИ (n = 259)	-ЭИ (n = 79)
Только народные сказки в 2-4 года	Р.-Э. в 5-8 лет	19,2	9,1	14,3	7,6	12,5	8,8	15,3	8,2	28,6	4,3	14,3	3,4
	Р.-Э. в 2-4 года	1,4	3,8	1,7	6,5	3,2	2,9	3,2	3,2	0	8,7	8,2	10,3
Только авторские сказки в 2-4 года	Р.-Э. в 5-8 лет	8,2	9,6	6,3	12	6,9	16,2	9,7	8,9	0	8,7	8,2	10,3
	Р.-Э. в 9-18 лет	4,1	4,3	4	4,3	4,2	2,9	0,8	6,3	7,1	4,3	3,6	6,9

Примечание. Здесь: П – отношение к типу питания, А – к антропологическому типу; К, Л – к климату и ландшафту, В – к вопросам веры и мировоззрения; П, А, К, Л, В – ко всем типам этнических признаков одновременно. Знак (+) означает отсутствие рассогласований, знак (-) наличие рассогласования; +ЭИ – сформированность этнической идентичности. -ЭИ – несформированность этнической идентичности. Р.-Э. – религиозно-этическая стадия.

Если сказочно-мифологическая и религиозно-этическая стадия были начаты своевременно, но у первой имеет место этнодиф-

ференцирующее содержание, то содержание отношений испытуемых к климато-географическим признакам нарушено; этот вывод согласуется с результатами исследования С.Л. Бухаревой (2005). Она показала, что религиозное воспитание без фольклорной составляющей приводит к этнофункциональным рассогласованиям отношений к родному ландшафту и в религиозной сфере, что согласуется с принципом этнофункциональной системности.

Таким образом, нарушения этнофункционального развития личности («временные» деформации этноида) связаны с возникновением у нее этнофункциональных рассогласований ко всем группам этнических признаков («пространственные» рассогласования этноида) в более позднем возрасте.

При начале религиозно-этической стадии в оптимальный период (5–8 лет), выявлены следующие связи. Наличие у личности когнитивно-аффективного следа от восприятия народных сказок в возрасте от 2 до 5 лет связано с наличием у него сформированной этнической идентичности в возрасте 12–17 лет, а наличие авторских сказок в данном возрасте на уровне тенденции ($p < 0,1$) связано с несформированностью этой идентичности.

3.7 Эмпирическое исследование связи нарушений этнофункционального развития личности («временных» деформаций этноида) и типа ведущего аффекта в клинике депрессивных расстройств

Выше была показана связь «пространственных» деформаций этноида у взрослых с наличием депрессивных расстройств. В настоящем разделе приводятся результаты эмпирического исследования связи «временных» деформаций этноида с «типом ведущего аффекта» (Вертоградова, 1980) депрессивных расстройств, возникших у пациентов в более позднем возрасте.

Основные типы ведущего депрессивного аффекта – тревога (Т), тоска (Тоск) и апатия (Ап) (Вертоградова, 1980) имеют фенотипические различия и являются синдромообразующими в структуре депрессивных состояний (Вертоградова, 1998). Тревога как психическое проявление стрессового состояния организма может играть адаптирующую роль (Селье, 1960). И.Л. Степанов показал, что тревожный аффект непсихотического уровня является менее дезадаптирующим, чем тоскливый и апатический аффекты в отношении социально-психического функционирования (СПФ) больших депрессиями (2002).

Предполагалось, что различные типы нарушений этнофункционального развития личности связаны с наличием различных типов ведущих депрессивных аффектов в более позднем возрасте.

Методика экспериментально-психологического исследования. Были обследованы следующие группы испытуемых: с отчетливо доминирующим тревожным («Тр», 20 чел.), тоскливым («Тоск», 7 чел.), апатическим аффектом («Ап», 7 чел.) и тоскливо-апатическим аффектом (6 чел.) в рамках эндогенных и психогенных депрессий, а также шизотипических расстройств. Кроме того, были обследованы 7 человек с «рекуррентными аффективными расстройствами» (современное обозначение МДП, т. е. различных форм маниакально-депрессивного психоза), у которых в анамнезе имели место маниакальные эпизоды. Небольшое количество больных с тоскливым, апатическим и маниакальным аффектами объясняется тем, что в «чистом» виде такая симптоматика встречается достаточно редко, однако качество постановки диагнозов было достаточно высоким (группа из 20 больных тщательно отбиралась в течение года, диагнозы ставились на основании решения экспертного совета из трех врачей и психолога). Группа здоровых («З», 56 человек) характеризовалась отсутствием обращений к психиатрам в течение всей жизни, а также отсутствием психиатрических жалоб и хронических психосоматических заболеваний. Возраст обследуемых – от 19 до 45 лет. Исследование проводилось на базе группы изучения депрессий Московского научно-исследовательского института психиатрии в течение 2005 г. Этнофункциональные нарушения развития личности определялись при помощи метода структурированного этнофункционального интервью. Выявлялись этнофункциональные нарушения развития личности на следующих стадиях: природной, сказочно-мифологической, религиозно-этической и стадии просвещения (научно-познавательной).

Как уже отмечалось выше, из всего возможного содержания сказочно-мифологической стадии нами были выделены лишь авторские и народные сказки, роль которых в развитии детей раннего возраста является наиболее изученной. Также фиксировались образы природы и возраст, в котором они запомнились. Авторские сказки в данном исследовании были как русских, так и иностранных авторов. Народные сказки – только русские. Начало стадии просвещения диагностировалось как начало активных более или менее длительных увлечений пациента (спорт, музыка, чтение книг по определенной тематике и пр.).

Проявления психических нарушений (в данном исследовании – тип ведущего аффекта) выявлялись при помощи клинического

метода, анализа медицинской документации. При помощи теста Роршаха, а также теста Люшера определялись особенности адаптации испытуемых. Ранжирование стадий этнофункционального развития личности по возрасту представлено как производные от наиболее значимых статистических различий между группами больных депрессиями с тем или иным ведущим аффектом.

Результаты экспериментально-психологического исследования

Таблица 21

Сравнение групп больных с ведущим тревожным аффектом при различном возрасте начала сказочно-мифологической стадии по частоте некоторых показателей теста Роршаха и уровня тревоги

Группы больных с различным возрастом начала сказочно-мифологической стадии	Показатели теста Роршаха		Суммарный уровень тревоги в баллах (Т)
	Ответы типа (Fb, FbF, FFb)	Ответы типа (М)	
До 5 лет (n = 9)	28	14	27
После 5 лет (n = 6) («задержка»)	10	11	47
Уровень значимости	p < 0,05	Не значимо	p < 0,001

Таблица 22

Сравнение групп больных (с ведущим ведущими тоскливо-апатическим, тоскливым и апатическим аффектом) при различных особенностях развития личности на сказочно-мифологической стадии по частоте некоторых показателей теста Роршаха и уровня тревоги

Группы больных с различными особенностями этнофункционального развития личности на сказочно-мифологической стадии	Показатели теста Роршаха		Суммарный уровень тревоги в баллах (Т)
	Ответы типа (М)	Ответы типа (Т)	
Помнят сказки, воспринятые в возрасте до 5 лет (включительно) (n = 9)	17	8	28
Сказок не помнят («выпадение» стадии) (n = 11)	16	9	56
Уровень значимости	Не значимо	Не значимо	p < 0,001

Анализ и обсуждение
результатов

Преобладание ответов типа Fb, FbF, FFb (т. е. цветовых ответов) в таблицах 21 и 22 является признаком более зрелой эмоционально-мотивационной сферы (Белый, 1992; Беспалько, Раева, 1978; Роршах, 2003; Weizmann, 1961). Преобладание ответов типа Т (животные) по сравнению с количеством ответов типа М (люди) для взрослых считается признаком инфантилизма (Bohm, 1972). Эти результаты совпадают с полученными ранее (Тимохин, 2005) – нарушение этнофункционального развития личности (здесь – «задержка» начала сказочно-мифологической стадии развития – см. таблицу 21) связано с задержкой психического развития в целом.

Достоверные различия по результатам теста Роршаха были выявлены также между группой больных с отчетливо доминирующим апатическим аффектом (7 чел.) и группой тревожных (20 чел.). У последних преобладало количество цветовых шоков как признака психогенного торможения когнитивных процессов ($p < 0,05$), что соответствует представлениям о различии данных групп.

Снижение количества цветовых ответов характерно для эндогенных депрессивных больных (Bohm, 1972). У больных с «выпадением» сказочно-мифологической стадии преобладание ответов типа Т по сравнению с М-ответами, как уже упоминалось, является показателем психического инфантилизма (там же).

Отклонение от «нормальной цветовой последовательности выборов» (тест Люшера, $0,1 < p < 0,01$) по количеству больных нарастало следующим образом: *тревожные* < *тоскливые* < *апатические*. Такие изменения отражают нарастание степени психической дезадаптированности больных (Собчик, 1990).

Исследование показало отсутствие достоверных различий по показателям теста Роршаха между группами апатических и тоскливых больных.

Различие в показаниях теста Люшера и теста Роршаха может объясняться тем, что тест Люшера относительно более чувствителен к нюансам актуального эмоционального состояния пациента.

Группы больных с отчетливо доминирующим тоскливым, апатическим, а также тревожным аффектом имели определенные различия по показателям нарушений этнофункционального развития личности (см. таблицу 23).

Таблица 23

Сравнение групп больных с ведущими тревожным, тоскливым и апатическим аффектами в зависимости от возраста начала природной стадии этнофункционального развития личности

Группы больных с различными типами ведущего аффекта	Возраст начала природной стадии	
	Помнят образы природы до 4 лет	Помнят образы природы до 5 лет
Тревожный аффект (Тр) (n = 20)	5	9
Тоскливый аффект (Тоск) (n = 7)	0	1
Апатический аффект (Ап) (n = 7)	0	0
Уровень значимости	Тр > Тоск, p < 0,05 Тр > Ап, p < 0,05	Тр > Тоск, p < 0,01 Тр > Ап, p < 0,01

Из таблицы 23 видно, что больные с ведущим тревожным аффектом отличаются от больных с ведущим тоскливым и апатическим аффектами большим количеством детских впечатлений образов родной природы в возрасте до 4–5 лет. Следовательно, нарушение этнофункционального развития личности по данному показателю связано с наличием ведущих тоскливого или апатического аффектов.

Согласно данным таблицы 24 больные с ведущим апатическим аффектом (Ап) отличаются от больных с тревожным аффектом (Тр) по всем показателям нарушения этнофункционального развития личности (лишь по двум показателям – на уровне тенденции – $p < 0,1$, возможно, из-за малой выборки), а больные с ведущим тоскливым аффектом (Тоск) отличаются от тревожных (Тр) лишь по двум показателям.

Группа с ведущим тоскливым аффектом отличается от группы с тревожным аффектом преобладанием «выпадений» и «задержек» начала сказочно-мифологической стадии до возраста «после 5 лет», что, согласно нашим предыдущим исследованиям, связано с недоразвитием эмоционально-мотивационной сферы.

В группе с ведущим апатическим аффектом по сравнению с группой с тоскливым аффектом преобладает «выпадение» сказочно-мифологической стадии при преобладании «задержки» начала религиозно-этической стадии.

Согласно данным таблиц 22, 23 и 24, показатели нарушения этнофункционального развития личности достоверно отделяют ведущие апатический и тоскливый аффекты по сравнению с показателями

Таблица 24

Попарные сравнения групп больных с ведущим тревожным, тоскливым и апатическим аффектом по частоте (в %) некоторых особенностей этнофункционального развития личности

Группы больных с различными типами ведущего аффекта	Показатели особенностей этнофункционального развития личности							
	Народные сказки	Авторские сказки	Выпадение сказ.-миф. стадии	Сказ.-миф. стадия до 5 лет	Сказ.-миф. стадия с 5 лет	Рел.-этич. стадия до 5 лет	Рел.-этич. стадия в 5–8 лет	Рел.-этич. стадия с 9 лет и позже
Тревожный аффект (Тр) (n = 20)	40	85	0	75	25	30	45	50
Тоскливый аффект «Тоск» (n = 7)	14	57	42	0	86	0	29	57
Уровень значимости	Не значи-мо	Не значи-мо	p < 0,001	p < 0,01	p < 0,05	Не значи-мо	Не значи-мо	Не значи-мо

Тревожный аффект (Тр) (n = 20)	40	85	0	75	25	30	45	50
Апатический аффект «Ап» (n = 7)	0	0	100	0	0	0	0	100
Уровень значимости	p < 0,05	p < 0,05	p < 0,001	p < 0,01	Тенденц. p < 0,1	Тенденц. p < 0,1	p < 0,05	p < 0,05

Тоскливый аффект «Тоск» (n = 7)	14	57	43	0	86	0	29	57
Апатический аффект «Ап» (n = 7)	0	0	100	0	0	0	0	100
Уровень значимости	p < 0,05	p < 0,05	p < 0,05	Не значи-мо	p < 0,01	Не значи-мо	Не значи-мо	p < 0,05

теста Роршаха и Люшера, достоверно отделяющих лишь тревожный аффект. Кроме того, это «отделение» осуществляется по большому количеству этнофункциональных показателей, т. е. более надежно, чем при использовании указанных тестов.

Данные таблиц 23 и 24 показывают, что количество показателей нарушений этнофункционального развития личности, по которым различаются типы ведущих аффектов, нарастает следующим образом: Тр < Тоск < Ап.

Таблица 25

Сравнение групп больных с ведущим тревожным аффектом и здоровых испытуемых по частоте (в %) особенностей этнофункционального развития личности

Группы больных с тревожным аффектом и здоровых	Особенности этнофункционального развития личности							
	Народные сказки	Авторские сказки	Выпадение сказ.-миф. стадии	Сказ.-миф. стадия до 5 лет	Сказ.-миф. стадия с 5 лет	Рел.-этич. стадия до 5 лет	Рел.-этич. стадия в 5-8 лет	Рел.-этич. стадия с 9 лет
Здоровые «З» (n = 56)	77	57	0	77	23	13	54	32
Тревожный аффект «Т» (n = 20)	40	85	0	75	25	30	45	50
Уровень значимости	p < 0,01	p < 0,05	Не значимо	Не значимо	Не значимо	p < 0,05	Не значимо	Не значимо

Больные с тревожным типом ведущего аффекта (таблица 25) отличаются от здоровых преобладанием авторских сказок и меньшим количеством народных сказок в детских воспоминаниях, а также началом религиозно-этической стадии до 5 лет.

Больные с тоскливым типом ведущего аффекта (таблица 26) отличаются от здоровых испытуемых меньшим количеством народных сказок в детских воспоминаниях. Кроме того, у больных чаще имело место выпадение сказочно-мифологической стадии или ее начало с 5 лет и позже.

В детских воспоминаниях больных с апатическим типом ведущего аффекта (таблица 27) по сравнению со здоровыми испытуемыми отсутствовали как народные, так и авторские сказки, т. е. у всех больных данной группы имело место выпадение сказочно-мифологической

Таблица 26

Сравнение групп здоровых испытуемых с больными с ведущим тоскливым аффектом по частоте (в %) особенностей этнофункционального развития личности

Группы больных с тоскливым аффектом и здоровых	Особенности этнофункционального развития личности							
	Народные сказки	Авторские сказки	Выпадение сказ.-миф. стадий	Сказ.-миф. стадия до 5 лет	Сказ.-миф. стадия с 5 лет	Рел.-этич. стадия до 5 лет	Рел.-этич. стадия в 5-8 лет	Рел.-этич. стадия с 9 лет
Здоровые «3» (n = 56)	77	57	0	77	23	13	54	32
Тоскливый аффект «Тоск» (n = 7)	14	57	43	0	86	0	29	57
Уровень значимости	p < 0,01	Не значимо	p < 0,01	p < 0,01	p < 0,01	Не значимо	Не значимо	Не значимо

Таблица 27

Сравнение групп больных с ведущим апатическим аффектом и здоровых испытуемых по частоте (в %) особенностей этнофункционального развития личности

Группы больных с апатическим аффектом и здоровых	Особенности этнофункционального развития личности							
	Народные сказки	Авторские сказки	Выпадение сказ.-миф. стадий	Сказ.-миф. стадия до 5 лет	Сказ.-миф. стадия с 5 лет	Рел.-этич. стадия до 5 лет	Рел.-этич. стадия в 5-8 лет	Рел.-этич. стадия с 9 лет
Здоровые «3» (n = 56)	77	57	0	77	23	13	54	32
Апатический аффект «Ап» (n = 7)	0	0	100	0	0	0	0	100
Уровень значимости	p < 0,01	p < 0,01	p < 0,01	p < 0,01	Не значимо	Не значимо	p < 0,01	p < 0,01

стадии этнофункционального развития личности. Кроме того, у этих больных по сравнению со здоровыми начало религиозно-этической стадии относилось к возрасту не моложе 9 лет. Имеющиеся данные свидетельствуют также о том, что задержка начала религиозно-этической стадии связана с возникновением в более позднем возрасте криминального поведения, алкогольной и героиновой зависимости, табакокурения (Сухарев, 2004; Тимохин, 2005 и др.).

Таблица 28

Сравнение групп больных с аффективными расстройствами и здоровых испытуемых по частоте (в %) особенностей этнофункционального развития личности

Группы больных с аффективными расстройствами и здоровых	Особенности этнофункционального развития личности							
	Народные сказки	Авторские сказки	Выпадение сказ.-миф. стадии	Сказ.-миф. стадия до 5 лет	Сказ.-миф. стадия с 5 лет	Рел.-этич. стадия до 5 лет	Рел.-этич. стадия в 5–8 лет	Рел.-этич. стадия с 9 лет
Здоровые «З» (n = 56)	77	57	0	77	23	13	54	32
Аффективные расстройства «Аф» (n = 34)	26	62	29	44	32	18	32	62
Уровень значимости	p < 0,01	Не значимо	p < 0,01	p < 0,01	Не значимо	Не значимо	p < 0,05	p < 0,01

Сравнение выборки больных с отчетливо доминирующими типами ведущего аффекта – тревогой, тоской и апатией (таблица 28) – с группой здоровых испытуемых по результатам обследования с помощью методики Роршаха показало, что у больных преобладает количество ответов типа Т (животные). Это, согласно Э. Бому (Bom, 1972), является признаком большей выраженности инфантилизма в группе больных испытуемых.

В группе здоровых испытуемых («З») по сравнению со страдающими аффективными расстройствами с отчетливо доминирующими аффектами («Аф»: ведущий тревожный аффект 20 чел., ведущий тоскливый аффект 7 чел., ведущий апатический аффект 7 чел.), отсутствовало выпадение сказочно-мифологической стадии. Данная стадия у здоровых начиналась, как правило, до 5 лет, а в детских

воспоминаниях преобладали народные сказки. Религиозно-этическая стадия в группе здоровых, как правило, начиналась в возрасте 5–8 лет, а в группе больных – с 9 лет и позже.

Сравнение страдающих аффективными расстройствами с группой здоровых испытуемых по методике Люшера показало, что у первых более выражено отклонение от «нормальной последовательности цветов» ($p < 0,05$).

Таблица 29

Сравнение групп больных с ведущими тревожным аффектом и с различными сочетаниями тоски и апатии по возрастному интервалу начала стадии просвещения

Группы больных	Возраст начала стадии просвещения							
	3–4 года	5–6 лет	7–9 лет	После 9 лет	После 10 лет	После 12 лет	После 14 лет	«Выпадение» стадии
Тревожный аффект (n = 20)	5	6	5	3	3	2	1	0
Тоскливо-апатический спектр аффекта (n = 20)	1	1	4	8	9	7	7	3
Уровень значимости	$p < 0,1$ тенденция	$p < 0,05$	Не значимо	$p < 0,05$	$p < 0,05$	$p < 0,05$	$p < 0,05$	$p < 0,05$

По данным таблицы 29 можно выделить два возрастных диапазона начала стадии просвещения, где имеет место достоверное различие типа преобладающего аффекта. С увеличением возраста начала стадии просвещения начинает достоверно снижаться количество больных с ведущим тревожным аффектом и одновременно увеличиваться количество больных с аффектом тоскливо-апатического спектра. Это следующие возрастные диапазоны: а) до 7 лет и б) после 9 лет.

Обсуждение результатов исследования на научно-познавательной стадии

По данным, представленным в таблице 29, можно предположить, что возраст **7–9 лет** является оптимальным для начала формирования высокой познавательной допрофессиональной мотивации человека, так как начало стадии «просвещения» до 7 лет связано с риском

формирования патологического ведущего тревожного аффекта при неизменно низком риске возникновения тоскливо-апатических аффектов. В принципе при слишком раннем начале стадии просвещения в более позднем возрасте тревога может способствовать излишне повышенной активности личности (на грани «срыва»). Напомним, что тревога как начальное психическое проявление стрессового состояния организма в целом играет адаптирующую роль (Селье, 1960). В психологических исследованиях широко известно, что оптимальный уровень тревоги («нормальная тревога») обуславливает мотивацию личности к конструктивному разрешению психических конфликтов (Мэй, 2001, с. 174 и др.). Наряду с этим в исследованиях отмечается, что апатический аффект является более дезадаптирующим, чем тоскливый и тем более тревожный непсихотический аффект, который практически не усиливает психическую и социальную дезадаптированность пациентов (не нарушает так называемое «социально-психическое функционирование») (Степанов, 2002).

Возраст начала стадии просвещения после 9 лет может являться фактором риска формирования патологических аффектов тоскливо-апатического типа и снижения уровня мотивации личности в целом. В обеих группах достоверно преобладает «задержка» этнофункционального развития личности на сказочно-мифологической стадии, на которой начинает формироваться эмоционально-мотивационная сторона ее отношений (Тимохин, 2005).

Исходя из данных таблицы 29, при начале стадии просвещения в возрасте 7–9 лет риск преобладания всех типов патологических аффектов и, что особенно важно для «социально-психического функционирования», аффектов тоскливо-апатического спектра – минимален.

Полученные результаты совпадают с выводами Е. А. Выдриной об оптимальном возрасте начала сказочно-мифологической стадии до 5 лет, религиозно-этической – не ранее 6 лет, «просвещения» – не ранее 7 лет (Выдрина, 2006). В исследовании Е. А. Выдриной, проведенном на контингенте детей с легкой умственной отсталостью в возрасте 5–7 лет, было показано, в частности, что предпочтение ими «технических» игр и игрушек связано с недостаточным развитием познавательной сферы.

В целом экспериментально-психологическое исследование показало, что уменьшение количества показателей нарушения этнофункционального развития личности соответствует увеличению ее адаптационного (энергетического) потенциала.

Дополнительно отметим, что в настоящее время получены предварительные результаты исследования больных, страдающих

«рекуррентными биполярными аффективными расстройствами» депрессивного спектра, у которых в анамнезе имелись *маниакальные* эпизоды (7 чел.). Типическими особенностями этнофункционального развития личности у таких больных были: 1) наличие достаточно раннего, *эмоционально очень яркого, позитивно окрашенного* когнитивно-аффективного следа от образов родной природы (относящихся к возрасту от 1,5 до 4 лет) (например: «восхитительное восходящее Солнце», «волшебно-счастливый вид соснового бора над озером» и т. п.); 2) наличие когнитивно-аффективного следа от восприятия авторских и/или зарубежных сказок, относимого больным к возрасту 2–5 лет.

Воспоминания о родной природе, относимые к периоду до 5 лет, как показывают проведенные ранее исследования, обуславливают хороший эмоционально-потребностный (энергетический) потенциал личности. Фиксация в воспоминаниях испытуемого авторских и/или народных зарубежных сказок, отнесенных к возрасту от 2 до 5 лет, связана с формированием ведущего тревожного аффекта (или типического эмоционального состояния). Можно предположить, что изначально высокий энергетический потенциал личности («ранние» образы природы) благодаря мотивирующему воздействию тревоги таких пациентов «перевозбуждает» психику. Это на практике проявляется апатопоподобными состояниями (но не истинно апатическими!). При этом в ряде случаев, как и следовало ожидать, состояние пациентов было резистентно к антидепрессантам (по-видимому, вследствие их активирующего воздействия), однако изменялось в лучшую сторону при лечении антитревожными препаратами или определенными дозами нейролептиков (снижающих, в частности, общую активность психики).

Обсуждение результатов

Клинико-психологическое исследование подтвердило полученные ранее результаты, а также позволило сделать некоторые предположения о роли нарушений этнофункционального развития личности в задержке ее психического созревания и в возникновении в более зрелом возрасте депрессивных аффектов – тревожного, тоскливого и апатического. У больных с такими типами аффекта эмоционально-мотивационная сфера более инфантильна, чем у больных с ведущим тревожным аффектом.

Наиболее значимы выводы о связи типа ведущего аффекта с образным содержанием и возрастом начала сказочно-мифологической стадии, несколько меньше – с возрастом начала религиозно-этической

стадии. Еще менее значимой представляется эта связь с началом стадии просвещения, поскольку оно, как правило, относится к более позднему возрасту, что, соответственно, уменьшает эффективность ее воздействия на развитие личности.

В дальнейших исследованиях предстоит проверить сформировавшуюся в процессе данной работы гипотезу о том, что этнофункциональные предикторы типа ведущего депрессивного аффекта могут рассматриваться в современной культурно-исторической ситуации потенциально более валидными по сравнению с общепринятыми методами психодиагностики (в частности, тестами Роршаха и Люшера). Эта гипотеза в определенной мере основана на том, что этнофункциональные предикторы учитывают специфику современного «кризиса культуры». Использование этнофункциональных критериев представляется перспективным для целей этнофункциональной психотерапии и психопрофилактики, так как типы этнофункциональных нарушений развития личности и этнофункциональные рассогласования образного содержания непосредственно дают исходный материал для конкретного содержания **этнофункциональной психотерапии**.

Воспоминания образов природы, относящиеся к возрасту до 4 лет, связаны с наличием тревожного ведущего аффекта, тогда как отсутствие таких воспоминаний – с наличием ведущих тоскливого и апатического аффектов. Можно предположить, что повышение энергетического потенциала личности связано с наличием в ее воспоминаниях когнитивно-эмоционального следа от образов природы, воспринятых в возрасте до 4–5 лет.

Отсутствие в психике пациентов когнитивно-эмоционального следа от образов родной природы приводит к снижению у них энергетического потенциала, в более позднем возрасте – к появлению тоскливого и апатического типов ведущих аффектов.

Наличие в психике испытуемых когнитивно-аффективного следа от этнофункционально согласованных с этносредой их рождения и проживания народных сказок в возрасте в 2–4 года и начало религиозно-этической стадии в 6–8 лет связано с отсутствием у испытуемых аффективных расстройств в более позднем возрасте, т. е. с наличием у них более зрелой и контролируемой эмоциональности.

Результаты исследования открывают хорошие перспективы для выработки единого языка описания личности в норме и патологии и – что самое важное – разработки методологически единой «психотерапевтической модели» для целей не только психотерапии, но и воспитания, психопрофилактики и психологической реабилитации. Для этого уже имеются необходимые условия.

В науке все более распространяется представление о необходимости более дифференцированного описания патологических аффективных состояний – «депрессивной триады» (О. П. Вертоградова, В. М. Волошин) и ее включения в континуум типов ведущего аффекта личности – мания, гнев, нормотимия, тревога, тоска, апатия (последние три рассматриваются, собственно, как депрессивная триада) (Степанов, 2004). Отметим, что в западной психиатрии в настоящее время депрессивные состояния определяются как состояния «подавленности», т. е. ближе к ведущему «тоскливому» типу аффекта, тревога рассматривается вне депрессивных расстройств, а апатия отдельно не диагностируется (там же).

По аналогии с описанием типа ведущего аффекта в патологии вполне правомерно рассматривать ведущие эмоциональные состояния и у здоровой личности. В регистре здоровой психики эту аналогию допустимо представить следующим образом (тип патологического аффекта сопоставляется с ведущим эмоциональным состоянием): мания – сильная увлеченность идеей, делом; нормотимия – собственно спокойное, эмоционально уравновешенное состояние; гнев, оправданный в конкретных личностных, социально-психологических и нравственно-этических условиях, обстоятельствах и временных рамках.

Представленные выше результаты о связи различных нарушений этнофункционального развития личности с типами ведущего депрессивного аффекта (и, по-видимому, типами ведущих эмоциональных состояний в «норме»), а также данные о наличии этнофункциональных рассогласований как маркера для разделения эндогенных и психогенных расстройств дают основание предполагать, что *возможна разработка воспитательных программ формирования произвольных типов ведущего аффекта (эмоциональных состояний) как в норме, так и в патологии.*

Проведенное исследование свидетельствует также о возможности введения дифференциального критерия «нормальности» и «патологичности» типа эмоционального состояния (аффекта) в зависимости от его этнической функции (дифференцирующей или интегрирующей эмоциональное состояние с этносредой рождения и проживания данной личности). Что касается образного содержания стадий этнофункционального развития личности, то оно является «исходным материалом» и основанием для более «тонкой дифференциации» психотерапевтических, воспитательных, психопрофилактических и реабилитационных воздействий, осуществляемых врачами, психологами и педагогами.

Выводы

- 1 Нарушения этнофункционального развития личности на сказочно-мифологической стадии во всех группах больных связаны с нарастанием признаков их психической инфантильности.
- 2 Больные с *тревожным* типом ведущего аффекта отличаются от здоровых тем, что в их детских воспоминаниях преобладают авторские сказки относительно народных, а начало религиозно-этической стадии приходится на возраст до 5 лет; больные с *тоскливым* типом ведущего аффекта отличаются от здоровых испытуемых тем, что в их детских воспоминаниях представлено меньшее количество народных сказок и выпадает или задерживается сказочно-мифологическая стадия – с 5 лет или позже; при *апатическом* типе ведущего аффекта – отсутствуют как народные, так и авторские сказки при выпадении сказочно-мифологической стадии. У всех больных с ведущим *апатическим* аффектом по сравнению со здоровыми испытуемыми начало религиозно-этической стадии преобладает после 9 лет.
- 3 Снижение возраста начала религиозно-этической стадии (до 7 лет) связано с преобладанием ведущего *тревожного* аффекта, а задержка начала данной стадии (с 9 лет) – с ведущими аффектами *тоскливо-апатического* спектра.
- 4 Для дифференциальной диагностики апатического аффекта от тоскливого можно использовать следующие критерии: 1) ведущий тоскливый аффект – начало сказочно-мифологической стадии (любые сказки) в возрасте с 5 лет; 2) ведущий апатический аффект – а) «выпадение» сказочно-мифологической стадии; б) начало религиозно-этической стадии с 9 лет.

Для дифференциальной диагностики ведущего тревожного аффекта от тоскливого и апатического можно использовать следующие критерии: 1) ведущий тревожный аффект: а) наличие авторских сказок и воспоминаний о природе в возрасте до 4 лет; б) начало религиозно-этической стадии до 5 лет; в) начало стадии просвещения до 6 лет. 2) Ведущий тоскливый аффект: а) начало сказочно-мифологической стадии (любые сказки) в возрасте после 5 лет; б) отсутствие воспоминаний о родной природе в возрасте до 4 лет; в) начало стадии просвещения после 9 лет. 3) Ведущий апатический аффект: а) отсутствие воспоминаний о родной природе в возрасте до 7 лет; б) отсутствие воспоминаний о сказках до 7 лет; в) отсутствие переживаний, связанных с религиозно-этической стадией в возрасте до 9 лет; г) начало стадии просвещения после 9 лет.

- 5 Начало сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности с преобладанием народных сказок в возрасте до 4 лет и начало религиозно-этической стадии в возрастном интервале с 5 до 8 лет связаны с относительно благоприятным психическим созреванием человека и снижением риска возникновения аффективных расстройств в более позднем возрасте.
- 6 Оптимальными для начала стадий этнофункционального развития личности являются следующие периоды: начало природной стадии – в возрасте до 4 лет, сказочно-мифологической – в возрасте до 5 лет, религиозно-этической – от 5 до 8 лет, стадии просвещения – в возрасте от 7 до 9 лет.
- 7 Эмоционально-потребностный (энергетический) потенциал личности, как минимум, достаточный для ее нормального социально-психического функционирования, связан с наличием у испытуемых эмоционально положительного когнитивно-аффективного следа от образов родной природы в возрасте до 4 лет.
- 8 Можно предположить, что существенным этнофункциональным условием возникновения маниакальных эпизодов у больных рекуррентными аффективными расстройствами является наличие особо ярких и ранних воспоминаний об образах и явлениях природы на фоне этнофункционально рассогласованного содержания сказочно-мифологической стадии (в оптимальный период – от 2 до 5 лет).
- 9 Наличие в психике испытуемых когнитивно-аффективного следа от этнофункционально согласованных с этносредой их рождения и проживания образов природы до 4 лет, народных сказок в возрасте от 2 до 5 лет и начала религиозно-этической стадии с 6 до 9 лет, связано с отсутствием у них аффективных расстройств в более позднем возрасте (т. е. наличием более зрелой и контролируемой эмоциональности).
- 10 Исследование подтвердило обоснованность выделения на основе предположения о повторении общего плана исторического (естественного) развития русской этносреды в онтогенезе личности *природной, сказочно-мифологической, религиозно-этической стадий и стадии просвещения (научно-познавательной)* этнофункционального развития, а также оптимальных возрастных периодов их начала.
- 11 Уменьшение количества показателей нарушения этнофункционального развития личности связано с увеличением ее энергетического (адаптационного) потенциала.

3.8 Связь нарушений этнофункционального развития личности с химической зависимостью от некоторых наркотических средств и психоактивных веществ

Целью настоящего исследования было выявление связи нарушений этнофункционального развития личности, а также этнофункциональных рассогласований ее отношений к различным элементам русской этносреды с различными формами химической зависимости: от наркотических средств – опиатов (препараты опийного мака) и первитина (препарат эфедры) и психоактивных веществ – алкоголя и никотина. Результаты данного исследования могут использоваться для ранней психопрофилактики и психотерапии наркоманий, алкоголизма и табакокурения в современной культурно-исторической ситуации.

Кризис этнической идентичности, сопутствующий переломному моменту современной европейской культуры, побуждает молодого человека, не имеющего органичной связи с собственной этносредой, обращаться к иным культурным традициям как на психологическом (музыка, искусство в целом, образ жизни, повышенный интерес к экзотическим природно-климатическим условиям), так и на природно-биологическом уровне (употребление определенных психоактивных веществ, наркотиков, изменение типа питания). Другими словами, молодежь пытается обрести этническую идентичность в более или менее этнофункционально рассогласованных системах отношений (этноидах) по сравнению с русской этносредой (ареала рождения и проживания). Такие попытки связаны с огромными затратами душевных сил, энергии личности, что, естественно, астенизирует личность и снижает ее адаптационный потенциал.

Исходя из представления об этнофункциональной системности вещественных и психических элементов внутренней и внешней среды человека (этносреды), этническая функция конкретных психоактивных веществ и наркотических средств, традиционно употребляемых в конкретной этносреде, интегрирует их в единое целое именно с данной этносредой. Психические состояния, процессы и отношения, активизируемые или возникающие вследствие приема этих веществ, традиционно «привычны» для носителей определенных признаков данного этноса или этнической системы. С точки зрения биологической приспособленности эти элементы связаны с традиционными природно-климатическими условиями существования данного этноса или этнической системы, расово-биологическими особенностями этнофоров, а также гармонично включены в этносредовую специфику культурных традиций конкретного ареала. Если же употребление

человеком тех или иных психоактивных веществ происходит в этнофункционально рассогласованной с ареалом рождения и проживания этносреде, то возникающие у него психические состояния также оказываются этнофункционально рассогласованными со всей структурой личности данного человека. Это обуславливает возникновение у него состояний психической дезадаптированности.

Ниже представлены этносредовые характеристики наркотических средств и психоактивных веществ, принятые во внимание в настоящем исследовании.

Опиаты. Употребление опиата (родиной опиийного мака считается Передняя Азия) традиционно включено, например, в буддистскую культуру некоторых стран Индокитая (в частности, Бирмы), северо-западной Индии и др. В христианской Европе и других чуждых в этнофункциональном отношении этносредах оно не позволяет конкретному потребителю найти адекватные когнитивные, эмоциональные и моторно-поведенческие формы интеграции соответствующего психоактивного воздействия на психику.

Опиаты традиционно распространены по преимуществу в регионах, где буддизм является господствующей идеологией, обеспечивая их употреблению определенную культурную «защиту» как в традиционно-бытовом аспекте, так и в плане мировоззрения и мироощущения. Состояние отрешенности, которое обретают потребители опиатов, имеет некоторый нравственно-положительный смысл, ввиду его видимого сходства с состоянием нирваны и другими ценностно-положительными состояниями психики в буддизме – чувством «отрешенности от мира», «отсутствием желаний» и др. (Пятницкая, 1994). С позиций этнофункционального подхода, это явление объясняется отсутствием у пациентов соответствующего языка, понятийного аппарата и опыта традиционно сложившегося мироощущения, соответствующих опиатам в этнофункциональном смысле. В частности, вследствие своих физиологических реакций на наркотик, потребители опиатов плохо переносят холодное время года (особенно морозную зиму); по своим психологическим характеристикам они склонны к пассивно-созерцательному отношению к жизни, присущему буддистам.

Психостимуляторы. По сравнению с опиийным опьянением употребление первитина, а также галлюциногенов обладает одной общей особенностью: как правило, в той или иной мере это связано на определенной стадии опьянения с усилением психической активности, направленной либо внутрь, либо вовне – проявляющейся в аффективной, идеаторной и моторной сферах. В целом употребление

первитина для русской культуры является этнодифференцирующим, так как относится к субкультуре «делателей денег».

Алкоголь. Употребление алкоголя также связано, как правило, с повышением активности – двигательной, эмоциональной, в общении и т. п. Алкоголь, согласно определенным культурным традициям, запрещен во многих мусульманских странах.

Характер переживаний человека, обусловленных конкретным психоактивным веществом, связан не только с традиционными культурами ареалов распространения и происхождения данного вещества, но и с природными условиями его распространения, а также с расово-биологическими особенностями потребителей этих веществ. Известно, что арктические монголоиды плохо переносят алкоголь вследствие пониженного содержания у них в крови алкогольдегидрогеназы, но хорошо переносят галлюциногенные грибы; «Ворон, прародитель чукчей» сам употреблял мухоморы, но никогда не пробовал алкоголь. Имеются также данные о том, что этнодифференцирующий «сдвиг в сторону углеводного питания», т. е. употребление белого хлеба, сахара, картофеля, характерный для современных коренных жителей Севера, может являться «одной из причин, усиливающих мотивацию и постоянное влечение к алкоголю у арктических монголоидов» (Семке, Галактионов, Гольцова, 1994). Этот факт, в частности, подтверждает наше положение об этнофункциональном системности этносреды.

Алкоголь укоренен в русской этносреде, он имеет этноинтегрирующую функцию (в отличие, например, от этносред арктических монголоидов) и неотъемлемо связан с европейскими (в том числе русской) этносредами – варкой меда и пива в процессе сельскохозяйственного цикла, отраженного в традиционных праздниках. Кроме того, у европеоидов по сравнению с арктическими монголоидами имеет место относительно более высокое содержание в крови алкогольдегидрогеназы. В то же время алкоголь имеет некоторое сходство (по своему активизирующему на первой стадии действию) с психостимуляторами. Его употребление влечет за собой временное принятие (но не «стимулирующее сверхвключение») личностью внешнего мира, в отличие от «опийного» или «никотинового» ухода от жизненных проблем. В целом этнодифференцирующую функцию имеет чрезмерно частое, неумеренное потребление, особенно «крепких» алкогольных напитков, что, в частности, порицается русской православной традицией.

Табак. Если алкоголь включен в русскую культуру и неблагоприятные последствия имеет злоупотребление этим веществом,

то употребление, например, опиатов, первитина и табака, с позиций этнофункционального подхода, более патогенно для людей, родившихся в России и выросших в русской этносреде. Употребление табака (имеющее в целом этнодифференцирующую функцию по отношению к русской этносреде) в России получило распространение несколько менее двухсот лет назад, но по своему влиянию на этноид (и этническую идентичность) сходно с соответствующим влиянием опиатов.

Причем «*этносредовая дистанция*» (в данном случае – географическая удаленность ареала распространения) табака (родина – Южная Америка) от территории русской этносреды большая, чем у опия (родина – Передняя Азия), но меньшая, чем у первитина (производного эфедры – так называемой «степной малины», один из ареалов происхождения которой – Поволжье и Западная Сибирь). Наименьшая «*этнофункциональная дистанция*» от территории русской этносреды имеет место у алкоголя (он включен в данную этносреду). С позиций православной культуры алкоголизм – это «неправильное», чрезмерное употребление данного психоактивного вещества. В культурологии и этнологии православие признается неотъемлемой составляющей русской культуры (Панченко, 1998 и др.).

Можно предположить, что имеет место связь степени деформации этноида у личностей (в частности, по отношению к климато-географическим признакам), употребляющих психоактивные вещества, с иерархией соответствующих зависимостей (по мере убывания этой степени): никотиновая > опийная > первитиновая > алкогольная > «без зависимости» («некурящие» и не страдающие зависимостями от других психоактивных веществ и наркотических средств).

Для диагностики нарушений этнофункционального развития личности в исследовании страдающих зависимостями от психоактивных веществ применялся метод структурированного этнофункционального психодиагностического интервью.

Было обследовано 114 человек (по 50 % мужчин и женщин в возрасте 21–35 лет). На базе Московского научно-исследовательского института психиатрии и Московского научно-практического центра наркологии были обследованы пациенты со следующими диагнозами: опийная наркомания (ОН) (44 чел.), алкоголизм (26 чел.), первитиновая зависимость (8 чел.). Кроме того, были обследованы группа курящих и группа некурящих студентов; «некурящие» вообще не никогда употребляли психоактивных веществ (ПАВ), а «курящие» никогда не употребляли каких-либо наркотических средств

и не злоупотребляли алкоголем (по 18 человек в каждой группе, учащиеся в МВТУ им. Баумана, ГАСК, МГУКИ, МАИ). Длительность регулярного употребления психоактивных веществ во всех обследованных группах – не менее трех лет. Результаты эмпирического исследования изложены на рисунках 1 и 2.

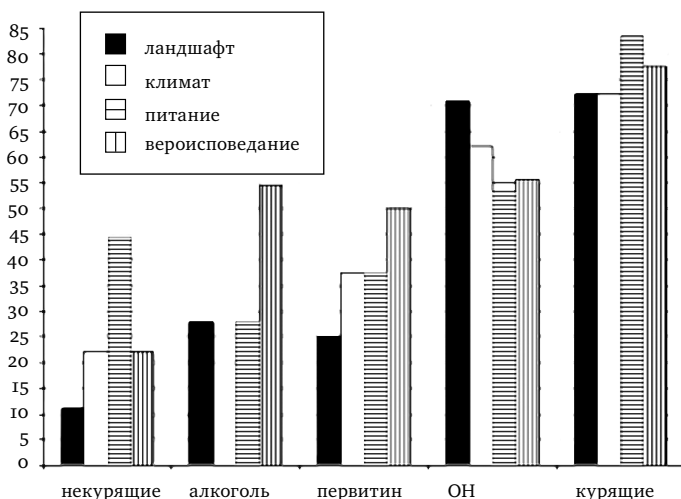

Рис. 1. Сравнение групп испытуемых по частоте (в % – по оси ординат) этнофункциональных рассогласований отношений к различным группам этнических признаков

Обращает на себя внимание отсутствие различий между группами испытуемых, курящих табак и зависимых от опиатов. Эти же две группы по всем показателям отличаются от некурящих ($0,01 < p < 0,05$). Группа «первитиновой зависимости» в отличие от некурящих имеет больше этнофункциональных рассогласований образного содержания отношений к ландшафту (системообразующий показатель) и вероисповеданию ($0,01 < p < 0,05$). Группа зависимых от алкоголя отличается от некурящих большим количеством этнофункциональных рассогласований образного содержания отношений к ландшафту, а также – вероисповеданию ($0,01 < p < 0,05$) (рисунок 1).

Из рисунка 1 следует, что нарастание количества «пространственных» деформаций этноида по различным группам этнических признаков соответствует нарастанию «этносредовой дистанции» ареала происхождения психоактивного вещества, что подтверждает предложенную нами выше гипотезу. При этом по количеству этнофункциональных

рассогласований между группами зависимых от табака и опиатов практически нет достоверных различий (кроме показателя «рассогласование отношения к типу питания»). В то же время между группой испытуемых, зависимых от табака, с одной стороны, и зависимыми от первитина, алкоголя и «некурящими», с другой, выявлены достоверные различия по большинству показателей. Клинически, по нашим наблюдениям, это соответствует таким особенностям зависимости от опиатов и табакокурения, как «прилипчивость» и относительная легкость возникновения самой зависимости (по сравнению с зависимостью от алкоголя и первитина) у европейцев.

Из диаграммы 2 видно, что нарушения этнофункционального развития личности в оптимальном периоде (до 4 лет) у некурящих («в норме») по отношению к системообразующему признаку (родная природа) меньше, чем в группах пациентов с опиной (ОН) и первитиновой наркоманиями ($0,01 < p < 0,05$). Отсутствуют также различия нарушений отношения к родной природе в группах с алкогольной и никотиновой зависимостям. В свою очередь, группа пациентов, страдающих первитиновой зависимостью, отличается от больных алкоголизмом более поздним возрастом знакомства с родной природой (после 5 лет), совпадая с ними по возрасту начала религиозно-этической стадии ($0,01 < p < 0,05$).

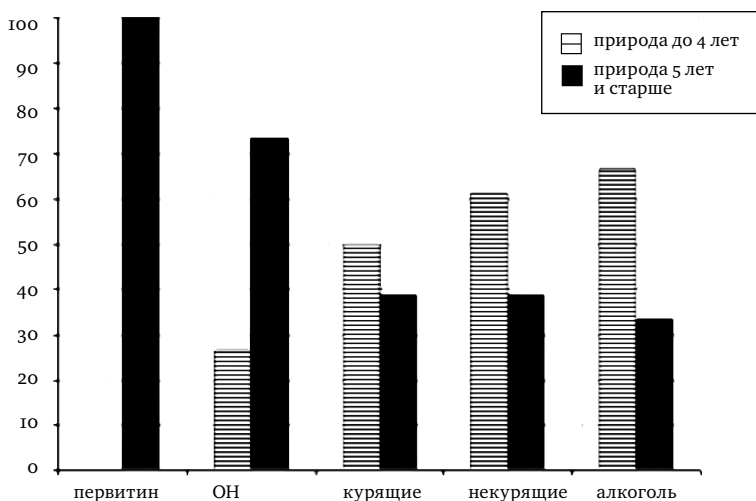

Рис. 2. Сравнение групп испытуемых по частоте (в % – по оси ординат) различных возрастных периодов начала природной стадии этнофункционального развития личности

Отсутствие «временных» нарушений развития на религиозно-этической стадии (в 5–8 лет) преобладает в группе «некурящих» по сравнению с остальными группами ($p < 0,05$). При начале данной стадии с 9 лет и старше достоверно отделяются группы опийной и первитиновой наркоманий и алкоголизма от некурящих (рисунок 3).

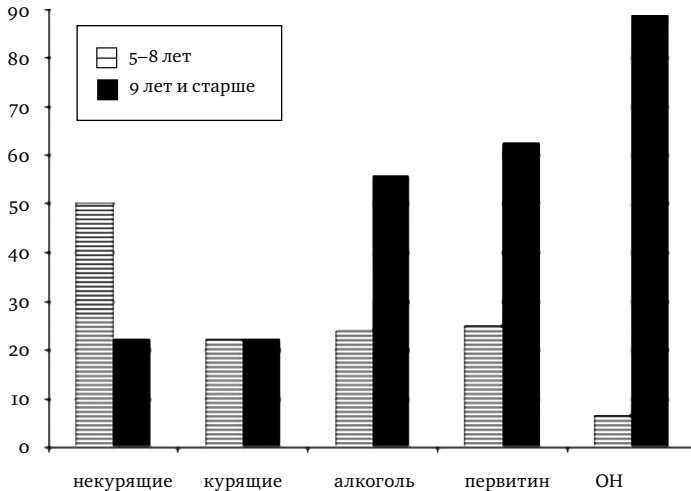

Рис. 3. Сравнение групп испытуемых по частоте (в % – по оси ординат) начала религиозно-этической стадии в различные возрастные периоды

На рисунке 4 показано, что минимум нарушений этнофункционального развития личности на сказочно-мифологической (родная природа до 4 лет, народные сказки в 2–4 года) и религиозно-этической стадиях (начало в 5–8 лет), а также отсутствие этнофункциональных рассогласований на сказочно-мифологической стадии (народные, а не авторские сказки) в группе «некурящих» ($0,01 < p < 0,05$).

Страдающих первитиновой зависимостью по сравнению с «опийными» пациентами, отличает полное отсутствие в воспоминаниях об оптимальном возрастном периоде (2–4 года) народных сказок, этнофункционально согласованных с местом их рождения и проживания (рисунок 4).

В целом по содержанию и началу сказочно-мифологической стадии (родная природа до 4 лет, народные сказки в 2–4 года), а также началу религиозно-этической стадий (в 5–8 лет) минимум нарушений этнофункционального развития личности выявляется в группе «некурящих» ($p < 0,05$). Другими словами, группа «некурящих» по своим

характеристикам относительно «ближе» к этнофункциональной архегении русской этносреды.

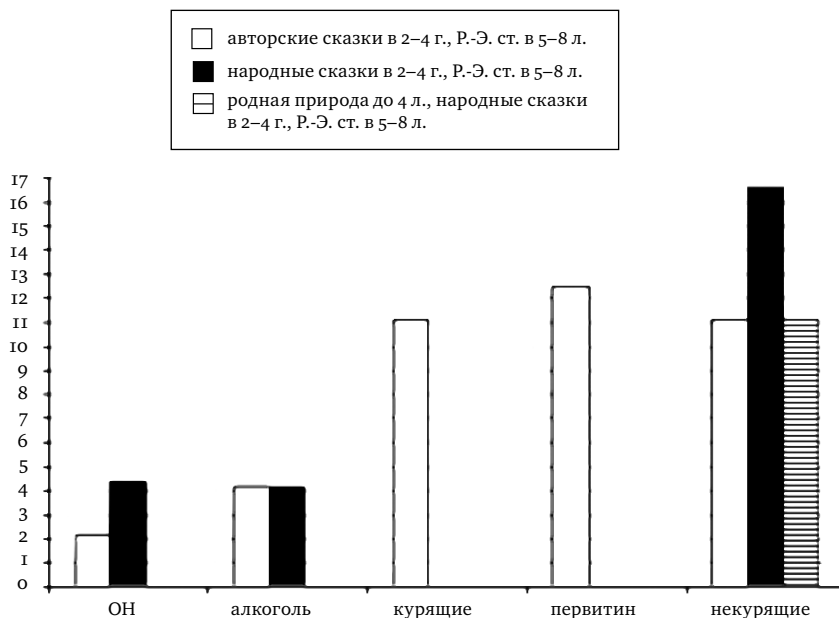

Рис. 4. Сравнение групп испытуемых по частоте (в % – по оси ординат) некоторых нарушений этнофункционального развития личности при своевременном начале религиозно-этической стадии (5–8 лет)

Таким образом, в исследовании подтвердилась гипотеза о максимальной деформированности этноида также и по его «пространственной» составляющей при никотиновой и опийной зависимости и минимальной – у «некурящих» (условная норма). Это соответствует «этносредовым дистанциям» между ареалами происхождения конкретных психоактивных веществ и ареалом рождения и проживания лиц, употребляющих эти вещества. Тем самым подтверждается положение об этнофункциональной системности биологических и культурно-психологических элементов этносреды (рисунок 1).

Наиболее удаленные от России этносреды (и, соответственно, природные ареалы) – Южная Америка (родина табака) и Передняя Азия (родина опия); далее следует пограничные (и отчасти входящие в него) с ареалом русской этносреды Поволжье и Западная

Сибирь (родина одного из подвидов эфедры, или «степной малины»), затем органично включенный в русскую культуру алкоголь (кроме злоупотреблений) и, наконец, собственно регион «русской культуры без злоупотреблений и наркотиков».

С учетом сказанного становится понятным, что относительно «безобидная», с позиций общественного мнения, *зависимость от табакокурения связана с наибольшей степенью общей деформации системы отношений личности к миру, с деформацией мировоззрения в целом. Степень данной деформации при табакокурении сравнима только со степенью соответствующих проявлений при опийной зависимости. С позиций этнофункционального подхода высокая степень деформации этноида является фактором риска возникновения не только патологических зависимостей, но и любых проявлений психической и нравственной дезадаптированности.*

«Пространственные» деформации этноида свидетельствуют, на наш взгляд, о тех деформациях, которые претерпевает система отношений личности в результате навязывания ей тех или иных «экзотических состояний», продуцируемых соответствующими психоактивными веществами. Относительно более выраженные «пространственные» нарушения системы отношений личности к этносреде ареала ее рождения и проживания при никотиновой зависимости позволяют предположить наличие связи данной зависимости с целостным нарушением мировоззрения и мироощущения данной личности. Такие нарушения могут являться фактором риска возникновения любого типа психических расстройств и/или зависимостей – компьютерных, игровых и пр.

Для «временного» аспекта деформаций этноида наиболее общим экспериментальным результатом по всем типам зависимостей, кроме никотиновой, является тот факт, что религиозно-этическая стадия у соответствующих пациентов чаще начинается не ранее 9 лет. Это объясняется, по-видимому, тем, что начало наркоманий и алкоголизма обусловлено относительной «неразвитостью» у них нравственных норм, вследствие «упущенного» оптимального периода для их полноценного усвоения (5–8 лет). Нравственные нормы в современной России более «терпимы» к табакокурению, чем к злоупотреблению алкоголем или опийной и первитиновой наркоманиям.

Деформация «временных» характеристик этноида на сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиях развития не связана непосредственно с употреблением определенных типов психоактивных веществ и наркотических средств. Эти деформации относятся к возрасту до 9 лет, т. е. к возрасту до начала употребления

испытуемыми данных веществ или средств. Кроме того, как было показано выше, эти деформации связаны с различными психическими расстройствами и, в частности, с возникновением того или иного типа ведущего аффекта при депрессивных расстройствах.

Например, наличие *тоскливо-тревожного* (или *тревожно-тоскливого*) аффекта связано с преобладанием воспоминаний о родной природе до 4 лет и с началом религиозно-этической стадии не позже 8 лет (тенденция к тревожному аффекту), при тенденции к «выпадению» сказок (тенденция к тоскливому аффекту). На уровне тенденций это соответствует «временным» характеристикам этноида при алкоголизме.

Никотиновая зависимость в отличие от алкоголизма, согласно результатам наших исследований, связана с относительно более ранним началом религиозно-этической стадии, что отражает усиление тенденции к повышению *тревоги*.

При *первитиновой* зависимости характерно знакомство с родной природой после 5 лет (соответствует ведущему апатическому аффекту), с народными сказками после 5 лет (тоскливый и апатический аффекты), начало религиозно-этической стадии после 9 лет (апатический аффект). В данном случае очевидна связь с *апато-тоскливым* аффектом.

При *опийной* зависимости получены следующие результаты: знакомство с родной природой после 5 лет (апатический аффект), сказки в 2–4 года (тенденция к тревожному аффекту), начало религиозно-этической стадии с 9 лет (апатический аффект). Здесь просматривается связь с *апато-тревожным* аффектом.

У «*некурящих*» (условная норма) указанные выше деформации «временных» характеристик этноида отсутствуют.

Можно также предположить, что имеет место связь усиления «прилипчивости» психоактивного вещества (опиаты, табак) с удаленностью природного ареала их происхождения (например, по сравнению с алкоголем и первитином для европейцев). Известно, что преодоление зависимостей от опиатов и табака в большинстве случаев труднее, чем от алкоголя и первитина.

Важно отметить, что эмоционально положительный когнитивно-аффективный след от образов родной природы в группе «некурящих» существенно более выражен, чем в группах испытуемых, страдающих зависимостями от наркотических и психоактивных веществ.

Результаты проведенного исследования подтверждают положение об этнофункциональной системности этносреды и личности,

системности климато-географических, расово-биологических и культурно-психологических (включая трансцендентные – религиозные представления и др.) этнических признаков.

3.9 Особенности деформации этноида у лиц, употребляющих марихуану

Исследование деформаций этноида у лиц, употребляющих марихуану, мы выделили в отдельный параграф в связи с чрезвычайной распространенностью этого наркотического вещества среди молодежи и бытующем представлении о его «безвредности». В исследовании предполагалось, что употребление марихуаны связано со специфическими деформациями этноида, в том числе и определенными нарушениями этнофункционального развития личности.

Методика и объект исследования. Этнофункциональные особенности развития личности определялись при помощи метода структурированного психологического этнофункционального интервью.

Исследование проводилось на независимой выборке лиц в возрасте 17–25 лет (50% юношей), в количестве 2 групп по 20 человек, 1) употребляющих только марихуану не реже двух раз в неделю и не употребляющих табак; 2) не употребляющих ни табак, ни марихуану, ни другие наркотические средства или психоактивные вещества. Все испытуемые родились в средней полосе России и считают себя русскими по национальности.

Результаты исследования показали, что у лиц, употребляющих только марихуану, по сравнению с «некурящими» реже имеют место детские воспоминания (до 5 лет) только о народных сказках и чаще – только об авторских и народных. Курящие марихуану по сравнению с лицами, не употребляющими наркотические и психоактивные вещества, чаще сохраняют воспоминания о городских (антропогенных) и экзотических ландшафтах в возрасте 3–8 лет.

Достоверных различий между группами курящих марихуану и некурящих по признаку времени начала религиозно-этической стадии не обнаружено. Выявлено, что среди курящих марихуану реже встречаются лица православного мировоззрения и чаще – атеистического в сочетании с негативным отношением к православию.

В отношении к климато-географическим признакам у курящих марихуану чаще встречаются этнофункциональные рассогласования (отрицательное отношение к зиме).

Результаты исследования

Таблица 30

Сравнение групп курящих и некурящих марихуану по частоте особенностей этнофункционального развития личности на природной и сказочно-мифологической стадиях

Группы испытуемых	Особенности этнофункционального развития на природной и сказочно-мифологической стадиях							
	Только народные сказки до 5 лет	Авторские и народные сказки до 5 лет	Только народные сказки после 5 лет	Только авторские сказки после 5 лет	Выпадение или задержка сказ.-миф. стадии	Воспоминания о родной природе в 3–5 лет	Воспоминания о родной природе в 6–8 лет	Воспоминания о город. или экзотич. ландшафтах в 3–5 лет
Курящие марихуану (20 чел.)	2	1	0	3	3	12	3	3
Некурящие (20 чел.)	9	9	1	1	0	13	6	1
Уровень значимости	$p < 0,01$	$p < 0,01$	Не значимо	Не значимо	$p < 0,05$	Не значимо	Не значимо	Не значимо

Таблица 31

Сравнение групп курящих и некурящих марихуану по частоте особенностей этнофункционального развития личности на религиозно-этической стадии

Группы испытуемых	Особенности этнофункционального развития личности на религиозно-этической стадии				
	Начало стадий в 6–8 лет	Начало стадий до 6 лет	Начало стадий после 8 лет или ее выпадение	Православное мировоззрение	Атеистич. мировоззрение, негативное отношение к православию
Курящие марихуану (20 чел.)	7	5	8	2	17
Некурящие (20 чел.)	5	9	6	18	2
Уровень значимости	Не значимо	Не значимо	Не значимо	$p < 0,001$	$p < 0,001$

Таблица 32

Сравнение групп курящих и некурящих марихуану по частоте отрицательного (наличие этнофункционального рассогласования к климато-географическому этническому признаку) и положительного отношения к зиме

Группы испытуемых	Отношение к зиме	
	Положительное: «зима нравится»	Отрицательное: «пусть зимы не будет вообще»
Курящие марихуану (20 чел.)	7	13
Некурящие (20 чел.)	14	6
Уровень значимости	$p < 0,05$	$p < 0,05$

Относительное снижение количества эмоционально-положительных детских воспоминаний о родной природе по сравнению с воспоминаниями об этнофункционально рассогласованных и антропогенных (городских) ландшафтах, согласно нашим исследованиям, связано со снижением энергетического (адаптационного) потенциала личности (Сухарев, Степанов, 2006). Современные антропогенные ландшафты сложились в процессе развития русской этносреды гораздо позже, чем естественные, и, соответственно, являются информационно более сложными (Бойко, 1976). Поэтому, исходя из теории этнофункционального развития личности, с учетом имеющихся нарушений этнофункционального развития у современной молодежи предпочтение антропогенных ландшафтов квалифицируется для нее как дезадаптирующий фактор (см. главу 2).

Исследование показало, что употребление марихуаны связано с наличием у испытуемых тревожно-тоскливого и тревожно-апатических типов ведущих аффектов (эмоциональных состояний), что является признаком снижения энергетического потенциала. В свою очередь, этнофункциональные рассогласования отношений к группе ландшафтно-климатических признаков указывает на риск «эндогенизации» возможных депрессивных расстройств с соответствующими типами ведущих аффектов.

Известно, что употребление марихуаны активизирует идеаторную сферу, воображение, вплоть до возникновения галлюциногенных аффектов. Можно предположить, что в этом смысле лица, употребляющие марихуану, компенсируют недостаток активности (вследствие сниженного энергетического потенциала) в идеаторной сфере. Это, в свою очередь, позволяет им уходить от возникающих

внутриличностных, межличностных и социально-ролевых проблем во внутренний мир в той или иной мере аутизированных представлений.

Для сравнения отметим, что страдающие первитиновой зависимостью, у которых отмечается отсутствие каких либо детских воспоминаний об окружающем мире, решают свои проблемы «сверхвключением» в социум. Этнофункционально рассогласованные и антропогенные образы мира, специфические для употребляющих марихуану, с позиций этнофункционального подхода в любом случае являются этнодифференцирующими по отношению к естественным образам родной природы. Этнодифференцирующие образы, по нашему предположению, могут являться для лиц, страдающих данным типом зависимости, основой для ухода во внутренний мир аутичных представлений.

Итак, система отношений к возможным этническим признакам во «временном» и «пространственном» аспектах (этноид) у курящих марихуану существенно деформирована по сравнению с некурящими.

Во «временном» аспекте этноида – на «природной» стадии этнофункционального развития личности – у курящих марихуану выявлено этнофункциональное рассогласование содержания, связанные с преобладанием воспоминаний об экзотических и антропогенных ландшафтах. На сказочно-мифологической стадии у них преобладало выпадение или задержка содержания данной стадии до возраста после 5 лет.

В «пространственном» аспекте этноида у лиц, курящих марихуану, выявлены этнофункциональные рассогласования, во-первых, в мировоззренческой сфере – преобладание различных вариантов атеистического мировоззрения и негативное отношение к православию у «некурящих». Во-вторых, у них преобладало отрицательное отношение к зиме (рассогласование отношения к ландшафтно-климатическим признакам).

3.10 Связь нарушений этнофункционального развития личности с психической дезадаптированностью в позднем возрасте

Преыдушие констатирующие исследования связи нарушений этнофункционального развития личности с психической дезадаптированностью осуществлялись на возрастных контингентах от пренатальной стадии до 50 лет.

Для сколько-нибудь полного «охвата» всего возрастного диапазона человеческой жизни мы провели пилотажное исследование, в котором предполагалось выявить связь нарушений этнофункционального развития личности на природной и сказочно-мифологической стадиях с психической и психосоматической дезадаптированностью у людей позднего возраста. Данное исследование проводилось методом структурированного этнофункционального интервью, методом сбора анамнеза, клинической оценки (лечащими врачами) и анализа историй болезни.

Геронтопсихологическое исследования в Центре социального обеспечения «Коптево» г. Москва было проведено на возрастной группе 70–84 года (всего 58 человек), все испытуемые – русские по самоопределению, родились и проживают в русской этносреде. Результаты исследования показали, что специфические в данном возрасте психические расстройства (сенильные психозы, расстройства памяти, тяжелые расстройства системы кровообращения, специфические расстройства поведения и др.) связаны с нарушениями этнофункционального развития личности в детском возрасте.

Для людей, имеющих указанные расстройства, по сравнению с группой «здоровых» были выявлены следующие нарушения этнофункционального развития личности: а) отсутствие в воспоминаниях о своей жизни в возрасте до 7 лет эмоционально окрашенных элементов русских народных сказок, песен, преданий; б) отсутствие в данном возрасте эмоционально окрашенных воспоминаний о природе родного края ($p < 0,05$).

В группе «здоровых» было выявлено: а) наличие в воспоминаниях о возрасте до 7 лет эмоционально положительно окрашенных элементов русских народных сказок, песен, преданий, народного колдовства и пр.; б) наличие эмоционально положительно окрашенных воспоминаний о природе родного края – данный признак часто сочетается с любовью к природе в позднем возрасте.

В клинически наиболее благоприятных случаях испытуемые в процессе структурированного интервью выражали свое отношение к элементам этносреды более целостно, у них проявлялось более гармоничное взаимодействие когнитивной, эмоциональной и моторной сторон отношений.

Таким образом, была выявлена связь «выпадения» образного содержания природной и сказочно-мифологической стадий развития в возрасте до 7 лет и позже с психической дезадаптированностью

личности в позднем возрасте. Полученные результаты в целом согласуются с нашими исследованиями, проведенными с детьми, подростками, а также взрослыми больными аффективными расстройствами с ведущими тоскливым и апатическим аффектами (Сухарев, Степанов, 2006 и др.).

ГЛАВА 4

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ФОРМИРУЮЩИХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*«...Вечерами слушаю сказки и вознаграждаю
тем недостатки проклятого своего воспитания».*

(А. С. Пушкин)

4.1 Общие принципы этнофункциональной психотерапии

Культурологические основания этнофункциональной психотерапии

Нарастание культурно разнородных информационных потоков (Тоффлер О., 1973), обрушивающихся на человека в условиях современного кризиса культуры и «этнокультурной мозаичности» (В. А. Тишков) приводит к увеличению количества этнофункциональных рассогласований и усиливает этническую маргинализацию его личности, увеличивая риск возникновения психической дезадаптированности, чаще в форме депрессивных состояний. Разработка и внедрение так называемых «мультикультурных» концепций обучения и воспитания и психотерапии в условиях современной культурно-исторической ситуации еще более усугубляет данные процессы. В частности, в наших исследованиях показана негативная роль мультикультурной этносреды и субкультурных влияний, особенно на ранних стадиях этнофункционального развития личности как фактора риска возникновения наркотических зависимостей и эмоциональной дезадаптированности.

Тем не менее в области разработки методов воспитания, психологической коррекции, психопрофилактики и психотерапии в Европе,

США и России нарастает влияние концепций, прямо или косвенно опирающихся на восточные мировоззренческие системы, например: хатха-йогу (аутогенная тренировка); дзен-буддизм (гештальт-терапия); суфизм (гуманистическая психотерапия А. Ассаджоли и К. Роджерса, онтопсихология А. Менегетти), бахаизм (кросскультурная психотерапия и методы воспитания Н. Пезешкиана).

Имеющая немало последователей в отечественной психотерапии концепция онтопсихологии, понимаемая как синтез «гуманистической» и «глубинной психологии», достаточно ярко и исчерпывающе представлена в работах А. Б. Орлова. В определении понятий «сущности» и «личности» человека автор опирается на работы о «четвертом пути» суфийского философа Г. И. Гурджиева и его ученика П. Д. Успенского, использует психологическую проблематику буддизма (в частности, в изложении Н. В. Абаева, С. П. Нестеркина, Е. А. Торчинова и др.), индуизма (Шри Рамана Махарши и др.) и христианства (Орлов, 1995).

Растет популярность психотехнических концепций, авторы которых, казалось бы, стоя на христианских позициях, рассуждают «о влиянии индивидуальной кармы» и т. п. (Кураев, 1997). Как уже упоминалось, в современной психотерапии часто напрямую используются различные шаманистские техники и атрибутика, пример тому – представитель «эзотерических» психотерапевтов «белый шаман» Майк Харнер, обучавшийся у американских индейцев племен канибу и хиваро (Харнер, 1994). На наш взгляд, применение этих техник в условиях европейского менталитета было бы неадекватно. Другими словами, этнодифференцирующие элементы могут нарушать целостность и без того ослабленной психики пациентов. Перечисленные выше достаточно разнородные по научному уровню подходы объединяют признаки инокультурности, эклектичности, экзотичности для отечественной (и традиционной европейской) среды.

На наш взгляд, применение онтотерапии в современном «мультикультурном» обществе затруднено тем, что личность современного человека, особенно в мировоззренческом отношении, крайне маргинализована. И если в основе невротических расстройств, по справедливому замечанию К. Г. Юнга, всегда лежат нерешенные мировоззренческие проблемы (Юнг, 1993), то трактовка сущности человека с позиций онтопсихологии лишь усугубляет ситуацию. Эта сущность понимается как внекультурный принцип, который «гарантирует» действия человека в историческом процессе (Менегетти, 2003, с. 100), но понимание с позиций онтопсихологии морали и нравственности, по нашему мнению, весьма уязвимо.

По А. Менегетти, этика – это абстрактный «способ самопроявления и самовыстраивания» (там же, с. 38). С гуманистических позиций все культурно-этическое разнообразие человечества нивелируется, а на первый план выдвигается положение о том, что, если человеком «руководят исключительно критерии и принципы социоцентрической (читай: общественной. – А. С.) морали, то он неизбежно останавливается в своем развитии, а потом регрессирует в ту или иную болезнь» (цит. по: Орлов, 1995, с. 41).

Следует ли это понимать так, что если человек скромно живет, согласно общепринятым правилам, «репродуцируя» (там же, с. 36) нравственные нормы данного общества (общепринятая нравственность в семье, на работе, верность гражданскому долгу – служил в армии, любит Родину и пр.), то он «потом регрессирует в ту или иную болезнь»? Проблема в том, что содержательных критериев для определения, «что такое хорошо и что такое плохо» не в «пограничной ситуации», а в повседневной жизни нет вообще.

Возможно ли, например, психотерапевту, находящемуся вне «репродуцированных» нравственных позиций, помочь в решении нравственно-психологических проблем двенадцатилетней девочке, мама которой «вышла замуж» за другую «очень хорошую женщину» (этот случай в позитивном ключе обсуждался по телевидению в передаче «Частная жизнь» в октябре 2004 г.)? В процессе передачи девочка бодро ответила на вопрос ведущего, как она относится к данной ситуации, что она очень любит и маму, и «тетю», но сама собирается жить «по-другому».

С позиций онтопсихологии, «подлинно научная психология безразлична к любой морали, так как использование любых моральных критериев дезориентирует психолога, толкает его на ошибочный путь, уводит от человека» (там же, с. 41). Получается, что учет этического аспекта человеческой культуры в работе гуманистического психолога – это дегуманизация человека. На наш взгляд, это *contradictio in adjecto* (противоречие в основе). Напомним, что в «докризисной» европейской психиатрии в XIX и в начале XX в. даже рассматривался диагноз «нравственного безумия» (*moral insanity*) (Осипов, 1923; Выготский, 1983, с. 150–153).

Возникает вопрос: в чем состоит гуманистическая традиция европейской или русской культуры в психотерапии, которая не содержит «троянского коня», нарушающего нравственно-психологическую целостность психики человека? Сам термин «гуманизм» был введен в начале XIX в. германским педагогом Ф. Нитхаммером, ратовавшим за преподавание в школах античной классики в эпоху господства

естественных наук (Гусельцева, 2003). Не вызывает сомнения тот факт, что европейская культура в философско-эстетическом плане восходит к античной и, прежде всего, к древнегреческой. Речь идет о древнегреческой философии, мифологии, греческой трагедии, поэзии и искусствах в целом, представленных в произведениях Гомера, Платона, Аристотеля, Эсхила, Еврипида и мн. др. представителей античной культуры. По мысли О. Шпенглера, здесь имеет место морфологическое сродство явлений одной культуры, «глубокая общность форм» определенного «культурного организма» (Шпенглер, 1993, с. 35). Прообразы античных представлений о мире, о душе, способы рассуждений, различные виды искусств лежат в основе европейской науки и культуры недавнего прошлого и даже, как принято считать, христианского мировоззрения, к которому вплотную подходил в своих произведениях Плотин и святоотеческое учение в целом (Космос и душа..., 2005). Глубокая укорененность в европейской культуре и собственно христианских традиций также не оставляет сомнений.

В современном мире с конца XIX в. и до настоящего времени в европейской культуре начали происходить радикальные изменения, которые в философии и культурологии обозначаются как «кризис культуры» и «разрушение ценностей» (Давыдов, 1990, Тойнби, 1991). Й. Хейзинга отмечал, что в XX в. сознание того, что мы переживаем острый, губительный кризис культуры, проникло в самые широкие слои общества (Хейзинга, 1992, с. 245–247).

Отход Европы от античных корней проявляется, в частности, в том, что в настоящее время там постепенно осуществляется переход от традиционного классического образования к «реальному» – в области гуманитарного образования подвергнута сомнению необходимость преподавания в школах и университетах древних языков, античной философии в пользу современной социологии, истории религий мира, иностранных языков и т. п. (в частности, сокращается количество классических гимназий). Следует заметить, что в европейской системе образования намечается тенденция уменьшения удельного веса гуманитарного образования вообще, в особенности в той его части, которая касается славистики (несмотря на увеличение количества славянских стран, вошедших в Европейский Союз).

В философии и психологии начиная с Шопенгауэра и Ницше и далее в гуманистической и онтопсихологии в работах К. Юнга, а также в большинстве современных психотехник все обнаруживаются процессы, которые мы бы определили как «ядовитые цветы восточного

мистицизма». Подобные эклектические «системы», претендующие на универсальность, рассматриваются как достижения современной науки и часто содержат в себе неразрешимые противоречия. В этом отношении показателен, например, так называемый «эклектический психоанализ», объединяющий фрейдизм, бихевиоризм и пр. – эклектичность в современной психотерапии, начиная с середины XX в., рассматривается как достоинство (Wolberg, 1954 и др.).

По мнению исследователей в области кросскультурной психотерапии, именно классический психоанализ является подлинно «западным» методом (Dittrich, Sharfetter, 1987; Pfeifer, Shoene, 1980). В своем первоначальном виде психоанализ З. Фрейда опирался на античные образы и понятия: Эрос, Танатос, катарсис; в частности, рассматривались базовые комплексы Эдипа и Электры. Несомненной, по нашему мнению, является также существенная связь с античностью (как и с психоанализом) психодрамы, истоки которой обращены к греческой трагедии и целью которой является достижение катарсиса (Аристотель). Психоанализ в ино- и мультикультурной среде в духе «этнопсихоанализа» Ж. Деверо (Devereux, 1978), структурной антропологии Леви-Стросса (Леви-Стросс, 1985, с. 176–177) и др. – это применение «античных эталонов», неадекватных инокультурному предмету исследования. В связи с этим вполне понятно следующее замечание К. Г. Юнга: «Западный психоанализ как таковой и те направления мышления, которые он порождает, являются не более, чем попытками новичка по сравнению с древними искусствами Востока» (цит. по: Орлов, 1995, с. 197).

Почему же европейская (евроамериканская), а вслед за ними, похоже, и российская психотерапия эпохи кризиса культуры в аксиологическом и содержательном отношении в значительной мере повернулись к Востоку, и тем самым расписались в слабости своих методов познания и неэффективности практики?

Мы полагаем, что это произошло именно вследствие «кризиса культуры», сопутствующих ему этносредовой мозаичности общества и этнической маргинализации личности. Традиционные методы в «мультикультурном обществе» стали неэффективны в эклектической этносреде. Методы же, опирающиеся на экзотические культы и мировоззрения, содержат в своей основе идеи и мироощущения, которые с трудом могут быть ассимилированы личностью, исходно воспитывавшейся в существенно иных экологических и культурно-конфессиональных условиях. Поэтому они еще в большей мере усиливают «этнофункциональную эклектичность» личности современного человека, разрушая то, что призваны исцелить.

Давая временный эффект, такие методы после их применения оставляют в психике когнитивно-аффективный след в виде антагонистических противоречий культурно разнородных идей, ценностей, чувств и пр. Попытки ассимилировать эти «следы» целостной личностью могут отобрать у человека последние душевные силы.

При рассмотрении сложившейся ситуации в современной России обращает на себя внимание тот факт, что одним из наиболее общих и повсеместно встречающихся психопатологических симптомов у личности являются признаки алекситимии, в частности, затрудненная способность адекватно выражать свои чувства (Блейхер, Крук, 1995) и проявляющиеся, прежде всего, в речевой сфере. Еще Л. С. Выготский пришел к выводу: «Есть все фактические и теоретические основания утверждать, что не только интеллектуальное развитие ребенка, но и формирование его характера, эмоций и личности в целом находится в непосредственной зависимости от речи...» (Выготский, 1983, с. 337). В частности, современный русский язык – носитель культуры – переполнен ненужными заимствованиями слов, фразеологии, лексики и даже интонирования. Размывание целостности русского языка в стремлении «приобщиться к западной цивилизации» отрывает нас от самих истоков европейской культуры. Важную роль играет здесь не только бездумное заимствование англоязычных терминов, но и копирование современного западного образа мышления, поскольку содержание сегодняшнего евроамериканского менталитета весьма далеко от истоков европейской культуры. Начиная с моды и кончая религиозными взглядами он подвержен сильнейшему влиянию культурной «мозаики» со всего мира, прежде всего, восточной.

Выше уже упоминалось мнение В. В. Розанова о том, что в России (его времени) нет единой культуры, но есть культ античности, культ христианства и культ естествознания. В то же время имеет место несамостоятельность русской жизни, слепое подражание западным образцам, а также разрыв связей с народной культурой и семейной жизнью (Розанов, 1990, с. 9). Сегодня, на наш взгляд, к этому можно добавить и необдуманное подражание восточным культурным образцам.

Краткий обзор культурно-исторических условий в России и Европе, приведенный выше, показывает, что психотерапевтическая система, эффективная для работы с современным человеком, должна отвечать как минимум двум основным требованиям: 1) учитывать этносредовую мозаичность современного мира и этническую маргинальность

личности современного человека, подвергающейся непрерывному информационному воздействию этнодифференцирующих элементов «мозаичной» этносреды (собственно этнофункциональный подход); 2) быть ориентированной на традиционное для данного ландшафтно-климатического ареала (как системообразующего параметра) этносредовое содержание (акцент на отношения личности к природно-климатическим условиям в рамках этнопсихологического подхода). Согласно нашим представлениям об архегении этносреды, в душе каждого человека, возможно, не вполне осознанно, имеется идеальный прообраз этничности и соответствующие представления. Эти представления в современном мире маскируются «вавилонским смешением» народов (миграции, метисации), культур (нарастание межкультурных коммуникаций и заимствований традиций, религий, типов питания) и даже элементов живой и неживой природы (исчезновение и адаптация в новых условиях растений, животных; устройство зоопарков, дендрариев, искусственных морей, рек и т. п.) в современном мире.

Сочетание этнопсихологического и этнофункционального подходов, связанных методологическим принципом дополнительности, вполне отвечает обозначенным выше требованиям. При этом этнопсихологический подход может рассматриваться как предельный случай этнофункционального, когда количество этнодифференцирующих элементов в конкретной этносреде и (или) системе отношений личности равно нулю (это идеальный и на практике недостижимый случай).

Теоретические и эмпирические основания этнофункциональной психотерапии

Анализ кросскультурных психотерапевтических, психиатрических и психологических исследований, а также результаты наших экспериментально-психологических исследований показывают: нарушения этнофункционального развития личности в целом и этнофункциональные рассогласования образного содержания ее отношений к элементам этносреды, в частности, связаны с психической и социальной дезадаптированностью личности, которая проявляется в депрессивных симптомах, зависимостях от психоактивных веществ, криминальном поведении и др.

Этнофункциональную психотерапию можно определить как восстановление нарушений этнофункционального развития личности, этнофункционального развития ее образной сферы (ментальности) и, соответственно, системы отношений к этносреде. Это

восстановление осуществляется в процессе совершения личностью «работы переживания» (Василюк, 1984), что, в свою очередь, повышает энергетический потенциал личности, ее психическую и духовную целостность. В частности, она оказывает положительный эффект, способствуя повышению степени психической адаптированности личности по клиническим и экспериментально-психологическим показателям. Этот эффект подтверждается экспериментально-психологическими и психотерапевтическими исследованиями (Сухарев, 1996–2007 и др.). Как мы уже упоминали, этнофункциональное воспитание на различных стадиях развития личности осуществляется в возрастные периоды, оптимальные для прохождения соответствующих стадий. Если оптимальный период уже прошел, то данный процесс является искусственным восстановлением целостности системы отношений личности, т. е. является психотерапией (психокоррекцией). Эта коррекция осуществляется в процессе восстановления системы отношений личности к архегении ее этносреды.

Чем больше содержание обучения и воспитания соответствуют архегении конкретной этносреды и чем лучше человек «припоминает» ее, тем успешнее он будет наследовать (усваивать) достижения культуры и образ мира в данной этносреде и тем здоровее психически и духовно становится. В связи со сказанным *воспитание и психопрофилактику* в этнофункциональном подходе можно понимать как единый процесс.

Основополагающими для этнофункциональной психотерапии являются следующие положения:

- 1 Представление об этнофункциональной целостности личности, ее пространственных и временных характеристик, а также *этнофункциональной системности* этносреды. Все стадии этнофункционального развития личности в определенной этносреде имеют свою последовательность и неразрывно связаны друг с другом (принцип *этнофункционального развития*). Нарушение этих связей восстанавливается в процессе этнофункциональной психотерапии. Ее цель – повышение степени целостности (организации) системы отношений личности в этносреде и восстановление архегеничной направленности личности как условия здоровой и духовно-нравственной жизни.
- 2 Понимание психических, вегетативных и психосоматических расстройств как последствий нарушений этнофункционального развития личности или каких-либо ситуативных экзо- или эндопсихических этнофункциональных воздействий (принцип *этнофункционального детерминизма*).

- 3 Выделение в качестве исходного параметра этнофункционального развития личности и, соответственно, в процессе психотерапии психопрофилактики и воспитания, *образного содержания ее отношения к климато-географическим элементам этносреды* ареала рождения и проживания (эмпирические исследования показывают – проживания до 5 лет; о меньших сроках уточненных данных пока нет).
- 4 Направленность на восстановление отношений личности с архегенией этносреды ее рождения и проживания и тем самым на повышение ее энергетического потенциала. В общем случае в процессе психотерапии восстанавливается «пространственная» и «временная» этнофункциональная целостность образной сферы личности (этноида) и всей системы ее отношений в этносреде. Это достигается в результате снижения количества эндо- и экзопсихических этнодифференцирующих элементов как следствия восстановления системы отношений личности к архегении родной этносреды.

Эмпирические исследования использования этнофункциональной психотерапии в клинике и в системе образования на различных возрастных группах свидетельствуют в целом о позитивных результатах данного метода. Большинство результатов экспериментально-психологических и клиничко-психологических исследований показывают: характер нарушений этнофункционального развития личности и/или этническая функция образного содержания материала, на котором осуществляются воспитательные и/или психокоррекционные воздействия, регулируют центральный фактор развития сознания – взаимодействие «аффекта и интеллекта», являющийся «ключом» к полноценному развитию личности.

В целом этнофункциональную психотерапию можно рассматривать как общий метод повышения энергетического потенциала личности. Причем способы повышения степени этого потенциала являются «тонко дифференцированными» для различных типов нарушений (психических расстройств и пр.).

*Этнофункциональная психотерапия
и некоторые зарубежные методы психотерапии*

Сходство метода этнофункциональной психотерапии с классическим или юнгианским психоанализом состоит в акцентировании роли ассоциативных связей, ведущих к источнику психических конфликтов. Как и в юнгианском подходе, здесь предполагается существование «врожденных» психических структур («эндопсихических»),

влияющих на поведение человека. В этнофункциональном подходе в качестве этих структур рассматриваются образы – природы, антропологические, мировоззренческие, конфессиональные и т. п.

Отличие от психоанализа состоит в том, что объяснительным принципом этиологии и патогенеза психических расстройств является не модель сексуального развития человека или динамика его архетипических представлений, а учет этнической функции содержания этих представлений. Предметом анализа здесь может являться, в частности, содержание осознанных или неосознанных отношений личности к образам эносреды.

В отличие от гештальттерапии, в этнофункциональной психотерапии существенна не вербализация актуальных чувств, а вербализация чувств, заданных спецификой этносреды, этническая функция отношений к соответствующим образам природы, традиционной культуры, религии, стереотипам поведения, морфофункциональным особенностям – как собственным, так и других людей (например, образы, связанные с «чувство любви» в различных культурах может иметь различный смысл и проявления, см.: Пезешкиан, 1993). В этнофункциональной психотерапии предполагается директивно заданная этносредовая канва – архегения этносреды или **реальная этносреда**, по отношению к которой личность может проявлять себя вполне спонтанно.

В основе когнитивного аспекта этнофункциональной психотерапии лежит представление о возможных этнофункциональных различиях в мышлении людей и отказ от абсолютизации гипотезы «когнитивного единства человечества» (см.. Strenberg, 1990 и др.). Ее направленность состоит не в обсуждении логических аспектов проблем пациента как таковых, а в разъяснении и обсуждении с пациентом этнофункционального содержания тех или иных представлений, умозаключений. Могут быть также использованы специальные методики активации творческого мышления (мозговой штурм, морфологический анализ языка, синектика и др.) для воссоздания тех или иных представлений и способов мышления, несущих определенную этническую функцию.

Выделение в этнофункциональной психотерапии в качестве системообразующего фактора отношение личности к образам природы – климато-географическим элементам этносреды – сближает предлагаемый подход с методом глубинной экологии. Психотерапевтическое восстановление отношений человека к природной среде используется в психотерапевтическом методе глубинной экологии для осознания пациентом эмоций страха, отчаяния, чувства

отчуждения из-за нарушения его неосознаваемых связей с живой природой (Сид и др., 1992). В соответствии с принципами психоанализа осознание и проработка этих связей ведет к освобождению от соответствующих болезненных эмоций (Сид и др., 1992; Сухарев, Степанов, 1997).

Сходство этнофункциональной психотерапии с методом глубинной экологии состоит в психодинамическом подходе, подчеркивании роли отношений личности к образам природной среды в этиологии психических расстройств. Различие же заключается в том, что отношения личности к образам и явлениям природы рассматриваются с позиций их этнической функции. В процессе психотерапии происходят осознание, дифференциация и активация отношений личности именно к ее этнодифференцирующему образному содержанию. Этнофункциональный подход определяет теоретические и экспериментальные основания для выделения роли в этиологии психических расстройств не только осознанных, но и неосознанных отношений к природным, антропологическим, социокультурным и «трансцендентным» образам (конфессиональным, мировоззренческим). По сравнению с глубинной экологией это дает возможность целостного понимания системы отношений личности в этносреде.

Имеется определенное сходство этнофункциональной психотерапии с кататимным переживанием образа в юнгианской школе по Х. Лейнеру (1996). Различие, однако, состоит в том, что как сам К. Юнг, так и Лейнер и его последователи, работая с образами, в частности, природы, не учитывают их этнической функции. Отсутствие такого учета, согласно нашим исследованиям, в ряде случаев может приводить к негативным последствиям.

Следует упомянуть также об определенном сходстве и отличиях этнофункциональной психотерапии и «этнотерапии» М. Хауснера и З. Кочовой (Карвасарский, 1998, с. 707). Сходство некоторых технических приемов этих методов состоит, например, в «погружении в индивидуальное и коллективное прошлое». Основным различием является учет этнической функции конкретной симптоматики, что в принципе может обуславливать как нозологический регистр расстройства, синдромальные характеристики, так и характер психотерапевтических воздействий. Кроме того, этнотерапия Гауснера и Кочовой имеет дело с пациентами, которые когда-то жили в определенной этносреде, а затем утратили связи с родиной, т. е. здесь осуществляется восстановление отношений личности с детством и реальной, относительно однородной традиционной культурой.

А отличие нашего подхода от «этнотерапии» обусловлено тем, что личность современного человека **этнически маргинализована**; очень часто человек не может себя этнически и культурно идентифицировать и возникает вопрос: с какой «утерянной» культурой восстанавливать связи? В частности, один из представителей этнически ориентированной общественной организации в Москве заметил: «Мы ищем то, чего не теряли». Особую проблему представляют случаи, по нашим данным, до 5% из сплошной выборки, когда у личности выявляются признаки **этнофункционального вырождения**, что возможно даже у людей, веками живущих в относительно однородных природных и культурных условиях. «Родина» такого человека может находиться «в другом месте и/или времени», быть исторически несуществующей, «виртуальной». Этнофункциональная психотерапия является «инструментом тонкой дифференциации» и позволяет методологически обоснованно работать с указанными выше проблемами, с людьми, родившимися и проживающими в современной этнически «мозаичной», поликультурной этносреде современного мира, мигрантами и т. п. Это возможно благодаря учету роли этнической функции отношений личности к архегении этносреды на основе **этнофункциональных критериев** и опоре на положение о системообразующей роли отношения личности к климато-географической составляющей этносреды ее рождения.

В целом этнофункциональный подход в психотерапии применим ко всем частным методам, он обогащает их содержание. Это относится к психоанализу, психодраме, гештальттерапии и, разумеется, к таким психотерапевтическим приемам, как «арттерапия», «музыкотерапия», «библиотерапия», «природотерапия», «синематерапия» и т. п.

Этнофункциональная психотерапия в контексте отечественной психотерапевтической традиции

На наш взгляд, отечественная психотерапевтическая традиция на современном этапе наиболее адекватна целям собственно психотерапии и представлена в работах В. Н. Мясищева и его школы. Теория отношений А. Ф. Лазурского в этой школе получила второе рождение как психотерапевтическая концепция. Этнофункциональная психотерапия, по существу, основывается на психотерапии отношений и психотерапии образа, но акцентирует этническую функцию элементов образной сферы и отношений личности и роль этой функции, в частности, в адаптации личности к этносреде.

В этнофункциональной психотерапии рассматривается роль не только динамических характеристик процесса психотерапии

(эмоциональных, когнитивных, моторных процессов), но и роль образного содержания материала, на котором она осуществляется. В этнофункциональном подходе также используется теоретическое положение об «эндопсихике» и «экзопсихике» (А. Ф. Лазурский), связанных с представлением об «эндогенном» и «экзогенном» (психогенном) характере психических расстройств. Понятие «эндогенного», по современному определению, связано с происхождением психозов и обозначает присущие человеку психические свойства, не имеющие под собой диагностируемой биологической основы, – свойства, «происходящие изнутри, из организма, однако *не имеющие познаваемых физических причин* и в то же время не являющиеся причиной переживаний» (курсив мой. – А. С.) (Peters, 1977, S. 148).

В психотерапии неврозов, согласно В. Н. Мясищеву, перестройка отдельных болезненно нарушенных отношений является условием конструктивного изменения всей системы отношений личности, в результате чего может наступить излечение (Карвасарский, 2002, с. 484; Мясищев, 1995). Этнофункциональная психотерапия в самом общем представлении, помимо принципа развития, исходит из принципа этнофункциональной системности. Другими словами, этноинтегрирующая перестройка образного содержания отдельных отношений является условием этноинтеграции содержания всей системы отношений личности (по показателям уменьшения количества их этнодифференцирующих и увеличение количества этноинтегрирующих характеристик – содержания интересов, ценностей, особенностей эмоциональных и когнитивных процессов и др., а также их устойчивости, целостности взаимодействия с этносредой). В процессе такой «перестройки» личность в большей или меньшей степени достигает целостности системы своих отношений с архегенией этносреды. Этнофункциональная психотерапия в отличие от терапии отношений В. Н. Мясищева в соответствии с принципом системности этносреды открывает возможность работать не только с психогенными расстройствами, но и с эндогенными, что отчасти подтверждается эмпирически. Субъективно цели этнофункциональной психотерапии достигаются в процессе переживания отношений личности к образам собственной этносреды (категория «переживания» рассматривалась в работах Л. С. Выготского и Ф. Е. Василюка).

Техника этнофункциональной психотерапии

Особую роль в проведении этнофункциональной психотерапии играет диагностика этнической функции конкретной психопатологической

симптоматики. В ходе этой диагностики осуществляется существенное для психотерапевтического процесса осознание образов и представлений, а также эмоций, чувств, моторных актов и поведения в целом, связанных с данной симптоматикой. Осознание этнических функций психопатологических проявлений способствует повышению уровня разрешения этнофункциональных личностных конфликтов в процессе переживания разрывности аффективной, когнитивной и моторной сторон отношения личности данной симптоматике.

Процесс этнофункциональной психотерапии состоит из двух различных по смыслу и длительности этапов (не обязательно последовательных).

Первый этап (тип) психотерапии мы обозначаем как «*этногерменевтику*», в процессе которой осуществляется *наследование этносреды* посредством образования (обучения и воспитания) личности. Будучи направленной на идеальный прообраз развития здоровой психики – этнофункциональную архегению личности, она обеспечивает правильное воспитание личности, необходимый уровень ее обучения и психопрофилактику возможных психических расстройств и социально отклоняющегося поведения.

Если моторная и эмоциональная стороны отношения личности к системообразующим климато-географическим этническим признакам не представляют собой особых проблем для понимания, то на образном содержании этого отношения необходимо остановиться подробнее.

Идеи (эйдосы) мы вслед за Платоном определяем как умпостигаемые образы вещей чувственного мира. П. А. Флоренский в своей работе «Общечеловеческие корни идеализма» отметил, что «Платон – не плод школьной фантазии, а цветок народной души», что причина его вечности есть его «почвенность» и своими корнями платонизм «привлекает к себе его почвенную влагу общечеловеческих верований». Цельность отношения человека к природе П. А. Флоренский видит «в единстве его самосознания». «Итак, спрашиваю, – пишет философ, – многие ли признают за лесом единство, то есть живую душу леса как целого, лесного, лесовика, лешего? Согласны ли вы признать русалок и водяных – эти души водной стихии? Меня как историка вопрос их реальности несколько не касается. Пусть нет леших и русалок – но есть восприятие их. Пусть нет власти заклятий и заговоров – но есть вера в нее. Как мне, так и вам дан факт – мироощущение и мировоззрение мага. Этим-то фактом мы и обязаны заняться» (Флоренский, 1994, с. 7–60).

В соответствии со сказанным традиционные народные представления личности о природной среде и являются ведущим образным содержанием развития системы ее отношений к этносреде на природной и сказочно-мифологической стадиях. Это образное содержание, по-видимому, соответствует тому, что К. Г. Юнг понимал под архетипическими представлениями. С позиций этнофункционального подхода эти образы являются специфическими для конкретной этносреды. Если человек родился и живет в условиях средней полосы нашей страны, а его представления об окружающей природе отражают представления южно-американских индейцев, например, вследствие особенностей воспитания и образования, то этот факт мы рассматриваем как признак деформации этноида личности.* Другими словами, гармоничность системы отношений личности к образам природы требует достаточно определенного традиционно-мифологического их образного содержания.

С учетом вышесказанного *этногерменевтику* можно определить как процесс осознания и переживания системы отношений личности к этносреде в «пространственном» и «временном» аспектах. Раскрытие этих связей может происходить в процессе психотерапии как осознание и соотнесение с образами этносреды смысла движений, эмоций, чувств, ценностей и поведения в целом. Данный процесс можно описать также как «этносредовое обучение» культуре, приобщение к знаниям о природе, людях, к мировоззрению и мироощущению личности в определенной этносреде, восстановление этносредовой специфики образной сферы личности.

На практике в работе с пациентами им предлагается, например, в моторном или эмоциональном плане «воплотиться» в различные образы мифологических природных стихий: Огня (пожар, молнию, костер, огонь в печи и т. д.); Воды (озеро, водный поток, морскую бурю, дождь, родник и др.); Воздуха (ветер, вихрь, безветрие и т. д.); Земли (холм, овраг, гору, равнину, связанных с Землей деревья, растения, животные). Иными словами, вести себя (выбирая характер движения, позы) так, как «ведут себя», скажем, пожар, легкий ветерок, ручей и описывать испытываемые при этом собственные чувства и ощущения.

* Подобные факты достаточно часто встречаются; наблюдаются даже объединения людей по соответствующим интересам; известен случай, когда человек принимал участие в локальных вооруженных конфликтах и, по собственным словам, отрезал уши у убитых солдат противника, чтобы принести их в жертву Маниту (верховный бог североамериканских индейцев) – информация из телевизионных интервью 3-го канала.

Полученные в процессе использования известных методик активизации творческого мышления (мозговой штурм, морфологический анализ языка и др.) результаты «воссоздания» сказочно-мифологических образов этносреды и их взаимосвязей могут сопоставляться в присутствии пациентов с данными этнологической науки и фольклористики о мифологических представлениях, традиционных для ареала их рождения и/или проживания, чтобы у них возникла уверенность в объективном характере мифологических связей с природой. Установление подобных связей проводится и в отношении этносредовой специфики христианской символики.

Отношения человека, в частности, с природой развиваются от общих представлений (например, «вода») к более частным – ручей, море, родник и др. Исходя из принципа повторения общего плана развития этносреды в онтогенезе личности, а также принципа дифференциации (Чуприкова, 2007), содержание ее отношений к природе развивается от синкретических образов стихий (Земля, Вода, Огонь, Воздух) к более дифференцированным (гора, костер, ветер и др.). Этносредовая специфика образов стихий и природных явлений состоит в содержании мифологических представлений различных народов к их конкретным проявлениям – водяной, леший, русалки и пр.

Христианский этап развития русской этносреды, соответственно, дополняет отношение к стихиям собственным содержанием: Мать-земля связана с образом Богородицы, Вода со Святым Духом, Огонь с Ильей пророком и со Святым Духом и т. д. (соответственно на религиозно-этической стадии развития личности).

Научные воззрения в эпоху просвещения в развитии русской этносреды соответствуют стадии просвещения (научно-познавательной) этнофункционального развития личности (например, представление о стихии воды на этой стадии обретает научный смысл – H₂O).

Второй этап психотерапии – «*этнодиссонанс*». На данном этапе болезненный симптом (синдром), рассматривается как этнодифференцирующий. В процессе психотерапевтического сеанса – беседы, группового обсуждения, гипноидного погружения, психодрамы и пр. – пациентом осознается и *переживается* противоречие этого образного содержания с этнофункциональной архегенией собственной личности. В процессе необходимой «работы переживания» (Василюк, 1985), «страдания» (от «страда» – напряженная работа) личность либо отторгает данный симптом, либо осознает необходимость его творческой ассимиляции.

В зависимости от типа направленности личности (архегеничной или анархегеничной) процесс творческой ассимиляции может

способствовать облегчению или утяжелению болезненных проявлений. «Наследование» и «творческий, нравственно положительный» уровень разрешения этнофункционального личностного конфликта способствуют повышению степени организации личности и ведут к облегчению симптоматики; уровни «распад» и «задержка» ведут к ее утяжелению и снижению степени организации личности.

Этнодиссонанс может происходить как в процессе этногерменевтики (на ее фоне), так и на заключительном этапе психотерапии; он может осуществляться как более или менее осознанный процесс для пациента, так и при погружении последнего в гипноидное состояние. В этом состоянии пациентам, например, дается инструкция «зацепиться» за любой предпочитаемый образ в потоке их представлений. Затем, им может быть предложено дополнить данный образ различными образным содержанием до относительно целостной «страны», где на определенной местности с соответствующим животным миром и пр. живет определенный народ, обладающий своей верой, языком, внешним видом и т. д. Другими словами, пациенты в гипноидном состоянии на основе свободных ассоциаций проектируют образное содержание системы своих отношений к этническим признакам – этноиды. Собственно этап этнодиссонанса часто осуществляется в момент выхода из гипноидного состояния, когда пациентам предлагается вербализовать свои чувства, высказать мысли, осуществить действия, возникающие при интрапсихическом сопоставлении этноида и образа реальной этносреды и ее идеального прообраза.

Тем самым этнодиссонанс – это переживание человеком этнофункциональной рассогласованности образного содержания его этноида и образов реальной этносреды, т. е. этнофункционального личностного конфликта; их согласованность, напротив, можно назвать *этноконсонансом*. В процессе психотерапии этноид может становиться более целостным, т. е. в большей степени внутренне этнофункционально согласованным.

Одним из наиболее эффективных вариантов проведения этапа этнодиссонанса является метод **«этнофункциональной иммунизации»** («провокации»). Как мы уже упоминали, болезненные проявления в нашем подходе всегда рассматриваются как этнодифференцирующие. В гипноидном погружении пациенту предлагается образно представить себе те или иные болезненные проявления и осознать содержание сопутствующих им чувств, ощущений и мыслей. Затем в процессе такого погружения происходит осознание пациентом своих чувств и т. п., связанных с образами этносреды рождения

и проживания, либо с собственным эндопсихическим образным содержанием (в случаях этнофункционального вырождения). Сопоставление этих переживаний и мыслей после выхода пациента из гипноидного состояния, порождает во внутреннем плане их осознание, осуществляется либо консолидация этих переживаний с эндопсихикой, либо в большинстве случаев – внутреннее отторжение этнодифференцирующей болезненной симптоматики. Часто этот процесс проходит весьма болезненно для личности и требует поддержки – психотерапевтической и/или фармакологической, после чего, как правило, пациент испытывает чувство «личной победы» над болезненным симптомом и становится активнее (вследствие возрастания энергетического потенциала личности), прилагает больше внутренних усилий для преодоления болезни.

Важным моментом в процессе психотерапии является степень осознанности этноида и степень совпадения его содержания с образами этносреды рождения и/или проживания. Этноид может претерпевать некоторую динамику, это касается и осознанности пациентом соотношения этноида и этносреды. Состояние, в котором человек в максимальной степени адаптирован к этой среде, определяется при минимуме этнофункциональных рассогласований внутри этноида и между этноидом и этносредой. *Вместе с тем, наличие таких этнофункциональных рассогласований не детерминирует психических расстройств, возникновение последних обуславливается уровнем разрешения конкретных этнофункциональных личностных конфликтов.*

Тяжесть состояния пациентов (выраженность их основной симптоматики) жестко не связана с тем, рассогласован этноид пациента с реальной этносредой или нет. От последнего обстоятельства зависит лишь то, какого типа этнофункциональное рассогласование является предметом психотерапии в конкретном случае: между элементами эндопсихики, с одной стороны, и элементами экзопсихики, с другой, или же это рассогласование относится только к эндопсихике или лишь к экзопсихике.

Цели этнофункциональной психотерапии можно определить как преодоление разрыва когнитивной, аффективной и моторно-поведенческой сторон процесса психической адаптации пациента к этносреде, восстановление системы его отношений к архегении родной этносреды, создание условий для активного осознания этнофункциональных рассогласований в образном содержании системы отношений личности и как результат – повышение ее энергетического потенциала.

Достижение этих целей может происходить, *во-первых*, в общеадаптирующем направлении (повышении энергетического потенциала личности), при акценте на осознание переживания этнофункциональной целостности системы отношений личности с этносредой.

Приведем эпизод из групповой работы методом этнофункциональной музыкальной психотерапии с больными опийной наркоманией (общеадаптирующая стадия этногерменевтики).

Пример 1

Группе пациентов было предложено прослушать два музыкальных фрагмента. Один фрагмент представлял собой отрывок из «Ночи на Лысой горе» М. Мусоргского (а), другой – из «Пасхальных стихир» монашеского хора (б). После прослушивания группе были заданы следующие вопросы:

- 1 Какие чувства испытывали вы, слушая эту музыку?
- 2 С какими стихиями ассоциируются у вас прослушанные фрагменты? (На предыдущих встречах группа объясняла смысл слова «стихия».)

По поводу фрагмента (а) пациенты дали следующие ответы: «энергия», «сила», «тревога», «беспокойство» (чувства), а также «вихрь», «пожар», «буря» (стихии).

В отношении фрагмента (б) пациенты ответили следующим образом: «энергия, сила», «умиротворение», «скука» (чувства). Была вербализована связь со следующими стихиями: «вихрь и вьюга», «люди движутся навстречу им и преодолевают их», «легкий ветерок», «ветер».

Традиционная мифологическая интерпретация описанных пациентами конкретных стихий такова: вихрь, пожар, буря – проявление злых сил, что вполне соответствует «шабашу на Лысой горе». «Легкий ветерок» – ангельским силам, движение навстречу вихрю – преодоление дьявольских сил в духе «пасхальных стихиров» и т. п.

Этнофункциональный смысл, выявленный пациентами после прослушивания музыкальных фрагментов, соответствовал данным этнологии и фольклористики для традиционной славянской мифологии. На этот факт было указано пациентам, что вызвало у них положительную эмоциональную реакцию, удивление, возрастание интереса к занятиям. В целом у пациентов в большей или меньшей мере проявился катартический эффект. Осознание собственных эмоциональных реакций, возникновение ощущения объективности, реалистичности переживаний в связи с представлениями о природных стихиях способствовало необходимому для

пациентов восстановлению и укреплению адекватного когнитивно-эмоционального взаимодействия с внешним миром.

Во-вторых, достижение терапевтических целей может осуществляться при акценте на осознание и переживание этнофункциональной рассогласованности содержания основной симптоматики пациента со всей системой его отношений.

Приведем пример психотерапевтической проработки этнофункционального смысла отдельного симптома, который иллюстрирует связь основной симптоматики у пациентки, страдающей депрессией (в рамках монополярного аффективного расстройства), с неосознаваемыми отношениями к образу природной стихии (воздух).

Пример 2

В структуру основной симптоматики пациентки входила постоянная тоска по умершим родственникам (особенно – по матери). Она часто посещала кладбища и вела бесконечные воображаемые диалоги с умершими близкими. В процессе психотерапии на одном из занятий больной было предложено вообразить притягательный для нее ландшафт, описать участвующие при этом природные стихии, вообразить себя внутри этих стихий. Больная вообразила ночной зимний город, над которым мчится снежный вихрь. Она представила, что стремится войти в этот вихрь. При этом она описала возникшие у нее чувства тоски и тревоги (ее основная симптоматика). Тогда психотерапевт сообщил пациентке, что в традиционной для русской этносреды мифологии в образе вихря людям могут являться умершие родственники, больная с волнением воскликнула: «Так я и знала!» После этого эпизода пациентка сначала на некоторое время притихла и задумалась, а затем активно включилась в дальнейшую работу.

В техническом отношении для «восстановления» неосознаваемых этнофункциональных отношений человека можно использовать широкий спектр музыкальных фольклорных (аутентичных) фрагментов, различные запахи, церковную музыку и пение, элементы фольклорной драмы, обрядовых действий и др.

Для содержания процесса этнофункциональной психотерапии нозологическая отнесенность психического расстройства не является первостепенно важной. В зависимости от нозологии меняется лишь характер этого процесса.

В области психиатрии и психопрофилактики этнофункциональная психотерапия была апробирована на следующих группах:

- а) взрослые, страдающие эндореактивными аффективными расстройствами с ведущей тревожно-тоскливой депрессивной симптоматикой в рамках шизофрении, маниакально-депрессивного психоза (рекуррентных аффективных расстройств) и неврозов;
- б) воспитанники детских садов (3,5–7 лет), в том числе с легкой умственной отсталостью (5–7 лет);
- в) школьники (7–11 лет) с неврозоподобными, психопатоподобными, депрессивными гипердинамическим и церебрастеническим синдромами с задержками интеллектуального и психического развития в клинике, а также младшие школьники и подростки в условиях средней общеобразовательной школы (в плане профилактики);
- г) больные наркоманией (преимущественно опийной) и алкоголизмом (возраст 17 лет и старше).

Кроме того, этнофункциональная психотерапия дает положительный эффект как метод психологической реабилитации и психотерапии детей и подростков, страдающих онкологическими заболеваниями (с позиций психосоматической медицины мы рассматриваем эти заболевания как тяжелую степень психобиологической дезадаптированности) в возрасте 6–17 лет.

В целом во всех нозологических группах в процессе циклов этнофункциональной психотерапии (в основном двухнедельные, всего 10–15 сеансов) у пациентов происходили следующие изменения в психике:

- 1 определенную динамику претерпевали этноиды пациентов в сторону их большей целостности и адаптивности;
- 2 происходила гармонизация взаимодействия духовно-нравственных, когнитивных, эмоциональных и моторной сторон отношений пациентов к этносреде (преодоление разрывности различных сторон процесса психической адаптации);
- 3 происходило облегчение основной симптоматики:
 - а) у взрослых, страдающих депрессивными расстройствами, уменьшение тревоги, страхов, выраженности тоски, ипохондрических проявлений, повышение психической активности, более адекватное реагирование и др.;
 - б) у детей – снижение уровня беспокойства, тревоги, страхов; улучшение качества общения, возрастание познавательной активности, возрастание степени осознанности своих отношений, улучшение некоторых других психолого-педагогических показателей;

- в) у больных наркоманией – снижение тяги к наркотику, усиление или возникновение ощущения наполненности, радости жизни и др., удлинение ремиссий;
- г) у детей, страдающих онкологическими заболеваниями, улучшение прогноза основного заболевания, а также общего психического состояния.

В процессе психотерапии и психопрофилактики во всех группах, помимо восстановления определенных нарушений этнофункционального развития личности, у испытуемых возникало психологическое новообразование – гармонизация взаимодействия аффективной и когнитивной сторон отношений («встреча аффекта и интеллекта» как основного фактора развития по Л. С. Выготскому).

Все приведенные результаты получены в процессе клинических и экспериментально-психологических исследований, изложенных ниже.

По самоотчетам пациентов одним из наиболее существенных элементов, оказывающих конструктивное воздействие, было восстановление отношений к живой (не антропогенной) природе, опосредствованных традиционными мифологическими и религиозными представлениями.

Независимо от наличия или отсутствия в структуре психического расстройства эндогенного или психогенного радикалов, факторами, затрудняющими (существенно замедляющими) процесс психотерапии, были:

- наличие постпроцессуального дефекта (во всех группах больных),
- наличие выраженной резидуальной органической патологии ЦНС (у взрослых),
- некоторые социально-психологические факторы, например, дополнительные стрессы в семейной жизни и др.

Общая стратегия этнофункциональной психотерапии с детьми заключается в относительно более директивном воспитательно-психотерапевтическом воздействии. Дети более чувствительны к этнофункциональной психотерапии, проявляют к ней интерес, клинический эффект обнаруживается у них быстрее и более выражен как в клинике, так и на психопрофилактических занятиях.

В работе со взрослыми пациентами, имеющими аффективные расстройства, отмечается большая, по сравнению с детьми, ригидность этноида. Если в процессе психотерапии этноид ригиден и внутренне рассогласован или становится более рассогласованным с этносредой рождения и проживания пациента, основное

внимание уделяется осознанию пациентом этноида, его отличию от этносреды, восстановлению целостности системы отношений к архегении этносреды. Если же в процессе психотерапии этноид пациента относительно согласован с этносредой (обычно при архегеничной направленности личности пациента), то здесь главное внимание уделяется восстановлению целостности эмоциональной, когнитивной, духовно-нравственной и моторной сторон системы отношений пациента. Устойчивость характеристик деформированного этноида в процессе психотерапии мы рассматриваем как один из признаков его эндопсихической обусловленности (т. е. «эндогенного») расстройства.

В случае эндопсихически обусловленных расстройств можно использовать метод «**этнофункционального погружения**» (подробнее см. ниже), заключающийся во временном «погружении» человека в этносреду ареала его рождения или в этносреду, этнофункционально согласованную с «эндопсихически обусловленным» (см. приложение 1) содержанием ее отношений.

Динамика этноида в сторону повышения степени его рассогласованности с архегенией родной этносреды пациента чаще встречается при эндогенных расстройствах, в сторону снижения – при психогенных. При этом наличие или отсутствие клинически диагностированных эндогенного или психогенного радикалов не влияет на содержание процесса этнофункциональной терапии, важен лишь этнофункциональный смысл содержания и динамики этноида в процессе терапии.

В процессе этнофункциональной психотерапии должна также осуществляться проработка основного симптома, например, отношения к конкретному наркотику, употребляемому пациентом в процессе этнодиссонанса (в частности, методом **этнофункциональной иммунизации**). Ведь тяга к определенному наркотику, согласно нашим представлениям, всегда имеет этнодифференцирующую функцию (Сухарев и др., 2007).

В работе со взрослыми, страдающими депрессивными расстройствами, эффективно равновесное сочетание групповой и индивидуальной работы. В работе с детьми эффективно преобладание групповой работы по сравнению с индивидуальной. Индивидуальная форма работы с опийными наркоманами является оптимальной (это связано с тем, что их психика, как правило, относительно более аутична).

С пациентами, страдающими алкоголизмом и с употребляющими психостимуляторы – эффективна и групповая работа (см. приложения 3 и 4).

Ниже приведен пример эффективной этнофункциональной психотерапии на примере терапии опийной зависимости.

Пример

Пациент Р. родился в Армении, курд по национальности, возраст – 29 лет. Диагноз – героиновая наркомания. Отец и мать пациента – курды-йезиды*. Пациент говорит: «Наша вера – огнепоклонники, но я неверующий». В отношении ландшафтно-климатических предпочтений пациент хотел бы жить на родине, в Армении (хотя уже в течение 10 лет и до момента обследования пациент жил и работал в Москве). В питании он предпочитал национальную кухню. В воспоминаниях детства до 4 лет отметил наличие приятных образов родной природы и отсутствие сказок – «выпадение» сказочно-мифологической стадии (как следствие – нарушение эмоционально-волевого контроля). О понятиях Бога, греха, справедливости никогда не задумывался – «выпадение» религиозно-этической стадии (как следствие – неопределенное мировоззрение, недостаточно укорененные этические нормы).

Верования йезидов восходят к зороастризму, но осложнены элементами других древнеиранских верований. Прослеживаются влияния ислама, иудаизма, христианства несторианского толка и идолопоклонничества. Придерживаясь идеи двух начал – добра и зла, света и тьмы, йезиды считают носителем добра бога-демиурга Езда, а носителем зла – сатану (шайтана). Йезиды поклоняются огню и, соответственно, солнцу, особенно при его восходе).

Этап этногерменевтики

(цель – в определенной мере восстановить отсутствующие у пациента сказочно-мифологические представления о природных стихиях)

1 сеанс Погружение в гипноидном состоянии в родной ландшафт – горы, луга, быстрая река с каменистым дном. Возникло чувство спокойствия, легкой грусти, небольшой прилив сил.

2 сеанс Аналогичное погружение; прилив сил ощущался уже более значительный (нарастающий эффект этногерменевтики).

3 сеанс Погружение в гипноидном состоянии в «четыре стихии» – в воду (встреча с образом водяного), в землю (образ лешего), в воздух (вихрь и буря), в огонь (встреча с огненным змеем).

При погружении в озеро и описании психотерапевтом образа «зеленоватого, расплывающегося лица, обрамленного колыхающимися в темной глубине волосами», пациент испытал чувства страха, тревоги.

При встрече в лесу человека, похожего на корявый пень и постепенно превращающегося в громадную ель, пациент также испытал чувства тревоги и страха.

При описании психотерапевтом «огромного огненного змея, вырвавшегося из-под корней дерева, зажегшего это дерево и опалившего своим жаром» пациента, у последнего «не возникло никаких чувств».

При встрече на опушке леса с «вихрем и бурей, срывающей листву с деревьев», пациент испытал чувства «страха и раздражения».

Этап этнодиссонанса

4 сеанс «Этнофункциональная иммунизация» (провокация) как вариант этнодиссонанса осуществлялась в следующей последовательности: погружение в родной ландшафт – «употребление» героина – возвращение в родной ландшафт. После «употребления» героина в гипноидном состоянии и последующем возвращении в родной ландшафт пациент отметил, что «исчезли голоса птиц», солнце стало менее ярким. Возникло сильное чувство вины, чувства «душевной слабости», «отлива сил» и вместе с тем радость от того, что «вернулся к родным горам». После выхода из состояния гипноидного погружения у пациента возникло чувство облегчения.

Анализ результатов погружения в «четыре стихии» показывает, что отсутствие каких-либо чувств пациент обнаруживает именно по отношению к стихии огня. Мы полагаем, что это свидетельствует об относительно слабой психической связи пациента с этой стихией по сравнению с другими стихиями. Интерпретируя этот факт, заметим, что пациент считает «огнепоклонничество» религией своих родителей и предков в целом. Обсуждение этой интерпретации с пациентом (*этнодиссонанс*) после сеанса погружения произвело на него шокирующее впечатление – он глубоко задумался, долго молчал и отметил, что «наверное, это очень важно для меня» (осознание отношения к религиозно-этической стадии, внутреннее разрешение конфликта на *личностном* уровне как осознание смысла родовых связей со стихией огня). В процессе психотерапии *степень выраженности этнофункциональной анархегении личности пациента снизилась* по отношению как к образам сказочно-мифологической стадии (здесь – осознание чуждости состояния героинового опьянения архегеничным для пациента природным условиям), так и к образному содержанию религиозно-этической стадии. В катамнезе у пациента наблюдалась двухгодичная ремиссия.

Аналогично может осуществляться этнофункциональная психотерапевтическая проработка основной симптоматики в аффективной патологии.

В перспективе этнофункциональная методология может иметь определенные приложения не только к психологическим аспектам терапии. В частности, на биохимическом уровне, в терапевтических целях может иметь смысл согласованное с ареалом (отчасти, может быть, и с его расово-биологическими особенностями) рождения и проживания пациента питание и лекарственная терапия (желательно фитотерапия как более привязанная к конкретным климато-географическим условиям), т. е. с этносредой в целом (см.: Прессель, 1993).

Принцип создания этнофункциональной психотерапевтической среды

Понятие терапевтической среды активно используется в психоанализе еще с времен З. Фрейда и трактуется как среда психотерапевтическая. Смысл этого понятия в психоанализе сводится к тому, что пациент в клинике находится в сложной системе отношений с персоналом – от медсестер до врача и психотерапевта. Адекватная лечебным целям психотерапевтическая среда предполагает поддержку «прогрессивных» проявлений пациента и ее отсутствие при «регрессивных» проявлениях.

Цель создания **этнофункциональной психотерапевтической среды** состоит в следующем: этноид пациента должен быть минимально деформирован по отношению к архегении этносреды, что способствует облегчению процесса психической адаптации его личности. В целом психотерапевтическая среда больного человека должна быть энергетически щадящей и по возможности содержать минимум этнодифференцирующих элементов (в подавляющем большинстве случаев, по нашим данным, для 95 % пациентов). Это позволяет пациенту сберечь силы, необходимые для интеграции этих элементов в свою систему отношений.

На практике создание этнофункциональной психотерапевтической среды (не только в условиях клиники) означает, в частности, максимальное ограничение в прослушивании пациентами этнодифференцирующих музыкальных произведений, просмотра и прослушивании соответствующей видео- и аудиопродукции, чтения определенной художественной литературы, прессы и т. п.

Необходимо гибкое, индивидуально ориентированное приспособление этой среды для каждого больного. Например, в русской

этносреде в зависимости от интересов пациента это может быть ненавязчивое предложение для прослушивания народной музыки в обработке русских композиторов (М. И. Глинки, М. П. Мусоргского, Г. В. Свиридова, И. Ф. Стравинского и др.); затем по возможности можно предлагать и аутентичные современные вокально-музыкальные произведения. Предлагаются литературные произведения, видео- и аудиозаписи звуков и образов русской природы.

В частности, переход от привычной для пациента, страдающего наркоманией, субкультуры к психотерапевтической этнофункциональной среде, как уже упоминалось, должен осуществляться постепенно, гибко, по мере проявления у пациента интереса к «непривычным» образам родной этносреды. Это необходимо для того, чтобы у него не возникло чрезмерного познавательного-эмоционального диссонанса, который может его излишне астенизировать. Например, сначала можно рекомендовать для обсуждения относительно привычные для пациентов эстрадные обработки народных песен, затем – симфоническую обработку народной музыки русскими композиторами и после этого предложить фрагменты фольклорной аутентичной музыки и песен. Такие записи можно приобрести в магазинах столицы и других городов.

Психотерапевтическая проработка различных стимулов – словесных, звуковых и видеообразов природы, запахов масел и соответствующих образов трав и деревьев, тех или иных движений, имеющих определенную этническую функцию, осуществляется, как уже упоминалось, в направлении осознания и «воплощения в слова» соответствующих этим стимулам эмоций, активации представлений, двигательных актов.

Индивидуальная этнофункциональная психотерапия собственно и направлена на создание гармоничной и этнофункционально согласованной, прежде всего внутренней, личностной среды больного.

В частности, наркотические вещества в большинстве случаев создают у личности этнодифференцированные («чуждые») относительно этносреды их рождения и проживания психические состояния. Для интеграции таких состояний в психику пациентов необходима затрата огромных душевных сил. Осознание отношений конкретного пациента к состояниям такого рода делает его цельным и активирует познавательную активность, что позволяет ему на определенном этапе понять реальный этнодифференцирующий смысл своих отношений. Субъективно это рано или поздно переживается им как понимание объективной реальности тяжелых депрессивных чувств, к которым приводит употребление наркотика, понимание того, что

силы убывают, а сам пациент неуклонно продвигается к нравственной, затем и физической смерти.

Осознание пациентом в той или иной степени собственной этнической идентичности (принадлежности к определенному народу или группе народов) является тем «информационным фильтром» (О. Тоффлер), который в той или иной степени облегчает преодоление наркотической зависимости, а также снижает риск ее возникновения.

В целом создание этнофункциональной психотерапевтической среды состоит в том, чтобы по возможности уменьшить в ней количество этнодифференцирующих элементов и в то же время помочь пациенту осознать и разрешить этнофункциональные личностные конфликты с тем содержанием данной среды, которое невозможно исключить. Кроме того, необходимо постепенно вводить новые этнофункционально согласованные с ареалом рождения и проживания пациента образы (т. е. «напоминать» в платоновском смысле об этих образах) и психотерапевтически восстанавливать отношения пациента к данным элементам; это дает дополнительную опору в процессе его этнической самоидентификации.

Метод этнофункционального погружения

Одним из частных случаев реализации принципа создания психотерапевтической среды при этнофункциональном подходе является методика, сходная с элементом лечебной практики знахарей. Например, пациентам рекомендуют при некоторых психических и соматических расстройствах своего рода «**этнофункциональное погружение**», близкое по смыслу к так называемой «этнотерапии» М. Хауснера и З. Кочовой (см. Карвасарский, 1998, с. 707).

Пациенту предлагается «погрузиться» в его родную этносреду или этносреду, согласованную с эндopsихическим содержанием системы его отношений. В последнем случае она используется, когда для пациента «энергетически» более благоприятными являются природно-культурные условия, отличные от таковых в этносреде его рождения и проживания (около 3–5 % от всех случаев). Речь идет об эндopsихически обусловленных этнофункциональных расхождении в психике в случаях этнофункционального вырождения (например, когда в гипноидном состоянии пациент испытывает адаптивные переживания: «прилив сил» и пр. при погружении в этнодифференцирующие ландшафты и климат, религиозные отношения, культурные традиции) (см. приложение 1). Временное погружение позволяет личности восстановить свой энергетический потенциал

и после «погружения» с новыми силами попытаться адаптироваться к этносреде ареала рождения и проживания.

По сути, этнофункциональное погружение является одним из вариантов создания этнофункциональной психотерапевтической среды для конкретного пациента. Необходимые терапевтические изменения в этносреде происходят за счет перемещения (миграции) самого пациента в более этнофункционально согласованные с его эндопсихикой природно-биологические и /или социокультурные условия. Применение данной методики эффективно при эндогенных психических расстройствах, опийной наркомании.

Желательно, чтобы этнофункциональное погружение в природно-биологическом аспекте осуществлялось в ареалы с естественной, относительно нетронутой природой, в минимальной степени подвергшейся каким-либо цивилизационным антропогенным воздействиям.

В социокультурном аспекте эффективно погружение в этносреду с относительно сохранившимися культурными традициями, в минимальной степени подвергшимися влиянию масс-культуры. Такие рекомендации обусловлены тем, что элементы «цивилизации», универсальных технологий и масс-культуры вследствие своей относительной искусственности, неорганичности по отношению к традиционным культурам на практике всегда являются этнодифференцирующими по отношению к этим культурам. С позиций этнофункциональной теории развития «цивилизационные» элементы соответствуют исторически наиболее поздним этапам развития этносреды и, соответственно, являются информационно наиболее сложными для наркологических пациентов, практически всегда имеющими нарушения этнофункционального развития личности.

В качестве иллюстрации приведем наблюдение из лечебной практики чукотских знахарей, рекомендовавших своим пациентам при некоторых психических и соматических расстройствах своего рода «этнофункциональное погружение». При этом заболевшим чукчам рекомендовалось «уйти к нашим в тундру», «жить в яранге, кушать нашу пищу» (рыбу, оленину и пр.), «вернуться к национальной вере». Аналогично с позиций этнофункционального подхода алкоголь для чукчей является именно наркотиком вследствие своей этнодифференцирующей функции (из-за отсутствия у чукчей этносредовой, в частности, «культурной» и «природно-биологической» защиты от него).

В нашем случае рекомендации «уйти к своим в тундру» были даны одной из местных знахарок женщине, страдающей алкоголизмом,

аллергией на рыбу (т. е. традиционную основу питания) и тревожной депрессией. Можно установить некоторую общность взглядов этой знахарки с нашим подходом, несмотря на определенные различия в концептуальных позициях. Болезнь женщины знахарка интерпретировала как наказание духов за отход от традиций, завещанных предками, а умиротворить духов можно было только возвращением «к нашим в тундру» и т. п. Такое «возвращение», хотя бы и на непродолжительное время, на наш взгляд, ослабило бы стрессогенное этнодифференцирующее социально-психологическое и биологическое воздействие на личность пациентки. Оно проявлялось в разнородной информации, получаемой пациенткой в виде теле-радио-видеообразов, продуктов питания, завезенных с большой земли (водка, томаты и др.), в характере ее работы (техническая работа при школе). Все эти влияния являются этнодифференцирующими по отношению к этносреде ареала ее рождения и проживания, в том числе к расово-биологическим особенностям (у чукчей, как арктических монголоидов, относительно снижен в крови уровень содержания алкогольдегидрогеназы – фермента, разлагающего алкоголь).

На этой основе, собственно, и закладывались этнофункциональные личностные конфликты, с которыми пациентка уже не справлялась, наступила психическая и духовно-нравственная дезадаптированность (патологическое влечение к алкоголю, психические и психосоматические расстройства). После трехмесячного «этнофункционального погружения» у этой пациентки наблюдалась восемнадцатимесячная ремиссия зависимости от алкоголя.

4.2 Эффективность этнофункциональных коррекционных занятий с младшими дошкольниками

Современные дошкольники, особенно в больших городах, воспитываются в «культурно мозаичной» этносреде. Они, как правило, в своем развитии в значительной мере лишены полноты сказочно-таинственных отношений с живой природой, связанных с работой воображения (Дьяченко, 1988; Запорожец, 1948; Зеньковский, 1995; Ушинский, 2000 и др.). С позиций этнофункционального подхода это рассматривалось нами как нарушения на природной и сказочно-мифологической стадиях этнофункционального развития личности (в возрасте до 5 лет). Чтобы восстановить нарушенные последовательность и содержание стадий развития личности ребенка, родившегося и проживающего в русской этносреде, необходимы специальные меры.

Эти меры, на наш взгляд, могут заключаться, во-первых, в организации в процессе воспитательной работы этнофункциональной психолого-педагогической среды; во-вторых, в организации специального курса психопрофилактических занятий, направленных на восстановление системы отношений ребенка к архегении русской этносреды. У дошкольников это, прежде всего, интерес к родной природе в ее относительно естественном состоянии и к русским народным сказкам.

Целью исследования было выявить в процессе формирующего эксперимента, с одной стороны, влияние на дошкольников этнофункционально рассогласованной среды и психолого-педагогических воздействий, а с другой, этнофункционально согласованной природной и «сказочной» среды и таких же воздействий.

В качестве показателей повышения степени психической адаптированности у воспитанников детских садов рассматривались: уменьшение количества и степени выраженности признаков когнитивно-эмоциональной дезадаптированности (по тесту Роршаха), а также а) расширение и усиление познавательных интересов и в) улучшение качества общения воспитанников со сверстниками и со взрослыми (по оценкам воспитателей и родителей). Оценка предложенных показателей осуществлялась методом срезов и методом экспертных оценок с применением контрольных групп. Использовался также метод структурированного этнофункционального интервью (оценка психолога).

Были обследованы две группы детей младшей группы ведомственного детского сада Тушинского машиностроительного завода (ТМЗ) в возрасте от 3,2 до 3,9 лет – в экспериментальной группе 14 чел., а в контрольной – 15 чел.

Оказалось, что на сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности у детей имелись следующие нарушения:

- а) отсутствие системы сказочно-мифологических образов и представлений о природных стихиях и окружающей природе в целом, взаимосвязи этих образов с человеком;
- б) отсутствие минимальных знаний о естественных явлениях и изменениях в окружающей родной природе (что такое лес, луг, ручей, родник; какие бывают цветы и травы, где они растут; что происходит зимой, какие звери и птицы живут в лесу; какие птицы улетают в теплые страны, а какие остаются; какие грибы растут в лесу; какие звуки издают разные звери и птицы; какие бывают домашние животные и пр.);

- в) недостаточная способность выражать свои чувства, эмоции словами или действиями (по отношению к стихиям и их проявлениям);
- г) недостаточная способность выделять «хорошее» и «плохое» в происходящем в природе, которая служит основой для формирования понятий о добре и зле на следующей, религиозно-этической стадии этнофункционального развития личности.

В связи со сказанным общим принципом проведения занятий является восстановление всей полноты психических этнофункциональных отношений ребенка к этносреде ареала его рождения и проживания.

В экспериментальной группе эти отношения прорабатывались в когнитивно-образном аспекте (знание естественных проявлений родной природы и их отражение в традиционных сказочных образах), в чувственном (понимание своих чувств по отношению к тем или иным образам или явлениям) и моторном аспекте (умение осуществлять те или иные действия по отношению к сказочным образам или явлениям природы). Ориентировочное содержание программы с учетом известной возрастной адаптации представлено в приложении 3.

С целью организации этнофункционально согласованной психолого-педагогической среды в экспериментальной группе было осуществлено блокирование привычных, но этнодифференцирующих для детей данной группы информационных воздействий.

Во-первых, из игровой комнаты были удалены предметы и игрушки, назначение и смысл которых недоступны детям данного возраста либо не соответствует сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности. Сюда относятся, в частности, такие предметы, как модель деревообрабатывающего станка, телефонные аппараты, а также различные модели автотранспорта и т. п. (когнитивно соответствующие более сложной стадии «просвещения»). Эти предметы использовались детьми данного возраста в качестве «стучалок», «гуделок» и способствовали, как правило, либо односторонне-двигательной активности детей, либо непосредственной и неконтролируемой эмоциональной «разрядке». Наличие и использование детьми подобных предметов само по себе не является патогенным. Однако следует помнить, что в условиях крупного индустриального города практически у каждого ребенка имеется в той или иной степени выраженное нарушение этнофункционального развития личности. Поэтому удаление таких, с первого взгляда, безобидных

предметов имеет специальное терапевтическое назначение – преодоление уже имеющихся у подавляющего большинства детей нарушений этнофункционального развития личности.

Во-вторых, из игровой комнаты были удалены игрушки этнофункционально рассогласованные с архегенией этносреды ареала рождения и проживания воспитанников детского сада. В частности, такие игрушки, как обезьянки, слоны, жирафы, игрушечные пальмы, а также Чебурашка (искусственное существо) и Карлсон (гибрид вертолета и человека). Последние два персонажа не имеют четко определяемой этнофункциональной рассогласованности по отношению к традиционной культуре России, но являются продуктами технологической эрзац-культуры и относятся к стадии «просвещения». Изменения в педагогической среде направлены на коррекцию «пространственных» этнофункциональных рассогласований в психике детей.

Одновременно осуществлялось включение различных навыков поведения в единый этносредовый контекст, прежде всего в плане ознакомления ребенка со сказочным миром и естественной природой русской этносреды. Благодаря этому происходило гармоничное расширение кругозора и приобщение сознания и эмоций ребенка к этносреде его рождения и проживания. В качестве учебных материалов о природе и ее отражении в сказках использовались некоторые сказки А. Н. Афанасьева (1977), материалы С. В. Максимова (2000), К. Д. Ушинского (2000) и др. В контрольной группе этнофункциональная среда и содержание психолого-педагогических воздействий были сохранены без изменения и проводились воспитателями в соответствии с учебным планом, утвержденным Министерством образования и науки. В игровой комнате преобладали «экзотические» (обезьяны, жирафы и пр.) и технологические (телефоны, машинки и пр.) игрушки.

Одна из особенностей программных занятий, проводимых в контрольной группе, заключалась в том, что их целью было развитие навыков занятий музыкой, рисованием. Эмоциональные проявления детей вполне поддерживались воспитателем в отношении их мотивации к обучению. Главной особенностью занятий в контрольной группе, на наш взгляд, было то, что они проходили «внутри мира учебных предметов», например: понедельник – развитие речи, физкультура; вторник – музыка, математика; среда – лепка, развитие речи; четверг – физкультура, аппликация; пятница – музыка, рисование и пр. «Окружающий мир» детей был в преобладающей степени «антропогенен» (т. е. относился к стадии «просвещения»).

Минимальным было не только «включение» детей в мир живой и тем более сказочно переосмысленное отношение к образам русской природы, но и реальное ознакомление с ее жизнью.

Экспериментально-психологические срезы, проведенные в начале и в конце эксперимента в контрольной и экспериментальной группах, позволили установить следующее.

Исследование по методу Роршаха показало, что в экспериментальной группе по сравнению с контрольной существенно снизилось количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов, фиксируемых по количеству «отказов» и «шоковых» реакций на предлагаемые стимулы ($p < 0,001$). Кроме того, исследование показало, что в экспериментальной группе достоверно увеличилось количество ответов типа FFb+ ($p < 0,05$). Это означает выраженную тенденцию к преодолению «разрывности» аффективной и когнитивной сторон отношений, что является важнейшим фактором развития личности.

Интересные и неоднократно подтвержденные исследованиями в разных детских садах (в том числе и для умственно отсталых детей) результаты были получены в контрольной группе. Количество ответов типа «шоки» и «отказы» здесь достоверно увеличилось ($p < 0,01$) (снижение эмоционального торможения когнитивных процессов). При этом выраженность ключевого фактора развития личности (ответы типа FFb+) – снижалась ($p < 0,05$).

Опрос родителей, информированных о том, что в обеих группах психологами проводилась определенная психолого-педагогическая работа, выявил следующее. По их оценкам, в экспериментальной группе у детей достоверно усилились познавательные интересы и улучшилось качество общения со взрослыми, в контрольной группе соответствующих изменений обнаружено не было.

По оценке воспитателя, в экспериментальной группе у детей достоверно усилились познавательные интересы, и улучшилось качество общения, в контрольной эти показатели остались без изменений.

В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что экспериментальный курс этнофункциональных психопрофилактических занятий, направленный на восстановление у детей системы отношений к образам природы и сказочным представлениям этносреды ареала их рождения и проживания, способствует их психической адаптированности: повышает гармоничность взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений, активность личности, снижает эмоциональное торможение когнитивных процессов.

Результаты исследования показали также, что стандартная программа обучения в младших группах детских садов обуславливает психическую дезадаптированность детей: у них повышается количество признаков эмоционального торможения когнитивных процессов, а также количество признаков дисгармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон их отношений, т. е. имеются признаки торможения развития личности.

4.3 Эффективность этнофункциональных коррекционных занятий в младшем школьном возрасте

В экспериментальных группах этнофункциональной психологической коррекции на материале явлений родной природы и соответствующих сказочных представлений с учащимися первых, третьих и пятых классов средних общеобразовательных школ, помимо снижения количества показателей эмоционального торможения когнитивных процессов и гармонизации взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений, было получено достоверное улучшение показателей творческого интеллекта, по Торренсу (оригинальность, гибкость, разработанность решений) по сравнению с контрольными группами.

Целью эксперимента было выявление влияния этносредовой специфики образного содержания природного и сказочного материала, на котором осуществлялась психотерапия с детьми, на ее эффективность.

Работа велась с группами учащихся третьих классов средних общеобразовательных школ (по 20 человек в группе) три раза в неделю по 15 занятий в каждой группе. Для снятия эффекта «привыкания учащихся к преподавателю» ведущие психологи попеременно менялись группами так, что каждый из сотрудников провел по 5 занятий в каждой группе. Использовались метод срезов, структурированного этнофункционального интервью, тест Роршаха, методика диагностики творческого интеллекта Торренса и метод экспертных оценок. Из детей, участвовавших в эксперименте, 90% относили себя к русским, а остальные – к татарам, армянам, грузинам и азербайджанцам и проживали в здесь не менее шести лет. Все дети родились и проживали в Москве.

Для работы в первой группе (условно – «ТВ-группа») использовались популярные телевизионные персонажи – телепузики, покемоны, Карлсон, Чебурашка, мыши-рокеры с Марса, Винни-Пух. В качестве вспомогательных средств применялись соответствующие

литературные сюжеты, видеоматериалы, аудиозаписи, картинки. Критерием отбора персонажей была их нереалистичность.

Для второй группы («австралийцы») были подобраны сюжетные сказки аборигенов Австралии, соответствующие аутентичные музыкальные фрагменты, видеоматериалы и изопродукция на темы их природы и жизни. Критерием отбора материала в данном случае также служила его этносредовая специфика.

В работе третьей группы («русские») использовались образы русских народных сказок, мифологические персонажи (водяной, леший, домовый и др.), фрагменты музыкальных фольклорных произведений, видеоматериалы и картинки. Критерием отбора материала здесь также была его этносредовая специфика.

Во всех трех группах использовались элементы психодрамы, вербализация эмоций и чувств в различных ситуациях в связи с теми или иными образами, персонажами, музыкальными фрагментами, элементами ландшафтов. Детям предлагалось «воплотиться» в тех или иных персонажей (в движении или статике) – живых существ, растений, природных явлений. Общее психотерапевтическое воздействие было направлено на восстановление целостности всей системы их отношений к себе, окружающему миру, людям, мифологическим персонажам и пр. Результаты исследования представлены в таблице 33.

Таблица 33

Сравнение групп испытуемых по динамике частоты (в %) показателей тестов Роршаха и Торренса до и после эксперимента

Группы испытуемых	Наименование показателей			
	«Шоки» и «отказы» (тест Роршаха)	М (тест Роршаха)	FFb+ (тест Роршаха)	Т (тест Торренса)
«ТВ-группа» (1)	+14	+6	-50	-24
«Австралийцы» (2)	-40	-69	-40	-6
«Русские» (3)	-56	+67	+63	+54

Примечание. Знаки «-» или «+» означают, соответственно, уменьшение или увеличение встречаемости данного показателя после эксперимента.

Количество показателей теста Роршаха «шоки и отказы» (эмоциональное торможение когнитивного процесса) у «русских» и «австралийцев» после эксперимента достоверно снизилось по сравнению с «ТВ-группой» ($0,01 < p < 0,05$).

Показатель FFB+ (гармоничность взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений) в группе «русских» достоверно улучшился по сравнению с «ТВ-группой» и «австралийцами». В «ТВ-группе» и у «австралийцев» количество показателей FFB+ достоверно снизилось ($0,01 < p < 0,05$).

По показателю M (потребность в общении) у «русских» выявлено достоверное увеличение по сравнению с «ТВ-группой» и «австралийцами». У «австралийцев» достоверно снизилась потребность в общении (M), по сравнению с «ТВ-группой» ($p < 0,05$).

Усредненный показатель творческого интеллекта по Торренсу (T) у «русских» достоверно увеличился по сравнению «ТВ-группой» и «австралийцами» ($0,01 < p < 0,05$). В то же время в «ТВ-группе» установлено достоверное снижение этого показателя по сравнению с группами «австралийцев» ($0,01 < p < 0,05$) (таблица 33).

Вот пример, иллюстрирующий характер отношения детей к занятиям в «ТВ-группе».

Пример 1

Катя, 9 лет. На первом занятии ведущий предложил детямобразить «любой образ из мультфильмов». Катя изобразила «сестрицу Аленушку». На вопрос о чувствах персонажа ответила: «Ей грустно, печально, она думает о своем брате, хочет ему помочь». Эмоциональное отношение Катя выразила следующим образом: «Аленушка добрая, красивая, мне она нравится». Далее ведущий предлагал детям образы, ситуации и т. п., связанные только с виртуальной ТВ-средой.

В ходе второго занятия детям предложили посмотреть фрагмент видеозаписи мультипликационного фильма «Малыш и Карлсон». Катя высказала мысль о том, что Карлсон является плохим другом для Малыша, она на его месте не стала бы с ним дружить. По мнению Кати, Карлсон приходит «дружить к Малышу лишь тогда, когда ему выгодно». Эмоциональное отношение Кати к Карлсону – «неприятнь, обида, он злой».

Во время группового «погружения» методом кататимного переживания образов (КПО) по Лейнеру (1996) в виртуальную реальность мультфильма «Мыши-рокеры с Марса» (третье занятие) Катя испытала следующие чувства: страх, одиночество, тоску. После погружения при сравнении эмоционального состояния до и после КПО: сил стало меньше, появилась апатия, усталость.

На пятом занятии при погружении методом КПО на планету «Покемон» ученица констатировала чувство злости, «так как, кроме драки, в этом мультфильме больше ничего не происходит», и скуку.

Эмоциональное отношение к главному герою – покемону: «Чувств к нему у меня нет, так как он сам – существо несуществующей планеты, он нереальный». После погружения: «стало скучно», возникло чувство тоски.

После обсуждения всего курса занятий на последнем уроке Катя сказала, что гораздо интереснее не смотреть мультфильмы, а читать книги. Среди своих любимых она выделила сказки Пушкина, русские народные сказки, книги о природе. «После чтения этих книг человек что-то приобретает, а после таких мультфильмов, как «Покемон», остается только пустота». Общее впечатление девочки от занятий – «скучно, я устаю».

По результатам Роршах-теста у девочки резко возросло количество «отказов» – показателей существенно усилившейся степени эмоционального торможения когнитивных процессов (от 0 до 3). При этом остались, но снизилось количество ответов, характеризующих «неуправляемые» эмоциональные реакции (от 2 до 1). Остальные показатели по этой методике остались без изменения. Усредненный уровень творческого мышления по Торренсу уменьшился на 32%.

По оценке преподавателей, успеваемость и поведение Кати за период проведения занятий остались без изменений. По оценке психологов, проводивших занятия в данной группе, Катя утомлялась на занятиях, занятия раздражали ее, и активность девочки в конце всего цикла существенно снизилась.

Следующий пример отражает характерное отношение к занятиям в группе «австралийцев».

Пример 2

Кирилл, 9 лет. На первом занятии во время демонстрации фрагмента видеofilmа о природе Австралии мальчик самопроизвольно бурно отреагировал на образ быстро движущейся по песку ящерицы – он очень громко закричал и стал всем телом изображать движения животного. На вопрос ведущего: «Что ты изображаешь?» – ребенок ответил: «Жарко! Потому она так быстро и бегаёт». На вопрос о чувствах Кирилл ответил: «Жарко, усталость чувствую».

На одном из следующих занятий во время погружения методом КПО в водную стихию в чистых прибрежных водах Австралии мальчик испытал страх перед акулой и радость при ловле маленьких скатов.

На занятии, посвященном обсуждению австралийской легенды о том, как волк пожалел людей и научил их охотиться, превращаясь в волков, Кирилл испытал смешанное чувство страха и восхищения, почувствовал себя «охотником в джунглях».

На последующих занятиях, где детям предлагались для прослушивания фрагменты аутентичной обрядовой музыки австралийских аборигенов, ребята стали производить характерные, в такт музыки движения головами, руками и всем телом.

В целом отношение Кирилла к занятиям было пассивное, но он очень активно эмоционально и в движениях реагировал на различные стимулы. Его общее впечатление от занятий – «интересно, но я устал».

Результаты экспериментально-психологического обследования были выявлены следующие. Улучшился показатель эмоциональной адаптации по Роршаху: исчез «белый шок» на VII карту. При этом резко упала потребность в общении – исчезли М-ответы на карты II, III и VII. Исчез ответ на карту II: FB+ (т. е. снизилась степень интеллектуальной адаптированности – см.: Bohm, 1972). Усредненный уровень творческого мышления по Торренсу практически остался без изменений.

По оценке преподавателей, успеваемость и поведение Кирилла за период проведения занятий остались без изменения. По оценке психологов, занятия Кирилла эмоционально возбуждали, но в определенной степени утомляли.

Приведем пример, иллюстрирующий характер отношения детей к занятиям в «русской» группе.

Пример 3

Света, 8 лет. Во время проведения программы сначала с минимальным, а потом с постепенно возрастающим интересом участвовала во всех упражнениях, предложенных психологом. В момент «погружений» послушно выполняла все инструкции, но испытывала затруднения в вербализации своих чувств.

В процессе «погружения» методом КПО в родной ландшафт (речка, смешанный березово-еловый лес) Света сначала не могла ответить на вопрос о том, что она чувствует. Ей это удалось сделать лишь с помощью психолога: она испытала «приятное чувство». Само упражнение девочке «понравилось».

В процессе общения с лешим и водяным девочка «испугалась», но в целом это общение оставило у нее чувство «интереса», «прибавилось сил» (вербализация с помощью психолога).

Рисуя теремок и осенний лес, Света очень ярко и образно изобразила животных и ландшафты. Причем уже самостоятельно передала свое эмоциональное отношение к персонажам.

По мере прохождения программы девочка работала все активнее и охотнее, интерес к занятиям у нее возрастал. Ее общее впечатление от занятий: «интересно, хотелось бы продолжить».

По результатам теста Роршаха у девочки исчезли относительно «грубые» психопатологические показатели – «отказы» (с 6 до 0). «Отказы» трансформировались в 4 менее «жестких» невротических признака – шоковые реакции (т. е. снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов). Кроме того, у девочки появились 2 ответа типа FFb+ (показатели целостного взаимодействия эмоциональных и когнитивных сторон отношений – как фактор развития). Остальные показатели по этой методике остались без изменения. Усредненный уровень творческого мышления по Торренсу увеличился на 39%.

По оценке преподавателей, успеваемость девочки за период проведения занятий осталась без изменений, а поведение (качество контакта с учителями) несколько улучшилось. По оценке психологов, проводивших занятия, у Светы улучшилось качество контакта с преподавателями и качество вербализации собственных переживаний и чувств.

Описанный выше эксперимент по психотерапии «ТВ-группы», «австралийцев» и «русских» показал: наихудшие результаты, с точки зрения психического состояния после окончания цикла занятий, были выявлены в «ТВ-группе». В качестве учебного материала в этой группе использовалась виртуальная, в значительной мере антропогенная ТВ-реальность, которую дети этого возраста в большом количестве воспринимают в своей повседневной жизни. Содержание этой реальности можно определить в целом как эклектическую или как информационно насыщенный конгломерат из разнородных этносредовых элементов, подчас трудно соотносимых с той или иной культурой. В данной группе по окончании психокоррекционных занятий изначально выявленная у детей высокая степень эмоционального торможения когнитивных процессов сохранилась, а уровень творческого интеллекта снизился.

Несколько лучшие результаты, с точки зрения снижения количества показателей эмоционального торможения когнитивных процессов, по сравнению с «ТВ-группой» были выявлены у детей, занимавшихся на материале относительно однородной и поэтому с позиций этнофункционального подхода менее патогенной австралийской этносреды. Сама по себе эта этносреда весьма экзотична для детей, родившихся и проживающих в средней полосе России, и требует от них существенных усилий для интеграции экзотических элементов в психику. Эти усилия, по-видимому, и приводят к нежелательному в данном возрасте снижению потребности в общении.

В свете сказанного вполне логичными представляются результаты, свидетельствующие о снижении степени эмоционального торможения когнитивных процессов в группе «русских» по сравнению, как с группой «австралийцев», так и с «ТВ-группой». Учебный материал группы «русских» являлся, во-первых, относительно этнофункционально однородным и, во-вторых, существенно более близким детям в культурном (сказки) и климато-географическом аспектах. Судя по всему в группе «русских» повышение уровня творческого интеллекта объясняется не только снижением степени эмоционального торможения когнитивных процессов (это снижение произошло и в группе «австралийцев»); определенную роль в раскрытии творческих ресурсов у детей играет этноинтегрирующая функция **образного** содержания коррекционных занятий.

Связь содержания традиционной этносреды (в образовании) и высокого уровня творческого интеллекта (по Торренсу) на контингенте младших школьников подтверждается и констатирующим экспериментом в исследовании Т. В. Доржиевой (2000).

Особого внимания заслуживает тот факт, что только в группе этнофункционально согласованного с этносредой ареала рождения и проживания детей образного содержания психокоррекционного материала (народные сказки и природные образы ареала рождения) формируется механизм гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений, являющийся ключевым фактором развития личности. В группе «австралийцев» и «ТВ-группе» данный показатель достоверно снизился.

Результаты эксперимента непосредственно указывают на то, что этносредовая специфика образного содержания материала, на котором осуществляются не только процессы психопрофилактики и психотерапии, но и любого психолого-педагогического воздействия (воспитания и обучения в целом), может оказывать либо патогенное, либо оздоровляющее воздействие на психическое и интеллектуальное развитие детей. В последнем случае наблюдается оптимизация их развития по показателю межфункционального взаимодействия аффективной и когнитивной сторон отношений личности.

4.4 Исследование роли содержания этнофункциональных воспитательных и коррекционных воздействий на детей и подростков

Многие исследователи отмечают нарушение хода естественного психического развития ребенка, кризис детства (Венгер, Слободчиков, Эльконин, 1988 и др.). Современные российские дети в силу сложив-

шейся культурно-исторической ситуации живут в поликультурном информационном пространстве, вследствие чего размывается представление о правильном воспитании (Пезешкиан, 1993).

До определенного возраста естественным культурным содержанием, опосредствующим процесс изменения системы отношений ребенка к природе и к окружающему миру в целом являются сказки; исследованию этого процесса уделялось достаточно внимания (Вачков, 2002; Запорожец, 1948; Bettelheim, 1976 и др.). Сегодняшняя «сказочная культурная ситуация» многолика и противоречива: в сказочных текстах разного характера наблюдается тенденция к рационализации и содержания, и формы сказок, все более утрачивается ее эмоционально-образная составляющая, исчезают образы живой природы (Кольцова, 2000 и др.). Интенсивные, эмоционально обедненные учебно-информационные и односторонние технотронные воздействия все более вытесняют эмоционально-насыщенный «сказочный мир» из жизни дошкольника. Этим может объясняться гетерохронность (Б. Г. Ананьев) психического развития – сочетание раннего взросления по одним показателям с длительным сохранением инфантильности по другим (Венгер, Слободчиков, Эльконин, 1988 и др.).

С позиций этнофункционального подхода правомерно предположить, что характер влияния образного содержания сказок как культурного элемента этносреды на сказочно-мифологической стадии развития жестко не связан с биологическим возрастом, так как развитие определяется психолого-педагогическими воздействиями и содержанием этносреды в целом (ср. «психологический возраст» Л. С. Выготского). Кроме того, определенную этническую функцию имеет способ подачи сказочного материала, например, более древний – устный или высоко технологичный и информационно более сложный – в видеоформе (относящийся к стадии просвещения»).

В свете вышесказанного с научной и практической точек зрения представляется актуальным исследование этнофункционального содержательного аспекта информационных воздействий на детей и подростков, в частности, влияние на развитие личности у детей различного образного содержания сказок, способов их подачи (устный или видеоизображение) и связь этого содержания с психической дезадаптированностью.

Наши исследования детей и подростков в «норме» показали, что не менее чем у 85 % из них наблюдались определенные признаки дезадаптированности: эмоциональное торможение когнитивных

процессов, недостаточный контроль эмоций и неконтролируемая тревога. Кроме того, практически у всех обследованных детей и подростков имели место те или иные нарушения этнофункционального развития личности на природной и (или) сказочно-мифологической стадии.

Мы предполагали, что этническая функция образного содержания и способа подачи материала, на котором проводится воспитательная или психокоррекционная работа, может как повышать, так и снижать степень психической адаптированности детей и подростков, а также способствовать оптимизации их психического развития или, напротив, сдерживать его.

В эксперименте приняли участие воспитанники детских садов «Радуга», «Рябинушка» г. Химки (84 человека) и детского сада «Муравушка» г. Обнинска (30 человек) в возрасте 4–5 лет, а также учащиеся старших классов школы № 1316 г. Москвы (48 человек) в возрасте 15–16 лет. В каждой обследованной группе было по 50 % мальчиков и девочек. Все обследованные дети родились и воспитывались в русской этносреде.

Использовались следующие методики: метод экспериментально-психологических срезов, структурированное этнофункциональное интервью. Показатели психической адаптированности/дезадаптированности фиксировались по тесту Роршаха. В исследовании использовался констатирующий и формирующий эксперименты.

Констатирующий эксперимент проводился на контингенте детей в возрасте 4–5 лет, т. е. в оптимальный для восприятия сказок возрастной период. С помощью метода структурированного этнофункционального интервью выявлялись предпочтения детей тех или иных типов сказок и способов их предъявления: русских «народных сказок» в устной передаче; мультфильмов по мотивам русских народных сказок («ТВ-народных»); «авторских сказок» в устной передаче; мультфильмов по мотивам авторских сказок («ТВ-авторских») и «смешанных сказок» (авторских и этнофункционально рассогласованных народных сказок – переводных и отчасти переработанных переводчиком). Кроме того, фиксировалось отсутствие интереса детей к сказкам («выпадение» сказок). В исследовании выявлялась связь различного содержания сказок и метода их предъявления с проявлениями психической адаптированности/дезадаптированности. Все сказки, названные детьми, были разделены на следующие группы:

– *русские народные сказки*: русские народные сказки о животных и волшебные сказки в устной передаче;

– *авторские сказки*: авторские сказки (например: Ш. Перро. «Красная шапочка», Г.Х. Андерсен. «Дюймовочка», К. Чуковский. «Айболит», В. Сутеев. «Палочка-выручалочка», В.П. Катаев. «Дудочка и кувшин», Д. Мамин-Сибиряк. «Серая шейка»);

– *ТВ-согласованные*: мультипликационные и художественные фильмы по мотивам русских народных сказок;

– *ТВ-рассогласованные*: мультипликационные и художественные фильмы, этнофункционально рассогласованные с этносредой рождения и проживания детей (например: «Человек-паук», «Том и Джерри», «В поисках Немо»);

– *этнофункционально смешанные сказки*: включали содержание всех предыдущих групп;

– *«выпадение» сказок*: отсутствие когнитивно-эмоционального следа от содержания сказок (ответы типа: «не знаю», «забыл, не помню»).

Результаты констатирующего эксперимента

В группе авторского ТВ-содержания чаще, чем в группах народных, авторских и смешанных сказок, встречаются показатели снижения качества мышления F- и его ригидности по тесту Роршаха ($0,01 < p < 0,05$). Последний показатель отличает также группу «выпадения» сказок от всех других.

Показатель более высокой внутренней (интровертированной) интеллектуальной активности (в ущерб более реалистичной активности) bkl отличает группу авторских сказок от группы народных сказок и группы авторских и смешанных сказок от группы авторского ТВ-содержания ($p < 0,05$).

Показатели снижения эмоционального контроля Fb (неконтролируемые эмоции) и FbF (неудачные попытки контроля эмоций) преобладают в группе авторского ТВ-содержания. Наряду с этим данный показатель чаще встречается в группах авторских и смешанных сказок, чем в группе народных сказок ($0,01 < p < 0,05$).

Показатели гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений FFb+ чаще встречаются в группах народных сказок и народного ТВ-содержания, чем в других группах ($p < 0,001$). В группе «выпадения» сказок «цветовые» ответы Fb, FbF, FFb+ отсутствуют, что указывает на неразвитость у детей данной группы по сравнению с другими группами эмоционально-мотивационной сферы ($p < 0,01$).

Малое количество показателей неконтролируемой тревоги Nd отличает группу народных сказок от групп смешанных сказок и ТВ-содержания. Большое количество данных показателей,

в свою очередь, отличает группу смешанных сказок от группы авторских ($0,01 < p < 0,05$).

Большое количество показателей эмоционального торможения когнитивной сферы по тесту Роршаха (отказы и шоки) отличает группы авторского ТВ-содержания и «выпадения» сказок от остальных групп ($p < 0,01$). В свою очередь, малое количество таких показателей отличает группу народных сказок от групп авторских и смешанных сказок, авторского ТВ-содержания, «выпадения» сказок, а также группу народного ТВ-содержания от двух последних групп ($p < 0,001$).

*Обсуждение результатов констатирующего исследования
в возрастной группе 4–5 лет*

Видеоформа подачи сказочного материала детям 4–5 лет связана с пассивным восприятием информации, замещающим эмоциональное общение ребенка со значимым взрослым. Когнитивно-эмоциональный след от видеопредъявления народных сказок имеет место, с одной стороны, при высоком количестве показателей гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений (FFb+), а с другой, при наличии у детей неконтролируемой тревоги (Hd). Эта тревога, на наш взгляд, может быть обусловлена «технологичным» и информационно более сложным способом подачи сказочного материала, относящимся к более поздней стадии («просвещения») этнофункционального развития личности. Народные сказки по сравнению с авторскими обуславливали появление ключевого фактора оптимального развития личности – возникновения межфункциональных связей (FFb+).

Этнофункциональное смещение всего вышперечисленного содержания и форм его подачи в 3–5 лет («смешанные сказки»), по нашему мнению, может обуславливать появление показателей эмоциональной дезадаптированности, несколько сглаженных влиянием русских народных сказок. Тем не менее этнофункциональная «мозаика» в данной группе связана с некоторым напряжением (или часто перегрузкой) адаптационных механизмов, что выражается самым высоким количеством показателей неконтролируемой тревоги. Именно тревога, согласно Г. Селье, является первым сигналом активизации адаптивных механизмов, а согласно Б. Ф. Березину, «чрезмерное напряжение адаптационных механизмов приводит к нарушению нормального функционирования организма, к нарушению физического (или психического) здоровья» (1988, с. 5).

Отсутствие когнитивно-эмоционального следа от сказочно-мифологического содержания в 4–5 лет, по-видимому, может

обуславливать неразвитость эмоциональной сферы, эмоциональное торможением когнитивных процессов, ригидность мышления. Связь «выпадения» сказок с неразвитостью эмоциональной сферы была выявлена в исследовании В. В. Тимохина (2005).

Для определения роли показателей развития личности, полученных в процессе констатирующего эксперимента, был проведен *формирующий* эксперимент, в процессе которого исследовалось влияние восстановления системы отношений к сказочным образам на адаптированность детей в оптимальный период (возраст 4–5 лет).

На формирующем этапе использовались: метод этнофункциональной психологической коррекции, метод телесноориентированной психологической коррекции, метод «сказкотерапии», идиографический анализ психотерапевтического процесса. Психическое развитие считается доступным психологической коррекции на любом этапе и независимо от характера его протекания (Железняк, Карвасарская, Марцинкевич, 1993 и др.). Если психолого-педагогическое воздействие на личность осуществляется вовремя (т. е. внутри границ оптимальных периодов), то данный процесс является воспитанием, если позже – то психокоррекцией (Сухарев, 2004).

На формирующем этапе исследования детей *в возрасте 4–5 лет* выявлялась динамика показателей психической адаптированности/ дезадаптированности в процессе занятий: воспитателям в двух детских группах предлагалось в течение трех недель по 30 минут читать детям сказки, отобранные исследователем. Первой группе («народные сказки») читались аутентичные русские народные сказки о животных и волшебные сказки из сборника А. Н. Афанасьева. Второй группе («авторские сказки») читались авторские сказки зарубежных писателей – Ш. Перро, Г. Х. Андерсена.

Для снижения вероятности появления артефактов воспитатели не были информированы о конкретной цели исследования, им была сообщена лишь его общая цель: исследовать влияние сказок на адаптацию детей.

В контрольной группе дети занимались по принятой в данном детском саду программе (содержание сказочного материала было этнофункционально смешанным).

Результаты формирующего экспериментально-психологического исследования в детской группе (возраст 4–5 лет)

Сравнение результатов диагностики, проведенной до и после цикла занятий в описанных группах, показало, что в группе, где читались авторские сказки, уменьшилось количество показателей целостного

взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений. В группе, где детям читали народные сказки, этот показатель вырос. В обеих группах снизились показатели эмоционального торможения когнитивных процессов. В контрольной группе значимых изменений не произошло (таблица 34).

Таблица 34

Сравнение отрицательной «-» и положительной «+» динамики показателей теста Роршаха (в %) в различных группах детей в возрасте 4–5 лет в процессе формирующего эксперимента

Группы испытуемых		Показатели теста Роршаха	
		Отказы и шоки	FFb+
Читали народные сказки (n = 12)	Динамика	-63,3	+130
	Уровень значимости	p < 0,001	p < 0,05
Читали авторские сказки (n = 12)	Динамика	-37,7	-44,4
	Уровень значимости	p < 0,001	p < 0,05

В процессе формирующего исследования с учащимися старших классов средней общеобразовательной школы (возраст 14–16 лет) выявлялась динамика различных показателей психической адаптированности-дезадаптированности в процессе психокоррекционных занятий. Работа осуществлялась с двумя группами в течение трех недель через день (всего 10 занятий). Психологическая коррекция проводилась с помощью метода сказкотерапии на различном содержании.

В первой группе («народные сказки») психокоррекция проводилась на материале русских народных волшебных сказок (из сборника А. Н. Афанасьева), опосредствующих отношение к родной природе.

Во второй группе («психотерапевтические сказки») психокоррекция проводилась на материале авторских сказок, написанных специально для психотерапии с подростками (Гнездилов, 2004). Содержание этих сказок неоднородно и рассогласовано в этносредовом отношении (это истории об эльфах, гномах, саламандрах, феях, об экзотических и несуществующих растениях; действие происходит в окружении экзотических ландшафтов – скалы, водопады и т. д.).

В контрольной группе специальных психокоррекционных воздействий не проводилось.

Результаты исследования роли этнической функции содержания психокоррекционных воздействий в работе с подростками

В группе «народных сказок» выросло количество показателей гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений, а в группе «психотерапевтических сказок» количество этих показателей уменьшилось. Количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов уменьшилось в обеих группах. В контрольной группе значимых изменений не произошло (см. таблицу 35).

Таблица 35

Сравнение отрицательной «-» и положительной «+» динамики показателей теста Роршаха (в %) в различных группах учащихся старших классов в возрасте 14–16 лет в процессе формирующего эксперимента

Группы испытуемых		Показатели теста Роршаха	
		Отказы и шоки	FFb+
Читали народные сказки (n = 18)	Динамика	-25	+91,3
	Уровень Значимости	p < 0,01	p < 0,05
Читали авторские сказки (n = 14)	Динамика	-19,5	-70
	Уровень значимости	p < 0,05	p < 0,05

Обсуждение результатов формирующего эксперимента на возрастных группах 4–5 лет и 14–16 лет

Когнитивно-эмоциональный след от содержания народных сказок, этнофункционально согласованных с архегенией этносреды рождения и проживания детей в возрасте 3–5 лет и подростков в возрасте 14–15 лет, связан с высоким количеством показателей гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений, что свидетельствует о готовности и умении таких детей вступать в эффективное взаимодействие с окружающим миром и является показателем оптимизации развития личности.

Целенаправленное психолого-педагогическое воздействие на относительно однородном, этноинтегрирующем содержании (группы «народных сказок») снижает у детей и подростков актуальную степень эмоционального торможения когнитивных процессов.

С позиций концепции этнофункционального развития личности предъявление подросткам авторских «психотерапевтических сказок» является когнитивно слишком сложным для сказочно-мифологической стадии (оптимальный период 2–5 лет), но адекватным для стадий, следующих за «религиозно-этической» (после 9 лет). Однако на практике у большинства современных подростков имеют место нарушения развития, прежде всего на сказочно-мифологической стадии. На данной выборке детей и подростков у 70 % обследованных имели место нарушения этнофункционального развития личности в оптимальный период на сказочно-мифологической стадии. Поэтому снижение количества показателей психической адаптированности у подростков можно объяснить тем, что вследствие этих нарушений искажается и психическое развитие в более позднем возрасте, что снижает влияние, казалось бы, своевременных воспитательных воздействий (авторские сказки); при этом психокоррекционное «возвращение» к содержанию сказочно-мифологической стадии (народные сказки) оптимизирует процесс развития личности.

«Психотерапевтические сказки», согласно Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой, направлены в первую очередь на внутренний мир человека, это «истории, помогающие увидеть происходящее с другой стороны, со стороны жизни Духа» (2005, с. 134). Народные же сказки направлены на связь человека с окружающим его миром, формируя доверие к нему, передавая «концентрат жизненной мудрости» (2005, с. 25).

Авторские сказки как содержание воспитательного и психокоррекционного материала способствуют развитию репродуктивного интеллекта, но в целом сдерживают развитие личности у детей и подростков за счет разрушения межфункциональных связей аффективной и когнитивной сферы личности. Высокотехнологичная подача сказочного материала (видеоформа) связана с повышением у детей в возрасте 3–5 лет неконтролируемой тревоги. Информационная сложность авторской сказки и «технологической» подачи материала могут обуславливать психическую перегрузку недостаточно зрелой личности дошкольника, не готового, например, к усвоению некоторых «взрослых» нравственных норм.

Учет этнической функции содержания воспитательных и психокоррекционных воздействий (на сказочном материале) играет важную роль в формировании оптимальной психической адаптированности детей и подростков. Этнофункционально рассогласованное с этносредой ареала рождения и проживания детей и подростков образное сказочное содержание данных воздействий снижает степень их психической адаптированности, а этнофункционально

согласованное – повышает и, соответственно, оптимизирует развитие личности.

В целом по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

- 1 Использование в процессе психолого-педагогических воздействий сказок, этноинтегрирующих детей 4–5 лет с этносредой их рождения и проживания, обуславливает повышение степени гармоничности взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон их отношений и способствуют развитию личности.
- 2 Этнодифференцирующие ребенка с этносредой рождения и проживания авторские сказки, используемые в процессе психолого-педагогических воздействий, обуславливают снижение степени гармоничности взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений у детей 4–5 лет.
- 3 Наличие когнитивно-эмоционального следа от телевизионного предъявления сказок с этноинтегрирующим содержанием у детей 4–5 лет связано с высокой степенью гармоничности взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений и высокой тревожностью.
- 4 Наличие когнитивно-эмоционального следа от телевизионного предъявления сказок с этнодифференцирующим содержанием у детей 4–5 лет связано с низкой степенью гармоничности взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений, высокой тревожностью, неуправляемой эмоциональностью, нечеткостью ассоциативного процесса, неустойчивостью внимания, эмоциональным торможением когнитивных процессов, их ригидностью.
- 5 Наличие когнитивно-эмоционального следа от этнофункционально смешанного сказочного содержания у детей в возрасте 4–5 лет связано с низкой степенью гармоничности взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон их отношений, высокой тревожностью, неуправляемой эмоциональностью, эмоциональным торможением когнитивных процессов. Отсутствие у детей когнитивно-эмоционального следа от сказочно-мифологического содержания («выпадение» стадии) в возрасте 4–5 лет связано с эмоциональным торможением когнитивных процессов, неразвитостью эмоциональной сферы.
- 6 Использование в процессе психолого-педагогических воздействий сказок с этноинтегрирующим содержанием обуславливает повышение степени гармоничности взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений у подростков в возрасте 15–16 лет и способствует развитию личности.

4.5 Этнофункциональная психопрофилактика наркоманий и алкоголизма среди молодежи

В современной России проблема роста употребления психоактивных веществ (ПАВ) (как наркотических средств – опиатов, первитина, марихуаны, так и других психоактивных веществ – алкоголя, табака) становится все более актуальной, особенно среди молодежи. В частности, на 2006 год свыше 60 % больных наркоманией является молодежь в возрасте от 15 до 25 лет (Попова, 2006). Исследования показывают, что существующие методы и программы психопрофилактики зависимостей от ПАВ, опирающиеся на роль медико-биологических, социально-экономических, семейных и личностных факторов, пропаганду «здорового образа жизни», является недостаточно эффективным (Коробкина, Попов, 2002; Спрангер, 1993, 1994 и др.).

Для данного исследования существенным является, во-первых, то, что употребление ПАВ может быть обусловлено нарастающей психологической дезадаптированностью молодежи, депрессивными состояниями, тревогой, определенными эмоциональными расстройствами. Во-вторых, важно, что нарушения в эмоциональной сфере могут неадекватно купироваться с помощью ПАВ (Бехтель, 1986; Волошин, 1980; Данилин, Данилина, 2000; Пятницкая, 1994 и др.). Возможность неадекватного купирования с помощью ПАВ состояний психической дезадаптированности, а также то обстоятельство, что распространение ПАВ в молодежной среде характеризуется «сверхпредложением», могут объяснять злоупотребление ПАВ в студенческой среде.

Вместе с тем по результатам исследований Р. Мэя (May, 2001), Г. Коэлхо (Coelho, 1979), Э. Фернхэма и С. Бочнера (Furnham, Bochner, 1986) и др., эмоциональные расстройства в современных условиях во многом могут быть связаны с влиянием культурных изменений, обусловленных ростом межкультурных коммуникаций, миграций, развитием СМИ и пр., нарастанием скорости информационных культурных потоков (Тоффлер, 1973). «Мультикультурность» и «этнокультурная мозаичность» современного общества еще в большей мере осложняет учет этого влияния. При этом роль культурных факторов в росте употребления молодежью ПАВ остается вне поля зрения большинства исследователей (Брюн, 1993, 1997; Надеждин, 1997).

Отношение к ПАВ связано с представлением о конкретном психоактивном веществе, имеющем этнодифференцирующую функцию по отношению к русской этносреде (этническую функцию имеет дозировка, крепость и частота употребления алкоголя). В соответствии с принципом этнофункциональной системности этноинтегрирующие

изменения содержания отношений к различным элементам могут обуславливать определенные этноинтегрирующие изменения всей системы отношений личности, в том числе и ее отношение к ПАВ. В частности, снижение позитивного или увеличение негативного отношения молодежи к ПАВ рассматривается как первичная профилактика их употребления (Рожков, Ковальчук, 2004).

Очевидно, что полноценное усвоение молодежью этических и (или) религиозно-этических норм является важным профилактическим фактором отказа от употребления ПАВ. С другой стороны, именно декларативное, формальное усвоение нравственных норм создает условия для первичного употребления ПАВ. Согласно принципу этнофункционального развития, для усвоения этических норм необходимо полноценное развитие личности на предыдущих стадиях. В этнофункциональной теории развития личности религиозно-этической стадии предшествуют природная и сказочно-мифологическая, а восстановление отношений личности к образному содержанию этих двух стадий, как показывают исследования, оказывает гармонизирующее влияние на взаимодействие когнитивной и эмоциональной сторон отношений и снижение степени психической дезадаптированности личности в целом (Выдрина, 2007; Шапорева, 2007 и др.).

Предполагалось, что различные особенности нарушений этнофункционального развития личности на природной и сказочно-мифологической стадиях связаны с различными типами ПАВ, употребляемых студентами. Кроме того, мы полагали, что психолого-педагогические воздействия, осуществляемые на этноинтегрированном материале природных и сказочных образов, обуславливают снижение у студентов эмоционально положительного и возрастание отрицательного отношения к ПАВ.

В процессе экспериментально-психологическом исследовании приняли участие 263 студентки 1–4-го курсов Медицинского колледжа МИИТа в возрасте от 15 до 19 лет, которые родились и проживали в средней полосе России и обучались в школах на русском языке. Все участницы эксперимента были разделены нами на 2 группы по типу употребляемых ПАВ. В первую группу («условная норма») вошли студентки, не употребляющие ПАВ или употребляющие редко (2–3 раза в год) алкоголь – 105 человек. Во вторую группу вошли студентки, регулярно употребляющие алкоголь (1–2 раза в неделю) в сочетании с табаком (ежедневно) и марихуаной (1 раз в месяц) – 155 чел.

На этапе *констатирующего эксперимента* этнофункциональные особенности развития личности определялись при помощи модификации метода структурированного этнофункционального интервью.

В исследовании устанавливалась связь нарушений этнофункционального развития личности с типом употребляемого ПАВ.

Результаты констатирующего эксперимента

Среди обследованных алкоголь употребляли 92 % студентов, курили табак 52 %, употребляли марихуану 31 %.

В результате наших исследований у всех испытуемых были выявлены те или иные нарушения этнофункционального развития личности и этнофункциональные рассогласования отношений к тем или иным группам этнических признаков. У всех студентов было выявлено этнофункциональное рассогласование содержания сказочно-мифологической стадии развития личности – наряду с русскими сказками сохранили ранние детские воспоминания об инокультурных народных и авторских сказках. Достоверных различий в количестве нарушений этнофункционального развития личности между студентками, не употребляющими никаких ПАВ и редко употребляющими алкоголь, обнаружено не было.

Результаты исследования связи нарушений этнофункционального развития личности с употреблением ПАВ представлены в таб. 36.

Таблица 36

Сравнение групп испытуемых, употребляющих различные ПАВ и «условной нормы» по частоте (в %) особенностей этнофункционального развития личности

Группы испытуемых	Особенности этнофункционального развития личности									
	Выпадение воспоминаний о родн. природе	Родная природа до 5 лет	Родная природа после 5 лет	Сказ.-миф. стадия до 5 лет	Сказ.-миф. стадия после 5 лет	Выпадение сказ.-миф. стадии	Рел.-этич. стадия до 5 лет	Рел.-этич. стадия 6–8 лет	Рел.-этич. стадия после 9 лет	Выпадение рел.-этич. стадии
Условная норма (n = 108)	5	52	41	54	33	12	32	31	32	3
Употребляющие алкоголь, табак и марихуану регулярно (n = 155)	12	35	51	35	52	11	29	38	23	5
Уровень значимости	p < 0,05	p < 0,05	Не значимо	p < 0,01	p < 0,01	Не значимо	Не значимо	Не значимо	Не значимо	Не значимо

Из таблицы 36 видно, что начало природной и сказочно-мифологической стадий до 5 лет достоверно чаще встречается в «условной норме», а начало данных стадий после 5 лет и выпадение природной стадии достоверно чаще встречаются среди респондентов, регулярно употребляющих алкоголь в сочетании с табаком и/или марихуаной. При рассмотрении особенностей этнофункционального развития личности на религиозно-этической стадии достоверных различий в «условной норме» и у регулярно употребляющих ПАВ обнаружено не было.

Исследование показало также достоверное преобладание количества студенток, имеющих этнофункциональные рассогласования отношений к природе, к типу питания и в отношении к культурно-психологическим признакам в группе регулярно употребляющих алкоголь в сочетании с другими ПАВ по сравнению с условной нормой ($p < 0,001$).

Обсуждение результатов констатирующего эксперимента

Логично было бы предположить, что религиозно-этическое, в частности, православное воспитание должно удерживать молодежь от употребления ПАВ. Однако наше исследование показало, что регулярное употребление ПАВ не связано с нарушениями у студенток этнофункционального развития личности на религиозно-этической стадии. В то же время у употребляющих ПАВ чаще имеют место этнофункциональные рассогласования по всем группам этнических признаков (в том числе – по религиозно-этическим). При этом у студенток, регулярно употребляющих ПАВ, чаще имеют место нарушения этнофункционального развития на природной и сказочно-мифологической стадиях (их «задержка») по сравнению с «условной нормой». С этим, на наш взгляд, может быть связано формальное, недостаточно проработанное в относительно более раннем возрасте усвоение этических и (или) религиозно-этических норм.

Отсутствие достоверных различий по количеству нарушений этнофункционального развития личности между группами студенток, не употребляющих ПАВ или редко употребляющих алкоголь, может быть связано с тем, что умеренное («культурное») употребление алкоголя укоренено в русской этносреде (имеет этноинтегрирующую функцию). Алкоголь неотъемлемо связан с европейскими (в том числе русской) традиционными культурами (варка меда и пива в процессе сельскохозяйственного цикла, в христианстве – вино в таинство евхаристии и пр.). Этнодифференцирующим в соответствии с православной этикой для русской этносреды является слишком

частое и слишком обильное употребление алкогольных напитков, особенно крепких.

Нарушения этнофункционального развития личности обуславливают ее дезадаптированность, а вследствие этого – «сверхпредложения» ПАВ в молодежной среде, студенты быстро привыкают к неадекватным способам «купирования» неприятных эмоциональных переживаний. Определенные типы дезадаптивных эмоциональных состояний, в которых может проявляться дезадаптированность личности, способствуют употреблению определенного ПАВ: тревожный аффект связан с потребностью в употреблении табака, тревожно-тоскливый – алкоголя, апатический аффект – марихуаны (см.: Сухарев, Степанов, 2006; Сухарев и др., 2006 и др.).

В соответствии с принципом этнофункционального развития, важную роль в профилактике употребления ПАВ может играть психолого-педагогическое воздействие на личность с целью восстановления системы ее отношений к природной и сказочно-мифологической стадиям этнофункционального развития, на которых начинает формироваться контроль эмоций и чувств (Тимохин, 2005 и др.) и создается основа для более полноценного усвоения религиозно-этических норм. А. В. Запорожец (1986), Д. Б. Эльконин (1989) и другие исследователи подчеркивали необходимость именно последовательного и обязательного прохождения «ступеней» развития личности. В нашем подходе это означает, что развитие личности на природной и сказочно-мифологической стадиях с необходимостью предшествует усвоению религиозных и (или) этических норм на религиозно-этической стадии (а этические нормы, очевидно, могут препятствовать возникновению влечения к наркотикам и алкоголю).

В связи со сказанным можно предположить, что формирование этноинтегрированного содержания отношения к природному и сказочно-мифологическому содержанию этносреды может способствовать снижению эмоционально положительного отношения к ПАВ.

В соответствии с изложенными выше результатами теоретических и экспериментально-психологических исследований был осуществлен следующий *формирующий эксперимент*.

В процессе психолого-педагогических воздействий восстанавливалась целостность моторной, эмоциональной и идеаторной сторон отношений студенток к родной природе, опосредствованных фольклорными сказочно-мифологическими представлениями, специфическими для русской этносреды.

В формирующем эксперименте участвовали две учебные группы 2-го курса: экспериментальная группа – 24 человека и контрольная группа – 25 человек.

Результаты формирующего эксперимента

Исследование показало, что отношение студенток контрольной группы ко всем типам ПАВ осталось без достоверных изменений. Уровень тревоги студенток в контрольной группе также остался без достоверных изменений. Изменений в количестве нарушений этнофункционального развития личности на природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиях в контрольной группе обнаружено не было.

Таблица 37

Сравнение частоты (в %) особенностей этнофункционального развития личности у испытуемых до и после формирующего эксперимента в экспериментальной группе

	Особенности этнофункционального развития личности					
	Природная стадия с 3–4 лет	Сказочно-мифологическая стадия до 5 лет	Религиозно-этическая стадия с 6-ти до 8 лет	Стадия просвещения после 7 лет	Отсутствие рассогласований в отношении к типу питания	Отсутствие рассогласований в отношении к природе
Частота до эксперимента	16	50	33	50	62	41
Частота после эксперимента	54	87	45	45	75	91
Уровень значимости	$p < 0,01$	$p < 0,01$	Не значимо	Не значимо	Не значимо	$p < 0,001$

Из таблицы 37 видно, что количество респондентов, имеющих до эксперимента этнофункциональные рассогласования отношений к родной природе и климату, стало достоверно меньше. При сравнении количества рассогласований в отношении к типу питания достоверных различий обнаружено не было. Количество респондентов, имеющих когнитивно-эмоциональный след от начала природной

Таблица 38

Сравнение динамики эмоционального отношения к различным ПАВ (в %) в процессе формирующего эксперимента у испытуемых экспериментальной группы

Типы ПАВ		Эмоциональное отношение к ПАВ								Уровень значимости			
		До эксперимента				После эксперимента							
		+	-	+ -	?	+	-	+ -	?	+	-	+ -	?
Алкоголь	К пиву	79	12	9	-	50	25	8	17	$p < 0,05$	-	-	$p < 0,05$
	К крепким напиткам	88	8	-	4	42	42	-	17	$p < 0,001$	$p < 0,01$	-	-
	К вину	79	17	4	-	46	37	4	13	$p < 0,05$	-	-	-
Наркотики	К марихуане	37	63	-	-	13	67	-	17	$p < 0,05$	-	-	$p < 0,05$
	К опиатам	-	100	-	-	-	100	-	-	-	-	-	-
Табак	К курению вообще	8	92	-	-	4	83	-	4	-	-	-	-
	К курящим людям	33	63	-	4	21	63	-	17	-	-	-	-

Примечание. Различия определяются в одноименных столбцах: «+» – положительное отношение, «-» – отрицательное отношение, «+ -» – амбивалентное отношение, «?» – безразличное, равнодушное отношение.

стадии с 3–4-х лет, а сказочно-мифологической стадии – в возрасте до 5 лет, достоверно увеличилось.

Также было установлено, что психолого-педагогические воздействия, осуществляемые на этноинтегрированном материале, оптимизируют уровень тревоги участников эксперимента. Достоверно увеличилось число респондентов с низким уровнем тревоги, а студентки, обладающие высоким уровнем тревоги, перешли в группу со средним уровнем ($p < 0,05$). При сравнении числа респондентов со средним уровнем тревоги до и после цикла занятий, достоверных различий обнаружено не было.

Показатели отношения студенток к алкоголю в процессе эксперимента достоверно изменились. Уменьшилось количество респондентов, положительно относящихся к пиву, возросло число студенток, равнодушных к пиву. Уменьшилось количество студенток с позитивным и увеличилось количество с негативным отношением к крепким спиртным напиткам. Количество студенток, позитивно относящихся к вину, также уменьшилось. Следует отметить, что и до, и после цикла занятий отношение студенток к «тяжелым» наркотикам (опиаты) осталось без изменений отрицательным (100 %). Достоверно уменьшилось количество студенток, позитивно относящихся к марихуане, и увеличилось количество равнодушных к данному наркотику.

Выявлена также тенденция к снижению позитивного отношения студенток к табаку и к самому процессу курения.

Ниже приведен пример изменения отношений к ПАВ у одной из участниц формирующего эксперимента.

Пример

Студентка, родилась в г. Москве, 17 лет, алкоголь (вино) употребляет по праздникам, примерно 3 раза в месяц, курить попробовала в 16 лет, не понравилось. К алкоголю относилась эмоционально позитивно, не могла представить праздник или дискотеку без употребления данного ПАВ (9 «+» и 1 «-» балл). К табаку отношение было равнодушное (6 «?» и 1 «-» балл), а к наркотикам – негативное (6 «-» и 2 «?» балла). По результатам структурированного этнофункционального интервью у студентки было выявлено наличие существенных рассогласований в мировоззренческой сфере (считает себя православной, но в церковь не ходит, молитв не знает). Были также выявлены этнофункциональные рассогласования в отношении к группе ландшафтно-климатических признаков – родилась и хочет жить в средней полосе России, но зиму не любит. В отношении к типу питания этнофункциональных

рассогласований обнаружено не было. Выявлено нарушение этнофункционального развития личности на «природной» стадии: наиболее ранние воспоминания об образах родной природы отсутствуют («норма» – до 5 лет); к возрасту 8 лет девушка относит воспоминания, связанные с поездкой на Черное море. Также было диагностировано «выпадение» сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности (отсутствие воспоминаний о сказках, относящихся к возрасту до 6 лет). Уровень тревоги по Люшеру у студентки был средним (5 баллов).

В процессе этнофункциональных психолого-педагогических воздействий первые воспоминания испытуемой о родной природе были уже связаны с русской деревней, где она жила у бабушки и дедушки в возрасте 4 лет. Восстановилось и содержание ее отношения к сказочно-мифологической стадии – испытуемая вспомнила, что в возрасте 4 лет бабушка рассказывала ей русские народные сказки («Репку», «Колобок», «Гуси-лебеди» и др.). Также у студентки исчезли этнофункциональные рассогласования в отношении к предпочитаемому для жизни климату – отношение к зиме стало позитивным («а все-таки зима мне нравится»). Отношение к религии и церкви, а также уровень тревоги остались без изменений. При этом отношение студентки к алкоголю и табаку стало эмоционально более негативным (2 «+», 8 «←» баллов и 5 «→», 2 «?» балла соответственно).

Обсуждение результатов формирующего эксперимента

Увеличение количества студенток, имеющих ранние воспоминания о родной природе (с 3–4 лет) и о сказочно-мифологических образах (до 5 лет) (см. таблицу 47) на первый взгляд является парадоксальным. Однако воздействие на сказочно-мифологическое содержание отношений личности, по-видимому, изменило представление студенток о собственных детских воспоминаниях, расширило их «когнитивную ретроспективу» за счет снижения эмоционального торможения когнитивных процессов в результате психолого-педагогических воздействий, осуществляемых на этноинтегрированном материале (Выдрина, 2007; Сухарев, 1997; Шапорева, 2007 и др.).

Восстановление отношений личности к сказочно-мифологической стороне культуры и к природе русской этносреды обуславливает у студенток снижение позитивного отношения к алкоголю и марихуане. Можно предположить, что это происходит благодаря тому,

что восстановление этих отношений способствует снижению у них степени психической дезадаптированности (Сухарев и сотр. 2007). Это может снижать, в свою очередь, потребность в употреблении ПАВ, неадекватно компенсирующих данную дезадаптированность.

Незначительность (на уровне тенденции) снижения позитивного отношения студенток к табаку, возможно, связано с толерантностью общества к данному ПАВ и широкой пропагандой в СМИ образа «курящей деловой женщины».

Положение об этнофункциональной системности отношений личности к этносреде также может служить объяснительным принципом для того факта, что восстановление этноинтегрированных отношений личности к сказочно-мифологическим и природным образам русской этносреды обуславливает возникновение у испытуемых этноинтегрирующих изменений всей системы отношений личности, в том числе и негативное отношение к ПАВ. Положение о системности отношений личности к этносреде согласуется также с результатами исследований С. Л. Бухаревой (2005). Она показала, что восстановление позитивных отношений еврейских подростков (родившихся в России) к родной природе и климату достоверно повышает их позитивное отношение к еврейской и русской культурам и традициям, а также к национальным особенностям собственной внешности и внешности других народов.

Снижение позитивного и рост негативного отношения студенток к этноинтегрированному в русскую этносреду алкоголю может быть обусловлено «фундированием» в процессе психолого-педагогических воздействий имеющегося у них недостаточно нравственно-отрицательного отношения к алкоголю, вследствие восстановления нарушений этнофункционального развития личности на природной и сказочно-мифологической стадиях. На данных стадиях формируется, в частности, способность к эмоциональному контролю и, в соответствии с принципом этнофункционального развития, создается основа для более полноценного усвоения этических и (или) религиозных норм «религиозно-этической» стадии этнофункционального развития личности в русской этносреде.

В целом была подтверждена правомерность применения этнофункционального подхода к первичной психопрофилактике употребления ПАВ в студенческой среде. Показано также, что нарушения этнофункционального развития личности является одним из условий возникновения у студенток позитивного отношения к ПАВ. В свою очередь, восстановление в процессе психолого-педагогических

воздействий системы отношений личности к родной природе и сказочно-мифологическим образам русской этносреды обуславливает снижение у студенток позитивного и возрастание негативного отношения к ПАВ. На основе проведенного исследования можно сделать следующие *выводы*.

- 1 Своевременное начало природной и сказочно-мифологической (до 5 лет) стадий этнофункционального развития личности связано со снижением у студенток потребности в употреблении алкоголя, табака и марихуаны.
- 2 Этнофункциональные расогласования отношений личности к климато-географическим, антропо-биологическим и конфессиональным элементам этносреды связаны с регулярным употреблением алкоголя в сочетании с табаком и/или марихуаной.
- 3 Задержка начала природной и сказочно-мифологической стадий этнофункционального развития личности позже 5 лет связана с регулярным употреблением алкоголя в сочетании с марихуаной или алкоголя в сочетании с табаком и марихуаной.
- 4 Психолого-педагогические воздействия, осуществляемые на материале этноинтегрирующих природных и сказочных образов, обуславливают у студенток снижение позитивного и повышение негативного отношения к ПАВ.

4.6 Эффективность этнофункциональной психотерапии в детской и подростковой онкологии

Различные заболевания, в частности онкологические, могут являться следствиями и проявлениями психической дезадаптированности (Алман, Ламбру, 1995; Березин, 1988; Бройтигам, Кристиан, Рад, 1999; Бусыгина, 2000; Дильман, 1983; Исаев, 1984, 2000; Саймонтон, Саймонтон, 2001; Урядницкая, 1997; Ушаков, 1973; Hinton, 1979; Uexsküll, 1981). В современной медицинской и психологической науке отмечается нарастающий интерес к психосоматическим концепциям онкологических и других заболеваний (Uexsküll, 1981; Дильман, 1983 и др.). В исследованиях отмечается, что это связано не столько собственно с клиническими нуждами, сколько с общим культурным контекстом человеческого бытия. Наиболее оправданным с теоретико-методологической и практической точек зрения является целостный подход к терапии онкологических заболеваний: человек рассматривается как единый психобиологический и общественно-культурный организм (Бусыгина, 2000, с. 485).

В работах, посвященных изучению личностной структуры онкологических больных, отмечаются, в частности, такие качества, как инфантильность, эмоциональная незрелость. Наиболее характерной особенностью этих больных является депрессивная организация личности и незначительная выраженность истероидного радикала (Hinton, 1979). Роль психологических механизмов регулирования в процессе течения онкологических заболеваний подтверждается имеющимися в науке положительными результатами применения психотерапии (Саймонтон, Саймонтон, 2001 и др.). Наиболее сложным в данном вопросе является проблема мотивации больных на проведение психотерапии, состояние их эмоционально-волевой сферы – больные не хотят (или не могут) прилагать существенных нравственных и психических усилий, направленных на преодоление грозящей им смертельной опасности, в большинстве случаев они внутренне смиряются со своей судьбой.

Наши клинические исследования в области детской онкологии также выявили повышенную аутичность пациентов, выраженность у них шизоидного радикала и депрессивной симптоматики, что вполне соответствует приведенным выше результатам. При этом, на наш взгляд, именно депрессивные расстройства и психический инфантилизм (как расстройства, прежде всего, эмоционально-волевой сферы) могут быть обусловлены нарушением этнофункционального развития личности.

Этнофункциональный подход к изучению личности уже на теоретическом уровне предполагает учет системы ее отношений к этносреде (в том числе осознанной и неосознанной мотивации) – и не только к его социокультурной и природной среде, но и к внутренней, психобиологической.

Онкологические заболевания, как депрессии и наркотизм, могут быть обусловлены определенным типом нарушения этнофункционального развития личности, в частности, в виде нарушения последовательности его стадий. Наиболее перспективными в этом отношении представляются исследования детского возраста, когда собственно нарушения развития личности можно выявить в наиболее «чистом» виде.

Результаты, изложенные ниже, получены на основе применения этнофункционального подхода к изучению личности у онкобольных, в том числе метода этнофункциональной психотерапии (на материале этнофункционально согласованном с этносредой ареала рождения и проживания пациентов).

Для выявления «этнофункциональной специфики» онкологических заболеваний было проведено дополнительное сравнительное исследование больных – онкологических, наркологических, тяжелых инфекционных (воспаления легких, связанное со снижением иммунитета), хронических желудочно-кишечных (гастриты, дуодениты), а также страдающих аллергиями и героиновой наркоманией.

Было проведено исследование 190 детей и подростков, страдающих онкологическими заболеваниями (в стадии ремиссии). Оно проводилось на базе отделения реабилитации НИИ детского отделения Российского онкологического научного центра им. Н. М. Блохина, а также 30 детей было обследовано (в процессе фармакологического лечения, химио- и лучевой терапии) в детском отделении Московского областного онкологического диспансера (г. Балашиха) (возраст 8–16 лет). Среди детей, страдающих онкологическими заболеваниями, были также отобраны и обследованы 20 их здоровых сиблингов. Кроме того, было обследовано 144 школьника из средних общеобразовательных школ г. Москвы № 408 и г. Химки № 1, а также 30 подростков, страдающих героиновой наркоманией, обследованных в наркологической клинике № 17 и в клинике ЗАО НИИ «Адаптация» в г. Москве (возраст 15–16 лет). Всего было обследовано 392 ребенка.

Школьники, не страдающие онкологическими заболеваниями, были разделены на три группы в соответствии с данными о взаимосвязи психической дезадаптированности человека со снижением его иммунитета (Бусыгина, 2000; Uexküll, 1981 и др.): практически здоровые (77 чел.); переболевшие пневмонией в тяжелой форме (24 чел.); страдающие хроническими заболеваниями – гастриты, дуодениты, пиелонефриты, аллергии (41 чел.).

В исследовании использовались тесты Роршаха, Люшера, методика исследования творческого интеллекта Торренса, структурированное этнофункциональное интервью, метод клинического наблюдения, идиографический анализ психотерапевтического процесса, анализ историй болезни, метод экспертных оценок. Осуществлялся *констатирующий* эксперимент, а в процессе *формирующего* эксперимента использовался метод этнофункциональной психотерапии, метод срезов и контрольные группы.

Результаты сравнительного экспериментально-психологического исследования

В процессе сравнительного экспериментально-психологического исследования процент детей, у которых имелись этнофункциональные рассогласования в содержании сказочно-мифологической

стадии, распределился следующим образом: онкологические больные – 67,9%; школьники, перенесшие тяжелые инфекционные заболевания в острой форме – 62,5%; страдающие хроническими заболеваниями – 56,1%; практически здоровые школьники – 32,5%. В группе онкологических больных этнофункциональных рассогласований по сравнению с практически здоровыми школьниками было достоверно больше ($p < 0,001$). В объединенной группе детей, перенесших тяжелые острые инфекционные заболевания, и детей, страдающих хроническими заболеваниями, в сравнении с группой практически здоровых детей также было установлено достоверно большее количество этнофункциональных рассогласований ($p < 0,01$).

Количество детей, у которых было выявлено «замещение» сказочно-мифологической стадии религиозно-этической и/или их одновременное начало («выпадение» сказочно-мифологической стадии) при наличии излишне директивного нравственно-этического воздействия со стороны родителей («перегрузка»), распределилось в процентном отношении следующим образом: страдающие онкологическими заболеваниями – 21,4%; страдающие хроническими заболеваниями – 9,8%; перенесшие тяжелые инфекционные заболевания в острой форме – 8,3%; практически здоровые школьники – 5,2%. При этом в группе онкологических больных, по сравнению с практически здоровыми, нарушения этнофункционального развития личности встречались достоверно чаще ($p < 0,01$).

Сравнительное исследование здоровых сиблингов онкологически больных детей показало, что в группе больных достоверно преобладает «выпадение» сказочно-мифологической стадии (в группе здоровых у всех обследованных имели место «смешанные» сказки – авторские и народные) ($p < 0,05$). В группе здоровых преобладали признаки неуправляемой эмоциональности (цветовые ответы Fb), а в группе больных преобладало отсутствие всех типов цветовых ответов (Fb, FbF, FFb+) ($p < 0,05$).

Процент обследованных, у которых были обнаружены этнофункциональные рассогласования содержания ответов на стимульные карты теста Роршаха, распределился следующим образом: в группе больных героиновой наркоманией – 100%, в группе онкобольных – 65%, в группе практически здоровых – также 65%. Достоверные различия были таковы – у наркологических больных эти рассогласования встречались достоверно чаще, чем у онкологических больных и практически здоровых ($p < 0,05$).

Количество ответов по специфическому показателю теста Роршаха FFb+ (признак гармоничности взаимодействия аффективной и когнитивной сторон отношений) распределилось следующим образом. В группе онкобольных – 7%, в группе практически здоровых – 17%; в группе больных наркоманией – 14%. У наркологических больных и практически здоровых школьников этот показатель встречался чаще, чем у страдающих онкологическими заболеваниями ($p < 0,05$).

Приведем примеры, иллюстрирующие связь содержания воспитания ребенка с возникновением онкологических заболеваний.

Пример 1

Пациентка А. – девочка 4 лет. Клинический диагноз: острый лимфобластный лейкоз, достигнута клиничко-гематологическая ремиссия. Больна в течение 7 месяцев. Проходит полихимиотерапию.

Психодиагностика методом структурированного этнофункционального интервью показала, что пациентке, русской по национальности, родившейся и проживающей в Московской области, с 2 лет читали следующие авторские сказки: «Гадкий утенок» и «Дюймовочка» Г.-Х. Андерсена, «Красная шапочка» Ш. Перро, «Три медведя» и «Волк и семеро козлят» в авторском пересказе, «Как ослик счастье искал». Из русских народных сказок мама вспомнила только одну («Лиса, заяц и петух»), лишь при дополнительной вербальной стимуляции.

Девочку крестили в 2 месяца. Семья проживала вместе с бабушкой. Верующая бабушка с раннего детства (по словам матери – с рождения) приучала А. креститься перед сном, перед едой, молиться Богу.

У пациентки были выявлены следующие нарушения этнофункционального развития личности: а) этнофункциональное рассогласование содержания сказочно-мифологической стадии; б) нарушение последовательности стадий («замещение» религиозно-этической стадией сказочно-мифологической, при излишней директивности воспитания на религиозно-этической стадии, т. е. «перегрузка»).

Пример 2

Пациентка Д. – девочка 6,5 лет. Клинический диагноз: острый лимфобластный лейкоз, на момент обследования имеет место клиничко-гематологическая ремиссия. Больна в течение 2 месяцев. Проходит полихимиотерапию.

Структурированное этнофункциональное интервью показало, что девочке, русской по национальности, родившейся

и проживающей в Московской области, по словам родителей, сказок не читали, сама девочка никаких сказок не помнит. Любит книжки, которые читает брат 12 лет (вполне реалистические рассказы).

В церковь водят с самого рождения (сначала носили). Бабушка и мама – верующие (ходят в церковь, постятся и т.д.). Девочка знает молитвы, в церковь, по словам родителей, ходит с удовольствием. На вопрос психолога, нравится ли ей ходить в церковь, неуверенно ответила: «Не знаю...»

В данном случае выявлено нарушение этнофункционального развития личности: «выпадение» сказочно-мифологической стадии и «перегрузка», т.е. излишне директивное внедрение в психику ребенка нравственных норм религиозно-этической стадии (данная стадия «замещает» сказочно-мифологическую).

В связи со сказанным выше, специфика этнофункционального развития личности детей, больных онкологическими заболеваниями, состоит в том, что у них, по сравнению с другими испытуемыми, природная и сказочно-мифологическая стадии «замещены» религиозно-этической. Поэтому основное направление работы в онкопсихотерапии – это восстановление сказочно-мифологических связей ребенка с его этносредой и, прежде всего, с образами природы (см. приложение 3).

Результаты клинко-психотерапевтического исследования

В работе с детьми «экспериментальной группы» использовалась методика этнофункциональной психотерапии (5–10 занятий в течение 2–3 недель). На начальном этапе исследования в детском отделении Московского областного онкологического диспансера состояние больных в экспериментальной и контрольной группах оценивалось врачами как тяжелое. В обеих группах все дети подвергались химиотерапии. Положительный эффект от химиотерапии (ремиссия онкологического заболевания) в контрольной группе (13 чел.) было отмечено у трех детей – 23,1%. В группе больных, где проводилась этнофункциональная психотерапия (13 чел.), положительный эффект наблюдался у 61,5% детей, т.е. у восьми детей. Достоверность различия между выявленными процентными соотношениями – $p < 0,05$. В экспериментальной группе прогноз лечащего врача изменился от «скорее неблагоприятного» (летальный исход) до начала психотерапии до «неопределенного» (50% возможность выздоровления) в конце цикла психотерапевтических занятий при клинически зафиксированной ремиссии. По окончании психотерапевтического

цикла у больных достоверно повышалось количество показателей FFB+ – аффективная и когнитивная сторона отношений у детей стали взаимодействовать более гармонично, т. е. повысилась степень целостности личности ($p < 0,01$). Кроме того, в экспериментальной группе достоверно уменьшилось количество «шоков и отказов» (эмоционального торможения когнитивных процессов) ($p < 0,01$). По экспертным оценкам психологов и врачей, эмоциональное состояние детей в экспериментальной группе существенно улучшилось: они стали более открыто выражать свои чувства, возросла активность общения и познавательных интересов. Детям, по их словам, «захотелось жить» (благоприятный прогностический признак в детской онкологии). Приведем пример клинического случая успешной психотерапии.

Пример 3

Пациент Д., мальчик 12 лет, родился и вырос в г. Можайске. Болен лейкозом в течении трех месяцев. Прогноз лечащих врачей был вполне определенным и однозначным: «Д. – безнадежен, ему осталось жить не больше месяца».

На первом занятии бросалась в глаза бледность ребенка, лицо напоминало маску, и его вид выражал полное безразличие к происходящему. Он не смотрел в глаза, кутался в одеяло. На кровати, на стуле, на подоконнике – везде лежала религиозная литература. Взрослые надеялись утешить мальчика с помощью религии, исходя из своего понимания его состояния.

На вопросы отвечал односложно, нехотя. «Сильно болит нога», – отвечал он на вопрос о самочувствии и настроении (у мальчика была нагноившаяся гематома).

Диагностика методом структурированного этнофункционального интервью выявила следующие особенности этнофункционального психического онтогенеза: сказок не помнит, любимый мультфильм – «Ну, погоди!», который первый раз посмотрел в восемь лет. Слушает музыку – «Рамштайн» и «Иванушки интернэшнл» с восьми-девяти лет (в ходе интервью выяснилось, что «Рамштайн» слушает за компанию, хотя ему и не нравится, потому что «не на русском»).

В Бога верит, в каком возрасте крещен, не помнит («маленький был»), какой веры придерживается, не знает. Впервые задумался о Боге, грехе и дьяволе в девять лет, когда попал в детский приют: «В приюте читают молитвы, приходят священники». В храме впервые побывал в десять лет («повели»).

Единственное его увлечение и интерес – футбол.

Складывалось впечатление, что мальчик помнит себя с 8 лет, с тех пор как попал в детский приют (где воспитывался и в момент проведения психотерапии).

Этнофункциональный диагноз личности был следующим: перегрузка религиозно-этическим воспитанием при полном падении сказочно-мифологической стадии.

Из еды мальчик предпочитал жареную картошку, огурцы, морковь, *арбуз*, т. е. имелось некоторое этнофункциональное расхождение отношения к питанию.

Природа ему «не нравится вообще». Зимы не любит с детства. Хочет жить в Италии (хотя о климате и ландшафте этой страны ничего не знает: «приезжают люди из Италии, забирают к себе в семьи, и я хочу»), в городе, в квартире. Таким образом, в сфере отношения к природе обнаружено существенное этнофункциональное расхождение.

В ходе первой встречи, помимо диагностики этнофункциональной анархегении личности, осуществлялось установление контакта с ребенком. Было обнаружено, что связей (т. е. эмоционального отношения) с живой природой нет, потребность в общении отсутствует (тест Роршаха), соматическое состояние очень тяжелое, религиозно-этическая стадия наступила с запозданием и с перегрузкой («задумался о добре и зле в девять лет, когда в приют попал»). Удалось заговорить с ребенком о животных. «У нас в приюте есть собаки и кошка, – улыбка становится живее, – да, кошку бы здесь завести, но в больнице нельзя». Была проведена беседа о домашних животных и птицах, использовалась методика проблемного обучения. Задавались следующие вопросы: каких домашних животных и птиц знает, что они едят, кто их кормит, где живут, зачем нужны человеку. Предлагалось ответить на вопрос, какими бы они были, если бы были людьми. На вопрос, кого бы выбрал в друзья, Д. ответил: «Кошку. Она домашняя, теплая, мягкая...». Когда предложили изобразить кошку всем телом и голосом – это вызвало затруднение. Несмотря на тяжелое соматическое состояние Д., беседа его не утомила.

Во время второго занятия проводилась этнофункциональная психотерапия на материале сказочно-мифологических представлений о земле как стихии, в частности, пересказывались отрывки из произведения С. В. Максимова «Неведомая сила» о лешем, как одной из персонализаций этой стихии. Данная техника требует от психотерапевта максимальной серьезности при воспроизведении текста и полного отсутствия сослагательного

наклонения или иронии. Д. реагировал на беседу глубокой заинтересованностью. Было видно, что для него происходящее ново и необычно.

На третьем занятии пациенту был предложен для обсуждения сюжет об исцелении Ильи Муромца, пролежавшего, по преданию, тридцать лет и три года на печи. Д. впервые проявил самостоятельную активность – задавал вопросы: «Кто такие „калики перехожие“? Чем болел Илья Муромец? Сколько лет он болел?».

После третьего занятия ребенку рекомендовали чтение русских народных сказок, кроме того, Д. сам просил женщину, ухаживающую за ним, найти и читать ему сказки. Однако его интерес быстро угас. Здесь нужно отметить, что чтение сказок приносит максимальную пользу лишь при условии определенного уровня артистизма и эмоциональной включенности того человека, который читает или рассказывает сказку ребенку, к чему, видимо, не была готова сиделка мальчика. В течение последующих двух встреч эту функцию пришлось взять на себя психологу.

Шестое занятие было посвящено этнофункциональной психотерапии на материале русских народных праздников и сказочно-мифологических представлений о стихиях воды и огня. Читали отрывок из книги Г. Дайн «Детский народный календарь» о празднике Ивана Купалы, в основе обрядности которого лежит культ воды и солнечного огня, и праздновании Петрова дня, древний смысл которого связан с почитанием солнца. Рассказывали о жизни детей в русской деревне, о том, как они участвовали в праздниках, ориентировались в народных приметах, различали животных и птиц, знали их повадки, сызмальства приучались к деревенскому труду. Постепенно вместо улыбающейся маски – открытый рот, широко распахнутые глаза, учащенное дыхание. «Почитайте еще... пожалуйста!»

На наш взгляд, это был переломный момент в психотерапии.

На седьмом занятии было осуществлено погружение пациента в гипноидное состояние под звуки природы (плеск озерной воды, журчание быстрого ручья, пение птиц, шум ветра в кронах деревьев). После погружения мальчик испытал чувства радости и умиротворения, ощущение прилива сил. На этих двух встречах были восстановлены связи пациента с родной природой.

На следующей встрече с психологом мальчик уже ждал его в коридоре в окружении ребят, хотя до этого редко выходил из палаты и ни с кем не общался. Он улыбался и живо беседовал с другими детьми. Во время занятия Д. все время улыбался и рассказывал

о своей жизни, показывал свои рисунки (он начал теперь много и с большим интересом рисовать).

Девятое занятие мы начали с разговора о водяном. Это позволило, помимо прочего, обсудить то, что мальчику в этом году так и не удалось искупаться, а вот в следующем «уж точно». Подросток, так недавно еще апатично умиравший, теперь с упоением делился своими планами на будущее. Врачи отметили резкую перемену в поведении ребенка.

При контрольной этнофункциональной диагностике после психотерапии он высказал пожелание: «Хочу жить в лесу, на берегу озера или реки».

В целом после цикла психотерапевтических занятий Д. стал эмоционально живым, активным, эмпатичным, общительным. диагностика Роршаха показала преодоление разрыва когнитивной и аффективной сторон процесса психической адаптации (появились ответы FFb+, уменьшилась тревожность). Впоследствии у мальчика наблюдалась двухгодичная ремиссия.

Исследование эффективности этнофункциональной психотерапии с подростками на этапе реабилитации

В реабилитационном отделении онкологической клиники НИИ детского отделения Российского онкологического научного центра им. Н. М. Блохина все подростки (11–16 лет) находились в относительно этнофункционально согласованных психолого-педагогических условиях (они посещали учебные мастерские, связанные с русским народным творчеством, действовала воспитательная программа «народного календаря»).

Первая группа (контрольная) проходила общую реабилитацию и не подвергалась другим воздействиям. Вторая группа (экспериментальная) дополнительно проходила этнофункциональную психотерапию. Третья группа, помимо «общей реабилитации», проходила телесно ориентированную психокоррекцию («телесная»). Когнитивный (рациональный) компонент содержания здесь отсутствовал. Четвертая группа участвовала в педагогических и коррекционных мероприятиях, которые проводились активистами организации «Новый Акрополь». Содержанием этих занятий была тема «Рыцарство», где на примере короля Артура и его рыцарей детям предлагались абстрактные «общечеловеческие» ценности, привязанные к западноевропейской культуре, т. е. этносредовая специфика материала была рассогласована с ареалом этносреды рождения и проживания детей.

Результаты исследований и их обсуждение

В экспериментальной группе достоверно снизилось количество показателей неуправляемых эмоциональных реакций (Fb) и увеличилось количество показателей гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений (FFb+). В группах экспериментальной, «телесной» и «Новый Акрополь» уменьшилось количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов (шоки+отказы). Показатель творческого мышления в экспериментальной группе увеличился по всем параметрам теста Торренса. В контрольной группе увеличилась только скорость и гибкость по тесту Торренса, а разработанность стала ниже; по показателям теста Роршаха значимых изменений не произошло.

Клинико-психотерапевтическое исследование показало, что в экспериментальной группе по сравнению с контрольной по результатам теста Роршаха достоверно уменьшилось количество «шоков и отказов» ($p < 0,01$) и количество ответов типа Fb ($p < 0,05$), но увеличилось количество ответов типа FFb+ ($p < 0,01$). Это в целом свидетельствует о снижении у детей степени эмоционального торможения когнитивных процессов и гармонизации взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений как показателя оптимизации процесса психического развития.

В группах «Новый Акрополь» и «телесная» показатель гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений остался без изменений (как и в контрольной группе).

Необходимо отметить ту подчас роковую роль, которую может играть в лечении и самой жизни ребенка, страдающего онкологическим заболеванием, наличие у его родителей этнофункциональных рассогласований. Приведем примеры из онкопсихологической практики.

Пример 1

Пациент А., мальчик, 10 лет. Клинический диагноз: нефробластома справа. Ребенок находится в состоянии ремиссии после комплексного лечения.

Из результатов структурированного этнофункционального интервью: мальчик утверждает, что верит в Бога; молитвы знает, с 2-летнего возраста посещает храм 3 раза в неделю. Никаких сказок, тем более любимых, вспомнить вообще не смог; у ребенка отсутствовали воспоминания о любимых образах природы.

Пациент самостоятельно обнаружил опухолевое образование в животе. Медицинский диагноз был поставлен при обследовании по месту жительства. От необходимого лечения и операции

родители отказались по совету священника, который порекомендовал в качестве единственного лекарства – молитву. Родители в течение нескольких месяцев следовали его рекомендациям, но состояние ребенка быстро ухудшалось. Вняв, наконец, уговорам врачей, они согласились на операцию, которая прошла удачно.

Данный пример демонстрирует нарушение у ребенка этнофункционального развития личности. Вследствие особенностей семейного воспитания (крайняя религиозность матери) у мальчика произошло «выпадение» сказочно-мифологической стадии развития личности и чрезмерное педагогическое акцентирование стадии религиозно-этической (в богословском смысле проявившееся как неправомерное отрицание естественных причин болезни и сосредоточение лишь на духовно-нравственном аспекте лечения – молитве). Нарушение развития ребенка в данном случае было обусловлено этнофункциональным рассогласованием отношения матери к религии (неадекватное христианское понимание причин болезни).

Пример 2

После обнаружения у юноши (возраст 17 лет) опухоли и постановки медицинского диагноза его мать активно включилась в организацию процесса лечения. После проведения определенной терапии результаты оказались не вполне однозначными – удалось лишь приостановить дальнейшее развитие заболевания. Состояние матери становилось все более тревожным, и она впервые в жизни обратилась к помощи церкви, хотя и была крещена в детстве и крестила своего ребенка. В то же время по совету знакомых она обратилась к целительнице, лечившей различные заболевания «народными средствами», доставшимися ей, по ее же утверждению, «от прабабки». Не прекращая молиться за сына и продолжая медицинское лечение, мать обратилась за помощью к «экстрасенсу-психологу-биоэнерготерапевту».

По результатам структурированного этнофункционального интервью, было установлено, что мать ребенка до его заболевания со скептицизмом относилась к вере в Бога и не очень-то доверяла как научно-медицинским, так и «народно-целительским» методам. У нее имели место этнофункциональные рассогласования отношений как к народной, так и православной стороне русской культуры. Вследствие этого в возникшей в ее жизни критической ситуации у нее не оказалось устойчивой системы ценностей, отношений к русской этносреде. В ее душе чувство горя смешало все – православие, современную науку, экзотическую «неонауку» и языческие (т. е. «народные») верования.

В детской онкологической практике не так уж редки случаи, когда подобные увлечения родителей приводят к нарушению процесса лечения и результаты оказываются весьма печальными как для больного, так и для его родителей. Примечательно, что в реальной жизни священник, бабка-целительница и просвещенный «психолог-биоэнерготерапевт» и даже врач зачастую не видят никаких возможных форм взаимодействия способов помощи пациенту (относительно чаще гармонично взаимодействовать могут врач и священник, но далеко не всегда).

Приведенные выше примеры иллюстрируют тот факт, что нарушения этнофункционального развития личности на природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиях могут существенно снижать степень ее психической и психосоматической адаптированности. Существенную роль, как видно из приведенных выше примеров, здесь играет также этнофункционально рассогласованная психолого-педагогическая семейная среда.

Заключение

Результаты экспериментально-психологических исследований и практика работы с больными детьми раскрывают ту роль, которую могут играть для профилактики и психотерапии психобиологической дезадаптированности у детей нарушения этнофункционального развития их личности.

Наличие этих нарушений является одним из условий возникновения не только психической, но и психобиологической (и в определенном смысле – биологической) дезадаптированности человека.

Как показывают результаты экспериментально-психологических исследований, для детских онкологических заболеваний характерно «опережающее» начало религиозно-этической стадии при «выпадении» и (или) этнофункциональном рассогласовании содержания природной и сказочно-мифологической стадий. Нарушения развития на природной и сказочно-мифологической стадиях могут обуславливать недостаточную эмоциональную зрелость ребенка и неподготовленность его чувственно-эмоциональной сферы для полноценного усвоения нравственных норм поведения, что, в свою очередь, может вызывать состояния психической дезадаптированности, возникновение тревожного аффекта, играющего определенную роль в этиологии онкологических заболеваний (Uexküll, 1981).

Исследование здоровых сиблингов онкологически больных детей позволило предположить относительно независимость нарушения развития эмоциональной сферы от наследственно-биологических

условий и подтвердить связь этих нарушений с сочетанием «выпадения» сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности, слишком раннего начала религиозно-этической стадии, с одной стороны, и наличием онкологических заболеваний – с другой.

Относительно низкое количество признаков гармоничного взаимодействия аффективной и когнитивной сторон отношений личности в группе онкобольных по сравнению с группами страдающих наркоманией и практически здоровых свидетельствует о большей степени их психической дезадаптированности и определенном торможении процесса психического развития. Исследование показало, что снижение количества данных признаков связано также с наличием в психике человека этнофункциональных рассогласований к группе климато-географических этнических признаков, что является системообразующим показателем психической дезадаптированности (Сухарев, 1998).

Восстановление системы отношений детей, страдающих онкологическими заболеваниями, к этносреде их рождения и проживания на материале природных и сказочно-мифологических образов способствует увеличению количества признаков оптимизации процесса развития их личности, улучшению качества общения и взаимодействия со средой в целом, а также облегчению тяжести их состояния по основному заболеванию (улучшение ответа на химиотерапию и, соответственно, прогноза течения болезни).

Результаты констатирующего и формирующего экспериментов позволяют утверждать: наличие в психике детей нарушений этнофункционального развития личности на природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиях является одним из условий возникновения у них онкологических заболеваний (в целом – полидетерминированных). Результаты проведенной работы открывают перспективу исследования особенностей этнофункционального развития личности для целей психопрофилактики онкологических заболеваний.

4.7 Этнофункциональная психопрофилактика легкой умственной отсталости у дошкольников

Многие исследователи сходятся во мнении, что существенную роль в возникновении легкой степени умственной отсталости играют не только биологические, но социальные, культурные, а также семейные и психологические факторы (Исаев, 2003 и др.). До настоящего

времени главной особенностью умственно отсталого ребенка считалась интеллектуальная недостаточность (Рубинштейн, 1986; Еременко, 1985; Катаева, Стребелева, 1988; Екжанова, Стребелева, 2004 и др.). По-видимому, этим объясняется тот факт, что большинство существующих коррекционно-развивающих программ для умственно отсталых детей в основном направлены на развитие познавательной деятельности ребенка, в то время как развитию эмоциональной сферы отводится второстепенная роль.

По мнению И. А. Коробейникова, «несправедливым было бы упрекать современных специалистов в области аномалий психического развития в незнании этих положений, ставших постулатами дефектологии, однако реальная практика по-прежнему выдвигает на первый план (а часто на единственный план) задачу коррекции познавательной, интеллектуальной сферы ребенка, в значительно меньшей степени проявляя интерес к собственно личностным аспектам его развития» (Коробейников, 2002, с. 50–51).

В настоящее время достаточно хорошо изучены особенности интеллектуального развития аномального ребенка, однако даже в работах В. К. Кузьминой, М. С. Певзнер, В. И. Лубовского, С. С. Ляпидевского, Б. И. Шостак, Л. В. Занкова проблема эмоций и чувств умственно отсталого ребенка затрагивается лишь косвенно, хотя дошкольный возраст – период, прежде всего эмоционально-чувственного развития (Зеньковский, 1995; Никольская, 2000 и др.). О. С. Никольская отмечает, что в дошкольном возрасте аффективная жизнь «может быть основной индивидуальной ценностью ребенка» (2000, с. 210).

Условия, в которых ребенок воспитывается в раннем возрасте, во многом определяют его последующее развитие. Слишком раннее, форсированное обучение навыкам письма и чтения – до того момента, когда ребенок способен их воспринять – в дальнейшем может привести к нарушению способности обучаться и даже к ограничению интеллектуальных возможностей (Исаев, 2003).

Акцент на интеллектуальном недоразвитии в трактовке умственной отсталости в свое время был подвергнут критике Л. С. Выготским, который говорил о неразрывности интеллекта и аффекта, об «их внутренней связи и единстве». Именно этот принцип, с точки зрения Выготского, должен быть основным при построении коррекционной работы с умственно отсталым ребенком. Для нашего исследования существенно его положение о ведущей роли культуры в развитии межфункциональных связей («аффекта и интеллекта») для формирования высших психических функций (Выготский, 1983, с. 256).

Мы ставили задачу изучения этнофункциональных нарушений развития личности умственно отсталых детей для выявления не только специфики культурно-содержательной (образной) стороны стадий их развития, но, возможно, и получения новых результатов.

Кроме того, целью исследования было выявление роли этносредового содержания психологической коррекции (этнофункциональная коррекция сказочно-мифологической стадии) для психического развития умственно отсталого ребенка в современных культурно-исторических условиях. Предполагалось, что эта коррекция может способствовать улучшению эмоциональной и интеллектуальной адаптированности детей.

Методика исследования. Исследование проводилось в детском саду № 1742 компенсирующего вида для детей с нарушением интеллекта г. Москвы и в детском саду № 1415 г. Москвы. Все дети родились и проживали в средней полосе России.

В ходе *констатирующего* эксперимента было обследовано 95 детей с легкой степенью умственной отсталости (далее – «УО») в возрасте 5–7 лет (61 мальчик и 34 девочки) и 40 здоровых детей того же возраста (21 мальчик и 19 девочек). Диагноз умственно отсталым детям был поставлен медико-психолого-педагогической комиссией (МППК) в детской психиатрической больнице № 6 г. Москвы. Все дети родились и проживали в русской этносреде.

В *формирующем* эксперименте участвовало 90 умственно отсталых детей (45 человек в экспериментальной группе и 45 – в контрольной) и 40 здоровых детей (20 человек в экспериментальной и 20 – в контрольной) в возрасте 5–7 лет.

В исследовании использовались тест Люшера (диагностика уровня тревоги), тест Роршаха (показатели психической дезадаптированности и нарушений развития). Нарушения этнофункционального развития личности определялись при помощи структурированного этнофункционального интервью. В формирующем исследовании применялся метод этнофункциональной психологической коррекции.

Для настоящего исследования существенно, что у умственно отсталых детей менее развитой является словесно-логическая память по сравнению с памятью эйдетической и при отсутствии личностного отношения к окружающему они запоминают лишь то, что считают нужным. Как правило, они плохо понимают новый материал, но гораздо лучше механически запечатлевают и воспроизводят внешние признаки предметов, явлений, событий и их сочетания; мнемические

процессы не являются у таких детей специфическим нарушением по сравнению с мышлением (Исаев, 2003).

Возраст начала и содержание сказочно-мифологической стадии в оптимальном периоде (от 2 до 5 лет) выявлялись экспериментатором в процессе интервью на основе анализа сообщаемых испытуемым фактов о том, в связи с какими событиями он впервые познакомился со сказками и какими (кто рассказывал сказки, где и т. п.). Нарушения этнофункционального развития личности в содержании сказочно-мифологической стадии фиксировали по следующим показателям, характеризующим образное содержание воспоминаний: наличие образного содержания сказок народов мира, т. е. этнодифференцирующих («экзотических») образов; авторских сказок – также этнодифференцирующих как соответствующих более позднему этапу развития русской этносреды; наличие «всех сказок» (т. е. образы всех описанных выше типов сказок); ответы типа «Не знаю, не помню», «Нет любимой сказки» («выпадение» данной стадии). Отсутствие этнофункционального рассогласования содержания сказок фиксировалось в том случае, когда ребенок называл только русские народные сказки.

Возраст начала и содержание религиозно-этической стадии в оптимальном периоде (6–8 лет) выявлялся в процессе интервью на темы «Есть ли Бог? Когда, что и от кого ты о нем узнал и т. п.». Ответы детей в возрасте 5–7 лет «В Бога не верю» мы рассматривали как показатель «выпадения» религиозно-этической стадии на данный момент.

Возраст начала и содержание научно-познавательной стадии выявлялись путем сопоставления фактов, сообщаемых испытуемыми о любимых игрушках («народных», относящихся к сказочно-мифологической стадии, или «технических» стадии «просвещения»), сведений, касающихся того, когда, с кем и в какие игры он любил играть и во что играет сейчас. При необходимости ответы детей уточнялись родителями и воспитателями детского сада (в соответствии с программой обучения). Практически при сопоставлении данных, полученных от детей и от взрослых, они уточнялись, но существенных для настоящего исследования различий в определении возрастных периодов не наблюдалось.

Наличие этнофункциональных рассогласований к группе климато-географических этнических признаков мы фиксировали, в частности, по отношению ребенка к зиме. Актуальные этнофункциональные рассогласования в психике ребенка фиксировались по показателю предпочтения им экзотических игрушек: слонов, обезьян, бегемотов и др.

По предпочтению той или иной игры (игрушки) фиксировалось «забегание» (слишком раннее начало) стадии просвещения на сказочно-мифологическую и религиозно-этическую стадии. Например, любимая игрушка машинка, поезд, компьютер и др. в возрасте 2–4 года. «Технические» игры рассматривались как оптимальные для стадии просвещения.

В ходе *констатирующего* эксперимента выявлялась связь нарушений этнофункционального развития личности умственно отсталых детей с показателями их психической дезадаптированности, а в *формирующем* – осуществлялась коррекция нарушений этнофункционального развития личности умственно отсталых детей. Основное отличие содержания занятий в экспериментальной и контрольной группах в формирующем эксперименте состояло в том, что в контрольной группе, согласно программе, утвержденной Министерством образования и науки, основным было развитие навыков, а развитию эмоциональности детей специально не уделялось внимания. В экспериментальной группе ставилась цель восстановления опосредствованных традиционными сказочно-мифологическими представлениями эмоциональных отношений ребенка к образам родной природы.

Результаты констатирующего эксперимента

Таблица 39

Сравнение частоты (в %) предпочтений различных типов сказок в группах здоровых и умственно отсталых детей 2–4 лет

Группы детей	Типы сказок			
	Народные	Экзотические	Авторские	Все сказки
УО дети (n = 95)	9	10	9	28
Здоровые дети (n = 40)	33	30	37	100

По данным таблицы 39 у 100% здоровых детей и только у 28% УО детей сказочно-мифологическая стадия достоверно началась в возрасте до 4 лет ($p < 0,001$), т. е. 72% УО детей выявляется такое нарушение этнофункционального развития личности, как «выпадение» сказочно-мифологической стадии в возрасте до 4 лет или этнофункциональное рассогласование содержания данной стадии. УО дети чаще называют авторские и экзотические сказки, а у здоровые – народные ($p < 0,01$).

Таблица 40

Сравнение частоты (в %) особенностей этнофункционального развития на религиозно-этической стадии в группах с УО и здоровых детей

Группы детей	Особенности этнофункционального развития на религиозно-этической стадии		
	Начало стадии в 2–4 года	Начало стадии в 5–7 лет	Дети 5–7 лет, ответившие: «Бога нет»
УО дети (n = 95)	–	11	45
Здоровые (n = 40)	–	35	10

У детей с УО начало религиозно-этической стадии реже, чем у здоровых, имеет место в 5–7 лет ($p < 0,01$). Ответ ребенка в возрасте 5–7 лет «Бога нет» мы рассматривали как показатель «выпадения» религиозно-этической стадии на данный момент. Количество таких нарушений у УО детей достоверно больше, чем у здоровых ($p < 0,01$) (таблица 40).

Таблица 41

Сравнение частоты (в %) отрицательного «–» и положительного «+» отношения к зиме в группах здоровых и умственно отсталых детей

Группы детей	Отношение к зиме	
	Любят «+»	Не любят «–»
УО дети (n = 95)	52	48
Здоровые (n = 40)	65	35

По данным таблицы 41 у УО детей количество этнофункциональных рассогласований к группе климато-географических этнических признаков достоверно выше, чем у здоровых детей ($p < 0,05$). Это вполне объяснимо: ребенок, живущий в средней полосе России, но не любящий зиму и холод, в течение почти полугода вынужден находиться в состоянии постоянного стресса и затрачивать гораздо больше усилий, чтобы приспособиться к таким условиям.

Таблица 42

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в группах умственно отсталых и здоровых детей, любящих и не любящих зиму

			Показатели теста Роршаха			
			Шоки и отказы	Темные шоки	Цветные шоки	F-
Группы детей	УО дети	Любят (n = 53)	56	–	49	3,6
		Не любят (n = 42)	64	–	62	6,4
	Здоровые	Любят (n = 26)	20	15	–	–
		Не любят (n = 14)	38	42	–	–

В данных таблицы 42, количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов (шоки, отказы) у детей, не любящих зиму, выше, чем у детей, которые любят зиму ($0,01 < p < 0,05$). Уровень репродуктивного интеллекта у детей, любящих зиму выше, чем у детей, которые зиму не любят (меньше ответов типа F-) ($p < 0,05$). Полученные результаты в целом соответствуют ранее полученным данным на других контингентах испытуемых (Сухарев, 2004; Тимохин, 2005 и др.).

По данным таблицы 43, эмоциональное торможение когнитивных процессов у УО детей, предпочитавших в возрасте до 4-х лет экзотические сказки, более выражено, чем у детей, предпочитавших русские народные сказки (шоки и отказы) ($p < 0,01$). Наряду с этим дети, предпочитавшие экзотические сказки, имеют более высокий уровень репродуктивного интеллекта (больше ответов типа F+) ($p < 0,05$).

Выраженность эмоционального торможения когнитивных процессов у здоровых детей, предпочитавших в возрасте до 4 лет экзотические сказки, выше, чем у детей, слушавших русские народные сказки ($p < 0,05$). Уровень развития репродуктивного интеллекта (как и УО детей) выше у детей, предпочитавших в данном возрасте экзотические сказки (меньше «неопределенных» ответов типа F±) ($p < 0,05$). Вместе с этим предпочтение здоровыми детьми русских народных сказок в возрасте до 4 лет связано с появлением показателей оптимального психического развития, т. е. формированием межфункционального взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон их отношений (больше ответов типа FFb+) ($p < 0,05$).

Таблица 43

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в группах умственно отсталых и здоровых детей, предпочитающих русские народные и экзотические сказки в возрасте до 4 лет

			Показатели теста Роршаха						
			Шоки, отказы	Темные шоки	Цветные шоки	F+	F±	Fb	FFb+
Группы детей	УО дети	Русские народные (n = 9)	38	36	40	38	–	–	–
		Экзотические сказки (n = 9)	62	63	61	52	–	–	–
	Здоровые	Русские народные (n = 13)	–	–	15	–	13	0,6	5
		Экзотические сказки (n = 12)	–	–	24	–	2	4	1

Предпочтение экзотических сказок связано с повышением уровня репродуктивного интеллекта и отражает расширение культурного кругозора детей, соответствующего стадии просвещения. В условиях современной информационной перегрузки эмоциональная сфера, по-видимому, «не успевает» адаптироваться к новой культурной информации (большее количество ответов типа F+ у УО детей и меньшее количество «неопределенных» ответов типа F± у здоровых; при этом большее количество шоковых реакций в «экзотической» группе). Можно предположить, что под влиянием экзотического материала в психике ребенка возникают этнофункциональные рассогласования, обуславливающие появление у него признаков эмоциональной дезадаптированности.

Результаты, демонстрирующие связь предпочтения русских народных сказок здоровыми детьми в возрасте 2–4 лет с показателями оптимального психического развития (ответы типа FFb+) в более позднем возрасте, согласуются с результатами обследования различных возрастных и нозологических групп.

Таблица 44

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в группах умственно отсталых и здоровых детей, предпочитающих русские народные и экзотические сказки в возрасте 5–7 лет

			Показатели теста Роршаха		
			Шоки (все)	Цветные шоки	F+
Группы детей	УО дети	Русские народные (n = 31)	54	–	54
		Экзотические сказки (n = 20)	62	–	45
	Здоровые	Русские народные (n = 6)	–	27	79
		Экзотические сказки (n = 11)	–	36	64

Уровень репродуктивного интеллекта у здоровых и у УО детей в возрасте 5–7 лет, предпочитающих русские народные сказки, выше, чем у детей, предпочитающих экзотические сказки (больше ответов типа F+) ($p < 0,05$). Выраженность эмоционального торможения когнитивных процессов у детей с УО достоверно выше (больше шоков и отказов) ($p < 0,05$).

Таблица 45

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в группах умственно отсталых и здоровых детей, предпочитавших русские народные и авторские сказки в возрасте до 4 лет

			Показатели теста Роршаха					
			Шоки (все)	Темные шоки	F+	F-	Fb	FbF
Группы детей	УО дети	Русские народные (n = 9)	38	36	–	2	0	4
		Авторские сказки (n = 8)	53	62	–	9	15	0
	Здоровые	Русские народные (n = 13)	19	15	81	–	–	–
		Авторские сказки (n = 15)	40	25	71	–	–	–

Таблица 46

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в группах умственно отсталых детей, предпочитающих русские народные и авторские сказки в возрасте 5–7 лет

		Показатели теста Роршаха	
		F+	F–
Группы детей с УО	Русские народные (n = 31)	49,8	1,4
	Авторские сказки (n = 24)	16	8,5

Данные, представленные в таблицах 45 и 46, свидетельствуют о том, что предпочтение детьми авторских сказок связано с менее благоприятными показателями их психической адаптированности. Уровень как эмоционального, так и интеллектуального развития выше у детей с УО, предпочитавших русские народные сказки до 4 лет. Степень эмоциональной и интеллектуальной адаптированности здоровых детей, слушавших в возрасте до 4 лет в основном русские народные сказки, выше, чем у детей, предпочитающих авторские сказки (у первых меньше шоков и отказов, больше ответов F+) ($0,01 < p < 0,05$) (таблица 45).

У детей 5–7 лет с УО, предпочитающих русские народные сказки авторским, достоверно выше показатели репродуктивного интеллекта (больше «хороших» ответов типа F+ и меньше «плохих» ответов типа F-) ($p < 0,001$) (таблица 46). Между группами здоровых детей 5–7 лет, предпочитающих русские народные и авторские сказки, по показателям Роршаха различий выявлено не было.

Несоответствие авторских сказок задачам развития в возрасте до 4 лет уже отмечалось (Bettelheim, 1976, Эльконин, 1989, Вачков, 2002) и согласуется с результатами, полученными А. В. Сухаревым и В. В. Тимохиным (2005), а также результатами настоящего исследования.

Наше исследование показало также, что «выпадение» сказочно-мифологической стадии у детей с УО в возрасте до 4 лет связано выраженным эмоциональным торможением когнитивных процессов ($p < 0,01$).

Таблица 47

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в группах умственно отсталых и здоровых детей в возрасте 5–7 лет, «верящих» и «не верящих» в Бога

			Показатели теста Роршаха				
			Шоки и отказы	Красные шоки	Цветные шоки	F+	Fb
Группы детей	УО дети	«Верят в Бога» (n = 11)	59	–	54	50	5
		«Не верят в Бога» (n = 43)	69	–	63	41	1,6
	Здоровые	«Верят в Бога» (n = 14)	23	35	14	90	–
		«Не верят в Бога» (n = 4)	50	75	50	57	–

По данным таблицы 47 начало религиозно-этической стадии в 5–7 лет связано с меньшей выраженностью эмоционального торможения когнитивных процессов (меньше шоков и отказов) ($0,01 < p < 0,05$), более высоким уровнем репродуктивного интеллекта (больше ответов типа F+) ($p < 0,05$), а также более контролируемой эмоциональной сферой по сравнению с детьми, «не верящими» в Бога (больше ответов типа Fb) ($p < 0,05$).

Результаты, представленные в таблице 47, согласуются с результатами В. В. Тимохина (2005), согласно которым возраст 5–7 лет оптимален для начала религиозно-этической стадии. Согласно В. В. Зеньковскому, возраст 5–7 лет – это «этический» период в жизни ребенка, и он оптимален для интеллектуализации религиозных чувств (1995).

По данным таблицы 48 начало религиозно-этической стадии до 5 лет у здоровых и УО детей связано с относительно меньшим уровнем репродуктивного интеллекта (меньше ответов типа F+ и больше ответов типа F± и F–) ($0,01 < p < 0,05$). У здоровых детей, у которых начало религиозно-этической стадии приходится на возраст 2–4 года, характерно более выраженное эмоциональное торможение когнитивных процессов (больше количество шоковых реакций) ($p < 0,01$) и большее количество показателей отсутствия контроля эмоций (больше ответов типа Fb) ($p < 0,05$). Начало данной стадии у здоровых детей в возрасте 5–7 лет связано с наличием гармоничной взаимосвязи эмоциональной и

когнитивной сторон отношений (большее количество ответов типа FFb+) ($p < 0,05$).

Таблица 48

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в группах умственно отсталых и здоровых детей, узнавших слово «Бог» с 2 до 4 и с 5 до 7 лет

			Показатели теста Роршаха					
			Цветные шоки	F+	F±	(F±) и F-	Fb	FFb+
Группы детей	УО дети	«Бог» в 2–4 года (n = 14)	–	14	–	17	–	–
		«Бог» в 5–7 лет (n = 11)	–	25	–	30	–	–
	Здоровые	«Бог» в 2–4 года (n = 22)	30	77	12	–	3	1,3
		«Бог» в 5–7 лет (n = 14)	14	90	6	–	0,5	5

Обсуждение результатов

Результаты настоящего исследования согласуются с выводами В. В. Зеньковского (1995) и результатами исследований В. В. Тимохина (2005). Согласно Зеньковскому, возраст до 5 лет – это «эстетический» период в развитии ребенка, период эмоционально-чувственного развития. Поэтому в этом возрасте рано знакомить детей с абстрактным понятием Бога (Зеньковский, 1995), соответствующего религиозно-этической стадии этнофункционального развития личности. По результатам исследований В. В. Тимохина, начало религиозно-этической стадии в возрасте 2–4 года связано с появлением психической дезадаптированности в более позднем возрасте (2005). Исследования показывают, что неспособность контролировать эмоции (Fb-ответы) в «норме» с возрастом должна убывать (Беспалько, Раева, 1978, с. 22–23; Weizmann, 1961). В таблице 60, напротив, отмечается возрастание количества данных ответов с увеличением возраста. Можно предположить, что ознакомление детей в возрасте 2–4 года со словом «Бог» будет обуславливать большую степень их интеллектуальной и эмоциональной дезадаптированности по сравнению с детьми, узнавших это слово в 5–7 лет.

*Сравнение групп умственно отсталых детей,
предпочитающих «народные» и «технические» игры*

Из 95 обследованных умственно отсталых детей 49 % предпочитают «технические» игры (машинки, поезда, самолеты, компьютер) (70 % мальчиков и 11 % девочек), 13 % детей – экзотические игры (бегемоты, обезьяны, слоны, конструктор «лего») (13 % мальчиков и 14 % девочек), 32 % – «народные» игры (кубики, мозаика, пирамидка, дочка-матери) (18 % мальчиков и 58 % девочек) и 5 % детей не любят играть вообще (из них 14 % девочек).

Из здоровых мальчиков (21 чел.) 18 предпочитают «технические» игры, 1 – экзотические и 2 – традиционные. Достоверных различий между данными группами выявлено не было.

Таблица 49

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в группах мальчиков с УО в возрасте 5–7 лет, предпочитающих «технические» и «народные» игры

		Показатели теста Роршаха					
		Шоки и отказы	Цветные шоки	F+	F-	(F±) и F-	Fb
Группы мальчиков с УО	«Народные игры» (n = 10)	46	36	60	0	18	0,2
	«Технические игры» (n = 43)	62,5	58	43	3,5	26,6	5,7

Исследование показало, что 80 % «технических» игр у мальчиков – это «машинки». «Забегание» научно-познавательной стадии, т. е. выбор «машинок» (возраст 5–7 лет является оптимальным лишь для начала предыдущей – религиозно-этической стадии), связано с недостаточным уровнем репродуктивного интеллекта ($p < 0,01$), возможно, вследствие эмоционального торможения когнитивных процессов (преобладание «шоковых» ответов) ($0,01 < p < 0,05$). У мальчиков, предпочитающих «технические» игрушки, по сравнению с мальчиками, играющими в «народные», больше признаков бесконтрольного проявления эмоций (преобладание Fb-ответов) ($p < 0,05$).

Таблица 50

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в группах мальчиков с УО в возрасте 5–7 лет, предпочитающих «народные» и «экзотические» игры

		Показатели теста Роршаха				
		Шоки и отказы	Цветные шоки	F+	F–	(F±) и F–
Группы мальчиков с УО	«Народные игры» (10 чел.)	46	36	60	0	18
	«Экзотические игры» (8 чел.)	60	58	48	11	28

Таблица 51

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в группах здоровых девочек и девочек с УО в возрасте 5–7 лет, предпочитающих «народные» и «экзотические» игры

			Показатели теста Роршаха			
			Шоки (все)	F-	F±	(F±) и F-
Группы девочек	УО девочки	«Народные игры» (n = 20)	59	3,6	–	14,5
		«Экзотические игры» (n = 5)	38	22	–	34
	Здоровые девочки	«Народные игры» (n = 7)	35	–	5	–
		«Экзотические игры» (n = 12)	14	–	11	–

У девочек, предпочитающих экзотические игрушки, менее выражено эмоциональное торможение когнитивных процессов ($p < 0,01$), чем у девочек, играющих в «народные» игры, однако уровень их репродуктивного интеллекта ниже, чем у предпочитающих «народные» игрушки (преобладание F± и F–) ($0,01 < p < 0,05$, таблица 51). У мальчиков при выборе экзотической игрушки наблюдается большая выраженность эмоционального торможения когнитивных процессов и ниже уровень репродуктивного интеллекта ($0,01 < p < 0,05$, таблица 50).

С позиций этнофункционального подхода слишком раннее начало научно-познавательной стадии связано с проявлениями психической дезадаптированности. Основываясь на том, что предпочтение технических игрушек в возрасте 5–7 лет у мальчиков связано с относительной эмоциональной или интеллектуальной дезадаптированностью, можно предположить, что оптимальным для начала научно-познавательной стадии является возраст после 7 лет (с учетом определенных гендерных различий). Это согласуется с результатами ранее проведенных исследований (Сухарев, Степанов, 2006). Настоящее исследование связи психической дезадаптированности у детей с предпочтением ими экзотических игрушек, косвенно подтверждаются уже имеющимися результатами (Сухарев и др., 2003 и др.). Гендерные различия в предпочтении «экзотических» и «народных» игрушек (таблицы 50, 51) могут объясняться тем, что дезадаптирующие «экзотические» воздействия более патогенны для мальчиков (низкие показатели как интеллектуальной, так и эмоциональной адаптированности). Мальчики с УО в возрасте 5–7 лет, предпочитающие играть в «машинки», возможно, еще не вполне понимают их общественный смысл (для них это только «жужжалка», «каталка» и т. п.; понимание других функций «машинок» для них пока недоступно), что может быть связано у них с определенной интеллектуальной и эмоциональной дезадаптированностью (таблица 49). У девочек, по-видимому, имеется относительно больший эмоционально-адаптационный потенциал, и «экзотические» воздействия лишь стимулируют процесс их эмоциональной адаптации, однако при снижении интеллектуальной адаптированности к новой информации (таблица 51).

Результаты формирующего эксперимента

Для проведения этнофункциональной психологической коррекции в экспериментальные группы было отобрано 45 умственно отсталых детей (5 групп по 9 детей) и 20 здоровых детей (2 группы по 10 человек). Занятия проводились 3 раза в неделю по 40 минут в течение трех месяцев с умственно отсталыми детьми и в течение полутора месяцев со здоровыми детьми. На начальном этапе у большинства детей отсутствовали сказочно-мифологические образы и представления о природных стихиях и окружающей природе в целом, а также минимальные знания о естественных явлениях в родной природе, имели место затруднения в выражении своих чувств и эмоций по отношению к природным явлениям. В начале и в конце коррекционных занятий в экспериментальных группах было проведено обследование

контрольной группы детей с УО. По показателям тестов Роршаха, Люшера и структурированного этнофункционального интервью до начала этнофункциональной коррекции детей с УО и контрольной группы достоверных различий выявлено не было.

Таблица 52

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха у детей с УО в экспериментальной группе до и после проведения этнофункциональной психологической коррекции

Показатели теста Роршаха	До коррекционной работы (n = 45)	После коррекционной работы (n = 45)
Все шоки	52	26
Темные шоки	58	31
Цветные шоки	54	13
F+	51	65
F±	23	10
FbF	1,8	4,6
FFb+	0,6	2

Таблица 53

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха у здоровых детей в экспериментальной группе до и после проведения этнофункциональной психологической коррекции

Показатели теста Роршаха	До коррекционной работы (n = 20)	После коррекционной работы (n = 20)
Все шоки	25	12
Темные шоки	26	12
Цветные шоки	25	8
F+	79	96
F±	8	3
FbF	0	5
FFb+	2	6

В коррекционных группах как здоровых, так и умственно отсталых детей существенно снизилась выраженность эмоционального торможения когнитивных процессов (по количеству «шоковых» реакций) ($0,001 < p < 0,01$), повысился уровень репродуктивного

интеллекта (возросло количество ответов типа F+) ($0,01 < p < 0,05$). В обеих группах увеличилось и количество ответов типа FFb+ по тесту Роршаха ($p < 0,01$), что свидетельствует о повышении гармоничности взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон их отношений и оптимизирующем влиянии этнофункциональной коррекции на развитие личности и повышение степени психической адаптированности дошкольников. По тесту Люшера в обеих группах снизился уровень тревоги ($p < 0,01$).

Кроме того, структурированное этнофункциональное интервью в группе умственно отсталых детей выявило следующие факты. На вопрос «Помнишь ли ты себя маленьким (до 4 лет)? Помнишь ли ты сказки, которые тебе читали, когда ты был маленьким?» до начала работы отрицательно ответили 71% детей, а в конце – 40% ($p < 0,05$). Это свидетельствует об определенном расширении «когнитивной ретроспективы» и, возможно, объясняется снижением эмоционального торможения когнитивных процессов (снижение количества «шоковых» ответов). До эксперимента 33% детей предпочитали экзотические сказки и только 20% – русские народные. По окончании эксперимента 51% детей любимой назвали русскую народную сказку и лишь 8% – экзотическую ($p < 0,05$). В группе здоровых детей до эксперимента 20% детей предпочитали экзотические сказки, 65% – авторские сказки и только 15% – русские народные. По окончании эксперимента 67% детей любимой назвали русскую народную сказку и лишь 35% – авторскую ($p < 0,05$), экзотическую сказку не выбрал никто.

На вопрос «Любишь ли ты зиму?» в начале работы «положительно» ответили 60% умственно отсталых детей, отрицательно – 40%, по окончании эксперимента положительный ответ дали 89% УО детей и только 11% – отрицательный ($p < 0,01$). В группе здоровых детей на вопрос «Любишь ли ты зиму?» в начале работы положительный ответ дали 75%, отрицательно – 25%, по окончании эксперимента положительный ответ дали 98% детей и только 2% – отрицательный ($p < 0,05$). В контрольной группе детей с УО изменений по результатам структурированного этнофункционального интервью выявлено не было.

Интересно также то, что в начале работы с умственно отсталыми детьми на вопрос «Верить ли ты в Бога?» положительно ответили 15%, а по окончании – 37% ($p < 0,05$), хотя на занятиях с ними эта тема не затрагивалась. В контрольной группе детей с УО подобных изменений выявлено не было. Данный результат может объясняться тем, что в развитии личности необходима последовательность

и обязательность прохождения каждой стадии развития. А. В. Запорожец отметил роль «качественного своеобразия ступеней возрастного развития ребенка» и обязательность последовательного прохождения этих стадий (Запорожец, 1986, с. 257). В качестве таких «ступеней» в этнофункциональном подходе мы рассматриваем стадии этнофункционального развития личности. Исходя из принципа этнофункционального развития мы полагаем, что этноинтегрирующее психолого-педагогическое воздействие на психику ребенка в процессе прохождения им сказочно-мифологической стадии может «подготавливать почву» для возникновения у него интереса к образному содержанию последующей, религиозно-этической стадии: представлению о Боге, о «вере в Бога», о чем он мог случайно узнать из разговоров со взрослыми, и т. п.

Таблица 54

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в контрольной группе детей с УО до и после проведения этнофункциональной психологической коррекции

Показатели теста Роршаха	До коррекционной работы (n = 45)	После коррекционной работы (n = 45)
Все шоки	53	75
Цветовые шоки	58	85
F+	48	25

Таблица 55

Сравнение частоты (в %) показателей теста Роршаха в контрольной группе здоровых детей до и после проведения этнофункциональной психологической коррекции

Показатели теста Роршаха	До коррекционной работы (n = 20)	После коррекционной работы (n = 20)
Все шоки	24	37
Цветовые шоки	25	56

По данным таблиц 54 и 55, в контрольной группе как умственно отсталых, так и здоровых детей существенно повысилась выраженность эмоционального торможения когнитивных процессов (шоки и отказы) ($p < 0,01$). Кроме того, в контрольной группе умственно отсталых детей снизился уровень репродуктивного интеллекта (стало меньше ответов типа F+) ($p < 0,001$) и выросли показатели тревоги

по тесту Люшера ($p < 0,001$). Данные результаты свидетельствуют о снижении степени эмоциональной и когнитивной адаптированности детей в контрольной группе.

В целом результаты формирующего эксперимента согласуются с результатами этнофункциональной психологической коррекции, проведенной группой психологов с воспитанниками младшей группы ведомственного детского сада № 1892 Тушинского машиностроительного завода г. Москвы (Сухарев с соавт., 2003).

Таблица 56

Сравнение экспериментальных групп здоровых и УО детей по частоте (в %) показателей теста Роршаха до этнофункциональной коррекции

		Показатели теста Роршаха									
		Все шоки	Темные шоки	Красные шоки	Цветные шоки	F+	F±	F-	Fb	FbF	FFb+
Группы детей	Здоровые дети до коррекции (n = 40)	27	25	36	26	79	8	0,2	2,4	1	2
	УО дети до коррекции (n = 45)	52	58	57	54	51	23	3,2	2,2	1,8	0,6

По данным таблиц 56 и 57 после этнофункциональной коррекции показатели умственно отсталых детей достоверно приблизились к показателям здоровых детей, хотя в целом существенные различия сохранились ($0,001 < p < 0,05$). Важно, что показатели эмоционального торможения когнитивных процессов и «ключевого» фактора развития личности (FFb+) у УО детей после эксперимента достоверно не различались с показателями здоровых детей. Уровень репродуктивного интеллекта в экспериментальной группе детей с УО также повысился ($p < 0,001$), хотя достоверные различия с группой здоровых все же сохранились.

В соответствии с принципом этнофункционального развития на основании полученных результатов можно предположить, что восстановление этнофункционально согласованного содержания

Таблица 57

Сравнение экспериментальных групп здоровых и УО детей по частоте (в %) показателей теста Роршаха после этнофункциональной коррекции

		Показатели теста Роршаха									
		Шоки и отказы	Темные шоки	Красные шоки	Цветные шоки	F+	F±	F-	Fb	FbF	FFb+
Группы детей	Здоровые дети после коррекции (n = 40)	27	25	36	26	79	8	0,2	2,4	1	2
	УО дети после коррекции (n = 45)	26	31	37	13	65	10	3,2	3	4,6	2

сказочно-мифологической стадии развития личности подготавливает «почву» для органичного усвоения понятий следующей, религиозно-этической стадии (спонтанное появление ответов «Верю в Бога»).

По мнению Г. Е. Сухаревой, возраст до 4 лет – это «период повышенной восприимчивости к различным вредностям» (имеются в виду биологические нарушения), которые могут вызывать негативные последствия в более позднем возрасте (1974). Согласно нашим данным, психолого-педагогические «вредности» (нарушения этнофункционального развития личности в оптимальном для начала природной и сказочно-мифологической стадий – до 5 лет) могут играть подобную роль для развития личности (см. также: Шапорева, 2007 и др.).

Результаты исследования показали, что этнофункциональные коррекционные занятия способствуют повышению эмоциональной и интеллектуальной адаптированности и личностному развитию детей. Этнофункциональная коррекция в отличие от программ старшей и подготовительной групп массового детского сада и от общей коррекционной работы в детском саду компенсирующего типа, направленная на усвоение умений и навыков с целью подготовки к учебе в школе, способствует восстановлению естественной последовательности и этносредового содержания стадий развития личности умственно отсталого ребенка. Снижение степени психической адаптированности детей в контрольной группе согласуется с ранее полученными данными на материале воспитанников детских садов (Сухарев и др., 2003).

Проведенные исследования подтвердили правомерность выделения и наличие оптимального периода для стадии «просвещения» этнофункционального развития личности (начало оптимального периода – после 7 лет) (Сухарев, Степанов, 2006).

Курс этнофункциональных коррекционных занятий способствует восстановлению содержания сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий этнофункционального развития личности, что обуславливает повышение уровня репродуктивного интеллекта и гармонизацию взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений, как здоровых дошкольников, так и страдающих легкой умственной отсталостью. Исследование подтвердило необходимость своевременного (до 5 лет) формирования этнофункционально согласованного содержания сказочно-мифологической стадии (в нашем исследовании – русских народных сказок) для профилактики и снижения степени психической дезадаптированности дошкольников (в том числе страдающих легкой умственной отсталостью).

Выводы

Наличие легкой умственной отсталости у дошкольников связано с увеличением количества нарушений этнофункционального развития личности, а также со снижением степени гармоничности взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон их отношений.

Наличие у дошкольников легкой умственной отсталости связано с «выпадением» (отсутствием в воспоминаниях сказочных образов) у них сказочно-мифологической стадии (с 2 до 4 лет) и с «выпадением» (отсутствием религиозных представлений) религиозно-этической стадии (в 5–7 лет) этнофункционального развития личности.

Наличие легкой умственной отсталости в дошкольном возрасте связано с увеличением количества этнофункциональных рассогласований их отношений к группе климато-географических этнических признаков.

Восстановление системы отношений дошкольников с этносредой их рождения и проживания способствует повышению степени гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон их отношений.

Восстановление системы отношений с этносредой рождения и проживания у здоровых дошкольников и дошкольников с легкой степенью умственной отсталости способствует увеличению показателей их умственного развития.

Современные программы дошкольного воспитания и образования, ориентированные в основном на развитие познавательной сферы,

обуславливают снижение степени гармоничности взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений дошкольников.

4.8 Сравнительное исследование эффективности этнофункциональной психотерапии и фармакотерапии в лечении депрессивных расстройств

Исследование проводилось на базе Отделения аффективной патологии НИИ психиатрии МЗ РФ (1995). Для сравнительного исследования использовались трициклические антидепрессанты – амитриптилин, анафранил, мелипрамин.

Сравнение эффективности этнофункциональной психотерапии и монотерапии антидепрессантами эндогенных и эндореактивных психических расстройств депрессивного спектра проводилось методом клинического наблюдения, психодиагностических срезов, методом ретроспективного анализа историй болезни; в начале и в конце лечения соответствующие группы больных обследовались по методике Роршаха и Люшера (измерение уровня «плавающей» тревоги), по методике структурированного этнофункционального интервью, а также обследовались с точки зрения клинической выраженности у них депрессивной симптоматики. Кроме того, исследование эффективности антидепрессантов осуществлялось с помощью опросника депрессии Бека (укороченный вариант).

Исследование эффективности антидепрессантов проводилось при монотерапии и не включало комбинированные схемы комплексной терапии с другими препаратами, описанными в отечественных исследованиях (Мосолов, 1995).

Всего было обследовано 94 человека в возрасте от 20 до 55 лет. Подавляющее большинство обследованных пациентов из трех групп имели многократные, склонные к затяжному течению депрессивные состояния со значительным удельным весом в структуре аффекта тревожного компонента.

В первой группе было 29 пациентов, лечившихся с помощью монотерапии антидепрессантами. Они изучались методом клинического наблюдения и методом психодиагностических срезов по методу Роршаха. Во второй группе 13 пациентов обследовались на предмет эффективности этнофункциональной психотерапии при неэффективности поддерживающей фармакотерапии в течение длительного времени (два цикла психотерапии в группах по 6 и 7 человек). Пациенты из первой и второй групп родились и проживали в русской этносреде. Обе группы отбирались по желанию пациентов,

причем медикаментозная поддержка во время психотерапии была минимизирована до уровня постоянного амбулаторного приема лекарств. В третьей группе было 52 пациента, лечившихся антидепрессантами по традиционным схемам. Случаи этих пациентов изучались ретроспективно по историям болезней.

В соответствии с наличием выраженного тревожного компонента этнофункциональная психотерапия проводилась в направлении восстановления отношений пациентов к этнофункционально расогласованному у всех пациентов содержанию природной и/или сказочно-мифологической стадии развития личности (см. также: Сухарев, Степанов, 2006). Здесь осуществлялось восстановление связи эмоциональной стороны отношений пациентов к природно-образному и сказочно-мифологическому содержания архегении русской этносреды.

Сравнение выделенных групп пациентов до начала лечения по уровню «плавающей» тревоги (по Люшеру) достоверных различий не выявило. Группы больных с установленными в анамнезе положительным и отрицательным клиническими эффектами от терапии антидепрессантами до начала лечения по глубине депрессии (по шкале Бека) достоверно не различались. Глубина депрессии отмечалась по этой шкале в среднем на уровне нижней границы ранга тяжелой депрессии.

Результаты исследования в группе лечившихся монотерапией антидепрессантами свидетельствуют о том, что клинически выраженный эффект был зарегистрирован у 20% пациентов; случаи отсутствия клинического эффекта и отсутствия клинического ухудшения составили 23%; случаи клинического ухудшения (усиления тревоги, раздражительности, снижения общего фона настроения, нарушения сна и т. п.) имели место у 57%.

У пациентов, успешно лечившихся антидепрессантами в 100% случаев до начала лечения, были зарегистрированы ответы типа FFb+ (гармоничное взаимодействие эмоциональной и когнитивной сторон отношений) по тесту Роршаха. Пациенты, у которых после лечения наблюдалось отсутствие клинического улучшения, перед началом лечения не имели ответов типа FFb+ (0%). Сравнение этих данных выявило высокую достоверность выявленных различий ($p < 0,01$). По другим показателям методики Роршаха достоверных различий обнаружено не было. В группе пациентов, успешно лечившихся антидепрессантами, средний уровень тяжести депрессии по Беку достоверно снизился с 19,75 до 10,25 балла ($p < 0,05$) (см. таблицу 58).

Таблица 58

Сравнение групп больных с различным клиническим эффектом от терапии трициклическими антидепрессантами по частоте (в %) показателей теста Роршаха до начала лечения

Группа больных	Показатели теста Роршаха				
	FFb+	FFb-	FbF	Fb	F
Клиническое улучшение (n = 6)	100	17	83	50	100
Отсутствие клинических изменений (n = 7)	0	0	57	14	100
Клиническое ухудшение (n = 16)	0	6	50	25	100

При ретроспективном анализе ухудшение основной симптоматики было выявлено в 56 % случаев. В группе «клиническое улучшение» (14 %) по сравнению с группой, где наблюдалось «клиническое ухудшение» основной симптоматики, у пациентов по результатам теста Роршаха достоверно преобладали ответы типа FFb+ ($p < 0,01$) и было достоверно меньше ответов типа Fb (неуправляемая эмоциональность) ($p < 0,05$). Эти результаты косвенно подтверждают данные, полученные методом срезов в исследовании эффективности монотерапии антидепрессантами.

В группе пациентов, лечившихся психотерапией, клинически выраженный положительный эффект был зарегистрирован у 38%. Однако в группах, проходящих психотерапию, в отличие от групп, лечившихся антидепрессантами, не было зарегистрировано случаев клинического ухудшения.

У пациентов, успешно проходивших психотерапию, ответы типа FFb+ в начале терапии были зарегистрированы у 40 %. Достоверных различий по наличию этого показателя в начале лечения в группах успешной терапии антидепрессантами и психотерапией обнаружено не было.

Появление ответов типа FFb+ после проведения успешной психотерапии (при отсутствии их до начала терапии) было зарегистрировано у 15 % пациентов. В результате монотерапии антидепрессантами образования таких ответов при отсутствии их до начала лечения обнаружено не было (0 %). Сравнение этих показателей выявило достоверность различий на уровне $p < 0,01$.

В случаях клинически положительного эффекта от лечения психотерапией тревога достоверно снижалась на уровне $p < 0,05$.

Также было отмечено, что неэффективность психотерапии и применения антидепрессантов имели место во всех случаях при наличии постпроцессуального дефекта и (или) выраженной резидуальной органической патологии центральной нервной системы.

Успешно лечились антидепрессантами преимущественно те пациенты, которые предпочитали для постоянного места жительства ландшафт и климат, соответствующий этносреде их рождения и проживания (тенденция, при $p < 0,1$).

Основным результатом экспериментального исследования является тот факт, что маркером успешности лечения антидепрессантами является наличие у пациента в начале лечения гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений (ответы типа FFb+), тогда как для успешного лечения психотерапией наличие этого показателя не является значимым. Кроме того, в процессе психотерапии в отличие от терапии антидепрессантами этот показатель может быть достоверно сформирован.

На основании клинического изучения в структуре депрессивного синдрома И. Л. Степановым были выделены следующие эмоциональные признаки, прогнозирующие неэффективность применения антидепрессантов: а) склонность к эмоциональному напряжению и возбуждению, тревожность, дисфория, враждебность, агрессивность, раздражительность в рамках депрессивного состояния; б) повышенная эмоциональная реактивность, обостренная реакция на отрицательные эмоции; в) гиперэргический характер эмоциональных реакций (неадекватность силы эмоционального сопровождения психических реакций); г) импульсивность эмоций, их грубость, низкий эмоциональный контроль, эмоциональная и вегетативная лабильность; д) наличие психопатических черт, дисгармоничности характера, сочетание гипотимного и возбуждимого радикалов, признаков шизофренического дефекта с парадоксальностью реакций.

Такие показатели прогноза неэффективности антидепрессантов, как раздражительность, дисфория, аффективная лабильность, повышенная эмоциональная реактивность и др., отмечались в отечественных и зарубежных исследованиях наряду с такими показателями, как судорожные и бредовые расстройства (Мосолов, 1995; Taylor, 1995).

Сравнивая перечисленные признаки с психологическим содержанием Роршах-ответа типа FFb+ – «гармоничность взаимодействия когнитивной и эмоциональной стороны отношений», можно прийти к заключению, что их внутренние смыслы взаимно исключают друг друга. Приведенные выше клинические признаки являются болезненными («морбидными»), дезадаптивными проявлениями.

Содержание же ответов типа FFb+ характеризует здоровое («экстреморбидное»), адаптивное взаимодействие субъекта и объекта. В данном случае результаты клинического и экспериментально-психологического исследования взаимно дополняют друг друга.

Во всех случаях клинического ухудшения, когда в начале лечения не было зафиксировано ответов типа FFb+ по результатам теста Роршаха, были диагностированы различные сочетания ответов типа FbF, Fb или полное отсутствие ответов, включающих любые реакции на цвет (т. е. тех же Fb, FbF – признаков неконтролируемой и слабо контролируемой эмоциональности). Это последнее, по Э. Бому, является одним из наиболее существенных признаков эндогенной депрессии (Bohm, 1972, S. 287). Реакции на цветовые стимулы характеризуют эмоциональную сферу, а в последнем случае речь идет о снижении эмоционального восприятия, интенсивности ощущений вплоть до «нивелирования оттенков, потери цветоощущений», т. е. обо всем том, что в отечественной психиатрии принято характеризовать как проявление апатической депрессии (Вертоградова, 1980, с. 8). Интерпретация различных сочетаний ответов типа Fb и FbF включает, в свою очередь, такие характеристики аффективной сферы, как импульсивность, склонность к эмоциональному возбуждению, неадекватность силы эмоционального сопровождения психических реакций (их гиперэргический характер), наличие психопатических черт характера и т. д., что соответствует нашим клинически выявленным критериям неэффективности антидепрессантов.

На основании полученных результатов можно предположить, что антидепрессанты не формируют новых механизмов психической адаптации, но дают возможность активировать уже имеющиеся адаптивные механизмы гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений (ответы типа FFb+). Отсутствие благоприятного прогноза эффективности антидепрессантов имеет место при отсутствии у пациента признаков данного адаптивного механизма. Если же признаки адаптивных механизмы зафиксированы до начала лечения, то это является благоприятным прогностическим критерием даже при наличии других неблагоприятных признаков.* Психоактивирующий эффект антидепрессантов

* Описанный выше способ прогноза эффективности трициклических антидепрессантов был запатентован 09 февраля 1998 г. (патент на изобретение № 2157100) «Способ прогнозирования эффективности лечения депрессий трициклическими антидепрессантами»; авторы изобретения – Сухарев А. В., Степанов И. Л.

поддерживает, прежде всего, сохранные механизмы психической адаптации и только при отсутствии последних может «раскачивать» психопатологические (неадаптивные) реакции. Следует отметить, что в отечественных исследованиях уже имеются данные о «раскачке» аффекта при применении трициклических антидепрессантов, в частности, в ускорении рецидивирования депрессивных фаз (Звягельский, 1988).

На практике отсутствие положительного эффекта при использовании антидепрессантов, на наш взгляд, в первую очередь может быть обусловлено отсутствием позитивных клинических критериев прогноза эффективности антидепрессантов (а не только критериев прогноза их неэффективности).

Тот факт, что в процессе этнофункциональной психотерапии может формироваться гармоничное взаимодействие когнитивной и эмоциональной сторон отношений как ключевого фактора развития личности, свидетельствует, по нашему мнению, о формировании у пациентов психических механизмов адаптивного (или экстраморбидного) реагирования – эмоциональной и когнитивной сторон процесса психической адаптации. Отметим, что во многих наших ранее проведенных исследованиях выявлялась связь и обусловленность формирования гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений, вследствие восстановления отношений испытуемых с образами родной природы опосредствованных сказочно-мифологическими представлениями (Сухарев и др., 1995–2007). Наряду с этим в процессе психотерапевтического лечения отмечено достоверное снижение уровня плавающей тревоги, которая, как известно, характеризует начальную фазу адаптационного синдрома.

Заключение

- 1 В исследовании выявлена связь этнофункциональных рассогласований отношений личности к группе *климато-географических* этнических признаков и нарушений этнофункционального развития на *природной* и *сказочно-мифологической* стадиях (этнофункциональные рассогласования образного содержания стадий) с наличием депрессивных расстройств и с высоким удельным весом тревожного компонента.
- 2 Результаты настоящего и предыдущих исследований подтвердили положительное влияние этнофункциональной психотерапии на психическую адаптацию личности по показателю снижения уровня тревоги, формирования негармоничного взаимодействия

когнитивной и эмоциональной сторон отношений личности и по клиническим критериям.

- 3 Исследование показало, что трициклические антидепрессанты не формируют механизмов гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений. Эти механизмы могут быть сформированы в процессе этнофункциональной психотерапии у пациентов, страдающих депрессивными расстройствами с ведущим тревожным, тревожно-тоскливым и тосливо-тревожным аффектами. При отсутствии данных адаптационных механизмов на начальном этапе лечения депрессивных расстройств антидепрессантами, целесообразно осуществлять предварительную этнофункциональную психотерапию.
- 4 Можно предложить следующую стратегию взаимодействия фармако- и психотерапии в процессе лечения депрессивных расстройств: 1) диагностика наличия или отсутствия у пациента механизмов гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений личности; 2) в случае их отсутствия следует попытаться сформировать их в процессе этнофункциональной психотерапии; 3) при успешном формировании данных механизмов можно применять антидепрессанты.

ГЛАВА 5

КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ. ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ И РЕАБИЛИТАЦИЯ В НАРКОЛОГИИ

5.1 Этнофункциональная психотерапия эмоционально-поведенческих расстройств и задержки психического развития у детей

Исследование проводилось на клинической базе детского отделения НИИ психиатрии МЗ РФ с детьми в возрасте 7–11 лет. Все дети родились и проживали в русской этносреде. В данном случае курс групповой этнофункциональной психотерапии (см. приложение 1) был адаптирован для детей с задержкой психического развития за счет включения более разнообразных эмоциогенных и других средств – работа с музыкой, запахами, сказками, большой удельный вес моторно-поведенческих упражнений и др. Данный курс был преобразован в более короткий 9-часовой курс групповой психотерапии (6 ежедневных занятий по 1,5 часа). Акцент здесь делался в большей мере на этногерменевтическую фазу терапии и в меньшей степени – на этнодиссонанс. Психотерапию с детьми можно назвать и «психотерапевтической педагогикой», поскольку работа проводится в большей мере в дидактическом ключе.

Приведем пример исследования эффективности психотерапии в одной из детских групп из трех девочек и одного мальчика. Диагнозы при поступлении: у девочек – эндогенная депрессия (возраст 11 лет), задержка психического развития (возраст 11 лет), задержка психического и речевого развития (возраст 7 лет) и у мальчика – «патохарактерологические реакции на основе последствий раннего органического поражения ЦНС» (возраст 10 лет). Обследованные дети, кроме случая с эндогенной депрессией, имели затруднения

в психической адаптации к учебной и (или) другим видам деятельности – некоторые исследователи определяют подобные диагнозы как «особые случаи нормы» (Коробейников, 1997, с. 87).

В начале и в конце психотерапевтической работы дети обследовались лечащими врачами, наблюдались педагогами и проходили специальное экспериментально-психологическое исследование по методикам Люшера и Роршаха, а также выявлялась самооценка детьми своего состояния. С ними проводился также один из вариантов структурированного этнофункционального интервью для диагностики отношений к различным группам этнических признаков.

Наблюдение в процессе психотерапии показало, что у всех детей возросла активность, адекватность эмоциональных реакций, вовлеченность в совместную деятельность, снизилась тревога, стали менее выраженными проявления негативизма. В анонимных самоотчетах все дети отмечали, что им было очень интересно, занятия прибавили им «ум», «новые чувства, связанные с природой», они испытывали приятную грусть, расслабление и т. д.

Наиболее интересные для детей моменты в процессе психотерапии были связаны с обсуждением музыки (народной и симфонической), звуков природы, запахов (по самоотчетам). Наибольшие трудности (только в двух случаях) представляло изображение традиционных сказочно-мифологических персонажей и образов природы («кривды», «ветра», «реки» и др.) движениями своего тела. При анонимном опросе в трех случаях дети отметили, что занятия влияют «на все хорошее вообще в жизни». Все они проявили очень большую заинтересованность именно в такого рода занятиях, хотя работа была довольно интенсивной, целенаправленной и не всегда приятной (порой кто-то плакал и т. п.).

Клиническая оценка динамики состояния детей лечащими врачами во всех случаях показала заметное смягчение основной симптоматики. В двух случаях педагогами было зафиксировано выраженное улучшение в процессе обучения и в одном – незначительное. По оценке лечащих врачей, произошедшие изменения в состоянии пациентов не могли быть обусловлены использованием фармакологического лечения по двум причинам: во-первых, фармакотерапия применялась до начала психотерапии постоянно в течение длительного времени (1–2 месяца), однако соответствующие изменения произошли у всех детей именно за период психотерапии (одна неделя); во-вторых, характер изменений, произошедших в эмоциональной сфере, отражал изменения в качестве переработки эмоций, тогда

как фармакотерапия воздействует в основном на интенсивность эмоций, их динамические параметры (такими же по смыслу оказались результаты, полученные в процессе работы с взрослыми пациентами – Сухарев, Степанов, 1997, 1998).

По показателям теста Роршаха у всех пациентов произошло резкое снижение общего количества показателей эмоционального торможения когнитивных процессов, повышение уровня репродуктивного интеллекта. У двух пациентов, имеющих относительно выраженные признаки органического поражения ЦНС, исчезли соответствующие психические проявления (например, забывание названий предметов по органическому типу; неконтролируемые эмоциональные реакции).

У пациентов, обнаруживших произвольную активность и интерес на занятиях, после проведения психотерапевтического цикла было зафиксировано появление признаков гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон процесса психической адаптации, т. е. оптимизации процесса развития личности (появление ответов типа FFb+). Интересно отметить: если в работе с взрослыми, имеющими смешанные эндогенно-психогенные расстройства, наименьший эффект наблюдался у пациентов с выраженными нарушениями ЦНС, то в работе с детьми наличие выраженной резидуальной органики в меньшей степени влияло на эффективность терапии (Сухарев, Степанов, 1997). Напротив, в случае с наиболее выраженным органическим поражением ЦНС у мальчика произошли весьма существенные позитивные сдвиги: исчезли признаки неконтролируемой эмоциональности и появились признаки гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений.

При наличии во всех случаях выраженной положительной клинической динамики и динамики показателей теста Роршаха в двух случаях отсутствовали какие-либо изменения по тесту Люшера (в двух остальных случаях наблюдалась динамика показателей данной методики в сторону большей адаптированности пациентов). На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что даже при сохранении высокой личностной ригидности (по показателю теста Люшера «константность цветового выбора» – Собчик, 1990), адаптационные возможности пациентов возрастали именно за счет изменения идеаторного содержания отношений, а не за счет изменения их динамических характеристик.

В катамнезе происшедшие сдвиги сохранялись у всех пациентов в течение не менее трех месяцев. Никаких негативных сдвигов после психотерапии у пациентов не наблюдалось.

Приведем примеры, иллюстрирующие результаты исследования.

Пример 1

Пациент В. А., 10 лет, родился и проживает в Москве. Ребенок обладает хорошими способностями, интеллектом (ОИП = 105). До начала психотерапии имели место отклонения в поведении, воровство, «ложь без нужды», переменчивость настроения, негативизм, неспособность к стабильным контактам, отсутствие усидчивости на учебных занятиях и неспособность к длительной концентрации внимания (клинически оцениваемые как патохарактерологические реакции; неврологически – диффузные изменения в виде нестабильной межполушарной асимметрии с акцентом справа при наличии пароксизмальной активности в стволовых мозговых структурах).

В процессе всей психотерапии (6 сеансов) ребенок проявлял нарастающий интерес к занятиям, вначале постоянно старался привлечь к себе внимание, был крайне неусидчив и неуравновешен. Наибольший интерес он обнаружил к прослушиванию записи шума зимней вьюги, ветра и дождя, обсуждению традиционно-мифологического смысла природных стихий и различных явлений природы, а также «языческой» инструментальной народной музыки. Очень переживал, когда не удавалось изобразить «всем телом», например, реку или рассказать, «что чувствует дерево ель». Проявил положительные эмоции при прослушивании христианской религиозной музыки – «радость», «успокоение».

В целом после цикла психотерапевтических занятий стал более эмпатичен (улучшение способности к эмоциональному контакту) и работоспособен, пропал негативизм. Изменение этноида в процессе терапии произошло в сторону его большей адаптивности в отношении к ландшафтно-климатическим условиям (от предпочтения только положительного регистра зимних температур к терпимому отношению к «небольшим морозам»). Этнофункциональное нарушение развития личности у мальчика проявлялось в недостаточной проработанности сказочно-мифологической стадии (недостаточная способность к моторно-поведенческим «воплощениям» и вербализации своих эмоций по отношению к природным стихиям и соответствующим сказочным персонажам) и конфликтной ситуации в отношении религиозно-этической стадии. Для него было весьма значимо (спонтанно проявившись у него с первого знакомства с психотерапевтом), что он является наполовину татариним (по матери). Бабушка (по матери) привлекала его к исламской религии, по ее инициативе он даже заучивал

молитвы на арабском языке, правда, не понимая их смысла. После цикла психотерапевтических занятий мальчик все же разрешил свой внутренний конфликт. В частности, он заявил буквально следующее: «...Да ну, я это не понимаю... (мусульманство. – А. С.), мне хочется верить в Бога, как все» (т. е. ориентируясь на христианскую проработку религиозно-этической стадии в процессе психотерапии. – А. С.) В данном случае пациент субъективно разрешил свое внутреннее этнофункциональное противоречие («принадлежность к русскому народу» – «ислам и арабский язык»), т. е. его этноид стал более адаптивным в отношении к социокультурному аспекту русской этносреды.

Лекарственную терапию (пантогам, глицин – препараты, способствующие психической и биологической адаптации человека) мальчик получал в течение месяца до начала психотерапии без каких-либо результатов.

По результатам теста Роршаха, исчезли признаки неуправляемой эмоциональности (ответы типа Fb), появились ответы типа FFb+, как показатели более тонко дифференцированных и регулируемых эмоциональных реакций; количество цветowych и красных шоков снизилось с четырех до одного, что свидетельствует о существенном снижении эмоционального торможения когнитивных процессов. Также возросла потребность в общении – появление M-ответов.

Результаты теста Люшера отразили динамику мотивации ребенка от «честолюбивого требования признания» к возросшей «гибкости в стремлении к самоутверждению», а также некоторое снижение уровня тревоги.

Клиническая оценка лечащим врачом выявила существенный сдвиг к улучшению качества эмоциональных контактов, уравновешенности, возникновению более глубокого интереса к общению. Педагог и воспитатель независимо друг от друга отметили некоторое улучшение внимания и усидчивости.

Пример 2

Пациентка А. Г., 7 лет, родилась в Москве, была госпитализирована с диагнозом при поступлении «задержка интеллектуального и речевого развития». Имели место признаки внутричерепной гипертензии и умеренного расширения желудочковой системы. Девочка была плаксива, упряма, имела дефект речи (крайне неразборчивая речь).

В процессе психотерапии девочка с каждым занятием вовлекалась в деятельность, лучше вербализовывала эмоции, воплощала

образы (двигательно и словесно). В эти моменты ее речь постепенно становилась все более разборчивой.

Ребенок проявлял интерес и к сказкам, и к народной «языческой» музыке, девочка положительно высказывалась по поводу произведений М. П. Мусоргского, А. К. Лядова и др. Когда детям было предложено прослушать знаменный распев мужского хора Афонского монастыря «С нами Бог», девочка неожиданно заплакала. Психотерапевт спросил девочку: «Почему ты плачешь?» – «Мне грустно», – сказала девочка. «Выключить музыку, музыка плохая?» – «Нет, музыка хорошая, она мне силу дает». Поразительна была зрелость ответа девочки. Остальные дети слушали с интересом, однако никак не могли понять реакцию этой девочки, спрашивали: «А почему она плачет?» Девочке было 7 лет, а остальным детям – по 10–11 лет. В результате опроса в конце цикла занятий дети говорили о том, что им нравится та или иная народная или симфоническая музыка, но лишь эта девочка отметила хор монахов как наиболее понравившийся ей.

С позиций современного православия, инструментальная музыка соответствует природно-языческому мирозерцанию, тогда как голосовое пение – духовному. Вообще воцерковление ребенка может, с позиций церкви, производиться с 6 лет, т. е. приблизительно в том возрасте, когда впервые проявляется страх смерти. Степень выраженности этнофункциональной анархегении личности у ребенка была относительно низкая. Девочке требовалось наименьшее по сравнению с другими детьми время (или объем адаптационных усилий) для достижения готовности к религиозно-этической (в данном случае – христианской) стадии этнофункционального развития личности. Этим, по-видимому, можно объяснить то, что у нее произошли наиболее сильные позитивные изменения в эмоциональной сфере (а также частично в поведении и интеллектуальной деятельности) по сравнению с другими детьми.

Клиническая оценка состояния девочки лечащим врачом показала, что выраженные изменения в психическом состоянии произошли именно за неделю психотерапевтических занятий, хотя фармакологическое лечение она получала в течение более чем одного месяца до начала занятий. Врач отметила появление раскрепощенности, снижение степени тяжести дизартрии, возросшую активность общения; девочка стала легче переносить разлуку с матерью, исчезла «согбенная» поза, она стала сидеть прямо.

По результатам Роршах-диагностики у пациентки было выявлено резкое ослабление эмоционального торможения когнитивных

процессов. Исчезли: «отказ» на карту V, а также забывания названий предметов по органическому типу; увеличилось (с 8 до 15) общее количество ответов (с сохранением процента ответов с «хорошей» формой, типа F+), исчез ответ типа «смещение фигуры и фона» с «плохой» формой (FHV-). Все эти изменения свидетельствуют, как минимум, о снижении эмоциональной заторможенности, и мы интерпретируем их как позитивные.

По результатам цветового теста Люшера произошли изменения от «защитного отказа быть вовлеченной в какую-либо деятельность» в сторону «стремления к внутреннему равновесию посредством восприятия и переживания высших эмоций (чувства прекрасного)»; значительно уменьшилась также тревожность.

Степень выраженности этнофункциональной анархегении личности пациентки была исходно небольшой. При этом в процессе психотерапии ее этноид стал еще более этнофункционально согласованным с архегенией русской этносреды. В плане динамики этноида у девочки усилился чувственный компонент отношения к религии («к Богу»).

Приведем результаты экспериментально-психологического и клинического исследования в процессе психотерапии у двух других пациенток.

Пример 3

Пациентка К., 11 лет, поступила с диагнозом «эндогенная депрессия» (!) (по заключению психиатра О. Д. Сосюкало), который достаточно редко ставится у пациентов детского возраста. После проведения цикла психотерапии лечащий врач отметила, что девочка стала более доступна для общения, моторно раскрепощена; у нее возросли интерес к учебным и психотерапевтическим занятиям (изначально девочка проявляла незначительный интерес к работе с образами русской природы), моторно-эмоциональная активность в целом; педагог также отметила повышение интереса к учебе, правда, незначительное. Существенное повышение активности и интереса к жизни отметили родители ребенка.

По результатам теста Роршаха после психотерапевтического цикла у девочки снизилось количество «отказов» с 6 (3 – на черно-белые и 3 – на цветные карты) до 1 (на цветную карту ix). Общее количество ответов увеличилось с 5 до 12. Мы интерпретируем это как показатели снижения эмоционального торможения когнитивных процессов. Диагностика Люшера никаких изменений не выявила. По оценке самой девочки, психотерапевтические занятия

дали ей «знания, ум, расслабление, покой, бодрость и хорошее настроение». После психотерапии этноид стал менее этнофункционально согласованным с архегенией русской этносреды. Среди ландшафтных предпочтений она назвала «море и кедр» (маркер эндогенного радикала), тогда как до психотерапии она предпочитала подмосковную природу) при общем улучшении качества отношений к этносреде (девочка стала более эмоциональна – по силе и дифференцировке эмоций). Такого рода динамика этноида при наличии клинического улучшения мы определяем как признак **этнофункционального вырождения** в отношении к природной среде. Сходные изменения в процессе этнофункциональной психотерапии мы наблюдали у взрослых, страдающих эндогенными депрессиями (Сухарев, Степанов, 1997).

Пример 4

Пациентка Н. К., 11 лет, поступила с диагнозом «задержка психического развития». В заключение после проведения психотерапии лечащий врач отмечал, что у девочки возросли активность и адекватность эмоционального реагирования. Педагог отметила существенное возрастание активности и интереса к учебе.

Результаты прохождения теста Роршаха до и после психотерапии показали увеличение числа ответов типа F+ (повышение уровня репродуктивного интеллекта), ответов типа Fb+ (неконтролируемая эмоциональность) с 1 до 3, ответов типа FFb+ с 1 до 2 (показатель гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений); общее количество ответов возросло с 11 до 23; появился ответ типа Orig+ (показатель творческого интеллекта) и исчез ответ типа «отказ» (показатель грубого аффективного торможения когнитивного процесса). Все эти показатели свидетельствуют о позитивных сдвигах в эмоциональной и когнитивной сферах (кроме увеличения признаков неконтролируемой эмоциональности (Fb), которые мы относим за счет увеличения общего количества ответов). По тесту Люшера никаких изменений зафиксировано не было.

Изначально этнофункционально согласованный этноид девочки дополнился более выраженной эмоциональной стороной ее отношений. По оценке самой девочки, занятия дали ей «знания и новые чувства, связанные с природой, радость, новое чувство Бога».

Результаты исследований, проведенных на других группах пациентов (в пяти группах – всего 23 ребенка), в целом согласуются с результатами приведенных примеров. Наиболее выраженные клинические

изменения произошли у пациентов с реактивными депрессиями: у девочки (после сексуальной агрессии) и двух мальчиков (после физической агрессии). Также существенно были выражены клинические изменения у двух мальчиков с неврозоподобным и у одного мальчика с психопатоподобным синдромами.

У 39 % детей (9 чел.) после психотерапии по результатам Роршахта появились ответы типа FFb + (гармоничность взаимодействию когнитивной и эмоциональной сторон отношений). Клинические сдвиги в состоянии детей происходили во всех обследованных случаях.

Во всех указанных случаях, кроме случая с эндогенной депрессией, этноиды пациентов изначально были этнофункционально согласованными с архегенией русской этносреды либо претерпевали в процессе психотерапии изменения в сторону большего соответствия с нею. Эти данные вполне соответствуют результатам исследования на взрослых пациентах, где было установлено, что в процессе этнофункциональной психотерапии эндогенных аффективных расстройств при изменении этноидов в сторону их большей деформированности, вырабатывались определенные компенсаторные механизмы в отношении пациентов к этносреде ареала рождения и проживания, что клинически обнаруживалось в положительных сдвигах в состоянии больных (Сухарев, Степанов, 1997).

Результаты данного клинко-психотерапевтического (идиографического) исследования подтвердили роль природно-образного, сказочно-мифологического и религиозно-этического содержания отношений в этиологии психических расстройств у детей.

5.2 Этнофункциональная психотерапия депрессивных расстройств у взрослых

В целях чистоты эксперимента в терапевтическую группу отбирались пациенты по следующим критериям: а) наличие в клинической картине заболевания аффективных расстройств депрессивного спектра; б) неэффективность других методов лечения; в) желание работать с психотерапевтом. Все отобранные пациенты считали себя и своих родителей русскими, родились и проживали не менее 10 лет в средней полосе европейской части России.

Целью этнофункциональной психотерапии было восстановление системы отношений пациентов природной и сказочно-мифологической стадии развития. Занятия проводились в группе, состоящей из шести пациентов (три мужчины и три женщины)

в возрасте от 25 до 35 лет, с различными вариантами тревожно-тоскливых депрессий. В патогенезе пациентов наблюдалось сочетание психогенных травмирующих факторов с эндогенным радикалом в рамках рекуррентных монополярных или шизотипических расстройств. При этом в одном случае имела место выраженная резидуальная органическая патология, а в другом – процессуальный когнитивно-эмоциональный дефект; в остальных же – выраженная резидуально-органическая или постпроцессуальная патология отсутствовала. Все пациенты страдали психическими расстройствами не менее двух лет и неоднократно находились на лечении в стационаре. Существенных улучшений состояния на момент исследования у них не наблюдалось.

Психотерапия проводилась в условиях стационара на базе Отделения аффективной патологии НИИ психиатрии МЗ РФ по два часа 5 раз в неделю в психотерапевтической группе. Общий объем занятий – 32 часа.

Работая с психотерапевтической группой, эксперт-психиатр, Степанов был супервизором. Для оценки содержания и динамики состояния пациентов психотерапевт совместно с супервизором после каждого занятия обсуждали его результаты. В отдельных случаях состояние пациентов уточнялось в индивидуальных клинико-психологических интервью на протяжении всего периода занятий.

Фармакотерапия на период исследования была минимизирована и осуществлялась в основном на том уровне, который применялся пациентами амбулаторно до стационарирования. Психотерапевтическую работу с пациентами проводили либо практически сразу после их поступления в клинику, либо в случае неэффективности предварительно проводившегося фармакологического лечения.

В целом у всех пациентов по результатам клинической диагностики после психотерапии была выявлена положительная динамика основной симптоматики (облегчение тяжести состояния). В своих самоотчетах они отмечали также душевный подъем, чувство раскрепощенности, внутреннее облегчение, уменьшение напряженности.

По результатам экспериментально-психологического исследования в одном случае было установлено повышение активности мышления. У всех пациентов произошло улучшение по различным показателям в эмоциональной сфере, причем в наибольшей степени в случаях отсутствия постпроцессуального дефекта или выраженной резидуальной органической патологии.

У пациента с постпроцессуальным дефектом повысилась активность, гибкость в стремлении к самоутверждению, а у пациентки с резидуальной органической патологией возникли большая эмоциональная вовлеченность в общение, желание понимать других людей, устремленность в будущее и соответствующее координирование своего поведения (по результатам прохождения теста Люшера). По методике Роршаха у данных пациентов не было зарегистрировано никаких выраженных изменений. Клинически у обоих было зафиксировано улучшение основной симптоматики.

В то же время у пациентов без описанных выше нарушений были выявлены выраженные изменения по обоим тестам. У них обнаружены улучшения в рамках основной симптоматики (повышение активности, эмоциональная вовлеченность, гибкое стремление к самоутверждению, направленность на преодоление трудностей, снижение степени тяжести депрессии, увеличение количества ответов с опорой на цветовые стимулы типа Fb, FbF, FFb как показатель большей эмоциональности). У этих пациентов после окончания психотерапевтического цикла было зарегистрировано появление ответов типа FFb+ (гармонизация взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений) и даже BFFb+ (интеллектуально «акцентированный» вариант FFb+). Появление после цикла психотерапии ответов типа FFb+ и BFFb+ было зафиксировано у 15% пациентов (у 3 из 13 человек в двух группах).

Клинико-психологическое наблюдение и анализ процесса психотерапии по самоотчетам пациентов показали, что наибольшее эмоциональное напряжение и затруднение они испытывали во всех случаях восстановлении своего эмоционального отношения к ландшафтам и в 96% случаев – в процессе творческой реконструкции и проработки традиционно-мифологического содержания отношений к окружающей природной среде.

Существенным было то, что это «восстановление» сопровождалось определенным усилением основной симптоматики. В начале процесса **этногерменевтики** основные симптомы выражались относительно более диффузно, размыто, за исключением одного случая чрезвычайно яркого проявления основных симптомов. На этапе **этнодиссонанса** у всех пациентов наблюдалось обострение выраженности основных симптомов в момент переживания соотнесения их этноидов и этносреды рождения и проживания.

При погружении в гипноидное состояние пациенты, имея достаточно широкий опыт и «арсенал» элементов описания этнических признаков, накопленный на этапе этногерменевтики, спонтанно

и независимо друг от друга начинали построение собственных этноидов именно с элементов ландшафта, это были наиболее привлекательные для них непроизвольно возникающие представления. Клинико-психологический анализ процесса психотерапии при сопоставлении с результатами ранее проведенных экспериментов раскрыл приоритетную роль элементов ландшафта в процессе этнической самоидентификации личности и еще раз подтверждает значение нарушения последней как одного из этиопатогенетических факторов, обуславливающих расстройство депрессивного спектра.

При этом по нашим данным, деформация этноида и его расогласование с архегенией этносреды распространены среди психически здоровых людей и являются фактором риска возникновения дезадаптированности личности. В то же время это расогласование может иметь и конструктивное значение, например, на творческо-положительном уровне разрешения **этнофункционального личностного конфликта**, повышая энергетический потенциал личности (см. раздел о творчестве в главе 2).

Рассмотрим пример проявления основной симптоматики у пациента при обсуждении традиционно-мифологического смысла стихии «земля» на этапе этногерменевтики (рассматриваются только «пространственные» характеристики этноида пациента).

Пример 1

Пациент родился и проживает в средней полосе России, болен уже в течение трех лет; госпитализируется повторно с диагнозом при поступлении «эндогенная тревожно-тоскливая депрессия, возможно, в рамках процессуального заболевания: обсессивно-фобический синдром». Очаговой органической патологии нет, имеется незначительная черепно-мозговая гипертензия.

К психотерапевтическим сеансам относился с большим интересом, но никакой видимой активности на основных занятиях не проявлял, мотивируя это следующим образом: «Я сейчас не в состоянии», «Мне это непонятно». В ответ на любые предложения психотерапевта он отвечал: «Не понимаю, зачем это нужно?» – и принимал участие только в разминочных упражнениях. В конце этапа этногерменевтики при обсуждении мифологического смысла традиционных верований славян для понятий «земля» и «грех клятвопреступления», того, что земля может давить со страшной тяжестью на клятвопреступников и наказывать за грех (Славянская мифология, 1995), проявил выраженное беспокойство, страх, приближающиеся по своей интенсивности и характеру к панической реакции. При этом он попросил врача дать ему феназепам и выразил

желание выйти из помещения, где проводились занятия. В процессе индивидуальной беседы с психотерапевтом после сеанса он объяснил свое поведение тем, что сам является клятвopеступником, так как, будучи человеком глубоко православным, дал в церкви обет не совершать определенных греховных действий, однако постоянно нарушает эту клятву. Кроме того, из анамнеза явствовало, что в рамках основной симптоматики у пациента проявлялся страх «провалиться под землю», что «земля не держит, отсутствует чувство надежной опоры», когда он идет по ней.

Здесь примечателен факт соответствия эмоционально значимых для пациента символов (земля – клятвopеступление – греховность) смыслу представлений в славянской мифологии. При этом характер и интенсивность его эмоциональных реакций свидетельствовали о неосознаваемости и «нуминозности» (внутренней, архетипической обусловленности) данных представлений (см.: Nark, 1988, S. 119). С подобным феноменом сталкивался К. Г. Юнг, когда отмечал соответствие содержания психотических бредовых построений своих пациентов с определенными мифологическими представлениями у разных народов (Юнг, 1993).

Однако, насколько нам известно из литературы (Керлот, 1994; Славянская мифология, 1995; Aерpli, 1943, p. 94, 205, 235, 259) и консультаций со специалистами, описанный выше смысл представления является специфическим для славянской мифологии. В этом проявляется его этническая функция, общая у нашего пациента со славянскими народами и отличающая его от других этносов. Мы полагаем, что ландшафтно-климатические условия, в которых он родился и жил в течение всей жизни, в этнофункциональном смысле согласованы с его неосознаваемыми представлениями. В процессе дальнейшей психотерапевтической работы при построении собственного этноида (в гипноидном состоянии) пациент на фоне предшествующей внешней бездеятельности выбрал для себя образ предпочитаемого ландшафта: «избушка, зимний заснеженный еловый лес в косых лучах низкого солнца», дополнив его другими элементами русской этносреды. На последующих занятиях он совершенно забыл содержание своего этноида и на соответствующий вопрос психотерапевта ответил: «Нет, я не мог этого представлять, это невозможно». Тем не менее, осознав свои отношения (этноид) в процессе этнодиссонанса, пациент вербализовал эмоции в рамках своей основной симптоматики: жалость к себе, отчаяние, тоска о недостижимой для него жизни в избушке. В данном случае нарушение системы отношений пациента к этническим признакам

существенно проявилось в «разорванности», эпизодичности осознанного представления о предпочитаемом ландшафте и климате. Собственно психотерапевтическим моментом мы считаем здесь то, что в процессе этногерменевтики пациент получил поддержку группы при вербализации эмоций, связанных с неосознаваемым содержанием своих отношений к русской этносреде, а затем ему была предоставлена возможность обсуждения в группе своих чувств отчаяния и тоски. В процессе психотерапевтического обсуждения этих эмоций у пациента ненадолго возникло «чувство тихой радости», «ощущение возможности достижения в реальной жизни» предмета глубокой тоски (образа зимней природы и избушка).

По результатам клинической диагностики до и после психотерапии у данного пациента было отмечено снижение тяжести основных симптомов, правда, временное, на наш взгляд, из-за недостаточной посттерапевтической поддержки; ранее замкнутый, он существенно расширил круг своего общения. Экспериментально-психологическое обследование позволило выявить у него снижение оптимальности к проблеме полоролевой идентификации (по методике Люшера). Было обнаружено также возрастание общей активности, снижение эмоционального торможения когнитивных процессов, отмечена гармонизация взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон процесса психической адаптации, а также облегчение степени тяжести депрессии по показателям Роршах-теста (появление формо-цветовых ответов типа FFb+, т. е. гармонизации эмоционально и когнитивной сторон отношений).

Интересным представляется тот факт, что до начала психотерапии в процессе клинико-психологического интервью пациент отдавал предпочтение морскому ландшафту с горами и без леса с температурой зимой и летом от +5° до +20 °С (для постоянного проживания). Этноид, построенный им на последних психотерапевтических занятиях, был основан уже на среднерусском зимнем лесном ландшафте. Кроме того, при описании предпочитаемого типа питания до начала психотерапии он назвал свинину, бананы, груши, тогда как при посттерапевтическом описании этноида – свинину, картофель. В вопросах веры и мировоззрения отношения пациента остались неизменными, хотя, по наблюдениям лечащего врача, у больного проявился относительно повышенный интерес к вопросам мировоззрения.

Приведенный выше пример показывает, как в процессе приспособления системы отношений пациента к реальной этносреде происходят

позитивные клинико-психологические изменения. Однако это не единственный способ (тип) динамики этноида и, соответственно, повышения степени психической адаптированности в процессе этнофункциональной психотерапии.

Пример 2

Пациент родился и проживает в средней полосе России (возраст 25 лет), госпитализируется повторно, болен в течение 2 лет. Диагноз при поступлении – «эндогенная депрессия в рамках процессуального заболевания». Ведущий аффект – тревожно-тоскливый. В процессе структурированного этнофункционального интервью до начала психотерапии пациент описал следующие предпочтения по группам этнических признаков. Ландшафт и климат: горы, реки с водопадами, пальмы, слоны и т. п.; зимой средняя температура -18°C , летом $+25^{\circ}\dots+30^{\circ}\text{C}$. Предпочтение тех или иных антропологических особенностей не дифференцированы; любимые продукты питания – бананы, ананасы, груши, яблоки. Мировоззрение: «Верю, может быть, в Иегову, православия не придерживаюсь». В воспоминаниях о детстве в возрасте до 4 лет отмечал, что ему читали сказки народов мира и «Снежную королеву», своего отношения к природе в этом возрасте не помнит, т. е. здесь имело место этнофункциональное рассогласование содержания природной и сказочно-мифологической (отношение к ландшафтно-климатическим признакам и этнофункционально разнородные сказки) и религиозно-этической стадии (отношение к секте «Свидетелей Иеговы»).

К психотерапевтическим сеансам относился с нарастающей заинтересованностью – от первого до последнего занятия. Вначале испытывал затруднения в понимании инструкций, был малоактивен; далее произошло значительное усиление активности, улучшилось качество вербализации эмоций; стал лучше понимать инструкции, общительнее. Основные трудности пациент испытывал в самом начале этапа этногерменевтики, в творческой работе по сказочно-мифологическому осмыслению природной среды. В конце этого этапа он зачастую высказывал весьма впечатляющие правильные догадки о традиционно-мифологическом смысле тех или иных явлений (что могло быть известно только специалистам по древнему славянскому фольклору).

В процессе психотерапии (всего было проведено 16 сеансов) у пациента произошли следующие изменения в отношениях к этническим признакам: он исключил из этноида отрицательный регистр температур («зимы не бывает»), что, на наш взгляд, свидетельствует об улучшениях в когнитивной сфере, так как сочетание

пальм, слонов, бананов и зимы с -18°C явно нереалистично с позиций географии. Произошло также незначительное изменение в мировоззрении, когда вместо веры в Иегову пациент предпочел «общехристианскую веру». Этноид пациента в процессе психотерапии, следовательно, стал внутренне более цельным, гармоничным, это можно рассматривать как позитивное психическое изменение. В то же время обращает на себя внимание факт, что этот образ стал еще менее соответствовать природной среде архегении родной этносреды больного. Это является признаком **этнофункционального вырождения** личности по отношению к природной, системообразующей составляющей этносреды.

На этапе этнодиссонанса он в течение небольшого промежутка времени – на одном занятии – проявил чувства тревоги, отчуждения, собственной «инаковости» в реальном мире, переходящими в чувство радости, уверенности и надежды на лучшее в связи с пониманием его внутренних стремлений и эмоций психотерапевтом и другими членами группы. Внутренняя гармонизация этноида и усиление у пациента чувства собственной «инаковости» свидетельствуют, на наш взгляд, об отсутствии необходимости, ненужности изменения этноида в сторону большего соответствия этнофункциональной среде, что подтверждается значительными позитивными сдвигами в психике пациента. Эти проявления отражают характерное для случаев этнофункционального вырождения «дискардантное» *повышение степени выраженности этнофункциональной анархегении личности* при внутренней целостности этноида пациента (последнее, по-видимому, обусловило конструктивные сдвиги в психике пациента).

По данным клинической диагностики (лечащим врачом) до и после психотерапии у пациента констатированы существенные позитивные сдвиги по основной симптоматике: снижение чувства тревоги, повышение активности и качества общения. Результаты экспериментально-психологического исследования показали, что чувства самоуничтожения и бесцельности существования сменяются эмоционально-волевой направленностью на преодоление трудностей и ослаблением тревожности, а также сокращаются некоторые признаки латентного нарушения полоролевой идентичности (по методике Люшера). Одновременно зафиксировано снижение степени эмоционального торможения когнитивных процессов и тревожности, большая интеллектуальная продуктивность и гармонизация взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений (по методике Роршаха).

Для терапии последнего пациента можно предложить метод этнофункционального погружения. Это объясняется «эндопсихической» природой его этноида, поскольку в процессе психотерапии облегчение основной симптоматики у пациента сопровождалось усилением степени этнофункциональной рассогласованности этноида с этносредой ареала его рождения и проживания.

В целом возможны следующие типы позитивной динамики этноида в процессе психотерапии: а) внутренняя гармонизация этноида (осознание внутренних этнофункциональных рассогласований) при восстановлении системы отношений личности с архегенией этносреды ареала ее рождения (пример 1); б) внутренняя гармонизация эндопсихических связей этнофункционально рассогласованного этноида при компенсаторных связях эндопсихических элементов этноида с архегенией этносреды ареала рождения пациента в относительно редких случаях этнофункционального вырождения личности (пример 2). В последнем случае эффективным является изменение **реальной этносреды** пациента, предполагающее временную миграцию из одной этносреды в другую, этнофункционально более согласованную с его этноидом («**этнофункциональное погружение**», см. главу 4).

Идиографический анализ индивидуальных клинических проявлений в процессе психотерапии в сопоставлении с предварительными экспериментально-психологическими результатами, полученными при статистической обработке данных (номотетический метод), позволяет, на наш взгляд, сделать обоснованный вывод о существенной обусловленности депрессивной симптоматики этнофункциональным рассогласованием отношений человека к этническим признакам климато-географической группы.

Этнофункциональные рассогласования отношений к группе социокультурных этнических признаков (вере, мировоззрению, социально-психологическим установкам, взглядам на брак и семью и др.) в нашей практике амбулаторной психологической консультации также очень часто лежат в основе невротических конфликтов. Это подтверждается данными многих психотерапевтов. К. Г. Юнг, в частности, отмечал, что более двух третей его пациентов страдали не от клинически определенных неврозов, а от бессмысленности и беспредметности своей жизни, что позволило ему охарактеризовать подобную тенденцию как «общий невроз нашего времени», связанный с мировоззренческими проблемами личности (1993).

До сих пор незатронутой осталась группа расово-биологических признаков, этиопатогенетическая роль которой в практике нашей

работы в связи с теми или иными психическими расстройствами встречалась относительно редко.

Приведем пример из амбулаторной практики краткосрочной психотерапии – работа с «пространственными» характеристиками этноида пациента (2 сеанса).

Пример 3

Пациент пришел на консультацию с матерью, так как стеснялся сам обратиться к психотерапевту. В связи с тем, что юноша был в очень угнетенном и тревожном состоянии, так как считал себя внешне похожим на китайца, он обращался за консультацией к косметологу по поводу возможности пластической операции разреза глаз; реальная основа для ее проведения с точки зрения антропологии отсутствовала. По этой же причине он стеснялся знакомиться с девушками, что в большей мере было предметом беспокойства матери. В связи с этим пациент выдвигал следующие мотивировки: «Теперь девушкам нужны только деньги» и т. п. Мать юноши русская; с его отцом, татарин по национальности, уже 8 лет в разводе; живет с сыном (пациентом) и новым мужем. Юноша очень остро переживал развод родителей, во всем винил отца, который завел себе другую женщину. Когда пациенту был предложен ассоциативный эксперимент, включающий нейтральные слова и названия различных этносов, выраженная задержка латентной реакции проявилась на словах «монгол» и «татарин» (слово «китаец» не предлагалось). Клиническая беседа подтвердила эмоциональную напряженность, связанную с национальностью отца. В беседе с неразговорчивым юношей была сделана попытка определить сферу его интересов по этнической проблематике. Его привлекла тема взаимодействия русских и татаро-монголов на примере исторической ситуации во времена Александра Невского. Беседа была построена в проблемном ключе, и в итоге юноша самостоятельно после подачи исторического материала психотерапевтом дал положительную оценку историческому взаимодействию русских и татар в их противостоянии Ливонскому ордену в трактовке Л. Н. Гумилева (Гумилев, 1992). После этого беседа потекла более оживленно: юноша задавал вопросы по поводу взаимоотношений со сверстниками, психотерапевт при этом стремился дать ему возможность осознать некоторую неадекватность в характере этих взаимоотношений. По окончании психотерапевтического сеанса произошли определенные положительные сдвиги в самосознании клиента, которые сохранились не менее четырех месяцев (в ка-тамнезе). В его представлениях появилось место для «хороших»,

«немеркантильных» девушек. Вместе с тем у юноши снизилась тревожность, а его «дисморфомания» трансформировалась в следующее отношение: «Это было раньше; сейчас все прошло, мне удалось разгладить морщины в углах глаз», которые и придавали им некоторое «узкоглазие», что, естественно, нельзя рассматривать как полное исчезновение соответствующей симптоматики.

В процессе обсуждения этноисторического материала в приведенном выше примере в сознании пациента была осуществлена экспликация и проработка его отношения к этноинтегрирующему фактору – конструктивному историческому смыслу взаимодействия русских и татар, и подвергнуто сомнению (в определенном смысле развенчано) отношение к реальности их исторического антагонизма как этнодифференцирующего фактора. Здесь достаточно явно выступает связь дисморфоманического моносимптома с нарушением этнической самоидентификации, с одной стороны, и проявлением симптомов психического расстройства, с другой. В данном случае было эксплицировано и осознано отношение пациента к собственным расово-биологическим особенностям.

Применение этнофункциональной психотерапии в работе с пациентами, страдающими психическими расстройствами различной нозологии с различными типами ведущей депрессивной симптоматики, позволило обеспечить положительную динамику последней. Существенную роль в этиопатогенезе такого рода расстройств, по-видимому, играет отношение к группам климато-географических, а также социокультурных признаков (проблемы, связанные с отношением к расово-биологическим признакам, встречались относительно реже, хотя их значимость, согласно идиографическому исследованию, также была подтверждена). Положительные сдвиги в психическом состоянии больных с депрессивными расстройствами связаны в большей мере с восстановлением традиционного сказочно-мифологического содержания их отношений именно к ландшафтно-климатическим этническим признакам (т. е. опосредствование отношения к образам природы сказочно-мифологическим содержанием).

Клинически было установлено, что характер фармакотерапии в данном случае существенно не влиял на качество проработки эмоций в работе с пациентами, оно улучшилось в процессе и результате собственно психотерапии. В некоторых случаях наблюдения за испытуемыми на сеансах психотерапии позволяли также уточнять психиатрический диагноз.

Таким образом, идиографическое клинико-психотерапевтическое исследование подтвердило роль этнофункциональных расхождений природно-образного и сказочно-мифологического содержания отношений личности к архегении этносреды ареала ее рождения в этиологии депрессивных расстройств. Признаки этнофункционального вырождения практически всегда имели место при эндогенных расстройствах.

5.3 Общие принципы этнофункциональной психотерапии в наркологии*

С позиций этнофункциональной психологии условиями возникновения зависимости от наркотических средств и психоактивных веществ у конкретного человека являются два рода факторов.

Во-первых, это особая информационная ситуация, возникшая на современном культурно-историческом этапе, связанная не только с широким распространением, но и с косвенной пропагандой наркотических и психоактивных веществ в СМИ, видео- и аудиопродукции и пр. Эта ситуация представляет собой особую *«анти-терапевтическую среду»*, элементы которой являются, в основном, этнофункционально расхожденными с архегенией этносреды рождения и проживания большинства населения. Такого рода анти-терапевтическая среда представляет собой искусственную субкультуру (или «эрзац-культуру»), которая для каждого типа наркотика характеризуется определенными признаками. Например, помимо общих гедонистических установок потребителей наркотических веществ, потребители психостимуляторов, активирующих в основном моторную, эмоциональную и в определенной мере – когнитивную сферу («экстази», фенамин, амфетамины, первитин, марихуана), предпочитают популярную музыку типа «техно»: «джангл», хардкор, транс, хаус. Такая музыка ритмична, исполняется в высоком темпе, очень громко; это компьютерная музыка с использованием спецэффектов. Психостимуляторы – это «клубные наркотики», употребляемые, как правило, в атмосфере общения, «тусовок».

Потребители галлюциногенов (психоделиков), активирующих в основном идеаторную сферу: ЛСД, мескалина, псилоцибов («грибов»),

* Клинико-психотерапевтические и экспериментально-психологические исследования зависимостей от наркотических средств и психоактивных веществ проводились в течение 1997– 2005 гг. на базе Московского Научно-практического центра наркологии.

кетамина, некоторых сортов марихуаны – предпочитают «прогрессивный рок» (Дж. Хендрикс, Эмерсон, «Лэйк энд Палмер» и т. п.) и «психоделический рок» («Грэйтфул Дэд», ранний «Пинк Флойд», стиль «Нью Эйдж» и пр.). Эта музыка исполняется чаще на «живых» инструментах (иногда с техногенными включениями, например, «Дэд Кэн Данс»), темп ее гораздо ниже, она «медитативна» и способствует потребителям психоделиков «отлетать в неведомую даль» как индивидуально, так и в компании.

Потребители так называемых «седативных» наркотических веществ, в частности, опиатов: героина, морфия, морфина, опия-сырца (так называемые «черняшки») – избегают быстрой, энергичной музыки. Предпочтение отдается различным вариантам джаза (особенно типа «колд джаз»); музыка исполняется на «живых» инструментах, в неровном, относительно медленном темпе, с некоторой навязчивостью, навевая меланхолическое, «депрессивное» настроение (музыка типа «би-боп», «Портис Хэд» и др.). Потребляющим опиаты безразлично, в компании они потребляют наркотик или индивидуально, лишь бы никто не мешал; особенно не выносят «винтовых» (т. е. употребляющих первитин) за их повышенную активность, шумность, болтливость.

Очень редко встречаются наркоманы, увлекающиеся симфонической классической музыкой, классической литературой и живописью (даже если они по своему профессиональному образованию или роду деятельности связаны с такими видами искусства), предпочтение отдается модернизму в живописи, музыке, и литературе.

Такое положение вещей, во-первых, объясняется тем, что «эрзац-культуры» (т. е. искусственный «информационный фильтр», искусственная «этносреда») не имеют естественной и органичной связи с традиционными этносредами России и Европы. Они образованы из конгломератов тех или иных осколков различных этносред, по преимуществу из различных оттенков буддистских мироощущений и мировоззрений, шаманизма африканских, северо- и южноамериканских племен, а также некоторых других, достаточно экзотических для европейца.

Во-вторых, важная группа факторов связана со своего рода эпидемией состояний психической дезадаптированности современного человека, обусловленных тем, что он уже не в состоянии справиться с нарастающими потоками обрушивающейся на него разнородной этносредовой информации. Этнодифференцирующая функция элементов этой информации может обуславливать возникновение в психике широкого спектра ведущей депрессивной симптоматики

по классификации принятой в отечественной психиатрии: тоски, тревоги, апатии, специфических идеаторных и моторных нарушений, особых навязчивых представлений, идей малоценности и самообвинения, ипохондрических расстройств (Сухарев, 1998; Сухарев, Степанов, 2006 и др.). Преморбидная психическая дезадаптированность является существенным фактором риска возникновения зависимостей, в том числе и от наркотических средств и психоактивных веществ (Пятницкая, 1994).

Сложившаяся в нашей стране информационная «этнокультурно мозаичная» (В. А. Тишков) ситуация особенно интенсивно начала развиваться в предперестроечный период, и нарастание этой «мозаичности» продолжается и в настоящее время. Данное обстоятельство обусловило особую выраженность и широкую распространенность среди современного молодого поколения высокой степени выраженности этнофункциональной анархегении личности и, как следствие, рост эмоциональной и нравственной незрелости молодежи при ее относительно достаточной информационно-бытовой и когнитивной приспособленности. Эмоционально-нравственная незрелость, как и депрессивные проявления, является фактором риска возникновения употребления психоактивных веществ и наркотических средств. Как показывают клинические исследования, фактором риска возникновения наркотизма являются нарушения этнофункционального развития личности на сказочно-мифологической стадии, что связано с недоразвитием эмоционально-мотивационной сферы, волевого контроля эмоций на религиозно-этической стадии (недостаточная сформированность у пациентов нравственно-этических норм).

Исследования выявили этнофункциональную специфику опийной наркомании и зависимостей от некоторых других психоактивных веществ – алкоголя, первитина, каннабиоидов, никотина и некоторых токсических веществ.

В соответствии с представлением об этнофункциональной системности этносреды этническая функция конкретных психоактивных и наркотических веществ, традиционно произрастающих в определенных этносредовых условиях, интегрирует их именно с данной этносредой. Психические состояния, процессы и содержание отношений, активизируемые или возникающие вследствие приема этих веществ, традиционно «привычны» для народов конкретных этносред. В плане биологической приспособленности эти элементы определенным образом связаны с традиционными природно-климатическими условиями существования данного этноса или этнической системы и расово-биологическими особенностями

этнофоров («природно-биологическая защита»), а также гармонично включены в социокультурном отношении в традиции, обряды, специфические для данной этносреды («социокультурная защита»). Если прием тех или иных психоактивных веществ, традиционно включенных в определенную этносреду, осуществляется «чужаком», родившимся и проживающим в существенно иной этносреде, то возникающие у него психические состояния, скорее всего, будут этнофункционально рассогласованы со всей структурой его психики. Это, в свою очередь, может обуславливать возникновение состояний психической дезадаптированности.

Употребление опия традиционно включено, например, в буддистскую культуру стран Индокитая (в частности, Бирмы), северо-западной Индии и др. В христианской Европе и других регионах опий (исходный ареал произрастания – Передняя Азия) является «чуждым» в этнофункциональном отношении психоактивным веществом, что не позволяет конкретному потребителю найти адекватные когнитивные, эмоциональные и моторно-поведенческие формы интеграции данного психоактивного воздействия на свою целостную психику. В частности, потребитель опия в России не может понятно для себя и для других описать ни своих переживаний, ни представлений, ни тем более разумно объяснить свое поведение. Такое положение интерпретируется как весьма деструктивное этнофункциональное рассогласование в психике человека. И. Н. Пятницкая отмечает, что одна из фаз после приема опиатов сходна с «тихим покоем, описываемым в художественной литературе под названием нирваны» (1994, с. 215). Действительно, употребление опиатов традиционно распространено преимущественно в этносредах, где буддизм является господствующей идеологией, обеспечивая этому употреблению определенную «культурную» защиту, как в традиционно-бытовом аспекте, так и в плане мировоззрения и мироощущения. Состояние отрешенности, которое обретают потребители опиатов, имеет в данных этносредах некоторый нравственно-положительный смысл ввиду видимого сходства этого состояния с нирваной и другими ценностно-положительными состояниями психики в буддизме: чувством «отрешенности от мира», «отсутствием желаний» и т. п. Как показывают исследования (Личко, Битенский, 1991; Пятницкая, 1994), а также наши наблюдения, опийное опьянение, как правило, связано с чувством эйфории, удовольствия как полной душевной и физической самодостаточности и отсутствием стремления к какой-либо активности. Естественно, что подобные ценности являются весьма сомнительными с позиций христианства.

В свою очередь, алкоголь, включенный в европейскую (христианскую) этносреду, согласно определенным культурным традициям, запрещен во многих мусульманских странах. Действие таких психостимуляторов, как кокаин, амфетамины и другие, вполне соответствует западно-протестантскому мироощущению и образу жизни, где, прежде всего, ценится сила, энергия, активность, продуктивность, что, кстати, соответствует преобладанию «постперестроечных» социальных установок в современной России, а курение опиума традиционно приемлемо в странах Юго-Восточной Азии.

По сравнению с опийным опьянением, употребление алкоголя, первитина и наркотизация парами некоторых сортов клея обладают одной общей особенностью. Их употребление (а также употребление галлюциногенов), как правило, в той или иной мере связано на определенной стадии опьянения с усилением психической активности, направленной либо внутрь, либо вовне и проявляющейся в идеаторной, аффективной и моторно-поведенческой сферах (Брюн, 1998; Михайлов, 1992; Пятницкая, 1994).

Например, первитин обуславливает активность в идеаторной сфере, в общении. Вдыхание паров клея и т. п. усиливает активность когнитивной сферы (ускоряет и «улучшает» мышление, активизирует состояние «интеллектуального озарения», «всепонимания», стимулирует возникновение галлюцинаций) (Личко, Битенский, 1991, с. 123–240). Употребление алкоголя также связано, как правило, с повышением активности – моторной, эмоциональной, общения и т. п.

Этнофункциональная специфика переживаний, испытываемых при употреблении тех или иных наркотических веществ, часто, особенно у лиц, употребляющих эти вещества впервые, может вызывать сильное состояние тревоги и т. п. Эта тревога может быть преодолена, в частности, с помощью «проводника», роль которого чрезвычайно важна в разных культурах. Роль таких «проводников» в условиях современной цивилизации играют представители и «носители» соответствующих субкультур, в которые «включен» конкретный наркотик (Риос, 1997; Личко, Битенский 1991). Как этнически чуждое психоактивное вещество в рамках своей концепции «этнической педагогики» рассматривал наркотики парижский этнопсихиатр Тоби Натан (1994).

Общие принципы этнофункциональной психотерапии в наркологии

Исследования показывают, в частности, что инфантильно-магическое отношение опийных наркоманов к действительности не соответствует их биологическому возрасту (Брюн, 1993, 1997 и др.), а наличие

инфантильных взаимоотношений в семьях наркоманов свидетельствует о том или ином типе нарушения этнофункционального развития личности.

Некоторые наркотические вещества, используемые в ряде традиционных культур, следует рассматривать как этнофункционально «чуждые» в определенных этносредах. Например, некоторые сорта мака, традиционно использовавшиеся западными славянами в сакральных обрядах повышения плодородия земли, а также производные лизергиновой кислоты, содержащиеся в спорынье (грибок, паразитирующий на ржи), использовавшиеся знахарями у восточных славян, могли использоваться лишь подготовленными «посвященными» представителями этих народов (шаманами, знахарями и т. д.).

Перспектива успешной психотерапии зависимостей от наркотических средств и психоактивных веществ состоит в учете этнофункциональных рассогласований элементов психики человека и проработке когнитивной, эмоциональной и моторно-поведенческой сторон этих рассогласований. Механизмом этой проработки является преодоление разрывности различных сторон системы отношений личности к архегении этносреды ее рождения в процессе психотерапевтического «восстановления» нарушений на природной, сказочно-мифологической, а затем на религиозно-этической стадии этнофункционального развития личности.

Отличие этнофункциональной психотерапии наркоманий от психотерапии аффективных расстройств заключается в учете этнической функции употребляемого психоактивного вещества. В частности, употребление опиатов, как уже упоминалось, связано с основами буддистского мирозерцания и мироощущения. У человека, родившегося в России и в той или иной мере считающего себя православным, если и могут быть какие-то фрагменты знаний о философии буддизма, то о буддистском мироощущении, органично проявляющемся в эмоциях, мышлении и поведении, вряд ли может идти речь. Следует заметить, что попытки «примерить на себя» некоторые экзотические религии сами по себе могут приводить к психическим расстройствам (Волков, 1997; Кондратьев, 1995; Кураев, 1997; Полищук, 1997; Сыропятов, 1995; Целикова, 1997).

*Метод этнофункциональной иммунизации
в наркологии (этнодиссонанс)*

Потребители опиатов в европейских и других этносредах относятся к протестной контркультуре (субкультуре), так или иначе связанной с элементами буддистского мировоззрения, привнесенных

в Россию, а также в Европу и Америку (Щербак, 2003). В гипноидном психотерапевтическом погружении эти поверхностно усвоенные установки «дезактивируются» и человек со своей базальной эндopsихической структурой остается при воображаемом употреблении наркотика «один на один» с психоактивным действием опиатов, относящихся к «чуждой» этносреде. При этом пациенты испытывали чувства тревоги, страха, отвращения, физической и душевной подавленности, апатии, тоски, нереальности происходящего, чувства «находимости внутри сферы», одиночества, серости, возникало депрессивное восприятие блеклости или монохромности ранее (до «приема» наркотика) ярких и разнообразных красок и т. д. (около 180 случаев).

Ни о каких положительных эмоциях или «кайфе» (сленг) в этом состоянии слышать от пациентов не приходилось никогда (за исключением редких случаев у истерических личностей, маскирующих свои истинные чувства). Эмоционально-положительное описание «сладости» наркотика такие пациенты давали только в «бодрствующем» состоянии при общем негативном отношении к психотерапии, описывая не свое текущее состояние, а мысли «о наркотике вообще». «Втянувшиеся» в употребление наркотика пациенты рассматривают его лишь как средство избавления от тягостных переживаний в реальном мире уже вследствие длительного употребления данного вещества.

Получение удовольствия, «кайфа» от употребления опиатов, описываемые пациентами в «бодрствующем» состоянии, можно объяснить той особой субкультурой, в которую, в частности, включено представление об этих наркотиках как о «престижных» психоактивных веществах, используемых «творческими личностями» в шоу-бизнесе и т. п. В состоянии гипноидного погружения субкультурные установки как привнесенные из иных этносред и связанные с «чуждым» мироощущением для человека, родившегося и живущего в центральной России, отходят на второй план. Происходит взаимодействие эндopsихического, базального содержания личности пациента с этнодифференцирующим эмоциональным «следом» от приема наркотика, который сохраняется в психике вследствие опыта наркотизации.

Переживая в гипноидном состоянии употребление опиатов (воображаемое с подачи психотерапевта), пациенты испытывают депрессивный аффект, как мы полагаем, вследствие невозможности описать ту этносредовую реальность, которая имеет этнофункциональное «средство» с опиатами как этнофункционально рассогласованными

психоактивными веществами. В психотерапевтической практике человек, «употребляющий» опиаты в процессе гипноидного погружения, в своем воображении сталкивается с проблемой словесного описания тех состояний, «сродство» с которым имеет этот тип наркотиков, а именно – пассивно-созерцательного блаженства, отрешенности от мира, имеющих нравственно-положительный смысл в буддизме. Интеграция, например, такого мироощущения и мировоззрения в психику русского (родившегося в России), тем более, православного, требует огромных адаптационных, энергетических затрат.

Переживание «несуггестивных» тягостных чувств и ощущений в связи с «приемом» наркотика дает пациенту возможность самому, а не со слов врача почувствовать и осознать, что истинный эффект от приема опиатов – депрессия. Данный метод дает в итоге позитивный психотерапевтический эффект (через определенное обострение симптоматики – тяги к наротику) и, исходя из механизма его действия, является «**этнофункциональной иммунизацией**» (см. выше). Этнофункциональная иммунизация, по-сути, является этапом этнодиссонанса в процессе этнофункциональной психотерапии. На этом этапе пациент без суггестии со стороны психотерапевта, что очень важно подчеркнуть, переживает и осознает неприятные чувства и эмоции, связанные с непосредственным включением в психику этнофункционально рассогласованных состояний, обусловленных этносредово «чуждым» психоактивным веществом.

Если употребление опиатов обуславливает возникновение состояний «отрешенности», выключая личность из общества и родной этносреды в целом, то потребление психостимуляторов, а также галлюциногенов, у которых в начальной фазе действия проявляется психостимулирующий эффект, напротив, обуславливает **сверхвключение в реальную этносреду** на идеаторном, эмоциональном, поведенческом уровнях. Вследствие этого в гипноидном состоянии в момент «иммунизации» пациенты не переживают «этнофункционального диссонанса», а лишь обычные при приеме конкретного психостимулятора приятные переживания, представления, активность и пр. Однако из-за чрезмерной стимуляции все же происходит перерасход энергии, который пациенты этой группы субъективно переживают в виде депрессии лишь *после* приема наркотика по выходе из гипноидного состояния, что после осознания и обсуждения своих переживания с психотерапевтом дает эффект «иммунизации».

Иллюстрацией культурного смысла психостимуляторов может служить своего рода «кокаиновая эпидемия» в США среди

бизнесменов, работников шоу-бизнеса и т. п., которым требуются «активность, энергичность, продуктивность», т. е. ценности *протестантской культуры капитализма* по М. Веберу (1994). Люди, у которых возникают проблемы с кокаином, не являются в США и Европе изгоями, как героиновые наркоманы, и не вызывают к себе легкого презрения, в отличие от потребителей алкоголя, психоактивного вещества, популярного в православных странах. Потребление кокаина «искупается» повышением, на первых порах, продуктивности труда, социально-престижными достижениями.

Переживания опийных наркоманов, с одной стороны, и наркоманов, потребляющих психостимуляторы и галлюциногены, а также людей, страдающих алкоголизмом, с другой, с точки зрения их этнической функции различны.

Это существенно для учета специфики психотерапии конкретных типов наркоманий. В целом особенность переживаний опийных наркоманов состоит в том, что основной конфликт у них – *внутрипсихический*, в момент употребления наркотика происходит взаимодействие исключаящих друг друга в этнофункциональном смысле психических *состояний* и *отношений* к ним. Потребители психостимуляторов переживают такой конфликт гораздо легче, проблемы возникают у них в основном как состояния дезадаптации (депрессивные переживания) вследствие «перерасхода энергии» из-за стремления более адекватно войти в реальную этносреду и в большей мере соответствовать ценностям постиндустриального общества, определенной социальной роли (*социально-ролевой* конфликт). Употребление алкоголя вследствие его этноинтегрирующей функции в европейских этносредах не отторгается (хотя и не приветствуется) общественным мнением и первоначально связано, как показывает клинический опыт, с *межличностными конфликтами* лишь в случаях его «злоупотребления» (обычно в семье).

В целом этнофункциональный подход позволяет дифференцировать характер и направление психотерапии зависимостей от различных психоактивных веществ благодаря учету их этнической функции.

Особенности качественной этнофункциональной психодиагностики наркоманий

Менее благоприятный прогноз в психотерапии наркоманий и алкоголизма достаточно уверенно ставится при наличии этнофункциональных рассогласований отношений пациента ко всем трем группам этнических признаков, а более благоприятный – при их

отсутствии. Наиболее важным показателем неблагоприятного прогноза является наличие этнофункционального рассогласования к группе ландшафтно-климатических признаков.

Качественная этнофункциональная психодиагностика наркоманий предполагает, помимо выявления нарушений этнофункционального развития личности, выявление этнической функции данного наркотического средства, его «этносредовой принадлежности». Другими словами, проводится этнофункциональная психодиагностика основного симптома – отношения (влечения) к конкретному наркотику, употребляемому пациентом.

Содержание и направленность этнофункциональной психотерапии при наркоманиях и алкоголизме

Основой этнофункциональной психотерапии и реабилитации страдающих наркоманиями, алкоголизмом и зависимостями от других психоактивных веществ является восстановление системы отношений пациента к этнофункциональной архегении личности.

В общем случае отличием психотерапии наркоманий от психотерапии зависимости от алкоголя (и психостимулирующих веществ) является направленность психотерапевтического воздействия.

В случае наркоманий (особенно опийной) осуществляется общее восстановление системы отношений личности к содержанию природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий этнофункционального развития личности пациента, а при алкогольной зависимости психотерапевтическое воздействие уже на начальном этапе работы направлено также и на ее религиозно-этическую стадию.

Помимо общего восстановления системы отношений личности, должна проводиться этнофункциональная проработка основного симптома, т. е. активизация и осознание отношения пациента к конкретному психическому состоянию, вызываемому наркотиком, употребляемым пациентом (например, в форме «этнофункциональной иммунизации»).

Оптимальной формой работы с опийными наркоманами, личность которых, как правило, относительно более аутизирована, является индивидуальная, а с алкоголиками и отчасти с употребляющими психостимуляторы рекомендуется также и групповая работа. Групповая работа показана на более поздних стадиях терапии. Эффективным является использование смешанных групп, включающих пациентов, зависимых как от опиатов, так и от алкоголя и психостимуляторов.

Психотерапия может проводиться как в группе, так и индивидуально в процессе различных вариантов погружения пациента в гипноидное состояние, при сохранении с ним вербального контакта или без него, в процессе рациональной или психодинамической психотерапии, с применением элементов психодрамы и пр. Следует отметить, что опийные наркоманы в любом случае нуждаются в индивидуальном подходе и индивидуальной психотерапии.

Особо следует коснуться проблемы зависимости от алкоголя в христианских этносредах и в особенности в православной России для европеоидной расы (русские, белорусы, украинцы и др.). Потребление алкоголя в русской этносреде было традиционно включено как в дохристианский (например, варка и употребление пива, а также хмельного меда во время летне-осенних праздников урожая и осенних свадеб), так и в православный этап ее развития – сакральное употребление вина в таинстве евхаристии. Кроме того, с XVIII в. постепенно стало общепринятым в быту употребление пива, хмельного меда, а позже и пришедшие из Европы спиртные напитки (в допетровские времена – некрепкие, до 20° настойки ягод и т. п.) в дни, не запрещенные церковными правилами.

Алкогольные зависимости с неблагоприятным прогнозом характеризуются наличием этнофункциональных расхождений отношений пациентов ко всем трем группам этнических признаков (часто это случаи этнофункционального вырождения). Психотерапия осуществляется в данном случае в обычном порядке, с предпочтительным использованием метода **«этнофункционального погружения»**.

Отмечены относительно частые случаи алкоголизма с относительно благоприятным прогнозом, для которых культурно-опосредствованное и, соответственно, традиционно-регламентированное употребление алкоголя является этнофункционально согласованным с эндопсихикой пациента. В этом случае реально действующим традиционным культурным механизмом, позволяющим избавиться от алкогольной зависимости, является восстановление нарушений межличностных отношений (прежде всего в семье) на основе христианской нравственности как системы освященных церковью правил, обетов, епитимий и пр. Если для больных алкоголизмом с неблагоприятным прогнозом разъяснение вреда «кодирования» эффективно при указании патогенности этой процедуры для физического здоровья человека (вследствие возникновения психосоматических расстройств из-за неразрешенных эмоциональных конфликтов), то для «благоприятного прогноза» к этому может добавляться аргументация

о «зомбировании» и лишении человека свободы выбора, противоречащих православному мировоззрению.

Обязательным условием успешной психотерапии является желание пациента работать с психотерапевтом, готовность преодолевать определенные трудности, связанные с процессом психотерапии. Задача психотерапии на первом этапе – создание условий для возникновения такого желания у пациента.

Перед началом психотерапевтических занятий необходимо разъяснить пациенту их смысл и цели. Чрезвычайно важным является умение подобрать соответствующий язык общения с пациентом с учетом его возраста, уровня образования, интересов и др. После проведения индивидуальной этнофункциональной психотерапии в объеме не менее 7 сеансов (не более 3 раз в неделю) при сохранении положительного настроения на психотерапевтическое лечение ремиссия наблюдалась в течение периода не менее одного года.

Рассмотрим один из клинических случаев успешной этнофункциональной психотерапии героиновой наркомании.

Пример 1

Пациент Д., 23 года, поступил в клинику с диагнозом героиновой наркомании. В течение 2,5 лет он употреблял героин в виде инъекций. После преодоления абстинентного синдрома с фармакологической поддержкой с интересом приступил к психотерапевтическим занятиям.

Психодиагностика показала, что у пациента, русского по национальности и родившегося в Москве, отсутствуют сколько-нибудь выраженные рассогласования по климато-географическому признаку: он отдавал предпочтение среднерусским ландшафтам (признак благоприятного прогноза). По типу питания предпочитал картофель, свинину, яблоки. Однако, будучи крещеным и считая себя православным, пациент не считал нужным вести образ жизни, хотя бы в малой степени отвечающий его убеждениям: молитв не знает, не исповедуется, церковь посещает редко и испытывает там чувство смущения. Основной этнофункциональный конфликт был диагностирован в социокультурной сфере (отношение к вере, мировоззрение и мироощущение). У пациента было диагностировано «выпадение» религиозно-этической стадии, при наличии природной и этнофункциональной рассогласованности содержания сказочно-мифологической стадии.

Этногерменевтика на природной стадии

1 сеанс В гипноидном состоянии перед взором пациента возник образ карельской природы: озеро, огромный камень, сосны.

Чувственный фон, сопровождающий образ: «трепетание», тоска, страх, «зависть к счастью», стремление проникнуться этим образом, ассоциирующимся с чувством счастья. Здесь была выявлена основная (помимо тяги к наркотику) депрессивная симптоматика пациента с ведущим тоскливо-тревожным аффектом.

2 сеанс Были закреплены глубокие радостные чувства, связанные с любимым ландшафтом. С помощью психолога пациент осознал чувства тоски и тревоги (в постгипноидном состоянии).

Этногерменевтика на природной и сказочно-мифологической стадии

3 сеанс В гипноидном состоянии пациенту была предложена полевая запись русского фольклорного инструмента – калюки. Возник образ пустыни с негативным чувственным фоном – неуверенность. Возникло чувство диссонанса между чувством неуверенности, образом пустыни, с одной стороны, и чувством уверенности, звуками калюки, картиной озера – с другой.

4 сеанс Проработка образов, чувств и соответствующих диссонансов 7 сеанса. Возникновение чувства уверенности, свободы, чувства «слияния с природой»; изменилось отношение к религиозно-нравственной сфере.

Этногерменевтика на религиозно-этической стадии

5 сеанс Пациенту, находящемуся в гипноидном состоянии, был предложен обобщенный образ молящегося человека. Он представил старообрядческий скит и старика в молитве. Попытка пациента «проникнуть» в душу старика субъективно не удалась.

Чувственное сопровождение образа: а) страх, ненависть к своей «пустоте», неприязнь к себе; б) чувство радости за старика («Я отошел от него и не разрушил своей пустотой»). Мелькнула мысль: «Этот старик есть во мне».

6 сеанс Психотерапевтическая проработка чувств и образов предыдущего сеанса.

7 сеанс В гипноидном состоянии пациенту был предложен образ буддистского храма и монаха в тропической стране. В процессе работы с образом монаха пациент испытал смешанное чувство тревоги и интереса.

Следующими предложенными образами были скит и старик из 5 сеанса. На этот раз пациент испытал чувство «сверхблизости», доброту в душе.

8 сеанс В гипноидном состоянии молодому человеку был предложен для прослушивания старообрядческий духовный стих (гусли, пение). Чувственный фон, сопровождающий возникающие

у пациента образы: беспомощность, физическая подавленность и при этом – любовь, спокойствие, уравновешенность. В пост-гипноидном состоянии он сам оценил испытанные чувства как «лучшие, чем веселость».

С 1 по 8 сеанс эта проработка осуществлялась на эмоциональном, когнитивном и отчасти на двигательном уровне.

Этап этнодиссонанса (этнофункциональная иммунизация)

9 сеанс Проработка отношения пациента к наркотику. В гипноидном состоянии молодой человек спонтанно вернулся к ландшафту: лес, камень, озеро. Сопутствующие чувства: спокойствие, «слияние с природой»; ощущение того, что «это мое настоящее „Я“».

Затем пациент покидает любимый ландшафт (с чувством беспокойства и тревоги). Приходит в город (тоска, грусть). Осуществляет воображаемую инъекцию героина («иммунизация» в гипноидном состоянии). Сопутствующие чувства во время и после укола – страх разрушить что-то, отвращение, затем чувство «отчуждения», «ощущение какой-то незримой сферы вокруг», «чувство одиночества».

В этом состоянии пациент опять возвращается в лес к озеру. Его отчет: «Я лишний, ничего не воспринимаю, усталость „по жизни“, чувство пустоты, одиночества, все краски леса и озера стали блеклыми, какими-то серыми, чувство того, что все вокруг – мираж, все нереально».

В процессе «этнофункциональной иммунизации» во время и после воображаемого употребления героина пациент испытывал исключительно депрессивную симптоматику. После этого сеанса у него в течение двух суток отмечался сниженный фон настроения, чувство «депрессии», подавленности.

*Поддерживающая терапия
на сказочно-мифологической стадии*

10 сеанс У пациента сохранились некоторый след тягостных переживаний, вызванных «провокацией» на 9 сеансе. В гипноидном состоянии он вновь возвращается на лесное озеро, купается, общается с лешим и водяным (чувство тревоги). Встречается с наркоманами на лесной тропинке (чувства превосходства, уверенности в себе, радости). При выходе из гипноидного состояния – «ровное, уверенное чувство».

11 сеанс Осознанная интеграция в психику пациента лучших переживаний реальности (конструктивные описания) и дезинтеграция его психики с переживаниями, связанными с употреблением героина, т. е. деструктивным одиночеством, изоляцией, тревогой, тоской, безнадёжностью и пр.

После проведения цикла психотерапии у молодого человека наблюдалась 18-месячная ремиссия с единственным срывом – одна инъекция.

Фармакологическая поддержка осуществлялась в основном в первые дни после снятия абстиненции и была направлена на регуляцию сна.

В процессе психотерапии у пациента произошли определенные сдвиги в преодолении нарушений этнофункционального развития личности на природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиях.

Разительный контраст в переживаниях, которые испытывают пациенты в процессе «иммунизации» в гипноидном состоянии, наблюдается у тех, кто страдает зависимостью от опиатов, с одной стороны, и от алкоголя, первитина, а также некоторых токсических веществ и психостимуляторов, с другой.

Ниже приведены краткие выдержки из клинических случаев этнофункциональной психотерапии первитиновой и алкогольной зависимостей, а также зависимости от токсических веществ (клей, растворители).

Пример 2

Пациент В., родился в Москве, 30 лет, первитиновая зависимость 5 лет. Этнофункциональная психодиагностика выявила наличие существенных рассогласований в мировоззренческой сфере (считает себя православным, однако убежден, что «молиться можно в любом храме – буддистском, мусульманском»). В ландшафтно-климатическом выборе и выборе типа питания рассогласований не обнаружено. Выявлено «выпадение» природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий этнофункционального развития личности.

1 сеанс В гипноидном состоянии возникло спонтанное представление «движущихся в пустыне скал». Чувственный фон: «доброе чувство» («скалы были добрые»), возникший интерес к работе, хорошее настроение (по Х. Лейнеру (1996), спонтанно возникающие в представлениях пациентов «экзотические пейзажи», как минимум, свидетельствуют о психопатологических проблемах).

5 сеанс Провокация в гипноидном состоянии – «употребление» первитина сопровождалось подъемом активности, оптимистическими планами (после «укола»).

7 сеанс Осознание действия наркотика «наяву»: «это зло, это от дьявола, мешает реально воспринимать жизнь».

Пример 3

Пациент П., русский, родился в Сибири, 24 года. Употребляет токсические вещества (ингаляция клея «Момент») 7 лет. Этнофункциональная психодиагностика выявила рассогласование в мировоззренческой сфере («Некрещеный, в Иисуса не верю, нет определенности в области веры») и «выпадение» сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий этнофункционального развития личности.

1 сеанс Спонтанный образ природы в гипноидном состоянии: лес на краю сибирского городка. Чувственный фон: печаль о лесе, который «исчезает», любовь к лесу; плохое отношение к людям, уничтожающим лес; тоска по родным местам (в связи с учебной пациент проживал в Москве).

4 сеанс

- а) Представление образа леса, «скуchnоватые» чувства.
- б) Этнофункциональная иммунизация: в гипноидном состоянии «нюхал» клей «Момент». Чувственный фон: светлые чувства («как коммунизм»), радостные «как в детстве», чувство свободы, «ощущение способности предвидеть будущее».
- в) Возвращение в лес после «токсического сеанса». Продолжалось чувство того, что можно мыслить, что-то развивать, радость ощущения, что «отходишь от реальной жизни».

7 сеанс Осознание реального действия клея при обсуждении с терапевтом: «отрывает от жизни, от общения с девушками и от этого возникает печаль».

Пример 4

Пациент А., 36 лет, русский, родился в средней полосе России. Зависимость от употребления алкоголя 6 лет. Этнофункциональное рассогласование выявлено лишь в мировоззренческой сфере. Считает себя православным, но в церковь практически не ходит, молитв не знает, крестился 2 года назад по собственной инициативе («задержка» начала религиозно-этической стадии этнофункционального развития личности).

1 сеанс В гипноидном состоянии – картины леса и луга. Чувственный фон: светлые чувства, радость, умиротворение.

4 сеанс Провокация. Чувство после «выпивки» – радость, желание поговорить с женой и уладить семейные проблемы.

После «выпивки» сохранялось хорошее, «умильное» настроение, желание общаться с женой (при «употреблении» алкоголя в гипноидном состоянии пациенты довольно часто описывают такие состояния, как «умиление», «сладостность», «доброта»,

т. е. демонстрируя, на наш взгляд, весьма «православное» мироощущение).

Ниже приведен пример «эндопсихически обусловленной» по этнофункциональным критериям героиновой наркомании – случай этнофункционального вырождения (по нашим данным, среди пациентов, страдающих опийной наркоманией, они составляют не более 3%).

Пример 5

Пациент А., родился и проживает в Москве (возраст 17 лет). Диагноз – героиновая наркомания (болен около 1 года). Мать пациента русская (по самоопределению), родом из деревни в средней полосе России, с детства не переносит холода; по вероисповеданию православная. Отец – еврей (по самоопределению), родом из Молдавии, атеист. Сам пациент, несмотря на то, что его мать – русская, считает себя евреем и иудеем по вероисповеданию; как и мать, с детства не переносит холод и предпочитает для постоянного места жительства теплые края, на берегу моря. У юноши весьма напряженное отношение к религии. Например, по рассказу матери, во время туристической поездки в Иерусалим родители посетили православный храм; мальчик принципиально отказался войти внутрь и остался ждать снаружи, аргументируя тем, что сам является иудеем. По результатам этнофункционального психологического интервью у пациента выявлено «выпадение» природной и сказочно-мифологической стадий и «задержка» в сочетании с «пространственным» этнофункциональным рассогласованием содержания религиозно-этической стадии (с 16 лет считал себя иудеем). В кабинете психолога у него возникло определенное внутреннее напряжение в связи с образом о. Серафима Саровского, висевшим на стене.

1 сеанс Погружение в гипноидное состояние. У пациента возникает спонтанный образ природы – берег теплого моря под полуденным солнцем, пустынная холмистая местность с редкими рощами лиственных деревьев, легкий бриз с моря. Чувственный фон: легкость на душе и в движениях; чувство спокойной уверенности, ощущение прилива сил. После выхода из состояния погружения – спокойное, «обыденное» состояние без изменений по сравнению с состоянием до начала сеанса.

2 сеанс В процессе погружения психотерапевт предложил пациенту образ среднерусской природы – еловый лес и луг на берегу небольшой речки. Чувственный фон у пациента: небольшая тревога, чувство неприязни и легкого пренебрежения, некоторая

«скованность в душе». После выхода из состояния погружения возникло чувство «расслабления», ушли скука и вялость, усилилось чувство интереса к процессу психотерапии.

Далее пациенту был предложен образ зимнего поля и леса на окраине заснеженной деревеньки в ясный морозный день. Чувственный фон: неприятное усиление тревоги и чувства неприязни к окружающему. Спонтанно возник образ гористой местности на берегу моря, усилилось ощущение, что он здесь чужой.

3 сеанс В состоянии гипноидного погружения пациенту был предложен образ – теплое море, горы, лиственные рощи на склонах; у подножия гор в роще расположен храм (конкретной отнесенности храма к определенной конфессии не было). По отношению к образу природы у пациента возникло чувство уверенности, прилива сил; возникло ощущение свежести. К храму возникло приятное чувство «озадаченности», «чувство вечности», «ошеломленности», прилива сил. По выходе из состояния погружения пациент отметил, что «ушли скука и утомление», появилось приятное чувство уверенности.

4 сеанс В состоянии гипноидного погружения пациенту были предложены образ иудейского храма (синагоги из камня) на берегу теплого моря на фоне холмистого берега, покрытого лиственными рощами, и образ православного храма (деревянной церкви) на фоне елового леса у небольшой реки. По отношению к иудейскому храму (и внутри него) пациент испытал чувство тревоги («все ли удастся запомнить!»), позитивно окрашенные «чувство вечности и единства», «легкую боязнь вечного», «чувство сосредоточенности на чем-то важном». При входе в православный храм он испытал чувство интереса, «таинственности» и вместе с тем чувства печали, тоски. По выходе из состояния погружения пациент отметил «облегчение», возникновение «чувства сосредоточенности», подъем настроения и прилив сил.

5 сеанс Проработка отношения к психическому состоянию, вызываемому наркотиком (этнофункциональная иммунизация).

- а) В состоянии погружения пациенту был предложен его любимый образ природы – холмистый берег теплого моря, покрытый лиственными рощами. Возникший чувственный фон: интерес, чувство спокойствия.
- б) Далее пациенту был предложен следующий образ: знакомая квартира, где он делает себе воображаемый укол героина. Непосредственно перед уколом пациент испытал чувство «равнодушия» не было. После укола возникли неприятные ощущения холода и «застывания», чувство «потери сил».

в) На заключительном этапе погружения после воображаемого приема наркотика пациенту снова был предложен его любимый образ природы на берегу моря. Он отметил следующие изменения в своем состоянии: возникли «заторможенность», скука, апатия. Пациент отметил также, что в окружающей природе «все цвета потускнели», «стало пасмурно», «исчезли звуки и движение».

После данного сеанса у пациента возрос интерес к занятиям, исчезло чувство беспокойства.

Из описания фрагментов психотерапевтических сеансов видно, что повышение психического адаптационного потенциала (чувство прилива сил, обретение уверенности) пациент испытывал при «обращении» не к образам природы своей родины, а к образу, этнодифференцированному по отношению к архегении этносреды его рождения. При переживании образов родной природы и климата пациент испытывал относительно менее адаптивное состояние, связанное с чувством тревоги, неприязни, с «чувством отчуждения». И, напротив, к православному храму пациент испытывал чувство интереса (конструктивная психическая активность), пережил «чувство таинственности» (положительные, «адаптирующие» эмоции), хотя и на фоне некоторой печали (отрицательная, «дезадаптирующая» эмоция). В то же время, по отношению к иудейскому храму на фоне определенной тревоги (отрицательная эмоция) у него возникли такие эрзац-чувства, как «чувство вечности и единства», «чувство сосредоточенности». Последние не имеют конкретного эмоционального компонента и представляют собой скорее абстрактно-перцептивные образы, требующие от человека для собственной интеграции в его целостную психику дополнительных адаптационных усилий.

В данном примере выявляется эндопсихический (эндогенный) характер содержания отношения пациента к определенному образу природы (как более адаптивному для него).

Отношение юноши к православной религии является относительно более адаптивным (и в то же время этноинтегрирующим его с архегенией русской этносреды) по сравнению с отношением к иудаизму.

В церкви это наличие положительных эмоций интереса, чувство таинственного; печаль и тоска имеют объект – «уходящую и непознанную» православную церковь.

В синагоге чувство «боязни» (тревоги) перед надвигающейся неизвестностью и наличие абстрактно-интеллектуальных

псевдочувств типа «чувства вечности», «чувства единства» и пр., которые сами по себе не имеют конкретного эмоционального компонента и требуют определенных психических усилий для интеграции в целостную психику пациента.

После окончания лечения в стационаре пациент уехал в Израиль (фактически – «этнофункциональное погружение» по ландшафтному и отчасти конфессиональному признакам). В катмнезе, со слов приехавших в Россию родителей, у него наблюдалась 12-месячная ремиссия. Он прекрасно адаптировался к новым (эндопсихически-родственным для него по основному адаптационному признаку – чувству «прилива сил» и т. п.) природным условиям. Отношение к религии приобрело у него более спокойный, менее напряженно-тревожный характер, т. е. сгладилась острота непосредственного переживания внутренних противоречий в вопросах веры и фактически мальчик отошел от иудаизма.

Данный пример относится к тем исключениям из правил, когда этнофункциональная архегения личности пациента в основе своей есть идеальная этносредовая целостность, компонентами которой являются, в частности, средиземноморский ландшафт и климат в сочетании с православием. В данном случае имеет место этнофункциональное вырождение отношения к климато-географическому содержанию его родной этносреды. Образы природы, способствующие повышению энергетического потенциала пациента, этнофункционально рассогласованы с русской этносредой, что, по всей видимости, обусловило нарушения этнофункционального развития его личности на природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиях. Поэтому, степень психической адаптированности пациента возросла вследствие его «этнофункционального погружения» в этнодифференцирующую природную среду. В связи с этим облегчилась не только его основная симптоматика (зависимость от наркотика), но и сгладилась острота болезненных переживаний в связи с вопросами религии и веры.

Приведем еще один пример из наркопсихотерапевтической практики, который является не вполне типичными по характеру этнофункциональных нарушений, имеющихся у пациентки, страдающей героиновой наркоманией. Здесь имеет место отсутствие нарушений на сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности при «выпадении» религиозно-этической, что более характерно для алкогольной зависимости.

Пример 6

Пациентка С., 21 год. Родилась и проживает в Москве. Диагноз – героиновая наркомания (срок употребления наркотика – 2 года). В анамнезе до начала употреблений героина время от времени «с удовольствием» употребляла алкоголь, проводила много времени в компаниях и вела довольно беспорядочную половую жизнь. В целом девушка очень тревожна, импульсивна. Сопутствующие диагнозы – ВИЧ инфекция, гепатит С.

С детства любит русскую природу и зиму, любит русские сказки, хочет жить в России. Отец – атеист. Мать – православная, крестила дочь в возрасте одного года. Сама пациентка считает себя русской язычницей, увлекается соответствующим периодом истории России, сказками, былинами. Декларирует негативное отношение к христианству.

В процессе психотерапии проявила одинаковую заинтересованность при прослушивании «Весны священной» и «Симфонии псалмов» И. Стравинского. С большим интересом слушает русскую фольклорную музыку и песни.

Во время проигрывания психодраматического представления «Язычники казнят христианскую мученицу» девушка эмоционально продемонстрировала свою неприязнь к христианам, почему ей и была предложена роль палача. В момент «казни» она немного замешкалась. На вопрос психотерапевта: «Что ты сейчас чувствуешь?» – пациентка ответила, что ей «жаль эту девушку-христианку». Психотерапевт прокомментировал ее ответ: «Но это означает, что ты испытываешь христианское чувство сострадания». Пациентка смутилась и ответила: «Я устала и не хочу больше присутствовать на занятии».

В анамнезе у пациентки после нескольких «срывов» наступила ремиссия, длительностью не менее одного года.

По нашей оценке, девушка не осознавала возможность наличия у себя христианских чувств. В данном случае нарушение этнофункционального развития личности у пациентки проявилось в «выпадении» содержания религиозно-этической стадии (православного мировоззрения).

Для опийных наркоманов свойственны этнофункциональные расщепления в отношении к группе климато-географических этнических признаков и к группе социокультурных (мировоззренческих) признаков. Это соответствует нарушениям этнофункционального развития личности на природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиях. Данные нарушения проявляются,

в частности, в отвержении природно-климатических условий ареала рождения, а также в негативно-безразличном отношении к православию (или к русской этносреде в целом). У нашей пациентки имело место только второе этнофункциональное нарушение, что и способствовало в определенной мере относительно более благоприятному течению болезни (героиновой наркомании).

5.4 Некоторые практические рекомендации по этнофункциональной психотерапии наркотических зависимостей

Следует особо отметить определенные недостатки работы с наркозависимыми, связанные с несвоевременным применением так называемой «православной психотерапии». Поскольку у наркозависимых пациентов в отличие от страдающих алкоголизмом, как правило, имеет место «выпадение» или специфическое этнофункциональное рассогласование содержания сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности, начало работы с ними «в ключе» осознания греховности употребления наркотиков далеко не способствует установлению контакта с психотерапевтом. Такие пациенты, как правило, лишены необходимой эмоционально-чувственной готовности для восприятия христианской этики, соответствующий подход вызывает у них непонимание и, как следствие – разрыв отношений с психотерапевтом. Лучший результат на начальных этапах активной психотерапии дает ненавязчивая «подача» психотерапевтом этически нейтральных тем, связанных с образами и отношением к живой природе, соответствующим детским воспоминаниям.

На первых этапах психотерапии, пока у пациента сохраняется неосознаваемая тяга к наркотику, желательно начать восстановление системы отношений пациента к образному содержанию природной и сказочно-мифологической стадий развития. Это способствует улучшению эмоциональной стороны системы его отношений. Затем, по мере достижения определенных успехов в работе с природными и сказочно-мифологическими образами, проводится проработка отношения к образам религиозно-этической стадии.

При достаточно осторожной проработке и при наличии фармакологической поддержки повышается степень психической адаптированности пациента. Занятия проводятся ориентировочно три раза в неделю. Длительность занятий в среднем – от 20 до 50 минут. Количество сеансов – от 2 до 20. Как правило, после определенного

количества «общеадаптирующих» занятий проводится ряд этнофункциональных «иммунизаций», направленных на осознание переживаний пациента психических состояний, вызываемых конкретным наркотиком. На данном этапе психотерапии осуществляется постепенное создание (организация) *этнофункциональной психотерапевтической среды пациента*. В качестве завершающей стадии данного этапа психотерапии желательно осуществить более или менее длительное этнофункциональное погружение пациента в природно-биологические и/или социокультурные условия, этнофункционально согласованные с его эндопсихикой.

Создание этнофункциональной психотерапевтической среды на госпитальном этапе психологической реабилитации (в течение не менее одного месяца)

Современная молодежь, формально воспитываемая в русской этносреде (в особенности в больших городах), как правило, в своем развитии в значительной мере бывает лишена необходимой полноты сказочно-таинственных отношений с живой природой, целостного представления и чувств о добре и зле как устойчивых основ мировоззрения.

Для того чтобы восстановить нарушенную последовательность и содержание стадий этнофункционального развития личности пациента, необходимы специальные меры.

Во-первых, для организации психотерапевтической этнофункциональной среды на период госпитализации осуществляется блокирование привычных, но этнофункционально рассогласованных для пациентов, находящихся в клинике, информационных воздействий. В клиническом отделении желательно исключить возможность просмотра и прослушивания теле- и радиопередач, видео- и аудиозаписей. Блокируется возможность доступа к несанкционированной психотерапевтом печатной информации, а также настоятельно рекомендуется максимально возможное ограничение контактов со всеми родственниками, знакомыми и т. п.

Во-вторых, в клинике создается специфическая культурно-насыщенная среда, в основу которой кладется содержание тех или иных проявлений русской культуры и этносреды в целом. Это, в сущности, создает условия для «спонтанной этногерменевтики» пациентов, родившихся и проживающих в русской этносреде. Вместо теле- и радиопередач пациентам предлагается широкий спектр видео- и аудиозаписей художественных произведений, относящихся к русской культуре; желательно создание соответствующей

видеотеки. Сюда включаются: записи экранизаций произведений русских писателей и драматургов, русских сказок, фольклорные записи, оригинальные и согласованные с традициями отечественного киноискусства современные фильмы, отражающие те или иные моменты истории России, а также фильмы религиозно-нравственного содержания, как православного, так и мусульманского и др., о деструктивной деятельности тех или иных тоталитарных сект, о природе средней полосы России и т. п. Видеоматериалы прорабатываются в форме видеотерапии (синематерапии). Пациентам могут предлагаться для прослушивания записи произведений русских композиторов, романсы на стихи русских поэтов, обработки и аутентичные исполнения народных песен и пр.

В клинике рекомендуется создать библиотеку произведений русской литературы для пациентов. Данная работа осуществляется в форме индивидуальной и групповой библиотерапии. Подобным образом применяется музыкотерапия, синематерапия, природотерапия и пр.

В-третьих, в клинике желательно организовать специальные групповые психотерапевтические занятия этнофункциональной направленности – желательно два-три раза в день:

- 1 Утро – этнофункциональная (фольклорная) музыкально-танцевальная и вокальная психотерапия, направленная на восстановление отношений пациентов, соответствующих природной и сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности.
- 2 День – этнофункциональная психодрама, в процессе которой психотерапевтический эффект достигается посредством драматизации мировоззренческих, конфессиональных отношений и ценностных конфликтов пациентов, соответствующих религиозно-этической стадии этнофункционального развития личности. В данном виде психотерапевтической работы желательно участие наряду с психотерапевтом профессионалов – режиссеров народных театров и т. п. (этногерменевтика).
- 3 Вечер – этнофункциональная психотерапевтическая проработка непосредственных актуальных переживаний пациентов и их отношений с родителями и другими значимыми лицами (здесь возможно осуществление индивидуального этапа этнодиссонанса у некоторых пациентов, но с групповой поддержкой).

В процессе пребывания в клинике пациентам обязательно предоставляется свобода выбора занятий индивидуальной психотерапией при посещении групповых занятий для того, чтобы избежать

возникновения в их психике патогенных неорганичных включений (так называемых «психических интроектов»).

В-четвертых, организуются еженедельные психотерапевтические занятия с родителями и значимыми для пациентов людьми с целью проработки этнофункциональной основы конфликта «отцы и дети», нарушений этнофункционального развития личности у значимых для пациента лиц, а также межличностных этнофункциональных (кросскультурных) семейных конфликтов. Такого рода занятия направлены на переструктурирование и содержательную переработку «внебольничной» среды отношений со значимыми для пациентов людьми.

В-пятых, благотворное воздействие оказывают еженедельные выезды «на природу» (на один-два дня), где проводятся восстановление отношений к родной природе (восполняются сведения о растениях, животном мире; осуществляется обучение навыкам походной жизни и т. п.), психотерапевтические занятия по темам народных и христианских праздников или особых дней.

В-шестых, время от времени возможны посещения пациентами храмов их конфессии, а также приглашение в клинику священнослужителей.

Метод этнофункционального погружения эффективен как в случаях «экзопсихически», так и «эндопсихически» обусловленных зависимостей от наркотиков. В «экзопсихических» случаях этническое погружение пациентов по возможности в естественную (не антропогенную) этносреду ареалов их рождения и проживания (по нашим данным – не менее 3 месяцев) повышает степень психической адаптированности за счет снятия этнофункциональных рассогласований между эндопсихикой и элементами этносреды, в которую они «погружаются». В «эндопсихических» случаях зависимостей степень психической адаптированности повышается за счет устранения этнофункциональных рассогласований между эндопсихикой пациента и этносредой его рождения и проживания вследствие «погружения» в этносреду, этнофункционально относительно согласованную с эндопсихикой данного пациента. Для надежного достижения устойчивой ремиссии длительность этнофункционального погружения желательна от 6 до 12 месяцев. В процессе этого погружения, как и на госпитальном этапе, необходимо существенное ограничение любых контактов пациентов с близкими родственниками и значимыми лицами. Их психика, как правило, деформирована (инфантильна), а для преодоления эмоциональной незрелости и зависимости от наркотика пациентам необходимо проявление

личностной (нравственной) активности, которая блокируется гиперопекой близких, относящихся к ним, как правило, как к «больным, нуждающимся в помощи и поддержке».

Единство духовного, психологического и фармакологического аспектов психотерапии наркотических зависимостей в русской этносреде

Пусковым механизмом, хотя и не причиной возникновения зависимостей от наркотических и психоактивных веществ, является нарушение этнофункционального развития личности на религиозно-этической стадии (как правило, это «выпадение» или «задержка» начала данной стадии). Поэтому неизменно важной для выхода из состояния зависимости является этнофункционально согласованное духовное содержание системы отношений личности. В частности, для русской культуры в переживании человеком различных болезненных состояний с православных позиций существенны три аспекта: *нравственный, собственно психологический и переживание возможных физических страданий*. Отличие наркоманий от других недугов заключается в том, что здесь, как нигде, особенно на начальном этапе заболевания решающую роль играет уже до болезни развившийся нравственный недуг «*неумение различать духов добра и зла*». Такую же роль для окончательного излечения больного играет «*умение различать духов*», т. е. различать добро и зло в конечной фазе заболевания.

В соответствии с этнофункциональным подходом предполагается, что элементы психики самого психотерапевта, духовное содержание его психики в процессе психотерапии в этнофункциональном смысле более или менее активно взаимодействуют с психикой пациента, а также того или иного его родственника или другого значимого для больного лица. В связи с этим успешность психотерапии обусловлена наличием у психотерапевта органичной системы ценностей, которая, как минимум, не играла бы разрушительной роли для целостности психики пациента или его близких в процессе психотерапевтического взаимодействия.

Случаи, когда пациент не является православным или является не христианином (мусульманином, иудеем или даже атеистом), должны рассматриваться особо; следует серьезнейшим образом разбираться в этносредовых основах мировоззрения пациента, желательно не хуже его самого. Пациенты зачастую весьма чувствительны к предполагаемым различиям между собственным мировоззрением (вероисповеданием) и мировоззрением психотерапевта. Уважительное

отношение и осведомленность психотерапевта в тонкостях мировоззрения пациента очень важно для взаимопонимания и дальнейшего терапевтического контакта. *Сам психотерапевт должен иметь определенную систему ценностей*, и эта система ценностей должна быть не только «общечеловеческой», но и, прежде всего, органично связанной с архегенией этносреды ареала его рождения и проживания.

Процесс психической адаптации с позиций этнофункционального подхода представляет собой *переживание психических состояний*, возникающих вследствие наличия у человека этнофункциональных личностных конфликтов. Оптимальное сочетание личностных усилий пациента, направленных на «работу переживания», с фармакотерапией состоит в том, чтобы поддерживать такой уровень психотропного вмешательства, который создавал бы для пациента возможность совершения посильной работы переживания. Причем, вопреки некоторым устоявшимся в медицинской практике мнениям, ведущую роль в целостной терапии играет именно приобретение пациентом опыта саморегуляции своих психопатологических состояний, приобретаемого в процессе внутренней работы переживания этих состояний. Фармакологическая поддержка направлена при этом на обеспечение условий для обязательного, но посильного нравственно мотивированного «душевного труда» (работы переживания) пациента и играет вспомогательную, служебную роль в целостном процессе терапии зависимости от наркотика.

Активизацию переживаний осуществляет духовное содержание личности. В русской этносреде органичными для психотерапевта являются православные ценности, естественная и одухотворенная природа, научные взгляды. Целостность, органичность системы отношений личности к архегении родной этносреды является результатом переживания, а сама архегения – его целью. Чрезвычайно важно *единство языка* описания изменений, происходящих в процессе переживания пациентом своих состояний, на котором происходит общение психотерапевта и пациента.

Следует отметить, что у некоторых абстрактно-религиозных (программа «12 шагов») или даже практически культовых (дианетика и «Нарконон») и некоторых других «программ по освобождению от наркотических зависимостей», с позиций этнофункционального подхода должны иметь место неоднозначные отдаленные последствия. То же самое можно сказать о попытках использования для психотерапевтических целей йоги, дзен-буддизма и других, так называемых «духовных», «медитативных», так или иначе модифицированных

восточных религиозных практик (в основном это различные варианты буддизма). В частности, применение для носителей русской православной культуры психотерапевтических методов, содержание которых является этнодифференцирующим по отношению к содержанию их личности, безобидно лишь с первого взгляда. Интеграция в психику культурного содержания этих методов требует от пациентов дополнительных адаптационных усилий, астенизирующих и без того нездоровую личность. Этнофункциональная рассогласованность элементов психики пациентов с психическими состояниями, обусловленными применением более или менее экзотических практик, является фактором риска их применения. В этом смысле, в частности, процедура «кодирования» против зависимости от наркотических веществ и алкоголя является этнофункционально рассогласованной с христианским представлением о свободе воли человека.

*Христианский смысл психотерапии зависимостей
от наркотических веществ*

Отношения личности к собственным душевным состояниям, свойствам и процессам с христианских позиций, как мы уже отмечали, могут рассматриваться в трех аспектах – природно-биологическом, психическом и духовном. Следует особо подчеркнуть, что основным в процессе терапии является переход пациента от пассивно-страдательного отношения к своей болезни – к активной жизненной позиции, к целостной личностной направленности на выздоровление. Переживание – это «работа переживания» (Ф. Е. Василюк) души, внутренняя работа пациента со своим состоянием, тяжелая работа («страда», страдание, болезнь) по выходу из болезненного состояния к здоровью.

В практике психотерапии у пациентов, страдающих наркотическими зависимостями и алкоголизмом, наиболее часто встречающимися состояниями являются, прежде всего, само влечение к наркотику, а также тревога, печаль, тоска, уныние, безрадостность, раздражительность, злость. Психологам и психиатрам хорошо известны как психологические, так и физиологические особенности этих состояний, а также фармакологические и психотерапевтические методы облегчения этих психопатологических проявлений. Рассмотрим их православно-нравственный аспект.

«Тяга к наркотику» в отличие от состояния бесноватости (например, «белой горячки», когда человек теряет всякое самосознание), квалифицируется как состояние одержимости, т. е. как «частичная плененность души злой силой».

«Тревога». Когда о. Иоанна Кронштадтского спросили: «Веруют ли бесы?», он ответил: «Веруют, но *трепещут!*» Трепет, тревога являются признаком греха, т. е. того, что злые силы начали проявлять активность. С научных позиций тревога, также является первым признаком (фазой) адаптационного синдрома, свидетельствующим человеку о грядущих переменах.

«Печаль» – более мягкое слово по сравнению со словом «тоска». Печаль соединена с грустью и скорбью; в печали может быть и лучик надежды («мне грустно и легко, печаль моя светла»). Тоска более настоятельно требует дополнения – «тоска по...» Тоска может быть злой, смертной, может быть соединена с томлением (страстью), скукой, а также и с грустью (тоска по Родине). Тоска и печаль могут быть разными – на пользу и во вред. Печаль на пользу состоит в том, «чтобы сокрушаться о своих грехах, о неведении своего заблуждения и о том, чтобы не отступить от предложенной цели – сподобиться совершенной благости», освободиться от наркотической зависимости и связанных с ней грехами – в этом состоит печаль по Богу. Но к этому бывает «примешение злобы врага», такая печаль исполнена неразумием и у св. отцов называется *унынием*, тоской о призрачных «наслаждениях», связанных с наркотиками. В унынии человек теряет веру, силы, его состояние становится совершенно безрадостным.

«Раздражительность» – вид гневливости и злобы. «Гневливый убивает и губит душу свою. ...Он чужд мира и далек от здравия, потому что и тело у него непрестанно истает, и душа скорбит, и плоть увядает...» (о. Паисий Величковский).

Изменение, преодоление того или иного психопатологического состояния, по возможности, должно производиться в трех аспектах: биологическом, психическом и духовном. При достаточно серьезном настрое пациента следует рекомендовать ему связаться со священником для консультации или для исповеди и покаяния.

Больному следует разъяснить, что вред, нанесенный болезнью телу, обычно лечится лекарствами и отчасти психотерапией; вред, нанесенный психике, – психотерапией и отчасти лекарствами. В духовной основе болезни лежит зло, с которым люди испокон веков боролись, прежде всего молитвой и покаянием, и это является обязательной составляющей любой деятельности, направленной на борьбу со злом. На действительное излечение от такого тяжелого недуга, как наркомания, можно рассчитывать, работая не только фармако- и психотерапевтически, но, прежде всего, борясь со злом, лежащим в его основе.

*Этнофункциональные рекомендации по работе
со значимыми для пациентов лицами*

Взаимоотношения в семьях пациентов, страдающих наркотическими зависимостями, а также их взаимоотношения со значимыми для них лицами, практически всегда деформированы. Эти отношения характеризуются эмоционально-нравственной незрелостью, они в большей или меньшей степени инфантильны. Сам факт зависимости от наркотического вещества ввергает пациента в такие взаимоотношения с близкими людьми, которые соответствуют, скорее, типу взаимоотношений, характерному для раннего детского возраста – он безответственен, неосознанно «лжив», «примитивно» эгоистичен, строит нереальные планы и т. п. Причем эти отношения деформированы не только со стороны самого пациента, но и со стороны значимых лиц, чаще всего матери, жены, мужа, отца. Деадаптирующую и провоцирующую роль для употребления наркотических средств играют этнодифференцирующее содержание или безразличное («всеядное») отношение значимых лиц к вопросам мировоззрения.

Пример

Позвонила мать моего пациента, вылечившегося от героиновой наркомании. После 9-летней ремиссии у него произошел «срыв» (2–3 приема наркотика). Наш разговор по телефону начался по инициативе матери с обсуждения тех проблем, на которых мы остановились девять лет назад – о необходимости устойчивых духовных ценностей для укрепления достигнутого в процессе психотерапии положительного результата. В то время родители пациента после прекращения употребления им наркотика решили, что их сын уже достаточно приобщился к здоровому образу жизни и не придали значения отмеченному мною абсолютному равнодушию их сына к вопросам мировоззрения и веры (его мать сама, на моей памяти, два раза декларативно меняла конфессиональную принадлежность). Мать в первые минуты телефонного разговора сообщила мне буквально следующее: «Помогите моему сыну. А насчет духовности вы можете не сомневаться – у моего сына друг – буддист, он оказывает на него большое влияние». Как раз незадолго до этого разговора моя ученица получила эмпирические результаты о связи буддистской субкультуры с опийной наркоманией (Щербак, 2003). Незавершенная духовная ориентировка ценностей пациента дала о себе знать через 9 лет.

Тип взаимоотношений между родственниками и пациентом, как и вся его внутренняя и внешняя среда, рассматривается с точки

зрения этнической функции этих отношений. Например, от пациентов из патриархальных семей, особенно из некоторых регионов Кавказа и Средней Азии, не стоит ожидать какой-то личностной активности (что вполне продуктивно в «мультикультурной» среде), если эта активность противоречит решению общего семейного совета, опирающегося на авторитет старшего в семье и соответствующие культурные традиции конкретной этносреды. Здесь действуют иные законы в семейных взаимоотношениях – для успешной психотерапии содержание взаимоотношений личности и семьи должно быть этноинтегрированными и некоторые рекомендации психотерапевта «европейской традиции» могут быть этнодифференцирующими и оказать на эти взаимоотношения дезадаптирующее воздействие. Психотерапевту необходимо в таких случаях обладать достаточно широкой эрудицией и/или консультироваться в каждом случае со специалистами-этнологами, религиоведами, культурологами и пр.

РАЗДЕЛ III

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРОССКУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Результаты теоретических и эмпирических исследований, изложенные в разделах I и II, являются определенной научной базой, на основе которой может быть осуществлен анализ специфики культурных и кросскультурных аспектов в практической психологии, психиатрии и психотерапии. В настоящем разделе представлены наиболее общие психологические следствия взаимодействия культур и этносред в целом, а также особенности их применения и учета в некоторых прикладных аспектах в условиях современного «кризиса культуры» (Давыдов, 1990).

ГЛАВА 6

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ

6.1 Кризис современной культуры и его переживание человеком

Многие историки, культурологи и философы XIX–XX вв. обращали особое внимание на тот факт, что определенные исторические эпохи *переживаются* людьми как *кризисные*, т. е. как периоды упадка, разложения, крушения привычного мира, что сопровождается чувствами страха, неуверенности, ощущением бессмысленности существования, разрушения ценностей (Гумилев, 1990; Данилевский, 1991; Леонтьев, 1992; Моммзен, 1993; Тойнби, 1991; Хейзинга, 1992; Шпенглер, 1993; Erikson, 1975 и др.). Исследователи отмечают, что период с конца XIX и век XX характеризуется, в первую очередь, как время особенно резких и существенных перемен, чрезвычайно остро переживаемых большинством людей.

Понятие *кризис* (греч. – решение, поворотный пункт, исход) употребляется в современной науке для обозначения резкого, крутого перелома, тяжелого переходного состояния какого-либо процесса, социального института, общественной сферы или общества в целом. Конкретные психологические проявления системного кризиса культуры обнаруживаются именно в *отношениях* человека к этим проявлениям, в его *переживании* сложившейся ситуации как кризисной.

Слово «кризис», по мысли Р. Генона (1991), содержит ряд смыслов. Этимология этого слова, которую следует обязательно иметь в виду, чтобы возвратиться слову его изначальное и наиболее глубокое значение, – делает его синонимом таких понятий, как «суд», «решение», «установление различий», «различение». Фаза, которую обычно

называют «критической» в самом широком смысле, непосредственно предваряет завершение всего процесса независимо от того, приведет ли это к негативным или позитивным последствиям. В данной фазе вследствие этого происходит подготовка к вынесению окончательного решения, взвешивание всех «за» и «против», определение того, какие результаты являются позитивными, а какие негативными. Генон не претендует на полное описание и оценку результатов актуального кризиса, так как считает это преждевременным: кризис еще не закончился, и трудно сказать, когда и каким образом завершится. Он особо отмечает характер *переживания* людьми сложившейся ситуации – *одержимость* некоторых апокалиптической *идеи «конца света»*, *общее беспокойство людей* (там же, с. 10–14).

У истоков широкого анализа кризисного сознания стояли композитор и мыслитель Р. Вагнер с идеей «гибели богов» индивидуалистической западной культуры и Ф. Ницше с идеей «декаданса» западной культуры, выразившегося в ее «рационализации». Свое развитие эти идеи в XX в. получили в концепциях М. Хайдеггера (1993), О. Шпенглера (1993), Т. Адорно (1947) и др.

По замечанию Йохана Хейзинги, сам «кризис» – термин Гипократа, и никакое другое определение современной общественной и культурной сферы не лучше этого, медицинского. Отмечая необходимость метафор для толкования общих понятий, автор использует следующее сравнение: «Ясно как день, что наше время *страдает лихорадкой*. Может быть, это лихорадка роста? Кто знает! Дикие, бредовые фантазии, бессвязная речь. Или же перед нами нечто большее, серьезнее, чем скоропреходящее возбуждение мозга? Нет ли тут оснований говорить о *навязчивых галлюцинациях* как результате глубокого поражения центральной нервной системы? Будучи отнесена к явлениям современной культуры, каждая из этих метафор имеет свой совершенно определенный смысл» (Хейзинга, 1992, с. 265) (курсив мой. – А. С.).

Хейзинга писал: «Мы живем в эпоху одержимости... Повсюду царит сомнение в прочности общественного устройства, внутри которого мы живем, неясный страх перед ближайшим будущим, ощущение упадка культуры и грозящей миру гибели» (там же, с. 265). Сравнивая культуру Эллады в период апогея, расцвета Средневековья, Возрождения, он видит их в свете «равновесия и гармонии», тогда как в настоящем времени отмечает только «расстройство и смятение». «Это не одни кошмары, что посещают нас в ночную пору... Это и трезвые рассуждения, взвешенные на весах наблюдения и здравого смысла. Нас прямо-таки захлестывают события. Мы

воочию видим, как шатается все то, что казалось прежде незыблемым и священным: истина и человечность, право и разум... В настоящее время сознание того, что мы переживаем острый, гибельный кризис культуры, проникло в самые широкие слои общества. Сигналом тревоги для неисчислимой массы людей во всем мире стал «Закат Европы» Шпенглера» (там же, с. 245–247). В современной социологии рассматривается понятие «кризисного сознания», «основывающегося на постулате не только о радикальной несостоятельности западного общества и культуры, но и цивилизации вообще». Понятие кризисного сознания рождается из концепции *глобального кризиса общества и его культуры, пессимистически переживаемого* человеком как «поражение», «неудача западной культуры и цивилизации в целом» (Давыдов, 1990, с. 143–144).

Немного работ посвящено анализу переживания человеком кризиса современной эпохи как целого. Р.Генон (1991), хотя и отмечает, что большинство людей в середине XX в. уже не сомневаются в наступлении мирового кризиса, однако полагает, что заметные изменения произошли в общественном сознании несколько позже и определенные иллюзии, например прогресса, лишь начинают исчезать. Само признание существования кризиса является весьма благоприятным признаком, это свидетельствует о возможности восстановления «нормальных пропорций в современном сознании». В связи с этим вера в бесконечный «прогресс», считавшийся вплоть до последнего времени неприкосновенной и непререкаемой догмой, перестает быть абсолютной и всеобщей. Находится все больше людей осознающих, что западная цивилизация не может развиваться в одном и том же направлении и что в какой-то момент ее развитие достигнет определенной точки, в которой оно прекратится, а сама эта цивилизация, возможно, исчезнет в результате страшного катаклизма.

Не все ясно представляют себе, по мысли Генона, откуда исходит главная опасность. Фантастические или ребяческие страхи, часто высказываемые по этому поводу свидетельствуют о наличии множества заблуждений и предрассудков. Однако в любом случае *налицо ощущение какой-то опасности, даже если она воспринимается не столько умом, сколько с помощью чувств*. Многие начинают понимать, что «цивилизация», которой так гордятся современные люди, отнюдь не занимает привилегированного положения в мировой истории и что ее может ожидать та же участь, которая ранее постигла множество других цивилизаций, исчезнувших в более или менее отдаленные эпохи и подчас оставивших после себя лишь едва различимые или почти совершенно нераспознаваемые следы.

Ускорение смены разворачивающихся событий, очевидно, может продлиться еще какое-то время, но все же отнюдь не до бесконечности. Даже если не знать точного временного предела, трудно отделаться от ощущения, что все это будет продолжаться не так уж долго. Генон основывается на том, что все большее количество людей в разных областях или во всех сразу видят состояние надлома, кризиса и, соответственно, эмоционально *переживают* это. Эти переживания связаны с чувством *беспокойства, страха, безысходности*, которые, по нашему мнению, свойственны и российскому самосознанию постперестроечного общества.

Описания различными исследователями *содержания переживания* человеком кризиса современной культуры как «общего беспокойства», «чувства неясной опасности», «чувства безнадежности» и др., по сути, представляют собой *депрессивные признаки*. Этот вывод является существенным для нашего дальнейшего исследования.

Переживание человеком кризиса культуры и система его отношений

Системный кризис культуры переживается людьми как происходящий в социальной сфере, межнациональных отношениях, экономике, экологии, науке, искусстве и, наконец, в состоянии здоровья людей и воспринимается как угроза цивилизации в целом. О. Шпенглер определял цивилизацию как заключительную стадию развития любой культуры, обладающую следующими признаками: всепоглощающее развитие индустрии и техники, деградация искусства и литературы, возникновение огромного скопления людей в больших городах, превращение народов в безликие массы (Шпенглер, 1993).

В научной литературе приводится множество определений понятия культуры (Бромлей, 1973, 1983). Не вдаваясь в тонкости их различий, мы придерживаемся наиболее общего из этих определений, принятого в отечественных исследованиях. *Культура* здесь определяется как способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в совокупности *отношений* людей к природе, к себе, к другим людям, к труду. В культуре фиксируется качественное своеобразие исторически-конкретных форм этой жизнедеятельности: этнических общностей, эпох, этапов развития и др.

Из приведенного определения культуры следует, что ее можно понимать как широчайшее многообразие связей человека со своей внутренней и внешней средой. Взаимосвязи человеческого общества и природы, прямое и побочное влияние производственной

деятельности на состав и свойства окружающей среды, возникновение антропогенных и в особенности урбанизированных ландшафтов, а также влияние других факторов на физическое и психическое здоровье человека, генофонд человеческих популяций – все это составляет систему отношений человека к своей внутренней и внешней среде. Их содержание и динамика, очевидно, играют существенную роль в психической адаптации человека.

Целостное и осознанное отношение человека к окружающей среде начало осознаваться как значимое для его будущего уже в XIX в. (Марш, 1866). Отношение человека к своей экосистеме как связь «человек-природа» в XX в. изучалось, в частности, такими выдающимися исследователями как В. И. Вернадский, П. Тейяр де Шарден и другими.

Рассматривая положения В. И. Вернадского и И. М. Забелина о развитии биогеносферы человека, Б. Г. Ананьев выделяет проблему ноосферы, составляющую одну из главных сторон развития системы связей «человек-природа», которая разными исследователями называлась как «процесс цефализации», «психозойская эра», «антропогенная эра» (Ананьев, 1980).

Ход развития научной мысли в этой области явно обнаруживает «психологизацию» понимания отношений «человек-социум», «человек-природа», «человек – его внутренняя и внешняя среда» и др. Само понятие «отношение» мы принимаем как аксиоматическое и означающее, в данном случае, психическую связь человека с предметом его отношений (Мясищев, 1960) – этносредовыми реалиями, претерпевающими в современном мире стремительные изменения, часто обозначаемые как кризисные. *Переживание личностью кризиса современной культуры отражает соответствующие адаптационные изменения, которые происходят в системе ее отношений к этносреде.*

Рассмотрим содержание переживания личностью кризиса современной культуры, отраженное в системе ее отношений к различным группам этнических признаков – социокультурным (включая конфессиональные), расово-биологическим и ландшафтно-климатическим (к природе).

*Переживание человеком кризиса в отношении
к социокультурной сфере*

По выражению А. Дж. Тойнби, основным содержанием современной эпохи является то, что характеризуется как ощущение «разрушения ценностей», переживаемое человеком (1991). В сфере социокультурной

разрушение ценностей проявляется как «аномия» – термин Э. Дюркгейма (1912, 1966). Собственно термин «аномия» происходит от греческого слова и означает «отсутствие закона». Она выражает отношение индивидов к нормам и моральным ценностям социальной системы и означает: 1) состояние общества, при котором для его членов утрачена значимость социальных норм и предписаний, вследствие чего относительно высока частота отклоняющегося и саморазрушительного поведения; 2) отсутствие единых эталонов, стандартов сравнения с другими людьми, позволяющих оценить свое социальное положение и выбрать образцы поведения, что оставляет индивида в неопределенном «деклассированном» состоянии, без чувства солидарности с конкретной группой; 3) несоответствие, разрыв между универсальными целями, ожиданиями, одобряемыми в данном обществе и социально приемлемыми, «санкционированными» средствами их достижения, что в силу практической недоступности для всех этих целей толкает многих людей на незаконные пути их достижения.

Вводя термин «аномия», Э. Дюркгейм рассматривал его как постоянное и нормальное состояние промышленного (индустриального) общества. По его мысли, такое общество *поощряет одинаковые для всех цели и ценности индивидуального успеха*. При этом большинство людей, лишенных богатства, власти, высокого престижа, неизбежно оказываются в конфликте с социальными нормами или расценивают жизнь как неудавшуюся.

Современное понимание аномии в западной науке выделяет его психологический аспект. Переживание индивидом аномии отражается в его психике в депрессивных проявлениях *беспомощности, изоляции, пустоты, безответственности и отсутствия моральной цели*. Обратной своей стороной эти состояния проявляются как авторитаризм, политический экстремизм и *этноцентризм* (Clinard, 1964).

Характеризуя современную эпоху в эстетическом восприятии цивилизации человеком, А. Тойнби отмечает «чувство всеобщего смещения», которое представляет собой пассивную замену чувства стиля и проявляется «в ходе социального распада» в религии, литературе, языке и искусстве, в чувстве «*мучительного переживания оторванности от своих корней*», «социального искоренения», и той неопределенной области, которую принято называть «манеры и привычки» (Тойнби, 1991, с. 378).

В области «манер и привычек» это чувство можно трактовать, как *симптомы болезни*, которые были описаны в работе ученика Чезаре Ломброзо, немецкого врача и философа Макса Нордау (Нордау, 1995).

Вот образец его оценки: «...маленький карапузик, одетый с ног до головы в красное, как в *средние века* одевались палачи; вот четырехлетняя девочка в огромной шляпе, какие носили наши *прабабушки*...» или «у всех наших современников есть одна общая характеристическая черта – они не хотят быть самими собою, ... а стараются воплотить в себе какой-нибудь образец искусства...; они даже стараются воплотить в себе не один образец, а несколько зараз, хотя эти образцы противоречат друг другу; таким образом, вы видите головы, посаженные на чуждые им торсы, фантастические костюмы с *противоречивыми деталями*, сочетания цветов, подобранных как бы в темноте». Сходным образом Нордау характеризует быт, жилища, поэзию, музыку и т. п. Он отмечает: «...врач, специально посвятивший себя изучению нервных и душевных болезней, тотчас узнает в настроении «конца света», в направлениях современного искусства и поэзии, в настроении мистиков, символистов, декадентов и в образе действий их посланников, в склонностях и вкусах модного общества общую картину двух определенных патологических состояний, с которыми он отлично знаком: вырождения и истерии, легкая форма которой известна под названием неврастения» (там же, с. 33).

Нордау выделяет два главных болезненных нравственных симптомов: 1) оправдание того, что *добро и зло есть понятия совершенно произвольные*, восхищение злодеями и их преступлениями, открытие в вульгарном и отталкивающем мнимых красот, сочувствие к проявлению животных инстинктов; 2) сильно развитый эгоизм и неспособность противиться внутреннему влечению, побуждающему совершить какое-нибудь действие. Характеризуя общество начала XX в., автор пишет: «Один не развит, другие болезненно возбуждены. Почти у всех больных этого рода *отсутствуют чувства нравственности и справедливости. Для них не существует никакого закона, никакого приличия, никакого стыда*. С величайшим спокойствием и самодовольством они совершают преступления и заторные поступки только для того, чтобы удовлетворить минутному влечению, склонности, капризу и удивляются, что другие им не сочувствуют» (там же, с. 34).

Итак, в социокультурном плане переживание человеком современного этапа общественного развития, так или иначе связано со «смешением» *нравов, традиций, понятий о добре и зле, нормального и патологического, красивого и безобразного, вредного и полезного притягивающих различным культурам*. Для нас важно отношение самого человека к этим явлениям и переживание им кризиса собственного телесного, душевного и духовного бытия.

Переживание человеком кризиса в отношении к природе

Существенную роль мировоззренческих различий в отношении к природе подчеркнул в своем исследовании И. Туан (Tuàn, 1968). Рассматривая «иудейско-христианскую» и конфуцианскую традиции он отметил, что в первой преобладает тенденция обеспечения власти над природой, а во второй проводится установка на развитие не более чем пассивных взаимоотношений сотрудничества между последней и человеком. Несмотря на эти различия, в обеих культурах произведены крупномасштабные изменения природы, примерами которых служат массовые сведения лесов на продажу для достижения чисто коммерческих целей с вытекающими отсюда проблемами развития почвенной эрозии. Формирование образов ландшафта осуществляется преимущественно исходя из имеющихся у людей наборов представлений и поверий, а также характера интерпретаций сущности человека, природы и взаимоотношений между ними. Последнее утверждение разделяет и К. Глэкен (Glacken, 1967).

К. Глэкен выделяет три основных фактора, определивших формирование различных оценочных позиций европейцев по отношению к природе (ландшафту и климату). Это представление о Земле как о субстанции, созданной с определенными целями – для устройства и развития на ней человека и его цивилизации; идея о том, что географическая среда определяет природу человека и характер его поведения; осознание того факта, что человек изменил поверхность Земли относительно ее первоначального состояния в лучшую или худшую сторону.

Отношение человека к природе претерпевает в настоящее время, пожалуй, наиболее острый кризис. Идеологическая основа этого кризиса в XX в. была сформулирована школой основоположника географического детерминизма Ф. Ратцеля (Ratzel, 1891). Его ученица Е. Сэмпл пишет: «Человек – продукт земной поверхности. Это означает не только то, что он – дитя Земли, прах ее праха, но и то, что Земля приходится ему матерью, вскормившей его и обременившей его заботами, руководящей его мыслями, сталкивающей его с трудностями, которые укрепляют его тело и оттягивают его ум и способности, ставящей его перед необходимостью развивать судостроительство и орошать поля, одновременно подсказывая ему, как это сделать...» (Semple, 1911, p. 2).

Трепетное отношение к Земле, как к своей колыбели уже к середине XX в. трансформировалось в *чувство разочарования, уныния и вины* перед Матерью-природой. Рассматривая вопрос эволюции этики отношения к природе, автор основополагающих принципов

экологической этики А. Леопольд пишет: «Мы принимали живую природу как должное, подобно тому, как мы понимаем ветер и закат солнца, пока прогресс не начал уничтожать ее. Теперь перед нами стоит вопрос: а следовало ли приносить в жертву «более высокому жизненному уровню» богатство живой природы? ...Наше развитое и прогрессивное общество сейчас напоминает больного ипохондрией. Оно настолько сильно озабочено своим экономическим состоянием, что *потеряло способность оставаться здоровым*. Весь мир настолько усердно стремится иметь все больше ванн для купания, что потерял известную устойчивость, необходимую для того, чтобы производить их, и силы, необходимые для того, чтобы хотя бы отвернуть кран» (Леопольд, 1992, с. 92).

*Переживание человеком кризиса
в отношении к расово-биологическим различиям*

Следует отметить, что кризис культуры в современном мире можно описывать как кризис этнической идентичности по расово-биологическому, социокультурному и климато-географическому «водоразделам» этнических признаков, так как сама этничность человека характеризуется именно этими тремя группами признаков. Что касается первой из них, то в связи с усилением миграций с африканского континента в XX в. многим европейцам, в частности французам, приходится довольно остро переживать кризис воспитанного с детства негативного отношения к «обезьяньему черепу», черной коже, утолщенным губам и пр., особенно это значимо было (да и сейчас встречается нередко) в отношениях между полами. Печально известен опыт переживания кризиса этнической идентичности, ощущавшийся как ущемление «расовых прав» немцев (и других «арийцев») в Германии, что явилось одной из причин приведших к катастрофическим последствиям мирового кризиса – Второй мировой войне.

Бытовой и «научный» расизм, подразделяющий человечество с расово-биологических позиций на «высшие» и «низшие» расы, на «полноценные» и «неполноценные» народы, на благородную «элиту» и «массу», порожден оценочной установкой о «биологической неполноценности» тех или иных представителей человечества (Козлов, 1995; Streck, 1987, S. 170–174). Указанные установки, так или иначе, являются культурно обусловленными, возникновение психических конфликтов, порождаемых ими, ведет свое происхождение от различий тех или иных культурных традиций: научных, профессиональных и пр. В связи с возможной дискриминацией

человека по тому или иному расово-биологическому признаку (причем в зависимости от региона это может касаться всех – «черных», «желтых», «белых» и пр.) у него может возникнуть так называемый «комплекс различия» (Обуховский, 1971). Данный комплекс связан с чувством *смутной угрозы, тревоги, подавленности*. Э. Стоунквист, считавший «культурное и расовое смешение» существенной характеристикой цивилизованного мира, отмечал, что «расовые гибриды» хронически переживают чувства *изоляции, беспокойства, «потери корней»* и др. (Stonequist, 1960). Переживание человеком характерных для современной цивилизации изменений отношения (или только угрозы возможности такого изменения) к расово-биологическим особенностям – и его собственным, и других людей – связано с возникновением у него *депрессивных проявлений*.

Переживание человеком изменений, связанных с миграцией из одной культуры (природного ареала) в другую

Ускорение темпа перемен в условиях кризиса современной культуры, по О. Тоффлеру, есть ускорение процесса получения новых знаний, которое тесно связано с ростом коммуникаций в современном обществе и, прежде всего, с *процессами миграции населения* (Тоффлер, 1973).

Под миграциями понимаются те случаи массовых перемещений, когда представители той или иной культуры (этноса) добровольно или вынужденно покидают свою этносреду и переселяются в иное географическое или культурное пространство. Результатом массовых миграций становятся межкультурные контакты, когда мигранты вступают во взаимодействие с представителями доминирующей культуры. Важно то, что вследствие миграций происходят достаточно резкие изменения в отношении человека к изменившейся этносреде.

Рост интенсивности миграций населения является одним из важнейших последствий системного кризиса современной культуры. Наряду с определенными ситуативными выгодами (Bochner, 1982), миграции приводят и к весьма негативным последствиям, прежде всего, в социально-психологической и медико-психологической сферах (Березин, 1988; Лебедева, 1993; Kalin, Berry, 1980 и др.).

Последствия кросскультурных контактов описываются концепцией так называемого «культурного шока». Он является *стрессогенным* и определяется как «шок от нового», поскольку опыт новой культуры является неприятным, стрессогенным в связи с внезапностью изменений и с тем, что в принципе может привести к негативной оценке собственной культуры (Furnham, Bochner, 1982, 1986;

Manson, 1997). Авторы концепции культурного шока Э. Фэрнхэм и С. Бочнер (Furnham, Bochner, 1982) исходят из того, что каждая культура имеет огромное разнообразие вербальных и невербальных символов социального взаимодействия, с помощью которых человек ориентируется и действует в повседневной жизни. От этих осознанных или неосознанных способов взаимодействия и сигналов зависит его психическое состояние. Внезапное возникновение несоответствия системы ориентиров условиям новой культурной среды и вызывает у человека глубокое психическое потрясение, шок.

Вот описание некоторых симптомов культурного шока. Это *чрезмерно частое мытье рук, чрезмерная забота о чистоте питьевой воды, пищи, посуды, постели; боязнь физического контакта с представителями новой культуры, чувство беспомощности, стремление к контактам с представителями собственной культуры, продолжительное время проживания в новых условиях, страх быть обманутым или оскорбленным, общее снижение настроения и др.* Эти явления обусловлены психической реакцией на поток новой информации, справиться с которым человек чувствует себя бессильным в течение более или менее длительного времени (Furnham, Bochner, 1986 и др.).

Н. М. Лебедева (1993) отмечает, что результаты огромного числа работ по изучению связи миграций и психического здоровья можно свести к двум глобальным выводам: а) среди мигрантов психические расстройства *возникают чаще*, чем среди местных жителей, хотя из этого правила есть и исключения; 2) имеются существенные различия между группами мигрантов в *отношении тяжести и типа психических расстройств*. Связь между миграцией и возникновением психических расстройств нашла отражение в ряде соответствующих концепций (Березин, 1988; Козлов, 1983; Лебедева, 1992, 1993; Cochrane, 1980, 1983; Cohen, Noberman, 1983; Feather, Waseiluk, 1973; Feather, Ruzitis, 1974 и др.).

В исследованиях отмечается важность *степени различия* ценностей страны выхода и страны поселения мигрантов, в связи с чем делались попытки составить карту мира по типам ведущих ценностей (Hofstede, 1984). Большинство исследователей явления культурного шока сходятся во мнении, что количество как объективных, так и субъективно воспринимаемых различий между культурами стран выхода и стран поселения мигрантов пропорционально количеству трудностей, испытываемых мигрантами в процессе их психической адаптации (Bochner, 1982; Furnham, Bochner, 1986; Glaser, 1979; Shaltuk, 1965; Watson, 1977 и др.). При этом величина дистанции между культурами страны выхода и страны поселения

является определяющей для возникновения культурного шока или состояния дистресса (Bochner, 1982; Лебедева, 1993).

Существенна также роль социальных связей мигрантов: чем теснее их связи с соотечественниками, тем большую неудовлетворенность испытывают они в новых культурных условиях (Au, 1969; Richardson, 1974; Selltiz, Cook, 1962).

Культурный шок в целом является источником стресса, тем не менее, на практике его переживание для некоторых людей не является неприятным (Cohrane, 1980; Furnham, Bochner, 1986). Эти люди, напротив, могут наслаждаться *сильным возбуждением от незнакомого* (Zuckerman, 1981). Поэтому, несмотря на негативные последствия культурного шока, в целом в малых дозах он может быть важен для саморазвития и личностного роста. Опыт адаптации к новым ценностям является полезным: «...В знакомстве с другой культурой индивид получает новый опыт путем прихода к пониманию корней своего собственного этноцентризма, путем достижения новых перспектив и взглядов на природу культуры... Парадоксально, но хорошо, если кто-то способен принять новые и разнообразные варианты человеческих различий» (Adler, 1975, p. 78). В том случае, когда мигранты чувствуют себя в разных культурных условиях комфортно, они, по данным С. Бочнера, более удовлетворены жизнью, чем «монокультурные» индивиды (Bochner, 1982).

Динамика психической адаптации человека к новой культурной ситуации, как показывают исследования, описывается кривой типа параболы, что отражает три основных стадии процесса: в начальной стадии – приподнятое настроение и оптимизм, далее следует период фрустрации и депрессии, затем, в некоторых случаях наступает чувство удовлетворения и соответствия среде (Coelho, 1979; Du Bois, 1956).

Многие эксперименты подтверждают, что дети, перемещенные в насыщенную, сложную и изменчивую среду, лучше выполняют ряд интеллектуальных и когнитивных задач, чем дети, выросшие в гомогенной среде. С. Бочнер делает из этого вывод, что индивиды, овладевшие навыками многих культур, являются представителями человечества в будущем, так как благодаря увеличению кросскультурных контактов мир продолжает «сжиматься» (Bochner, 1982 и др.). Подчеркнем особо: эти факты относятся только к интеллектуальной сфере и отражают лишь одну, позитивную сторону проблемы.

Однако успешная адаптация является скорее исключением, чем правилом (Manson, 1997). Еще Л. С. Выготский отмечал неоднозначность последствий «двуязычия» в развитии ребенка для его

мышления, эмоций, личности (1983, с. 337). Начальным, а часто и единственным результатом «культурного шока», возникающего вследствие миграций, являются признаки психической дезадаптированности, выражающиеся в проявлениях чувства тревоги, общей неудовлетворенности жизнью, тоски, безысходности, снижения интереса к жизни.

«Культурный шок» является, на наш взгляд, одним из важнейших признаков не только кризиса культуры, но и этносреды человека и обнаруживает себя в наличии в возникновении **этнофункциональных личностных конфликтов**. Понятие культурного шока немислимо без представления о *переживании* соответствующего конфликта и трансформации определенных психических состояний, возникающих вследствие взаимодействия системы отношений конкретной личности с этносредой. Субъективное восприятие взаимодействия разнородных этносредовых элементов переживается современным человеком как переходный, кризисный процесс. Социокультурные и природные и пр. изменения, происходящие в современном мире, вступают во взаимодействие прежними отношениями личности, что требует от нее дополнительных адаптационных усилий, расходования **энергетического потенциала**. Важным является то, что элементы такого взаимодействия составляют реальность более широкую, чем собственно человеческая культура, они описывают этносреду в целом. Тогда представление о «культурном шоке» более правильно заменить понятием «**этносредового шока**».

Переживание человеком кризиса культуры и этничность

А. Бабикер, Дж. Кокс и П. Мюллер (Babiker, Cox, Miller, 1980) создали шкалу для измерения «культурной дистанции» исходя из того, что степень одиночества, отчуждения в новой культуре и соответствующие дистрессы (*т. е. проявления психической дезадаптации*) пропорциональны различиям в исходной и новой культурах мигранта. Были выделены ее различные параметры: *климат*, одежда, *пища*, язык, *религия*, уровень образования, материальное благосостояние, структура семьи, обычаи сватовства и ухаживания и др. Анализ данных исследования по этой шкале студентов-иностранцев показал, что обнаружена значимая связь величины культурной дистанции с уровнем *тревоги* и общим количеством *медицинских консультаций* в течение года. Причем наиболее выраженная связь повышения тревоги зафиксирована со следующими факторами: *климат*, *пища* и *религия*. Рост числа консультаций достоверно связан с изменениями в *пище*, *уровне образования* и в *характере проведения досуга*.

Безусловно, к социокультурным различиям относятся различия в религии и таких особенностях, как обычаи ухода за собой, проведения досуга и т. п. При изучении «культурной дистанции», понятия климата и расово-биологических различий между людьми, используемые авторами, не отвечают ни одному из существующих понятий культуры (Бромлей, 1973, 1983 и др.). Климат характеризует лишь территориально-географические различия и соответствующую «дистанцию»; тип питания, лишь косвенно связан с культурой (имеются в виду исходные продукты, а не способ их приготовления) и связан с биологическим взаимодействием человека и среды.

Итак, «культуршок» может быть обусловлен не только социокультурными изменениями, но и климато-географическими, расово-биологическими и пр., т. е. изменениями этносреды в целом. Нарастание этих изменений переживаются человеком преимущественно как определенные неприятные (депрессивные) проявления, т. е. обуславливают депрессивное содержание переживания личностью кризиса этносреды в целом.

6.2 Информационный аспект кризиса современной культуры

Кризиса культуры в нашу эпоху рассматривается с позиций как «исторического», так и «естественнонаучного» подходов (Риккерт, 1997 и др.). Попыткой обобщенного объяснения причин кризиса современной цивилизации с позиций «информационного» подхода явилось исследование О. Тоффлера. Свою исходную позицию автор понимал достаточно широко: «Мы являемся свидетелями общего кризиса индустриализма – кризиса, стирающего грани между капитализмом и коммунизмом советского типа; кризиса, одновременно подрывающего нашу энергетическую базу, нашу систему ценностей, наше восприятие пространства и времени, нашу теорию познания и нашу экономику. То, что происходит, есть не что иное, как крушение индустриальной цивилизации на планете» (Тоффлер, 1973, с. 6). Основу напряженности в обществе автор видит в несовпадении темпов перемен в различных социальных группах, а также в дисбалансе скорости перемен в окружающей среде и ограниченной скорости реакции человека – разрыв между двумя последними факторами вызывает шок.

Тоффлер отмечает, что боязнь перемен ведет к страху перед будущим («футуршок»), который сильнее «культурного шока», так как избежать последнего можно, вернувшись в свою культурную среду. Жертва футуршока лишена такой возможности и может стать

вследствие этого опасной для общества. Для общества это обуславливает *массовую дезориентацию*, футуршок в огромном масштабе. Фактически в ядре «цивилизованного мира» (по Тоффлеру, это Европа и США) происходит ускорение темпа субъективно воспринимаемого времени, что проявляется в рекламе и погоне за модой.

Наблюдается *ускорение процесса получения новых знаний*, тесно связанное с миграцией населения. Бесконечные поездки воспринимаются людьми как *наркотик*, что отражается в психологической привязанности к автомобилю больше, чем к дому; обладание автомашиной – верный способ обрести повышенную способность к перемещениям и, как следствие, чувство уверенности.

В психологическом аспекте, *увеличение скорости изменений в обществе и связанное с этим нарастание потока информации, которая обрушивается на человека, приводит к нарушению его психической адаптированности, к психическим расстройствам*. Непременным механизмом приспособления является ориентировочная реакция, которая возникает при несовпадении имеющегося у человека стереотипа с новой моделью поведения – ориентировочная реакция требует затрат психической энергии, что в итоге приводит к стрессу, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Переизбыток информации обуславливает возникновение у человека состояния избыточной стимуляции и является причиной *усталости, беспокойства, раздражительности и апатии*. Количество информации, которую человек может получить, переработать и запомнить, строго ограничено. Одним из признаков шизофрении является «неправильная» ассоциативная реакция. В частности, возможно, при шизофрении снижается пропускная способность каналов, участвующих в процессе переработки информации. Поэтому больному шизофренией трудно справиться с обычной скоростью переработки, подобно тому, как нормальные люди испытывают затруднения, когда получают информацию со слишком большой скоростью. В результате больные шизофренией при обычной скорости делают ошибки, аналогичные тем, которые делают нормальные люди при большой скорости передачи информации.

В качестве средств защиты от «информационного взрыва» имеются две группы методов: методы «буфера» и методы «фильтра». Первые предполагают различные варианты подготовки людей к новой информационной ситуации: обучение новым способам получения и переработки информации, тренинги эффективного принятия решений, формирования психологической устойчивости в стрессовой ситуации и т. д. Вторые направлены на формирование информационных

фильтров, которые отсеивают значимые для человека «сообщения» из потока социально значимых сигналов. В качестве таких фильтров выступают различные субкультуры со своими нормами, ценностями, образцами поведения; они относятся к групповым методам защиты от футушока, тогда как буферные методы касаются конкретного индивида (Тоффлер, 1973, с. 218).

Субкультуры, как правило, складываются вокруг какого-либо одного символа или вида деятельности. Сюда относятся некоторые профессиональные, а также большинство «досуговых» субкультур. В их рамках человек либо подчиняет все свои мотивы или профессиональным интересам, либо интересам таких объединений как панки, рокеры (молодежные субкультуры), любительским клубам или объединениям, значение которых для их членов выходит далеко за рамки музыкальных вкусов, увлечения техникой и т. д. В этих субкультурах он ищет ценности, позволяющие ориентироваться в жизни вообще, ограничить объем значимых воспринимаемых стимулов.

Далеко не всегда это стремление может быть реализовано в рамках подобных структур, что объясняется рядом их особенностей. Основные из них таковы: 1) «ценностная» ограниченность; 2) физическая ограниченность сроков пребывания в некоторых субкультурах; 3) значительная сменяемость состава групп, на которых базируются субкультуры; 4) относительная краткость их существования во времени (Сусоколов, 1990). Автор отмечает, что все перечисленные разновидности субкультур *не могут быть полноценной психологической заменой традиционных локальных общностей*, прежде всего потому, что при всем желании человек не может включиться в них полностью.

Субкультуры по самой идее своего существования не способны задавать общие жизненные ценности и осуществлять неформальный социальный контроль за всеми остальными сторонами жизнедеятельности человека. Включаясь в них лишь частично, человек в большинстве аспектов своего бытия должен подчиняться требованиям других общественных подсистем. Включаясь в субкультуры, человек сознательно или бессознательно стремится повысить уровень взаимопонимания, согласия с окружающей социальной средой, оказаться в кругу людей, имеющих достаточно сходную с его картину мира. При этом ввиду односторонности ценностей, лежащих в основе таких субкультур, и непричастности к ним основной массы окружающих индивида людей результат оказывается противоположным цели – психологическая напряженность, обусловленная возрастаям числом взаимопротиворечащих друг другу требований у многих членов субкультур не уменьшается, а увеличивается. В отличие

от традиционных локальных общностей (этносов и их объединений) «частичные» субкультуры современного общества могут достаточно быстро изменять свои нормы и ценности (в связи с возрастными изменениями индивидов, миграциями и др.).

6.3 Этническая функция информационных фильтров

Описанная выше информационная ситуация со всеми ее последствиями не вызывает сомнений, но при этом, на наш взгляд, более глубокому изучению подлежит психологическая основа этой ситуации и, соответственно, направления поиска выхода из нее для конкретного человека или социальных групп.

Как справедливо полагает А. А. Сусоколов, именно *этнос оказывает той «субкультурой» современного общества*, которая в наибольшей степени способна выполнять функции «информационного фильтра». Этому способствуют такие свойства этноса, как: 1) нормативная целостность (непротиворечивость нормам и ценностям других групп, составляющих общество); 2) устойчивость этнического статуса личности; 3) стабильность состава; 4) устойчивость во времени.

Стабильность состава обуславливается устойчивостью этнического статуса личности. Этническая принадлежность базируется, как правило, на очень устойчивых личностных связях и оказывается значительно более стабильным свойством личности, чем другие. Поэтому длительность существования этноса обеспечивает устойчивость этнических норм и ценностей, являясь дополнительной психологической опорой для его членов. В отличие от большинства других субкультур современного общества этнос *не может быть создан искусственно и не возникает как реакция на новую информационную ситуацию*.

Понимание этноса как «информационного фильтра», отмечает Сусоколов, объясняет возрастание роли этничности в жизни общества в условиях формирования новой информационной ситуации. Возникновение острой потребности в информационных фильтрах объясняет обращение к этническим ценностям, представляющимся человеку вечными и незыблемыми.

Функции этноса как информационного фильтра, согласно автору, могут осуществляться по следующим направлениям:

- 1 Этнос поддерживает среди своих членов представление о приоритете тех или иных общечеловеческих жизненных ценностей. Для индивида, идентифицирующего себя с тем или иным этносом,

спектр выбора ценностных и нормативных ориентиров является более узким, чем для человека с ослабленной связью со своим этносом. Более полная идентификация с этносом обеспечивает сужение потока воспринимаемой информации и облегчает адаптационный процесс.

- 2 В этносе могут иметь место специфические ценности. Ориентация на них также накладывает ограничения на возможное поведение и отфильтровывает социально значимые сигналы, ставя в центр внимания информацию, касающуюся собственного этноса, и отодвигая на периферию сообщения, являющиеся существенными для других этносов.
- 3 Этнические ограничения накладываются на инструментальные ценности, т. е. на возможные способы достижения целей. Этнические стереотипы поведения, передаваемые из поколения в поколение, делают для представителей конкретных этносов нежелательными или даже неприемлемыми способы достижения своих целей, которые вполне допустимы, а иногда даже престижны для представителей других этносов. В каждый исторический период этнос обладает устойчивым набором ценностных ориентиров.

Определяя понимание этноса как информационного фильтра, Н. Н. Чебоксаров и С. А. Арутюнов отмечали, что: «...Этносы представляют собой пространственно ограниченные сгустки специфической культурной информации, а межэтнические контакты – обмен такой информацией» (1982, с. 19). Добавим, однако, что принадлежность к определенному этносу или системе этносов должна характеризоваться не только культурно-психологическими, но и расово-биологическими и климато-географическими признаками.

С позиций этнофункционального подхода *любой элемент потока информации лишь в том случае является «элементом информации», если его этническая функция является этнодифференцирующей*. В противном случае этот элемент не будет элементом информации, т. е. не будет «новым» для данного этноса или этнической системы – его функция будет этноинтегрирующей.

Приведенный выше анализ показывает, что информационные изменения в обществе «кризиса этносреды», во-первых, требуют от личности больших затрат адаптационных психических усилий и, во-вторых, чаще являются этнодифференцирующими по содержанию, т. е. элементы нарастающих в современном мире информационных потоков этнофункционально рассогласованы с базовой структурой личности.

Этническая функция информационных фильтров, способствующих психической адаптации к условиям «кризиса этносреды», состоит в отборе в потоке информации этноинтегрирующих элементов ментальности, обеспечивающих этнофункциональную целостность (системность) конкретной личности, возрастание степени ее адаптированности.

Этнические информационные фильтры можно определить как **систему вторичных образов или ментальность** [образную сферу личности (Гостев, 2007) или общества (этносреды)]. Отметим, что вторичные образы структурируют хаос стимулов и обеспечивают селекцию нужной информации (Ломов, 1984). Соответственно, образная сфера личности может играть «роль „фильтрующего эталона“, который способен как помогать, так и мешать контакту с реальностью, в зависимости от адекватности их *защитной* функции по структурированию и хранению опыта субъекта» (Гостев, 2007, с. 60).

6.4 Этнофункциональный подход к анализу кризиса идентичности по Э. Эриксону

Одна из попыток осмысления психической адаптации человека в условиях «кризиса культуры» принадлежит Э. Эриксону, представленная в его концепции «психоистории» (Erikson, 1975; Эриксон, 1996). Важнейшим ее понятием является «идентичность».

«Идентичность – это социализированная часть нашего „Я“». Каждое общество представляет собой репертуар идентичностей: от идентичности ребенка, отца, матери, до профессиональных, политических и т. д. Одни из них предписаны нам с рождения и почти не изменяемы (пол, раса); другие приходят позже, по доброй воле или против нее – священника или бизнесмена, фермера или инженера, налогоплательщика или преступника. Мы получаем их во взаимоотношениях с другими, которые так нас обозначают или идентифицируют. Только в том случае, если идентичность подтверждается другими, она реальна и для самого индивида... Идентичность является продуктом взаимодействия самоидентификации и идентификации другими – это относится и к тем идентичностям, которые произвольно создаются самим индивидом... Индивиды, настойчиво придерживающиеся идентичности, каковой более никто не считает действительной, иногда являются непризнанными гениями, но чаще они интересны для психиатра – практика психоанализа полнится теми, кто не обрел или утратил отчетливую

самоидентификацию, кто «запутался в конфликтах между разными идентичностями» (Эриксон, 1990, с. 12).

Рассматривая возрастные изменения, связанные с идентичностью, автор отмечает, что типичной патологией для молодежи 13–19 лет (которая может проявляться и в значительно более поздние периоды жизни) является «диффузия идентичности». Молодой человек не в силах интегрировать в личностное единство разноречивые внешние требования, внутренние побуждения, старые и новые идентификации. Идентичность по своей природе является социально-психологическим понятием, так как включает два компонента: чувство тождественности собственной личности и социокультурную определенность. По мнению Эриксона, мир обладает «идеологической связностью», которая подтверждает или отрицает идентичность. Он полагает, что «исследование психосоциальной идентичности зависит от трех взаимодействующих сторон..., а именно: личностной связи индивида с ролевой интеграцией в его группе; направляющих его образов – с идеологиями его времени; истории его жизни истории – с историческим моментом» (Erikson, 1975, p. 20).

Как и все психоаналитики, Эриксон обращает внимание не столько на развитие интеллекта, когнитивной сферы, сколько на эмоциональную жизнь человека. Кризис групповой идентичности пробуждает аффекты, которые могут использовать в своих целях психопатические вожди. Такого рода «негативная идентичность» образуется вследствие психопатологической фиксации на различных плохо осознаваемых эмоциях – чувстве неполноценности, страха и др.

Э. Эриксон рассматривает межличностные и внутриличностные конфликты как субъективные проявления социально-психологических проблем «исторического момента», а мировоззренческие поиски творческой личности как наиболее адекватное понимание и переживание культурно-исторических противоречий конкретной эпохи и акцентирует именно *временной, исторический* аспект процесса идентификации. По мысли Эриксона, это переживание связано с чувством тревоги (см. также: Мэй, 2001).

Согласно концепции Эриксона, в определенные исторические периоды происходит радикальное изменение образа мира, рушатся традиционные идеологии, привычный социальный порядок. Воспринимая эти изменения, личность испытывает *чувства тревоги, страха, бессмысленности существования*, что предъявляет повышенные требования к *психическим адаптационным возможностям*. Такая ситуация ставит личность перед необходимостью поиска нового ответа на вопросы, которые ставит история.

Соответствующий ответ предполагает решения, дающие веру и смысл жизни, формирование новых образов поведения. Эриксон описывает это на примере Лютера (Эриксон, 1996). Решая богословские вопросы, Лютер закладывал основу новой идентичности, которые вслед за ним обрели поколения протестантов. Его внутренний психологический кризис как католического монаха был взаимосвязан с упадком средневекового христианства. По мысли Эриксона, душевный кризис молодого Лютера совпал по времени с объективными условиями культурно-исторического этапа в Германии того времени; несколькими поколениями раньше его религиозные переживания не вылились бы в Реформацию как эпоху и новую возможность для самоидентификации для миллионов людей, в частности в Средние века, для того чтобы остаться и немцем и христианином одновременно, Лютер предложил выход: нужно быть не римокатоликом, но протестантом.

С позиций этнофункционального подхода, содержание внутриличностных противоречий Лютера может быть сформулировано как противоречие, с одной стороны, между немецкой (и в то же время христианской), а с другой – римо-католической (т.е. христианской и в то же время итальянской) этнической идентичностью. Аналогичные разрешения этнофункциональных конфликтов могли иметь место и у чехов, и у фламандцев. Фламандцы, в частности, также разрешили ситуацию с пользой для себя: они сменили римо-католическую идентичность на протестантскую, в связи с чем они освободились от испанского влияния, что укрепило их идентичность как фламандцев.

Э. Эриксон отмечает, что «угроза потери идентичности связана с чувством „плавающей“ тревоги и возникновением конкретных страхов» (Эриксон, 1996, с. 563–565). Преодолению кризиса идентичности сопутствует опасность того, что «...человек, пройдя через некие испытания, открывшие ему глаза на истину, имеет право причислять или не причислять остальных к человечеству» (Эриксон, 1996, с. 329). Такие индивиды, по мнению автора, имеют *слишком широкую идентичность «человека вообще» вне расовых, религиозных и других типов идентичностей.*

С наших позиций, вся полнота «идентичностей» в смысле Э. Эриксона может быть описана как «этносредовая идентичность» (по отношению ко всем группам этнических признаков), а системный кризис идентичности – как кризис «этносредовой идентичности» личности.

На наш взгляд, переживание личностью кризиса этнической идентичности составляет суть процессов ее идентификации, личностного

созревания, процесса ее психической адаптации к изменяющимся условиям этносреды. При этом этнодифференцирующая функция отношений личности к различным элементам этносреды может обуславливать различные этнофункциональные личностные конфликты и, соответственно, чувство тревоги, страхи, неуверенность и др.

6.5 Роль этнической функции личностной идентичности в условиях культурно-исторических кризисов

Механизм процесса идентификации, роль которого была подчеркнута Эриксоном, предполагает, что для решения конкретных психологических проблем современного человека необходимо *содержательно* охарактеризовать настоящий исторический момент, выделив смыслообразующий фактор в кризисе современной цивилизации. Если в Новое время в Европе таким смыслообразующим фактором стали идеи *религиозной* Реформации, то, например, перед Второй Мировой войной в Германии в XX в. среди определенных социальных слоев это уже была роль *научной теории* взаимоотношений полов и полового влечения как инстинкта самосохранения в родовом аспекте. Это проявилось в широкой распространенности соответствующих психических расстройств (истерия), что, по мысли Э. Эриксона, создало объективные предпосылки создания З. Фрейдом его теории полового влечения и ориентированного на эту теорию психоанализа.

В англо-американских исследованиях «этнокультурная идентичность» рассматривается как степень принятия индивидуумом или группой набора ценностей, верований и образцов поведения, которые связаны с конкретной «этнокультурной традицией» (Солдатова, 1998 и др.). Исследования показывают, что достижение этнической идентичности в эпоху современного кризиса связано с особыми сложностями, поскольку в нашем «информационном» обществе нарастает разрушение таких важных для формирования идентичности чувств, как *чувство общности со значимыми другими*, *чувство неразрывной связи с прошлым*, *чувство преемственной связи с будущим* (Young, Erickson, 1988). Другими словами, идентичность размывается как в «пространственном», так и в историческом, «временном» аспектах.

Следует заметить, что этнические различия при всей их значимости в настоящее время играли важную роль и остро переживались людьми и во времена кризисов прошедших эпох. В исторической литературе описано огромное количество таких примеров. В частности, эпоха правления императоров Цезаря и Августа (I в. до н. э.),

по единодушному мнению большинства исследователей, была периодом кризиса и характеризовалась «смещением народов», «сглаживанием особенностей разных племен и народностей и усилением одной общей черты – изношенности, измельчания характеров» (Моммзен, 1993, с. 179–180). Кризисным был также, например, исторический период борьбы китайского народа против иностранных захватчиков в последний период манчжурской династии Цин (конец XIX–начало XX в.), завершившийся превращением Китая в полуколонию Европы и США. Причиной успешности проникновения иностранного влияния был глубокий упадок этой династии, которая и сама всегда воспринималась китайцами как этнически чуждая. Восстание ихэцзюаней («боксеров»), обусловленное указанными противоречиями, проходило под лозунгами представителей манчжурской власти: не нарушать заветов родителей и обычаи (не быть жадными, развратным и т. п.), уничтожать чужеземцев, убивать чиновников-взяточников (Гумилев, 1991; Ефимов, 1973). Общим является то, что в кризисные эпохи люди начинают искать опору в непреходящих ценностях и обращаются к той реальности, которую можно описать словами Ю. В. Бромлей: «Человечество – это народы» (Бромлей, Подольный, 1990).

Таким образом, этническая функция личностной идентичности в условиях исторических кризисов этносреды играет существенную роль в процессе психической адаптации личности к нарастающим информационным потокам.

С учетом сказанного правомерно провести этнофункциональный анализ влияния этносредовых факторов на психику человека в кросскультурных психологических, психиатрических и психотерапевтических исследованиях.

ГЛАВА 7

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ КРОССКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ, ПСИХИАТРИИ И ПСИХОТЕРАПИИ

7.1 Этнофункциональный анализ кросскультурных исследований в психологии

Экспериментальные кросскультурные исследования в психологии изначально ставили задачу изучения влияния социокультурной среды на психику, однако вопрос об этнической однородности среды (этносреды) в них не рассматривался.

Можно выделить три основных направления этих исследований (Коул, 1997, с. 55–85). Первое связано с изучением процессов восприятия, соответствующих «элементарным психическим функциям» в подходе В. Вундта; второе направление относится к изучению интеллекта как высшей психической функции, эти функции, по мнению Вундта, невозможно изучать в рамках лишь своей собственной культуры; третье ориентировано на изучение мнемических процессов, связанных как с высшими, так и с низшими психическими функциями.

В начале XX в. кросскультурные различия рассматривались с этноцентристских позиций. Например, считалось, что перцептивные способности и память развиты лучше у так называемых «примитивных» народов, тогда как интеллект как высшая психическая функция – у европейцев и североамериканцев.

Говоря о лабораторных исследованиях сенсорных процессов, проводимых в вундтовской традиции, М. Коул отметил, что эти исследования немного дали нам новых сведений по сравнению с тем, что уже известно из общей психологии (Коул, 1997, с. 69). К этим исследованиям Коул, прежде всего, относит эксперименты

В. Риверса (Rivers, 1901) по изучению остроты зрения, восприятия цвета и пространства (в частности, подверженность зрительным иллюзиям) у «дикарей» (Соломоновы острова) и европейцев. В оценке исследований мнемических процессов у разных народов, по мнению М. Коула, также нельзя утверждать, что параметры сравнения в кросскультурных исследованиях имеют достоверные различия.

М. Коул полагает, что «содержательные предположения кросскультурных исследований оказываются весьма скромными, а данные, на которых они основываются, сомнительными» (Коул, 1997, с. 86). Одним из немногих достоверных результатов является, в частности, вывод кросскультурных исследований когнитивного развития; психологи подтвердили, что существуют проблемы, обусловленные особенностями мышления «туземцев».

В кросскультурных исследованиях интеллекта отмечается: даже консервативное прагматическое использование тестов основывается на сомнительном предположении, что школы и бюрократические институты индустриальных стран должны быть восприняты развивающимися странами без всякой культурной адаптации. В исследованиях интеллекта не хватает как раз того, что ищут исследователи, а именно: того, на чем основана связь между культурным опытом и выполнением интеллектуальных тестов (Коул, Скрибнер, 1977).

В целом имеет место посылка так называемого «когнитивного единства человечества», которая означает, что мыслительные процессы, в частности логические, не различаются в разных культурах. Единственное, что различается, – *содержание* этих процессов (то, о чем человек думает), *ситуация* (условия среды, отбирающие тот или иной тип мышления) и *исходные посылки* (или культурные мифы), которые считаются истинными или ложными в данной культуре (Лебедева, 1998, с. 122–123).

В истории изучения умственной отсталости были попытки создать классификации с учетом культурных факторов. Так, например, Л. Каннер делил умственно отсталых на три группы. К первому типу – с «абсолютным слабоумием» – он относил индивидов с «действительными» нарушениями познавательных, эмоциональных и конструктивно-волевых способностей, которых могли бы признать неполноценными во всех «культурных» условиях. Эти люди не способны к независимому существованию. Другим типом – «относительным слабоумием» – Каннер называл такие состояния, в которых психическая неполноценность определяется своеобразием «культуры», т. е. функциональный уровень психического развития этих субъектов варьирует в зависимости от требований среды. Только несоответствие

школьным требованиям «цивилизованного» общества заставляет признать их умственно отсталыми, тогда как в сельских условиях они могут быть неплохими тружениками. Третий тип – «кажущееся слабоумие», сюда включаются субъекты, которые психометрически могут оцениваться иначе, нежели в жизни, в зависимости от благоприятных или неблагоприятных обстоятельств. Согласно этой систематике право на диагноз умственной отсталости имеют только идиотия и имбецильность, а дебильность находится на границах нормы и патологии. (Kanner, 1948).

В современных исследованиях отмечается, что нельзя говорить об интеллекте, не принимая во внимание культурное окружение, в котором интеллектуальные проявления имеют место, а также что теории интеллекта не являются адекватными без учета культурного окружения (Sesi, 1990; Strenberg, 1990).

Для настоящего исследования важно то, что специфика конкретной этносреды может обуславливать радикальные расхождения в результатах рассуждений, в самой логике мышления у представителей различных культур.

К одной из попыток философско-психологического осмысления возможности «национального мышления» в отечественной науке на примере сравнительного изучения античного, германского, английского, французского и итальянского «образов мыслей» и «картин мира» можно отнести работу Г. Д. Гачева (1992) (согласно нашей теории развития личности, мы отнесли бы эти «образы мыслей» к стадии «просвещения»).

Другое направление связано с изучением так называемого «национального характера» и основано на положении о существовании «души народа» (Шпет, 1989) или «народной психологии» (Wundt, 1921; Штейнталь, Лазарус, 1865). Исследования национального характера стали активно проводиться в США в период Второй Мировой войны с целью уточнить характеры врагов или союзников этой страны. В связи с этим такие исследования носили вначале чисто прикладной, политический акцент (Веселкин, 1971).

Ученые, осуществляющие в последние годы кросскультурные психологические или этнопсихологические исследования, предполагают существование неких особенностей, характеризующих определенные социокультурные, этнические группы. Если раньше их исследования носили описательный характер и часто основывались на личных впечатлениях или наблюдениях авторов (Ковалевский, 1912; Лосский, 1990 и др.), то теперь они базируются на специфических социологических методах, психологических тестах и включают соответствующую

математическую обработку. Речь идет об исследованиях в рамках «нормальной» психологии в применении к проблемам воспитания, социального взаимодействия, социальной адаптации (Лебедева, 1993, 1998; Мулдашева, 991; Furnham, Bochner, 1986 и др.).

Анализ показывает, что общей чертой и этно- и кросскультурных психологических исследований является (часто в неявной форме) предположение об однородности исследуемых культурных и этнических общностей (хотя и отмечаются реальные различия групповых типов и конкретных индивидов, их составляющих). Это положение не учитывает более или менее выраженную «этнокультурную мозаичность» современного общества и этнофункциональную неоднородность содержания психики отдельных индивидов, что, на наш взгляд, и порождает неоднозначность и противоречивость большинства результатов проведенных исследований.

7.2 Исследования в области психологической и культурной антропологии

Научная тема «Культура и личность» исследуется культурными антропологами с помощью этнографических методов, которые включают наблюдение за коллективными проявлениями (религиозными обычаями, обрядами и др. явлениями); изучение устных сообщений об изучаемых явлениях в поведении и мышлении; наблюдение за взаимодействием индивидов, воспитанием детей, выполнением полоролевых функций мужчинами и женщинами, наблюдение за характером родственных взаимоотношений (Duijker, Frejda, 1960 и др.).

Анализируя соответствующие исследования, Р.Кисинг и Ф.Киснг показали, что основными направлениями исследовательских программ, является набор более узких положений о психологическом отклонении от нормы в «незападных» обществах, о том, как под воздействием культуры усиливается *«генетическое разнообразие и психологические различия внутри той или иной популяции»* (курсив наш. – А. С.), о влиянии резких культурных изменений на личность» (Веселкин, 1971, с. 62).

Термин «национальный характер» иногда применяется для обозначения особенностей культурного творчества какой-либо нации – художественного, литературного, философского и т. п. Однако, по мнению Х. Дюйкера и Н. Фрейды, здесь отражается, скорее, мироощущение элиты, интеллигенции, спорным вопросом является то, в какой мере это отражает особенности всего народа в целом.

Выделяют несколько, наиболее репрезентативных подходов к пониманию «национального характера». В частности, одно из представлений, наиболее широко распространенное в письменных источниках (от Библии и до наших дней), а также в быту, отражает такое его понимание: «Все люди, принадлежащие к определенной нации, сходны между собой по некоторым признакам и, соответственно, отличаются по тем же признакам от других наций; приписываемые им особенности каким-то образом связаны с тем, что они являются гражданами определенной национальной общности; эти особенности могут быть описаны на обиходном или литературном языке» (Duijker, Frejda, 1960, p. 12). Эти представления носят гипотетический характер в силу своей слабой методологической обоснованности.

Согласно концепции «модальной личности», сравнительно устойчивые черты и типы личности являются модальными («условно принятыми») для взрослых членов определенного общества (Inkeles, Levinson, 1954, p. 983). Такое определение предполагает наличие *типов личностей* и ее свойств. Модальной личностью оказывается тот тип, к которому относится наибольшее число взрослых членов данного общества, а национальный характер определяется частотой распространения определенных типов личности в этом обществе. Преобладающий в данном обществе тип личности может встречаться как единичное или слабо распространенное явление и в каких-либо других обществах. Такой подход правомерно используется для характеристики не только национальных, но и профессиональных, религиозных или других групп населения; в частности, проводятся исследования взаимоотношений различных групп, входящих в состав той или иной нации, содержащей несколько типов модальной личности. Рассматривая мультимодальную нацию, указывают авторы, можно говорить скорее о «характеристиках нации» как коллектива, а не о «национальном характере» индивидуумов, составляющих этот коллектив. Результаты статистических исследований, проведенные с помощью различных психологических тестов (Роршаха, Бине и др.), позволяют сделать некоторые предположения о том, что существует нечто вроде модальной личности. Однако говорить о том, насколько полно она характеризует психологический тип члена данного общества, затруднительно из-за *значительной внутригрупповой вариативности*.

К понятию модальной личности приближается понятие «базовой структуры личности», или «базовой личности», применявшееся для описания культур так называемых «примитивных» племен. Основанная на этом понятии концепция концентрирует внимание

не на обществе в целом, а на культуре, границы которой могут не совпадать с границами данной социальной группы. Однако оно применимо только к группам людей, обладающих общей культурой. От понятия «модальной личности» «базовая личность» отличается тем, что носит не статистический, а описательный характер и несовместима с наличием существенных различий внутри рассматриваемой группы населения. Эта концепция лежит в русле психоаналитического подхода и основывается на глубинных различиях в типах личности, возникающих под влиянием различий в культурной среде. Вследствие этого, как отмечают Х. Дюйкер и Н. Фрейда, возможность использования ее для исследования более сложных современных культур сомнительна (1960).

Согласно этим авторам, все концепции национального характера разделяются на два типа: *ориентированные на личность и ориентированные на культуру*. Личностно-ориентированный подход предполагает определение типа личности, более или менее характерного для той или иной нации. Культурно-ориентированный подход предполагает изучение обычаев, норм, ценностей распространенных в данном обществе. Распространен также взгляд, что современные «большие нации», например, в США, Франции, Швейцарии и в некоторых других странах *не могут иметь особого национального характера*. При этом подчеркиваются значительные внутренние различия в пределах современных государств (наций) между культурами этнических, религиозных и лингвистических групп, общественных классов.

В итоге Дюйкер и Фрейда делают вывод о том, что с теоретической точки зрения возможны и вероятны национальные различия в области нравов, обычаев, общественных институтов, норм поведения, ценностей – различия *в сравнении типов*. С фактической стороны существование такого рода различий можно считать достоверно доказанным. Однако важность личностных различий в строгом смысле слова не следует переоценивать, учитывая широту диапазона индивидуальных вариаций (1960).

Одно из наиболее известных направлений исследования в настоящее время связано с представлением о «культурных синдромах», которые изменяются в связи с изменением среды. «Культурный синдром – это определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа отличается от другой» (цит. по: Лебедева, 1998, с. 59–86; см. также: Hofstede, 1984). Для нас здесь существенно то, что во всех рассмотренных выше исследованиях, так или иначе, изучаются *типологи* – культур, национальных характеров и т. п.

Таким образом, отечественные и зарубежные исследования методологически основываются на предположении о существовании типов: «этнического (национального) характера» и «этнического (национального) стереотипа», типов «культурных синдромов» и т. д. С позиций этнофункционального подхода, результаты этих исследований обладают определенным недостатком, а именно: в условиях современной цивилизации слишком велика вариабельность внутригрупповых психологических и (или) культурных различий даже в относительно небольших этнических общностях. Применительно к современным «большим нациям» это утверждение справедливо еще в большей мере.

Кроме того, типологический подход весьма немного дает для понимания психологии конкретного этнофора; неясно, как подходить к психологическим проблемам конкретного человека в конкретной ситуации воспитания, семейной и профессиональной консультации и пр. с абстрактным представлением о его «национальном характере» или принадлежности к определенному «типу культуры». В современном обществе непрерывно нарастает этносредовая неоднородность, «мозаичность» как в социальном, природно-географическом, так и в личностном аспекте. Эта неоднородность непосредственно обуславливает не только возникновение этнофункциональных расогласований в системе отношений личности, но и нарушение ее этнофункционального развития.

7.3 Кросскультурные исследования в психиатрии

Этнофункциональный анализ исследований в области кросскультурной психиатрии имеет особое значение в связи с тем, что определенная психопатологическая (депрессивная) симптоматика имеет непосредственную связь с этносредовыми изменениями и различиями в условиях современной цивилизации, хотя уже с конца XIX в. в исследованиях отмечается влияние на распространенность психических расстройств таких факторов, как политические и религиозные взгляды и установки, расовые и климатические различия. Диагностика этих расстройств осуществлялась с позиций «европейской» психиатрии.

Одним из первых особенности течения депрессивных расстройств у разных народов отметил Э. Крепелин. В частности, во время своего путешествия в Индонезию он установил, что депрессии там протекают относительно мягко, менее длительно, больные никогда не испытывают чувства вины (Краепелин, 1974).

Авторы многих современных исследований, пишет В. Лабарр (La Barre, 1958), обращали внимание на сходство мышления «примитивных» народов с бредовыми конструкциями больных шизофренией: представления о всемогуществе колдунов, амулетов имеют сходство с психотическими идеями воздействия; магическое мышление связано у психических больных с представлениями о собственном всемогуществе и т. п.

Широкое распространение получили также взгляды Т. Ламбо (Lambo, 1969), который, исследуя традиционную культуру африканских йоруба, пришел к выводу, что их магические представления несут интегративную функцию и ни в коей мере не сравнимы с бредовыми идеями больных шизофренией других культур. Это подчеркивает, на наш взгляд, *этнодифференцирующую функцию «бредовых конструкций»* в европейской этносреде по отношению к *этноинтегрированному мировоззрению представителей традиционных культур.*

Э. Виттковер и Р. Принс (Wittkower, Prince, 1980), анализируя историю кросскультурной психиатрии, дают некоторые определения, существенные для понимания методологических основ исследований, проводимых в европейских и американских научных школах. Они понимают культуру как сочетание типов «жизненных форм» со специфическими отношениями, мыслями и чувствами, относительно устойчивыми при смене поколений. Это означает, что человек, *родившийся и воспитывавшийся в определенной культуре, в своем личностном развитии в основном определяется ее условиями.* Эти авторы различают понятия «культурной» и «кросскультурной» психиатрии. «Кросскультурная» психиатрия имеет более широкое значение по сравнению с «культурной»; первая пересекается со «сравнительной психиатрией», «экзотической психиатрией», «этнопсихиатрией» и «донаучной психиатрией». Однако в «кросскультурной психиатрии» акцент ставится в большей мере собственно на культуре, а не на расе, климате, географии и других материальных аспектах среды. От кросскультурной психологии и медицинской антропологии кросскультурная психиатрия отличается тем, что основным предметом исследований здесь являются психические расстройства. *Кросскультурная психология, по мнению авторов, является для кросскультурной психиатрии тем, чем физиология – для медицины.*

Рассматривая значение культуры в аспекте психиатрических исследований, авторы отмечают, что *влияние типа культуры на «нормальные» или «ненормальные» человеческие отношения могут пониматься с позиций психоанализа и (или) с точки зрения социальных наук.*

На развитие психики, с позиций психоанализа, влияет «национальный стереотип личности» – тип восприятия, контроль импульсов, инстинктивное поведение. Культурно обусловленными и специфическими являются бессознательные механизмы психологических защит – отрицания, проекции, регрессии, вытеснения, сублимации и т. п. Значительны также культурные вариации «идеального „Я“», «эго-силы», отношения к авторитету.

Виттковер и Принс отмечают, что одной из причин психических расстройств являются три фактора: *содержание культуры, ее организация, изменения культуры*. Содержание культуры может обуславливать психические расстройства через определенное взаимодействие относительно разнородных элементов этой культуры. Например, можно ожидать, что табу является стрессогенным элементом. Однако не существует таких табу, которые приводят к психическим расстройствам сами по себе. Авторы отмечают, что *возникновение психического конфликта происходит лишь в тех случаях, когда табу взаимодействует с элементами других культур*.

В области социальной организации возникновение психических расстройств может быть обусловлено *аномией и социальной ригидностью*. Аномия означает недостаток социальной интеграции и в этом случае говорят о «социальной дезорганизации». Социокультурные изменения, в свою очередь, не всегда вызывают нежелательные эмоциональные реакции; они чаще приводят к «психокультурному стрессу» в «примитивных» группах и в коренном населении колоний на периферии сложных общественно-культурных систем и во многих странах у мигрантов. В качестве примера авторы приводят исследования кросскультурных аспектов шизофрении. Считается общепризнанным, что все клинические формы шизофрении встречаются во всех культурах, хотя и с различной частотой.

В некоторых культурах состояния возбуждения не обязательно связаны с шизофренией или манией, они могут проявляться как короткие психогенные эпизоды, обусловленные социокультурными тенденциями в некоторых «примитивных» сообществах. Замечено, что в Африке кататония является относительно редко встречающейся формой. Ее хроническая форма часто встречается в Индии и других азиатских странах. Частота кататонического ступора в этих странах может быть связана с индуистским учением, последователи которого считают эмоциональную невосприимчивость приемлемой формой реакции на трудности. Частота проявлений кататонической неподвижности и негативизма у индийских шизофреников может быть определена как традиционная пассивно-агрессивная

реакция на мирские страдания. И, напротив, сохранение итальянскими шизофрениками на поздних стадиях болезни социальных контактов может быть объяснено традиционной общительностью и семейной солидарностью коренных жителей юга Италии. Наблюдения в Африке и Индии свидетельствуют о том, что бредовые представления больных шизофренией в этих регионах в меньшей мере систематизированы, чем у евроамериканцев (Lambo, 1955). Очевидны культурные различия в содержании бредовых представлений и галлюцинаций. Исследования показывают также, что, например, бред преследования Богом или демонами в настоящее время стал встречаться редко, уступая соответствующему содержанию, связанному с преследованием людьми.

Отечественные исследования кросскультурных аспектов психиатрии начали развиваться в последнее время более интенсивно (Дмитриева, Положий, 1996). Появились исследования на материале населения России, посвященные этническому и социокультурным аспектам психического здоровья, а также этнокультурным особенностям клиники, терапии и распространенности психических расстройств (Вид и др., 1996; Вертоградова и др., 1996; Дмитриева, Полонский, 1996 и др.).

Следует отметить, что для отечественных исследований по сравнению с западными характерно некоторое отставание в разработке концептуальных подходов к изучению кросскультурных аспектов психических расстройств. В прикладном отношении фактически неразработанной областью являются кросскультурные аспекты терапии и психотерапии психических расстройств.

Анализ кросскультурных исследований в психиатрии показывает, что этнодифференцирующая функция элементов различных культур, как правило, оказывает на личность стрессогенное воздействие. Это воздействие чаще фиксируется на периферии культурных систем вследствие «этносредового смешения» или вследствие миграций, что также связано с взаимодействием элементов различных культур.

7.4 Кросскультурные аспекты психотерапии.

Культурная и кросскультурная психотерапия

Содержание и методы психотерапии также можно рассматривать как проблемы «культурной» и «кросскультурной» психотерапии. Разделение исследований психотерапии на «культурные» и «кросскультурные» осуществляется вследствие постановки проблемы: каким образом психотерапевтические методы, разработанные

в одних культурах, в частности, в западных, могут использоваться в других регионах (например, в странах «третьего мира») (Wittkower, Warnes, 1980).

Для евроамериканских исследований характерен перенос методов, в частности, психоанализа на интерпретацию процесса лечения в неевропейских культурах. В этой связи интересно мнение К. Леви-Стросса, который полагал, что «... шаманская медицина занимает промежуточное положение между нашими органотерапией и психотерапией (как, например, психоанализ). Особенность шаманского врачевания состоит в том, что оно применяет к органическому расстройству метод, очень близкий к психотерапевтическому или психоаналитическому... В обоих случаях целью терапии является то, чтобы перевести в область сознательного внутренние конфликты и помехи, которые до тех пор были неосознанными либо потому, что они были подавлены иными психическими силами, либо потому, что происходящие процессы по природе своей носят не психический, а органический или даже механический характер» (Леви-Стросс, 1985, с. 176–177).

Довольно широкое распространение получило также применение различных шаманских техник в евро-американской культуре, как, например, техник индейцев канибо и хиваро (бассейн Амазонки) американским антропологом М. Дж. Харнером (1994), который фактически стал «белым шаманом». *С позиций этнофункционального подхода в данном случае имеет место чрезмерная абсолютизация эффективности шаманских техник.*

Исследователи отмечают, что в неиндустриальных регионах вера в духов, в одержимость и т. п. как в причину психических расстройств, несомненно, помогает верующим пациентам разрешить возникшие конфликты. В таких странах шаманы, знахари и др. лечат психические (и не только психические) расстройства *намного эффективнее*, чем врачи, имеющие современную научную подготовку (Прессель, 1993; Ваег, 1987 и др.). К культурно-специфическим методам относятся также использование растительных экстрактов, принесение жертв и т. п.

Симптомы, символы и их использование в терапии соответствуют особенностям определенной культуры. В частности, культурно-обусловленные качества японцев, восходящие, возможно, к буддизму: подчиненность авторитетам, зависимость и др. – должны учитываться во всех терапевтических процедурах. Душевный покой, приятие действительности такой, как она есть, являются желательными качествами личности с позиций дзен-буддизма. «Морита-терапия»

японцев, основывающаяся на этом мировоззрении, предполагает принятие страдания как условие, необходимое для личностных изменений (La Barre, 1945).

Виттковер и Варнс считают, что по очевидным причинам психоанализ не может использоваться в странах с авторитарным общественным устройством. Они отмечают, что это относится к СССР, Японии, Германии и Испании фашистского периода. По мнению авторов, русская «патогенетическая психотерапия» (В. Н. Мясищев), немецкая «аутогенная тренировка» и японская «морита-терапия» являются высокоструктурированными методами; они пренебрегают понятием бессознательного, ориентированы на сознательное «Я» и являются определенным типом дрессуры (Wittkower, Warnes, 1980, S. 314). Сюда же авторы относят применявшуюся в СССР и других коммунистических странах трудотерапию, на наш взгляд, как и патогенетическая психотерапия, достаточно эффективную, и подчеркивают роль коллектива в проведении терапевтических мероприятий. А. Кив справедливо заметил, что в советских исследованиях труд рассматривался как «подвиг и дело чести» и считался важнейшим проявлением человеческой активности (Kiev, 1968, S. 314).

Виттковер и Варнс полагают, что методы терапии, сформированные в одних культурах, е могут без изменений использоваться в других. В принципе, читают эти авторы, любой психотерапевтический метод может использоваться повсеместно, например, упражнения по системе йогов и определенные дзен-буддистские церемонии часто и успешно используются в рамках западной культуры. Однако при использовании разработанных на западе психотерапевтических методов в незападных культурах в большинстве случаев возникают проблемы. Например, в работе с юно-американскими индейцами рациональное мышление психотерапевта может натолкнуться на анимистически-магический тип мышления (Wittkower, Warnes, 1980).

Приведенные выше основания позволяют предположить, что понимание терапевтом этнической функции культурных особенностей пациентов может помочь понять тип их мышления и содержание отношений, что способствует эффективности терапии.

Во всем мире пациенты готовы верить в эффективность психотерапевтических методов. И если отсутствует указанное расхождение основных культурных диспозиций, то успех терапии вполне вероятен (Lederer, 1959). По наблюдению Виттковера и Варнса, если психотерапевт использует метод, противоречащий основным ценностным установкам культуры пациента, то у него может возникнуть чувство

вины. Это относится, прежде всего, к психотерапии западного типа или «понимающей» психотерапии, при использовании ее в работе с пациентами других культур, не имеющих школьного образования. Трудности применения западных методов психотерапии в других регионах существенно возрастают, когда мировоззрение психотерапевта сильно отличается от установок пациента. *Такая психотерапия может быть с успехом использована только в условиях западной цивилизации. В работе же с представителями других культурных групп необходимо основательное знакомство с природными условиями, историей, религией, литературой, традициями и образом мышления, характеризующими данные группы.* В этих случаях, по мнению авторов, необходимо также задаться вопросом: почему бы пациентам, принадлежащим к таким культурным группам, не попробовать традиционные методы лечения? (Wittkower, Warnes, 1980)

Виттковер и Варнс отмечают, что *психотерапевт должен определенным образом взаимодействовать с традиционными методами лечения*, а западные методы в какой-то мере приспосабливаться к культуре развивающихся стран, например, в плане введения и учета новых параметров и критериев успешности психотерапевтического процесса. Необходимо теоретическое переосмысление и интеграция западных методов и традиционных способов терапии. В целом психоаналитически ориентированные методы терапии, по их мнению, вряд ли могут с успехом использоваться в настоящее время в развивающихся странах.

В «этнопсихотерапевтических» исследованиях большое внимание уделяется роли измененных состояний сознания (ИСС) (Dittrich, Schaerfetter, 1987). Рассматривается культурно-специфический смысл ИСС и его роль в формировании психотерапевтических изменений у пациентов различных культур (Ваег, 1987; Nehr, 1987 и др.).

В русле этнопсихотерапии изучается действие различных психоактивных веществ, применяемых аборигенами незападных культур. Сюда же относятся исследования применения галлюциногенов и различных техник изменения состояний сознания в западной психотерапии (Leuner, Josuttis, 1972 и др.).

Этнопсихоанализ как специфически европейская методология

Одним из основных специфически-западным и теоретически проработанным направлением кросскультурных исследований является *этнопсихоанализ*, его основоположниками можно считать З. Фрейда с его работой «Тотем и табу» и К. Юнга с его многочисленными культурно-ориентированными исследованиями.

Первым профессиональным этнопсихоаналитиком, по мнению Х. Хайнрихса (Heinrichs, 1980), был Геза Рохайм. Он исходил из положения о том, что при всем разнообразии во всех культурах имеют место сходные культурно-обусловленные мотивы, символы и «мистические образы», проявляющиеся в сказках, снах, ритуальных действиях, а также в произведениях искусства. По мнению Рохайма, осознанные социокультурные отношения не могут детерминировать мифы и сны в различных культурных условиях, если они не обладают идентичной структурой. Автор назвал психические механизмы, обеспечивающие подобие мифов, снов и образов искусства «универсальной потенциальной символиккой» (Roheim, 1950, p. 24). В этом смысле магия имеет «структурную» основу, а личность понимается как «маска», «Я – идеал», усвоенный от матери и отца. Однако она имеет также свою сознательную «ритуализированную» часть. Колдуны и волшебники представляют в структуре личности отца и мать; в социальной реальности образ любимых родителей переживается иначе.

Выдающимся систематиком этнопсихоанализа и революционером в научном понимании человеческих взаимоотношений является Ж. Деверо (Devereux, 1978). Будучи физиком, социальным антропологом и психоаналитиком по образованию, он методологически определил роль наблюдателя, изучающего реальность с точки зрения принципа относительности. Естественное понимание медицины, психиатрии и классической филологии в изучении отношений человека, ориентированное на методологию, воспринятую из современной физики (Н. Бор, В. Гейзенберг, Дж. Ленц, А. Эйнштейн и др.), позволило Ж. Деверо в процессе критики бихевиоризма сделать существенный вклад в метатеорию человека. Его исходным положением было то, что оценка позиции наблюдателя и его влияния на объект должны быть осознаны (необходимо осознание психоаналитиком-исследователем культурной основы собственной тревоги).

Исследования, осуществляемые в русле методологии этнопсихоанализа, выявили необходимость доработать эту концепцию для того, чтобы она была применима в различных культурах, так как сам психоанализ, по мнению многих исследователей, в культурном отношении является специфически западным явлением.

Этнопсихоанализ исходит из универсальности законов мышления и психики в целом для всего культурного многообразия человечества, внутренние противоречия этой методологии проявляются в интерпретативном подходе (Скворцов, 1996), получившем особое распространение в настоящее время в США и Европе. Этнопсихоанализ,

декларируя этносредовое своеобразие психических явлений, все же осуществляет их интерпретацию в основном с позиций психоаналитической методологии, реализуя на практике принцип, согласно которому в первую очередь рассматривается осознанное или неосознанное влияние на отношения конкретного человека универсальных образов, шаблонов, архетипов поведения; в качестве второстепенного фактора допускается этносредово обусловленное своеобразие.

Современные проблемы кросскультурной психотерапии

Основные трудности применения кросскультурного подхода в психотерапии имеют методологический характер. На этом уровне показателен пример различных интерпретаций когнитивного подхода в понимании и психотерапии депрессий по А. Беку (Beck., 1976), приведенный Кляйнманом и Гудом: «Депрессивные больные делают логические ошибки или «ненормальные» суждения о себе и своем окружении. Но для антрополога (в широком смысле. – А. С.) такие логические паттерны являются примером культурно-обусловленной логики. Странно, что поколения когнитивных антропологов не исследовали того факта, является ли эта логика специфической для американцев или же она более типична для страдающих депрессивными расстройствами в других культурах» (Kleinman, Good, 1985, p. 500–501). Другими словами, когнитивный подход без дополнительных представлений о том, что *сама логика и результаты мышления могут обладать этнодифференцирующей функцией*, не является методологией, адекватной предмету исследования в кросскультурной психологии, психиатрии и психотерапии.

Перемены, происшедшие в современном мире за последние пятьдесят лет, и связанные с ними проблемы психотерапии (в широком смысле) достаточно четко сформулированы Н. Пезешкианом (1993). Изменение образа человека в обществе, отмечает он, обусловлены процессами роста населения, урбанизации, дифференциации и специализации в общественной жизни, науке, искусстве, в обучении, воспитании и семейной жизни, увеличении национальных и культурных контактов и различий в обществе. Вследствие этого сегодня, например, «почти не сохранилось четкой системы оценок применительно к такой области, как «правильное воспитание». В прежние времена различия и мораль обеспечивали критерии, «стандарты и цели обучения и социального поведения...» (с. 28).

Рассматривая воспитание в тесной связи с психотерапией (по своим целям и методам) автор пишет: «Из закрытых обществ прежних

времен возник новый более открытый мир... Плюралистическое сосуществование во многих семьях и группах, где каждый придерживается различных философских, этических и религиозных взглядов и живет согласно специфическим производственным отношениям и правилам человеческого поведения, становится нормой воспитательной ситуации внутри отдельной семьи. Это превращает кросскультурный подход в основу межличностных отношений» (там же, с. 28). Н. Пезешкиан рассматривает фундаментальное противопоставление Запада и Востока и соответствующие этому различия в понимании психических состояний, процессов и отношений. Например, он отмечает специфику западного и восточного отношения к алкоголю и курению гашиша. Специфику депрессий жителей западных стран он видит в преобладании страхов, которые могут быть связаны с внешним видом, сексуальностью, социальной изоляцией, а также чистотой и бережливостью. У жителей восточных стран депрессия развивается, по его мнению, чаще из-за чувства чрезмерной обремененности социальными обязательствами или узами. В содержательном отношении на первый план выступает тревога относительно способности к воспроизводству потомства, социального облика и отношения к будущему. Поэтому столкновение «культурно-обусловленных ценностей и способов поведения является только одним из видов конфликтов» (с. 33). Он пишет, что эти культурные условия определенным образом связаны с типом межличностной коммуникации, *с ландшафтом*, с общей историей, уровнем и типом социально-экономического развития (там же, с. 36).

Н. Пезешкиан рассматривает конкретную симптоматику пациентов с кросскультурных позиций. Например, немка, жена врача-иранца, жаловалась на своего мужа: «Мой муж – садист. Он слишком груб с нашим ребенком... он так же обращается со мной» (там же, с. 36). Психотерапевт интерпретирует этот симптом как обусловленный спецификой, принятой в культуре мужа манеры общения и выражения любви – щипками за бедра и грудь и т. п.

Н. Пезешкиан отмечает и недостатки кросскультурного подхода: «связанное с кросскультурным процессом *выделение типов*, обозначаемых ярлыками «немец», «перс», «восточный человек», «итальянец», «француз» и т. д., может порождать стереотипы и предубеждения» (там же, с. 35). По мнению автора, кросскультурные описания типов при рассмотрении отдельных случаев *всегда* допускают исключения.

Несмотря на то, что Н. Пезешкиан декларировал собственный «транскультуральный» подход, его концепция является типоло-

гической, что характерно для современных евро-американских исследований, это очередная попытка выделения культурных типов в условиях «этнокультурной мозаичности» современной цивилизации. «Культурные типы», «национальные характеры» и т. п., на наш взгляд, являются слишком обобщенными понятиями для адекватного описания до крайности дифференцированных и разнородных качеств, характеризующих современную цивилизацию в целом и психику каждого человека в отдельности.

В итоге отметим, что роль культурных аспектов психотерапии как направление исследований в нашей стране представлена крайне неполно. Определенную связь психотерапии с культурой отмечал В. Н. Мясищев в своей концепции патогенетической психотерапии (1995). Сюда относятся, в частности, культурные аспекты педагогики и воспитания. С его точки зрения, неврозы могут являться следствием неправильного воспитания, дурных привычек. В. Н. Мясищев понимал роль психиатра (психотерапевта) как «учителя жизни», обучающего «культурному» поведению в широком смысле.

Таким образом, кросскультурные исследования в области психологии, психологической и культурной антропологии, психиатрии и психотерапии, так или иначе учитывают социокультурную, а также культурно-опосредствованную, ландшафтно-климатическую и расово-биологическую обусловленность системы отношений человека и его психических расстройств. Можно выделить два способа учета этой обусловленности: 1) этносредовая специфика ставится во главу угла; но при этом возникают трудности с типологией этой спецификации (Н. Пезешкиан); 2) основным предметом изучения выступают общие для всех людей психические условия, причины поведения и реагирования, отодвигая на периферию и в область феноменологии все культурное и др. разнообразие содержания и динамики психических отношений человека, полагая его «кажущимся». Оба эти подхода предполагают существование определенных культурных и (или) психологических *типов*, но в них отсутствует целостное методологическое основание для рассмотрения с единых позиций всего разнообразия родов причин или условий, объясняющих те или иные психические проявления человека.

Адекватная кросскультурным проблемам методология должна отвечать следующим требованиям. Использование представлений о культурных и психологических типах является слишком обобщенным, «грубым» для изучения всей сложности разнородных, отношений человека к условиям реальной этносреды. Объяснительный методологический принцип должен учитывать не только

типологические, но и гораздо более тонкие различия в психике; этот принцип также должен быть методологически *дополнительным* по отношению к типологическому. На наш взгляд, он предполагает подход к пониманию психических расстройств и психотерапии с позиций этнической функции (этноинтегрирующей или этнодифференцирующей) проявлений личности и методов психотерапии. Этническая соотносительность как характеристика сходства и различия сообществ и отдельных людей допускает, с одной стороны, существование типологий, а с другой – дает возможность учета «этносредовой мозаичности» современного человека, его отношений к различным элементам реальной этносреды.

7.5 Этнофункциональный анализ исследований кросскультурных аспектов депрессий

Аналитический обзор кросскультурных исследования депрессий для нас имеет особое значение, потому что в последнее время число людей, страдающих депрессиями, резко возросло. Это дало Г. Клерману основание назвать нашу эпоху «Веком меланхолии» (Klerman, 1979). Отметим, что в отечественных публикациях кросскультурный аспект исследования депрессивных расстройств практически не представлен.

Виттковер и Принс отмечают, что классическая симптоматика эндогенных депрессий чаще всего встречается у европейцев, а некоторые авторы считают, что идеи малоценности и вины являются непременным элементом. В других культурах более специфическими являются атипичические депрессии, в развивающихся странах чаще встречаются ипохондрические представления, а также идеи преследования (бред и галлюцинации). Напротив, суицидальные мысли, чувства вины, греховности и малоценности редко встречаются в Африке южнее Сахары и в некоторых районах Индии и Юго-Восточной Азии; пациенты здесь в меньшей мере склонны к самобичеванию, они чувствуют, что другие люди их не любят, в них не нуждаются, но не подводят под это какую-либо особую причину. Другими словами, они концентрируют внимание не на себе, а на других людях. Если имеет место такая симптоматика, как изжога, диспепсия и др., то это интерпретируется как преследование со стороны злых духов или душ предков (Wittkower, Prince, 1980).

С позиций психоанализа можно предположить, что чувство вины испытывается чаще в культурах, где давление Сверх-Я проецируется во внешний мир. Чувство греховности может переживаться лишь

в том случае, когда концепция греха составляет часть собственного религиозного мировоззрения депрессивного больного. Если импульсы Оно и цензура Сверх-Я проецируются на внешний мир, что, как правило, имеет место в развивающихся странах, это ведет к бредообразованию, маскирующему депрессивную картину. В частности, у сенегальцев длительный тактильный контакт между матерью и ребенком усиливает «либидинозность» тела, что, в свою очередь, выражается в депрессивных проявлениях, склонности к патологическим ощущениям на коже и в других частях тела (там же).

Чувство стыда в некоторых неевропейских культурах, в противоположность чувству вины в западных культурах, является «артефактом восприятия» инокультурного наблюдателя из-за семантической проблемы значения символов языка. Сходным образом объясняется и более частые диагнозы соматизаций, ипохондрических явлений, а также идей преследования в условиях незападных культур.

А. Марселла и сотрудники выделяют следующие социокультурные гипотезы возникновения депрессий: обусловленность культурной структурой и динамикой семейных отношений, социальной организацией культуры, культурной спецификой психологических защит, а также спецификой «ритуалов оплакивания умерших» в различных культурах и такими социокультурными стрессовыми факторами, как перенаселение, миграции, семейная дезинтеграция, расизм и др., приводящие к психическим расстройствам.

Авторы довольно жестко связывают развитие депрессий с явлениями «вестернизации», «культурной дезинтеграции» и отмечают, что *настало время отказаться от привычных, узкотеоретических представлений об этиологии депрессий, связанных с понятиями нейротрансмиттеров, уровня адреналина и солевого обмена*. Депрессивные проявления – ведущие психиатрические заболевания в Европе и США и, похоже, что в будущем их роль будет возрастать. Однако попытки понять и решить проблему депрессивных расстройств тормозятся дискуссиями об определении, классификации и концептуализации этих расстройств (Marsella et al., 1985).

Кросскультурные исследования сходства и различий человеческого поведения в разных культурах и стереотипов этого поведения в рамках отдельных культур, на наш взгляд, дают исходный материал для решения некоторых указанных проблем. Надо также учитывать, что в некоторых незападных культурах нет эквивалентных концепций депрессии, но это не значит, что депрессия отсутствует, она может переживаться, выражаться и интерпретироваться иначе.

Различные методы кросскультурного изучения депрессивных расстройств базируются на положении о том, что в незападных культурах они характеризуются преобладанием соматических компонентов, а чувство вины, малоценности, суицидальные мысли и пониженный фон настроения у представителей этих культур проявляются нечасто. Отсюда необходимость разработка специфического инструментария, валидного для кросскультурных исследований.

Различие культур предполагает различие в характере депрессивных расстройств. В определенной мере эти различия могут быть обусловлены личностными потребностями, мотивами, чертами, тогда как часть различий может быть связана с языком, опосредствующим представления человека о реальности.

Одной из наиболее интересных работ, имеющих, на наш взгляд, фундаментальное значение, является исследование Г. Обейесекере, казалось бы, частной проблемы понимания депрессии в буддистской культуре Республики Шри Ланка (Obeyesekere, 1985). Автор отмечает, что, по мнению авторитетных западных исследователей, развитие депрессивных состояний связано с генерализацией «чувства безнадежности» (Brown, Harris, 1978). Для автора-буддиста это утверждение звучит весьма странно, так как нет людей, являющихся хорошими буддистами и депрессивными больными в одно и то же время. В картине мира буддиста нет представления о чьей-то личной безнадежности; безнадежность для буддиста лежит в основе мира, а спасение состоит в ее осознании и преодолении.

По мнению Г. Обейесекере, то, что называется на Западе депрессией, представляет собой ряд болезненных эмоциональных проявлений горя и обуславливается различными факторами – генетическими, социокультурными и психологическими. *Эти аффекты существуют в западном обществе в относительно «свободноплавающем» виде: они не привязаны к идеологии и поэтому идентифицируются как болезненные.* Иначе обстоит дело в «традиционных» культурах: здесь они не являются «свободноплавающими», но включены в широкий и достаточно жесткий контекст философско-религиозных представлений о бытии и целях существования.

Например, исследования депрессивных состояний у ашанти и йоруба свидетельствуют о том, что высокий уровень распространения инволюционных и других депрессивных психотических реакций не переживается как «болезнь», а понимается как естественный результат жизненных перипетий (Kraus, 1968).

Интересным примером является также расстройство, диагностируемое в Южной Азии как «потеря семени» (поллюции). Г. Обейесекере

замечает, что он находил соответствующую симптоматику в каждой культуре от Китая до Перу. Нельзя сказать, что множество североамериканцев «страдает» от поллюций. «Потеря семени» имеет признаки болезненного расстройства только в буддистской культуре, где «семя» понимается как субстанция «жизненной силы».

Различие в понимании депрессий, согласно Обейесекере, обусловлены культурными различиями – культуры буддизма и культуры современной западной медицины. *Болезненные депрессивные аффекты являются, по его мнению, результатом воздействия культуры западной медицины.*

В частности, А. Кляйнман и Б. Гуд отмечают, что симптомы дисфории, связываемые на Западе с депрессивными проявлениями, в незападных культурах понимаются как фундаментально отличные от депрессий формы социальных явлений (Kleinman, Good, 1985).

В целом можно заключить, что изучение в современных кросскультурных психиатрических исследованиях депрессивных расстройств обусловлено их нарастающей распространенностью в современном мире, а также их связью с такими основополагающими ценностными отношениями «цивилизованного» человека, как чувство греховности, вины и т. п. Эти расстройства вызваны переживанием человеком нарастающих изменений в климато-географических условиях его жизни (в связи с миграциями, нарушением экологических условий, урбанизации), в социокультурной сфере (в связи с миграциями, развитием средств массовых коммуникаций и информации, культурным обменом, свободой вероисповедания, плюрализмом ценностей и т. д.) и в сфере расово-биологической (вследствие метисации с представителями других рас, изменения типа питания, распространения экзотических инфекций и др.). Наши экспериментально-психологические и клинично-психотерапевтические результаты также дают основания предполагать, что эти расстройства могут быть существенно обусловлены не только социокультурными особенностями, но и условиями **реальной этносреды** в целом, а также культурно-опосредствованными биологическими и климато-географическими факторами, во всей полноте описывающими, согласно этнологическим исследованиям, этнические признаки.

Особый интерес представляет анализ признаков психической дезадаптированности человека в условиях современного «кризиса этносреды». Такого рода признаки при внимательном рассмотрении могут быть отнесены к тем или иным симптомам депрессий.

7.6 Депрессивные расстройства как проявление переживания человеком изменений его отношения к этническим признакам

Сравним признаки переживания человеком «культурного шока», «культурной дистанции», «нарушения экологических условий», «культурной и расовой маргинальности» и других проявлений современного системного кризиса (в нашем понимании «кризиса этносреды») с симптомами депрессивных состояний, описанных в отечественной и зарубежной литературе.

Анализ кросскультурных исследований показал, что психические признаки переживания человеком кризиса современной культуры таковы: *чувства девальвации ценностей и моральных устоев; чувство вины, уныния, идеи самообвинения и суицидальных мыслей; чувство тревоги, страха, подавленности, социальной изоляции, безысходности, апатии; чрезмерное беспокойство о собственном здоровье и частое обращение за медицинской консультацией; появление навязчивого стремления к чистоте как боязнь заразиться; появление общих признаков дезорганизации поведения (в семье, в социальной сфере)* и другие признаки.

Для сравнения приведем выдержки из общих психопатологических критериев диагностики депрессий, разработанных в НИИ психиатрии МЗ СССР (см.: Психопатологические критерии диагностики депрессий: Методические рекомендации. М.: МЗ СССР, 1980). Ниже при описании различных клинических проявлений депрессий, совпадающих с психическими признаками переживания кризиса культуры, общие элементы выделяются *курсивом*.

Субъективное переживание депрессивного аффекта можно структурно представить в виде трех основных компонентов аффективного звена депрессивного синдрома: тоскливый, тревожный и апатический. Эти компоненты находятся в динамической связи друг с другом и, как правило, на определенном отрезке времени один из них преобладает.

При преобладании тоскливого аффекта свое настроение больные характеризуют как грусть, печаль, *уныние*, угнетенность, *подавленность*, скорбь, тоску, «щемление» в груди, *особое чувство безысходности*.

Тревожные депрессии характеризуются появлением внутреннего волнения, *беспокойства, напряженного ожидания, отчаяния*. Больные говорят о *чувстве томительного ожидания, грядущей или совершающейся беды, высказывают опасения и беспокойство по поводу здоровья и благополучия близких людей*.

Апатическая депрессия чаще связана с чувством безразличия, с сужением круга интересов (либо их полным исчезновением), *уменьшением или потерей желаний, побуждений и потребностей*, а также скукой, ленью, безволием, безынициативностью, душевной вялостью, равнодушием.

Основу депрессивного синдрома составляет триада, включающая, наряду с депрессивным аффектом, идеаторные и моторные нарушения.

Первые при депрессивном синдроме, наряду с известной *фиксированностью переживаний на определенной тематике*, характеризуются сужением объема свободных ассоциаций и замедлением их темпа.

У тоскливых больных ассоциации не только замедленны, но и структурно упрощены, малосюжетны. Больные жалуются на тупость, безмыслие, потерю памяти.

При тревоге характерно ускорение темпа мышления, неустойчивость внимания, сужение круга ассоциаций; возникают *неуверенность в принятии решений, постоянные сомнения*, яркие представления возможных неприятностей. Характерны беспорядочность, хаотичность мыслей, их одноплановость и *концентрация на волнующей теме*.

Для апатии наиболее специфическим является обеднение ассоциаций, сужение их объема, снижение яркости и чувственной окраски. Вместе с тем нарушена способность к фиксации и произвольной направленности внимания и мышления.

Для депрессий в целом характерны *соматопсихические и соматовегетативные* нарушения, особенно в картине так называемых «вегетативных», «маскированных» и «ларвированных» депрессий (т. е. депрессий, «скрытых» за фасадом соматических и других жалоб). У больных часты жалобы на неприятные ощущения во всем теле, общую физическую немощность, *различные болевые ощущения в органах (сердце, голове, брюшной полости)*. Объективно обычно выявляется тахикардия, акроцианоз, потливость, подъемы АД, колебания температуры, обменные сдвиги. В ряде случаев эти вегетативные расстройства наряду с соматопсихическими ощущениями *могут имитировать клинику терапевтических заболеваний*, что обуславливает *обращаемость к врачам общей практики*.

Наблюдаются также расстройства восприятия, снижение эмоционального фона или повышенный уровень эмоционального реагирования, *нарушение восприятия будущего* (ничего нет, будущее закрыто, нарушение восприятия времени в целом, замедление или ускорение восприятия времени).

Одним из характерных признаков депрессии являются идеи собственной малоценности и самообвинения. Эти идеи могут приобретать навязчивый характер. Могут иметь место навязчивый страх болезни (инфекционной и др.), навязчивые ипохондрические представления, ощущения.

Значительное место в структуре депрессии может занимать депрессивная деперсонализация, основным проявлением которой следует считать болезненную психическую анестезию – переживание обеднения, ущербности эмоциональной жизни, «чувство утраты чувств» Больные переживают утрату эмоционального отношения к окружающему (интересов), безразличие к работе, любому виду деятельности, к развлечениям. Они болезненно переживают утрату способности переживания положительных эмоций (ангедония) и «неоткликаемость» на печальные события, утрату способности к состраданию и др. Важное диагностическое значение имеют также расстройства сна и влечений (пищевого, сексуального и пр.).

Особо следует отметить появление суицидальных мыслей, в выраженных случаях доходящих до непреодолимого стремления к самоубийству и самоповреждениям, что связано с идеями самообвинения, переживанием собственной малоценности, явлениями депрессивной деперсонализации.

Характер депрессии сказывается на особенностях поведения больного. При преобладании тоскливого аффекта больные отгорожены и замкнуты, намеренно избегают контактов с окружающими (связь с чувством «социальной изоляции»), они отмечают невозможность выполнять даже элементарные виды работ.

При доминирующем тревожном аффекте, хотя в легких случаях и отмечается повышенное стремление к общению с окружающими, при нарастании тревоги контакт с окружающими утрачивается, целенаправленная деятельность становится невозможной.

При преобладании апатии поведение пассивное, созерцательное. Больные в контакт не вступают и равнодушно наблюдают за окружающими.

В последнее время у большого числа больных, страдающих депрессиями, отмечается тенденция к атипизации депрессивных проявлений. При этом типичные аффекты (тоска, тревога или апатия) психопатологически модифицируются (искажаются), отодвигаются на второй план или полностью маскируются.

В отечественной литературе «атипию» трактуют как привнесение в клиническую картину любой симптоматики, несвойственной депрессивному аффекту: явлений деперсонализации, дереализации,

сенесто-ипохондрических расстройств, параноидных образований, чувственного бреда, элементов нарушенного сознания (например, делириозных включений и т. д.). «В настоящее время, – пишет С. Н. Мосолов, – крайне редко приходится иметь дело с яркими проявлениями гипотимного аффекта или классической триады. Вместо типичной витальной тоски и душевной боли наблюдаются *страхи, тревожные опасения, ипохондричность*. В свою очередь, витальные переживания могут принимать крайне причудливый характер в виде усиливающихся по утрам жалоб («сосание под ложечкой» *тяжесть или боли в голове, неприятные ощущения в области сердца, под левой лопаткой, боли по ходу межреберных нервов и т. д.*) (Мосолов, 1997, с. 19). С. Н. Мосолов отмечает, что в англо-американской литературе под атипичными депрессиями понимают более четко очерченный синдром длительно существующих, своеобразных тревожных состояний, которые сопровождаются *соматовегетативными и неврозоподобными (преимущественно обсессивно-фобическими или ипохондрическими) расстройствами* и при которых отсутствуют типичные симптомы меланхолической депрессии

В картину атипичных депрессий включены также «истероидные дисфории». В поведении соответствующих больных, помимо драматизации переживаний, входят соматические жалобы («комки» в горле, затруднения речи, головные боли в виде обруча и т. д.). Они имеют конверсионный характер (т. е. здесь происходит отщепление аффективной реакции от содержания психической травмы и направлению ее по другому, соматическому руслу, в чем просматривается символический смысл).

В 1994 г. в международную классификацию МКБ-10 было включено понятие дистимии, определяемой как хроническая (не менее двух лет) депрессия, протекающая на непсихотическом уровне при минимальной степени тяжести выраженности аффективного расстройства. Основная ее симптоматика представлена расстройствами сна и аппетита, *снижением активности, отсутствием энергии, усталостью, пониженной самооценкой, трудностями сосредоточения внимания и принятия решений, чувством безнадежности, неспособностью испытывать удовольствие, утратой потребности в общении*. Значительно выражены психомоторная заторможенность, *стойкие идеи виновности*, т. е. болезненные проявления, часто наблюдаемые в так называемой «норме».

В связи с депрессиями следует особо отметить роль употребления наркотических средств и психоактивных веществ. В исследованиях, с одной стороны, отмечается как причинная роль депрессий

в возникновении наркоманий, так и развитие соответствующей аффективной патологии на фоне развившейся наркомании, с другой – подчеркивается, что наркотизм является следствием «размывания границ между порочным, больным и правильным, здоровым» (Пятницкая, 1994, с. 8). Наркотизмом чаще всего поражаются определенные группы населения – преступники, богема, десоциализированная среда люмпенов, т. е. этнически маргинальные личности, для которых характерна социальная и нравственная дезориентация. Отсутствие или искажение ценностей, жизненных ориентиров являются факторами, способствующими развитию наркоманий (Дурандина и др., 1985).

Как отмечается в исследованиях, депрессивные расстройства имеют место у каждого седьмого жителя планеты, однако почти невозможно учесть всех, кто страдает депрессией (Вертоградова, 1997, с. 2). Это связано не только с тем, что очень многие больные не осознают своего собственно психического расстройства, но и с тем, что в случаях распространенных «маскированных» депрессий, люди обращаются к врачам общей практики с жалобами, затрудняющими правильность оценки их состояния. Вследствие этого значительную часть длительно болеющих и безрезультатно для терапии обследуемых пациентов как в поликлиниках, так и в соматических стационарах разного профиля составляют больные депрессией.

По данным И. Л. Степанова, при невыборочном обследовании пациентов общесоматической поликлиники (исключая больных с транзиторными инфекционными заболеваниями) у 68 % больных были выявлены депрессивные расстройства различной нозологической принадлежности (1991). Согласно исследованиям, в общесоматической практике около 50 % пациентов поликлинической сети соответствуют критериям тревожного или депрессивного расстройства (Linn, Yager, 1984). По некоторым оценкам, 80 % депрессивных больных лечатся у врачей общей практики, а в психиатрической сети – лишь 18 %; при этом только 10 % депрессивных больных из сети первичной медицинской помощи направляются врачами общей практики к психиатрам (Blacker, Clare, 1987; Weissman, Myers, 1978).

Собственно психиатрические оценки тенденций роста распространенности депрессий представителями разных стран и направлений указывают: количество больных во всем мире увеличилось с 5 % в 1991 г. до 11,8 % в 1992 г. и до 17 % в 1994 г. Кроме того, депрессивные расстройства обладают высоким риском повторения, обострения, хронизации. Эпидемиологические исследования показывают, что у 3–5 % населения их длительность превышает 2 года, у 12,5 % – более 5 лет, а больные с хроническими депрессиями, которые наблюдаются

психиатрами, составляют от 26 до 30%. В связи с этим проблема лечения депрессий в XXI столетии выходит на первый план (Вертоградова, 1997).

Обращает на себя внимание тот факт, что *тенденции все большего распространения в современном мире депрессивных расстройств, наркоманий совпадают с тенденцией нарастания этносредовой неоднородности человеческих сообществ.*

Таким образом, сравнение признаков переживания человеком системного кризиса современной культуры с симптомами депрессий, как они понимаются в психиатрических исследованиях, показывают: психические признаки переживания человеком этого кризиса в то же время являются и симптомами депрессивных состояний. При этом признаки переживания кризиса в целом являются множеством, включенным в более широкое множество депрессивных симптомов. На наш взгляд, это объясняется большей специфичностью языка описания собственно психиатрических исследований и несколько «бытовым», гуманитарным описанием признаков переживаний в социологических, социально-психологических, кросскультурных и этнопсихологических исследованиях. Согласно нашим исследованиям, указанные признаки наиболее емко описываются как *нарушения гармоничности взаимодействия когнитивной и аффективной сторон* отношений человека (межфункциональных связей, по Л. С. Выготскому) к этносреде.

Под влиянием разнородных этносредовых информационных воздействий может нарушаться целостность системы отношений человека; внутренние психические условия, в частности, вступают в противоречие с измененными характеристиками социокультурной и природной среды. Непосредственные исследования связи «культурной диссоциации» (термин Р. Мэя) с психопатологической симптоматикой в психологии и психотерапии весьма немногочисленны (особенно в рамках так называемой «условной нормы»). Существенным вкладом в этой области может служить монография Р. Мэя о значении («смысле») тревоги в этиологии и патогенезе психических расстройств и о связи этой тревоги с «культурной диссоциацией» (May, 1979).

Таким образом, сопоставительный анализ результатов экспериментально-психологических и клинических этнофункциональных исследований, с одной стороны, и кросскультурных психиатрических, психотерапевтических, этнопсихологических отечественных и зарубежных исследований – с другой, показали, что нарушение этнофункционального развития личности и этнодифференцирующая

функция личностных отношений, состояний и процессов могут обуславливать возникновение состояний психической дезадаптированности, преимущественно в форме депрессивных проявлений. Помимо изменений социокультурных условий и отношений, депрессивные признаки переживания кризиса имеют место и при изменениях климато-географических и расово-биологических условий (например, при метисации) этносреды. Это отражает тот факт, что исследование депрессивных расстройств является актуальным для изучения психических последствий кризиса этносреды.

В заключение следует подчеркнуть, что современный системный кризис этносреды переживается человеком в целом как психически дезадаптирующее явление. Общим признаком психической дезадаптированности являются депрессивные расстройства, которые в принципе могут являться лишь первым этапом адаптационного процесса и впоследствии преодолеваются и трансформироваться в более адаптивное поведение. Однако существенно преобладающей тенденцией является сохранение и закрепление депрессивной симптоматики, состояния психической дезадаптированности.

Наличие или отсутствие психической дезадаптированности определяется качеством (уровнем) разрешения **этнофункциональных личностных конфликтов**. Качество разрешения этих конфликтов зависит от характера наследования личностью этносреды, что, в свою очередь, связано с этнофункциональными аспектами ее образования и информационной безопасности, которые рассматриваются в следующем разделе.

РАЗДЕЛ IV

**ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ
И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

ГЛАВА 8

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ

8.1 Этнофункциональный смысл геополитики в образовании

С позиций психологического этнофункционального подхода, устойчивое развитие (Лось, Урсул, 2000) системы «личность – этносреда – этносфера» обеспечивается неразрывностью процесса наследования природно-биологического и культурно-психологического содержания системы отношений личности и общества. Согласно нашим исследованиям, ведущая роль в развитии личности климато-географических параметров (как мы полагаем – системообразующая), установленная в наших исследованиях, выводит их на первый план в решении геополитических проблем, связанных с задачей обеспечения целостного взаимодействия личности и этносреды, а в перспективе с проблемой внутренней устойчивости отношений в системе «личность – этносреда – этносфера». Без решения проблемы устойчивого развития личности и представления о правильном ее воспитании, на наш взгляд, невозможно решение проблемы устойчивости ни национальных этносред, ни этносферы в целом. *Ключевым фактором, обеспечивающим органичное наследование личностью содержания этносреды и этносферы является образование.* Без необходимой преемственности личностью общего плана и содержания развития этносреды разрушается сама личность, ее этносреда и в итоге – этносфера.

Этнофункциональный смысл геополитики

Психологический этнофункциональный подход к геополитике основывается на положении о том, что, несмотря на современное «смешение рас и народов» и их территориальную незакрепленность

(«мозаичность»), этническая целостность существует в духовно-психической реальности, а степень этой целостности оказывает огромное влияние на поведение человека и человеческих сообществ. Этничность полностью описывает каждого современного человека или общество как ту или иную степень целостности этнических признаков – климато-географических, расово-биологических и культурно-психологических.

Этносреду можно рассматривать как концепт «среднего уровня» (Мертон, 1947), опосредствующий взаимодействие индивида и всего человечества. Это открывает перспективы целостного анализа и прогноза развития системы «человек – этносфера» и ее подсистем.

В настоящий момент в предмете геополитики как науки собственно географические факторы отходят на второй план, уступая место экономическим, культурным, религиозным, психологическим и др. (Мухаев, 2007). Из военно-политических и стратегических исследований следует, что «водоразделами» существующих и предстоящих мировых конфликтов и противостояний, помимо «военно-географических», все в большей степени становятся религиозные, расовые, «цивилизационные» факторы (там же). Причем локализация этих конфликтов не определяет «линии фронта», хотя они и происходят в рамках взаимодействия конкретных этнофункциональных систем. Системность в рассмотрении этих взаимодействий может определяться этнофункциональным единством кажущейся, на первый взгляд, «мозаичности» этносред – систем климато-географических, расово-биологических и культурно-конфессиональных факторов.

С геополитикой теснейшим образом связано решение вопросов пассивной и активной информационной безопасности. Эти решения могут быть обеспечены разработкой прогнозов поведения (в широком смысле) произвольно выделенных человеческих сообществ, общественных слоев и пр. с позиции методологически обоснованной и операционализированной концепции *этнофункциональных информационных войн*. Преимущество информационных этнофункциональных воздействий по сравнению с традиционными состоит в их «высокоточности», правовой «гуманности» и скрытности. Этнодифференцирующие информационные воздействия на реальную этносреду предполагаемого противника, которые последний не осознает как «агрессивные», а часто воспринимает как дружеские проявления «взаимовыгодного культурного обмена», дезинтегрируют его общественную систему, снижая ее агрессивный идеологический потенциал. Кроме того, военно-информационные и пр. этнофункциональные воздействия, тактически разрушая этносреду предполагаемого

противника, всегда имеют положительную перспективу, которая усиливается с течением времени при согласованности такого рода воздействий с общей глобальной этнофункциональной стратегией, направленной на мирную интеграцию этносферы; последнюю мы можем условно обозначить как «устойчивое развитие».

Одним из компонентов этнофункциональной информационной безопасности является обеспечение ее *внутренней составляющей* путем внедрения соответствующей *концепции образования* для всех возрастных групп. Будучи реализованной, она обеспечивает психический адаптационный потенциал человека: его эмоциональную, нравственно-этическую и операционно-профессиональную устойчивость.

Образование как наследование личностью этносреды начинается с самого раннего детства ребенка, с воспитания молодой матери. В частности, без полноценного развития личности на природной и сказочно-мифологической стадиях моральные понятия – всего лишь набор слов. Религиозно-этическая стадия предвещает овладение технологиями, в том числе и военными, в противном случае эти технологии могут быть направлены на безнравственные и асоциальные цели. Никакая, даже самая совершенная законодательная база не может обеспечить исполнения законов, если нет достаточно однородного культурного поля, в котором действует субъект права и если культурно-психологически разнородные ценностные ориентации мешают личности понимать общий смысл законов.

Полноценное образование достигается на пути интеграции традиционной для России русской системообразующей этносреды и сбалансированного решения вопроса о соотношении русской и других национальных культур в государственной системе образования. Это возможно через разработку системы не жесткого типологического, а гибкого и дифференцированного этнофункционального взаимодействия национальных этносред. Поэтому необходимо учреждение региональных институтов, решающих задачу «тонкого взаимодействия» этносред на постоянной основе. Этнофункциональный подход как инструмент дифференцировки и учета этнических функций элементов этносред обеспечивает единую теоретико-методологическую основу и целостность процессов обучения, воспитания и психопрофилактики и тем самым внутреннюю устойчивость общества к агрессивным информационным воздействиям.

Внешняя этнофункциональная информационная безопасность предполагает внедрение в информационное пространство системы этносред противника этнофункционально рассогласованных

элементов. Это отражает основное стратегическое направление работы и, на наш взгляд, является единственной общей и активной методологической *альтернативой глобалистским жесткототалитарным концепциям*, узурпирующим в своих целях понятия «свободы», «равенства возможностей» и др. и опирающимся, как правило, на военно-экономическое доминирование. Данный подход можно обозначить как **этнофункциональный глобализм**, направленный на создание высокоорганизованной системы этносред планеты, т. е. организацию гармоничной глобальной этносферы планеты. При его применении решающим фактором является сохранение стратегической инициативы, а военно-экономические акции являются операционными, вторичными по отношению к этнофункционально-информационным параметрам взаимодействия этносред.

8.2 Информационная безопасность и этнофункциональный подход в исторической психологии

Марк Блок, один из основоположников исторической психологии, отмечал, что важнейшей задачей данной науки является «понять настоящее с помощью прошлого» (Блок, 1986, с. 25). Он полагал также, что исторические факты являются преимущественно психологическими, а развитие общества не может детерминироваться лишь ближайшим предшествующим опытом (2003). В связи со сказанным, проблемы информационной безопасности, как общества, так и личности в России не могут рассматриваться в отрыве от предшествующего исторического развития русской этносреды. На наш взгляд, для рассмотрения данных проблем на современном «этнокультурно мозаичном» этапе культурно-исторического развития, необходим более адекватный по сравнению с классическими, этнофункциональный подход к проблемам исторического развития общества и этносреды.

В этнофункциональном подходе **историческая психология** понимается как наука об общих закономерностях развития системы отношений личности в историческом развитии определенной этносреды и этносферы в целом. Образное содержание отношений личности определяется, с одной стороны, развитием системы элементов ее этносреды, а с другой, активностью личности, структурирующей эти отношения.

Принцип этнофункциональной субъектности в этнофункциональной исторической психологии выступает, с одной стороны, как активность личности, а с другой – как активность общественного субъекта исторического развития – этносреды. Не каждая личность

обладает субъектной активностью, как и не каждая этносреда или система этносред является субъектом исторического развития.

С позиций этнофункциональной исторической психологии можно рассматривать, с одной стороны, влияние последовательности и ментальности различных этапов исторического развития определенной этносреды на развитие личности и, соответственно, на возможное возникновение у нее психопатологических и нравственных отклонений, а с другой – влияние личности на процесс развития определенной этносреды и возникновение системных кризисов этносреды, которые могут проявляться в социокультурных, экологических, экономических достаточно резких изменениях направления развития и пр. Внутренняя взаимосвязь развития личности и этносреды на теоретическом уровне основана на представлении об **архегении** этносреды и (или) этносферы в целом. Архегения этносреды, т. е. ее идеальный прообраз ее развития есть **духовное (трансцендентное) содержание** личности и этносреды; она является источником энергии и идеальной целью развития личности и этносреды. В масштабе планеты на этапе развития системы этносред такой идеальной целью является архегения этносферы. Духовное (трансцендентное) содержание этносреды обеспечивает интеграцию с собственной архегенией и повышает способность данной этносреды конструктивно преодолевать кризисные этапы развития, т. е. не только сохранять свою целостность, но и повышать *степень собственной организации* (Сетров, 1968). **Энергетический потенциал этносреды** как субъекта исторического развития возрастает со степенью ее организации. Это возможно лишь при условии направленности развития этносреды на ее архегению (**архегеничной направленностью**). Источником энергии и условием повышения энергетического потенциала этносреды является ее этноинтегрирующее духовное содержание (**этнодифференцирующее** духовное содержание является причиной снижения энергетического потенциала и условием разрушения личности и этносреды в целом). Показателями снижения уровня энергетического потенциала этносреды (в частности, адаптационных возможностей) могут быть показатели разрушения ее природных условий, культуры, экономики, нравственности (крайний индивидуализм, рост преступности, коррупция и пр.). Понятие **этнофункционального вырождения личности** имеет свою аналогию в отношении к этносреде. **Этнофункциональное вырождение этносреды** можно определить как устойчивое и неизменное включение в ее структуру определенных этнодифференцирующих элементов, не взаимодействующих со всей системой. В данном случае можно

говорить об «этнофункциональном дефекте этносреды». Понятие этнофункционального дефекта этносреды близко по смыслу к представлению о включенных в определенный этногенез анти-системах (Гумилев, 1990, 1993).

Опосредствующими звеньями (медиаторами) взаимовлияний личности и этносреды являются, в первую очередь, институты власти (исполнительной, законодательной, судебной и СМИ) и соответствующая система образования. Система образования, в свою очередь, опирается на культурное содержание конкретного общества, которое может варьироваться от поликультурного до более или менее выраженного «единства культурного поля».

Нарушение последовательности прохождения этапов культурно-исторического развития или их «выпадение» можно рассматривать как этнофункциональное рассогласование на основе культурологического положения А. Дж. Тойнби о том, что кризисные этапы развития определенной культуры обуславливаются внешними природными или культурными «вызовами», содержание которых является чуждым для данной «цивилизации» (1991).

В частности, в развитии русской этносреды после «языческого» этапа произошла ассимиляция христианства (византийское влияние), затем – раскол церкви в XVII в. (не без католического влияния). Далее настало время петровских реформ, открывших России «окно» для западноевропейского протестантского рационализма и научного мировоззрения, что окончательно закрепилось в русском самосознании XIX и XX вв. Ассимилированные в процессе исторического развития, *выверенные временем* «ответы» (А. Дж. Тойнби) на внешние воздействия («вызовы») в форме культурных или климатических изменений, расовых метисаций и пр., по нашему мнению, можно считать уже присущими русской этносреде. Непонимание смысла исторического развития приводит иногда к таким утверждениям, что христианство – «не русская» вера и т. п.

Как мы уже отмечали, одной из используемых нами методологических предпосылок является принцип повторения общего плана развития этносреды в онтогенезе конкретной личности. С позиций этнофункциональной исторической психологии теоретически предполагается, что переживания древнерусской или средневековой личностью исторических кризисов, имевших место в развитии русской этносреды, должны в общем плане повторяться в онтогенезе современной личности. Общеизвестно, что в русской этносреде можно рассматривать, в частности, кризис христианизации Древней Руси (X в.), татаро-монгольское завоевание (XIII–XIV вв.),

церковный раскол (xvii в.), реформы Петра Великого (xviii в.), революции нового времени (в xx в. в 1917 и 1991 гг.). И это только часть возможного перечня кризисных эпох, обусловивших системные изменения в этносреде в целом. При этом последствия данных кризисов проявляются в самосознании современного человека, ведь до сих пор в обществе дискутируются, подчас в весьма острой форме, мировоззренческие проблемы соотношения народной («языческой») культуры и православия, «никонианской» и «старообрядческой» веры, научного, «языческого» и православного отношения к человеку и природе и мн. др.

Перенесение на развитие личности этнофункциональных закономерностей этногенеза, как показывают многочисленные экспериментальные и клинические исследования, позволяет использовать дополнительные способы прогноза, психопрофилактики и психотерапии (коррекции) различных психических расстройств и социальных отклонений, выработать рекомендации для системы образования и пр. При этом результаты, полученные в области психологии, могут быть использованы и для осмысления этногенеза в историческом разрезе.

Применение этнофункционального подхода к анализу исторического процесса, точнее, этногенеза, предполагает введение соответствующих показателей исторического развития. Сходным образом можно рассматривать результат разрешения противоречий, например, в рамках уже упоминавшейся нами концепции А. Дж. Тойнби «вызова-ответа». Содержание природных, социальных и др. «вызовов» в нашем подходе наделяется дифференцирующей этнической функцией. При определенной мощности конкретного вызова, чуждого для данного относительного равновесия природных и общественных сил, этногенез может вступить в системный кризис, пронизывающий практически все аспекты отношений человека – общественные, природные, конфессиональные и др.

Как очевидный исторический пример такого кризиса можно привести крещение Руси в x в. Христианство было в целом этнофункционально чуждой идеологической системой для Руси того времени. Разрешение соответствующего конфликта по аналогии с этнофункциональным личностным конфликтом в принципе могло осуществиться путем 1) *распада*, т. е. взаимоуничтожения этносред, разложения государственности; 2) неприятия христианства, сохранения язычества или, напротив, полного единовременного отвержения языческой идеологии при сохранении христианства. Это было бы возможно в значительной степени вместе с уничтожением значительной

части самого народа при сохранении княжеского и дружинного сословий. В любом случае имела бы место задержка исторического (государственного) развития Древней Руси или ее уничтожение; 3) формирования устойчивой идеологии так называемого «двоеверия», наследующей как христианское, так и «языческое» культурное содержание, например, в форме «народного православия» (Панченко, 1998) на длительный период (что и произошло в действительности); 4) разрешения конфликта в рамках новой идеологической системы, творчески объединяющей народную («языческую») культуру и христианство (что, в частности, на теоретико-методологическом уровне не осмыслено до настоящего времени).

В более поздние периоды истории России борьба с «язычеством», т. е. существенной составляющей народной культуры, принимала подчас не менее радикальные формы, чем при Владимире Красное солнышко в X в. вплоть до стремления к его полному уничтожению. Как пример можно привести движение «боголюбцев» во главе с царем Алексеем Михайловичем в XVII в. или движение «воинствующих безбожников» в первые годы советской власти, уничтожавших не только «языческие», но и вообще все «религиозные предрассудки».

Результат подобного рода кризисов исторического развития, как мы уже говорили, может проявляться и в специфике современного общественного и личного самосознания (ментальности). Например, в настоящее время от представителей клира очень часто приходится слышать о «неполезности» сказок о леших, водяных и пр. (персонифицированных образах эйдосов природных стихий – см.: Флоренский, 1994) для детей в православных семьях вследствие их «языческого происхождения».

Историческое развитие русской этносреды определяет систему условий развития личности. Результаты большого количества исследований нарушений этнофункционального развития личности в различных возрастных группах показывают необходимость русских народных сказок, олицетворений природных стихий, «волшебства в отношении к природе и миру» для развития эмоционально-мотивационной сферы детей до того, как они становятся в состоянии усваивать этические (в том числе христианские) нормы. В частности, имеются экспериментальные психологические и клинико-психотерапевтические результаты, свидетельствующие: раннее этическое воспитание без «природной» и «сказочно-мифологической» подготовки может быть патогенным для неокрепшей психики ребенка и является фактором риска возникновения его психической дезадаптированности.

Приводимый ниже анализ показывает связь близкого к современности этапа культурно-исторического развития страны с возникновением возможных психопатологических и асоциальных личностных проявлений. Этнофункциональный анализ культурно-исторической ситуации в России в XX и начале XXI в. показывает, что процесс психического и духовного развития огромного большинства людей нарушен. В частности, при очень высокой скорости революционных информационных сдвигов, потрясавших Россию в XX в., естественный ход развития ее народов подвергся болезненному изменению. После 1917 г. из общественного самосознания было в значительной мере вытеснено традиционное содержание основ образования молодежи на религиозно-этической стадии и замещено чуждыми для тогдашней России идеалами «либерального» и «классового сознания» вследствие деятельности «воинствующих безбожников» и пр. К природе отношение также изменилось – оно стало более прагматичным, даже предлагалось отказаться от сельскохозяйственного производства и «делать хлеб в лабораториях» (М. Горький).

Постепенно произошла частичная подмена и в системе воспитания молодежи на сказочно-мифологической стадии – был заметно выхолощен сакральный смысл народных сказок и мифов, многие из которых трансформировались в «пионерские истории» и другие образы новой советской и западноевропейской мифологии. С течением времени сказочно-мифологическая стадия развития пополнялась и экзотическим содержанием (африканскими и южноамериканскими сказками, а также «телепузиками», «покемонами» и пр.). Наши исследования влияния изменения этносредовых условий в современной России на развивающуюся психику молодого поколения показывает, что сказочно-мифологической стадии развития личности, на которой формируется эмоционально-мотивационная сторона ее отношений, был нанесен существенный ущерб.

Радикальные изменения в отношении условий воспитания молодежи на религиозно-этической стадии произошли в новейший исторический период дважды – в первые годы советской власти и в течение десятилетия после свержения этой власти оппозицией в 1991 г. И в том и в другом случае возник диссонанс в преемственном взаимодействии указанных стадий развития личности. После политически инспирированной тотальной дискредитации коммунистических идеалов в самосознании населения России образовалась идеологическая пустота. В «постперестроечном» периоде прежняя коммунистическая идеология в самосознании

людей довольно быстро замещается традиционным религиозно-этическим содержанием. Однако революция 1917 г. и перестройка с реформами нанесли психике людей несомненный ущерб.

Традиционное для русской этносреды сказочно-мифологическое содержание ментальности в указанный период российской истории вновь подверглось изменениям, подобным тем, которые произошли в XVII в.: государственное притеснение, например, народных свадебных и календарных обрядов при насаждении «сверху» (среди «властных» сословий) весьма фривольных обычаев, практики пьяных застолий, театральных представлений и т. д., привнесенных наряду с «польской модой» в одежду и быту из Европы (Гальковский, 2000). Аналогично в 90-е годы XX в. традиционные народные сказки, фольклор и т. п. были вытеснены в СМИ и системе образования потоком «неоязычества», рекламой природы экзотических стран и продуктов питания. Содержание этих информационных потоков наряду с «экзотикой» до настоящего момента в нарастающей степени составляет порнография, культ насилия, видеообразы всевозможных «мутантов», «космических демонов» и т. д. Нарушение развития эмоционально-мотивационной сферы может обуславливаться, как уже отмечалось, сочетанием «выпадения», «замещения» и/или этнофункционального рассогласования образного содержания природной и сказочно-мифологической стадии развития личности с «перегрузкой» неподготовленной, эмоционально незрелой психики директивным введением религиозных этических норм.

Этнофункциональное развитие личности у большинства современных, призванных заниматься проблемой содержания образования и деятельностью СМИ представителей духовенства, науки, интеллигенции и власти, воспитанных в описанных выше кризисных условиях, вследствие указанных причин нарушено. Речь идет о поколении, детство которого (приблизительно с 2 до 9 лет) прошло в кризисный период после 1917 г. до начала Отечественной войны (дальнейшие периоды развития русской этносреды имеют свою специфику, обсуждение которой выходит за рамки настоящего краткого экскурса) и которое в своих решениях и действиях будут с большой степенью вероятности руководствоваться осознанными и неосознанными мотивами, ориентированными на формальное восприятие «западных» ценностей, языка, «экзотических» культур «для пользы дела», что наблюдается в настоящее время. Аналогичных изменений в общественном и индивидуальном самосознании следует ожидать, на наш взгляд, в период, когда в период социальной зрелости вступит поколение, родившееся в самом конце 1980-х

и начале 1990-х годов. Курс на усиление степени выраженности этнофункциональной анархегении на современном этапе развития русской этносреды, усиление ее внутренней рассогласованности, «скачки» и «замещение» стадий ее развития, как показывает приведенный выше беглый этнофункциональный анализ культурно-исторической ситуации в России, может привести к нежелательно резким системным общественным трансформациям.

Экспериментально-психологические этнофункциональные исследования выявили связь между описанными явлениями в русской этносреде (и, соответственно, в содержании образования) и определенными психопатологическими и социально отклоняющимися проявлениями личности.

Эмоциональная незрелость личности как следствие резких нарушений развития ее этносреды не способна обеспечить органичное усвоение конкретной личностью нравственных норм на религиозно-этической стадии ее развития. В результате может возникнуть лишенное душевности, эмоционально выхолощенное и лишь внешне правильное религиозное морализирование. И действительно в постперестроечный период, например православная этика, зачастую, усваивались людьми всех возрастных категорий недостаточно прочувствованно, без необходимой предварительной подготовки и зрелости чувств. Это могло проявляться, либо в поверхностном, либо напротив, в гипертрофированном отношении к религии. К. Г. Юнг отмечал, что невротические расстройства так или иначе всегда имеют в своей основе нерешенные мировоззренческие проблемы. Нарушение конфессиональной идентичности личности как следствие нарушения ее развития на религиозно-этической стадии, согласно эмпирическим исследованиям, может обуславливать психические расстройства, как минимум, невротического уровня.

Этнофункционально искаженное содержание природной и сказочно-мифологической стадии и слишком раннее начало этического воспитания (период после 1917 г.) связано с ростом личностной тревоги и депрессивных тревожных расстройств (Сухарев, Степанов, 2006) и нарушением развития личности (см.: Выдрин, 2007; Шапорева, 2007 и др.). Рост тревоги является фактором риска возникновения соответствующих аффективных и психосоматических расстройств, никотиновой и алкогольной зависимостей, опийной наркомании (Пятницкая, 1994; Сухарев, Степанов, 2006 и др.), криминального поведения (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996). Резкое «размывание» системы этических норм в общественном самосознании в начале 90-х годов XX в. обусловило соответствующие деформации

в системе образования и создало условия для обвального роста употребления наркотических средств и психоактивных веществ современными подростками 12–16 лет и молодежью в целом (см.: Шустова, 2007 и др.).

В свою очередь, например, сорокалетние люди, воспитывавшиеся в эпоху хрущевской «оттепели»: учителя, представители СМИ, сотрудники «Министерства образования и науки» и даже священнослужители – как правило, не видят ничего плохого в том, что детские книжки, мультфильмы и содержание воспитательных программ в значительной мере состоят из этнофункционально рассогласованных с русской этносредой элементов: экзотических сказок и образов природы, иностранной лексики, фразеологии, интонирования и пр. У представителей интеллигенции часто не вызывает тревоги и слишком раннее (до 5 лет) активное приобщение детей к религии, к изучению иностранных языков или чтение им авторских сказок, что для данного возраста имеет слишком высокую степень когнитивной сложности. А от священнослужителей, как уже упоминалось, приходится слышать о «нежелательности» ознакомления ребенка в православных семьях со сказочно-мифологическими «языческими» образами: русалками, водяными, лешими и пр.

Приведенные выше примеры этнофункционального анализа развития системы «личность-этносреда» подтверждают, на наш взгляд, перспективность использования этнофункционального подхода к различным аспектам информационной безопасности этносреды как в общественно-историческом, так и в личностном развитии человека.

8.3 Этнофункциональное исследование возникновения эмиграционных намерений

Исследование выявило неочевидную на первый взгляд связь содержания воспитания в раннем детстве с возникновением эмиграционных намерений в более зрелом возрасте, что позволяет по-новому подойти к решению проблемы «утечки мозгов» российских выпускников высшей школы как важного аспекта информационной безопасности этносреды.

Исследуемые – студенты старших курсов Саратовского государственного университета (математики, историки и психологи – всего 153 чел.). Все они родились и проживали в России (г. Саратов и Саратовская область) и были распределены по трем группам: группа 1 – студенты, которые хотят постоянно жить и работать

за рубежом (52 % от общего числа выборки); группа 2 – студенты, которые хотят постоянно жить и работать в России (22,3 %); группа 3 – студенты, которые хотят постоянно жить в России с возможностью учиться или работать за рубежом (25,7 %). Наиболее многочисленной оказалась группа с намерениями постоянного проживания за рубежом. Только около четверти принявших участие в исследовании студентов ориентированы на то, чтобы постоянно жить и работать в своей стране. Большинство – за ее пределами. В качестве потенциальных стран-реципиентов для постоянного жительства испытуемыми были указаны 20 стран. Шестерку лидеров представляют Франция (23 %), США (16 %), Германия (16 %), Испания (16 %), Англия (12 %), Италия (12 %).

Только 52 % потенциальных эмигрантов владели иностранным языком выбранной страны, остальные не предпринимали попыток к его изучению и не делают конкретных шагов для реализации своих намерений. Это дает основания предполагать существование низкой степени удовлетворенности своим настоящим положением данной группы студентов, что усиливает риск их социально-психологической дезадаптации.

Данные анкетного опроса и математический анализ количественных различий в оценках причин эмиграционных намерений показал, что у студентов, планирующих безвозвратную эмиграцию, наиболее высокий уровень достоверности был выявлен для фактора *«предпочтительное отношение к климату и природным условиям страны желаемой эмиграции»* ($p < 0,01$). Также мотивирующими оказались факторы экономического характера: *«выше жизненный уровень»* и *«возможность удовлетворения социально-бытовых потребностей»* ($p < 0,05$) и социокультурные факторы (*«больше устраивает нравственно-психологическая атмосфера в обществе»* и *«политическая стабильность»* в стране желаемой эмиграции. Для студентов с намерением временной эмиграции на первых местах значились познавательные факторы (*«выучить язык»*, *«посмотреть мир»*, *«приобрести новый жизненный опыт»*, *«узнать культуру другой страны»*).

Мотивация эмиграционных намерений в современной социальной ситуации связана с системой отношений к элементам этносреды, в частности, отношениям к социокультурным и климато-географическим этническим условиям страны желаемой эмиграции. Действие экономического фактора является внешним объективным условием и становится порой только декларируемой мотивировкой в принятии решения об эмиграции, личностные смыслы которой лежат глубже.

При помощи метода структурированного этнофункционального интервью удалось установить, что существуют достоверные различия в ответах группы с намерениями «постоянного проживания за рубежом» и группы студентов, которые хотят «постоянно жить и работать в России», эти различия состоят в содержании воспринятых ими от 2 до 5 лет сказок: русских народных, зарубежных народных и зарубежных авторских сказок. В частности, студенты, у которых *отсутствуют эмиграционные намерения*, достоверно чаще, чем студенты в группах с *наличием эмиграционных намерений*, отмечали наличие в воспоминаниях о возрасте от 2 до 5 лет русских народных сказок ($p \leq 0,001$). Реже всего наличие воспоминаний о русских народных сказках в данном возрасте отмечалось в группе студентов, которые хотят *постоянно жить за рубежом* ($p \leq 0,01$).

В группе с «временными» эмиграционными намерениями русские народные сказки тоже выбираются реже по сравнению с группой отрицательного отношения к эмиграции ($p \leq 0,05$). В связи с этим можно говорить о *меньшей степени нарушения этнофункционального развития личности на сказочно-мифологической стадии у лиц с временными эмиграционными намерениями по сравнению с лицами, у которых сформированы намерения постоянной эмиграции*.

Студенты с *намерениями постоянной эмиграции* в качестве воспринятых в возрасте от 2 до 5 лет сказок чаще отмечают *авторские сказки* по сравнению со студентами, у которых такие намерения отсутствуют ($p \leq 0,05$).

Полученные результаты позволяют заключить, что когнитивно-эмоциональный след от содержания этнофункционально согласованных народных сказок, воспринятых в возрасте от 2 до 5 лет, связан с отсутствием эмиграционных намерений в юношеском возрасте. По-видимому, включение человека в родную этносреду, усвоение присущих ей традиций, мировоззрения и мирочувствования способствует формированию у них соответствующей этнической идентичности.

В группе студентов, которые хотят постоянно жить за рубежом, реже всего отмечают сказки своего народа и чаще – авторские сказки (этнодифференцирующие). В своем исследовании Н. В. Чудова показала, что авторские сказки иначе, чем народные, влияют на картину мира ребенка (1997). Значимые детские переживания, связанные с восприятием сказочных сюжетов, участвуют в образовании неосознаваемых смысловых установок взрослой личности.

Различное отношение к эмиграции может быть связано также с характером выбираемого в детстве эмоционально притягательного

сказочного персонажа. Представители группы с *постоянными эмиграционными намерениями чаще*, чем представители других групп, идентифицировали себя в дошкольном возрасте с *героями зарубежных авторских сказок* ($p < 0,05$).

Необратимые идентификации детства могут препятствовать развитию идентичности в юношеском возрасте. В. Ю. Хотинец показывает, что успешное развитие идентичности в раннем юношеском возрасте зависит от приобщенности к культурным ценностям своего народа (2001). Проблемы идентичности могут проявляться в устойчивом состоянии тревоги, ожидании чего-то неопределенного, в пренебрежительном отношении ко всему своему, отечественному и иррациональном предпочтении всего чужого, иностранного (Эриксон, 1996 и др.).

В описанном выше исследовании установлена связь *между возникновением эмиграционных намерений, «исторической», а также «пространственными» (отношения к ландшафтно-климатическим этническим признакам) деформациями этноида с этнофункциональным рассогласованием содержания сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности.*

8.4 Связь криминального поведения молодежи с нарушениями этнофункционального развития личности

Криминализация современной России является насущной проблемой, тесно связанной с информационной безопасностью общества. Особенно сильное беспокойство вызывает рост асоциального и криминального поведения среди молодежи. В психологической науке существует 1) социоцентрический взгляд на проблему, с позиций которого преступное поведение рассматривается как обусловленное отрицательным влиянием социальной среды на личность. Этот фактор, на наш взгляд, весьма актуален в современной России, вследствие почти бесконтрольного воздействия через СМИ на молодежь агрессивного и часто безнравственного содержания фильмов, телепередач и т. п.; 2) «биологизаторская» концепция, восходящая к Ч. Ломброзо и З. Фрейду, согласно которой совершение преступлений связывается с глубоко личностными причинами: характером, темпераментом, инстинктивными стремлениями к разрушению и т. д. (Хвостов, 2002).

В принципе этнофункциональный подход к данной проблеме предполагает системный учет всех этносредовых факторов, связанных с возникновением криминального поведения: биологических,

психологических, культурных и пр. Целостный их учет возможен на основе описания поведения человека как полидетерминированного этносредой и свободным личностным (субъективным) выбором.

В проведенном нами исследовании проверялось предположение, что криминальное поведение личности зависит от нарушения ее этнофункционального развития, деформации ее этноида.

Методика и эмпирическая база исследования. Этнофункциональные особенности развития личности определялись с помощью метода структурированного этнофункционального интервью.

Проявления психической дезадаптированности выявлялись по следующим показателям теста Роршаха: Fb-ответы – неконтролируемая эмоциональность; «шоки и отказы» – эмоциональное торможение когнитивных процессов; преобладание ответов типа Т – животные над ответами типа М (люди), что является показателем психосоциальной незрелости.

Показателями психической адаптированности, напротив, являлись: ответы В+ («интровертированный» интеллект и относительная двигательная раскованность), а также ответы FFb+ (гармоничное взаимодействие эмоциональной и когнитивной сторон отношений). Значимость полученных различий оценивалась по χ^2 -критерию Пирсона.

Исследование проводилось среди студентов Государственной академии славянской культуры (ГАСК), Российского химико-технологического университета (РХТУ) г. Москвы и осужденных (условно-досрочно освободившихся) в уголовно-исполнительной инспекции №3 г. Москвы. Всего было обследовано 60 юношей в возрасте от 16 до 24 лет, родившихся и проживающих в г. Москве. В связи с тем, что все юноши с криминальным поведением были курящими (табак), а ранее проведенные исследования выявили связь между табакокурением и наличием нарушений этнофункционального развития личности (смешанная группа: по 50 % юноши девушки) (Рощупкина, 2006), испытуемые были разделены на три группы по следующим признакам: 1) наличие никотиновой зависимости и криминального поведения («криминал») – 20 чел.; 2) наличие никотиновой зависимости и отсутствие криминального поведения («курящая норма») – 20 чел. и 3) отсутствие никотиновой зависимости и криминального поведения («некурящая норма») – 20 чел.

Среди испытуемых с криминальным поведением имели место следующие правонарушения: грабеж – 6 чел., кражи – 11 чел., хулиганство – 3 чел.

В результате исследования выявлена связь между наличием у юношей деформаций этноида, признаков психической дезадаптированности и асоциального поведения.

На первом этапе исследования проводилось сравнение некриминальных групп «курящая норма» и «некурящая норма» с целью выявления характеристик курящих юношей в отличие от некурящих по методике этнофункционального структурированного интервью и по тесту Роршаха. На втором этапе теми же методами выявлялись отличия группы «курящая норма» от группы «криминал» с целью определения специфических характеристик юношей с криминальным поведением.

Результаты первого этапа исследования

В группе юношей «курящая норма» по сравнению с «некурящей нормой» была выявлена тенденция к уменьшению количества воспоминаний образов русской (родной) природы в возрасте до 5 лет ($p < 0,1$).

В группе «курящая норма» преобладали этнофункциональные рассогласования в области мировоззрения ($p < 0,05$), в том числе отрицание существования Бога, греха и справедливости ($p < 0,05$).

По результатам Роршах теста в группе «курящая норма» по сравнению с «некурящей нормой» преобладали признаки неуправляемой эмоциональности (ответы Fb) ($p < 0,05$), инфантилизма (преобладание Т-ответов над М-ответами) ($p < 0,001$) и эмоционального торможения когнитивных процессов (количество «шоков», в основном эндопсихических «темных шоков») ($p < 0,01$). В группе «курящая норма», напротив, преобладало гармоничное взаимодействие эмоциональной и когнитивной сторон отношений (ответы FFb+) ($p < 0,05$).

Результаты второго этапа исследования

Для выявления признаков криминального поведения «в чистом виде» по результатам структурированного этнофункционального интервью сравнивались группы курящих юношей с нормальным поведением («курящая норма») и курящих юношей с криминальным поведением («криминал»).

В группе «криминал» достоверно реже вспоминается усвоение народных сказок в возрасте до 5 лет ($p < 0,05$), имела место тенденция к более частому наличию смешанных (народных и авторских) сказок после 5 лет ($p < 0,1$). У юношей с криминальным поведением обнаружилась тенденция к задержке начала религиозно-этической стадии (после 9 лет) ($p < 0,1$).

В группе «курящая норма» по сравнению с «криминалом» имело место больше этнофункциональных рассогласований в содержании мировоззрения в целом ($p < 0,05$), однако в группе «криминал» отмечена специфическая тенденция к наличию ответов «Бога нет, справедливость есть» ($p < 0,1$). В группе «криминал» отмечена тенденция к преобладанию количества этнофункциональных рассогласований отношений к климато-географическим этническим признакам ($p < 0,1$).

По результатам теста Роршаха в группе «криминал» по сравнению с «курящей нормой» преобладали «отказы» ($p < 0,001$), что свидетельствует об эмоциональном торможении когнитивных процессов, однако испытуемые группы «криминал» менее инфантильны, чем «курящей нормы» (в группе «курящая норма» преобладали Т-ответы, по сравнению с М-ответами) ($p < 0,001$). В группе «криминал» отмечен более высокий уровень «интроверсивного» интеллекта и двигательной раскованности (ответы В+) ($p < 0,01$).

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что данные этнофункционального психологического интервью дополняются данными теста Роршаха.

По данным теста Роршаха, специфические психопатологические признаки юношей с криминальным поведением – это «отказы» (косвенный показатель тревожности), более высокий «интроверсивный» интеллект (В+) и этнофункциональное рассогласование отношений к группе климато-географических признаков, т. е. по системообразующему признаку (Сухарев, 2006). По количеству признаков инфантилизма наиболее зрелой является группа «некурящая норма» (некурящие без криминального поведения), промежуточное положение занимает группа «криминал» (курящие с криминальным поведением) и наименее зрелой является группа «курящая норма» (курящие без криминального поведения).

В группе «некурящая норма» по сравнению с «курящей нормой» преобладают ответы FFb+ (показатель гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений) и меньше количество ответов Fb (признак неконтролируемой эмоциональности). Группы «криминал» и «некурящая норма» по показателям FFb+ и Fb не различались.

Этнофункциональные рассогласования в содержании мировоззрения в группе «криминал» менее выражены, чем в группе «курящая норма». Это может объясняться более высокой социально-

психологической зрелостью и опытностью, а также известной поведенческой независимостью лиц из группы «криминал» по сравнению с «курящей нормой». Однако ответы «Бога нет, справедливость есть» встречались только в группе «криминал», что, на наш взгляд, также является признаком определенной «зрелости» – у этих юношей есть нравственные принципы, однако они являются нетрадиционными, этнодифференцирующими для русской культуры (криминальная субкультура внутри любой национальной культуры всегда «нетрадиционна»). Такие ответы для русской этносреды безнравственны – отрицание Бога в православии есть величайший грех.

Согласно результатам структурированного этнофункционального интервью, криминальное поведение связано с определенными деформациями этноида личности и является одним из типов отклоняющегося поведения в русской этносреде. Специфическими этнофункциональными маркерами криминального поведения у юношей являются: наличие этнофункциональных рассогласований к группе климато-географических этнических признаков (фактор риска возникновения психопатологических проявлений) и наличие у них специфических этнофункциональных рассогласований в области мировоззрения (отрицание Бога при вере в «справедливость»), а также задержка начала религиозно-этической стадии (наличие воспоминаний о переживаниях, связанных с понятиями «Бог, грех, справедливость») после 9 лет. Эта «задержка» связана с преобладанием тоскливо-апатического спектра ведущих эмоциональных состояний (в патологии – аффектов) (Сухарев, Степанов, 2006).

В группе «криминал» по сравнению с группой «курящая норма» в меньшей мере зафиксированы народные сказки в возрасте до 5 лет («задержка» и/или этнофункциональное рассогласование сказочно-мифологической стадии развития личности), что связано со снижением волевого контроля над эмоциями и преобладанием тоскливого эмоционального состояния. В целом тип нарушений этнофункционального развития личности в группе «криминал» связан с риском употребления психостимуляторов (Сухарев, Степанов, 2006; Сухарев и др., 2007 и др.).

Дополнительно было установлено, что в группе «криминал» по сравнению с группой «некурящая норма» имела место тенденция предпочтения экзотической природы в возрасте до 5 лет, что связано с повышением уровня личностной тревоги (Сухарев, Степанов, 2006). Тревожность группы «криминал» отражается также в преобладании показателя «отказы» – это соответствует результатам исследований тревоги как фактора, способствующего возникновению

криминального поведения (Антонян, Еникеев, Еминов, 1996). В то же время в группе «некурящая норма» в возрасте до 5 лет преобладало признание близости к русской природе. В группе «некурящая норма» в отличие от группы «криминал» возраст начала религиозно-этической стадии достоверно чаще находился на границах оптимального периода (6–8 лет).

Т. Г. Рощупкина установила, что в «смешанной» группе у курящих юношей и девушек по сравнению со смешанной группой некурящих отсутствуют нарушения этнофункционального развития личности, однако имеют место этнофункциональные рассогласования отношений ко всем группам этнических признаков (2006).

В группе курящих юношей по сравнению с некурящими преобладали «пространственные» рассогласования только в содержании мировоззрения (больше число ответов «Бога нет, справедливости нет»), что косвенно может быть фактором риска вовлечения в криминальную субкультуру. Одновременно у курящих юношей была выявлена тенденция к преобладанию воспоминаний об образах экзотической природы в возрасте до 5 лет, что является фактором риска наличия ведущего тревожного эмоционального состояния (аффекта) (Сухарев, Степанов, 2006).

В целом можно сделать *вывод*, что имеет место связь криминального поведения с нарушениями этнофункционального развития личности, которые проявляются в задержке начала, этнофункциональном рассогласовании содержания и (или) в выпадении сказочно-мифологической стадии, а также в «задержке» и/или этнофункциональном рассогласовании религиозно-этической стадии; часто это мировоззрение основано на положении «Бога нет, справедливость есть». Другими словами, это мировоззрение, предполагающее возможность жить «по понятиям». При этом в группе юношей с криминальным поведением по сравнению с «курящей нормой» относительно чаще встречается эмоциональное торможение когнитивных процессов, у них преобладает тоскливый или тосливо-тревожный тип ведущего эмоционального состояния (аффекта) при наличии высокого, но «интроверсивного» интеллекта, а также некоторой психосоциальной зрелости. В то же время подтвердилась ранее установленная связь наличия никотиновой зависимости и этнофункциональной рассогласованности отношений, т. е. «пространственных» характеристик этноида (в смешанной группе юношей и девушек).

ГЛАВА 9

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПСИХОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

9.1 Основные положения этнофункциональной концепции воспитания и обучения

Современный «кризис культуры» коснулся и системы образования в России и проявляется в виде «кризиса обновления», прежде всего в отношении его целей. Необходим переход от нашей образовательной системы, пока еще ориентированной на навыки, умения, объем и качество знаний как конечную цель, к задачам развития личности и подготовки ее ко всем «сложностям жизни» на всех образовательных этапах, начиная с дошкольного и кончая вузовским. Для преодоления кризиса необходимо изменение содержания образования – увеличение «культуроемкости» образования, роли гуманитарного знания как основы развития и содержательного ядра личности (Загвязинский, Атаханов, 2001 и др.). В. И. Слободчиков отмечал: «Педагоги имеют полное право предъявить... психологам главную претензию: до сих пор так и не построены возрастно-нормативные модели и критерии развития, модели переходов с одной ступени на другую» (2001, с. 92).

На наш взгляд, достаточно очевидна связь так называемых недостатков в содержании образования с теми явлениями, которые буквально захлестнули российскую молодежь: резкое возрастание психических расстройств, социально отклоняющегося поведения, злоупотребление психоактивными веществами и наркотиками, нравственная незрелость, снижение качества усвоения знаний. В современных условиях необходима разработка концепции образования и психолого-педагогических понятий, адекватных культурно-исторической ситуации в современной России.

В кризисные периоды формой культурной защиты служит обострение чувствительности людей к вопросам, связанным с их этнической принадлежностью, этнической идентичностью и целостностью. Однако переживания, о которых идет речь, могут иметь в значительной степени болезненный характер и относиться к разряду депрессивных (Сухарев, 1998). Неслучайно западные психиатры характеризуют современную эпоху как «век меланхолии» (Э. Клерман), захватившей молодежь и даже детей.

Согласно данным ВОЗ, около 30 % населения развитых стран, в том числе и в России, вынуждены принимать антидепрессанты, а для 15 %, как минимум, один раз в жизни требуется специальное антидепрессивное лечение (Мосолов, 1995, с. 11). Среди российских школьников до 75 % имеют те или иные психические расстройства в форме психосоматических проявлений (Исаев, 2000). Около 33 % детей, посещающих детские сады, по данным Л. В. Соколова, страдает неврозами (1985). Широчайшее и все нарастающее распространение среди учащихся школ и студенчества получили склонность к алкоголизму (в частности, так называемый «пивной»), наркомания (Попова, 2006), а также различные формы асоциального поведения. Если не изменить приоритетов системы образования, сложившаяся негативная ситуация может стать необратимой.

Из сказанного можно сделать вывод, что подготовка специалистов, работающих с людьми – психологов, педагогов, социальных работников и врачей (особенно непсихиатрических специальностей) – нуждается в пересмотре; очевидна необходимость их углубленного ознакомления с *практической клинической психологией*.

Особую тревогу вызывает дезадаптированность личности молодого человека собственной этносреде, в том числе психические расстройства и социально отклоняющееся поведение. С позиций этнофункционального подхода она объясняется нарушением этнофункционального развития личности, вследствие влияния этнодифференцирующих элементов «чуждых» этносред по отношению к этносреде ареала рождения и проживания конкретного человека.

В условиях современной этносредовой «мозаичности» для обеспечения оптимального развития личности необходимо снижение степени этнофункциональной неоднородности психолого-педагогических внешних воздействий. Это обеспечивается, прежде всего, снижением количества этнофункциональных рассогласований в содержании и последовательности этапов образовательного процесса.

Отсутствие методологически обоснованного учета этносредовой специфики содержания методов обучения, воспитания и психопрофилактики может обуславливать не только нравственную, но также эмоциональную и интеллектуальную незрелость учащихся (Вьдрина, 2007). Эта незрелость является условием возникновения различного рода психических расстройств, зависимостей от психоактивных веществ (Шустова, 2007) и социально криминального поведения (О. В. Митченко).

С позиций этнофункционального подхода *воспитание* представляет собой деятельность по *наследованию* (усвоению) не абстрактного культурно-исторического опыта, но содержания системы отношений личности в конкретной этносреде – ценностей, духовных ориентиров, исторических традиций, ландшафтов, антропоэстетических (термин Н. И. Халдеевой) представлений и пр.

Относительная однородность и единство «культурного поля» (лучше сказать – «этносредового поля»), в котором осуществляется воспитание, особенно важны на первых возрастных этапах этого процесса. В современных культурно-исторических условиях, в частности, в России, важнейшим направлением психолого-педагогических усилий является обеспечение информационной безопасности молодого поколения, избежание *преждевременного* ознакомления детей с инокультурными ценностями, стереотипами поведения и другими элементами различных этносред. На относительно ранних возрастных этапах требуется взвешенное ограничение потребления детьми этнодифференцирующей информации. Концепция этнофункциональной архегении предполагает определенную этносредовую содержательность и стадийность развития личности в процессе образования.

Необходимое качество личности определяется успешностью (полнотой) наследования ею содержания специфических для данной этносреды последовательных стадий развития. В данных стадиях выделяется «ведущее образное содержание» (т. е. наиболее существенное в определенный момент развития личности) независимо от того, какая именно деятельность преобладает (или задается социальными институтами): игровая, учебная, трудовая и пр. Например, для полноты созревания личности на природной стадии развития ребенку необходимо ознакомление с образами родной природы, на сказочно-мифологической стадии – прежде всего, образы народных сказок, быличек, опосредствующие его эмоционально-чувственные отношения с этносредой («эстетические» по В. В. Зеньковскому), которые необходимы для полноценного

развития на религиозно-этической стадии («этический период» по В. В. Зеньковскому). Здесь ведущим образным содержанием отношений являются уже религиозно-этические образы, определяющие поведение личности в целом. Успешное наследование содержания религиозно-этической стадии подготавливает личность к «прочувственному» и ответственному усвоению содержания стадии просвещения (научно-познавательной), где ведущими являются научные образы мира. На стадии просвещения личность эмоционально и нравственно уже готова к усвоению этнодифференцирующего содержания других культур – изучению иностранных языков, зарубежных культур и пр., без риска возникновения дезадаптированности. Если чувства и нравственность человека не сформированы, то нельзя быть уверенным в нравственном использовании им своих знаний и умений, например, в области медицины или военного дела, как и в любой другой.

Экспериментально-психологические исследования дают основания утверждать, что для начала воспитания эмоционально-мотивационной сферы оптимальным является возраст 2–5 лет; для нравственно-этических отношений – 6–8 лет и для начала формирования профессионально-операционной сферы – возраст 7–9 лет (Сухарев, Степанов, 2006; Сухарев, Тимохин, Шапорева, 2004 и др.). Оптимальный возраст начала соответствующих стадий этнофункционального развития личности означает, что, начав формироваться в данном периоде, когнитивная, эмоциональная и моторная и др. стороны отношений личности к соответствующим образам этносреды – природным, сказочно-мифологическим, религиозно-этическим, научным – будут развиваться и в дальнейшем.

Воспитание первично по отношению к процессу предметного обучения, поэтому для успешности данного процесса недопустима информационная перегрузка эмоционально и нравственно незрелой психики. *Принцип воспитывающего обучения*, с наших позиций, состоит в том, что *содержание обучения* в современной культурно-исторической ситуации, особенно на ранних возрастных этапах, должно быть максимально этнофункционально согласовано с этносредой ареала рождения и проживания учащихся. В циклах гуманитарных дисциплин это касается содержания учебных предметов, в циклах технических дисциплин – в минимизации неоправданного введения иностранных терминов, понятий (например, в физике замена слова «одновременный» на «симультаный» и пр.).

Психопрофилактика психических, психосоматических расстройств и социально отклоняющегося поведения осуществляется

в процессе правильного воспитания, на практике – в восстановлении целостности отношений личности к этнофункциональной архегении этносреды ареала ее рождения и проживания. Содержание и последовательность стадий этнофункционального развития личности определяет неразрывную связь психопрофилактики с процессами обучения и воспитания. В частности, это позволяет решить насущную проблему профилактики наркоманий, исключив часто практикуемое «с благими намерениями» ознакомление детей с негативными сторонами наркотической субкультуры (это ведет к возникновению у них интереса к возможному эффекту от употребления психоактивных веществ) (Сухарев, 1999, 2000).

Суть этнофункционального педагогического обеспечения стадий развития личности в процессе образования состоит в минимизации этнодифференцирующих элементов образного содержания обучения и воспитания и в восстановлении психологической полноты прохождения стадий (целостности когнитивной, эмоционально-чувственной и моторной и др. сторон системы отношений личности к этносреде). В отличие от воспитания этнофункциональная психологическая коррекция уже имеющихся у учащихся психических расстройств и социальных отклонений осуществляется в более позднем по сравнению с оптимальными периодами возрасте.

Общим механизмом воспитания, обучения, психопрофилактики и психологической коррекции (психотерапии) является восстановление целостности этнофункционального развития личности, ее образной сферы (ментальности), направленности личности на архегению этносреды ареала ее рождения и проживания. Этнофункциональное единство процессов обучения, воспитания и психопрофилактики позволяет в большей степени консолидировать психолого-педагогические усилия для достижения целей воспитания здорового, нравственного и образованного человека.

Критериями содержания образовательных программ (они же в целом психопрофилактические и коррекционные) является соответствие образного содержания и последовательности этапов образования этнофункциональной архегении конкретной этносреды. Это соответствие в общем случае определяется этнофункциональными критериями. *Показателями* эффективности/неэффективности процесса образования личности выступают различные нарушения этнофункционального развития и целостность взаимодействия различных сторон отношений личности – эмоциональной, когнитивной, моторной, духовной и в целом поведенческой.

9.2 Этнофункциональная специфика современной культурно-исторической ситуации в России. Проблема языка и культуры в образовании

Обучение, особенно профессиональное, должно идти рука об руку с воспитанием: бессмысленно и даже вредно обретение знаний и умений безнравственным человеком – его ум может быть направлен во вред обществу и ему самому. Взаимодействие обучения и воспитания осуществляется в процессе образования на основе этнофункционального подхода.

Этнофункциональный подход определяет содержание и последовательность соответствующих стадий учебно-воспитательного процесса с самого раннего детства и позволяет обеспечить повышение степени эмоциональной и интеллектуальной адаптации молодежи к учебно-воспитательному процессу и к стрессовым воздействиям со стороны информационно-агрессивной среды. Для этого, по мнению сторонников этнофункционального подхода, личность должна в значительной мере наследовать всю систему отношений к этносреде ареала своего рождения и проживания: отношение к живой природе, родную культуру, язык, усвоить определенные традиции мировоззрения, мироощущения и мирочувствования, знания, умения, навыки.

Только после полноценного наследования содержания начальных стадий развития личности (до религиозно-этической, включительно), в значительной степени связанных с формированием базовых эмоционально-волевых и нравственных качеств, ознакомление личности на стадии просвещения с различными технологиями, знаниями, умениями и навыками и тем более их применение может осуществляться вполне ответственно и нравственно. В процессе наследования образного содержания этих стадий в относительно однородной этносредовой атмосфере ребенок запасается эмоциональным и нравственным адаптационным потенциалом, необходимым ему для переработки все нарастающих потоков разнородной этносредовой информации в современном обществе (Тоффлер, 1973).

Переизбыток экзотических информационных воздействий на относительно ранних стадиях развития личности информационно перегружает и астенизирует психику ребенка. Подчас в совсем юном возрасте человеку приходится воспринимать образы и испытывать сопутствующие им чувства и переживания, которые вследствие их когнитивной сложности весьма трудно правильно понять и в гораздо более позднем периоде жизни. Все это приводит к нарушению развития личности, ее адаптированности, психическим

расстройствам. В результате возникают различные социальные отклонения, наркотизация населения, общественная нестабильность. Это иллюстрирует очевидную истину: любой живой организм требует относительно однородной, щадящей среды обитания именно на ранних ступенях своего развития. Только на стадии просвещения при условии относительно полноценного прохождения первых четырех возможно вполне безвредное приобщение ребенка к «мировой культуре», ценностям, относящимся, подчас, к весьма экзотическим типам мировоззрения, мироощущения и стереотипам поведения.

В душе человека русской культуры как системообразующей в России в процессе образования должен осуществляться синтез всех этапов исторического развития этносреды. С наших позиций, стадия синтеза в этнофункциональном развитии личности соответствует современному этапу исторического развития. Поэтому синтез личностью подчас весьма разнородного содержания этапов исторического развития России в той или иной мере является проблемой каждого, кто относит себя к русской этносреде. Одновременно этот синтез является необходимым условием и результатом адекватного процесса этнической идентификации личности современного человека. Правомерен в этом отношении вопрос: существует ли в современной русской культуре хотя бы в некоем идеальном приближении синтез самосознания «языческого» (собственно народной культуры), старообрядческого православия, «никонианского» православия после церковного раскола в начале XVII в. и присущих современности различных течений западной и восточной мистики, осколков различных мировоззрений? Или все соотношение соответствующих мировоззрений может состоять лишь во взаимоисключении и взаимном неприятии? Ясно одно: синтез в историческом развитии русской этносреды в целом является прерогативой настоящей и будущей стадий ее развития – стадии синтеза и затем – мудрости.

Концептуально такой синтез возможен на основе введения системообразующего понятия – архегении этносреды как идеального прообраза ее развития, с одной стороны, и развития личности, с другой. *На практике* необходимым условием полноценного прохождения личностью стадии синтеза как творческого, нравственно положительного уровня разрешения этнофункциональных личностных конфликтов, обусловленных исторической разнородностью русской этносреды, является построение системы образования, т. е. содержание программ обучения, организационных воспитательных форм и др., в соответствии с этнофункциональными критериями.

«Мозаичная» этносреда в современном мире только усугубляет этнофункциональную разнородность отношений личности. Для оптимизации условий развития личности в современной культурно-исторической ситуации необходимо акцентировать развитие и применение в системе общего образования достижений гуманитарных наук – истории, культурологии, филологических наук, фольклористики, профессионального образования и традиционных искусств и литературы. Это применение должно осуществляться с общей целью формирования внешних условий для осознания и творческого осмысления личностью кризисных периодов в развитии русской культуры и обретения человеком целостной этносредовой идентичности как в «пространственном», так и в историческом аспектах.

Важнейший носитель отечественной культуры – русский язык – сегодня претерпевает резкие изменения, которые могут негативно отразиться на развитии личности. Одним из наиболее общих и повсеместно встречающихся психопатологических симптомов у человека современного общества являются признаки так называемой алекситимии (это затруднения при словесном выражении чувств) (см.: Ереско и др., 1994). В частности, исследования В. В. Тимохина (2006) показывают, что этнофункциональное рассогласование образного содержания сказочно-мифологической стадии развития в оптимальный период (от 2 до 5 лет) достоверно связаны с повышением алекситимии у молодежи в более позднем возрасте (19–22 года) ($p < 0,01$). С позиций нашего подхода, алекситимия является одним из проявлений нарушения этнофункционального развития личности.

Этническая маргинальность личности современного молодого человека проявляется, прежде всего, в его повседневном языке. Неспособность современной молодежи (да и не только молодежи) выражать свои чувства на русском языке является, в частности, признаком болезненного симптома, теснейшим образом связанного с депрессивными расстройствами, наркоманией, снижением уровня творческого интеллекта и пр. Как часто современный молодой человек в ответ на вопрос о его внутреннем состоянии говорит: «Я кайфую», «Я чувствую дискомфорт» и т. д. В свою очередь, психолог, врач или педагог, работающий с таким человеком, нередко описывает его состояние так: «Он переживает личностную диссоциацию или дискомфорт», «Он испытал инсайт» и далее в том же духе. В данном случае современный психолог, слишком «буквально» ориентированный на западную науку (и, соответственно, на европейскую

терминологию), и его пациент недалеко ушли друг от друга. Одно дело – описание состояния души в иностранных терминах неопределенного «психического дискомфорта», совсем другое – «сердце щемит, тоска». Само слово «дискомфорт» этимологически связано с какими-то «внешними неудобствами» но отнюдь не описывает «состояние души и сердца». Поэтому для весьма актуальных сегодня целей психопрофилактики необходимо глубоко знать и чувствовать русский язык и сохраняемые в нем культурные традиции в целом. Заметим, что в отношении науки речь идет не об устоявшихся и необходимых терминах, а о неоправданных и часто затушевывающих смысл словоупотреблениях.

Для преодоления пандемии алекситимии в современном обществе сейчас уже недостаточно одного только устранения общего снижения грамотности. Целостность русского языка, хранителя культуры и традиций, в настоящее время в опасности. По замечанию выдающегося отечественного историка и философа К. Д. Кавелина (1989), душа народа может быть выражена только на языке этого народа. Для усвоения русской культуры необходимо очищение языка от огромного количества неоправданно введенных слов, терминов и пр., подменяющих уже имеющиеся русские слова.

В особенности это касается слов и понятий, относящихся к душевной жизни людей и их взаимоотношений. Язык буквально наводнен неоправданными заимствованиями слов, фразеологии, лексики и даже интонирования. Например, «консенсус», «заниматься любовью» (калька: «make love»), «петтинг», «фитнес», «вау», «делать шопинг», «элитный сэкондхэнд», управление и менеджмент (to manage – в том числе управлять) или знаменитое телевизионное: «Оставайтесь с нами!» («калька» с англ.: «Stay with us!») и пр.

Этапы усвоения русского языка с позиций этнофункционального подхода к развитию личности должны соответствовать общему плану развития русской этносреды, в данном случае – историческому развитию русского языка в России. Известно, что в связи с крещением Руси индоевропейская «стихия древнерусского языка» в X веке подверглась сильному воздействию древнегреческого в профессиональной области (до того имели место переводы и некоторых «языческих» античных текстов), что положило начало развитию особой «стихии церковнославянского языка». После завершения формирования церковнославянского языка имел место «ренессанс» древнегреческих и отчасти латинских научных понятий и представлений (М. В. Ломоносов), а в дальнейшем – последовательные влияния других европейских языков: немецкого в среде деятелей

государева «слова и дела» – инженеров, строителей, военных (при Петре I); французского в «просвещенной» дворянской среде (при Елизавете II); английского – у представителей интеллигенции и дворянства (при Николае II) и на современном этапе – малооправданные заимствования из «американизованного» английского языка, в основном у жителей мегаполисов и представителей «бизнес-элиты».

С позиций филологии и лингвистики органичное усвоение русского языка значительно улучшается при совокупном изучении его индоевропейских основ – старославянского (и древнерусского), древнегреческого и латыни. Будущим педагогам, врачам и психологам это необходимо для их профессиональной деятельности, а для другим специалистам (например, бухгалтерам и инженерам) будет полезно для повышения их устойчивости к стрессам и для психического здоровья. Как показывает наш опыт работы на факультете психологии в Государственной академии славянской культуры (совместно с сотрудником Института русского языка РАН, профессором М. И. Чернышовой), основной акцент в отличие от традиционных курсов преподавания древних языков для филологов необходимо делать не на исторической грамматике, а на лексике, понимании и переводе текстов, по возможности подобранных в соответствии с профессиональной направленностью данного факультета.

Для филологов – специалистов в области русского языка, по-видимому, необходимо изучение санскрита как наиболее древнего индоевропейского языка, играющего существенную роль в этимологии русских слов.

Парадоксально, что современный «поворот» российской ментальности в сторону запада все более расширяет отрыв русской культуры не только от дохристианской «русской стихии», но от античной (христианской и дохристианской) основы, ориентируя развитие этносреды на эклектическую «евроамериканскую» ментальность, в нарастающей степени впитывающей этнодифференцирующее содержание со всего мира и в особенности с азиатского востока. Усиление по сравнению с дореволюционной Россией классического (античного) элемента в современном образовании особенно актуально именно для укрепления целостности русской культуры. Именно разрушительные тенденции в русском языке отрывают нас от самих истоков европейской культуры. Действительный член РАН М. Л. Гаспаров приводит слова подборника классического образования, русского филолога европейского масштаба Ф. Ф. Зелинского из его курса лекций по обоснованию необходимости «классического»,

гуманитарного образования в 1903 г.: «К античности восходят не только те или иные отдельные наши культурные ценности, но и самое главное в европейской цивилизации – ее привычка мыслить, ее умственный строй, именно это позволяет русскому, немцу и испанцу лучше понимать друг друга, чем араба или китайца. А изучение античных языков, будучи правильно поставлено, не сводится к воспитанию ума, а тесно сплетается с воспитанием психологическим и воспитанием нравственным, в конечном же счете служит социологическому отбору, которым совершенствуется человеческий род» (Гаспаров, 1993, с. 13).

Важным является восстановление нанесенного в XX в. ущерба русской этносреде, что проявилось, в частности, в революциях 1905 и 1917 г., «перестройке» и в других менее заметных кризисных этапах. Необходимо создание относительно этноинтегрированной системы образования подрастающего поколения, в особенности на начальных стадиях развития личности. С этой целью на разных этапах процесса образования необходимо наряду с краеведением и изучением родной природы ввести регионально специфические циклы изучения фольклорной и традиционной музыкально-песенной культуры, народного календаря русско-славянской мифологии, а также православной апологетики и традиций. Речь идет именно о воспитывающем обучении основам системообразующей русской культуры в традиционно русской этносреде, а не о навязывании учащимся определенного мировоззрения и вероисповедания.

9.3 О согласовании русской и других национальных культур в системе образования

Актуальная проблема согласования русской и других национальных культур России в системе образования в нашем подходе рассматривается шире – как согласование этносред, включающее не только отношение к собственно культуре, но и к природно-климатическим условиям различных ареалов и расово-биологическим особенностям представителей различных народов (**этнофункциональное межэтническое взаимодействие**). Однако вся система отношений личности к этносреде закреплена в культуре: именно культура является той областью, которая может в определенной мере модифицироваться и приспосабливаться к различным этносредам теми или иными «гуманитарными технологиями». Этнофункциональный подход к указанной проблеме является *операционализированной гуманитарной технологией*, построенной на полноте системы

концептов описания человека: биологических, психологических, конфессиональных, природно-климатических и пр. Инструментарием данной технологии являются культурное содержание системы отношений личности.

Важнейшим носителем культуры является язык, разрушение которого ведет за собой разрушение культуры, что, согласно Л. Н. Гумилеву, обуславливает и разрушение природных ареалов обитания этносов – этноценозов (Гумилев, 1993). Другими словами, разрушение языка является инструментом разрушения этносреды в целом. Опыт показывает, что вытеснение привычного русского языка и культуры из национально-региональных школ и вузов на практике сопровождается неконтролируемой вестернизацией и обвальной этнической маргинализацией общественного самосознания, что приводит к парадоксальному результату – унификации национальных регионов в прокрустовом ложе так называемых «общечеловеческих ценностей». Данный процесс имеет в новой и новейшей истории силу закона – еще в середине XIX в. К. Н. Леонтьев писал, что «национальная политика есть орудие всемирной революции» (1992, с. 182). Речь идет о том, что со времен Реформации это «орудие» неизменно является одним из механизмов революционных переворотов не только в Европе, но и в Китае и др. (как мы уже отмечали выше, этническая подоплека революционных преобразований общества является специфической для кризисных эпох, включая системный кризис XX в.). Любые попытки искусственного выделения части общества из единого целого по «национальному» признаку как в XX, так и в начале XXI в. в итоге приводят лишь к распространению унифицирующего общества ценностей западной цивилизации, ныне называемых уже «общечеловеческими», а по сути – лишь к девальвации традиционных культурных ценностей, криминализации общества и к его системному распаду.

В частности, при изъятии из системы образования в Татарстане традиционного русского алфавита соответствующее место заняла латиница, являющаяся этнодифференцирующим элементом, неоправданно раскалывающим историческое единство русского и татарского народов. Русский язык является носителем системообразующей культуры для народов России, он связывает нас не с «цивилизованным рынком» и потребительскими ценностями «американской демократии», а с колыбелью европейских культур – античной культурой, с христианством и народной культурой. Разрушение русского языка и культуры, напротив, отрывает от подлинной европейской культуры не только русских, но и все народы

России, ведет к углублению их этнической маргинализации и дальнейшему нарушению этнической идентичности представителей этих народов.

Этнофункциональный подход как инструмент «тонкой дифференцировки», позволяет гармонично сочетать различные культуры с русской, налаживать межэтническое взаимодействие в каждом конкретном ареале. Начиная с самых ранних этапов образования, общим положением является понимание русского языка как государственного и сочетание русского языка и культуры с национальными языками, культурами и этносредами России на основе специальных **механизмов этнофункционального согласования этносред**. Разработка таких механизмов – предмет специального исследования, однако некоторые общие принципы представляются достаточно ясными. Исходной точкой согласования этносред, по результатам наших экспериментально-психологических исследований, является воспитание отношения личности к группе ландшафтно-климатических этнических признаков (как системообразующих), к образам родной природы и затем – к системному взаимодействию этносред. Эти механизмы должны действовать на основе системного взаимодействия работы региональных и общегосударственных советов из представителей разных слоев населения (например, по типу «творческих синектических групп» – гуманитарный подход) и более формализованного, информационного (естественнонаучного) подхода для каждой конкретной этносреды и их объединений. Необходимость включения русской культуры в систему образования в национальных регионах России обусловлена государствообразующей ролью этой культуры, являющейся приоритетной для обеспечения информационно-психологической и государственной безопасности нашей страны.

*Этнофункциональный подход
к проблеме мультикультурного образования в России*

Очевидно, что система образования является ключевым институтом целенаправленного формирования ментальности личности и этносреды. Вследствие современной «мультикультурности» российского общества на первый план выдвигается проблема содержания воспитания молодежи. Основой учета «этносредовой мозаичности» образовательного пространства в настоящее время считается положение о том, что в полиэтничном обществе должно быть мультикультурное образование (Дмитриев, 1999; Палаткина, 2008; Палаткина, Миронова, 2008 и др.). Фактически «мультикультурный»

подход в образовании базируется на типологическом понимании этничности и предполагает внедрение в содержание образования разнородной культурной и этнической информации. Принято считать, что для воспитания межкультурной, межрасовой и др. толерантности необходимо, чем раньше, тем лучше информировать и приучать детей к соответствующим различиям посредством широкого круга психолого-педагогических воздействий, учебно-воспитательных пособий, игрушек и др. С этим положением трудно не согласиться. Однако наши исследования влияния этнической функции образа на адаптированность личности, осуществленные в рамках этнофункциональной парадигмы, показывают, что в младших возрастных группах (как минимум до 5–8 лет) чем раньше, тем более выражено этнодифференцирующая функция образов и их модальностей, воспринимаемых детьми в процессе психолого-педагогических воздействий, обуславливает возникновение у них признаков психической дезадаптированности. В частности, были получены экспериментальные результаты, свидетельствующие о том, что нарушение последовательности и образного содержания стадий этнофункционального развития личности ребенка в возрасте до 5 лет обуславливает возникновение у него патологической тревоги и некоторых других психопатологических показателей. Другими словами, эти проявления имеют место, если в образной сфере ребенка данного возраста преобладают экзотические или авторские сказки, научные представления или экзотические природные образы. Рост тревоги возникает также, если религиозное и (или) этическое воспитание ребенка начинается слишком рано – до 6–7 лет (Шапорева, 2007 и др.). Эти результаты позволяют предположить, что на ранних стадиях развития личности более целесообразным является монокультурное образование и лишь после 8 лет, по мере эмоционального и нравственного созревания личности, возможен переход к собственно мультикультурному содержанию образования.

Специфика системы образования в России состоит в том, что государствообразующий русский язык и культура в регионах с традиционной национальной культурой и языком должны оптимальным образом сочетаться. С позиций этнофункциональной методологии в национальных школах как нигде в основе образования должен лежать билингвизм и бикультурность (русская и местная, национальная), а не абстрактная «мультикультурность». Следует отметить, что в зарубежных исследованиях также отмечалось, что в общем случае (без учета возрастных аспектов) в полиэтничном (мультикультурном) обществе бикультурная идентичность (биэтничность)

в отличие от моно- или полиэтничной идентичности является оптимальной, так как здесь минимизируются недостатки первых двух типов идентичности (Bennett, 1986). Это положение с учетом задачи сохранения культурной и государственной целостности России позволит свести до минимума дезадаптирующий эффект от дополнительных и не являющихся необходимыми в возрастном этапе до 9 лет инокультурных языковых (и этносредовых, в целом) психолого-педагогических воздействий.

Следует отметить, что очень часто в образовательной практике младшей школы и даже дошкольных учреждений проблема возрастной адекватности мультикультурного образования даже не ставится и, более того, мультикультурное образование в дошкольном и младшем школьном возрасте считается благом «по умолчанию».

*Некоторые аспекты этнофункциональной технологии
сочетания русской и национальной культур
в российской системе образования*

Преимущество этнофункционального подхода к проблеме сочетания русской и национальной этносред в России состоит, прежде всего, в том, что с его применением отпадает необходимость в навешивании национальных «ярлыков» (Н. Пезешкиан): «русский», «татарский», «казахский» и др. – при определении содержания процесса образования в конкретном регионе и на самих учащихся. Элементы межэтнического взаимодействия должны совместно оцениваться экспертами – специалистами по русской и национальным культурам и учитываться при разработке содержания системы образования. Повышение степени организации этнофункционального взаимодействия элементов психолого-педагогических воздействий способствует психической адаптированности и развитию личности учащихся в данной **реальной этносреде**. Одновременно с этим закладывается психологическая основа, как для этнополитического объединения народов России, так и для повышения степени их психобиологической и социальной адаптированности (как было показано выше, снижение степени деформации этноида личности связано также с улучшением демографических показателей – увеличением количества детей в семье) (Сухарев, 1996, 1998).

Если природно-климатические условия этносреды сходны, как, например, у русских, татар и удмуртов, то исходным в образовании с раннего детства должен быть билингвизм и сказочно-мифологическая «бикультурность», но не в плане культурной «мозаики», а как представленность целостных русской и региональной культур. Если

природно-климатические условия различны, например, как у русских и чеченцев, то необходимо с раннего возраста раскрывать детям эмоционально-насыщенное содержание сказок и т. д., связанных с традиционным ландшафтом проживания чеченцев (горы) и русских (леса, степи) соответственно на русском и чеченском языках.

Психологическое «врастание» системы отношений ребенка в этносреду в онтогенезе опосредствуется определенными традиционными представлениями на каждой стадии развития его личности. Эти представления развиваются от самых общих, синкретических образов природных стихий и явлений к олицетворенным сказочно-мифологическим образам, затем – христианским и далее – научным представлениям. При этом последовательно возрастает и информационная сложность содержания соответствующих психолого-педагогических воздействий, предлагаемых системой образования; нельзя, как мы уже отмечали, сначала прививать ребенку научное мировоззрение, а потом осуществлять его религиозно-этическое воспитание.

Неотделимым компонентом русской этносреды является православная культура. На религиозно-этической стадии христианское мировоззрение описывается религиозно-этическими образами и поведением, а христианское мироощущение – эстетикой, эмоционально-чувственным отношением не только к христианским заповедям, образам Троицы и Христа, но и соответствующим отношением к природным стихиям – воде, земле и др.

Для татарской региональной этносреды значима мусульманская народная культура (см.: Басилов, Логашова, 1998), тесно связанная с отношением к природному ареалу этносреды. Если отношение к природе у русских и татар воспитывается на одних и тех же образах, то в нравственном воспитании имеются определенные различия, в частности, в отношении к женщине (этнодифференцирующий элемент по отношению к православным народам). Другие положения мусульманства по отношению к православию и православным народам являются вполне этноинтегрирующими. Главные ценности мусульманства вполне совместимы с этноинтегрирующей идеей государственного единства народов России.

Общим смыслом психопрофилактики, осуществляемой в общеобразовательных учреждениях, условий возникновения у детей межэтнических конфликтов является сочетание русской и национальных культур в преподавании на самых ранних стадиях этнофункционального развития личности – природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической. Основной принцип

обучения и воспитания – не поверхностная «мультикультурность», которая как единовременное ознакомление детей с информацией о разных культурах считается однозначно позитивным явлением (Дмитриев, 1999; Палаткина, 2007), а образование, основанное на сочетании этноинтегрирующего и этнодифференцирующего содержания на каждой стадии развития **двух** культур. «Бикультурность» и билингвизм содержания образования на самых ранних стадиях могут обеспечить, например, глубокое взаимодействие русской и татарской этносред. При этом в условиях нарастающих процессов глобализации и соответствующих информационных потоков максимально снижается количество дезадаптирующих детскую психику этнофункционально рассогласованных влияний.

В случае совпадающих ландшафтно-климатических условий как у русских и татар, важно воспитывать у детей различные культурно-языковые представления о родной природе. Если исторические ландшафты этногенеза народов существенно различаются – как у русских (преимущественно леса, степи, равнинные реки) и чеченцев (преимущественно горы) – следует на всех стадиях этнофункционального развития личности воспитывать у детей отношения именно к этим двум типам ландшафтов.

Итак, смысл психопрофилактики межэтнических конфликтов в условиях России можно сформулировать следующим образом: для детей всех народов России важно не только изучение родного языка, сказок, религии и природного окружения. Их следует с дошкольного возраста знакомить также с системообразующей русской этносредой, в первую очередь с природными ландшафтами, сказками, православной культурой и, разумеется, им необходимо изучать русский язык.

Важно, чтобы степень организации, например, системы «русские–татары» имела тенденцию к повышению, а не к снижению. Гуманитарным условием региональной этносоциальной стабильности такой системы является коллективное решение выборных культурных представителей всех общественных слоев татарского и русского населения о содержании преподавания основ русской и татарской культур в системе национального образования.

*Этнофункциональный аспект
проблемы формирования национальной элиты*

Анализируя роль элиты для развития личности и культуры, Г. Ю. Чернов отмечает: «...от наличия духовной элиты и ее качеств зависит судьба народа и человечества» (Чернов, 2005, с. 109). В последнее

время все большее внимание ученых, как отмечается в работе П. Л. Карабущенко и Н. Б. Карабущенко, привлекают так называемые «психологические теории элит», которые, в частности, призваны отвечать и на такие вопросы, как: «Насколько элитно то, что считается элитой?» или «Каков на самом деле духовный (интеллектуальный, моральный и волевой) портрет «человека элиты?»» (Карабущенко, Карабущенко, 2006, с. 16–17). Очень часто, пишут авторы, правящие элиты как раз и противятся научному анализу внутренних (психологических) оснований, по которым выделяется «элита». Понятно, что в современное научное представление о национальной элите не могут быть включены такие признаки, как уровень материального благосостояния, принадлежность к высшей политической власти и т. п. Интерес к психологии элиты смещает акцент исследований на изучение ее ментальности, содержания ее образной сферы, имеющей регуляторную функцию. Определение элиты в рамках элитологии сильно варьирует в различных исследованиях, однако общими положениями является приписывание элите высоких нравственных, умственных, творческих и других внутренних, личностных качеств и характеристика ее как творческого меньшинства, аристократии духа и т. п. (Бердяев, 1990; Тойнби, 1991; Ортега-и-Гассет, 2002; Чернов, 2005). Несомненно, что личность «человека элиты» должна быть целостной, а не представлять собой конгломерат внутренне несвязанных качеств. Поэтому, на наш взгляд, данная личность должна обладать неким системообразующим качеством, которое органично включает различные положительные свойства, проявляя их в зависимости от жизненной необходимости.

В частности, для национальной элиты это качество должно определять личностные свойства человека, во-первых, по отношению к себе, во-вторых, по отношению к конкретному обществу, народу, государству и, в-третьих, важнейшим признаком национальной элиты является ее не только национальная, но и общечеловеческая направленность (Бердяев, 1990; Ортега-и-Гассет, 2002; Шаповалов, 1993).

В отношении первых двух групп свойств наши исследования показывают, что формирование направленности личности на идеальный прообраз развития этносреды ее рождения и проживания (архегению этносреды) способствует повышению степени психической и социально-нравственной адаптированности личности (в аспекте профилактики психических и психосоматических расстройств, наркотизма, криминального поведения, а также способствует повышению уровня интеллектуальной и творческой активности, гармоничному

разрешению межэтнических противоречий и пр.) (Бухарева, 2005; Сухарев, Кравченко и др., 2003; Сухарев, 1996–2007; Шапорева, 2007; Шустова, 2007 и др.). Несомненно, что обретение соответствующих позитивных психологических и нравственных качеств должно быть обязательным условием формирования личности «человека национальной элиты». Что касается третьего признака национальной элиты, а именно ее общечеловеческой направленности, то с позиций принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма, этноментальность личности является открытой системой, ориентированной на развитие этносреды, и по мере ее этнофункционального развития ведущее содержание образной сферы личности на каждой стадии развития расширяется от уровня узкоэтнического (на уровне краеведения и т. п.) до общероссийского, евразийского и, далее, до этносферного уровня в соответствии с **законом этносредовой непрерывности расширения ментальности личности**. Другими словами, в аспекте развития личность, как микрокосм, должна последовательно пройти все стадии, соответствующие этапам развития этносреды ее рождения и проживания как макрокосма. Как мы уже отмечали выше, отсюда следует, в частности, что часто декларируемая, «общечеловеческая идентичность» в большинстве случаев характеризует ментальность незрелой личности, полноценно не прошедшей все предыдущие стадии этнофункционального развития. «Слишком широкая идентичность „человека вообще“ вне расовых, религиозных и других типов идентичностей» порождает опасность того, что человек может присвоить себе право «причислять или нечислять остальных к человечеству» (Эриксон, 1996, с. 329).

В указанном подходе к определению личности «человека элиты», направленной на идеальный прообраз развития этносреды, преимуществом является, на наш взгляд, его «демократичность», независимость от социальных, финансово-экономических и даже психологических показателей, наличие которых в значительной мере может быть обусловлено неравенством социальных возможностей в процессе образования и пр. Принадлежность личности к национальной элите с этих позиций не является чем-то однажды заданным и неизменным. Путь к «элитарности» становится открытым практически каждому человеку, и сознательно вставая на этот путь, личность начинает постепенно обретать соответствующие качества. Соответственно, возможен и обратный процесс. С другой стороны, учет этнофункциональных особенностей развития образной сферы (ментальности) личности в конкретной этносреде при формировании содержания

обучения и воспитания обеспечил бы дополнительные условия, необходимые для обретения личностью специфических для национальной элиты качеств.

9.4 Экспериментальное исследование некоторых особенностей формирования этнической идентичности в национально ориентированных учебных заведениях

Этнофункциональный подход позволяет объяснить некоторые парадоксальные результаты целенаправленного формирования этнической идентичности на примере сравнительного анализа процесса образования подростков в православной и синагогальной религиозных школах г. Орска (Бухарева, 2005). Экспериментально-психологическое исследование показало наличие роста негативизма еврейских подростков к еврейской культуре, традициям и религии после обучения в Дневной синагогальной школе, а также рост негативизма русских подростков к собственной религии, народным традициям и культуре после обучения в православной воскресной школе (обучение проходило в течение года).

Такой результат объясняется, на наш взгляд, тем, что религиозно-этическое воспитание в обоих случаях осуществлялось на неподготовленной почве. Дети как русской, так и еврейской национальностей (по самоопределению) до поступления в соответствующие школы воспитывались практически в одних социально-психологических условиях. Полноценная эмоционально-чувственная подготовка (на сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности) к религиозно-этической стадии требует использования в процессе воспитания арсенала сказочно-мифологических образов русской этносреды (для детей, родившихся и проживающих в соответствующих природных ареалах). Это позволяет достичь полноты системы отношений ребенка с природной средой. Только после полноценного прохождения «эстетической» стадии можно переходить к стадии «этической» (Зеньковский, 1995).

Если на религиозно-этической стадии этнофункционального развития у ребенка формируется еврейская идентичность, то он может усваивать этические нормы, основанные на иудаизме. Если речь идет о русской идентичности, то эти нормы основываются на православии. В этнофункциональном развитии личности должно последовательно осуществляться воспитание ее сказочно-мифологических отношений к природным стихиям. У родившихся в России подростков как русской, так и еврейской национальностей естественным

является содержание их отношений к родной этносреде, закрепленное в русской культуре и на когнитивном уровне представленное соответствующими данной культуре сказочно-мифологическими образами.

Описанные выше деформации сказочно-мифологической стадии у российских детей (воспитывавшихся в религиозно-культурных школах) обуславливают недостаточное вызревание их эмоционально-чувственной сферы (т. е. неполноту прохождения природной и религиозно-этической стадий). В связи со сказанным рост негативизма по отношению к иудаизму у еврейских подростков, а также рост негативизма к собственным народным традициям, культуре и снижение позитивного отношения к религии у русских, представляются вполне объяснимыми как защитная реакция на целенаправленное моральное воспитание при недостаточно развитой чувственной сфере. Образно говоря, ребенок должен сначала прочувствовать, что выпавшего из гнезда птенчика нужно вернуть обратно – ему плохо без мамы, а яблоньке тяжело нести созревшие плоды – их нужно сорвать. Только после этого ребенок может достаточно глубоко проникнуться, например, христианской заповедью «Люби ближнего своего», и эти слова не будут для него только словами, т. е. «интроектами» (термин гештальттерапии).

Подростки из дневной синагогальной школы по сравнению с учащимися в православной воскресной школе после года обучения начинают более негативно относиться к родной природе и климату. На наш взгляд, это в значительной степени обусловлено тем, что в основной книге иудаизма – Торе (в отличие, например, от Нового Завета) значительное внимание уделяется отношениям человека к достаточно далеким от России природно-климатическим условиям, растениям, животным. Например, в Торе содержится 613 глав – именно столько косточек у такого экзотического для русской этносреды граната. Особенно важную в «Устной Торе» роль играют природа и климат (Лау Израэль-Мэир, 1996).

В Новом Завете, напротив, большее внимание уделяется не взаимоотношениям человека и природной среды, а его отношению к Богу и нравственным аспектам отношения к другим людям и к себе самому. Однако, как показывают наши исследования, деформация отношения человека к природной среде является этнофункциональным существенным фактором риска для возникновения психической дезадаптированности. Поэтому для полноценного и благотворного для личности формирования этнической идентичности как русских, так и еврейских подростков представляется необходимым уделять

большее внимание формированию их сказочно-мифологических отношений к природным условиям русской этносреды.

Результаты формирующего эксперимента показали, что опосредствованная русскими фольклорными образами этнофункциональная коррекция отношений еврейских подростков (родившихся в России) к *родной природе* увеличивает степень их *позитивного отношения* не только к этой природе, но и к 1) субъективно воспринимаемым национальным особенностям собственной внешности и внешности представителей других народов; 2) к истории и культуре России. Это подтверждает системность их отношений к этносреде и приоритетную роль в формировании этнической идентичности отношений к группе климато-географических признаков. И хотя это формирование в подростковом возрасте является запаздывающим по отношению к оптимальному периоду, оно имеет коррекционный психопрофилактический смысл и может способствовать более полноценному развитию личности (Бухарева, 2005).

9.5 Связь этнофункционально согласованного содержания гуманитарного компонента образования с психической адаптированностью школьников*

Учету этнофункционального аспекта гуманитарного содержания обучения в системе образования было посвящено исследование, проведенное группой сотрудников обнинского отделения Государственной академии славянской культуры (ГАСК) на базе средних общеобразовательных школ № 14 и № 15 и детского сада «Муравушка» г. Обнинска Московской области. В процессе исследования фактически проводилась апробация утвержденной Министерством образования Программы непрерывного гуманитарного образования, первоначально внедренной в средней школе № 1316 г. Москвы. Всего было обследовано 462 учащихся школ.

В детском саду «Муравушка» содержание обучения было относительно этнофункционально согласованным с этносредой ареала рождения и проживания детей – занятия проводились на материале русских народных сказок, русской природы, а в старших группах в определенной мере – на основе православной культуры. В целом

* Исследование проводилось под руководством А. В. Сухарева и М. В. Трофимовой выпускниками Обнинского отделения психологического факультета Гос. академии славянской культуры – В. Ю. Владыкиной, В. А. Леоновым, О. А. Минаковой, Н. Ю. Фёдоровой и В. Ю. Чатиян.

результаты исследования совпадают с проводившимися ранее формирующими экспериментами на данной возрастной группе. По экспертным оценкам у детей гармонизировалась система отношений с их этносредой, улучшались показатели общения со сверстниками, с воспитателями, повышался уровень познавательной активности.

Контрольная группа школьников обучалась по обычной программе, а экспериментальная группа (50% мальчиков и девочек в каждой группе) – по Программе непрерывного гуманитарного образования, направленной на организацию относительно более этнофункционально согласованной педагогической среды. Экспериментальная группа состояла только из выпускников детского сада «Муравушка». Обследовались учащиеся со 2 по 11 класс (кроме учащихся 8-х классов).

«Этнофункционально согласованная» педагогическая среда определялась следующей группой предметов: 3-й и 4-й классы – риторика, русские народные промыслы (труд), русское изобразительное искусство, русская словесность. 5–9-й классы – русская словесность, православная этика, литературное краеведение, экологическое краеведение, риторика, православная культура. 10-й и 11-й классы – языкознание (углубленное изучение русского языка с элементами древнеславянского языка), культурология (этика и нравственность в русской культурной традиции). Введение этих предметов в программу обучения осуществлялось, с одной стороны, за счет некоторого сокращения количества часов по естественнонаучным дисциплинам, а с другой, за счет посещаемых практически всеми учащимися факультативов.

В качестве методов исследования использовались: метод срезов, метод структурированного этнофункционального интервью, метод Роршаха, анализ документации и метод экспертных оценок.

По результатам *структурированного этнофункционального интервью* было выявлено, что деформация *пространственных* характеристик этноида у всех испытуемых в экспериментальной группе была достоверно меньше. По показателю сформированности этнической идентичности (по самоопределению) – вероятность ошибки не более $p < 0,05$; по климато-географическим признакам – не менее $p < 0,01$; отношение к типу питания – не более $p < 0,05$; отношение к расово-антропологическим признакам – не более $p < 0,05$; отношение к мировоззрению – не более $p < 0,01$. Деформация временных (исторических) характеристик этноида у учащихся из экспериментальной группы также была достоверно меньше.

Природная стадия. В экспериментальной группе было зафиксировано достоверное преобладание позитивного когнитивно-аффективного следа от образов русской природы в возрасте до 4 лет с вероятностью ошибки не более $p < 0,01$.

Сказочно-мифологическая стадия. Следует отметить, что 11-классники посещали д/с «Муравушка» 1 год, 10-классники – 2 года, учащиеся с 1 по 9 класс – 3 года. Этим, по-видимому, объясняется тот факт, что в воспоминаниях учащихся преобладание русских народных сказок по сравнению с авторскими в возрасте до 5 лет в экспериментальной группе было зафиксировано только начиная с 9 класса ($p < 0,01$).

Религиозно-этическая стадия. Во всех экспериментальных классах с 9 лет было выявлено преобладание начала религиозно-этической стадии в возрасте 6–8 лет ($p < 0,01$). В контрольной группе у детей в возрасте с 10 лет начало религиозно-этической стадии отмечалось после 9 лет ($p < 0,01$).

По результатам теста Роршаха было установлено, что у школьников экспериментальной группы во всех возрастах достоверно преобладало количество ответов, свидетельствующих о гармоничности взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений: преобладание ответов типа FFb+ ($p < 0,01$); способности интеллектуального «совладания» с тревожностью: преобладание ответов типа FNd+ ($p < 0,01$); меньшей степени эмоционального торможения когнитивных процессов: меньшее количество «шоков и отказов» ($p < 0,01$). Также в контрольной группе преобладали показатели неуправляемой эмоциональности (Fb) и тревожности (Hd) ($p < 0,01$).

При этом в контрольной группе у всех возрастов преобладало количество показателей хорошего репродуктивного мышления – (F+) и (B+) – «интроверсивная» (Bohm, 1972) интеллектуальная активность ($p < 0,05$).

В исследовании было установлено, что в экспериментальной группе успеваемость по большинству предметов как гуманитарного, так и естественнонаучного циклов была достоверно выше ($p < 0,05$). По некоторым предметам достоверных различий в успеваемости в экспериментальной и контрольной группах выявлено не было. В экспериментальной группе в старших классах оказалось достоверно меньше курящих школьников ($p < 0,001$).

Результаты исследования снова подтвердили валидность метода структурированного этнофункционального интервью для определения оптимальных периодов прохождения начальных стадий этнофункционального развития личности: природной (от 1–2 до 4 лет), сказочно-мифологической (с 2 до 5 лет) и религиозно-этической

(6–8 лет). Еще раз подтверждена обоснованность выделения природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий этнофункционального развития личности. Установлена связь наличия признаков деформированности этноида («пространственных» деформаций этноида и нарушений этнофункционального развития) с психической дезадаптированностью личности в эмоциональной сфере, а также с менее гармоничным взаимодействием эмоциональной и когнитивной сфер личности школьника.

Обращает на себя внимание тот факт, что у школьников экспериментальной группы во всех возрастах были выявлены показатели более высокой степени эмоциональной и эмоционально-когнитивной адаптированности, общей успеваемости, в том числе они более активно участвовали в олимпиадах, как по гуманитарным, так и по естественнонаучным дисциплинам. Также они более активно занимались спортом – этнофункционально согласованными видами – борьбой самбо, лыжами, легкой атлетикой, туризмом по родному краю, и у них была выявлена меньшая склонность к табакокурению. При этом в контрольной группе были выше показатели репродуктивного интеллекта.

Преобладание в экспериментальной группе «хороших» (F+, B+) когнитивных показателей может объясняться тем, что обычные образовательные программы для детских садов, по мнению многих педагогов и психологов, направлены в большей степени на формирование знаний, умений и навыков (операционной сферы), чем на развитие сферы эмоциональной и тем более межфункциональных связей последней с когнитивными процессами. Это, на наш взгляд, приводит к относительно *временным успехам в когнитивной сфере, обуславливая в определенной мере недоразвитие эмоциональной сферы за счет задержки формирования центрального фактора развития – «встречи аффекта и интеллекта»*. Такая «встреча» в полной мере имеет место в экспериментальной группе в виде преобладания признаков гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений, тогда как в контрольной группе эти показатели сами по себе не могут считаться позитивными. В принципе преобладание ответов типа В (интроверсивная интеллектуальная активность) при снижении способности к хорошему эмоциональному взаимодействию (FFb+) приводит к «уходу в себя» и является признаком дезадаптированности (Рауш де Траубенберг, 2005, с. 81).

В целом можно сделать вывод, что этнофункционально согласованное содержание непрерывного гуманитарного образования

от детского сада до окончания средней школы может способствовать психической адаптированности и оптимизации развития личности учащихся.

9.6 Влияние этнофункционально согласованного содержания гуманитарного компонента образования на психическую адаптированность студентов

На констатирующем этапе эксперимента было обследовано 40 студентов 3-го курса, 20 из них – студенты Московского автомобильно-дорожного института (МАДИ), факультетов управления и автомобильного транспорта, 20 – студенты факультета психологии Государственной академии славянской культуры (ГАСК). На базе ГАСК студенты факультета психологии к 3-му курсу, кроме ознакомления со специальными предметами, получили определенное гуманитарное образование: было осуществлено углубленное изучение истории русской культуры и истории России, изучение русского языка, древнегреческого языка и античности, старославянского языка, русской и славянской мифологии, русского музыкального фольклора, основ православной культуры и религий мира.

В исследовании предполагалось, что технологические знания и навыки студентов обоих вузов с позиций этнофункционального подхода к развитию личности относятся к онтогенетически более поздней стадии просвещения и в соответствии с **законом этно-средовой непрерывности расширения ментальности личности** являются относительно менее этнодифференцирующими. В то же время предполагалось, что гуманитарный компонент образования студентов ГАСК преимущественно составляет содержание более ранних стадий развития личности – сказочно-мифологической и религиозно-этической и имеет этноинтегрирующую его с русской этносредой функцию.

Каждая группа обследуемых состояла из 10 юношей и 10 девушек в возрасте от 19 до 21 года. Все испытуемые родились и выросли в Москве, самостоятельно идентифицировали себя как русских. Исследование проводилось с помощью метода структурированного этнофункционального интервью и теста Роршаха.

Было установлено, что у студентов технологического вуза в сравнении со студентами гуманитарного, по данным структурированного этнофункционального интервью, имеет место большее количество этнофункциональных рассогласований ко всем группам этнических признаков: климато-географических, расово-биологических –

по типу питания и «антропоэстетическому» (термин Н. И. Халдеевой) выбору партнера противоположного пола – по цвету глаз, а также конфессиональных ($p < 0,01$).

У студентов МАДИ по сравнению со студентами ГАСК выявлено больше нарушений этнофункционального развития личности – «выпадений» сказочно-мифологической стадии и этнофункциональных рассогласований ее содержания, а также этнофункциональных рассогласований содержания религиозно-этической стадии ($p < 0,05$).

По результатам теста Роршаха, у студентов МАДИ по сравнению со студентами ГАС, было выявлено большее количество ответов, свидетельствующих об их психической дезадаптированности. Это преобладание ответов типа (F-) – признак нарушений мышления; ответов Nd – неконтролируемой тревожности; анатомические ответы (Anat – «скелет», «внутренние органы») – неоправданная тревога о своем здоровье; преобладание в ответах фигур животных (Т) по сравнению с человеческими фигурами (М) – признак психической инфантильности. Количество «шоковых ответов» как признак эмоционального торможения когнитивных процессов, у студентов МАДИ также преобладал. Вместе с тем у студентов МАДИ реже встречались ответы по движению (В+) – «интеллектуальная адаптация»; ответы по фигуре и фону (FHV+) – продуктивность мышления; (FFb+) – гармоничность взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений.

В то же время у студентов МАДИ достоверно чаще имели место ответы с «хорошей» формой – (F+ ответы) как показатель высокого репродуктивного интеллекта, однако у студентов ГАСК достоверно чаще встречались ответы типа FHV+ и В+ – показатели более продуктивного мышления.

В результате констатирующего эксперимента была установлена связь между наличием этнофункционально согласованного с этносредой ареала рождения и проживания студентов компонента гуманитарного образования в высшей школе, с более высокой степенью их интеллектуальной и эмоциональной адаптированности. Выявлена также связь отсутствия этого компонента с наличием у студентов психической дезадаптированности.

Целью исследования на *формирующем этапе* было изучение влияния этнической функции содержания гуманитарного компонента образования студентов-психологов Государственной академии славянской культуры (ГАСК) и Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ) на их психическую адаптированность/дезадаптированность. Все испытуемые

родились и выросли в Москве и самостоятельно идентифицировали себя как русских.

Предполагалось, что этническая функция гуманитарного компонента образования студентов факультета психологии ГАСК, интегрирующая их с этносредой рождения и проживания, повышает психическую адаптированность личности, а отсутствие данного компонента у студентов МГППУ снижает их психическую адаптированность.

Предполагалось также, что изучение студентами предметов, отражающих специфику исторического развития русской этносреды, снижает у них количество климато-географических, расово-биологических и религиозно-этических этнофункциональных расхождений системы отношений, что является одним из условий улучшения состояния психического здоровья личности (Сухарев, 2004). В связи со сказанным, на первых двух курсах обучения в ГАСК (вузе с университетской программой обучения психологов) до начала специализации в рамках госстандартов в образовательную программу были введены такие предметы: категории средневековой русской литературы, древнегреческий язык и введение в античность, расширенный курс истории русской культуры (включая православную культуру), старославянский язык, древнерусская литература, категории средневековой русской культуры, славянская и древнерусская мифология и фольклор, расширенный курс истории России, а также расширенный курс «Русский язык и культура речи». Часть предметов преподавалась факультативно, но их посещали все обследуемые студенты. Остальные предметы в ГАСК были те же, что и в МГППУ, но несколько уменьшены в объеме часов (за счет переноса этих занятий в ГАСК с первых трех семестров на старшие курсы), отсутствовал факультатив «Японское искусство оригами», курс «Культура детства» и «Педагогическая психотехника». Различие между исследуемыми группами состояло в дополнительном изучении студентами ГАСК перечисленных выше предметов.

В формирующем эксперименте предполагалось выявить особенности влияния этнической функции содержательной стороны образования на психическую адаптированность/дезадаптированность личности студентов.

Отличие содержания обучения в ГАСК и МГППУ состояло в следующем. Были обследованы 2 группы студентов женского и мужского пола по 25 человек (в каждой группе по 50 % юношей и девушек) в возрасте от 18 до 22 лет при помощи модифицированного метода структурированного этнофункционального интервью (выявлялись

нарушения этнофункционального развития личности и наличие в психике студентов этнофункциональных рассогласований к различным группам этнических признаков) и теста Роршаха (выявлялись показатели психической адаптированности/дезадаптированности студентов). Первый экспериментальный срез в обоих вузах осуществлялся в начале 1-го курса обучения, повторный срез – в конце 2-го курса обучения.

В результате первого обследования (до эксперимента) в группе студентов МГППУ была выявлена относительно более высокая степень психической адаптированности (по тесту Роршаха) по сравнению со студентами ГАСК: меньшее количество шоков и отказов (снижение эмоционального торможения когнитивных процессов), большее количество цветowych ответов (в целом более развитая эмоциональность), меньшее количество содержательно инфантильных ответов – преобладание ответов Т над ответами М) и, что особенно важно, больше ответов типа FFb+ – показателей гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений.

Результаты второго обследования, проведенного после полутора лет обучения, существенно изменили картину. Количество шоковых ответов в группе МГППУ достоверно увеличилось, а у студентов ГАСКа – уменьшилось. В группе МГППУ достоверно снизилось число цветowych FFb+ ответов (гармоничность взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений) ($p < 0,001$), а в группе ГАСКа количества таких ответов увеличилось ($p < 0,05$). Также в группе ГАСК снизилось количество показателей недостаточного контроля эмоций (ответы FbF) ($p < 0,05$). Кроме того, повторное обследование выявило увеличение количества инфантильных ответов у студентов МГППУ ($p < 0,001$) в отличие от студентов ГАСКа, где показатель таких ответов несколько снизился. Это свидетельствует о формировании ключевого фактора развития у студентов, обучавшихся по программе с расширенным русским этносредовым компонентом и деструкции данного фактора у студентов, обучавшихся по стандартной программе для факультетов психологии.

В группе ГАСКа увеличилось число ответов по межфигурному пространству Zw (критичность) ($p < 0,001$). Все эти показатели свидетельствуют о повышении степени психической адаптированности у студентов ГАСК и ее снижении у студентов МГППУ.

По результатам структурированного этнофункционального интервью до начала формирующего эксперимента различий в количестве этнофункциональных рассогласований у студентов МГППУ и студентов ГАСК обнаружено не было.

После проведения формирующего эксперимента у студентов МГППУ не было выявлено достоверных изменений количества этнофункциональных рассогласований к различным группам этнических признаков. В то же время в группе студентов ГАСК в процессе формирующего эксперимента достоверно сократилось количество этнофункциональных рассогласований отношений к группе расово-биологических признаков ($p < 0,05$).

Кроме того, в обеих группах – как в начале, так и в конце формирующего эксперимента – не было обнаружено нарушений этнофункционального развития личности ни на сказочно-мифологической, ни на религиозно-этической стадиях, что в данном случае косвенно подтверждает объективность метода структурированного этнофункционального интервью – «прошлые» отношения не изменились, но изменились предпочтения студентов на момент обследования после эксперимента.

Как у студентов ГАСК, так и у студентов МГППУ возрастные границы начала сказочно-мифологической стадии находились в промежутке от 1,5 года до 6 лет. На данной стадии вместе с народными сказками, формирующими здоровую эмоциональность, адекватную этносреде ареала рождения и проживания, у испытуемых диагностировались воспоминания образов иностранных авторских сказок и сказок с этнофункционально рассогласованным (экзотическим) содержанием. Также практически у всех испытуемых отмечалось наличие воспоминаний образов мультфильмов с экзотическими персонажами и этносредами наряду с мультфильмами по мотивам русских народных сказок.

Возрастной период прохождения религиозно-этической стадии у всех студентов обеих групп находился в границах 7–8 лет.

Эти факты свидетельствуют об отсутствии различий в нарушениях этнофункционального развития личности у испытуемых в обоих вузах и дают возможность более отчетливо оценить характер влияния этнической функции содержания образования на личность.

Сопоставление результатов констатирующего и формирующего экспериментов подтвердило наше предположение о позитивном влиянии этнофункционально согласованного с этносредой ареала рождения и проживания у студентов ГАСК гуманитарного компонента образования по показателям снижения степени психической дезадаптированности. Снизилось количество показателей недостаточного эмоционального контроля, признаков эмоционального торможения когнитивных процессов; при этом возросло количество признаков гармоничного взаимодействия эмоциональной

и когнитивной сторон отношений, т. е. укрепления межфункциональных связей.

В свою очередь, отсутствие этнофункционально согласованного гуманитарного компонента образования с этносредой ареала рождения и проживания студентов (у студентов МГППУ) влияет, с одной стороны, на повышение степени деформации этноида (нарастание количества этнофункциональных рассогласований), а с другой, обуславливает появление у них признаков психической дезадаптированности: возросло количество признаков инфантилизма и рассогласованности эмоциональной и когнитивной сторон отношений.

В целом результаты констатирующего эксперимента подтверждают выводы формирующего эксперимента. *Этноинтегрирующий компонент гуманитарного образования в вузе способствует повышению психической адаптированности студентов по важнейшим показателям: гармонизации эмоциональной и когнитивной сторон отношений (ключевого фактора развития личности), оптимизации процесса психического развития и снижения степени эмоционального торможения когнитивных процессов.*

9.7 Общие рекомендации по этнофункциональному структурированию содержания образования в России

Целью предлагаемых изменений в содержании учебно-воспитательного процесса является обеспечение возможности психолого-педагогической коррекции и профилактики у молодежи этнофункциональной анархегении личности и ее последствий – низкого уровня знаний, отсутствия интереса к учебе, психолого-педагогической запущенности, социальных отклонений, употребления алкоголя и наркотиков, широкого распространения курения (табак, марихуана), психических и психосоматических расстройств.

Один из важнейших аспектов применения этнофункциональной методологии в российской системе образования – это адекватное применение мультикультурного и бикультурного образования с учетом возрастных возможностей учащихся (см. п. п. 9.3). В целом, согласно нашим экспериментально-психологическим исследованиям, для успешного формирования защитного адаптационного потенциала достаточного эмоционально-потребностного уровня, регуляции эмоций и чувств и полноценной нравственности в возрастной группе 0–8 лет должно преобладать моно- и бикультурное содержание образования. Постепенное нарастание объема мультикультурного содержания в образовании должно осуществляться

с возраста не ранее 9 лет (т. е. в начале стадии просвещения при успешном прохождении предыдущих стадий этнофункционального развития личности учащегося).

Ниже представлена **общая схема и ориентировочное содержание** учебно-воспитательного процесса до этапа высшей школы включительно.

1 В возрасте от 0 до 2 лет особое значение для формирования здоровой личности ребенка имеет отсутствие нарушений этнофункционального развития личности матери. На «доисторической» стадии для подготовки молодых матерей к воспитанию ребенка с ними желательно проводить соответствующие занятия: во-первых, – краеведение, ознакомление с явлениями, животным миром и флорой ареала рождения и проживания, фольклор (колыбельные песни, игры, народные игрушки и пр.). Во-вторых, занятия по религиозной культуре (в зависимости от мировоззрения будущей матери и ареала ее рождения и проживания).

2 Возраст от 2 до 5 лет, согласно нашим исследованиям, является оптимальным для формирования отношений к родной природе и сказочно-мифологическому содержанию родной этносреды ребенка. В практике современных дошкольных учреждений (возраст 3–6 лет), на наш взгляд, акцент неправомерно ставится на развитие познавательной сферы (операционной – развитие умений, навыков и приобретение знаний для подготовки к усвоению школьной программы) в ущерб развитию эмоционально-чувственной стороны отношений ребенка к этносреде. При этом уроки художественного творчества в этом возрасте опять-таки сводятся к усвоению умений и навыков. Ведущее образное содержание природной и сказочно-мифологической стадий в дошкольном возрасте должно включать этноинтегрирующие образы родной природы (ареала рождения и проживания ребенка), затем сказочно-мифологических народных представлений – сначала о явлениях природы, стихиях, затем об их персонифицированных образах (воды, огня, леса, родника, дома и пр.), о времени (т. е. о народном календаре). Существенным является именно эмоциональное *переживание* детьми этих образов. Особенно это важно для городских детей, которых от живой природы отделяет асфальт, квартира и другие антропогенные факторы. Все это способствует развитию эмоциональной сферы.

В регионах с традиционно нерусским населением в этом возрасте необходимо поощрять имеющиеся у детей зачатки билингвизма и «бикультурности», поскольку, привитые в ненасильственной форме и в достаточно раннем возрасте, они способствуют психи-

ческой адаптированности детей к двум культурам и, соответственно, к двум этносредам – русской и местной национальной. Начиная с возраста 6 лет и не позднее 8 лет, следует знакомить детей с религиозно-этическим содержанием как русской, так и конкретной национальной культуры при условии полноценного развития эмоционально-мотивационной стороны отношений на природной и сказочно-мифологической стадиях.

3 В младшем школьном возрасте (7–10 лет) ведущим образным содержанием отношений является религиозное и нравственно-этическое (оптимальный период начала от 6 до 8 лет), формирующееся во взаимоотношениях детей с другими людьми, с семьей. На данной стадии создаются механизмы гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон отношений личности. Если воспитание осуществляется в традиционной русской этносреде, то ведущее значение приобретает обучение основам православной культуры и христианской апологетики как неотъемлемой части русской культуры. Если воспитание осуществляется в нерусской этносреде, то наряду с ознакомлением с конфессиональной традицией местного этноса (этносов) следует продолжать знакомить детей и с основами православной культуры. С учетом современного состояния дошкольного образования в младшем школьном возрасте также важно включать и определенное природоведческое и сказочно-мифологическое содержание, народный календарь и практические фольклорные занятия. В этом возрасте (не ранее) может начинаться постепенное ознакомление детей с научными основами познания мира и элементами других этносред. С учетом непрерывного нарастания количества этнокультурной информации воспринимаемой современными детьми (и не только ими), мы полагаем, что начало стадии просвещения не стоит начинать ранее завершения оптимального периода для религиозно-этической стадии (т. е. 6–8 лет), наиболее вероятно, что не ранее 9 лет у ребенка в современных условиях может сформироваться необходимая нравственная база для практического применения умений и навыков, основанных на достижениях науки [хотя, по нашим данным на 2005 г. (см.: Сухарев, Степанов, 2006), оптимальный период начала стадии просвещения 7–9 лет].

В качестве общей основы образования с данного возраста необходимо введение курсов русской литературы, музыки, искусства в целом.

4 В среднем и старшем школьном возрасте (11–17 лет) научно-познавательная сторона развития отношений ребенка продолжает оставаться важнейшей. Здесь формируются научные представления

о мире, а также первичные профессиональные навыки и умения. В этом возрасте при благоприятных обстоятельствах основные эмоциональные и нравственные механизмы психической адаптации являются уже сформированными, и дети могут без вреда для здоровья и с пользой для ума усваивать достижения мировых культур (прежде всего – античной культуры и языков), научно-технического прогресса.

Для традиционно русской этносреды определенные элементы церковнославянского языка должны изучаться уже с 5 лет как языка православного богослужения, а отдельные лексические элементы древнерусского – с 2 лет в той мере, в какой они встречаются в сказках. Это относится в целом к богослужебным языкам: к арабскому языку в Татарии, тибетскому – в Бурятии и пр. С учетом современного состояния образования на переходном этапе к «этнофункциональной концепции» в среднем и старшем школьном возрасте важно вводить определенное сказочно-мифологическое содержание (фольклор, календарь) и основы православной культуры – для «компенсации» соответствующих упущений в более ранних возрастах. В данной возрастной группе можно начинать специальное изучение иностранных и античных языков как учебных предметов.

5 В возрасте высшей школы (с 17 лет) в настоящий исторический момент в России на этапе «синтеза» мы сталкиваемся в подавляющем большинстве случаев с развернутой картиной высокой степени выраженности этнофункциональной анархегении личности у молодежи со всеми вытекающими отсюда нежелательными последствиями – алекситимией (см. Ересько, Исурина, 1994 и др.) и другими отклонениями. Поэтому в высшей школе любого профиля требуется введение «корректирующих» курсов природно-исторического краеведения, регионально-специфической мифологии с практически-фольклорной направленностью и основ православной культуры.

Также важным элементом в высшей школе должно быть преподавание старославянского (древнерусского) языка и древнерусской литературы, древнегреческого и античной культуры, латинского языка. Необходимо увеличение количества часов, отведенных изучению истории отечества, истории русской философии, искусства и античной философии и эстетики. Студентам филологических специальностей для изучения индоевропейских корней русского языка в определенном объеме важно изучение санскрита.

В соответствии с концепцией этнофункционального развития личности в русской этносреде последовательность изучения языков и культур такова: 1 – санскрит, древнерусский, церковнославянский;

2 – древнегреческий; 3 – латинский; 4 – современные иностранные языки. С позиций этнофункциональной методологии эта последовательность должна соблюдаться на всех этапах образования – от детского сада до высшей школы.

Важной дополнительной особенностью высшего образования для специалистов, работающих с представителями психолого-педагогических, юридических и медицинских и других специальностей, является курс практической клинической психологии на базе клиник различной направленности. Основным в данном курсе должно быть практическое ознакомление учащихся с пациентами, имеющими часто встречающуюся патологию (депрессии, наркомании, алкоголизм, задержки психического развития у детей и пр.). Желательно также ознакомление с криминальным контингентом на базе исправительно-трудовых учреждений Управления федеральной службы исполнения наказаний и т. п.

Обязательное прохождение учащимися природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий этнофункционального развития в объеме, не меньшем или даже большем, чем в средней школе, должно являться содержательным элементом образования в средних специальных учебных заведениях и техникумах на современном «переходном» этапе от имеющейся системы образования к рекомендованным нами перспективным изменениям.

Указанные рекомендации в рамках госстандартов были внедрены нами в учебный план факультета психологии Государственной академии славянской культуры и успешно действуют уже в течение шести лет (результаты апробации и валидации см. выше). Они успешно использовались в работе некоторых школ и детских садов г. Москвы и г. Обнинска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейшим преимуществом применения этнофункциональной методологии в теоретических и эмпирических исследованиях является возможность системного учета содержания этносреды (природного, культурного, трансцендентного и пр.) в развитии системы отношений личности. Следует отметить, что в психологической науке до настоящего момента практически не рассматривалась роль образной сферы (ментальности) личности и общества (этносреды), образного содержания отношений, состояний и процессов, этносредовых новообразований в развитии личности, в процессах ее психической адаптации/дезадаптации, в том числе в возникновении психических расстройств и социально-нравственных отклонений. Почти не предпринималось попыток разработки моделей и способов учета этого содержания в практической работе – в образовании и психотерапии. В академических психологических исследованиях упускалась из вида этническая функция не только ментальности (образной сферы), но и духовного (трансцендентного) содержания личности и этносреды на разных стадиях и этапах их развития.

Методологическая полнота этнофункциональной парадигмы в психологии основана на базовых взаимосвязанных принципах, которые могут в той или иной мере использоваться для достижения конкретных результатов в различных сферах человеческой деятельности. На основе базового принципа этнофункциональности нами были введены принципы этнофункциональной системности, этнофункционального единства микро- и макрокосма, этнофункционального развития, детерминизма и субъектности. Принцип субъектности в этнофункциональной парадигме операционализируется введением

понятия архегении личности, этносреды и этносферы, определяющего, с одной стороны источник активности (энергии), а с другой – идеальный прообраз их естественного развития. Реализация указанных принципов осуществляется не только в теоретических разработках, но и в практических рекомендациях для образования, психотерапии и психопрофилактики, а также в области общественно-исторического развития (этнофункциональная историческая психология) (на данный момент в качестве проекта). Эти рекомендации разрабатываются на основе этнофункциональных критериев, опирающихся, в первую очередь, на достижения гуманитарной деятельности человека в соответствующих науках и культуре.

Прикладное значение этнофункционального метода в психологии состоит также в том, что сформулирован и в определенной мере реализован *этнофункциональный принцип систематики расстройств*: психических, психосоматических и социально-нравственных (духовных). В соответствии с указанным принципом разработана операционализированная система способов дифференцированного учета духовного содержания и всего гуманитарного потенциала науки и культуры – истории, филологии, литературы, сферы искусства и пр., а также содержания природно-климатических, биологических факторов (т. е. этносреды в целом) для целей воспитания, психотерапии и профилактики психических расстройств и социально отклоняющегося поведения.

В частности, этнофункциональные различия в развитии образной сферы пациентов, страдающих различными типами зависимостей, накладывают определенный отпечаток на специфику психотерапии и психопрофилактики каждого типа зависимости. Результаты этнофункциональных исследований могут пролить определенный свет на возможные изменения в этнофункциональном содержании программ обучения в детских садах, общеобразовательных школах с целью осуществления первичной психопрофилактики наркозависимостей без уже набивших нашей молодежи оскомину заклинаний о вреде наркотиков, алкоголя и табакокурения. Полученные результаты открывают перспективу психопрофилактики наркотизма посредством гуманитарных *этнофункциональных психолого-педагогических технологий*, учитывающих не только этносредовую последовательность, но и образное содержание этапов обучения и воспитания молодежи в образовательных и лечебных учреждениях.

В общеметодологическом плане этнопсихологический подход (основанный на традиционной этнической парадигме) является

частным случаем похода этнофункционального (при количестве этнодифференцирующих элементов в исследуемом объекте, стремящемся к нулю). При этом этнофункциональный подход связан с этнологическим (этнопсихологическим), т. е. с типологическим подходом, методологическим *принципом дополнительности* (Н. Бор). Применение взаимодополнительных этнофункционального и этнопсихологического (типологического) подходов к изучению развития системы «личность – этносреда – этносфера» позволяет осуществлять «тонкую дифференциацию» в процессе управления межэтническими взаимодействиями не на жестко-типологической, а на гибкой системной основе.

Очевидно, что имеющиеся подходы в решении межнациональных, культурных, конфессиональных и цивилизационных взаимодействий недостаточно эффективны: системный кризис планеты, непосредственно касающийся каждого жителя Земли, как теперь очевидно, лишь нарастает.

В этой ситуации все более возрастает потребность в реальном инструменте решения проблем, порождаемых современным системным не только этносредовым, но и этносферным кризисом в целом. Ключевым фактором устойчивого развития системы «личность – этносреда – этносфера» является образование. Этнофункциональный подход может служить достаточно общей и в то же время глубоко операционализированной гуманитарной технологией наследования личностью культуры и этносреды в целом для достижения устойчивого развития этносферы планеты.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

Архегения (от др.-греч. *архе* – «первоначальный, древний» и *генос* – «род, рождение») – введенное нами философское понятие, определяемое как идеальный прообраз развития (по аналогии с «пределом становления вещи» – определение «эйдоса» по Платону). Обобщенный «идеальный прообраз развития» впервые закреплен нами в понятии «архегении» как «эйдосе развития» (противоположное понятие: **анархегения**). **Архегению** мы понимаем как *естественное* развитие вещей.

Архегеничная личность (архегеничная направленность личности) – направленность на духовное (трансцендентное) и др. этноинтегрирующее содержание архегении этносреды своего рождения, на восстановление пространственной и исторической целостности личности, а также на повышение степени организации психики, адаптационного потенциала и творческих возможностей личности (за исключением различных вариантов **этнофункционального вырождения** и миграций, которые требуют отдельного рассмотрения).

Анархегения (от др.-греч.: *ан* – приставка, выражающая отрицание + *архегения*) – реальный образ развития вещей в отличие от **архегении** характеризуется определенными отклонениями от идеального прообраза развития.

Анархегеничная личность (анархегеничная направленность личности), напротив, характеризуется, прежде всего, направлен-

ностью на трансцендентное этнодифференцирующее содержание архегении чуждой этносреды (или на исторически не существующую «**виртуальную этничность**»), снижает степень организации психики; способствует расстройству психики и снижению адаптационных возможностей личности.

Ведущее образное содержание стадий этнофункционального развития личности и этапов развития этносреды – система образов (**ментальность**), выполняющая основную регулирующую функцию на определенном этапе исторического развития этносреды и на соответствующей стадии этнофункционального развития личности. Ведущее образное содержание того или иного этапа исторического развития может определяться *методом историко-психологической реконструкции* (см.: Кольцова, 2004а).

Воспитание определяется как деятельность по обеспечению наследования, усвоения личностью содержания архегении родной этносреды. Эта деятельность осуществляется совместно учеником и учителем, причем она направляется учителем, который дает возможность ученику осознать это содержание посредством «напоминания» или «маевтики» (в смысле Платона – помощь при рождении уже predeterminedного, буквально: «повивальное искусство»). В процессе правильного воспитания формируется архегеничная направленность личности. Формирование **ментальности** или системы отношений личности к архегении этносреды осуществляется в **оптимальные** возрастные периоды (это важно для психопрофилактики), если позже – то этот процесс, по существу, является **психотерапией**.

Духовное содержание личности или этносреды мы рассматриваем как *трансцендентное* содержание, **источник и цель** активности личности и этносреды. Исключения составляют отдельные случаи **этнофункционального вырождения** личности и этносреды, а также изменения реальной этносреды конкретного человека вследствие миграций и т. д. Противоречие между духовным содержанием личности (**этносреды**) и соответствующей **ментальностью** является *движущей силой* их развития.

Закон этносредовой непрерывности расширения ментальности личности – в соответствии с последовательностью стадий

этнофункционального развития в процессе созревания личности происходит нарастание возможностей культурно-психологического и природно-биологического взаимодействия личности, так и различных этносред. Личность не может перейти к общечеловеческой (этносферной) **ментальности**, минуя местную – краеведческую, этническую, суперэтническую и т. д. Этносредовый (в т. ч. географический) ареал системы отношений личности (ее образной сферы) является относительно узким на ранних стадиях ее этнофункционального развития, на последующих стадиях данный ареал расширяется.

Идеальной целью воспитания и обучения является наследование личностью **архегении** этносреды ареала ее рождения и проживания.

Историческая этнофункциональная психология понимается как наука об общих закономерностях развития системы субъектных взаимоотношений, также развития **ментальности** личности и этносреды в определенном этногенезе и этносфере в целом. Содержание отношений личности определяется развитием взаимосвязанных элементов ее этносреды и активностью личности, структурирующей эти отношения. Принцип этнофункциональной субъектности в этнофункциональной исторической психологии выступает, с одной стороны, как активность личности, а с другой – как активность субъекта исторического развития – этносреды. Не каждая личность обладает субъектной активностью, как и не каждая общественная система или этносреда является субъектом исторического развития.

Культура (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование) понимается нами как определенный тип организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда в системе общественных норм и учреждений, в ценностях, в совокупности отношений людей к природе, к себе, к другим людям, религиозных представлений и т. д. Культура антропогенна – в ней фиксируется качественное своеобразие исторически конкретных форм этой жизнедеятельности – этнических общностей, этапов развития.

Ментальность – образная сфера личности или этносреды (как социальные представления). В этнофункциональном подходе

ментальность (*этноментальность*) рассматривается с точки зрения **этнической функции** ее элементов (т. е. отдельных образов и их модальностей – эмоциональной, моторной и др.).

Нарушения этнофункционального развития личности могут быть классифицированы следующим образом (расположены в соответствии с нарастанием степени их дезадаптирующего влияния на личность): 1. *Этнофункциональное рассогласование* элементов образного содержания стадий развития личности с архегенией этносреды ее рождения. Эмпирические исследования (в русской этносреде) показывают, что данное нарушение связано с формированием личностной тревоги (в ряде случаев – ведущего тревожного патологического аффекта). 2. *Нарушение последовательности* стадий этнофункционального развития личности (по **этнофункциональным критериям**, учитывающим архегению этносреды рождения личности), например, путем «*замещения*» сказочно-мифологической стадии – религиозно-этической. То же происходит, если вместо определенных усилий по нравственному воспитанию на религиозно-этической стадии психического развития ребенку предлагаются «технологические» компьютерные игры и т. п., относящиеся к стадии просвещения (данное нарушение также связано с формированием ведущего тревожного аффекта). 3. «*Задержка*» стадии развития имеет место чаще всего как задержка начала природной (после 5 лет), сказочно-мифологической (после 5 лет) и (или) религиозно-этической стадий (с 9 лет) после **оптимального возрастного периода** для соответствующих стадий (связано со снижением энергетического потенциала личности и формированием тоскливого ведущего аффекта). 4. «*Выпадение*» той или иной стадии развития личности. «*Выпадение*» природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий является наиболее патогенной степенью нарушения этнофункционального развития личности и связано с выраженным снижением ее энергетического потенциала и формированием ведущего апатического аффекта.

Оптимальные периоды этнофункционального развития личности – эмпирически выявленные для конкретной этносреды возрастные периоды, оптимальные для *начала* стадий развития личности, собственно развитие на каждой стадии может продолжаться в течение всей жизни человека. Для русской этносреды

оптимальный период начала природной стадии – от 0 до 5 лет; сказочно-мифологической 2–5 лет; религиозно-этической – 6–8 лет; стадии просвещения (научно-познавательной) – 7–9 лет.

Психотерапия – восстановление системы отношений личности к **архегении этносреды** ее рождения проживания (за исключением случаев миграций и **этнофункционального вырождения**, которые рассматриваются специально), осуществляемое позже оптимальных возрастных периодов. В целом такое восстановление представляет собой этап *этногерменевтики*, на котором постепенно возрастает *энергетический потенциал личности*. На этапе *этнодиссонанса* осуществляется осознание **этнофункционального личностного конфликта**, в результате чего может происходить более или менее резкое увеличение *энергетического потенциала* данной личности в зависимости от уровня разрешения конфликта. Вариантом этнодиссонанса является применяемый в гипноидном состоянии *метод этнофункциональной иммунизации*, например, переживание и осознание пациентом диссонанса образов, связанных с собственной «основной симптоматикой», и образов родной этносреды.

Структурированное этнофункциональное интервью – ведущий метод психодиагностики в этнофункциональной психологии. Представляет собой вариант клинического метода (субъективного анамнеза В. Н. Мясищева), выявляющего направленность личности (архегеничную или анархегеничную), образное содержание и структуру **этноида**, т. е. *внутреннюю картину этнофункционального развития личности* как когнитивно-аффективный след процесса этого развития, сохранившегося в психике человека.

Эйдос – категория философии Платона. Означает идеальный прообраз вещи – «предел становления вещи».

Энергия личности – способность совершения работы переживания. *Энергетический потенциал* личности (величина запаса ее энергии) зависит от психического и духовного содержания системы ее отношений. Возрастание этого потенциала возможно лишь при условии архегеничной направленности личности. *Источником энергии* и условием повышения энергетического потенциала личности является ее **этноинтегрирующее**

трансцендентное (**духовное**) содержание (**этнодифференцирующее** трансцендентное содержание является причиной снижения энергетического потенциала личности и этносреды в целом).

Энергия этносреды – способность этносреды конструктивно преодолеть кризисные этапы развития, т. е. не только сохраняя свою целостность, но и повышая степень собственной организации. Уровень энергетического потенциала этносреды повышается со степенью ее организации. Возрастание этого потенциала возможно лишь при условии направленности развития этносреды на ее архегению (трансцендентное содержание). Снижение энергетического потенциала этносреды сопровождается процессом ее **этнофункционального вырождения**. Если в структуру конкретной этносреды устойчиво и неизменно включены определенные этнодифференцирующие элементы, то можно говорить об *этнофункциональном дефекте* этносреды, ее распаде в целом или в определенном отношении.

Этническая маргинальность личности – понятие, введенное нами в 1996 г.; отражает нарастающую этнофункциональную множественность (этнофункциональную психическую неоднородность) личности в современном мире и прежде всего неоднородность содержания системы ее отношений не только к культурно-психологическим феноменам, но к этносреде в целом. Понятие «этнической маргинальности личности» существенно отличается от понятия «маргинального человека» («культурного» и/или «расового гибрида») (Stonequist, 1960) или культурной маргинальности М. Беннета (Bennett, 1986) (т. к. учитывается климато-географический фактор), от представления об «этнопсихологической двойственности» личности («двойственной» этнической идентичности) (Мулдашева, 1991) и от представления об индивидах с «маргинальной этнической идентичностью, которые балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них (Стефаненко, 1999, с. 233) (в нашем подходе учитывается множественность возможных этнодифференцирующих включений – природно-биологических, культурно-психологических, трансцендентных).

Этническая парадигма (парадигма по-древнегречески – пример, образец) – представление о «первостепенной важности этнических

форм общности в жизни людей» как идеальной модели общественных отношений (Козлов, 1995, с. 95).

Этнической функцией наделяются все элементы **этносреды**. В психологии этнической функцией наделяются элементы образной сферы личности или этносреды и различные модальности образов. Этническая функция может принимать *этноинтегрирующее* или *этнодифференцирующее* значение, объединяющее или разъединяющее человека и личность с той или иной этносредой.

Этничность человека – целостность телесного, психического и духовного (трансцендентного) содержания, идеальный прообраз и итог развития этносреды природного ареала его рождения. Этничность человека характеризуется группами этнических признаков (они же – элементы **этносреды**) – климато-географических (в том числе растительность, животный мир), расово-биологических, культурно-психологических и трансцендентных (Бог, различные феномены, не представленные в эмпирическом опыте). Этническая идентификация личности представляет собой процесс уподобления ее **этноиду** идеальному прообразу развития этносреды природного ареала рождения данной личности (*архегенни* этносреды), а этническая идентичность понимается как номинальное отнесение себя к тому или иному этносу.

Этноид – образная сфера личности, элементы которой рассматриваются с точки зрения их **этнической функции**; система реальных отношений личности ко всем возможным этническим признакам, включая отношение к трансцендентной сфере, а также обобщенный этнический признак (собственную этничность по самоопределению). Этноид имеет как пространственную (отношения к элементам **этносреды** – различным группам этнических признаков), так и историческую (временную) составляющую (развитие отношений к содержанию исторических этапов развития этносреды отраженных в онтогенезе личности). Этноид представляет собой субъективный образ этносреды, который может не соответствовать ни одному из исторически существующих этносов (так называемая *виртуальная этничность* – например «я – марсианин» или «я – гиперборец»).

Этносреда – внутренняя (психика и антропо-биологические характеристики человека), внешняя (природно-климатическое – ландшафт, животный и растительный мир и пр., и социокультурное окружение человека, т. е. «мир чувственного опыта») среда, а также трансцендентная сфера (Бог, различные духовные феномены). С позиций **этнофункциональной парадигмы** каждый элемент этносреды наделяется **этнической функцией**. Идеальные прообразы конкретных этносред (архегении этносред) содержат только *этноинтегрирующие, а реальные этносреды* – как этноинтегрирующие, так и *этнодифференцирующие* элементы. В эмпирических исследованиях, описанных в настоящей книге, смысл понятий «этнические признаки» и «элементы этносреды» совпадает.

Этносфера – система этносред планеты. Л. Н. Гумилев, впервые введший это понятие, определял его как сочетание всех существующих этноландшафтных целостностей – этносов и их этноценозов. По Л. Н. Гумилеву, этноценоз – это геобиоценоз (В. И. Вернадский), к жизни в пределах которого адаптировалась этническая система, выступая в качестве верхнего, завершающего звена.

Этнофункциональная архегения личности (тождественна понятию «*архегения этносреды*», т. е. идеальному прообразу *развития этносреды*) – означает идеальный прообраз развития личности в конкретной этносреде, трансцендентный по отношению к личности. Является идеальным прообразом целостного *духовного и психического здоровья* личности. Напротив, *степень выраженности этнофункциональной анархегении личности* может определяться, например, количеством различных **нарушений этнофункционального развития личности**. Эта степень является признаком психической дезадаптированности человека, его психического нездоровья, нравственно или общественно отклоняющегося поведения и внутренней несогласованности различных сторон системы отношений личности.

Этнофункциональная парадигма в психологии (этнофункциональная психология) является дальнейшим развитием **этнической парадигмы** в психологии (этнопсихологии) – последняя является частным случаем этнофункциональной парадигмы. Этнофункциональная парадигма связана с этнической парадигмой

методологическим принципом дополнительности (Н. Бор). Этнофункциональная парадигма более адекватна для описания современного человека и его личности вследствие крайней «этнокультурной мозаичности» (В. А. Тишков) современного мира, этнической маргинализированности личности, вследствие учета влияния **этнической функции** каждого элемента **этносреды** на развитие личности и этносреды в целом.

Этнофункциональное вырождение – процесс, при котором количество *этнодифференцирующих* элементов в системе отношений личности или этносреды нарастает, и в итоге они «эндогенизируются», становятся внутренне присущими ей, не взаимодействуя с целостной личностью. Итог процесса этнофункционального вырождения можно определить как *этнофункциональный дефект* личности или этносреды в целом либо, в определенном отношении.

Этнофункциональное межэтническое взаимодействие в отличие от «узкого» типологического понимания межэтнического взаимодействия как контакта этнофоров или этносов предполагает учет не только расово-биологических, культурно-психологических, конфессиональных различий конкретных этнофоров или этносов, но и системного взаимодействия между всеми элементами взаимодействующих этносред (климато-географическими, социокультурными расово-биологическими, природно-биологическими – животный и растительный мир, трансцендентными).

Этнофункциональное развитие личности осуществляется в процессе повторения общего плана исторического развития этносреды (последовательности и содержания его этапов) рождения личности (отдельно рассматриваются случаи миграции и *этнофункционального вырождения личности*). В частности, в развитии русской этносреды можно выделить соответствующие его историческим этапам стадии развития личности: «доисторическая», природная, сказочно-мифологическая, религиозно-этическая, просвещения, синтеза (соответствует современному этапу) и стадия мудрости. Каждая стадия характеризуется **ведущим образным содержанием** и определенным взаимодействием когнитивной, эмоциональной и моторной сторон отношений, выполняющим регулирующую функцию.

Этнофункциональное рассогласование отношений личности проявляется как их взаимно этнодифференцирующее образное содержание (или его модальностей – эмоциональной, когнитивной и др.), либо как нарушение **этнофункционального развития данной личности**.

Этнофункциональные критерии соответствия элементов «образной сферы личности» идеальному прообразу конкретной этносреды опираются на результаты исследований и оценки компетентных представителей наук о человеке – этнологии, культурологии, истории, филологии, литературоведения, искусствоведения, биологии, медицины и др. Эти критерии определяют этноинтегрирующую или этнодифференцирующую функцию того или иного элемента **этносреды** или этапа ее развития, а также содержание и последовательность стадий **этнофункционального развития личности**.

Этнофункциональные личностные конфликты – личностные конфликты, обусловленные наличием этнофункциональных рассогласований в образном содержании системы отношений личности и/или между содержанием отношений личности и архегенией ее этносреды (в том числе **нарушениями этнофункционального развития личности**). Разрешение этих конфликтов осуществляется в процессе работы переживания (Ф. Е. Василюк) в соответствии с последовательно возрастающими уровнями этого разрешения (возможно одновременное разрешение по различным уровням в различных отношениях личности к этносреде – к природе, людям, профессии, мировоззрению и пр.) – 1) *распад личности*, 2) *задержка развития*, 3) *наследование личностью родной этносреды*, 4) *творчество* (нравственно положительное у архегеничной личности и нравственно отрицательное – у анархегеничной). Более высокий уровень разрешения конфликта придает личности *больший энергетический потенциал* (на уровнях с 1 по 3, а на (4) *творческом* уровне – только у *архегеничной личности*).

Этнофункциональный глобализм – концепция, являющаяся *альтернативой глобалистским жестко-тоталитарным концепциям*, узурпирующим в своих целях понятия «свободы», «равенства возможностей» и др. и опирающимся, как правило, на военно-экономическое доминирование. В отличие от указанных

тоталитарных концепций она основывается на особой «этно-функциональной идеологии» как стратегии информационных воздействий (политических, культурно-коммуникационных, торговых, экологических и пр.), направленных на разработку механизмов сбалансированного взаимодействия этнодифференцирующих и этноинтегрирующих элементов этносред в системе этносферы.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова-Славская К. А.* Российский менталитет. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 1996.
- Абульханова-Славская К. А.* Проблема личности в психологии // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 319–320.
- Абрамов А. И.* Оценка философии Платона в русской идеалистической философии // Платон и его эпоха / Под ред. Ф. Х. Кессиди. М.: Наука, 1979. С. 212–338.
- Авцын А. П.* Введение в географическую патологию М.: Медицина, 1972.
- Александровский Ю. А.* Состояния психической дезадаптации и их компенсация. М.: Медицина, 1976.
- Алексеева Т. И.* Проблема биологической адаптации и охрана здоровья населения // Антропология – медицине. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 16–37.
- Алман Б. М., Ламбру П. Т.* Самогипноз. М.: Класс, 1995.
- Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды. Т. 1. М.: Педагогика, 1980. С. 19, 38–45.
- Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Еминов В. Е.* Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996.
- Анцыферова Л. И.* Психологическое содержание феномена «субъект» и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема

субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С. 27–42.

Аптер М. Кибернетика и развитие. М.: Мир, 1970.

Аристотель. Поэтика // Риторика. М.: Лабиринт, 2000.

Арнольдов А. И., Батунский М. А., Межуев В. М. Культура // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.

Арутюнов С. А., Богина Ш. А. Маргинальность этнокультурная // Этнические и этносоциальные категории. М.: ИЭА РАН, 1995.

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М.: Художественная литература, 1977.

Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. М.: Наука, 1964.

Аткинсон Р. Мысли о неммыслимом // Спиной к глобальным проблемам. М.: Прогресс, 1986. С. 35–48.

Баграмов Э. А. Нация и национальная психология // Евразия: Народы. Культуры. Религии. 1993. № 1. С. 8–14.

Бальчунене И. А. Связь морфологической формы моляров с кариесом и первичная его профилактика // Антропология – медицине / Под ред. Т. И. Алексеевой). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 228–233.

Басилов В. Н., Логашова Б. Р. (ред.) Ислам и народная культура. М.: КМЦ «Народы и культуры» ИЭА РАН, 1998.

Белик А. А. Психологическая антропология: некоторые итоги развития // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиск, решения. М.: Наука, 1991.

Белый Б. И. Тест Роршаха. Практика и теория. СПб.: Дорваль, 1992.

Берг Л. С. Гомогенез. Пг.: 1922. С. 180–181.

Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: ИМА-ПРЕСС, 1990.

Березин Ф. Б. Некоторые механизмы интрапсихической адаптации и психосоматическое соотношение // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 2. Тбилиси: Мицниереба, 1978. С. 281–291.

Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. М.: Наука, 1988.

Беспалько И. Г., Раева М. Н. О применении метода Роршаха в изучении возрастных особенностей психического развития // Медико-

психологические аспекты реабилитации детей с психическими заболеваниями. Л.: Медицина, 1978. С. 22–23.

Бехтель Э. Донозологические формы злоупотребления алкоголем. М.: Медицина, 1986.

Битадзе Л. О., Руднева Е. Г. Состояние дерматоглифики у больных с артериальной гипертензией // Антропология – медицине / Под ред. Т. И. Алексеевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 221–228.

Бец Л. В. Гормональная характеристика лиц с некоторыми эндокринными патологиями // Антропология – медицине / Под ред. Т. И. Алексеевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 136–157.

Библейская энциклопедия. М.: Терра, 1990. С. 103.

Блауберг И. В., Юдин Б. Г. Понятие целостности и его роль в научном познании. М.: Наука, 1972.

Блейхер В. М., Крук И. К. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. С. 21, 35, 624.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986.

Блок М. Феодалное общество. М.: Изд-во Сабашниковы, 2003.

Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Педагогика, 1968. С. 200.

Божович Л. И. Проблемы формирования личности. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1997. С. 245–271.

Бойко Е. И. Механизмы умственной деятельности. М.: Педагогика, 1976.

Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.

Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина. М.: Гэотар медицина, 1999.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983

Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Человечество – это народы. М.: Мысль, 1990.

Брушлинский А. В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997. С. 256–257.

Брюн Е. А. Введение в антропологическую наркологию // Вопросы наркологии. 1993. № 1. С. 72–78.

- Брюн Е. А.* Эко-культурные основы смыслообразования и психоактивные вещества // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. С. 311–334.
- Будыко М. И.* Глобальная экология. М.: Наука, 1983.
- Бунак В. В.* Человеческие расы и пути их образования // Советская этнография. 1956. № 1. С. 86–105.
- Бурлачук Л. Ф., Грабская И. А., Кочарян А. С.* Основы психотерапии. М.: Алатайя, 1999. С. 118.
- Бусыгина Н. П.* Холистическая модель болезни как основа практической деятельности психолога в онкологической клинике // Вопросы онкологии. 2000. Т. 46. С. 485–489.
- Бухарева С. Л.* Особенности формирования этнической идентичности у подростков в этнически ориентированных учебных центрах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2005.
- Васильюк Ф. Е.* Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Вачков И. В.* Любимые и нелюбимые сказки // Школьный психолог. 2002. № 10. С. 16.
- Венгер А. Л., Слободчиков В. И., Эльконин Б. Д.* Проблемы детской психологии и научное творчество Д. Б. Эльконина // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 20–29.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 280, 600–624.
- Вернадский В. И.* Введение в геоигиену. М.: Наука, 1966.
- Вернадский В. И.* Биосфера. М.: Наука, 1967.
- Вертоградова О. П.* Депрессия как общемедицинская проблема // Медицина для всех. 1997. № 2 (4). С. 2–9.
- Вертоградова О. П. и сопр.* Психопатологические критерии диагностики депрессий. М.: Минздрав СССР, 1980.
- Веселкин Е. А. Стоунквист Э. В.* // Современная зарубежная этнопсихология. М.: ИНИОН РАН, 1979. С. 90–113.
- Волков Е. Н.* Консультирование жертв интенсивного манипулирования психикой: основные принципы, особенности практики // Журнал практического психолога. 1997. № 1. С. 102–110.
- Волошин В. М.* Депрессия: психопатология, патогенез. М.: Изд-во Бинум, 1980. С. 40–46.

- Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: 1912.
- Выготский Л. С. К вопросу о динамике детского характера // Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1983. С. 153–165.
- Выготский Л. С. Кризис семи лет // Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 382–383.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Избранные психологические исследования М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.
- Выготский Л. С. Проблемы культурного развития ребенка // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. №4. С. 5–18.
- Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М.: Педагогика, 1960. С. 60.
- Выготский Л. С. Инструментальный метод в психологии // Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 107.
- Выготский Л. С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Собр. соч. В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 337.
- Выготский Л. С. Moral insanity // Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1983. С. 150–152.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. М.: Педагогика-пресс, 1993.
- Выдрина Е. А. Этнофункциональный аспект возникновения легкой умственной отсталости и дошкольников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2007.
- Гадамер Г. Г. Введение к истоку художественного творения // Мартин Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
- Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1, 2. М.: Изд-во ИНДРИК, 2000.
- Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1966.
- Гаспаров М. Л. Поборник классического образования // Русская словесность. 1993. №1. С. 13.
- Гачев Г. Д. Наука и национальная культура. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992.
- Геккель Э. Современные знания о филогенетическом развитии человека. СПб.: 1909.

- Генон Р. Кризис современного мира. М.: Арктогея, 1991.
- Гнездилов А. В. Авторская сказкотерапия. Дым старинного каминна (сказки доктора Балуг). СПб.: Речь, 2004.
- Голд Дж. Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990.
- Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
- Гостев А. А. Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Изд-во «Генезис», 2008.
- Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. С. 233–241.
- Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Издательская группа Прогресс, 1993. С. 540–542.
- Гуревич А. Я. История и психология // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 4. С. 3–16.
- Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005. С. 407–427.
- Гусельцева М. С. Образование и общество: духовно-гуманистическая парадигма // Журнал прикладной психологии. 2003. № 1. С. 16–25.
- Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. М.: Медгиз, 1947.
- Давыдов Ю. Н. Кризисное сознание // Современная западная социология. М.: ИПЛ, 1990. С. 143–144.
- Давыдов Ю. Н. Номотетический метод // Современная западная социология. Словарь. М.: ИПЛ, 1990. С. 227–228.
- Давыдовский И. В., Снежневский А. В. О социальном и биологическом в этиологии психических болезней // Социальная реадaptация психических болезней. М.: Медицина, 1965. С. 11.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
- Данилин А. Г., Данилина И. В. Советы врачей для подростков и их родителей. М.: Центрполиграф, 2000.
- Дарвин Ч. Выражение эмоций у животных и человека. Соч. В 9 томах. М.: АН СССР, 1953.
- Дашковский П. К. К вопросу о соотношении категорий «менталитет» и «ментальность»: историко-философский аспект. 26.10.2007 // Ирбис, сервер электронных публикаций ММЦ АГУ (<http://irbis.asu.ru/mmc/6.ru.shtml>).

- Дебец Г. Ф. О принципах классификации человеческих рас // Советская этнография. 1956. № 4. С. 135–136.
- Дильман В. М. Эндокринологическая онкология. Л.: Медицина, 1983.
- Дмитриев Г. Д. Мультикультурное образование. М.: «Народное образование», 1999.
- Долгущиц Л. А., Мельников И. А. Планета иммигрантов. М.: Молодая гвардия, 1990.
- Доржиева Т. В. Психологическое исследование роли этнических традиций в развитии творческого потенциала детей в младшем школьном возрасте: Автореф. дис... канд. психол. наук. М.: 2000.
- Дурандина А. И., Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Факторы формирования наркоманий и проблемы ранней диагностики // Алкоголизм и неалкогольные токсикомании. М.: МЗ РСФСР, 1980. С. 38–41.
- Душков Б. А. География и психология. М.: Мысль, 1987.
- Дымчиков А. А., Манжеев А. С. Эпидемиология психических расстройств в Бурятии // Психиатрия в контексте культуры / Под ред. В. Б. Миневича. Вып. 1. Этнопсихиатрия. Москва-Томск-Улан-Удэ: МЗ РФ СГМУ, МЗ Бурятии, 1994. С. 135–142.
- Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб., 1912.
- Дюркгейм Э. Социология преступности. М.: Мысль, 1966.
- Дьяченко О. М. Об основных направлениях развития воображения дошкольника // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 52–59.
- Еременко И. Г. Олигофренопедагогика. Киев: Вища Школа, 1985.
- Еремин Г. И. Этнопсихология и другие науки // Современная зарубежная этнопсихология. М.: ИНИОН РАН, 1979. С. 193–229.
- Ересько Д. Б., Исурина Г. Л. и др. Алекситимия и методы ее определения при пограничных психосоматических расстройствах. Методические рекомендации. СПб.: Психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, 1994.
- Ефимов Г. В. Ихэцзянь // БСЭ, 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т. 11. С. 59.
- Железняк Л. С., Карвасарская И. Б., Марцинкевич Н. Е. Опыт включения детей с проблемами развития в состав психотерапевтических групп // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1993. № 1. С. 103–104.
- Загвязинский В. И., Атаханов Р. Методология и методы педагогического исследования. М.: Academia, 2001.

- Запорожец А. В.* Избранные психологические труды. Т. I. М.: Педагогика, 1986. С. 248–254.
- Запорожец А. В.* Психология восприятия сказки ребенком-дошкольником // Дошкольное воспитание. 1948. № 9. С. 34–41.
- Звягельский М. А.* Клинико-психопатологические особенности и течение маниакально-депрессивного психоза с континуальным течением: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М.: 1988.
- Зеньковский В. В.* Педагогика. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1996.
- Зеньковский В. В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Школа пресс, 1996.
- Зеньковский В. В.* Психология детства. Екатеринбург: Деловая книга, 1995.
- Зинкевич-Евстигнеева Т. Д.* Практикум по сказкотерапии. СПб.: Речь, 2005.
- Зорин В. К.* Встань и ходи. М.: Русский хронографъ, 2001.
- Зубов А. А.* Этническая одонтология. М.: Наука, 1973.
- Изард К.* Эмоции человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Ингель Ф. И., Ревазова Ю. А.* Модификация эмоциональным стрессом мутагенных эффектов ксенобиотиков у животных и человека // Исследования по генетике. 1999. Вып. 12. С. 86–103.
- Исаев Д. Н.* Психопрофилактика в практике педиатра. Л.: Медицина, 1984.
- Исаев Д. Н.* Психосоматическая медицина детского возраста. СПб.: Специальная литература, 1996.
- Исаев Д. Н.* Психосоматические расстройства у детей. СПб.: Питер, 2000.
- Исаев Д. Н.* Умственная отсталость у детей и подростков. СПб.: Изд-во Речь, 2003.
- Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. М.: Правда, 1989. С. 171–256.
- Казначеев В. П.* Биосфера и адаптация. Новосибирск: АН СССР, 1973.
- Калайков И.* Цивилизация и адаптация. М.: Прогресс, 1984.
- Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. М.: Изд-во Мысль, 1964.
- Карабущенко П. Л., Карабущенко Н. Б.* Психологические теории элит. М.: Памятники исторической мысли, 2006.

- Карамян А. И.* Закон рекапитуляции и его значение в морфофункциональной эволюции головного мозга позвоночных // *Нейронные механизмы развивающегося мозга* / Под ред. К. В. Шулейкина и С. Н. Харютина. М.: Наука, 1979. С. 7–14.
- Карвасарский Б. Д.* Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер, 1998. С. 707.
- Катаева А. А., Стребелева Е. А.* Дошкольная олигофренопедагогика. М.: Просвещение, 1988.
- Кербиков О. В.* Избранные труды. М.: Медицина, 1971.
- Керлот Х. Э.* Словарь символов. М.: Relf-Book, 1994.
- Кисинг Р. М., Кисинг Ф. М.* Новые перспективы культурной антропологии // *Современная зарубежная этнография*. М.: ИНИОН РАН, 1979. С. 61–77.
- Ключевский В. О.* Краткое пособие по русской истории. М.: Прогресс-Пангея, 1906.
- Ключевский В. О.* Курс лекций русской истории. Ч. I–IV. М.: Соцэкгиз, 1937.
- Ковалев В. В.* Психиатрия детского возраста. М.: Медицина, 1995. С. 22–23.
- Ковалев В. В.* К клинической дифференциации психогенно обусловленной патологии поведения у детей и подростков в связи со школьной дезадаптацией. // *Дети с временными задержками развития*. М.: Педагогика, 1971. С. 20–25.
- Ковалев В. В.* Семиотика и диагностика психических заболеваний у детей и подростков. М.: Медицина, 1985.
- Ковалев В. В.* Соматический и психосоматический аспекты депрессий у больных общесоматической практики // *Депрессии в амбулаторной и общесоматической практике*. М.: Медицина, 1984.
- Козлов В. И.* Этнос // *Этнические и этносоциальные категории*. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 6. С. 151–153.
- Козлов В. И.* О понятии этнической общности // *Советская этнография*. 1967. № 2. С. 110.
- Козлов С. Я.* Расизм // *Этнические и этносоциальные категории*. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 6. С. 108–112.
- Колегова В. А.* Узловые вопросы организации психоневрологической помощи детям и подросткам с пограничными нервно-психическими заболеваниями // *Неврозы и нарушения характера у подростков*. М.: 1973. С. 170–183.

- Кольцова В. А.* Историческая психология: предмет, структура и методы / Под ред. проф. А. А. Королева. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2004а. С. 32–64.
- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004б.
- Кольцова В. А.* История психологии. Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Кольцова И. Н.* Социокультурные функции сказки: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Нижний Новгород, 2000.
- Кон И. С.* Самоопределение этническое // Этнические и этносоциальные категории. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 6. С. 114.
- Кондратьев Ф. В.* Подсознательные формы коллективного реагирования и поведения в новых «конфессиональных» группах на современном социокультурном уровне // Культуральные и этнические проблемы психического здоровья / Под ред. Т. Б. Дмитриевой и Б. С. Положего. М.: ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, 1996. С. 29–38.
- Корнетов Н. А.* Синхронистический подход к психопатологии и психотерапии психогенных депрессий: от психиатрии и этнографии к психологической антропологии // Психиатрия в контексте культуры / Под ред. В. Б. Миневича. Вып. 1. Этнопсихиатрия. Москва-Томск-Улан-Удэ: МЗ РФ СГМУ, МЗ Бурятии, 1994. С. 143–164.
- Коробейников И. А.* Нарушения развития и социальная адаптация. М.: НИИ психиатрии МЗ РФ, 2002.
- Коробейников И. А.* Особенности социализации детей с легкими формами психического недоразвития: Дис. докт. психол. наук. М.: НИИ психиатрии МЗ РФ, 1997. С. 87.
- Коробкина З. В., Попов В. А.* Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи. М.: Академия, 2002.
- Короленко Ц. П.* Психофизиология человека в экстремальных условиях. Л.: Медицина, 1978.
- Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века / Под ред. П. П. Гайдено и В. В. Петрова. М.: Прогресс-Традиция, 2005.*
- Коул М.* Культурно-историческая психология. М.: Когито-Центр, 1997. С. 55–89.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977.
- Кречмер Э.* Об истерии. СПб.: «Образование», 1996.

- Кудрявцев В. Т.* Развитое детство и развивающее образование: культурно-исторический подход. М.: Исследовательский центр семьи и детства РАО, 1997. Ч. 1. С. 45–67.
- Кудрявцев Т. В.* Психология профессионального обучения и воспитания. М.: Изд-во МЭИ, 1985. С. 79–82.
- Кузнецов Б. Г.* Фундаментальная физическая идея Бора // Нильс Бор. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1967.
- Кулагина И. Ю., Коллюцкий В. Н.* Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека. М.: Сфера, 2001.
- Кульчицкая Е. И.* О развитии чувств // Дошкольное воспитание. 1967. № 4. С. 25–27.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: Изд-во АСТ, 2003.
- Кураев А.* Сатанизм для интеллигенции. Ч. 1, 2. М.: Отчий дом, 1997.
- Курек Н. С.* Дефицит психической активности: пассивность личности и болезнь. М.: ИП РАН, 1996.
- Лазурский А. Ф.* Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997. С. 239–244.
- Лау Исраэль-Мэир.* Практика иудаизма в свете устной Торы. Иерусалим: Модан, 1996.
- Лебедев А. А.* Микрокосмос и макрокосмос // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 362.
- Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросскультурную психологию. М.: Старый сад, 1998.
- Лебедева Н. М.* Социальная психология этнических миграций. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993.
- Лебединский В. В.* Нарушения психического развития у детей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 7–10.
- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 8.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 147–165.
- Лейнер Х.* Кататимное переживание образов. М.: Эйдос, 1996.
- Леонтьев К. Н.* Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. С. 448–503.
- Леопольд А.* Альманах «Сэнд Каунти» // Экологическая антология. М.: Golubka, 1992. С. 47.

- Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1985.
- Личко А. Е., Битенский В. С.* Подростковая наркология. Л.: Медицина, 1991.
- Лобашов М. Е.* Физиологическая (панкреатическая) гипотеза мутационного процесса // Вестник Ленингр. ун-та. Биология. 1947. №8. С. 10–29.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Изд-во «Наука», 1984.
- Лосев А. Ф.* Античная мифология. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957.
- Лосев А. Ф.* История античной философии. М.: Искусство, 1974.
- Лосев А. Ф.* Античная философия истории. М.: Изд-во «Наука», 1977.
- Лось В. А., Урсул А. Д.* Устойчивое развитие. М.: Изд-во Агар, 2000.
- Лурия А. Р.* Психология как историческая наука (к вопросу об исторической природе психических процессов) // История и психология. М.: Наука, 1971. С. 36–62.
- Максимов С. В.* Нечистая сила. М.: Изд-во АСТ, 2000.
- Маудсли Г.* Физиология и патология души. СПб.: 1871.
- Мацумото Д.* Психология и культура. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- Менегетти А.* Онтопсихология: практика и метафизика психотерапии. М.: Онтопсихология, 2003.
- Миго А.* Кхмеры (история Камбоджи с древнейших времен). М.: Наука, 1973.
- Мид М.* Культура и детство. М.: Наука, 1988.
- Миневич В. Б., Баранчик Г. М.* Антропологическая психиатрия // Психиатрия в контексте культуры. Вып. 1. Этнопсихиатрия / Под ред. В. Б. Миневича. Москва-Томск-Улан-Удэ: МЗ РФ СГМУ, МЗ Бурятии, 1994.
- Михайлов М. А.* Психологическая структура и динамика острой эфедриновой и опийной интоксикации: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М.: 1992.
- Моммзен Т.* История Рима. Л.: Лениздат, 1993. Т. 1. С. 179–180.
- Мосолов С. Н.* Клиническое применение современных антидепрессантов. СПб.: Медицинское информационное агенство, 1995. С. 45–65, 78–92.

- Мулдашева А. Б.* Роль этнопсихологической двойственности в межнациональных отношениях: Автореф. дис... канд. психол. наук. М.: 1991.
- Мухаев Р. Т.* Геополитика. М.: ИЗД-ВО ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
- Мухина В. С.* Возрастная психология. М.: Академия, 1998.
- Мэй Р.* Смысл тревоги. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
- Мясищев В. Н.* Психология отношений. М.: Академия педагогических и социальных наук, 1995. С. 15–36, 268.
- Натан Тоби.* Профилактическое просвещение и разнообразие культур // Наркостоп (бюллетень организации «Peddro»): ЮНЕСКО совместно с Европейской комиссией. 1997. № 0. С. 13–15.
- Никольская О. С.* Аффективная сфера человека. М.: Центр лечебной педагогики, 2000. С. 210.
- Нордау М.* Вырождение. М.: Республика, 1995. С. 28.
- Обухов Я. Л.* Символодрама. М.: Эйдос, 1997.
- Обухова Л. Ф.* Возрастная психология. М.: Педагогическое общество России, 2000.
- Обуховский К.* Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1971. С. 177–181.
- Огурцов А. П.* Этнометодология. Современная западная социология. Словарь. М.: ИПЛ, 1990. С. 421–422.
- Ольшанский Д. В.* Адаптация // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 13.
- Орбели Л. А.* Вопросы высшей нервной деятельности. М.-Л.: АН СССР, 1949.
- Орлов А. Б.* Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М.: Логос, 1995.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Осипов В. П.* Курс общего учения о душевных болезнях. Берлин: Госиздат, 1923.
- Палаткина Г. В.* Проблемы мультикультурного образовательного пространства (<http://borytko.nm.ru/papers/subject2/palatkina.htm>), 2008.
- Палаткина Г. В., Миронова Г. В.* Мультикультурное образовательное пространство студентов педагогического колледжа. Астрахань:

ОГОУ СПО Астраханский социально-педагогический колледж
(<http://www.zuka66.narod.ru/conf1/dok/kk40.doc>), 2008.

- Панченко А. А.* Народное православие. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998.
- Пезешкиан Н.* Позитивная семейная психотерапия. М.: Смысл, 1993.
- Петров В. В.* Учение Оригена о теле воскресения в контексте современной ему интеллектуальной традиции // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в античности и в средние века (исследования и переводы) / Под ред. Гайденко П. П., Петров В. В. М.: Прогресс – Традиция, 2005.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994.
- Пирс Дж.* Символы, сигналы, шумы. М.: Мир, 1967.
- Платон.* Соч. М.: Мысль, 1968. Т. 1.
- Платон.* Соч. М.: Мысль, 1970. Т. 2.
- Платонов О. А.* Терновый венец России. М.: Родник, 1998.
- Полищук Ю. И.* Влияние деструктивных религиозных сект на психическое здоровье и личность человека // Журнал практического психолога. 1997. № 1. С. 93–98.
- Поляков В. И.* Маргинальная личность // Современная западная социология. Словарь. М.: ИПЛ, 1990. С. 175.
- Попов Е. В.* Введение в культурологию. М.: Владос, 1995. С. 80–225.
- Попова С. Ю.* Психологические технологии профилактики наркотизации студенческой среды: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2006.
- Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
- Прессель Е.* Терапевтические церемонии в культурах умбанда и вуду // Российский этнограф. 1993. № 20. С. 241–258.
- Психопатологические критерии диагностики депрессий. Методические рекомендации. М.: МЗ СССР, 1980.
- Пушкин В. Н., Завалишина Д. Н.* О механизмах оперативного мышления // Вопросы психологии. 1964, № 3.
- Пятницкая И. Н.* Наркомании. М.: Медицина, 1994.
- Рауш де Траубенберг Н. К.* Тест Роршаха: практическое руководство. М.: Когито-Центр, 2005.
- Резников Е. Н.* Теоретические и методологические проблемы этнической психологии. Минск: Издательский центр БГУ, 2006.

- Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997. С. 247–257.
- Рожков М. И., Ковальчук М. А.* Профилактика наркомании у подростков. М.: 2004.
- Риос М. Д. Де,* Растительные галлюциногены. М.: КСП, 1997. С. 9–26.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Антропология. М.: 1963. С. 321.
- Розанов В. В.* Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990.
- Роршах Г.* Психодиагностика. М.: Когито-Центр, 2003.
- Рубинштейн С. Я.* Психология умственно отсталого школьника. М.: Просвещение, 1986.
- Русский космизм и ноосфера.* Тезисы докладов всесоюзной конференции. Ч. 1, 2. М.: Государственный комитет по народному образованию, 1989. Ч. 1. С. 56, 133, 147, 151.
- Руткевич А. М.* Психоистория Э. Г. Эриксона // Эрик Г. Эриксон. Молодой Лютер. М.: Медиум, 1996. С. 3–22.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. С. 439–458.
- Рыбаков Б. А.* Язычество и древняя Русь. М.: Наука, 1988.
- Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974. С. 163–184.
- Саймонтон К., Саймонтон С.* Психотерапия рака. СПб.: Питер, 2001.
- Самохвалов В. П.* Клинико-эволюционный анализ психопатологии шизофрении. Новосибирск: Наука, 1988.
- Самохвалов В. П.* Филогенетический принцип в анализе психопатологии шизофрении // Генетические и эволюционные проблемы психиатрии / Под ред. В. Г. Колпакова и др. Новосибирск: Наука, 1985. С. 150–174.
- Самуэлс Э.* Юнг и постюнгианцы. М.: ЧеРо, 1997. С. 51–99.
- Саяпина Е. С., Толстороженко М. В.* Популяционно-генетические аспекты вирусных гепатитов // Антропология – медицине / Под ред. Т. И. Алексеевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
- Сегалин Г. В.* Клинический анализ гениальности и одаренности. Т. 2. Вып. 4. Л.: 1926.
- Селье Г.* Очерки об адаптационном синдроме. М.: Наука, 1960.
- Семичов С. Б.* Предболезненные психические расстройства. М.: Медицина, 1987. С. 6–40.

- Семке В. Я.* Этнос и биопсихический конфликт // Психиатрия в контексте культуры. Вып. 1. Этнопсихиатрия / Под ред. В. Б. Миневича. Москва-Томск – Улан-Удэ: МЗ РФ СГМУ, МЗ Бурятии, 1994. С. 86–95.
- Семке В. Я., Галактионов О. К., Гольцова Т. В.* Этническая наркология циркумполярных популяций – «семейная тайна государства»? // Психиатрия в контексте культуры. Вып. 1. Этнопсихиатрия / Под ред. В. Б. Миневича. Москва-Томск-Улан-Удэ: РЦССП им. В. П. Сербского, 1994. С. 215.
- Сетров М. И.* Степень и высота организации систем // Системные исследования. М.: АН СССР, 1968. С. 156–169.
- Сид Дж., Мэйси Дж., Флеминг П., Наэсс А.* Думая как гора. М.: Россия молодая, 1992.
- Скворцов Н. Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Изд-во СПГУ, 1996.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. В. Я. Петрухина.* М.: Эллис Лак, 1995.
- Слободчиков В. И.* Возрастные нормативы и периодизация развития // Культурно-историческая психология развития. Материалы первых чтений памяти Л. С. Выготского, Москва 15–17 ноября 2000 г. М.: Институт психологии им. Л. С. Выготского, 2001. С. 88–93.
- Смирнов А. Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 146–150, 164–168.
- Собчик Л. Н.* Методы психодиагностики. М.: МКЦ ГУТ Мосгорисполкома, 1990. Вып. 2.
- Современная зарубежная этнопсихология.* М.: ИНИОН, ИЭ АН СССР, 1979.
- Соколов Л. В.* Динамика психоневрологических нарушений у детей в процессе адаптации к детскому дошкольному учреждению // Сб. научных трудов Волгоградского мед. ин-та. 1985. №2. Волгоград: Изд-во ВМИ. С. 102–103.
- Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 15 кн. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.
- Сорокин П. А.* Система социологии. М.: Наука, 1993. Т. 1.

- Спенсер Г.* Синтетическая философия. Киев: Ника-Центр, 1997. С. 288–289.
- Спрангер Б.* Ключевые принципы построения профилактических программ для подростков // Вопросы наркологии. 1993. № 3. С. 48–52.
- Спрангер Б.* Анализ состояния обучающих программ «Формирование жизненных навыков» в мире // Вопросы наркологии. 1994. № 1. С. 82–85.
- Степанов И. Л.* Ангедония как диагностический, прогностический и дезадаптирующий фактор при различных типах депрессий (феноменология, динамика, принципы терапии): Дис. ... докт. мед. наук. М.: 2004.
- Степанов И. Л.* Диагностика и лечение депрессий в общесоматической (поликлинической) практике: Дис. ... канд. мед. наук. М.: 1993.
- Стерн В.* Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Пг.: Изд-во газеты «Школа и жизнь», 1915.
- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М.: Изд-во ИП РАН «Академический проект», 1999. С. 233.
- Стефаненко Т. Г., Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н.* Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
- Сусоколов А. А.* Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1990. Вып. 20. С. 5–40.
- Сухарев А. В.* О возможности замещения психологической потребности в алкоголе у подростков // Психологические проблемы антиалкогольного воспитания детей, подростков и юношества. М.: Изд-во АПН СССР, 1987. С. 106–116.
- Сухарев А. В.* Этническая функция культуры и психические расстройства // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 129–137.
- Сухарев А. В.* Этнофункциональный подход к проблемам психопрофилактики и воспитания // Вопросы психологии. 1996. № 4. С. 81–93.
- Сухарев А. В.* Опыт этнофункциональной экспресс-психотерапии эмоциональных и поведенческих расстройств у детей в условиях стационара // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 92–102.
- Сухарев А. В.* Этнофункциональная психотерапия опиоидной наркомании: анализ клинического случая // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 103–113.

- Сухарев А. В. Этнофункциональная психология: исследования и психотерапия. М.: ИЭА РАН, 1998.
- Сухарев А. В. Этнофункциональный подход к проблеме психического развития // Вопросы психологии. 2002. №2. С. 40–57.
- Сухарев А. В., Брюн Е. А. Сравнительное психологическое исследование этнофункциональных рассогласований у страдающих героиновой наркоманией, алкоголизмом и аффективными расстройствами // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 29–36.
- Сухарев А. В., Кравченко О. Ф., Овчинников Е. В., Тимохин В. В., Шапорева А. А., Щербак С. Ю. Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике // Психологический журнал. 2003. Т. 24. №5. С. 68–80.
- Сухарев А. В., Мокина Л. Б. Связь нарушений этнофункционального психического развития у рожениц с наличием у них патологии беременности, родов и неврологических нарушений у младенцев // Журнал прикладной психологии. 2006. № 3. С. 100–102.
- Сухарев А. В., Радионова М. С., Коляда А. К. Методические рекомендации по этнофункциональной психопрофилактике психической дезадаптации у воспитанников детского сада // Журнал прикладной психологии. 2003. № 1. С. 45–60.
- Сухарев А. В., Степанов И. Л. Этнофункциональный подход в психотерапии аффективных расстройств // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 122–133.
- Сухарев А. В., Степанов И. Л. Патент на изобретение № 2157100: «Способ прогнозирования эффективности лечения депрессий трициклическими антидепрессантами» по заявке № 98103040, дата поступления: 09.02.1998. Приоритет изобретения – от 09.02.98 г.
- Сухарев А. В., Степанов И. Л. Этнофункциональный аспект особенностей развития депрессивных расстройств // Журнал прикладной психологии. 2006. № 3. С. 102–113.
- Сухарев А. В., Степанов И. Л., Струкова А. Н., Луговской С. С., Халдеева Н. Н. Этнофункциональный подход к психологическим показателям адаптации человека // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 6. С. 84–96.
- Сухарев А. В., Тимохин В. В., Шапорева А. А. Этнофункциональный подход в детской онкологии // Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 37–51.

- Сухарев Тимохин В. В., Щербакова О. Ф., Иванова Е. В., Латышева А. С., Роцупкина Т. Г. Исследование связи нарушений этнофункционального развития личности с химической зависимостью от некоторых психоактивных веществ // Наркология. 2007. № 1. С. 45–54.
- Сухарева Г. Е. Лекции по психиатрии детского возраста (избранные главы). М.: Медицина, 1974.
- Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
- Сыропятов О. Г. Тоталитарные секты и психическое здоровье нации // Культуральные и этнические проблемы психического здоровья / Под ред. Т. Б. Дмитриевой, Б. С. Положего. М.: ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, 1995. С. 82–86.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.
- Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–20.
- Толкиен Дж. Хранители. М.: Радуга, 1988.
- Тимохин В. В. Этнофункциональный аспект психического развития: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2005.
- Титок К. В. Сравнительное исследование этнической идентичности студентов гуманитарных и технических вузов. Дипломная работа. М.: Государственная академия славянской культуры, 2006.
- Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1. С. 4.
- Тойнби А. Дж. Постыжение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 358–415.
- Тоффлер О. Футуршок. М.: Прогресс, 1973. С. 218.
- Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.
- Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 327–339.
- Туник Е. Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. СПб.: Изд-во Речь, 2006.
- Урсул А. Д. Информация. М.: Наука, 1971.
- Урядницкая Н. А., Бялик М. А., Моисеенко Е. И., Николаева В. В. Особенности психологической адаптации к лечению детей онкопатологией // Вопросы онкологии. 1997. Т. 43. № 4. С. 461–464.
- Ушаков Г. К. Детская психиатрия: учебник для педиатрических медицинских институтов. М.: Медицина, 1973.

- Ушинский К. Д. Воспитание человека: Избранное. М.: Карапуз, 2000.
- Ушинский К. Д. Детский мир и хрестоматия. М.: Лествица, 2000.
- Ушинский К. Д. Родное слово. М.: Лествица, 2000.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. С. 297.
- Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.
- Флоренский П. А. Оправдание космоса. СПб.: РХГИ, 1994. С. 27–60.
- Флоренский П. А. Смысл идеализма. Сергиев Посад: 1914.
- Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1991. С. 166–176.
- Фомина В. Н. Постиндустриальное общество // Современная западная социология. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 270–271.
- Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.
- Фрейд З. Избранное. М.: Внешторгиздат, 1990. С. 445.
- Фрейд З. «Я» и «Оно». Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 2. С. 194, 196.
- Халдеева Н. И. Адаптационно-репродуктивные аспекты антропоэстетики // Этнодемографические особенности воспроизводства народов Севера России. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 225–233.
- Харнер М. Дж. Путь шамана. М.: Палантир, 1994.
- Хвостов А. А. Моральное сознание преступников и законопослушных граждан в сравнительном измерении // Развитие личности. 2002. № 3. С. 91–102.
- Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992.
- Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука, 1983.
- Холл Ст. Эволюция и воспитание чувства природы у детей. СПб.: Изд-во газеты «Школа и жизнь», 1914.
- Хотинец В. Ю. Психологические характеристики этнокультурного развития человека // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 60–72.
- Хрисанфова Е. Н., Титова Е. П. «Эндокринная формула» как конституционный признак в природе развития // Антропология – медицине / Под ред. Т. И. Алексеевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 109–125.
- Целикова В. В. Групповое мышление как механизм влияния на личность в деструктивном культе // Журнал практического психолога. 1997. № 1. С. 98–102.

- Чаклин А. В. География здоровья. М.: Знание, 1986.
- Чебоксаров Н. Н. О специфике расообразования у человека // Советская этнография. 1976. № 1. С. 139–144.
- Чебоксаров Н. Н., Арутюнов С. А. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М.: ИЭ РАН, 1972. Вып. 2. С. 23.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985.
- Чернов Г. Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. Дубна: Феникс+, 2005.
- Черноушек М. Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989.
- Чудова Н. В. Модели мира авторских сказок // Модели мира/Сост. Н. В. Чудова. М.: Российская Ассоциация искусственного интеллекта, 1997. С. 147–157.
- Чуприкова Н. И. Психология умственного развития. М.: Столетие, 1997.
- Чуприкова Н. И. Умственное развитие. Принцип дифференциации. СПб.: Питер Пресс, 2007. С. 16–40.
- Шаповалов В. Ф. «Восстание масс» по-русски // Свободная мысль. 1993. № 12. С. 35.
- Шапорева А. А. Аналитический обзор исследований понятий психическая зрелость, нарушение развития и психический инфантилизм // Журнал прикладной психологии. 2002. № 3. С. 45–52.
- Шапорева А. А. Роль этнической функции содержания сказок в развитии гармоничного взаимодействия когнитивных и эмоциональных сторон отношений у младших школьников и подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2007.
- Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Изд-во «КСП+», 1998.
- Шницерльман В. А. Евразийская идея и теория культуры // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 3–17.
- Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1993.
- Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. М.: 1927.
- Штейнталь Г., Лазарус М. Мысли о народной психологии. СПб.: 1865.
- Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.

- Шустова В. О.* Этнофункциональный подход к антинаркотическому и антиалкогольному воспитанию молодежи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2007.
- Щербак С. Ю.* Связь элементов мировоззрения пациентов, страдающих зависимостями от ПАВ и алкоголя с типом этой зависимости // Журнал прикладной психологии. 2003. №6. С. 70–72.
- Экологическая антология. М.: Golubka, 1992.
- Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
- Эльconiнова Л. И.* О единице сюжетно-ролевой игры // Вопросы психологии. 2004. №2. С. 62–79.
- Эльconiнова Л. И., Эльконин Б. Д.* Знаковое опосредствование, волшебная сказка и субъектность действия // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1993. №2. С. 62–70.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Эриксон Э.* Молодой Лютер. М.: Медиум, 1990. С. 12.
- Эриксон Э.* Детство и общество. Л.: Ленато, 1996. С. 563–565.
- Этнометодология / Под ред. А. А. Пископпеля А. А., В. Р. Рокитянского, Л. П. Щедровицкого. М.: НИИ культурного и природного наследия РАН. 1994. Ч. 1,2.
- Эфроимсон В. П.* Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998.
- Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1993. С. III, 134–158.
- Ярошевский М. Г.* Творчество // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 642.
- Aerpli E.* Der Traum und seine Deutung. Zurich: Knaur. 1943. S. 94, 205, 235, 259.
- Adler P.* The transitional experience: An alternative view of culture shock // J. of Humanistic Psychology. 1975. Vol. 15. P. 22.
- Adorno T.* Negative Dialektik. Fr./M.: 1966.
- Alexander F. G., Selesnik S.* The history of psychiatry. N. Y.: Harper and Row, 1966.
- Au D.* The influence of contact with host nationals on foreign student's attitudes // Unpublished by Honours thesis, University of New South Wales, 1969.
- Babiker I. E., Cox J. L., Miller P. M. S.* The measurement of culture distance // Social Psychiatry. 1980. V. 15. P. 101–116.

- Banton M.* Racial and Ethnic Competition. Cambridge: University Press, 1983.
- Baer G.* Peruanische ayahuaska-Sitzungen – Schamanen und Heilbehandlungen // Dittrich A., Scharfetter Ch. (Hrsg.). Ethnopsychotherapie. Stuttgart: Enke, 1987. P. 70–81.
- Banks M.* Ethnicity: Antropological Constructions. London, N. Y.: 1996. P. 185.
- Beck A. T.* Cognitive Therapy and the Emotional Disorders. New York: Meridian-New American Library, 1976.
- Beeman W. O.* Dimensions of Disphoria: The View from Linguistic Antropology // Kleinman A., Good B. (Ed.). Culture and Depression. London: University of California Press, 1985. P. 216–244.
- Bennett M. J.* A developmental approach to training for intercultural sensitivity // International J. of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10 (2). P. 179–196.
- Beizmann C.* Le Rorschach chez l'enfant de 3 à 10 ans. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1961.
- Ben-Zeev S.* The influence of bilingualism on cognitive development and cognitive strategy // Child development. 1977. V. 48. P. 1009–1018.
- Bettelheim B.* The uses of enchantment: The meaning and importance of fairy tales. New York: Knopf, 1976.
- Berghe P. L. van den.* Race and Ethnicity: A Sociological Perspective // Ethnic and Racial Studies. 1978. Vol. 1. N° 4. P. 401–411.
- Berghe P. L. van den.* The Ethnic Phenomenon. N. Y.: 1981.
- Berne E.* The cultural problem. Psychopathology in Tahiti // Amer J. Psychiat. 1968. N° 125. P. 1237.
- Biddle B. J., Bank B. J., Marlin M. M.* Social determinants of adolescent drinking // J. Stud. Alcohol. 1980. Vol. 41. P. 215–241.
- Blacker C., Clare A.* Depressive disorders in Primary Care // Brit. J. Psychiatry. 1987. Vol. 150. P. 737–751.
- Boas F.* Kultur und Rasse. Berlin: Walter de Gruyter und Co., 1922. S. 62–64.
- Bochner S.* The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. Oxford: Pergamon, 1982.
- Bohm E.* Lehrbuch der Rorschach Psychodiagnostik. Bern: Hans Huber, 1972. S. 208–211, 214.

- Bosse H. Diebe, Lügner, Faulenzer.* Zur Ethno-Hermeneutik von Abhängigkeit und Verweigerung in der Dritten Welt. Frankfurt/M.: 1979.
- Brown G. S., Harris T.* The Social Origins of Depression: A Study of Psychiatric Disorder in Women. New York: The Free Press, 1978.
- Brislin R. W.* Orientation programs for cross-cultural preparation // Perspectives on Cross-Cultural Psychology. N. J.: Academic Press, 1979.
- Brown G. S., Harris T.* The Social Origins of Depression: A Study of Psychiatric Disorder in Women. New York: The Free Press, 1978.
- Califano M., Idoyaga Molina A. und Perez Diez.* Schamanismus und andere rituelle Heilungen bei indianischen Völkern Südamerikas // Dittrich A., Scharfetter Ch. (Hrsg.). Ethnopsychotherapie. Stuttgart: Enke: 1987. S. 114–135.
- Cattell R. B., Eber H. W., Tatsuoka M. M.* Handbook for the 16 PF Questionnaire. Champaign: Harper and Row, 1970.
- Ceci S. J.* On intelligence – more or less: A biological treatise on intellectual development. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1990.
- Claval P.* Géographie et psychologie des peuples // Rev. de psych. des peuples. Le Havre: 1966. N° 4. P. 386–407.
- Clinard M. (ed.).* Anomie and Deviant Behaviour: A Discussion and Critique. N. Y.: Harper, 1964.
- Cochrane R.* The Social creation of mental illness. N. Y.: 1983.
- Coelho G. V.* Changing Images of America. Glencoe: Free Press, 1979.
- Cohen A.* Introduction: The Lesson of Ethnicity // Urban Ethnicity (ed. by A. Cohen). London: 1974. P. 9–22.
- Cohen S., Noberman H.* Positive events and social supports as buffers of the change stress // J. of Applied Social Psychology. 1983. V. 13. P. 99–125.
- Collomb H.* Assistance Psychiatrique en Afrique: Experience Senegalaise // Psychopathologie africaine. 1965. N° 1. P. 11–84.
- Connor W.* Eco – or Ethno-nationalism? // Ethnic and Racial Studies. 1978. Vol. 1. N° 3. P. 377–400.
- Crowley M.* The other side of the integration coin // Unpublished honours thesis, School of Psychology, University of New South Wales, 1978.
- Darwin Ch.* The expression of emotion in man and animals. London: 1873.
- Devereux G.* Ethnopsychanalyse. Frankfurt. a. M.: Surkamp Verlag, 1978.

- Deutch S.E., Won G. Y. M.* Some factors in the adjustment of foreign nationals in the United States // *J. of Social Issues*. 1963. V. 19. № 3. P. 115–122.
- Dittrich A., Scharfetter Ch. (Hrsg.)*. Ethnopsychotherapie. Stuttgart: Enke, 1987.
- Doi L. T. Amae* – a key concept for understanding Japanese personality structure // *Psychologia*. 1962. № 5. P. 1–7.
- Dorsch F.* Psychologische Wörterbuch. Stuttgart: Enke, 1976.
- Du Bois C.* Foreign students and high education in the United States. Washigton: DC, American Council and Education, 1956.
- Duijker H. C. V., Frejda N. H.* National character and national stereotypes. A trend report prep. for Intern. Union of scient. Psychology. Amsterdam: North- Holland publ. Co., 1960. P. 170–238.
- Dupaquier I.* Demographie et psychologie des peuples // *Rev. de psych. des peuples*, Le Havre, 1968. № 4. P. 342–366.
- Ehrlich P. R. et al.* Human ecology: problems and solutions. S. F.: 1973.
- Erikson E.* Life history and the historical moment. N. Y.: Harper and Row, 1975.
- Esser A. H.* From Territorial Image to Cultural Environment // *Geloof en Wetenschap*. 1970. № 68. P. 89–98.
- Feather N., Waseiluk G.* Subjective assimilation among Ukranian migrants // *Australian and New-Zeland J. of Sociology*. 1973. Vol. 9. P. 16–31.
- Feather N., Rudzitis A.* Subjective assimilation among Latvian adolescent // *International Migration*. 1974. Vol. 12. P. 71–87.
- Frank J. D.* Common features of psychotherapy // *Aust. N. Z. J. Psychiat.* 1972. № 6. P. 34–40.
- Fuller Torrey E.* The mind game. Witchdoctors and psychiatrists. New York: Emerson Hall, 1972.
- Furnham A., Bochner S.* Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. N. Y.: 1986.
- Furnham A., Bochner S.* Social difficulty in a foreign culture: an empirical analyses of culture shock // *Culturesin Contact: Studies in Cross Cultural Interaction*. Oxford: Pergamon, 1982.
- Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. N. J.: Englewood Cliffs, 1967.
- Geertz C.* The Integrative Revolution: Primordial Sentimentes and Civil Politics in the New States // *Geertz C. (Ed.)*. The Interpretation of Cultures. N. Y.: 1973. P. 255–310.

- Glacken C. J.* Trases on the Rhodian Shore: Nature and Culture in Western Thought from Ancient Times to the end of the Eighteenth Century. Berkeley: University of California Press, 1967.
- Glaser N., Moynihan D. P.* Introduction // Ethnicity: Theory and Experience. Ed. By N. GLASER, D. P. Moynihan. Cambridge (Mass.): 1975. P. 1.
- Glaser W. A.* Experts and counterparts in technical assistance // Bonds without bondage: Exploration in Transcultural Interactions. Honolulu: 1979.
- Goldberg M. M.* Qualification of the marginal man theory // American Sociological Review. 1941. V. 6.
- Greely A. M.* Ethnicity in the United States: A Preliminary Reconnaissance. N. Y.: 1974.
- Greenbie B. B.* Design of Diversity. Amsterdam: Elsevier, 1975.
- Hannan M. T.* The dynamics of ethnic boundaries in modern states // National development and the world system. Chicago: 1979.
- Hark H. (Hrsg.).* Lexikon Jungischer Grundbegriffe. Breisgau: Walter-Verlag Olten und Freiburg, 1988. S. 25–29, 48–49.
- Haushofer K.* Dai Nihon. München: 1913.
- Hausschild Th.* Ethno-Psychoanalyse. Symboltheorien an der Grenze zweier Wissenschaften // Schmied-Kowarzik W., Stagl J. (Hrsg.). Grundfragen der Ethnologie. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1980. S. 151–169.
- Hehr G. S.* Heilen mittels Meditation und Yoga in Asien – Die Bedeutung einer alten Kunst für die moderne Zeit // Dittrich A., Scharfetter Ch. (Hrsg.). Ethnopsychotherapie. Stuttgart: Enke, 1987. S. 90–102.
- Heinrichs H. J.* Über Ethnopsychanalyse, Ethnopsychiatrie und Ethno-Hermeneutik // Schmied-Kowarzik W., Stagl J. (Hrsg.). Grundfragen der Ethnologie. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1980. S. 169–193.
- Hinton J.* Bearing cancer // Coping with Physical illness/Ed. by R. H. Moos, N. Y.–London: 1979. P. 64–70.
- Hofmann A.* Die heiligen Pilze in der Heilbehandlung der Maria Sabina // Dittrich A., Scharfetter Ch. (Hrsg.). Ethnopsychotherapie. Stuttgart: Enke, 1987. S. 45–53.
- Hofstede G.* Culture's consequences: international differences in work-related values. Beverly Hills, California: Sage, 1984.
- Hoch E. M.* Psychiatrische Beobachtungen und Erfahrungen an indischen Patienten // Praxis: 1969. № 48. S. 1051–1057.

- Jenkins R.* Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power // Ethnic and Racial Studies. 1994. Vol. 17. № 2. P. 197–223.
- Jung C. G. (Ed.).* Man and his Symbols. London: Aldous, 1964.
- Inkeles A., Levinson D. J.* National character: the study of modal personality and sociocultural systems // Handbook of socialpsychology. Vol. 2 / Ed. by G. Lindzey. Cambridge (Mass.): 1954. P. 977–1020.
- Kalin R., Berry G.* Geographic mobility and ethnic tolerance // J. of Social Psychiatry. 1983. V. 15. P. 129–134.
- Kandel E. R.* A new Intellectual Framework for Psychiatry // Amer. J. of Psychiat. 1998. Vol. 155. P. 457–469.
- Kanner L.* Child Psychiatry. Spriengfield: Charles C. Thomas, 1948
- Keesing R. M., Keesing F. M.* New perspectives in cultural anthropology. N. Y.: Holt, Rinehart a. Winston, 1971. P. 333–345.
- Keyes C. F.* The Interpretative Basis of Depression // Kleinman A., Good B. (Ed.) Culture and Depression. London: University California Press, 1985. P. 153–175.
- Khantzian E. J.* The self-medication hypothesis of addictive disorders: Focus on heroin and cocaine dependence // Amer. J. Psychiat. 1985. Vol. 142. № II. P. 1259–1264.
- Klein D. F.* The treatment of atypical depression // Eur. Psychiat. 1993. Vol. 8. № 5. P. 251–255.
- Kleinman A.* Writing on Margin: Discurs between Antropology and Medicin. Berkley: Univ. Calif. Press, 1995.
- Kleinman A., Good B. (Ed.).* Culture and Depression. London: University of California Press Ltd., 1985. P. 491–507.
- Kiev A.* Psychiatry in the communist world. New York: Science House, 1968.
- Klerman A.* Is This the Age of Melancholy? // Psychology Today. 1979. № 12. P. 36–42, 88–89.
- Kraepelin E.* Die Erscheinungen des Irreseins // Zeitschr. f. d. neurol., psych. 1920. Bd. 62.
- Kraus J.* Some social factors and the rates of psychiatric hospital admissions of immigrants in New South Wales // Medical J. of Australia. 1969. V. 56. P. 17–19.
- Kraus R. F.* Cross-Cultural Validation of Psychoanalytic Theories of Depression // Pennsilvania Psychiatric Quarterly. 1968. № 3 (8). P. 24–33.

- La Barre W.* Some observations on character structure in the Orient – the Japanese // *Psychiatry*. 1945. № 8. P. 319–342.
- Lambo T.A.* The Role of Cultural Factors in Paranoid Psychoses among the Yoruba Tribe // *Journal of Mental Sciences*. 1969. № 101. P. 239–266.
- Le Bra G.* *Psychologie des peuples et histor* // *Rev. de psych. Des peuples*. Le Havre, 1966. P. 21–28.
- Lederer W.* Primitive psychtherapy // *Psychiatry*. 1959. № 22. P. 255–265.
- Lennenberg E. H.* *The biological foundations of language*. N. Y.: 1967.
- Lenz H.* *Vergleichende Psychiatrie. Eine Studie über die Beziehung von Kultur, Sociologie und Psychopathologie*. Wien: Wilhelm Maudrich Verlag, 1964.
- Leuner H., Josuttis M.* *Religion und die Droge*. Stuttgart: Kohlhammer, 1972.
- Lewin K., Lipitt R., White R. K.* Patterns of aggressive behaviour in an experimentally created climate // *Journal of Social Psychology*. 1939. № 10. P. 271–299.
- Lieberman M. A., Yalom I. D., Miles M.* *Encounter groups: First facts*. New York: Basic Books, 1973.
- Linn L., Jager J.* Recognition of depression and anxiety by primary physicians // *Psychosomatics*. 1984. Vol. 25. № 8. P. 593–600.
- Lorenzer A.* *Über den Gegenstand der Psychoanalyse*. Frankfurt/M.: 1973.
- Mackinder H.* *Democratic ideals and reality*. N. Y.: 1919.
- Maier E.* Torah as Moveable Territory // *Annals of the Association of American Geographers*. 1975. № 65. P. 18–23.
- Marsella A. J., Sartorius N., Jablensky A., Fenton F. R.* Cross-Cultural Studies of Depressive Disorders: An Overview // Kleinman A., Good B. (Ed.). *Culture and Depression*. London: University California Press, 1985. P. 299–325.
- Maudsley G.* *Pathologie de l'espr* (Traduit de l'anglais par Gersont). Paris: 1887.
- May R.* *The meaning of Anxiety*. N. Y.: Pocket Books, 1979.
- McGuffin P., Riley B., Plomin R.* Genomics and behavior. Toward behavioral genomics. *Science*. 2001. Feb 16. 291 (5507): 1232–49.
- Merton R. K.* *Social Theory and Social Structure*. N. Y.: The Free Press, 1968.

- Mobius P. L.* Über Entartung // Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens. (3 Hrsg.). Wiesbaden: Loevenfeld u. Kurella, 1900.
- Montessori M.* The absorbent mind. N. Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1967.
- Morel B. A.* Traite des degenerescences physiques, intellectuelles et morales de l'espece human et des causes qui produisent ces varietes malades. Paris, 1857.
- Morel B. A.* Traite des maladies mentales. Paris: 1860.
- Morgenthaler F.* Technik Zur Dialektik der psychoanalytischen Praxis. Frankfurt: 1978.
- Moser U.* Zur Abwehrlehre: Das Verhältnis von Verdrängung und Projektion // Jahrbuch der Psychoanalyse. Bern: 1964. N° 3.
- Murphy H., Wittkower E., Chance N.* Cross-Cultural Inquiry into the Symptomatology of Depression // Transcultural Psychiatric Research Review. 1964. N° 1. P. 5–21.
- Mussen P. H., Conger Y. I., Kagan G.* Child development and personality. N. Y.: 1969.
- Nielsen F.* Toward a theory of ethnic solidarity in modern societies. // Amer. Sociol. Rev., 1985. Vol. 50. P. 134.
- Nixon H. L.* The small group. New York: Prentice Hall, 1979.
- Obeyesekere G.* Depression, Buddhism, and the Work of Culture in Sri Lanka // Kleinman A., Good B. (Ed.) Culture and Depression. London: University California Press, 1985. P. 134–153.
- Pahl J.* Die Psychotherapie mit dem Katathymen Bilderleben nach Hanscarl Leuner und einige psychotherapeutische Ansätze // Dittrich A., Scharfetter Ch. (Hrsg.). Ethnopsychotherapie. Stuttgart: Enke, 1987. S. 227–242.
- Parin P.* Der Widerspruch im Subjekt. Ethnopsychanalytische Studien. Frankfurt/M.: 1979.
- Parsons A.* Some Comparative Observations on Ward Social Structure: Southern Italy, England and the United States // Transcultural Psychiatric Research Review. 1969. N° 10. P. 116–119.
- Park R. E.* Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. 1932. Vol. 38. P. 33.
- Park R. E.* Human communities. The city and human ecology. Glencoe: 1951.
- Pelicier I.* La psychologie des peuples et la psychiatrie // Rev. de psych. des peuples. Le Havre: 1968. N° 3. P. 288–302.

- Peters U. H.* Wörterbuch der Psychiatrie und medizinischen Psychologie. München: Urban u. Schwarzenberg, 1977. S. 259.
- Pfeifer W. M., Schoene W. (Hrsg.)*. Psychopatologie in Kulturvergleich. Stuttgart: Enke, 1980.
- Porter R. E.* An overview of intercultural communication // Intercultural Communication: A Reader. Wordsworth: 1972.
- Pressel E.* Heilungzeremonien in den Kulturen von Umbanda (Brasilien) und Voodoo (Haiti) // Dittrich A., Scharfetter Ch. (Hrsg.). Ethnopsychotherapie. Stuttgart: Enke, 1987.
- Prince R. H.* The Changing Picture of Depressive Syndromes in Africa: Is It Fact or Diagnostic Fashion? // Canadian Journal of African Studies. 1968. № 1. P. 177–192.
- Ratzel F.* Anthropogeographie. 2 volumes. Stuttgart, 1891.
- Richardson A.* British immigrants and Australia: a psychological inquiry. Canberra, 1974.
- Roheim G.* Psychanalyse und Anthropologie. Frankfurt/M.: 1977.
- Roosens E. E.* Creating Ethnicity. London: 1989.
- Santoso R. S. I.* The social conditions of psychotherapy in Indonesia // Amer. J. Psychiat. 1959. № 115. P. 798–800.
- Schmitt C.* Land und Meer. Leipzig: 1941.
- Selltiz C., Cook S. W.* Factors influencing attitudes of foreign students towards the host country // J. of Social Issues. 1962. V. 18. № 1. P. 7–23.
- Selye H.* The Stress of Life. N. Y.: 1956.
- Semple E. S.* Influences of Geographical Environment on the Basis of Ratzel's System of Antropo-Geography, N. Y.: 1911. P. 1.
- Serpell R.* The Significance of Schooling. New York: Cambridge University Press, 1993.
- Shaltuk G. M.* Between two cultures: a study of the social adaptation of foreign students to an American academic community. Cornell University. Uthah. N. J.: 1965.
- Simmel G.* Schriften zur Soziologie. Frankfurt am Mein: 1983.
- Singer K.* Depressive Disorders from a Transcultural Perspective // Social Science and Medicine. 1975. № 9. P. 289–302.
- Sombart W.* Vom Menschen. Berlin: 1938.
- Sonnenfeld J.* Variable Values in Space and Landscape: An Inquiry into the nature of Environmental Necessity // Journal of Social Issues. 1966. № 22. P. 71–82.

- Spitzer H. M.* Psychoanalytic approaches to the Japanese character // Roheim G. (Ed.). *Psychoanalysis and social sciences*. Vol. 1. New York: 1947.
- Strenberg R. J.* *Metaphors of mind*. N. Y.: Cambridge University Press, 1990.
- Stewart E. S.* The similation of cultural differences // *J. of Communication*. 1966. V. 16. P. 291–304.
- Stone L. I., Church I.* *Chidhood and adolescence: a psychology of the growing person*. N. Y., 1968.
- Stonequist E. V.* *The Marginal Man*. N. Y.: Russel and Russel, 1961.
- Spenser G.* *The principles of sociology*. L., 1896.
- Streck B. (Hrsg.)*. *Wörterbuch der Ethnologie*. Köln: DuMont Bücherverlag, 1987. S. 170–174.
- Sukharev A. V., Stepanov I. I., Strukova A. N., Lugovskoy S. S., Khaldeeva N. I.* *An Ethnofunctional Approach to Psychological Indicators of Human Adaptation // Antropology and Archeology of Eurasia*. Vol. 43. Part 1. N. Y.: M. E. Sharpe inc., 2004. P. 66–81.
- Swadi H. S.* Drug and Substance use among 3333 London adolescents // *Brit. J. Addiction*. 1988. Vol. 83. № 4. P. 935–942.
- Taylor D.* Selective Serotonin Reaptake Inhibitors and Tricyclic Antidepressants in Combinations // *Brit. J. Psych.* 1995. № 167. P. 575–580.
- Triandis H. C.* *Culture and Social Behavior*. N. Y.: McGraw-Hill Inc., 1994.
- Tuan Y. F.* Discrepancies between Environmental Attitude and Behaviour: Examples from Europe and China // *Canadian Geographer*. 1968. № 12. P. 176–91.
- Tuan Y. F.* *Geography, Phenomenology and the Study of Human Nature // Canadian Geographer*. 1971. № 15. P. 181–92.
- Uexkull Thure von.* *Lehrbuch der Psychosomatischen Medizin*. München: Urban u. Schwarzenberg, 1981. S. 1–20.
- Vos G. de (ed.)* *Ethnic Pluralism: Conflict and Accomodation // Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change*. Ed. by G. De Vos. L.: Romanucci-Ross, 1982. P. 2.
- Watson J. L. (ed.)*. *Between two cultures: Migrants and Minorities in Britain*. Oxford, 1977.
- Werner H.* The concept of development from a comparative and organismic point of view // D. B. Harris (ed.). *The concept of development*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1957.

- Weissman M., Myers J.* Affective disorders in the US Urban Community // Arch. Gen. Psychiatry. 1978. Vol. 35. P. 1304–1311.
- Wittkower E. D., Prince R. H.* Geschichte und Entwicklung der transkulturellen Psychiatrie // Pfeifer W. M., Schoene W. (Hrsg.). Psychopathologie im Kulturvergleich. Stuttgart: Enke, 1980. S. 1–12.
- Wittkower E. D., Warns H.* Kulturelle Aspekte der Psychotherapie // Pfeifer W. M., Schoene W. (Hrsg.) Psychopathologie im Kulturvergleich. Stuttgart: Enke, 1980. S. 312–319.
- Wolberg L. R.* The Technique of Psychtherapy. N. Y.: Harper and Row, 1954.
- Worsley P.* The Three Worlds: Culture and World Development. London: 1984.
- Yeh E. K. et al.* The American student in Taiwan // International Studies Quarterly. 1973. Vol. 17. P. 359–372.
- Zuckerman M.* Sensation seeking and psychopathy // Psychiatric behavior. N. Y.: 1981.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Расширенный вариант структурированного этнофункционального интервью. Следует заметить, что на практике можно использовать гораздо более сокращенный вариант – жирным шрифтом выделены ключевые вопросы:

- А) Общие сведения: фамилия, имя; возраст; дата обследования и т. д.**
- Б) С какого возраста ты себя помнишь хотя бы фрагментарно?**
- В) Какие наиболее яркие образы (воспоминания) относящиеся к возрасту до 5 лет у тебя сохранились? Уточни, хотя бы приблизительно, возраст, к которому относится каждое из этих воспоминаний.**
- Г) Какие наиболее яркие образы (воспоминания) относящиеся к возрасту от 6 до 8 лет у тебя сохранились? Уточни, хотя бы приблизительно, возраст, к которому относится каждое из этих воспоминаний.**
- Д) Какие наиболее яркие образы (воспоминания) относящиеся к возрасту от 9 до 12 лет у тебя сохранились? Уточни, хотя бы приблизительно, возраст, к которому относится каждое из этих воспоминаний.**
- 1 Что ты больше всего любишь есть – мясо, рыбу, овощи, фрукты? Какие именно?**
- 2а Какой у тебя цвет глаз? Цвет волос?**
- 2б Какой цвет глаз и волос тебе нравится у лиц противоположного пола?**

- 3а Где ты сейчас живешь (город, область)?
- 3б В городе или за городом? В квартире или частном доме?
- 3в С кем?
- 3г Жил(а) ли раньше в другом месте?
- 4 **Какая зима тебе больше нравится:**
- 4а солнечная, снежная и морозная;
- 4б пасмурная, слякотная и теплая;
- 4в не нравится вообще.
- 5 **Если бы ты мог(ла) взять с собой все, что тебе дорого (близких, друзей, любимые занятия) и уехать постоянно жить куда угодно, то какое место ты бы выбрал(а)?**
- 5а В городе или за городом? В квартире или частном доме?
- 5б Какие признаки должны быть у этого места?
- Там должно быть:
- теплее чем там, где ты живешь;
 - холоднее;
 - так же.
- Там должны быть:
- лес и степь;
 - горы и степь;
 - степь и луга;
 - озера, реки и лес;
 - море и лес;
 - море и горы;
 - море и степь;
 - тропики (джунгли);
 - тропики и море.
- 5г **Какие у тебя сохранились воспоминания о природе – ее образах, явлениях в самом раннем детстве? К какому возрасту относятся эти воспоминания?**
- 6а Кем ты считаешь себя по национальности?
- 6б В каком возрасте ты это осознал(а)?
- 6в С чем это было связано?
- 6г Какие чувства у тебя это вызвало?
- 7а Какие праздники отмечают в твоей семье?

- 7б Какой твой любимый праздник?
- 7в Какие народные традиции соблюдаются в твоей семье?
- 7г Какая из них твоя любимая?
- 8а Какие сказки тебе читали или рассказывали, когда ты был(а) совсем маленьким(ой)?
- 8б В каком это было возрасте?
- 8в Что тебе больше нравилось в сказках? Какой был твой любимый сказочный персонаж или образ?
- 8г Какие книги и журналы ты предпочитаешь читать в настоящее время?
- 8д Какие мультфильмы и диафильмы показывали, когда ты был(а) совсем маленьким(ой)?
- 8е В каком это было возрасте?
- 8ж Что тебе больше нравилось читать, смотреть, слушать?
- 8з Какие фильмы и мультфильмы ты предпочитаешь смотреть в настоящее время?
- 8и Какую музыку тебе давали слушать, когда ты был(а) совсем маленьким(ой)?
- 8к В каком это было возрасте?
- 8л Что больше нравилось?
- 8м Какую музыку ты предпочитаешь слушать в настоящее время?
- 9а В каком возрасте у тебя впервые появились мысли о добре и зле?
- 9б С чем это было связано?
- 10а Веришь ли ты в Бога?
- 10б В каком возрасте у тебя впервые появились переживания, связанные с мыслями о Боге, грехе или справедливости?
- 10в С чем это было связано?
- 11 Какой веры ты придерживаешься:
- христианства вообще;
 - православия;
 - католицизма;
 - протестантизма;
 - ислама;
 - иудаизма;

- буддизма;
 - сатанизма;
 - атеизма;
 - не знаю;
 - другого вероисповедания.
- 12 Если ты православный (ая), то:
- Крещен(а) ли ты?
 - В каком возрасте?
 - С чем это было связано?
- 13а Как ты считаешь, необходимо ли верующему человеку выполнять *все* предписания церкви (посещения храма, молитвы, исповедь и т. п.)?
- 13б Выполняешь ли ты сам(а) эти предписания?
- 13в Почему?
- 14а От кого тебе приходилось получать помощь при болезнях и в сложных жизненных ситуациях:
- от родителей;
 - от учителей;
 - от друзей;
 - от врачей;
 - от психологов;
 - от священников;
 - от бабок-знахарок;
 - от колдунов;
 - от экстрасенсов;
 - от шаманов;
 - от кого-то другого.
- 14б Кто из них тебе реально помог?
- 15 **В каком возрасте ты начал(а) чем-либо увлекаться: играми (какими), чтением (что именно), какими-либо занятиями (чем именно)?**

Данный вариант интервью использовался для проведения исследований среди испытуемых, живущих в различных регионах России и ближнего зарубежья, придерживающихся различного вероисповедания и принадлежащих к группе так называемой «условной нормы». Для диагностики в других группах допускаются

изменения содержания и последовательности вопросов данного интервью.

Рассмотрим значение общей структуры интервью и каждого вопроса в отдельности, их связь с этническими функциями образного содержания стадий развития личности. Приведем также примеры ответов, свидетельствующих о наличии в психике испытуемого той или иной разновидности этнофункциональной психической анархегении.

Вопросы А – Д являются относительно более «проективными» по сравнению с последующими «прямыми» вопросами и, поэтому, более информативными о развитии образной сферы личности испытуемого. Анализ содержания ответов испытуемых осуществлялся в процессе выявления этнической функции отдельных образов и различных модальностей данных образов.

Вопросы 1–5, 11, 13, 14 позволяют выяснить содержание этноида испытуемого и на основании этого сделать выводы о наличии или отсутствии тех или иных этнофункциональных рассогласований в его психике.

Вопросы 6–10, 12, характеризуют качество и особенности происхождения различных стадий этнофункционального развития личности.

Вопросы 1 и 2 направлены на выявление отношения к расово-биологической группе этнических признаков.

Вопрос 1 служит для выявления предпочтительного для испытуемого типа питания. По мысли В. И. Вернадского (1966), питание является одним из важнейших способов биологического взаимодействия человека с окружающей средой. С позиций этнофункционального подхода современным примером рассогласования отношения к типу питания может служить предпочтение индивидом, родившимся и проживающим в средней полосе России, папайи или авокадо, а также блюд модных ныне китайской или японской кухни.

Определенные затруднения вызывает анализ тех протоколов, где в качестве самых любимых фруктов, названы бананы, апельсины, мандарины и т. д. Эти продукты не являются частью природно-биологической среды, в которой формировался генотип исконных жителей средней полосы России (чем, в частности, определяется высокая частота аллергических реакций, например, на цитрусовые), хотя, формально они уже давно не являются экзотикой для жителей нашей страны.

Группа вопросов 2 служит для выявления отношения к морфотипическим (расово-антропологическим) особенностям. Здесь

роль этнофункционального маркера играет предпочтение при перекрестно-половом выборе прежде всего цвета глаз, резко отличающегося от цвета собственных. Определенное значение имеют и некоторые другие расово-морфотипические признаки. В частности, при индивидуальном опросе (особенно взрослых испытуемых) целесообразно выявить отношение и к таким признакам, как форма носа, цвет кожи и т. д. Таким образом, эта группа вопросов позволяет диагностировать наличие «расовой» маргинальности, крайние проявления которой заключаются в выборе «экзотического» партнера. К подобным явлениям можно отнести довольно часто встречающееся у современных европейцев предпочтение темнокожих или восточных (тайских) женщин.

Среди всех групп этнических признаков приоритетной (системообразующей) является климато-географическая, для выявления отношения к которой служит группа вопросов 3–5.

Вопросы 3-й группы призваны отследить наличие у испытуемых этнической маргинальности в данной области, так как она может быть обусловлена, например, миграцией человека из местности с одним ландшафтом и климатом в местность с другим ландшафтом и климатом. Наиболее частый в нашей стране пример подобного этнофункционального рассогласования наблюдается у вынужденных переселенцев из регионов Средней Азии и Кавказа в среднюю полосу России. Резкое изменение климата и ландшафта характеризуется ими как сильный психотравмирующий фактор. Например, в наркологической практике больной героиновой наркоманией, выросший в Норильске, переезжает жить в Сочи, где очень страдает от отсутствия холодной и снежной зимы, с чем хронологически и связано начало заболевания.

Пункт 3 в позволяет выяснить состав и структуру семьи обследуемого человека, избегая прямых вопросов. Это важно, в частности, при обследовании детей и сокращает риск нанести ребенку травмы в случае развода или смерти родителей.

Вопрос 4 играет особую важную роль, так как относится не только к климато-географической группе этнических признаков, но и в не меньшей степени к расово-биологической группе. Это объясняется тем, что отношение к холоду может быть обусловлено индивидуальной биологической переносимостью или непереносимостью. Человек, живущий в Москве и не переносящий холода, вынужден в течение 6–7 месяцев в году находиться в состоянии непрерывного стресса, что обуславливает возникновение психической дезадаптивности и связано, в частности, с появлению тревожно-тоскливых

состояний. Оценка ответов на данный вопрос может осуществляться только применительно к климату в том регионе, где постоянно проживает испытуемый.

Наличие трех вариантов ответа на данный вопрос обусловлено тем, что для жителей мегаполисов (например, Москвы) отношение к зиме в городе (снежно-соляная «каша» под ногами, сужение дорог, повышенная влажность и т. д.) резко отличается от отношения к зиме за городом (чистый белый снег, сухой мороз и т. д.). Несмотря на кажущуюся парадоксальность, практика показывает, что даже для жителей мегаполисов в условиях средней полосы России более адаптивным является предпочтение «загородной», морозной и снежной зимы.

Группа вопросов 5 предназначена для отслеживания содержания климато-географической части этноида. Основным здесь является вопрос 5 а, остальные служат для уточнения подробностей. При исследовании необходимо обратить внимание испытуемого на то, что речь идет о местности, где он предпочел бы жить постоянно, а также на то, что важно назвать не реально существующее место, а «сконструированное». Также важно отслеживать явные несоответствия различных климато-географических признаков (например, если человек любит морозную снежную зиму – вопрос 4, – но жить предпочитает в тропиках) и обращать на них внимание испытуемого. По его реакции можно судить об устойчивости рассогласований. При оценке ответов на данную группу вопросов этнофункциональные рассогласования рассматриваются по отношению к тому природному ареалу, где испытуемый родился и/или проживает. Также необходимо учитывать, что предпочтение жизни в городе в квартире является показателем относительно меньшей степени психической адаптированности, чем за городом в деревенском доме.

Вопрос 6 касается самоидентификации испытуемого с тем или иным этносом. Нарушение этнической идентичности человека – это проявление нарушения этнофункционального развития личности. Этническая самоидентификация является одним из показателей психической зрелости, т. е. является общепсихологической характеристикой человека (Эрикссон, 1996б; Erikson, 1975; Stonequist, 1961).

В «норме» ответ на данный вопрос должен быть таким: человек безоговорочно причисляет себя к представителям определенной национальности, знал об этом всегда, объясняет это национальностью родителей и испытывает при этом позитивные чувства.

Выделено четыре варианта ответов, говорящих о нарушении этнической самоидентификации:

- а) самоидентификация с оговорками: «считаю себя русской, хотя папа у меня был татарин»;
- б) затруднения в самоидентификации: «папа у меня еврей, мама цыганка, а кто я – не знаю»;
- в) «внеэтническая» самоидентификация: «россиянин», «москвич» и т. д.;
- г) изменения самоидентификации: «до 12 лет считала себя русской, а потом оказалось, что я немка».

Вопросы группы 7 предназначены для выявления характера той этнокультурной среды, в которой воспитывается ребенок или живет взрослый человек. При трактовке ответов на вопросы 7 а и 7 б необходимо учитывать, что все праздники можно подразделить на следующие группы:

- а) праздники, характерные для этнокультурной традиции, к которой причисляет себя испытуемый (например, религиозные праздники);
- б) праздники, не имеющие этнокультурной окраски, но традиционные для той местности, в которой живет испытуемый (для России это дни рождения, а также Новый год, 8 марта, 1 мая и т. д.);
- в) праздники, не характерные для этнокультурной традиции, к которой причисляет себя испытуемый (для русских это, например, день св. Патрика, хэллоуин, китайский новый год, день всех влюбленных – день св. Валентина).

Нормой здесь можно считать сочетание первых двух вариантов.

В отношении 7в и 7г, испытуемому бывает необходимо напомнить, что, например, для русских, крашение яиц на Пасху и выпекание блинов на масленицу являются народной традицией.

Вопросы группы 8 направлены на изучение временных и содержательных аспектов прохождения сказочно-мифологической стадии этнофункционального развития личности. Важнейшими здесь являются вопросы 8а–8в. Содержательно это должны быть народные сказки, принадлежащие той этнической системе или этносу, к которому причисляет себя испытуемый. Если испытуемый живет в чуждой для него природно-климатической среде, желательно принести народные сказки аборигенов.

Признаками нарушения этнофункционального развития личности могут являться следующие типы ответов:

- 1 сказки народов мира, особенно их экзотические варианты; авторские сказки.

В целом авторские сказки в большей степени по сравнению с народными сказками отражают сюжеты о нравственных взаимоотношениях людей. Авторские сказки, в частности, касающиеся истории русской этносреды, появились в конце XVIII–начале XIX в., что существенно позже начала «языческого» и «христианского» периодов, соответствующих сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиям развития личности. Согласно информационному подходу к развитию (Бойко, 1976; Урсул, 1971), авторские сказки являются когнитивно более сложными по сравнению с народными сказками и христианскими рассказами и поэтому представляют относительные затруднения для восприятия в возрастные периоды, оптимальные для прохождения природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий. Авторские сказки можно подразделить на следующие группы:

- а) стихи советских писателей (Агния Барто, Корней Чуковский) и авторские сказки западных писателей (братья Гримм, Шарль Перро) как не удовлетворяющие основным потребностям возраста и привносящие фактор маргинальности («В Африке акулы, в Африке гориллы...»), а также несущие на себе отпечаток подчас болезненных переживаний автора (например, Даниил Хармс или Г.-Х. Андерсен);
- б) сказки, соответствующие более старшему возрасту либо в силу их сложности (сказки А. Волкова, мифологические фантазии Дж. Р. Р. Толкиена), либо из-за присутствующих в них «внеэтнических», нереальных персонажей (Чебурашка, Карлсон и т. п.);
- 2 Библия, жития святых, Коран и т. д. как соответствующие следующей, религиозно-этической стадии.

В семьях баптистов ребенку вместо сказок сразу начинают читать Библию. Это может обуславливать грубые нарушения этнофункционального развития личности;

- 3 словари, энциклопедии как соответствующие стадии «просвещения»;
- 4 «не помню». Такой ответ может свидетельствовать о том, что, либо ребенку вообще не читали и не рассказывали сказок, либо чтение сказок было чисто формальным, их содержание никак эмоционально не прорабатывалось и не оставило никакого «когнитивно-эмоционального следа» в психике.

В хронологическом аспекте об успешном прохождении данной стадии свидетельствуют ответы, где заявленный испытуемым

возраст начала чтения сказок укладывается в возрастной интервал с 2 до 5 лет.

По таким же принципам интерпретируются ответы на вопросы 8 д – 8 ж и 8 и – 8 м.

Вопросы 9-й группы связаны с началом религиозно-этической стадии этнофункционального развития личности в ее этической составляющей. В норме начало этой стадии должно укладываться в возрастной интервал 6–7 лет и может не иметь религиозного содержания, непосредственно связанного с определенной конфессией, но иметь содержание этическое (понятие о справедливости).

Вопросы 10-й группы связаны с началом религиозно-этической стадии в ее религиозной составляющей. Тревожным сигналом для диагноста должен служить ответ «нет» на вопрос 10 а. Такой ответ может свидетельствовать о подростковом негативизме, обусловленном психической этнофункциональной анархегенией (так как с оговорками или без вера в Бога в большинстве культур является для человека нормальной). Во временном плане о нарушении онтогенеза говорит либо раннее начало стадии (например, до 4 лет), либо задержка ее начала (после 9–12 лет).

Вопросы 11, 13 и 14 помогают прояснить содержание этноида испытуемого в области социокультурных этнических признаков.

В норме, отвечая на вопрос 11, испытуемый должен причислять себя к приверженцам веры, традиционной для его этноса (для русских это православие, для немцев – протестантизм или католицизм, для башкир – ислам, для калмыков – буддизм и т. д.).

О недостаточной проработанности этноида могут свидетельствовать ответы о принадлежности к «христианству вообще» или «не знаю». Ответ «атеизм» является проверочным и дополняющим к вопросу 10 а. Вариант «другие вероисповедания» позволяет отследить приверженность испытуемого к всевозможным сектам и культам (что является этнофункционально патогномичным).

Особого внимания заслуживает одновременный выбор двух или нескольких религий. Это свидетельствует о наличии в психике испытуемого «культурно-мировоззренческой» маргинальности. Пример подобного грубого нарушения: на вопрос о мировоззрении пациент, страдающий шубообразной прогрессивной шизофренией, ответил следующим образом: «Я не придерживаюсь определенной веры или мировоззрения всегда и во всех случаях. На какие-то вещи удобнее смотреть с буддистских позиций, в других случаях – с христианской точки зрения и т. п.».

Отметим, в частности, что при ответе «сатанизм» не лишним будет выяснить, является ли это демонстрацией или действительно это мировоззренческая позиция испытуемого. Маркером демонстративности в этом вопросе может являться ответ на вопрос 10а, так как настоящие сатанисты верят в существование Бога.

В «норме» на вопросы 12-й группы испытуемый, относящий себя к русской культуре, должен отвечать, что он крещен в раннем детстве, потому что это – православная традиция. Примеры нарушения этнофункционального развития личности на религиозно-этической стадии часто встречаются в практике работы с онкобольными детьми, когда неверующие до этого родители узнав о диагнозе ребенка начинают искать спасение в религии и в срочном порядке крестят ребенка «в связи с болезнью». Как правило, в этом случае религиозность родителей является незрелой, гипертрофированной и негативно воздействует на ребенка.

Группа вопросов 13 показывает качество проработки этноида испытуемого в отношении к социокультурным этническим признакам. Об адекватной проработке данного аспекта свидетельствует такой ответ, в котором подтверждается необходимость выполнения всех предписаний церкви верующим человеком и их выполнение испытуемым (если он считает себя человеком верующим и принадлежит к определенной конфессии). Также к вариантам нормы относится такой ответ, когда, соглашаясь с необходимостью выполнения предписаний, испытуемый тем не менее осознает, что их не выполняет или выполняет не все.

Вопросы 14а и 14б позволяют отследить наличие нарушений этнофункционального развития личности и «мозаичности» этноида испытуемого. Нарушения подобного рода часто встречаются в практике работы с тяжело больными детьми, когда родители больного ребенка лечат его одновременно и у врачей, и у бабок-знахарок, и у экстрасенсов-целителей, при этом оставаясь приверженцами традиционных религий. В их душах чувство горя смешивает все: православие, современную науку, экзотическую «неонауку» и языческие (т. е. «народные») верования. И если возникновение подобных явлений при ответе на вопрос 14а свидетельствует лишь о неблагоприятной среде, в которой происходит психическое развитие, то появление их в ответе на вопрос 14б говорит уже об этнофункциональном рассогласовании в психике испытуемого.

По ответам на вопрос 15 можно составить представление о начале стадии просвещения в этнофункциональном развитии личности.

Наличие «выпадений» определенных стадий этнофункционального развития личности диагностируется, как правило, для природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий. «Выпадение» природной и сказочно-мифологической стадий проявляется в отсутствии у испытуемого каких-либо воспоминаний об образах природы, а также сказках, легендах и т. п., слышанных или хотя бы прочитанных им в детстве (в возрасте до 5 лет). «Выпадение» религиозно-этической стадии проявляется в отсутствии у испытуемого воспоминаний о переживаниях, связанных с представлениями о какой-либо определенной традиционной системе мировоззрения, норм и правил ответственного поведения.

В частности, для страдающих наркоманиями характерно «выпадение» или, как минимум, «невнятность» в ответах на вопросы по сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиям. Главным маркером здесь является нарушение отношения к содержанию религиозно-этической стадии. Для детей, страдающих онкологическими заболеваниями, в свою очередь, характерно наличие или даже гипертрофированность религиозно-этической стадии при «выпадении» сказочно-мифологической стадии.

Данные, полученные с помощью структурированного этнофункционального интервью, являются в определенной степени декларативными и валидными лишь на уровне статистических закономерностей. Их значение состоит в том, что они определяют направление дальнейшего, более углубленного этнофункционального исследования психологом-профессионалом.

Дополнительная инструкция для психологов-профессионалов

Более точную диагностику степени выраженности этнофункциональной анархегении личности (или наличия признаков этнофункционального вырождения) можно осуществить в процессе исследования содержания бессознательного испытуемого. В частности, при погружении последнего в гипноидное состояние, опрашивая испытуемого о его отношении к различным элементам культуры, образам природы и пр., которые психотерапевт предлагает ему представить в данном состоянии. Довольно часто, декларируя в интервью предпочтение тропическому ландшафту и климату, в гипноидном состоянии испытуемые не могут выразить словами своих чувств по отношению к данному конкретному образу природы. И в то же время говорят о «приливе сил», который они испытывают, представляя характерные для их места рождения и проживания березки, луга, ручьи и т. п. Переживание «прилива сил» (как субъективного показателя

возрастания адаптационного потенциала, энергии личности) здесь характеризует возрастание степени психической адаптированности испытуемого именно от связи с родным ландшафтом и климатом. В этом случае связь с родным образом природы является «эндопсихическим» (А. Ф. Лазурский) для испытуемого, а предпочтение экзотического образа природы – «психогенным», обусловленным средовыми воздействиями. Тот или иной вывод определяет соответствующее направление этнофункциональной психотерапевтической работы по восстановлению утраченной связи испытуемого с его этносредой.

Гораздо реже встречаются случаи, когда испытуемый испытывает «прилив сил» и т. п. от экзотических для него образов природы, продуктов питания, этических мировоззренческих принципов и др. В этих случаях эндопсихическое происхождение таких связей в большей степени обуславливает его неприспособленность к этносреде и усугубляется риск возникновения психической дезадаптированности (по нашим данным – 3–5% обследованных; в условной «норме» этот процент ниже). «Эндопсихичность», или *эндогенная обусловленность*, содержания отношений пациентов является признаком этнофункционального вырождения личности или в каком-либо отдельном отношении.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

*Методика выявления выраженности эмоционального отношения
к различным группам этнических признаков
(модифицированная методика «неоконченных предложений»)*

- 1 Национальные традиции и вера моего народа...
- 1 Национальные песни, танцы, музыка моего народа...
- 2 Национальные особенности моей внешности (лицо, фигура)...
- 3 Национальные особенности моего характера...
- 4 Я думаю, что местность, в которой я живу...
- 5 Думаю, что климат, в котором я живу...
- 6 Современная цивилизация и технический прогресс кажутся мне...
- 7 Современные города кажутся мне...
- 8 Сельская местность по сравнению с городской представляется мне...
- 9 Дикая, нетронутая природа, по моему мнению...
- 10 Национальные привычки (и продукты) питания моего народа...
- 11 Я думаю, что старинные города и селения...
- 12 Национальные умения и промыслы моего народа...
- 13 Мне кажется, что люди моего народа обычно болеют...
- 15 Современные песни, музыка и танцы...
- 16 Обычная продолжительность жизни людей моего народа...

- 17 Думаю, что люди моего народа от природы...
- 18 Особенности внешности людей каких-либо других национальностей...

Дополнительные общие вопросы:

- 19 Человек без национальности...
- 20 Моя национальность...
- 21 По моему мнению, мой народ в последнее время...

Ключ:

Отношение к социокультурной группе этнических признаков:

1, 2, 4, 7, 13, 15, 19, 20.

Отношение к климато-географической группе признаков:

5, 6, 8, 9, 10, 12.

Отношение к расово-биологической группе признаков:

3, 11, 14, 16, 17, 18.

В целом данная методика выявляет «предметную» тревогу обследуемого по отношению к той или иной группе этнических признаков.

Оценка содержания ответов проводится экспертной группой психологов.

Приложение 3

Примерный план проведения этнофункциональных психотерапевтических занятий на природной и сказочно-мифологической стадиях развития личности

Этнофункциональная рассогласованность содержания и недостаточная проработка (или выпадение) сказочно-мифологической стадии может проявляться в следующем:

- а) отсутствие более или менее полной системы сказочно-мифологических образов и представлений о природных стихиях и окружающей природе в целом, соответствующих культуре региона рождения и проживания;
- б) отсутствие минимальных знаний о естественных явлениях и изменениях в окружающей родной природе (какие травы растут в лесу или на лугу, какие птички улетают в теплые страны, а какие остаются, какие бывают грибы, распознавание звуков живой природы и др.);
- в) недостаточная способность выражать свои чувства, эмоции словами или действиями (по отношению к природным стихиям и их проявлениям);
- г) недостаточная способность выделять «доброе» и «злое» в явлениях природы, которая является основой для формирования понятий о добре и зле на следующей, религиозно-этической стадии психического этнофункционального онтогенеза.

Общим принципом проведения занятий является восстановление всей полноты психических этнофункциональных отношений личности к ее внутренней и внешней природно-культурной среде.

Задача этнофункциональной психотерапии заключается в том, чтобы построить окружающее пространство (природа, дом, духи, населяющие их: леший, водяной, домовый и т. д.), «нанизав» его на нить времени (народный календарь), привязать личность «к месту и пространству» русской культуры. Так как цикл народного календаря равен году, идеальным психотерапевтическим циклом был бы годовой. Это позволит привнести в сознание целостное, непротиворечивое и упорядоченное представление об окружающем его мире и о своем месте в нем.

На сказочно-мифологической стадии эти отношения прорабатываются в когнитивном (идеаторном) аспекте (сказочно-мифологические образы и знание естественных проявлений родной природы), в аспекте чувственном (понимание своих чувств по отношению к тем или иным образам или явлениям) и двигательном (умение осуществлять те или иные действия по отношению к сказочным образам или явлениям природы).

Религиозно-этическая стадия должна прорабатываться только после удовлетворительной проработки стадии сказочно-мифологической.

В связи с тем, что современный человек, как правило, в значительной мере погружен в мир научных представлений и отношений, третья, цивилизационная (научно-познавательная) стадия этнофункционального развития личности не подлежит специальной проработке.

По форме проведения некоторые эпизоды этнофункциональной психотерапии сходны с методом «кататимного переживания образов» по Х. Лейнеру (1996). Отличие заключается в том, что этнофункциональная психотерапия, ориентируясь на малоосознаваемые переживания пациента, не является психоаналитической в классическом смысле. Цель терапии – позитивное преобразование этнофункциональных расогласований эндо- и экзопсихических составляющих в психике пациента.

Особо следует подчеркнуть, что возраст пациентов имеет второстепенное значение, важно лишь, чтобы пациенты понимали терапевта. Это объясняется тем, что суть этнофункциональной психотерапии состоит в восстановлении целостности и содержания системы отношений пациентов на «упущенных» стадиях развития личности.

Общая структура и принципы проведения занятий

Занятия проводятся 3 раза в неделю по 1,5–2 часа. Каждое занятие включают «разогрев», основную и практическую часть. Цель «разогревающих» упражнений снять напряжение, обратить детей к их

чувствам и подготовить их к основной части занятий (для «разогревающих» и завершающих упражнений целесообразно подбирать народные игры).

Предложенная последовательность занятий не догматична и может изменяться в соответствии с календарными или другими причинами при сохранении общей логики построения цикла.

Психотерапевтическое воздействие способствует эмоциональному созреванию только в тех случаях, если его содержание согласовано с регионом рождения и проживания личности. В данном случае занятия построены на материале русской культуры.

Общий план варианта цикла занятий

ЗАНЯТИЕ «ВВЕДЕНИЕ»

Цель занятия: установление связи душевных состояний и переживаний человека с его отношением: к себе; к другим людям; к родной природе; к добру и злу.

«РАЗОГРЕВАЮЩИЕ» УПРАЖНЕНИЯ

1 «Дождик»:

Ведущий и игроки стоят (сидят) в кругу. Ведущий вспоминает, что бывают разные дожди – моросящий, слабый, ливневый... И у каждого свой звук. Вот и попробуем с закрытыми глазами «пролить» дождь. Дождь начинается с ведущего – он слегка потирает ладони. Игрок слева от ведущего подхватывает шелест, за ним следующий. Но начинаем «лить дождь», лишь услышав звук дождя соседа справа. Когда звук по кругу дошел до ведущего, он меняет его – начинает щелкать пальцами, затем – хлопать по коленям, наконец, слегка притопывать. Затем «дождь» начинает затихать – звуки повторяются по убыванию: топот → хлопки → щелканье → поглаживание.

2 Передача чувства по кругу:

Все встают в круг и закрывают глаза. Один человек выбирает какое-то чувство и передает его соседу справа каким-либо образом без слов. Сосед передает его дальше и так до тех пор, пока это чувство не вернется к первому игроку. Первого игрока спрашивают, то ли чувство он получил, что и отправлял, и какое это было чувство. Также все игроки по кругу высказываются, как они поняли переданное им чувство.

3 Изобразить радость, обиду, раздражение, гнев, сочувствие, приятную задумчивость.

- 4 Принятие чувств:
- а Написать 10 чувств-состояний, которые испытывал когда-то. Прочитать.
 - б Написать 10 чувств-состояний, которые испытывал реже всего или вообще не испытывал. Прочитать.
 - в Написать 10 чувств (состояний), которые хотел бы испытывать всегда. Прочитать, начиная со слов «Я могу быть ... (вставить чувство)».
 - г Написать 10 чувств-состояний, которые не хотел бы испытывать. Прочитать следующим образом: «Я могу быть раздражительным (злым, жадным, унылым и т. п.)» – «Да, могу».
 - д Обсуждение.

Основная часть

Обсуждение следующих вопросов:

- а Когда нам плохо, что мы можем изменить, чтобы это исправить? Можем ли мы изменить других людей, обстоятельства, природу, нравственные законы? Можем ли мы изменить свое отношение к ним?

Вместе с детьми мы приходим к ответу, что изменить мы можем только свое отношение к чему-либо.

- б С какими жизненными затруднениями могут быть связаны отрицательные состояния и переживания?

Используя методику мозгового штурма, ведущий записывает ответы детей на доске или ватмане, структурируя их по следующим темам: я (например: неспособность найти свое место в жизни и смысл своего существования, болезни, характер питания, собственный внешний вид), я и другие люди (например: взаимоотношения с близкими людьми, затруднения в общении, трудности в учебе), я и природа (например: переезд из одного места в другое, излишняя зависимость от погоды, климата и других географических условий), я и нравственность (например: неспособность понять, что хорошо и что плохо).

Вместе с детьми делается следующий вывод: отрицательные душевные состояния и переживания связаны с нарушением отношений человека в следующих областях: к себе, к другим людям, к природе, к добру и злу.

- в В чем проявляется отношение к чему-либо?
Ответ: В чувствах, мыслях и поведении.

- г В чем может проявляться нарушение отношений к чему-либо?
Ответ: В неспособности испытывать хорошие радостные чувства, в неспособности изменить свои неправильные суждения и представления, в порочном поведении, в рассогласовании мыслей, чувств и поведения.
- д Что может давать нам чувства радости и прилива сил? Какое отношение к себе придает силы, отнимает их? Какое отношение к природе придает силы, отнимает их? Какое отношение к другим людям придает силы, отнимает их?
Вывод: Живая природа, любовь к другим людям и телесное здоровье, а также твердая вера в то, что есть добро и что есть зло, придают человеку душевную силу.
Далее ведущий произносит примерно следующую речь: «Мы часто задумываемся о себе и своих отношениях с людьми, а о природе чаще всего забываем, хотя, как мы выяснили, наше состояние сильно от нее зависит. И мы начнем наши занятия с того, что построим наши отношения с природой так, как делали это наши предки на протяжении многих веков».

ЗАНЯТИЕ «РОДНАЯ ЗЕМЛЯ»

Цель занятия: проработка эмоционального отношения к родной природе.

Показываются изображения (фото-видеоматериалы, репродукции картин) среднерусских ландшафтов, животных, растений, а также экзотических.

Вопросы для обсуждения:

- а Какие природные условия вам ближе?
- б Что вы чувствуете по отношению к родной природе?
- в Какие чувства вызывает пустыня, джунгли, высокогорная местность?
- г Одинаковое ли у вас отношение к среднерусской и к тропической природе?
- д Все равно ли вам, в каких природных условиях жить постоянно?
- е Хотели бы вы жить постоянно там, где зимы нет вообще?
- ж Одинаковое ли у вас отношение к медведям и львам, к удавам и ужам, к попугаям и снегирям, к березам и пальмам?

Практическое занятие: в гипноидном состоянии «погружение» в любимый уголок природы. Обсуждение представлений и чувств в группе.

Текст для стимуляции состояния расслабления и погружения в мир образов (читается психологом, врачом или воспитателем):

Примите удобную позу, руки на подлокотниках, дыхание естественное, свободное дыхание, все мышцы полностью расслаблены, мышцы лба расслаблены, веки прикрыты под собственной тяжестью, щеки, мышцы губ полностью расслаблены, все лицо безмятежно и спокойно. Расслаблены мышцы шеи, затылка, голова под собственной тяжестью откинута на спинку кресла, плечи, мышцы груди, спины полностью расслаблены. Предплечья, кисти рук спокойно лежат на подлокотнике, ладони чуть теплеют, едва заметное тепло проникает в пальцы, в кончиках пальцев ощущается едва заметное биение крови, легкое-легкое покалывание иногда ощущается в ладонях. Расслаблены мышцы бедер, колени, икры, голени, стопы ног полностью расслаблены, подошвы ног едва заметно теплеют, легкое тепло ощущается в пальцах ног, отдельные легкие иголки покалывают подошвы ног, отдельные легкие иголки. Вы слышите только мой голос, только мой голос. Все тело безмятежно и спокойно. Приятная истома охватывает все тело, приятная истома.

Сейчас я хлопну в ладоши один раз, и вы погрызитесь в мир сновидений наяву, в мир образов, чувств, переживаний.

РАЗ (хлопок). Вы погружаетесь все глубже и глубже, безмятежно и спокойно, как легкий листок, несомый теплыми струями воздуха, расслабленно и свободно.

Представьте себя в милом вашему сердцу, любимом уголке родной природы. Побудьте в нем некоторое время. Вы ощущаете то, что вы ощущаете, чувствуете то, что вы чувствуете. Вы можете слышать какие-то звуки, можете что-то делать. Посмотрите вперед, направо, налево. Оглянитесь назад. Вы можете побыть еще некоторое время в своем любимом уголке родной природы...

Выход из состояния погружения:

Сейчас я сосчитаю до четырех, и на счет «четыре» вы откроете глаза. Вы будете все очень хорошо помнить, все чувства, переживания, ощущения, образы. Очень хорошо помнить.

РАЗ. Легкое тепло от стоп охватывает щиколотки, икры, голени, колени, бедра. Теплая сила наполняет живот, грудь, все тело.

ДВА. Сердце бьется чуть чаще, дыхание становится чуть глубже, еще чуть глубже.

ТРИ. Мысль становится ясной, память глубокой и цепкой, чувства яркими, разнообразными.

ЧЕТЫРЕ. Открыли глаза.

ЗАНЯТИЕ «ЧЕТЫРЕ СТИХИИ»

Цель занятия: проработка отношения к природным стихиям: воде, огню, воздуху, земле.

Упражнение «4 стихии»: детям предлагается назвать 4 стихии и затем прочувствовать, какая стихия им ближе. Далее дети образуют 4 группы, объединяясь по стихиям. Каждый по своему изображает какое-либо проявление «своей» стихии, сопровождая изображение соответствующими звуками. Потом предлагается изображать и звучать всем вместе. Обсуждение чувств, вызванных данным упражнением.

ТЕМА: Вода

Показ различных изображений проявлений водной стихии в средней полосе России: реки, озера, болота, ручейка, родника, пруда и т. д.. Показ сопровождается воспроизведением аудиоматериалов, содержащих плеск озерной воды, журчание ручья, шум дождя и т. д.

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства и мысли вызывает у вас вода в природе (родник, ручей, море, роса, облака, дождь и т. п.)? Боитесь ли вы воды?
- б Какая вода, по-вашему, чище: родниковая, из ручья, морская или из-под крана?
- в Какие «злые» и «добрые», вредные и необходимые человеку проявления водной стихии вы можете назвать? Какие чувства они у вас вызывают?
- г Какие народные представления о водной стихии вам известны? Какие чувства они у вас вызывают?

Этнографическая информация: Вода – в народных верованиях одна из первых стихий мироздания; источник жизни, средство магического очищения. Вместе с тем водное пространство осмысливается как граница между земным и загробным мирами, как место временного пребывания душ умерших и среда обитания нечистой силы.

С одной стороны, водная стихия – опасная для человека среда. «Где вода, там и беда», «от воды жди беды», «черт огня боится, а в воде селится». Это касается болотной и другой нечистой воды.

К проточной воде бегают в праздничные дни умываться для бодрости и здоровья; ею обливают больных или согрешивших людей, приговаривая: «Будь здоров, как вода». Проточная вода осмысливается как символ быстроты и успеха в разных делах: чтобы быстро шла работа, первое изделие ребенка, обучающегося ремеслу, бросают в ручей; в любовной магии девушки обращаются к воде

с приговором: «Как быстро течет вода, чтобы я также быстро вышла замуж».

Особым свойством обладают струи первого весеннего дождя, под них выбегают на улицу, трижды умываются ими, чтобы весь год быть здоровыми.

Никогда не замерзающая, вытекающая из самой Матушки-земли, родниковая вода обладает очистительными и оздоравливающими свойствами. Покровительницей ключей и родников, святых источников является Параскева-Пятница.

Упражнение: Детям раздаются карточки с названием того или иного вида водной стихии в нашей местности. Ребенок изображает, а остальные угадывают.

ТЕМА: Огонь

Показ различных изображений проявлений огненной стихии (восход солнца, пожар, гроза с молнией, костер, очаг и др.). Показ сопровождается воспроизведением аудиоматериалов, содержащих звуки грозы, потрескивание огня и т. д.

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства и мысли вызывают у вас различные проявления огня в природе и в быту (молния, лесной пожар, солнце, огонь в печи и т. д.)?
- б Какие «злые» и «добрые», вредные и необходимые человеку проявления огненной стихии вы можете назвать? Какие чувства они у вас вызывают?
- в Какой огонь, по вашему мнению, принято называть небесным, какой живым, а какой освященным?
- г Какие народные представления об огненной стихии вам известны? Какие чувства они у вас вызывают?

Этнографическая информация: Небесным огнем называется огонь, зажженный от молнии. Причем если гром ударит в человека или в строение, то никто не станет их спасать, считая это сопротивлением воли Божьей. Кто умоется водой во время первой грозы, тот в течение целого года не будет хворать никакой болезнью.

Живой огонь. Крутят мужики около палки веревку: веревка загорелась. Приняли огонь на сухую смоляную спицу – развели костер. Разобрали огонь по домам и стараются его долго поддерживать. Очень его ценят и почитают, потому что это именно «живой огонь», из дерева вытертый, свободный, чистый и природный.

В огонь нельзя плевать, заливать, нельзя бросать в затопленную печь волос, чтобы не болела голова, перешагивать через костер, нельзя браниться при разжигании огня в очаге.

Кроме живого огня, русские люди придают большое значение «освященному огню». Это огонь, вынесенный из церкви после великих священнодействий и в это время как бы получивший особенную силу и исключительную благодать.

Упражнение: Детям раздаются карточки с названием того или иного проявления огненной стихии. Ребенок изображает, а остальные угадывают.

ТЕМА: Воздух

Показ различных видеоматериалов проявлений воздушной стихии (вихрь, ветер, ураган и др.).

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства и мысли вызывают у вас различные проявления воздушной стихии (легкий ветерок, ураган и т. д.)?
- б Какие «злые» и «добрые», вредные и необходимые человеку проявления воздушной стихии вы можете назвать? Какие чувства они у вас вызывают?
- в Какие народные представления о воздушной стихии вам известны? Какие чувства они у вас вызывают?

Этнографическая информация: Воздух – сфера пребывания душ и невидимых демонических существ. Воздух служит проводником, средой, через которую насылается порча, распространяются болезни. Появление «злого», «нечистого» воздуха связывают с моментом полного затишья. Многие демонические персонажи, обитающие в воздухе, имеют облик пара, ветра, воздушного столба, густого дыма, газа и т. д.

Упражнение: Детям раздаются карточки с названием того или иного проявления воздушной стихии. Ребенок изображает, а остальные угадывают.

ЗАНЯТИЕ «МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ»

Цель занятия: проработка народного отношения к стихии «Земля».

Просмотр видеозаписей и изображений родных ландшафтов.

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства и мысли вызывают у вас различные проявления стихии Земля (лес, поле, поляна, опушка, дорога, перекресток, овраг, холм, луг и т. д.)?

- б Бывает ли земля «злой»?
- в Какие народные представления о стихии Земля и различных ее проявлениях вам известны? Какие чувства они у вас вызывают?
- г Как связана земля с жизнью? Как земля дает человеку жизнь (хлеб и т. д.)?
- д Что я чувствую, когда хожу по земле босиком, лежу на земле?
- е Что есть для меня понятие «родная земля»?
- ж Каково соотношение понятий «родная земля» и «чувство долга»?

Этнографическая информация: Землю называют матерью. Самая святость целебных родников и колодцев главным образом зависит от того, что исходят они непосредственно из благодатных и неисчерпаемо богатых недр матери-земли. Самая стихия эта настолько свята, что не держит в себе ничего нечистого и в особенности враждебного людям. Связь человека с землей выражает пословица «Сверх земли не положат и нищего, и бездомного». Саженку вдоль да полсаженки поперек – для каждого полагается обязательно. А затем, вся та земля, куда схоронены кровные близкие, называется родительской и считается священной: она могущественна до такой степени, что горсточка ее, взятая с семи могил, укрывающих заведомо добродетельных людей, спасает всех родичей, оставшихся в живых, от всех бед и напастей. Почти такой же силой обладает и вообще родная земля.

Упражнение: Детям раздаются карточки с названием того или иного проявления стихии Земля. Ребенок изображает, а остальные угадывают.

Упражнение «4 стихии».

Вопросы для обсуждения:

- а Что изменилось в ваших чувствах, мыслях, ощущениях по сравнению с первым исполнением этого упражнения?
- б Какая стихия вам стала ближе всего и почему?
- в Что вы чувствовали, изображая данную стихию?

Занятие «Водяной»

Цель занятия: психотерапевтическая проработка традиционного народного отношения к воде.

Обсуждение картины И. Левитана «У омута».

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства и мысли вызывает у вас эта картина?
- б Кто живет в омуте?
- в Где живет водяной? Где его нет? Как выглядит водяной? Чем занимается? Добрый он или злой? Как договориться с водяным?
- г Знаете ли вы истории, связанные с водяным?

По ходу обсуждения картины терапевт на основе традиционных народных представлений доступно разъясняет соответствующие образы и отношения. Также показываются репродукции картин В. Васнецова «Водяной», «Аленушка», С. Воробьева «У старой мельницы», Ф. Васильева «Заброшенная мельница».

Этнографическая информация: Водяной – хозяин и покровитель водного пространства. Водяной может представляться в виде древнего горбатого старика, очень высокого или очень маленького. Он лохматый и волосатый, оброс тинной, водорослями и мхом. У него зеленые волосы, длинная борода. Одежда водяного преимущественно красного, черного или зеленого цветов. На ногах у него копыта, перепонки между пальцами, есть хвост. Водяной может превращаться в любую рыбу или животное, а также предметы: камень, дерево, бревно. Характерные звуковые проявления водяного – громкий смех, хлопанье в ладоши, шлепанье по воде. Места обитания водяного – глубокие водоемы, водовороты, омуты, запруды, плотины и мельницы. Водяной показывается человеку и на берегу, на камнях, мельничных колесах, плотах, мостах, стогах сена. Время наибольшей активности водяного – полдень, полночь, время после захода солнца, лунные ночи. Водяной особенно опасен во время больших праздников, в ночь на Ивана Купалу, в субботу перед Троицей, а также в период цветения ржи. Зимой водяной спит на дне реки, просыпается на день Никиты Исповедника (16 апреля), ломает лед, мучает мелкую рыбу. Если его задобрить подарками, поможет рыболовам добыть улов. Водяной бывает причиной несчастий, болезней. Он устраивает водовороты и наводнения, вызывает сильный ветер, затопляет луга, губит посевы на прибрежных полях. Мельники и рыбаки его почитают и боятся. Чтобы умилостивить водяного, ему делают приношения: бросают в воду дохлых животных, жертвуют первый улов рыбы, хлеб, соль, водку, деньги. Идучи на ловлю, бывалый рыбак никогда не ответит на вопрос встречного, что он идет ловить рыбу, так как водяной любит секреты и уважает тех людей, которые умеют хранить тайны. Пчеловоды поставили свое чистое дело – уход за «божьей угодницей» пчелкой также в зависимость от водяного и исстари придерживаются обычая кормить его свежим

медом и дарить воском, понемногу из каждого улья накануне Спаса дня, ночью, до петухов. Средства защиты от водяного: чеснок, папоротник, веревка, сплетенная из 9 полос липового лыка, пуговица от свадебного наряда, святая вода. Водяной не может утопить человека, съевшего хлеб из муки, смолотой в ночь на Ивана Купалу. Чтобы избавиться от водяного, следует загадать ему загадку или задать вопросы, на которые он не сможет ответить.

Практические занятия – кормление водяного 16 апреля (на Никиту Вешнего).

ЗАНЯТИЕ «РУСАЛКИ»

Цель занятия: психотерапевтическая проработка традиционного народного отношения к воде.

Чтение былички Л. Д. Коротковой «Русалии купала»:

Про Федюнюшку бабушка часто сказывала, да только мне все равно слушать хотелось. Я и тебе расскажу, ежели тихо сидеть будешь да терпеливо слушать.

Частенько родители детей своих ругали, а то и прутиком гоняли, когда докучала ребяшня своими дразнилками Федюнюшке. Был Федюнюшка деревенским дурачком: всегда улыбался, никогда не обижался, ни с кем не ссорился. Одет он и зимой и летом был всегда одинаково – на плечах лохмотья, а на голове старый колпак.

Иные сердобольные бабы ему старую свою кацавейку или рубаху мужнину дадут, на лохмотья-то его гляючи. Только он эту одежду возьмет, улыбнется, низко поклонится, а надевать не надевает. А ребяшня его часто донимала. Он, бывало, по деревне идет со своей старой котомочкой за плечами, а мальчишки его окружают, на одной ножке скачут да дразнят:

Федюнюшка-дурачок,
Надень новый колпачок,
Трижды свистом посвисти
И русалку навести.

А Федюнюшка только смотрит на них да улыбается. Бывало, и совсем его доймают. Начнут за лохмотья дергать, а то и котомочку из рук вырвут да закинут куда. Остановится тогда Федюнюшка, лицо спокойное, а одну-то руку вверх и поднимет, указательным пальцем на небо показывая. И так вся ребяшня этого указующего перста боялась, что с визгом разбежалась от Федюнюшки по избам. А там – затрещина от мамки: не донимай убогого!

Федюнюшкину-то историю в деревне каждый знал. Непростая она, эта история. Он ведь не всегда дурачком-то был. Жил

Федюнюшка со старухой-матерью небогато. Работал, как умел. Жил тихо, скромно. Да и сам он был какой-то тихий: ни на вечерках не плясал, ни с друзьями не играл. Бывало, сядет вечером возле дома на бревна рядом с бабушками и сказки слушает. Или начнет досочки тесать. Кто-нибудь у него и спроси: на что мастеришь? Так он: хочу в лесу муравейничек огородить, мурашкам там спокойнее будет. Ну, право слово, чудной.

И случись такое, что полюбила его одна девка деревенская, смелая да отчаянная. Да и как не полюбить: ростом высок, волосом рус, глаза – ровно небушко, да тихий-спокойный. Жену-то, небось, обижать не станет. И стала эта Аринка везде его встречать. Он в поле – она там, он в лес – она по тропинке следом, он за околицу – она навстречу. Только примечали люди: не любя она ему, тяготится он ее-то вниманием.

А тут это все и случись! Время, слышь, было летнее, июнь да июль месяцы. Их еще по-старому изок да червень называли. Теплынь. И стали люди примечать: каждый вечер, как стемнеет, ходит Федюнюшка на дальнее озеро за деревню. Уж месяц, как на работу ходит.

Как-то парень один деревенский мимо того озера с рыбалки возвращался. Рыба-то, удивительное дело, в одном только дальнем озере испокон и не водилась. Все его стороной и обходили: рыбы в нем нет, а купаться далековато, и ближе и лучше места есть,

Так вот, шел этот парень мимо озера и клянется – видел, как Федюнюшка, на камне у воды сидючи, с русалкою беседовал. Русалка, слышь, в воде плавает, лениво так хвостом колышет, а сама с Федюнюшкой разговоры говорит. Об чем уж они, эти разговоры, парень не слышал, а видеть – видал.

А в ту пору Аринка, девка та бойкая, совсем его, видать, доняла. Не сдержался он однажды да и сказал, что не любя она ему. Услыхала это девка да вгорячах и скажи:

– Что, русалка, небось, в невесты метит?!

Поблелнел Федюнюшка, зашатался даже. Видать, не ожидал он, что секрет его раскроют. Но ничего Аринке не сказал, ее стороной обошел – и своей дорогой. А Аринка – девка настырная, нежелательно ей от такого парня отказываться. Вот и решила она за ним последить да все сама разузнать.

Дождалась она вечера да и пошла следом за Федюнюшкой. А тот к озеру подошел, на воду посмотрел да трижды и свистнул, а потом еще и камушек в воду кинул. Видит девка, появилась из озера русалка. Красивая, чешуйчатая, с длинными льняными волосами,

да золотым хвостом, раздвоенным. Ежели бы хвоста не разглядела, могла бы Аринка ее за девчонку принять.

Сел Федюнюшка на камушек и разговаривать с той русалкою начал. А Аринка все слушает да запоминает. Федюнюшка меж тем говорит, а голос нежный, ласковый:

– Скоро ль вместе-то будем, голубушка моя? Истосковался я без тебя.

А та ему из воды:

– Федюнюшка, я уж тебе сказывала: три денька осталось. Ежели бы ты ко мне в озеро жить пошел, все проще бы было. А чтобы мне земною стать, надо дня заветного дожждаться. Русалии-то Купала нам помочь могут. Как сбросим мы в ту ночь хвосты свои – девками станем. Всю ночь петъ да хороводы водить будем. Ты в первые-то две ночи не показывайся: заметят тебя русалки – к себе в озеро утащат. А вот на третью ночь, как затанцуются они, ты хвост-то мой хватай да беги домой. Подруги меня за тобою вдогонку пошлют: без хвоста домой вернуться нельзя. А я следом за тобой побегу да к ним и не вернусь боле. Только ты хвост-то мой перед самым рассветом бери, чтобы не успели русалки нас догнать. А с рассветом опять подруги русалками станут, домой вернутся. Вот мы с тобой на земле и останемся.

– Да зачем мне хвост-то твой? Давай и без хвоста убежим!

– Нельзя, Федюнюшка! Ежели хвост не со мной будет, умру я: солнышко меня, ровно пену, высушит, растаю я...

Аринка это слушает да запоминает. А на другой-то вечер опять за Федюнюшкой на озеро пошла, а уж там русалии хороводы да песни. Русалии Купала! Сбросили русалки хвосты свои и давай при лунном евете потешаться: хороводы водить, песни петъ, на дудочках да на сопелках играть. Аринка-то ночью на русалок любовалась, а днем чем занималась? Никто не видал,

И на другую ночь девка опять в кустах сидела, игрища русалочки глядела. А днем что-то опять в сарае мастерила. На третью ночь, когда русалочка бежать-то надумала, все как в первые две ночи было. Опять песни, хороводы, русалии купала. Видит Аринка, подкрался Федюнюшка к русалочьим хвостам, схватил один, приметный, да наутек.

А Аринка дождалась, пока русалки свою подружку пошлют хвост вырывать, да и дернула за веревочку. У нее в кустах уж все припасено было: не зря три-то дня сеть плела да на кустах укрепляла. Попалась в сеть та русалочка, забилась. А тут – рассвет! Заплакала русалочка да все повторяет:

– Федюнюшка, прости меня, прости, миленький!..

А тут и солнышко взошло. Бросило лучи свои на озеро, на деревья, на траву, обожгло русалочку. И растаяла она, словно и не было. Лишь один веночек на берегу рядом с лужицей воды озерной и остался.

А Федюнюшка так и не дождался любимой своей. Аринка-то очень хотела видеть, как парень убиваться станет. «А я его и пожалею и приласкаю», – думала. Надеялась все же...

Ан не так вышло. Вернулся Федюнюшка на место то, нашел веночек да лужицу – понял, кто сеть-то натянул. Да как закричит. И так Аринке жутко стало! Выскочила она из кустов, бежать собралась. И видит: лицо у Федюнюшки стало спокойное, доброе, и улыбается. Вот от этой улыбки Аринке не по себе и стало. Бросилась она в деревню, а всю дорогу кричала от страха, будто кто за нею гнался.

А Федюнюшка с тех пор дурачком стал. Русалии-то Купала не всякому во благо видеть.

Аринка в соседнюю деревню замуж вышла. Мужик попался ей под стать: жестокий да бессердечный. Не жила – маялась.

А Федюнюшка, почитай, тоже растаял. Пожар в деревне случился, а в одной-то избе двое малых деток остались. Федюнюшка их-то из огня вынес, а потом, добрая душа, за кошкой вернулся. А тут крыша и обрушилась. Но что удивительно, после пожара Федюнюшку так и не нашли. Даже косточек на пожарище не было. Вот все и говорили: как русалочка его растаяла, так и он сам. Любовь, ежели она сильная, расстаться-то и после смерти не дает. На то она и любовь!

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства у вас вызвала эта история? Происходило ли с вами что-либо подобное?
- б Какие еще вы знаете истории про русалок?
- в Кто такие русалки?
- г Выходят ли они на берег? Когда, зачем, какие обряды связаны с ними?
- д Как выглядят русалки? Где живут? Чем занимаются? Как они связаны с водяным?

Также показываются репродукции картин И. Крамского «Русалки», В. Васнецова «Царевна-лягушка».

Этнографическая информация: Русалки (лобасты, мавки) – девы вод. Как правило, русалками становятся дети, умершие некрещеными или девушки-утопленницы, жертвы несчастливой любви. Выглядят русалки либо как молодые красивые девушки, обнаженные или в белых одеждах, либо как страшные уродливые косматые бабы. Хвоста у русалок нет. Обычно появляются на земле в течение русальной недели (с четверга перед Троицей) в то время, когда цветет рожь. В это время их можно встретить в ржаном поле, у воды, на деревьях, в лесу, на перекрестках дорог. Русалки защищают посевы и способствуют урожаю злаков. Вместе с тем они же могут навредить хозяевам, нарушившим запрет работать в поле на Русальной неделе, тогда русалки вытаптывают или высушивают посевы. Во избежание встречи с русалками и чтобы не навредить им, люди соблюдают в течение Русальной недели многочисленные запреты: не работают в поле и огороде, не белят стены дома и печь («чтобы русалкам глаза не забрызгать»), избегают всех работ, связанных с прядением, тканьем и шитьем («чтобы не зашить русалок» или чтобы они не запутались в нитках), не ездят в лес за дровами («чтобы не привезти в дом русалку»). Привычные занятия русалок – купание в водоемах, расчесывание своих длинных волос, игры и шалости, плетение венков, пение и танцы в житном поле. Прохожего, особенно молодого юношу, могут защекотать до смерти.

Практические занятия – празднование Русалий в начале и в конце зимних святок и Русальной недели (в это время проводятся ритуальные игры, когда девушки снимают браслеты и пляшут «спустя рукава», как бы превращаясь в русалок, размахивающих руками-крыльями и сеющих дождь (этот танец плодородия описан в сказке о Царевне-лягушке).

ЗАНЯТИЕ «НА ТО И ЩУКА В РЕКЕ...»

Цель занятия: проработка отношения к обитателям водной стихии с точки зрения народных представлений.

Показ изображений различных видов рыб, встречающихся в средней полосе России и назвать их. Прослушивание записей птичьих голосов с названием птиц.

Вопросы для обсуждения:

- а Каких из этих рыб вы знаете?
- б Как вам кажется, какой характер у различных рыб? Какая рыба вам ближе всего по характеру?
- в Какие народные представления о рыбах вам известны?

ЗАНЯТИЕ «СТРАНА ИРЕЙ»

Цель занятия: проработка отношения к обитателям воздушной стихии с точки зрения народных представлений.

Показ изображений различных видов птиц, встречающихся в средней полосе России и назвать их. Прослушивание записей птичьих голосов с названием птиц.

Вопросы для обсуждения:

- а Каких из этих птиц вы встречали в своей жизни?
- б Как вам кажется, какой характер у различных птиц? Какая птица вам ближе всего по характеру?
- в Какие чувства рождаются в вашей душе, когда вы видите или слышите ту или иную птицу?
- г Какие народные представления о птицах вам известны?

Этнографическая информация: Ирей – страна, куда птицы улетают зимовать.

Аист и журавль – особо почитаемые, «святые» птицы, обладают человеческими свойствами, охранители и очистители земли. Гнездо аиста или журавля на доме – к счастью. Разорение гнезд и убийство аиста или журавля – большой грех, сулит человеку несчастье или даже смерть. Услышав первый крик журавля по весне, надо кувырнутья по земле, чтобы не болела спина.

Воробей – вор. За это он носит на ногах невидимые путы или оковы, отчего он не ходит, а скачет на обеих ногах. Из всех птиц только воробей не празднует Благовещение и вьет в этот день гнездо. Воробей, влетевший в окно, предвещает большую беду или покойника. Чтобы жена любила мужа, ей дают съесть воробьиное сердце.

Ворон и ворона – зловещие птицы, связанные с миром мертвых. Ворон – птица вещая. Он живет очень долго и владеет тайнами: вещает смерть, нападение врагов, приносит матери весть о гибели сына. Ворона – нечистая птица, и поэтому ее нельзя есть. Ворон дружит с волком, и тот, кто поет в лесу и увидит его, встретит волка. Кровью ворона охотники смазывают дуло ружья, чтобы оно били без промаха. Если ворон кричит, сидя на крыше дома, значит, в доме кто-то скоро умрет. Просто крик ворона или вороны – к плохим вестям. Охотники избегают упоминать имя ворона, чтобы не было неудачи на охоте.

Голубь – чистая, святая, Божья птица. Голуби приносят счастье дому, в котором они водятся, этот дом не сгорит от пожара. Белый голубь способен погасить пожар, если его бросить в огонь. Запрещается убивать и есть голубей, это влечет за собой неблагополучие

скота. Голубь – символ любви. Если голуби и ласточки летают вокруг дома, где происходит свадьба, это сулит молодым счастье в браке. Залетевший в дом голубь предвещает смерть.

Дикие гуси – белые, чистые птицы. Млечный путь называют «гусиной дорогой», так как по этой дороге гуси прилетают весной а осенью улетают в ирей. Летящих гусей (также как журавлей и аистов) можно сбить с дороги и заставить их летать по кругу. Для этого, увидев летящих кличем гусей, надо либо пересчитать их, либо бросить две палочки крест-накрест, либо крикнуть: «Задний переднего перегнал!» День отлета гусей приурочивается к дню Никиты-гусятника или Гусепролета. В этот день задабривают водяного, бросая ему гуся без головы, голову же относят домой для домового.

Дятел – огненная птица. Особенно много поверий связано с черным дятлом – желной. Дятел знает, как найти «разрыв-траву», которая открывает все запоры. Чтобы добыть ее, надо забить клином дупло желны с ее птенцами. Тогда птица принесет разрыв-траву и откроет дупло. Траву надо подобрать, зашить под кожу правой руки и тогда достаточно лишь прикоснуться рукой к замку, как он сам собой откроется. Дятел, севший на крышу дома, – к пожару. Черный дятел, долбящий стену или угол дома, предвещает покойника. Поэтому и дерево, издолбленное дятлом, почитается негодным для строительства и употребляется только на дрова. Смерть или тяжелую болезнь предвещает также черный дятел, перелетевший человеку дорогу.

Жаворонок приносит весну. Именно его заклинают, чтобы весна пришла скорее.

Кукушка – птица женская, вдовья. Кукушкой стала женщина, тосковавшая по погибшему мужу. В виде кукушки душа покойного прилетает на землю повидаться с родными. Кукованье кукушки предвещает несчастье: «Кукушка кукует, горе вещует», поэтому, услышав ее, необходимо отвести беду заклинанием: «Хорошо кукуешь, да на свою б голову!» Кукушка может нагадать, сколько жить осталось, для этого к ней надо обратиться с вопросом: «Кукушка сера, загадывай смело, сколько лет жить и когда помереть». Чтобы кукушка подольше куковала и не улетела с ветки, надо подкрасться к дереву и перевязать его поясом. Кукушка первая улетает в ирий и последняя возвращается, так как у нее хранятся ключи от ирия. Пока не закукует кукушка, нельзя купаться.

Ласточка – чистая, святая птица. Она покровительствует дому и скоту. Гнездо ласточки под крышей обеспечивает дому счастье, разоривший ее гнездо сам лишится дома. Ласточка приносит весну.

Она приносит из-за моря золотые ключи, которыми запирает зиму и отпирает лето. Если, увидев первую весеннюю ласточку, умоешься, станешь резвым и веселым, избавишься от сонливости и хвори.

Практическое занятие: один участник изображает движениями тела и звуками какую-нибудь птицу, остальные отгадывают.

ЗАНЯТИЕ «ЛЕС»

Цель занятия: психотерапевтическая проработка отношения к лесу.

Просмотр фото-видеоматериалов о русском лесе. Чтение отрывков из произведений русских писателей и поэтов о лесе (И. С. Тургенев, М. М. Пришвин, Е. Чарушин, С. Есенин). Показ изображений деревьев, кустарников, ягод, встречающихся в русском лесу, название их и рассказ о некоторых особенностях (вместе с детьми).

Вопросы для обсуждения:

- а Что вы чувствуете в лесу?
- б Какие чувства у вас вызывает лес в разные времена года?
- в Какие чувства вызывают у вас различные деревья и другие лесные растения?
- г Что вы знаете об этих деревьях и растениях (особенности, народные обычаи и легенды)?
- д Какие деревья и другие лесные растения вам близки, созвучны вашему характеру?

Этнографическая информация: Дуб – царь среди деревьев, самое почитаемое дерево, символизирующее силу, крепость и мужское начало. Воду после купания новорожденного мальчика выливают под дуб. Когда невесту вводят в дом мужа, она первой входит туда и говорит про себя: «Около двора дубочки, а в дом – сыночки», если хочет, чтобы у нее рождались мальчики. При первом громе или при виде первой весенней птицы трутся спиной о дуб, чтобы спина была крепкой. Затыкают за пояс на спине дубовую ветку, чтобы спина не болела во время работы.

Береза – дерево «счастливое», оберегающее от зла. Береза символизирует женское начало и противопоставляется дубу. Они символизируют жениха и невесту. Место, где раньше росли березы, считается несчастливым, на нем не ставят дом. Заткнутые под крышу дома, оставленные на чердаке ветки березы защищают от молнии, грома, града. Больного водят к березе, он держится за скрученные над ним ветки и не отпускает их до тех пор, пока болезнь не отступит от него.

Верба – кустарник или дерево, символизирующее быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие. Молодая, особенно освященная в Вербное воскресенье верба защищает от стихийных бедствий, нечистой силы, болезней и т. п. Вербовой веткой, освященной в Вербное воскресенье, на Юрьев день хлещут детей и скотину, приговаривая: «Расти, как верба!» Такой же веткой стегают лошадей, при первом выгоне в ночное (чаще всего на Николу вешнего). Хранят такие ветки заткнутыми за иконы. Еще их используют для защиты от грома, грозы и бури. Ветка вербы, брошенная против ветра, прогоняет бурю, брошенная в огонь – умиряет его, а посаженная в поле – оберегает посевы.

Липа – дерево, почитаемое как святое. Липу используют для высекания «живого» огня, с помощью которого ежегодно обновляли огонь в домашних очагах. В липу не бьет молния, поэтому ее сажают около дома и укрываются под ней во время грозы. Крестик из липы вешают на шею человеку, мучимому наваждениями. Во время выпаса скота липовую ветку втыкают посреди пастбища, чтобы коровы не разбрелись далеко и их не могли тронуть звери в лесу. У ведьмы можно отбить охоту к оборотничеству, если ударить ее наотмашь голой липовой палкой. На липу переносят болезни, забивая в ствол дерева куски одежды, волосы и ногти больного. Больных людей и скот окуривают дымом от сожженной липы.

Осина – проклятое дерево, но имеющее оберегающие функции. Осиновыми стволами выложена дорога, по которой леший заманивает к себе путников. Ведьма варит зелье на огне из осиновых поленьев. Колдун, на время желающий превратиться в волка, должен, найдя в лесу осиновый пенек, который при срубании дерева забыли осенить крестом, должен схватиться зубами за край его и перекувырнуться через голову. Колдун вбивает под строящийся дом осиновый кол, чтобы навредить хозяевам. Осина способна «забирать» силу. Поэтому при похоронах, подозревая в покойнике будущего упыря, в могилу вбивают осиновый кол, а на грудь умершему кладут осиновые крестики. При воспалениях или болях в суставах к больному месту прикладывают осиновую чурочку, чтобы «вытягивала» болезнь. Для того же стены бани делают или обшивают осиной. А еще в засуху на осиновых поленьях сжигают труп самоубийцы (особенно утопленника), чтобы вызвать дождь.

Рябина – дерево-оберег. Вернувшись с кладбища, над дверью вешают ветку рябины, чтобы покойник не вернулся домой. При различных болезнях человек должен трижды пролезть сквозь рябину, расколотую надвое и связанную по краям или через рябиновый куст.

Чтобы выведать у лешего причину болезни человека, знахарь отправляется в лес, находит там рябину, раскалывает ее ствол пополам, пролезает через отверстие, а затем оставляет в этом расщепленном стволе письмо для лешего с вопросами. Также лешего можно отогнать кнутом, рукоятка которого сделана из рябины. Но вообще запрещено ломать кусты рябины, использовать ее на дрова и даже обрывать ягоды. У того, кто причинит вред рябине, будут болеть зубы. При зубной боли тайно на утренней заре надо встать перед рябиной на колени, обнимать и целовать ее и произнести заговор: «Рябина, рябина, возьми мою болезнь, отныне и до веку тебя не буду есть», а потом, возвращаясь домой, нельзя оглядываться и стараться ни с кем не встретиться. Считается, что в год, когда на рябине много ягод, будет много свадеб.

Ель – женское дерево, оно же «гробовое» дерево, так как из еловых досок обычно делают гробы. Поэтому нельзя сажать елку возле дома. Иначе в доме кто-то умрет или не будут рождаться мальчики, а девочки останутся вековухами. Ветки и иголки ели используют в качестве оберегов. Особенно ветки, освященные на Рождество, Крещение, Сретение, Пасху или в день рождества Иоанна Крестителя. Ветки, которые были воткнуты в лед по бокам проруби на Крещение, приносят домой, кладут за образа и втыкают в крышу, от ветра и грома. На ели живет леший. А домовый может жить в большой еловой или сосновой ветке, подвешенной где-нибудь во дворе. Поэтому в ель часто бьет молния, и под ней нельзя находиться в грозу. Еловые ветки принято бросать на дорогу к кладбищу как перед похоронной процессией, так и ей вслед. Таким образом устилают «дорогу» или «заметают» дорогу покойнику, чтобы не приходил и не тревожил. При детской бессоннице нужно произнести заговор: «Поди, Заря, в лес, сядь на елку, считай себе иголки. Там тебе дело, там тебе работка. Моего дитятка сердечного знай, не задевай».

Практическое занятие: написать сочинения на тему «Мое общение с лесом» или провести групповое «погружение» в лес в гипноидном состоянии. Обсуждение в кругу. Можно также провести занятие в лесу или в парке с использованием упражнений из игровой экологии.

ЗАНЯТИЕ «ЛЕШИЙ»

Цель занятия: проработка традиционного народного отношения к лесу.

Занятие начинается с показа репродукций картин И. Шишкина, И. Левитана, М. Врубеля «Пан», В. Васнецова «Баба-Яга». Показ можно

сопровождать прослушиванием аудиозаписей со звуками леса (шум ветра в кронах деревьев, пение птиц, вой волка, хруст веток).

Затем читается быличка «В няньках у лешего»:

В Неноксе жила-была старуха Савиха. Пошла она за ягодами и заблудилась. Пришел мужик:

– Бабка, что плачешь?

– А заблудилась, дитятко, дом не знаю с которой стороны.

– Пойдем, я выведу на дорогу.

Старуха и пошла. Шла, шла:

– Что этта лес-от больше стал? Ты не дальше-ле меня ведешь?

Вывел на чисто место, дом стоит большой; старуха говорит:

– Дедюшка, куда ты меня увел? Этта дом-то незнакомый?

– Пойдем, бабка, отдохнем, дак я тебя домой сведу.

Завел в избу, зыбка веснет.

– На, жонка, я тебе няньку привел.

Жонка у лешего была русска, тоже уведена, утащена. Старуха и стала жить, и обжилась; три года прожила и стоснулась. Жонка зажалела:

– Ты так не уйдешь от нас, а не ешь нашего хлеба, скажи, что не могу есть.

Старуха и не стала; сутки и други и третьи не ест. Жонка мужа и заругала:

– Каку ты эку няньку привел, не лешего не жрет и водиться не умеет, отнеси ее домой.

Леший взял на плечи старуху, посадил да и потащил. При-тащил ко старухину двору, бросил, весь костыченко (сарафан) прирвал, едва и старик узнал старуху. Вот она и рассказывала, что у лешего жить хорошо, всего наносит, да только скучно; один дом – невесело!

Вопросы для обсуждения:

- а Какие мысли, чувства и ощущения вызывает у вас эта исто-рия?
- б Какие вы знаете истории про лешего? Происходило ли с вами что-либо подобное?
- в Как выглядит леший? Добрый он или злой? Что он умеет? Ка-кие живые существа у лешего самые любимые («подручные»)? Какие нелюбимыми?

Этнографическая информация: Леший – хозяин леса, покровитель лесных зверей и птиц. Леший имеет вид мужика или старика с белой

бородой, одетого в обычную крестьянскую одежду, но правая пола одежды у него запахнута за левую, левый лапоть надет на правую ногу а правый на левую, а когда он садится, всегда закидывает левую ногу на правую. Леший никогда не бывает подпоясан. Одежда у него белого, красного, черного или зеленого цвета. У лешего нет бровей и ресниц, правый глаз неподвижен и больше левого. Волосы зачесаны налево, и у него нет правого уха. Он не отбрасывает тени. Кровь у лешего синяя. Характерная черта лешего – его способность изменять свой рост: он может быть вровень с верхушками деревьев или ниже травы. Леший может превращаться в любого зверя и любую птицу, в дерево, куст или гриб. Появление лешего обычно связано с вихрем или резким ветром. Настоящий леший нем, но голосист; умеет петь без слов и подбодряет себя хлопаньем в ладоши. Лешие умеют хохотать, аукаться, свистеть и плакать по-людски. Местом обитания лешего является весь лес, однако его излюбленные места – коряги, вывернутые с корнем дерева, лесные избушки. Леший сторожит лес и безраздельно распоряжается всем, что там есть. Леший охраняет и пасет стада лесных зверей, является начальником над волками. Особенно подчинены ему зайцы и белки. Они у него на полном крепостном праве, он даже имеет власть проигрывать их в карты соседнему лешему. Леший часто перегоняет с места на место табуны зайцев, волков, белок, полевых мышей и крыс. Леший часто проказит и этим вредит человеку: сбивает с дороги, заводит в чащобу, заставляя блуждать, кружить в течение многих часов. Леший морочит человека и глумится над ним: прячет шапку или корзину, укладывает спать на муравейник, заставляя залезть на дуб, заводит в болото. Особенно часто это случается с теми, кто пришел в лес, не благословясь, или кто, войдя в лес, не «попросился» у лешего. От проказ лешего можно легко отчураться прежде всего молитвой и крестным знаменем, а затем при помощи известных приемов. Заблудившемуся рекомендуется присесть на первой колоде, снять с себя и вывернуть наизнанку носильное платье и затем в таком виде надеть на себя. Обязательно при этом левый ботинок надеть на правую ногу или правую рукавицу на левую руку. Если же в беду попало двое или трое, то им следует всем перемениться одеждой, предварительно выверотив ее наизнанку. Можно точно также вызволиться из беды, проговоривши любимую поговорку лешего: «Шел, нашел, потерял». Чтобы вернуть людей, которых увел леший, на перекрестках дорог кладут для него угощение: сало, горшок с кашей, блины. Еду заворачивают в чистую тряпку с красной ниткой, кланяются на четыре стороны, не крестясь, и просят лешего

вернуть родственника. Поскольку леший считается хозяином всех зверей и птиц, то без договора с ним охотник не может охотиться, иначе он остается без добычи. Леший ходит по лесу ночью, до первых петухов, после чего спит в лесной избушке. Летом леший справляет свадьбу, во время которой в лесу поднимается буря. Лешие уходят на зиму под землю в день святого Ерофея (17 октября), в этот день они бесятся, а перед этим, на Воздвижение (27 сентября), они собирают все лесное зверье на смотр перед наступающей зимой; в эти дни знающие люди в лес не ходят. Вновь появляются весной, когда начинает таять снег и размыкается земля. Оберегами против лешего служат соль и огонь, магический круг, очерченный осиновой палкой, ножом или кочергой, а также липовая палка, очищенная от коры. Леший – враг водяному, посему не любит рыб, подручных водяного. Если в лесу говорить о рыбе и о рыбалке, леший может рассердиться. Зато если понравиться лешему, то он может научить шить. Чтобы вызвать лешего, следует сложить вкруговую срубленные березки верхушками внутрь и затем, встав в центр, крикнуть: «Дедушка!»

Данное занятие было бы целесообразно провести в лесу или парке.

ЗАНЯТИЕ «ТЕРЕМОК»

Цель занятия: психотерапевтическая проработка отношения к лесным животным.

Чтение (вспоминание вместе с детьми) русской народной сказки «Теремок».

Вопросы для обсуждения:

- а В чем смысл сказки?
- б Какой характер у каждого животного?
- в Какие вы знаете народные представления и легенды о каждом из них?

Этнографическая информация: Медведь. Медведем стал человек, наказанный Богом за провинности. Если снять с медведя шкуру, то он выглядит как человек. У медведя человечесьи глаза, ступни и пальцы, он умеет ходить на двух ногах, умывается, кормит грудью, нянчит и любит своих детей, молится, радуется и горюет, как человек, понимает человеческую речь и сам иногда говорит, постится весь Рождественский пост: сосет лапу. Как и люди, он равнодушен к меду и водке. На медведя и человека собаки лают одинаково, не так, как на животных. Медведь – родной брат лешему. Нечистая сила медведя боится и убегает от него. Медведь ложится в берлогу на Воздвижение,

на Спиридона-солнцеворота поворачивается в берлоге на другой бок, а встает на Благовещение или на Васильев вечер. При встрече с медведем, чтобы он не тронул, прикидываются мертвым, а женщина показывает ему свою грудь. Шерстью медведя окуривают рожениц и больных лихорадкой. Сквозь челюсти протаскивают больного ребенка. Съевший сердце медведя исцеляется от всех болезней. Салом медведя мажут лоб, чтобы иметь хорошую память. Правый глаз медведя вешают ребенку на шею для храбрости. Когти и шерсть используют как амулет. Название «медведь» (ведающий, где мед) пришло к нам из тех времен, когда его нельзя было называть настоящим именем. А настоящее имя медведя – бер.

Волк – посредник между тем и этим светом, между людьми и Богом, между людьми и нечистой силой. Хозяин волков – леший: он кормит их, как своих собак, хлебом. Также над волками имеет власть охранитель стад, святой Георгий (Егорий, Юрий). Накануне Юрьева дня он собирает волков и назначает каждому его добычу. Поэтому корову, раненую волком (Юровой собакой), оставляли в лесу как жертву («Что у волка в зубах, то Егорий дал»). Наткнуться на волка может тот, кто поет в лесу и увидит ворона. Волчий хвост носят с собой от болезней. Волк – некогда самое распространенное у русских мужское имя. Его дают мальчикам, чтобы они были сильными и здоровыми, как волки.

Заяц – олицетворение мужского, плодоносящего начала, связан со стихией огня. Заяц находится в подчинении у лешего, и поэтому нельзя говорить о зайце во время рыбной ловли. Заяц, перебежавший дорогу или встреченный на пути, сулит путнику несчастье. Беременным женщинам нельзя есть зайчатину, иначе ребенок родится косым.

Мышь – нечистое животное. Если мышь погрызет кому-то одежду, это предвещает смерть. Мыши покидают дом к пожару или беде. Если мыши попортят купцу товар – его можно будет продать скорее и выгоднее.

Лягушки – бывшие люди. В будущем они вновь станут людьми, а ныне живущие люди превратятся в лягушек, поэтому бить их – большой грех. Тем не менее убиение лягушки вызывает дождь. Поэтому во время засухи убивают лягушку, вешают ее на ветку дерева, бросают в колодезь, хоронят у криницы, возят в лапте вокруг села.

Белка связана с женским началом и стихией огня. Встреча на дороге с белкой – плохая примета. Белка, бегающая по крыше дома, – к пожару. Белки, как и зайцы, находятся в полном подчинении у лешего.

Практическое занятие: предложить каждому ребенку выбрать для себя животное, которое ему ближе (выбирать необходимо из животных, живущих в нашей стране). Объяснить свой выбор, изобразить это животное движениями тела и звуками. Объединиться в стаи и семьи.

ЗАНЯТИЕ «ВВЕДЕНИЕ В СОДЕРЖАНИЕ МЕСЯЦА»

Цель занятия: погружение в содержание месяца на материале народного календаря может проводиться каждый месяц или любой другой смысловой отрезок времени (зимние святки, масленица, Великий пост, зеленые святки и т. д.). Здесь данное занятие описывается на примере января.

Чтение-пересказ отрывка «Январь – году начало, зиме середка» из книги Г. Дайн «Детский народный календарь». Просмотр слайдов и прослушивание аудиозаписей о народных обрядах и обычаях трех праздниках зимних святок (Рождество, Васильев день и Крещение) («Зимние святки» // Методические материалы к программе «Народный календарь», центр Планетариум, 1994).

Учитывая специфику нарушения этнофункционального онтогенеза детей, важно сделать акцент не на православных аспектах данных праздников, а на сказочно-мифологическом содержании данного периода (возрождение Солнца, поворот природы от зимнего сна к весеннему пробуждению, культ предков и др.) и на жизни детей в русской деревне (отношения с природой, участие в праздниках).

Вопросы для обсуждения:

- а Что я знаю об этих праздниках? Каков их смысл?
- б Как отмечаются эти праздники в моей семье?
- в Мое участие в этих праздниках (приходилось ли участвовать?).
- г Что я чувствую, участвуя в этих праздниках (представить себя на месте деревенских ребятишек)? Хотел бы я стать участником этих обрядовых действий? Моя роль?

Этнографическая информация: Все новогодние обряды призывали к пробуждению природы, к возрождению ее плодотворящих сил, к щедрым дарам, которые должно принести шествующее издалека лето. И праздничная семейная трапеза, и магические действия с хлебом, зерном, соломой, и колядование, святочное ряжение и гадания – все говорило о посеве, о жатве, о будущем изобильном урожае.

На Рождество и солнце играет. Две недели бегут радостные праздничные дни (зимние святки с 6 по 19 января). Издавна считали, что

они – особенные. Ведь декабрь солнцеворотом славен. С этой поры начинается прирост света. Солнце на лето поворачивает. Празднуют в эту пору «возрождение» Солнца, поворот от зимнего сна к весеннему пробуждению. Возрождение Солнца зимой *как начало мира*.

Практическое занятие: разыгрывание сценки обряда колядования с пропеванием колядок и последующим обсуждением чувств в группе.

ЗАНЯТИЕ «Домовой»

Цель занятия: психотерапевтическая проработка традиционного народного отношения к дому.

Желательно создать в помещении, где проходят занятия, соответствующий антураж: расставить предметы деревенского быта (например, прялку, посуду и т. д.), угостить детей традиционной деревенской едой (хлеб, каша, пироги, кислое молоко), показать детям слайды или репродукции картин (В. Васнецов «Домовой», Ф. Васильев «Деревня», В. Суриков «Деревенская божница», А. Попов «Деревенский двор» и т. п.), фотографии интерьера деревенской избы, ее внешнего вида. Звуковое сопровождение: потрескивание огня в печи, стук веретена, вой зимней вьюги за окном и т. д. Хорошо также иметь макет деревенского дома с основными его элементами: печь, красный угол, стол, лавки, полаты и т. д.

Занятие начинается с чтения рассказа Л. Д. Коротковой «Зеленые святки».

Хочешь верь, а хочешь нет, но одна история с домовыми да лешими в нашем доме начиналась, а вернее... Ну, ладно-ладно, начну с начала.

Приехали к нам в дом гости: три сестрицы из соседней губернии. Эти три сестрицы нам дальними сродственницами оказались. Мать у них тяжело заболела, вот и посоветовали им женщину на лето в наши места привезти, сосновым воздухом подышать, молочка свеженького попить. Отвели им в избе сторонку, занавесочку цветастенькую повесили. Жили дружно, не ворчали, да и мы, девчонки, не скучали. Эти три сестры веселыми да заводными оказались: что в игры играть, что сказки сказывать. И имена у них забавными были: Вера, Надежда да Любовь. Таких то имен в наших краях и не слыхивали. Девчонки эти и от нас много игр переняли, да и нас новым песням да хороводам обучали. А пели они славно, стройно да складно. Вечером, бывало, как запоят – на сердце так сладко да дивно станет, аж глаза слезой омоются.

Да не часто такая радость-то выпадала. Конец июня – время горячее. Мужики все на покосе, да и нас, девчонок, на поле нелегкая работа дожидается. Сено ворошим. А солнце-то, знаешь, как печет? Да только когда вместе-то трудишься, вроде как веселее да поваднее. Но за день так наломаешься – рук-ног к вечеру не чуешь.

А однажды и придумали мы на ночь домой не возвращаться. Луг этот, где мы сено сушили, далеко от деревни-то был. Сколь времени туда-сюда на дорогу уходит, а завтра – опять ни свет ни заря поднимайся да иди. Вот и договорились старшие-то девчонки с мамушкой, что там заночуем. Обещались за нами, младшими, присмотреть. Поесть с собой взяли, ведро, в чем еду варить.

После работы купаться все бегали, играли, сколь сил хватило, потом возле костра сели. Старшие-то ужин готовили, а нам что, похлебка, что ли нужна? Главное – ночевать на лугу да сидеть возле костра...

А поужинали, старшие девчата песни завели. Сидим у костра и слушаем. А ночь теплая, тихая, звезды, словно серебряные монетки, на небе разбросаны, а ветра нет – тишина. Только песни девчьи и льются.

– Девчонки, а ведь начались зеленые святки! – вспомнила вдруг Вера, старшая из трех сестер. – Слышала я, об эту пору всякие чудеса происходят. С лешими, водяными, кикиморами. Давайте страшные истории рассказывать. Чур, я первая начну...

Жила в нашей деревне бабка, все ее за колдунью читали. А мы, ребятня, боялись ее, как огня. Уж ежели и встретишься невзначай на узкой тропке с этой бабкой, да как в глаза ей взглянешь – свет не мил. Бежишь прочь, дороги не разбирая – страх такой! Не верите? Вон, у Надьки или Любки спросите: ну, колдунья – да и только.

Приехала к нам в деревню из города молоденькая учительша, сама красивая, косы на голове кокошником сложены. У старого-то учителя, что прошлую зиму помер, своего дома отродясь не было: он у Евсеихи в избе жил. Ему, одинокому, много ли надо? А эту-то новую учительшу Евсеиха побоялась в свою-то избу принять. Да и то сказать – два молодых сына. Кабы греха не вышло. Куда ж учительшу поселить? А тут кто-то возьми да и скажи:

– У Звонарихи изба просторная, а она одна живет. Может, пустит жиличку? А ей за это и дров общество заготовит...

Все переглянулись, но промолчали: Звонарихой-то у нас в деревне ту бабку-колдунью называли.

Вот тебе и Звонариха – учительше и не отказала. Ласково приняла, угостила, кровать сама новой жиличке постелила. Вот тебе

и колдунья! В первый же вечер ласково с девушкой той приезжей разговаривала, чаем с вареньем угощала. А та чай попивает, а сама на стены смотрит: а там фотокарточек разных видимо-невидимо. И по одному снятые, и парами, и даже целыми семьями. Бабка обрадовалась, что есть кому рассказы-то ее слушать, и давай про каждого, что на карточке был, рассказывать. Кто кем ей приходится да где живет или от чего помер. Так весь вечер и проговорила: уж больно жиличка пришлось ей по сердцу. Лишь про одну карточку ничего не сказала. Был на нем – бравый матросик в бескозырке и при ордене. Учительша не спросила, а бабка промолчала. А потом, слышь, спать легла.

Только ночью слышит девушка, кто-то дверь открывает да тяжелыми шагами, как сапогами, по полу топает. Да прямо – к ее кровати. Занавесочка раздвинулась – стоит перед девкою матросик, что на фотке, только бескозырки нет. Стоит и смотрит на жиличку, а сам улыбается. Хотела учительша бабку-то позвать, а сил слово сказать али крикнуть нету. Тут матросик назад отступил, занавесочка и задвинулась. Шаги-то вроде прочь проследовали, дверь хлопнула. «Наверно, к бабке сын с флота приехал», – подумала жиличка, повернулась лицом к стене да и заснула.

Утром ее бабка Звонариха и спрашивает: как, мол, спалось? А та ей в ответ: хорошо... Только, спрашивает, кто это к вам, бабушка, приехал? Сынок, что ли?

Бабка молчит, а взгляд такой внимательный стал. На девушку глядит, а сама спрашивает: «Покажи-ка, милая, кто из них к тебе ночью-то приходил?» а сама жиличку к стене с фотками подводит. Девушка сразу на матросика указала. Только, говорит, бескозырки у него на голове не было. Услыхала это Звонариха и сетует:

– Хотела я промолчать, ничего тебе не сказывать, да уж, видно, не судьба тебе в этом дому жить. На портрете этом – мой сын. Он еще в японскую войну на корабле потоп. А вот уж сколько лет ко мне приходит. Думала я – мечты это мои да тоска. А выходит, не так. Ты ведь тоже его видала. Не след тебе, девонька, в таком дому жить. Хотелось мне, чтоб ты у меня пожила – веселее как-то. Да, видно, не судьба...

Поняла учительша, что за матросика она видала, собрала чемодан – да и прочь из этого дома. Да, видать, кому-то рассказала эту историю. Уж на другой день вся деревня знала. Люди думали-гадали: что за чудо? А один старик так сказал:

– Не иначе как то домовый был! Звонарихину тоску чуя, сыном ее оборачивается, чтоб, значит, ее успокоить. Ежели бы девка та,

учительша, сразу с постели встала да к дверям подбежала, пока он еще из дома не выходил, – она бы увидела, что дверь заперта. Значит, и в дом никто чужой не ступал. Вот я и говорю – домовой! Как есть домовой!

Выслушали мы внимательно всю эту историю. Сидели молча, думали. Вдруг за нашей спиной кто-то мужским голосом и говорит: «Придете домой, скажите домовому, что полевой умер!» Девченки все замерли, потом кто-то как завизжит от страха. Хорошо Вера, старшая-то сестра, всех успокоила:

– Чего всполошились? Ребята, небось, деревенские про нашу ночевку прослышали – вот и забавляются, девок страшат.

А Любашка, сестра ее, как закричит:

– Не пугай! Не боимся! – Все засмеялись. А сердечки-то замерли. На другой день вечером сели ужинать в избе. Тут кто-то и вспомни:

– Мама, – говорит, – вчера, как у костра-то вечером сидели, кто-то таким страшным голосом как скажет: «Придете домой, скажите домовому, что полевой умер!»...

Не успела девчонка это вымолвить, как из под печки огненный вихрь как рванет – дверь распахнул и на улицу выскочил. Тут такой страх всех пронял. А бабушка и говорит:

– Наш домовый полетел полевого хоронить! Не дрожите, девки, аль не знаете: на Зеленые святки чего только не бывает. Хорошо еще, что над теми словами еще смеяться не начали, а то бы мог домовый вас не простить, «подарочком» наградить: кого – тумачком, кого – синяком, кого – пирожком, а кого – из-за угла пыльным мешком! Домовой у нас степенный, не босяк и не мальчишка какой. Понимать надо...

Вопросы для обсуждения:

- а Какие мысли, чувства, ощущения вызывает у вас эта история?
- б Близки ли вам переживания девушек?
- в Происходило ли с вами что-нибудь подобное? Какие вы знаете истории про домового?
- г Какой характер у домового? Где он обычно живет? Можно ли его увидеть? Как он выглядит, чем занимается (его привычки, действия)? Как складываются его отношения с человеком?
- д Что вы чувствуете по отношению к домовому?
- е Каких еще домашних духов вы знаете? Чем они занимаются, какие они по характеру? Какие традиции с ними связаны? Какие чувства у вас они вызывают?

Этнографическая информация: Домовой – домашний дух, хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие. Часто домовой считается духом умершего члена семьи, предка рода. Домовой невидим и показывается людям только как предвестник какого-либо события. Обычно он имеет вид древнего старика, черного человека, приземистого мужика с большой седой бородой, в белой или красной рубашке. У богатых людей домовой покрыт шерстью, у бедных он голый. Домовой может принимать облик любого члена семьи, особенно отсутствующего, любого животного, при этом шерсть животного имеет тот же цвет, что и волосы хозяина дома. В доме, где есть мужчины, домовой имеет вид мужчины. Если в семье одни женщины, домовой является в образе женщины. В доме домовой может жить в красном углу, на печи, за трубой, в запечье и подпечье, у порога входной двери, на голбце (перегородка за печью), на чердаке, в углу клетки, в подполе. Домовой проявляет себя по ночам, когда занимается хозяйством. Особая активность домового приурочена к календарным датам: к Рождеству и ко дню Настасьи-полурепницы, когда домовой бесится, разбрасывает по двору телеги и не узнает домашних; на Ивана Купалу, когда он замучивает лошадей; в ночь на Егория, когда он заплетает лошадям гривы. Увидеть домового можно в полночь, в полнолуние, если смотреть на него через борону или через хомут. Домовой выполняет все хозяйственные работы: поддерживает огонь в печи, убирает дом, сушит зерно, ухаживает за скотом и даже охраняет дом от воров. Домовой своим поведением или появлением предвещает будущее, предупреждает об опасности, отводит беду. Иногда считается, что домовой одинок, но часто он имеет семью, причем ее состав в точности повторяет состав семьи в доме. Жизнь всей семьи зависит от расположения к ней домового. Если домовой любит семью и скотину, в доме царит благополучие, если он рассердится за что-либо на хозяев дома, то он принесет вред и убытки. Чтобы не рассердить домового, нужно соблюдать ряд запретов и предписаний: домовой любит мир и лад в семье, поэтому нельзя ругаться, особенно в хлеву и на дворе, лгать, стоять на мусорной куче, оставлять грязную посуду, оставлять еду в тарелках, ложиться спать без ужина. Чтобы домовой хорошо относился к людям, в определенные дни ему совершали приношения (см. ниже). Принято звать домового с собой при переезде в новый дом. Домовой, оставшийся в старом доме, плачет и воет по ночам, а не позвавшую его семью в новом доме ждут несчастья. Домового переводят в новый дом с частью старого хозяйства: хлебом, лаптями, веником и др.

в старой усадьбе открывают ворота и со словами: «Хозяин, Домовой, пойдем со мной в новый дом» – переносят эти вещи в новый дом. Если в доме что-то пропало, надо сказать: «Батюшка Домовой, поиграл и отдай!», и пропавшая вещь найдется.

Другие домашние духи:

Дворовый (дворовой) – покровитель двора, помощник домового. Дружит с козлом и собакой, остальных животных недолюбливает, особенно если они белой или светлой масти. Часто ссорится с соседскими дворовыми. Подношения – хлеб с солью – этому мохнатому дедушке приносят на вилах и оставляют в яслях.

Банник – голый старичок с радужными глазами, который обитает в нетопленной бане, но исчезает, едва там начинают париться. Может погубить человека, решившего помыться в неурочное время: усыпляет его, потом длинными толстыми губами обволакивает рот и загоняет в легкие горячий воздух. Отогнать его можно банным веником. К помощи банника иногда прибегают при гадании.

Кикимора – злой и вредный домашний и дворовый дух, враг домового. Маленькая сморщенная старушка в плохонькой одежде. Путает пряжу, бьет посуду, насылает на кур «вертун», когда те кружатся до изнеможения и падают, околевают. Выстригает всю шерсть у овец. Особо усердствует на Святки.

Дрема – вечерний и ночной дух в образе доброй старушки с ласковыми руками. В сумерках дрема бродит под окнами, а когда темень сгущается, просачивается сквозь щели в дом, подходит к детям, закрывает им глаза, гладит их по голове.

Практические занятия можно провести в дни, когда домового принято кормить. На Новый год борщом и кашей, на Рождество и Пасху «заговляют хозяина» куском мяса или чашкой молока. А также 7 февраля на Ефрема Сирина, в «День рождения» домового кормят кашей, чтобы не глумился. 21 ноября, на Михаила Архистратига, предводителя небесного воинства, домового угощают кашей, чтобы он лучше ухаживал за животными. В эти дни после проведения группового психотерапевтического занятия можно покормить домового, для чего в процессе занятия необходимо вместе с детьми выяснить, где он живет в этом помещении.

ЗАНЯТИЕ «ДОМ»

Цель занятия: психотерапевтическая проработка отношения к дому.

Занятие проводится в той же обстановке и с использованием тех же материалов, что и занятие «Домовой».

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства у вас вызывают слова «родной дом»?
- б В чем состоит главное отличие старинного деревенского дома и городской квартиры?
- в Что вы чувствуете, находясь в деревенском доме?
- г Каково ваше отношение к деревенскому дому? К городской квартире? Где жить лучше? Почему?
- д Как устроен деревенский дом? Какой особый смысл несут различные его части? Что означают слова: «красный угол», «ухват», «шесток», «горница», «светлица», «клеть», «полати», «матица», «конек»?
- е Какие народные традиции и обычаи связанные с домом, с его постройкой вы знаете?

Практическое занятие: используя разборную модель русского деревянного дома, вместе с детьми «построить» его и обставить, используя подходящие к случаю традиции и обряды.

ЗАНЯТИЕ «ДВОР»

Цель занятия: психотерапевтическая проработка отношения к ближнему кругу пространства в русской народной традиции.

Занятие начинается с показа репродукций картин А. Попов «Деревенский двор», Ф. Васильев «Деревня», «Деревенская улица», А. Венецианов «Гумно», М. Боскин «Хоровод» и др.

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства, мысли вызывают у вас эти картины?
- б Каких домашних животных вы знаете? Какой характер у каждого из них? Какие народные представления о них вы знаете?
- в Кому из вас когда-либо приходилось ухаживать за домашними животными, кормить их, пасти, купать, водить коней в «ночное», доить корову или козу, ездить на лошади?
- г Что означают и какие чувства вызывают слова: «двор», «улица», «овин», «гумно», «погреб», «баня»? Чем отличается крытый двор? В чем особенности русской бани? Что такое «баня по-черному»?
- д Какие обряды и народные традиции, связанные с двором, вы знаете?
- е Какие духи живут на дворе и его постройках? Как они выглядят? Какой у них характер? В каких они находятся отношениях между собой? Какие истории, связанные с этими духами, вы знаете?

ЗАНЯТИЕ «ПОЛЕ»

Цель занятия: психотерапевтическая проработка народного отношения к полю.

Занятие начинается с показа репродукций картин И. Шишкин «Рожь», «Пейзаж Полесья», И. Левитан «Сумерки. Стога», А. Венецианов «На пашне. Весна», Ф. Журавлев «Отдых на сенокосе», Г. Мясоедов «Страдная пора (Косцы)», З. Серебрякова «Жатва», И. Левитан «Пасека», А. Пластов «Сенокос». Детям показываются образцы гербария различных видов с/х культур (рожь, пшеница, ячмень, овес, гречиха, лен и т. д.).

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства, мысли вызывают у вас эти картины и гербарии?
- б Кто из вас когда-либо участвовал в сельскохозяйственных работах (сев, пахота, жатва, сенокос, сбор урожая и т. д.)? Какие чувства у вас вызывают все эти работы?
- в Что означают и какие чувства вызывают слова: «поле», «луг», «огород», «пасека», «заливные луга», «межа», «сено», «солома»?
- г Какие обряды и народные традиции, связанные с полевыми работами вы знаете?
- д Какие духи живут в поле, на лугу? Как они выглядят? Какой у них характер? В каких они находятся отношениях между собой? Какие истории, связанные с этими духами, вы знаете?

Практическое занятие: совершение обрядовых действий в Васильев вечер – 13 января (богатое угощение – щедрый урожай) и Васильев день – 14 января (праздничные обходы дворов с песенками-пожеланиями благополучия и достатка; «посеванье»: осыпание хозяина и хозяйки зернами ржи и пшеницы).

Летом можно провести занятие в поле, на лугу, непосредственно наблюдая (участвуя) за работой деревенских жителей.

Празднование вторых Осенин (Оспожинок) – древнего праздника урожая (21 сентября). Рано утром женщины и девушки выходят с песнями к берегам рек и озер встречать Осенину. Старшая женщина несет овсяный хлеб и кисель из муки нового урожая. Затем хлеб делят на всех и кормят им домашний скот. Праздник сопровождается обильным угощением.

На Воздвижение (27 сентября) – Капустник. Все собираются вместе и рубят капусту, потом квасят ее и пекут пироги. Работа сопровождается песнями, шутками. Когда капуста заквасится ее можно всем вместе съесть.

Также можно с детьми делать кукол из соломы.

ЗАНЯТИЕ «ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ О ЗМЕЕБОРЦЕ»

Цель занятия: психотерапевтическая проработка поэтизированных народных представлений о борьбе человека со злом в себе и в мире на предмете сказочных мотивов змеборчества.

Читаются отрывки из сказок и былин, содержащие элемент борьбы героя со Змеем-горынычем (например «Царевна-лягушка», «Иван Быкович», «Царь-медведь», «Добрыня и змей» и т. п.), могут быть показаны отрывки из мультфильмов «Царевна-лягушка», «Добрыня Никитич», иллюстрации В. Васнецова «Бой Добрыни с семиглавым змеем» и И. Я. Билибина «Змей Горыныч».

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства у вас вызывают змей и богатырь?
- б Какой переносный смысл имеет сюжет змеборчества? Что значит победа над змеем в мифах и сказках?
- в Какими качествами должен обладать змеборец, чтобы победить змея?
- г Что напоминает сюжет змеборчества в реальной жизни?
- д Приходилось ли вам «бороться со змеем» в окружающем мире или внутри себя? Каким образом? Какие качества необходимы для «победы над змеем» в своей душе?

Этнографическая информация: Змей олицетворяет природное начало. Живущий в пещере, он связан с подземным темным миром, змей также связан с огненной стихией, со стихией воздуха и воды. Находим мы такие образы в народных сказках: змей обитает в горах, он – Горыныч; летит на крыльях, пышит огнем, со страшной ураганной силой дышит на своего противника. Побеждая змея, герой сказки достигает желанной цели. В древности такая победа могла представлять как освобождение солнца, светлого природного начала от власти темного подземного мира. Постепенно сюжет змеборчества обрел переносный смысл и стал относиться к внутренней, духовной сфере жизни человека. Борьба героя со змеем – это борьба светлого и доброго начала с темным и злым. Каждый человек в самом себе преодолевает темное, недоброе, злое с помощью сил добра и света. Сказочный герой получает в награду прекрасную невесту. Каждый, кто побеждает зло в себе самом, растит в себе добрую прекрасную душу. Умножает добро в себе и вокруг себя. Главное оружие в борьбе со змеем – нравственность (желание другим людям того же добра, что и себе, т. е. добра в своем понимании).

Огненный змей (летучий, налетник) – дух-обогадатель, являющийся в виде сказочного чудовища, превращающегося в удалого

доброего молодца – женского полюбовника. У него голова шаром, спина корытом и длинный-предлинный хвост. Прилетая на свое место он рассыпается искрами, которые вылетают как бы из решета. Посещает он таких только женщин, которые долго и сильно тоскуют об отсутствующих или умерших мужьях, девушек, потерявших невинность. Самого посетителя сторонним людям не видно, но в избе слышен его голос: он и на вопросы отвечает и сам говорить начинает. Возлюбленные его начинают богатеть на глазах у людей, хотя в то же время всякая баба, к которой повадился змей, непременно начинает худеть и чахнуть, а иная изводится до того, что помирает или кончает самоубийством. Для изгнания огненного змея на него накидывают крест или недоуздок, женщину бьют до первой крови. Женщина, к которой летал змей, должна спать с ребенком или со своими родственниками. Оберегами от змея огненного являются отвар репейника или его стебли, воткнутые в стены. В день св. Власия нельзя смотреть на небо, чтобы не увидеть огненного змея. Есть также способ, как добыть огненного змея вживе. Для этого следует достать «спырышок», т. е. маленькое уродливое яичко, в котором один желток и нет белка, и носить его шесть недель под левой мышкой. Когда вылупиться змей, то надо лечь спать в нежилой избе (например, в бане). Во сне черт передаст этого змея в услуги смельчаку на известный срок и при известных условиях. Тогда отогретый змей начнет носить деньги.

ЗАНЯТИЕ «ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА»

Цель занятия: психотерапевтическое отреагирование чувств ребенка, страдающего тяжелым недугом, на примере былины «Исцеление Ильи Муромца».

Показ видеозаписи м/ф «Илья Муромец» и (или) чтение былины (приводится запись текста м/ф «Илья Муромец»):

Уж вы гой-еси, люди добрые,
Старина новизне низко кланяется.
Собирайтесь-ка вы, люди добрые,
Не в дорожку-путинку ближнюю,
А в далекое да путешествие.
Ох да не за сто верст, не за тыщу верст,
А за тыщу лет против времени.

В славном городе, во Муроме,
Во селе было в Карачарове.
Жил крестьянин – Иван Тимофеевич

Со своею женой – Ефросиньей Яковлевной.
Смотрит, смотрит Иван Тимофеевич,
Без единого слова спрашивает:
«Неужели ты в ожидании,
Неизменная моя Ефросиньюшка?»
И она отвечает молчанием,
Отвечает взором потупленным,
Еле-еле заметным киванием.
И в положенный срок родила сына,
Пресчастливая Ефросинья Яковлевна.

То не хмара, не туча черная
Набежала на солнышко ясное,
То пришла беда, беда лютая,
Затуманила счастье матери –
Занемог, захворал Илюшенька.

– Ой беда-то какая ужасная.
– Каково-то бедным родителям!
Им бы выкормить да воспитывать
Не помощника, не работника,
А убогого сыночка-нахлебника!
– А ступайте-ка вы прочь, соседочки!
Вон отсюда, сердобольные!
Мы с тобою, моя кровиночка,
Не нуждаемся в ихней жалости!
Ой ты счастье мое долгожданное,
Ой вы щечки мои румяные,
Ой вы ноженьки мои нехожалые,
Ой вы рученьки мои недержалые...

Тридцать лет сидел Илья Муромец.
Ох уж тридцать лет сиднем сидел,
Без рук, без ног.

– Где же, Родина-мать,
Где они, твои сыновья?
Неужели лежат на печи,
Греют спинами кирпичи?

– Ой вы, странники, люди старые,
Ой вы, калики перехожие.

Обладай бы я хоть не силою,
Хоть не силою, а пол-силою,
Я и сам пошел бы, страннички,
Заступиться за землю русскую,
С черной силою попротивиться,
Ни себя, ни врага не жалеючи.
А сейчас уходите-ка, старые.
Не невольте меня убогого
На плохое слово, слово бранное.
– Не гони ты нас, добрый молодец,
Мы и сами уйдем своей волею.
Только дай нам сперва попить,
Принеси-ка ты нам ключевой воды.
– Как же вам старички не совестно
посылать за водой безногого.
– Опусто-ка ты ноги резвые
со дубовой брусовой лавочки.
Ну, вставай, вставай, молодец.
Ну, иди, иди вперед по земле-матушке.
Тут случилось чудо чудное,
Чудо чудное, чудо дивное.
Приносит Илюшенька ключевой воды
Из колодезя из холодного.
Полную чарочку ведерную!
– Ну-ка выпей сам, Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванович.
Что ты чувствуешь в себе, Илья Муромец?
– Я слышу в себе силушку великую.
Если было бы во земле кольцо,
А другое кольцо в небе синем,
Ухватил бы кольцо небесное,
Притянул бы к земле небо синее
И смешал бы земных с небесными.
Вы простите меня, калики перехожие,
Люди старые, чудотворные.
Если дело я сделаю доброе,
Это вы, а не я его сделали.
Вы мои вторые родители,
Вы мне дали второе рождение.

– Ой вы гой-еси, родимый мой батюшка
И родимая моя матушка,

Дайте мне свое благословение
Заступить за землю русскую,
Послужить ей верою-правдою.
Отвечает отец, стар Иван Тимофеевич:
– Я на добрые дела тебе благословенье дам.
А пойдешь ты путем-дорогою,
Не хвались богатырскою силою.
Для чего тебе силушка дадена?
Чтоб защита была обиженным,
Чтобы дать укорот обидчику.

Поскакал Илья на добром коне
С черной силою попротивиться,
Заступаться за дело правое,
Защищать-беречь землю русскую.

Вопросы для обсуждения:

- а Какие чувства у вас вызвала эта история?
- б Происходило ли с вами что-либо подобное?
- в Как вы думаете, что чувствовал Илья Муромец, когда лежал больной, «без рук, без ног» 33 года, а его сверстники в это время могли гулять, радоваться, любить? Что он почувствовал, когда вылезился?
- г Как вы думаете, что чувствовали родители Ильи Муромца, когда он заболел? Что они чувствовали, когда он выздоровел?
- д Как вы думаете, что чувствовали переходные калики, когда помогли Илье Муромцу вылезиться?
- е Что стало лекарством для Ильи Муромца? Откуда он взял свою силу богатырскую? (Из земли – колодезная вода.)
- ж Что делал Илья Муромец, когда его оставляли силы? (Приникал грудью к родной земле.)
- з Для чего Илье Муромцу дано было исцеление и богатырская сила?

Практическое занятие: данную былинку можно разыграть так, как это делается в психодраме и задавать вопросы исполнителям соответствующих ролей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Клинические примеры из практики применения групповой этнофункциональной психологической реабилитации онкобольных детей в стадии ремиссии

Группа 1

На первых занятиях подростки «не понимали», зачем им нужны все эти водяные-лешие и бунтовали. Роптали, переключались на «детские» игры типа «ручейка». А затем наступил период доверия. Они с жадностью впитывали этнографическую информацию, увлеченно участвовали в обсуждениях, с удовольствием и осознанно играли в народные игры. Создавалось впечатление, что в их жизни подобных занятий было мало, но они очень в этом нуждались. Подростки активно участвовали в процессе психотерапии, они вспоминали и предлагали игры, выслушивая этнографическую информацию, приводили собственные истории.

Так, 15-летний подросток рассказал, что как-то в деревне в их доме собралось много родственников. Один лег ночевать на сундук. Когда свет погасили, его кто-то толкнул на пол. Так произошло несколько раз, пока он не лег на другое место. А утром бабушка рассказала, что на сундуке у них в избе спит Хозяин, т. е. домовый.

Одним из показателей изменений, произошедших в подростках в сторону их активного и ответственного отношения к жизни является следующий пример. К концу реабилитационного цикла в отношениях подростков между собой вне психотерапии возникли определенные трудности. На одном из последних занятий ребята сами с минимальной помощью психотерапевта стали решать свои проблемы и успешно с этим справились.

Группа 2

На группе присутствовала мама одной из девочек (Т.), татарка, мусульманка по вероисповеданию.

Участникам было предложено назвать свои любимые и нелюбимые сказки, ответы записывались ведущим. В группе нелюбимых сказок оказались в основном авторские. Единственным исключением была былина «Илья Муромец», которую выбрала Т.; эта же былина попала в список ее любимых сказок.

Мать девочки выбрала в качестве любимой сказки «Праздник непослушания» а ее дочь – повесть «Маленький принц», которые собственно сказками не являются.

В процессе обсуждения участники пришли к выводу, что поистине любимыми в раннем детстве сказками, вызывающими яркие положительные чувства, были для всех народные – татарские и русские. Это привнесло некоторое оживление и единение в группу, возникло взаимное доверие. Лишь поведение Т. выпадало из общего настроения группы, она уклонилась от ответа на вопрос терапевта о ее чувствах и сказала, что ей «есть, над чем подумать».

На следующее занятие мать Т. не пришла, но в процессе индивидуальной психотерапии ею была осознана необходимость чтения своей дочери татарских и русских народных сказок. Через некоторое время давно не работавшая мать Т. устроилась на работу, а ее дочь после трехлетнего перерыва (что было связано с депрессией) продолжила обучение в школе.

Группа 3

На группе присутствовали три девочки, исповедующие разные религии: русская (православие) – Н., башкирка (ислам) – Л. и калмычка (буддизм) – Г.

На одном из занятий мусульманка Л. (внучка муллы) каснулась темы алкоголизма своего отца, в чем она видела причину своего заболевания, так как в исламе употребление алкоголя является грехом, тем более для священнослужителя.

В один момент в комнату, где проходило занятие, залетел большой жук. Л. испугалась его, православная Н., желая помочь подруге, собралась уже было его раздавить, но в этот момент буддистка Г. схватила ее за руку с короткой проповедью о священности любой жизни вообще и недопустимости убийства жука в частности.

Во время обсуждения стихии «вода» в ее очищающей и целительной ипостаси возник разговор (с подачи Н.) о Крещении и окроплении святой водой в связи с болезнью. Выяснилось, со слов Л., что

у мусульман есть похожий обряд, а Г., когда она заболела, посадили в открытой степи, и целый день вокруг нее сидели монахи и пели мантры.

Эти рассказы позволили психотерапевту в недирективной форме поделиться с участниками группы своим наблюдением о чрезмерной их фиксации на религиозных традициях. В процессе обсуждения мы выяснили, что ни Л., ни Г. не знают духов стихий, присущих культуре их народов, однако они постоянно проживают, соответственно, в Башкирии и Калмыкии в аутентичной сельской этнической среде. Зато они очень хорошо ориентируются в русских народных представлениях о духах стихий (Л. – «эксперт» в области общения с домовым, а Г. говорит про вихрь – «это бесы пляшут»). Психотерапевт обратил внимание девочек на существующие рассогласования и сформировал мотивацию к поиску нужной информации.

Научное издание

А. В. Сухарев

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИИ

ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Редактор – *О. В. Шапошникова*

Корректор – *И. В. Клочкова*

Оригинал-макет и верстка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12. 01. 01.

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.: (495) 682-51-29

E-mail: publ@psychol.ras.ru

www.psychol.ras.ru

Сдано в набор 15. 09. 08. Подписано в печать 25. 09. 08

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура ГТС СНАРТЕР. Усл. печ. л. 36. Уч.-изд. л. 30

Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»

121099, Москва, Шубинский пер., 6